МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

1832. № 13. ІЮЛЬ.

I. Изслѣдованія о климатахъ Азіи, сдѣланныя Гумбольдтомъ, во время путешествія его по Сибири въ 1829 году..... 3.

II. Андрей Шенье. Повѣсть, разсказанная Черными Докторомъ. Изъ новаго романа Альфреда де Виньи: Стелло..... 27.

III. Украинскія Мелодіи. Соч. Ник. Маркевича. 1832 г. Москва..... 65.

IV Новыя Русскія книги (*Стихотворенія Дениса Давыдова — Рѣчи*, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Московскаго Университета, и *Краткая годичная Исторія Университета—Обозрѣніе публичнаго преподаванія наукъ въ Московскомъ Университетѣ—Начертаніе Курса Изящной Словесности.* Сочиненіе Г-на Тимаева).

V. Историческій и Статистическій взглядъ на послѣднее десятилѣтіе Турціи..... 91.

VI. О продолженіи *Древней Русской Виваліотики*, и изданіи *Русскихъ пѣсенъ*..... 109.

VII. Русскій Театръ..... 118.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

АЛГЕБРА,

Сочиненіе

БУРДОНА,

переведенное съ Французскаго (шестаго изданія) на Русскій языкъ, Корпуса Путей Сообщенія Штабсъ-Капитаномъ Ф. Мецомъ. 2 части 1832.

Высшее достоинство учебной книги состоитъ въ томъ, чтобы предметъ ея былъ представленъ съ истинной точки зрѣнія, способы изложены сколь можно проще, разсужденія были ясны, и болѣе имѣли цѣлью показаніе: какъ разсматривать данный предметъ и располагать свои объ немъ сужденія, нежели подробное изслѣдованіе онаго.

Польза учебной книги, такимъ образомъ расположенной, не ограничиваетсяя только изученіемъ излагаемаго въ оной предмета. Нѣтъ! подобная книга непосредственно соотвѣтствуетъ основной цѣли всѣхъ наукъ: *развивать и изощрять умственныя способности человѣка.*

Такова, по мнѣнію многихъ извѣстнѣйшихъ Математиковъ нашихъ, Алгебра Бурдона, напечатанная въ концѣ 1831 года въ Парижѣ *шестымъ* изданіемъ, и въ полной мѣрѣ удовлетворяющая всѣмъ вышеизложеннымъ условіямъ. У насъ, въ Россіи, принята она для преподаванія въ Институтѣ Корпуса Путей Сообщенія.

Желая сколько можно болѣе распространить пользу сей превосходной книги въ нашемъ отечествѣ, я перевелъ ее на Русскій языкъ.

Для большей удобности учащихся, книга раздѣлена мною на *двѣ* части, изъ коихъ въ *первой* содержатся свѣдѣнія общія, входящія въ составъ хорошаго образованія; *вторая* же часть назначена собственно для тѣхъ, кои посвящаютъ себя математическимъ наукамъ.

Здѣсь предлагается краткое извлеченіе содержанія Алгебры Бурдона.

I-я ЧАСТЬ.

Глава I. Введеніе. Опредѣленія. Четыре первыя правила. Первоначальная теорія общаго наибольшаго дѣлителя.

Глава II. Уравненія первой степени. Разные способы исключенія. Теорія отрицательныхъ количествъ. *Общее изслѣдованіе задачъ и уравненій первой степени.*

Глава III. Извлеченіе квадратнаго корня изъ Алгебраическихъ количествъ. Вычисленіе подкоренныхъ величинъ. Уравненія второй степени. *Общее изслѣдованіе задачъ и уравненій второй степени.* Преобразованіе

Digitized by Google

МОСКОВСКІЙ

ТЕЛЕГРАФЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ПОЛЕВЫМЪ.

Часть сорокъ шестая.

МОСКВА.

Въ Типографіи С. Селивановскаго.

1832.

Digitized by Google

Sm 980?/46a

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва. Августа 30 дня 1832 года.

Цензоръ и Кавалеръ Николай Лазаревъ.

Digitized by Google

№ 13. Іюль.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ О КЛИМАТАХЪ АЗІИ, СДѢЛАННЫЯ ГУМБОЛЬДТОМЪ, ВО ВРЕМЯ ПУТЕШЕСТВІЯ ЕГО ПО СИБИРИ ВЪ 1829 ГОДУ.*

Въ настоящемъ состояніи знаній, форма земель, образованіе ихъ горизонтальнаго пространства, неравность линіи протяженія ихъ, относительное положеніе матеріковъ (континентовъ) и массъ воды, направленіе горныхъ хребтовъ, и относительный перевѣсъ извѣстныхъ вѣтровъ, установляемый тепло-

* Извлеченіе изъ записокъ, читанныхъ Гумбольдтомъ въ засѣданіяхъ Французскаго Института, въ Маѣ и Іюнѣ 1831 г. — Онѣ собраны послѣ того въ книгу, подъ названіемъ: Fragmens de Géologie et de Climatologie Asiatiques, par A. de Humboldt (Парижъ, 1831 г. 2. ш.). Книга сія посвящена отъ имени Гумбольдта, и товарищей его, Г-дъ Эренберга и Розе, С. Петербургской Академіи Наукъ и Горному Начальству въ Россіи.

Digitized by Google

шворными (поглощающими, или извергающими) силами оболочки земнаго шара, признаны за основныя причины различія климашовъ. Только подобные, высшіе географическіе взгляды могушъ руководсшвовашь насъ въ изысканіяхъ о шемпературѣ Азіи. Замѣчая быспрое умноженіе холода, и суровосши зимъ, по мѣрѣ шого, какъ на одинакой широшѣ, ошъ западной Европы приближаемся мы къ восшоку, долгое время сшарались изъяснишь сіе явленіе * посшепеннымъ возвышеніемъ земли, въ обширныхъ Азійскихъ плоскосшяхъ. Приписывали припомъ одной хладошворной (frigorifique) причинѣ, и шо ложно предполагаемой (именно, обширносши прошяженія), все шо, чшо происходишъ ошъ многихъ, совокупныхъ причинъ, и особенно — ошъ однообразнаго расширенія древняго машерика, ошъ удаленія западныхъ береговъ, шо есшь, западнаго морскаго бассеина, какъ хранилища шеплоты, малоизмѣняющейся, и удаленія западныхъ вѣшровъ, коюрые дѣлаюшся уже *не морскими,* но земными вѣшрами, для восшока Европы и всей Азіи, лежащей на сѣверъ ошъ шропика. Баромешрическія, шочныя наблюденія совершенно уничшожили идею о

* См. мнѣнія Гмелина, Сшраленберга, и Мерана, въ Mém. de l'Acad. 1765, спр. 255.

Digitized by Google

возвышеніи земли въ сей сторонѣ земнаго шара. Теперь уже извѣстно, что самое высшее мѣсто между Чернымъ моремъ и Финскимъ заливомъ, *Валдайскія горы*, едва достигаетъ 170 шуазовъ высоты надъ поверхностью моря. Истоичники Волги, немного западнѣе озера Селигера*, не имѣютъ и 140 шуазовъ возвышенія, по станціонному нивеллированію Г-на Гельмерсена**. Прежде полагали (и Аббатъ Шаппъ*** хвалился, что узналъ даже до двухъ-шуазной достовѣрности возвышеніе Москвы), будто въ Москвѣ высота достигаетъ 269 шуазовъ. Но теперь извѣстно, что сей пунктъ, находящійся между верхнею Волгою и бассеиномъ Оки, слѣдственно, на южномъ пониженіи материка, склоняющагося отъ гребня (seuil), или линіи

---

* Не изъ этого озера, какъ прежде думали, вытекаетъ величественная Волга, но изъ озера Пшершъ (Pterche). Изъ Селигера течетъ Селижаровка.

** Смотр. рукописныя замѣчанія сего юнаго ученаго. Онъ сопровождалъ меня, вмѣстѣ съ другомъ своимъ, Г-мъ Гофманомъ (Геологомъ, который былъ въ послѣднемъ путешествіи Коцебу вокругъ свѣта) по южному Уралу, и отъ Златоустовскаго завода до Оренбурга и соляныхъ копей въ степи Киргизской (Илецкой Защиты).

*** Шаппъ, Voyage en Sibérie, т. II, стр. 485 и 502.— Journ. de Phys. т. XXXIX, стр. 40.

Digitized by Google

высотъ Валдайскихъ, къ Черному и Каспійскому морямъ, не простирается въ высоту болѣе 76 туазовъ. Казань, близъ *средняго* теченія Волги, возвышается надъ поверхностью Океана (но не Каспійскаго моря) только на 45 туазовъ, полагая баромѣтрическую среднюю высоту Океана сведенною на нуль температуры, по учету Г-на Араго, отъ 760^{mm}, 85.*

Малая возвышенность, какой достигаютъ матерiковыя массы на востокѣ Европы, весьма замѣчательна, если смотрѣть на сей феноменъ, принявъ въ соображеніе *средній рельэфъ* матерiковъ (du relief moyen des continens), и устранивъ частные феномены, и феномены новѣйшіе горныхъ хребтовъ, и частныхъ подъятій почвы (intumescence), составляющихъ иногда почву долинъ въ близости горныхъ цѣпей. Москва и Казань (въ коихъ Г-да Перевощиковъ, Симоновъ и Лобачевскій, сдѣлали множество превосходныхъ баромѣтрическихъ наблюденій, инструментами, сравненными взаимно, а также сравненными и съ Форшеновыми баромѣтрами Парижской Обсерваторіи) находятся среди обширныхъ земель, покрытыхъ слоями третьяго, и отчасти втораго образованія, на

* См. мое Rel. Hist. т. III, стр. 314 и 356.

Digitized by Google

Положеніе различныхъ горныхъ сисшемъ (продолжающимися *цѣпями,* и *спорадически,* или ошдѣльными купами), и ошношеніе сихъ сисшемъ къ долинамъ, болѣе или менѣе возвышеннымъ, имѣюшъ сильное вліяніе на распредѣленіе шемперашуръ, и смѣшеніе ихъ, производимое ашмосферными шеченіями. Весьма важно было-бы для Климашологіи узнашь приблизишельнымъ образомъ объемъ (area) гористыхъ пространствъ и долинъ Азіи; но подобные вычеты донынѣ мало были соображаемы, и весьма недосшашочны. Исчислено мною, чшо въ Южной Америкѣ, о кошорой имѣю я данныя, досшашочно досшовѣрныя, ошношеніе горныхъ пространствъ къ долинамъ, сосшавляешъ 1: 4. Въ сей обширной часши новаго машерика, главная высоша, Андскіе кордильеры, возвышенные, какъ будшо надъ шрещиною, весьма неширокою, не сосшавляюшъ (не смошря на прошяженіе свое въ 1280 морскихъ миль) объема, равнаго величиною не весьма высокимъ купамъ, или массамъ, Паримскимъ и Бразильскимъ.* Въ Южной Америкѣ, шакъ-же какъ въ Азіи и въ Европѣ, линіи самыхъ высокихъ горъ (Анды, Гималаи, Альпы), не шолько не сушь ценшры, но, напрошивъ, онѣ приближены къ сшоро-

* См. мое Rel. Hist. ш. III, 243.

Digitized by Google

намъ противоположнымъ противъ тѣхъ сторонъ, куда простирается склонъ самыхъ обширныхъ долинъ. *

Низменныя сѣверныя страны древняго материка, отъ Шельды до Енисея, пространство, на коемъ средняя высота не превосходитъ 40 и 50 туазовъ, сообщаются къ югу, отъ 51¾ град., въ широтѣ Оренбурга и Саратова, съ великою выпуклостью, или западною сжатостью Азіи, вокругъ Арала и Каспія.— Это явленіе сжатости (dépression) мы увидѣли-бы повтореннымъ на многихъ пунктахъ внутренности материковъ, если-бы съ основанія бассейновъ кристаллообразныхъ, или второстепенныхъ, могли мы снять третьестепенную покрышку, и позднѣйшіе наносы (les dêpôts d'alluvion). На западъ отъ Урала, долины южной Россіи склоняются, въ древнемъ Капчакѣ, ко впадинѣ Каспійскаго моря, и образуютъ вдоль Яика, между Уральскомъ и Гурьевымъ, также вдоль Волги, между Саратовомъ и Астраханью, сѣверное склоненіе. Горный гребень Общаго Сырта, не точно изображаемый на нашихъ картахъ, прерываетъ сіе сообщеніе между бассеиномъ Каспія и долинами Симбирска, на небольшомъ пространеніи. Онъ отрывается въ малыхъ отро-

* L. C. стр. 232, 234.

Digitized by Google

гахъ (en chaînon) отъ Урала Башкирскаго, на югъ горы Ирмельской, шамъ, гдѣ, близъ Бѣлорѣцка, рѣка Бѣлая (вливающаяся въ Каму) прерываетъ цѣпь горъ. На востокъ отъ Урала, или, лучше сказать, самаго восточнаго, малаго Уральскаго отрога, называемаго горами Ильменскими (Ilmen), Джамбу-Карагайскими, и Кара-Эдырь-Таускими, обширныя Сибирскія степи Тобола и Ишима склоняются также въ направленіи къ югу (а равнымъ образомъ и обширная степь Киргизская, вдоль рѣкъ Тургая и Сарасу, въ западномъ направленіи), къ *землѣ-кратеру* (pays-cratère) Арала и Сигуна. Сія сжатость пространства — слѣдствіе взрыва и осадки земляного свода (вѣроятно, предшествовавшихъ возвышенію различныхъ системъ горъ, но сопереіодныхъ подъятію почвы на великихъ плоскостяхъ) продолжается между 45° и 65° долготы, въ долинахъ Бельгійскихъ, Сарматскихъ и Сибирскихъ до подошвы Гинду-Хо (западнаго продолженія Гиммалаевъ, ограничивающаго въ Мазендаранѣ южныя берега Каспійскаго моря), и до купы горъ Верхняго Окса, между тѣмъ, какъ далѣе на востокъ, она уже ограничена къ Югу, подъ 55°, Алтаемъ и Тангну. Впадина Каспія, Арала и Маверальнагара, довольно незначительна; дно ея нигдѣ не ниже 200 и 300 фушовъ *нормаль-*

Digitized by Google

нaго уравненія Океана, и 500 и 600 ф. прошивъ долинъ Казанскихъ и Тобольскихъ. Посему и не можетъ вліяніе оной, по причинѣ одной сжатости, быть важно въ пониженіи средней температуры. Но частное отношеніе оной производитъ, на югъ отъ Арала и отъ степей Кизиль-Кумскихъ, климатъ, не похожій на климатъ сосѣдственныхъ къ оной странъ. Различное въ формахъ, раздѣленное на множество малыхъ бассеиновъ между Яксартомъ и Оксомъ, дно сего материковаго осадка, оставшееся сухимъ, представляетъ, съ эпохи самыхъ древнихъ переселеній народовъ, характеръ политической самобытности обществъ, весьма замѣчательной. Здѣсь, и на юго-восточномъ краю осадка, сохранились независимыми чрезъ множество вѣковъ— если можно такъ сказать — *стереотипы*, (какъ было это въ Германіи, въ концѣ Среднихъ вѣковъ) великаго множества небольшихъ обществъ, извѣстныхъ нынѣ подъ именами Хивы, Бухары, Самарканды, Черсавера, Кокана, Ташкенда.

На востокъ отъ Болорскаго меридіана, между Алтаемъ и Гиммалайскою цѣпью горъ, совсѣмъ нѣтъ *центральной, Татарской плоскости*, равняющейся будто-бы величиною своею Новой Голландіи. Продолжительность и древность образованности на сей плоско-

Digitized by Google

сти, прославленныя Географами и Историками послѣдняго столѣтія, также должны быть подвергнуты большому сомнѣнію. Въ языкѣ ученой Геологіи, по извѣстнымъ степенямъ высоты, можно принимать различные *порядки плоскостей* (ordres de plateaux*). Швабская плоскость составляетъ возвышеніе въ 150 туазовъ; Баварская, или Швейцарская, между Альпами и Юрою, въ 260 и 270 туазовъ; Испанская 350, Мизорская отъ 380 до 420; плоскости Персіи, Мексико, Боготы, Квито и Кахамарка, Анпизана и Типикака, простираются до 650, 1168, 1370, 1490, 2000 и 2100 туазовъ, надъ поверхностью Океана. Въ обыкновенномъ, простомъ языкѣ, слово: *плоскость* (plateau, table-land), прилагается только къ подъятію почвы, чувствительно содѣйствующему суровости климата, слѣдовательно къ высотамъ, превосходящимъ 300 и 400 туазовъ. Когда Страленбергъ писалъ, что Сибирскія долины, заУраломъ (который называлъ онъ Рифейскими горами), вправленіи съ долинами Европы, можно уподобить столу, поставленному на полъ, то, вѣроятно, онъ ни сколько не подозрѣвалъ, что центральныя долины Кипчайской Дзюнгаріи едва сравниваются высотою съ Констанскимъ озе-

* Relat. Histor. т. III, 208, прим. 7.

Digitized by Google

ромъ, и съ Минхеномъ. Долины Азійскія, въ которыхъ путешествовалъ я, два года тому назадъ, на сѣверъ отъ озера Зайсана, сообщаются, окружая Тарбагатай, съ долинами области Или, озеръ Алакшугула и Балкаши, и береговъ Чуи. Въ бассейнѣ между Мустагомъ (Небесными горами) и Куенлуномъ (сѣверною Тибетскою цѣпью горъ), съ запада задвинутомъ прямою цѣпью горъ Болорскихъ, сравненіе широтъ и нѣкоторыхъ произведеній доказываетъ малое возвышеніе плоскостей, на весьма обширномъ пространствѣ. Въ Кашгарѣ, Хотенѣ, Аксу и Кучѣ, подъ широтою Сардиніи, возращаютъ хлопчатую бумагу; въ долинахъ Хотенскихъ, подъ широтою не южнѣе Сициліи, наслаждаются климатомъ чрезвычайно благорастворенным, и воспитываютъ величайшее множество шелковыхъ червей. Далѣе къ сѣверу, въ Яркандѣ, Гами, Харашарѣ и Кучѣ, обрабатываніе винограда и гранадъ славится съ отдаленной древности. Покатость, замѣчаемая въ семъ, замкнутомъ отвсюду бассейнѣ, находится (и что весьма замѣчательно) противоположною покатости открытаго бассейна въ области Или, или Тіаншанъ-Пелу. Даже на востокъ отъ Тангута, высокая плоскость (или каменистая степь) Гоби, представляетъ, кажется, возвышеніе, или значительное сжатіе, ибо

Digitized by Google

(по словамъ Г-на Клапрота), древнія преданія Китайскія показываютъ, что Таримъ, нынѣ впадающій въ озеро Лопъ, прежде проходилъ сіе озеро, и смѣшивалъ воды свои съ водами Желтой рѣки: явленіе, показующее намъ собою образованіе раздѣляющаго, землянаго гребня, постепенными наносами, и соединяющееся съ другими явленіями *сравнительной гидрографіи*, которую изложилъ я въ Исторической части моего путешествія въ южныя страны Новаго материка.*

Слѣдуетъ, изъ общности всѣхъ сихъ замѣчаній о фигурѣ Азійской поверхности, что центральная часть оной, находящаяся между 30° и 50° шир. и меридіанами Болора, или Кашемира, и озера Байкала, или великаго изгиба Желтой рѣки, есть пространство весьма различныхъ высотъ, отчасти потопленное, представляющее обширные отдѣлы, коихъ возвышенность принадлежитъ къ низшему порядку плоскостей, куда относятся плоскости Баваріи, Испаніи, и Мизора. Можно полагать, что подъятій почвы, подобныхъ высокимъ долинамъ Квито и Тишикака (1500 и 2000 т.), нѣтъ тамъ собственно нигдѣ, кромѣ того мѣста, въ которомъ раздваивается цѣпь горъ Инду-Хо, вѣшви коей извѣстны подъ

* Т. II, стр. 75 и 525.

Digitized by Google

именемъ Гиммалая и Куенлуна, слѣдственно, въ Ладакѣ, Тибетѣ и Качи, а также въ узлѣ горъ около Хухунора, и въ Гоби, на сѣверо-западъ отъ Иншана.

Видимъ, что Азія, раздѣленная на бассеины цѣпями горъ, въ различныхъ направленіяхъ и различныхъ вѣковъ, представляетъ развитію органической жизни, и установленію человѣческихъ обществъ — *звѣролововъ* (Сибиряковъ), *пастырей* (Киргизовъ и Калмыковъ), *земледѣловъ* (Китайцевъ) и *народовъ монашествующихъ* (de peuples moines, Тибетцевъ) — многоразличіе долинъ, обломовъ, и вершинъ, въ воздушномъ Океанѣ, удивительнымъ образомъ уравнивающемъ температуры и климаты. Печальное однообразіе царствуетъ въ степяхъ, отъ береговъ Сигуна (Яксарта), и отъ малой цѣпи Алатау, до Ледовитаго Океана. Но на востокъ за Енисеемъ, отъ меридіана Саянска и Байкала, Сибирь принимаетъ характеръ гористой страны.

Первое основаніе Климатологіи есть вѣрное познаніе неровностей на поверхности материка. Безъ сего *гипсометрическаго* познанія, ошибочно припишемъ мы возвышенію почвы то, что есть слѣдствіе совсѣмъ другихъ причинъ, показывающихъ вліяніе и дѣйствіе свое въ низменныхъ областяхъ (т. е. на по-

Digitized by Google

верхности, имѣющей одинакую отвѣсность съ поверхностью Океана), и производящихъ уклоненія *изотермическихъ* линій. Приближаясь отъ сѣверо-востока Европы къ сѣверу Азіи, за 46 и 50° широты, вдругъ находимъ мы уменьшеніе въ средней температурѣ года, и болѣе неравное распредѣленіе сей температуры, въ разныя времена года. Послѣднее зависитъ отъ формы Азійскаго материка (огромныхъ, мало-извившихъ массъ его), отъ особеннаго положенія его, въ отношеніи къ экватору, отъ полярныхъ льдовъ, и отъ вліянія западныхъ вѣтровъ. По всѣмъ симъ отношеніямъ, можно изобразить Европу и Азію въ слѣдующихъ главныхъ противоположностяхъ:

Европа, при извившейся формѣ, перерываемая заливами и рукавами морей, разорванная на части, *разчлененная* — такъ сказать — составляетъ западную часть древняго материка. Она собственно есть не что иное, какъ *полуостровное продолженіе Азіи,* такъ, какъ Брешань, съ ея легкими зимами, и нежаркими лѣтами, есть *полуостровъ, продолжающій собою Францію.* Европа воспринимаетъ главные вѣтры съ запада, и они суть, для западной и центральной части Европы, *вѣтры морскіе,* т. е. атмосферныя теченія, бывшія въ соприкосновенно-

Digitized by Google

сти съ массою воды, на поверхности коей температура, даже и въ Январѣ, не понижается ниже 10°, 7 и 9° сот. (подъ 45 и 50° градус. широты). Европа наслаждается притомъ благотворнымъ вліяніемъ широкой, тропиковой земной зоны (Африки и Аравіи), находящейся между меридіанами Лиссабона и Казани, согрѣваемой ежедневною лучезарностію солнца совсѣмъ иначе, нежели тропиковая зона Океана. Посредствомъ нисходящихъ теченій, сія материковая зона извергаетъ массу теплаго воздуха на земли, болѣе оной приближенныя къ сѣверному полюсу. Другія выгоды, не вполнѣ оцѣненныя до нынѣ, суть для Европы, созерцаемой по формѣ своей, какъ полуостровное протяженіе Азіи къ западу — ея небольшое, и неравное материковое развитіе на сѣверъ, ея *облическая* форма, ея направленіе отъ юго-запада къ сѣверо-востоку. Материковая часть Европы, почти во всей первой, западной трети длины своей, не простираетсп далѣе 52° широты. Другая треть, болѣе центральная, увеличенная Скандинавскимъ полуостровомъ, пересѣкаетсп Полярнымъ Кругомъ. Въ трети, наиболѣе отдаленной на востокъ, отъ С. Петербургскаго меридіана, гдѣ расширяющійся материкъ принимаетъ весь характеръ *Азійскаго* климата, Поляр-

Digitized by Google

ный Кругъ только частію захватываетъ оконечность сѣверную; но берегъ сей оконечности омывается зоною Ледовитаго Океана, въ которой зимняя температура совсѣмъ различна прошивъ температуры сего моря на западъ отъ Сѣвернаго мыса (Капъ Норда). Направленіе обширнаго морскаго пространства, раздѣляющаго Европу и Америку, и теченіе теплой воды (gulf stream), пересѣкающее его, сначала отъ *SSO* къ *NNE*, а потомъ отъ *O* къ *E*, и обгибающее берега Норвегіи, сильно дѣйствуетъ на предѣлы, полярныхъ льдовъ, и на изгибъ пояса воды застывшей и твердой, открывающей обширный заливъ текучей водѣ, между восточною Гренландіею, Медвѣжьимъ островомъ и сѣверною конечностью Скандинавскаго полуострова. Европа пользуется выгодою положенія прошивъ сего залива; слѣдственно, отдѣляется собственно отъ пояса полярныхъ льдовъ свободнымъ моремъ. Зимою ледяной поясъ приближается до 75°, между Новою Землею, устьемъ Лены и Костянымъ проливомъ, подлѣ архипелага Новой Сибири; лѣтомъ онъ удаляется къ меридіану Сѣвернаго мыса, и далѣе на западъ, между Шпицбергеномъ и восточною Гренландіею, къ сѣверу, до 80 и 81° широты. И еще болѣе: *граница зимы* (la limite hivernale), въ полярныхъ льдахъ заклю-

Digitized by Google

чающаяся, то есть, линія, *до которой наиболѣе приближаются зимою льды материковой Европы,* не захватываетъ даже и Медвѣжьяго острова, и въ самое холодное время года можно свободно плавать отъ Сѣвернаго мыса до австральнаго мыса Шпицбергенскаго, по морю, коего температура возвышена теченіемъ водъ отъ юго-запада. Полярные льды уменьшаются всюду, гдѣ сіе теченіе находитъ свободный ходъ къ Полярному Кругу, какъ видимъ мы это въ Баффиновомъ заливѣ, и между Исландіею и Шпицбергеномъ*. Капитанъ Сабинъ, подъ 65 и 70° широты, находилъ среднюю температуру Океана Атлантическаго, на поверхности его, въ 5°, 5 сот., когда, подъ сею-же широтою, на Европейскомъ материкѣ средняя температура года находится на много градусовъ ниже нуля**. Излишне было-бы напоминать здѣсь, какое великое уравненіе тепла должны испытать сѣверные вѣтры, отъ сихъ отношеній между землями и полярными льдами, пока сіи вѣтры достигаютъ до сѣвера и сѣверо-запада Европы.

---

* См. мои замѣчанія о главныхъ причинахъ различія температуръ на земномъ шарѣ, въ *Зап. Берл. Академіи,* 1827 г. стр. 311, 312.

** Exper. on pend. стр. 456.

Digitized by Google

Материкъ Азіи простирается отъ востока къ западу, за 70° широты, на пространствѣ, въ шринадцать разъ болѣе обширномъ, нежели Европа. Между устьями Енисея и Лены, онъ достигаетъ даже 75°, то есть, такой широты, подъ которою находятся Медвѣжьи острова. Повсюду сѣверные берега Азіи касаются зимней границы полярныхъ льдовъ. Лѣтомъ, край сихъ льдовъ удаляется отъ береговъ только въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и на непродолжительное время года. Сѣверные вѣтры, силу коихъ не уменьшаетъ ни одна цѣпь горъ въ открытыхъ долинахъ, на западъ отъ Байкальскаго меридіана до 52°, а на западъ отъ Болорскаго меридіана до 40° широты, пролетаютъ черезъ поле льдовъ, покрытое снѣгами, и, такъ сказать, продолжающее собою материкъ Азіи, къ сѣверу до самаго полюса, а къ сѣверо-востоку до гнѣздилища величайшей стужи (maximum du froid), которое, подъ меридіаномъ Берингова пролива, Англійскіе мореплаватели полагаютъ близъ 80 и 81° широты*. Далѣе—материкъ Азіи предстаѣляетъ

* На С. З. отъ острова Мельвиля. Близость сего *maximum* стужи, или *полюса холода*, явно, когда сравнишь среднюю температуру Мельвиля (75° шир., 113° долг. вост.) полагаемую Парри — 18°, 5, съ среднею темпер.

Digitized by Google

лучамъ солнца, въ жаркомъ климатѣ, весьма необширную часть земли. Между меридіанами, означающими его крайнія, восточную и западную, оконечности, т. е. Чукотскимъ носомъ и Ураломъ (на безмѣрномъ пространствѣ 118° долготы), экваторъ проходитъ по Океану, и (за исключеніемъ небольшой части острововъ Суматры, Борнео, Целебеса и Гилоло) въ Азіи нѣтъ собственно *никакой земли, находящейся подъ экваторомъ*. Материковая часть Азіи, находящаяся въ умѣренной зонѣ, вслѣдствіе сего, не пользуется нисходящими атмосферными теченіями отъ экватора, которыя положеніе Африки дѣлаетъ столь благодѣтельными для Европы. Другіе хладотворныя причины въ Азіи (мы ограничиваемся только общими воззрѣніями, т. е. тѣмъ только, что главнѣйше характеризуетъ климатъ Азійскаго материка) суть: образованіе сего материка въ горизонтальномъ направленіи, или форма его объема, неравность его поверхности въ вертикальномъ положеніи, и, особенно, его положеніе на востокъ въ отношеніи къ Европѣ. Азія представляетъ собою соединеніе земель въ огромныхъ, плотныхъ массахъ, безъ заливовъ, и

пелагической атмосферы на востокѣ Гренландіи (76°$\frac{3}{4}$ долг., 3° шир. восш.), которую Скорезби опредѣляетъ только — 7°, 5.

Digitized by Google

безъ всякихъ значительныхъ полуостровныхъ простяженій, далѣе 35° широты на сѣверъ. Обширныя системы горъ, въ направленіи отъ востока къ западу, при чемъ высочайшія цѣпи ихъ, какъ будто нарочно, ограничиваютъ ближайшія къ жаркой полосѣ страны, на обширномъ пространствѣ, препятствуютъ распространенію южныхъ вѣтровъ. Возвышеннѣйшія плоскости, и, за исключеніемъ Персіи, совсѣмъ не столь обширныя, какъ ихъ обыкновенно себѣ мы представляемъ, находятся отъ узла горъ Кашемира и Тибета до истоковъ Орхона, и растягиваются на безмѣрномъ простяженіи отъ *SO* и *NE*. Онѣ, или пересѣкаютъ, или ограничиваютъ низменныя страны, поддерживаютъ и сохраняютъ въ нихъ снѣга до глубокаго лѣта, и дѣйствуя, посредствомъ нисходящихъ атмосферическихъ теченій, на сосѣднія страны, понижаютъ ихъ температуру. Онѣ разнообразятъ климаты на востокъ, отъ истоковъ Окса, отъ Алатау, и отъ Тарбагатая, въ центральной Азіи, и даютъ отдѣльныя самобытности (individualisent), какъ симъ, такъ и находящимся между широтами Гиммалая и Алтая, климатамъ. Наконецъ, Азія отдѣляется отъ моря, находящагося на западъ, или отъ западныхъ береговъ, *всегда болѣе теплыхъ въ умѣренной зонѣ, нежели*

Digitized by Google

берега восточные, въ каждомъ материкѣ — всею длиною Европы. Несоразмѣрное расширеніе Европейскаго материка, отъ впадины Финскаго залива, содѣйствуетъ, какъ мы уже говорили, охлажденію западныхъ, главнѣйшихъ въ Европѣ вѣтровъ, по мѣрѣ приближенія ихъ къ востоку, такъ, что они становятся уже земными, холодными вѣтрами, для той части стараго материка, которая находится за невысокою стѣною Уральскихъ швердынь.

(*Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.*)

Digitized by Google

АНДРЕЙ ШЕНЬЕ.

Повѣсть, разсказанная Чернымъ Докторомъ.

Изъ новаго романа Альфреда де Виньи:

Стелло.

Тысяча семь сотъ девяносто четвертый годъ пробилъ на часахъ осьмнадцатаго столѣтія. Годъ ужаса. Каждая минута въ немъ была запечатлѣна кровью и освѣщена пламенемъ. Иной сказалъ-бы, что между людьми бродило какое-то могущество, неосязаемое какъ привидѣніе: лица ихъ были блѣдны, глаза блуждали, головы крѣпче прижимались къ плечамъ, будто желая спрятаться и найдти защиту. Но былъ и характеръ величія и угрюмой важности на этихъ устрашенныхъ лицахъ, и даже на лицахъ дѣтей: это было подобіе той величественной маски, которую надѣваетъ на насъ смерть. Люди тогда убѣгали одинъ другаго или сходились какъ враги. Ихъ привѣтъ казался нападеніемъ; ихъ здравствуй отзывалось обидою, улыбка казалась судорогою; ихъ одежда

Digitized by Google

походила на лоскутья нищаго; ихъ шапка на окровавленный лохмотъ; сборища ихъ казались буншомъ, а семейства берлогами злыхъ и недовѣрчивыхъ звѣрей; ихъ краснорѣчіе напоминало базарный крикъ; ихъ любовь представлялась цыганскими оргіями; ихъ публичныя торжества были старыми и неудачными Римскими трагедіями, на провинціяльномъ театрѣ; ихъ войны переселеніями дикихъ, гадкихъ народовъ, а современныя названія трактирными пародіями.

Потому-то и я стану говорить вамъ о людяхъ того времени съ особенною важностью, какъ не говорилъ о другихъ. Первый мой разсказъ блестѣлъ какъ бальная шпага и благоухалъ какъ пудра; второй былъ разсказъ педантскій, длинный какъ парикъ и кошелекъ Альдермана; но этотъ, кажется, будетъ силенъ и быстръ какъ ударъ топора, дымящагося кровью отрубленной головы.

Въ то время, о которомъ пойдетъ рѣчь, властвовала демократія. Децемвиры, гдѣ первымъ былъ Робеспьеръ, оканчивали свое трехмѣсячное властвованье. Они развѣяли всѣ идеи, противныя терроризму. На эшафодѣ Жирондистовъ погубили идеи, *такъ называвшейся,* чистой любви къ свободѣ; на эшафодѣ Гебертистовъ идеи вѣрованія въ разумъ, вмѣстѣ съ неблагопристойностями

Digitized by Google

Горы и Республиканцевъ; на эшафодѣ Данщона отрѣзана была послѣдняя мысль объ умѣренности. Остался одинъ Террогъ (ужасъ). По немъ названа вся эпоха.

Комитетъ Общественнаго Спасенія шелъ свободно по своей большой дорогѣ и расширялъ ее гильотиною. Робеспьеръ и Сенъ-Жюстъ двигали машину: одинъ влекъ ее и представлялъ изъ себя первосвященника, другой толкалъ ее впередъ, играя роль пророка.

Какъ Смерть дочь Сатаны, такъ Терроризмъ, самъ страхъ, рожденный ими, оборотился противъ нихъ и сдѣлался ихъ возбудителемъ. Да! каждая ночь была для нихъ ужасомъ, и она-то раждала ужасы дня.

Подождите: я возьму васъ за руку и поведу въ мракъ ихъ сердецъ. Я поднесу къ глазамъ вашимъ пламенникъ, нестерпимый для слабыхъ глазъ, неумолимый пламенникъ Макіавеля, и вы ясно увидите, какъ родились и какъ умерли въ этихъ смущенныхъ сердцахъ всѣ нечистыя чувствованія, которыя, мнѣ кажется, были слѣдствіемъ положенія ихъ среди событій и слабости ихъ неполной организаціи, болѣе нежели слѣпой злости, хотя она всегда останется поношеніемъ ихъ и синонимомъ ихъ именъ.

Стелло глядѣлъ на Чернаго Доктора съ величайшимъ изумленіемъ. Тотъ продолжалъ:

Digitized by Google

— Да, это мое собственное мнѣніе, что въ мірѣ нѣтъ ни героя, ни чудовища. Эти слова изобрѣтены для дѣтей. Вы дивитесь, что я одного съ вами мнѣнія? Но я дошелъ до него яснымъ умствованіемъ, а вы слѣпымъ чувствомъ. Только и разницы между нами, что ваше сердце заставляетъ васъ жалѣть, и глубоко жалѣть о тѣхъ, которыхъ люди называютъ чудовищами, а моя голова велитъ мнѣ глубоко презирать ихъ. Это презрѣніе ледяное, съ какимъ прохожій растаптываетъ улитку. Именно: если чудовища находятся лишь въ Анатомическихъ Кабинетахъ, то, въ замѣну, есть созданія такія гадкія, такъ много и такъ скотски подчиненныя низкому и мѣлкому инстинкту, такъ увлекаемыя, при вѣтрѣ собственной глупости, вѣтромъ глупости другихъ, такъ упоенныя, оглушенныя, искаженныя ложнымъ чувствомъ своего достоинства и своихъ правъ, укрѣпленныхъ Богъ знаетъ на чемъ, что у меня для нихъ нѣтъ ни смѣху, ни слезъ: есть только отвращеніе при видѣ уродливости въ природѣ.

Террористы: вотъ люди, отъ которыхъ я часто отворачивалъ глаза; но теперь я снова гляжу на нихъ, для васъ, и буду глядѣть внимательно, терпѣливо. Я ни за что не отворочусь отъ ихъ трупов, пока мы

Digitized by Google

не разсмотримъ въ нихъ всего, даже костей ихъ скелета.

Никогда прежде, въ цѣлый годъ не составляли столько теорій объ этихъ людяхъ, сколько составляютъ ихъ въ одинъ день нынѣшняго года*, потому что никогда не было времени, въ которое бы такъ многіе писали болѣе надеждъ и собирали болѣе вѣроятностей уподобиться и подражать имъ.

Скажите, какая ничтожность не возметъ блестящаго зернышка въ этомъ гроздѣ политической власти, въ этомъ плодѣ, извѣстномъ богатствомъ и славою? Какое сборище сплетниковъ не сдѣлается клубомъ? какой клубъ не сдѣлается собраніемъ? какое собраніе комиціею? какая комиція сенатомъ? какой сенатъ не можетъ властвовать? А властвуютъ-ли безъ того, чтобы одинъ человѣкъ не властвовалъ всѣми? Что-жь надобно для этого? только осмѣлиться! Вотъ чудное слово!... Какъ? Все въ немъ? Да, все! кто выполнилъ его, тотъ сказалъ его. И такъ, смѣлѣй, безмозглые! кричите и бѣгите!... Они такъ и дѣлаютъ.

Еще въ школѣ привыкли они къ синтетическимъ выводамъ. У нихъ есть синтезы на все, во всякую упряжь; даже для сонета. Хо-

---

* Авторъ говоритъ о Франціи. *Прим. Переводч.*

Digitized by Google

шяшъ-ли дѣйствовашь именемъ мертвыхъ? стóишъ ссудишь имъ систему свою; а у всякаго есшь своя, худая или добрая. Это сѣдло на всякую лошадь: оно должно быть всѣмъ впору. Надобно-ли поѣхашь на Комишешѣ Общесшвеннаго Спасенія? сѣдло на него!

Думали, что они, Члены этого свирѣпаго Комишеша, были глубоко преданы пользамъ народа, что они всѣмъ жершвовали успѣхамъ человѣчесшва, всѣмъ, даже врожденною чувсшвишельносшію, даже будущносшію своихъ именъ, которыя съ умысломъ предавали позору. Это сисшема нынѣшняго года: сюда ее.

Правда, что ихъ называли шакже почши гидрофобами (бѣшеными). Предсшавляли, что они рѣшились срубишь всѣ головы, которыя видѣли Монархію, что они власшвуюшъ для шого шолько, чшобы имѣшь радосшь умерщвлящь. Сисшема сшародавнихъ трусовъ.

Выдумали шакже, что у нихъ благое намѣреніе, посшепенно смягчашь свою власшь; что они вѣряшъ царсшвованію добродѣшели, что они убѣждены въ нравсшвенносши своихъ пресшупленій. Это сисшема добренькихъ дѣшей: у нихъ передъ глазами шолько черное, да бѣлое; для нихъ всѣ люди или ангелы или дьяволы. Не знаюшъ они, какое невѣроящное

Digitized by Google

множество лживыхъ масокъ, всѣхъ видовъ, всѣхъ цвѣтовъ, всѣхъ размѣровъ, могутъ закрывать черты тѣхъ, которые пережили возрастъ искреннихъ страстей и безъ стѣсненія предались страстямъ себялюбивымъ.

Есть еще иные, посильнѣе духомъ. Они дѣлаютъ ту честь этимъ людямъ, что предполагаютъ въ нихъ какую-то религіозную систему. Они говорятъ:

Если они были атеисты или матеріялисты, то безнаказанно убить человѣка значило для нихъ только уничтожить дѣйствующую вещь.

Если-же они были пантеисты, то что за важность для нихъ убійство? Тогда, по ихъ убѣжденію, это лишь превращеніе изъ одного вида въ другой.

Остается сомнительное предположеніе, что они были искренніе Христіане; тогда ихъ удѣлъ вѣчная мука, а удѣлъ жертвъ спасеніе и благо. Стало быть и здѣсь есть желаніе добра и услуга врагамъ.

Каковы парадоксы? Люблю ихъ, когда они попадаютъ въ *сердо*.*

— А что-же скажете вы сами? — прервалъ Стелло, слушавшій его съ страстнымъ вниманіемъ.

---

* *Сердо* или обручъ, нынѣ употребительная игра. *Прим. Переводч.*

Digitized by Google

— Я? пойду за ними, шагъ за шагомъ, по дорогѣ общественнаго мнѣнія.

Смерть самое привлекательное зрѣлище для людей, потому что оно самое ужасающее таинство. Точно какъ ничтожную драму можетъ кровавая развязка привести въ славу, заставишь извинять ея недостатки и хвалить мѣлчайшія красоты, такъ въ Исторіи, человѣкъ общественный становится славенъ въ глазахъ толпы числомъ ударовъ и смертей, нанесенныхъ имъ. Онъ на вѣки внушаетъ къ своему имени какое-то робкое почтеніе. Послѣ этого, каждый звѣрскій поступокъ его приписываютъ какому нибудь сверхъестественному свойству. Онъ устрашалъ столь многихъ людей, что въ немъ предполагаютъ смѣлость, не подозрѣвая, что много разъ это было дѣйствіемъ трусости. Имя его сдѣлалось синонимомъ Огра, и его уже благодарятъ за все, что сколько нибудь не похоже на поступки палача. Если находятъ въ его исторіи, что онъ улыбнулся глядя на дитя, или когда нибудь надѣлъ шелковые чулки, это уже черты его доброты и вѣжливости. Вообще парадоксъ милъ намъ. Онъ сшалкиваетъ съ мѣста утвержденную идею, а это всего лучше обращаетъ вниманіе на писателя и на говоруна. Вотъ начало парадоксическихъ похвалъ великимъ убійцамъ людей. Страхъ,

Digitized by Google

вѣчный властитель толпы, увеличилъ этихъ людей до необычайныхъ размѣровъ, и уже малѣйшіе поступки ихъ становятся такъ замѣтны, что бѣда не видѣть въ нихъ отблеска чего-то необыкновеннаго. Одному какая нибудь лицемѣрная рѣчь, другому какой нибудь очеркъ системы давали ложный видъ оратора и законодателя. Это безобразныя сочиненія, гдѣ слогъ, запечатлѣнный пустотою и волненіемъ внутреннимъ, силится подражать опредѣленности и силѣ генія. Но эти люди, пресыщенные властію, упоенные кровью во время непостижимыхъ политическихъ оргій своихъ, были ничтожны и слабы въ помыслахъ, ничтожны и поддѣльны въ сочиненіяхъ, ничтожны и низки въ поступкахъ. У нихъ были нѣкоторыя блестящія минуты, но это родъ лихорадочной силы, это бѣшенство нервовъ, какое бываетъ отъ страха и въ скакунѣ по веревкѣ. Главную роль тутъ играло одно чувство, замѣнившее ихъ душу: это *безпрестанное волненіе убійцы.*

— Да-съ — продолжалъ Докторъ, сложивъ ноги одну на другую и понюхавъ табаку съ большею свободою. — А волненіе убійцы можетъ происходить и отъ гнѣва, и отъ страха и отъ сплина, вдругъ. Если человѣку не удалось самоубійство, скорѣй свяжите руки ему: иначе онъ удвоитъ усилія (это знаетъ

Digitized by Google

всякій медикъ). Тоже и убійца: онъ хочетъ отдѣлаться отъ мстителя перваго убійства своего, убійствомъ вторымъ, отъ мстителя втораго третьимъ, и такъ дальше на всю жизнь, если оставишь у него власть. Тутъ поступаетъ онъ съ народомъ какъ съ зараженнымъ членомъ: обрѣзываетъ его, разрубаетъ, обтесываетъ. Онъ продолжаетъ свое ужасное дѣло; а это дѣло его собственная тѣнь; это презрѣніе и ненависть, которыя видитъ онъ вездѣ. Въ унылой тоскѣ и бѣшенствѣ онъ какъ будто хочетъ наполнить кровью бездонную бочку. Вотъ адъ его.

Вотъ и болѣзнь этихъ бѣдняковъ.

Кажется, что я зналъ ихъ хорошо, какъ вы увидите изъ моего разсказа. Ихъ разговоръ не былъ ненавистенъ мнѣ: въ немъ была оригинальность, была доброта, и особенно было много любопытнаго. Человѣкъ долженъ по немножку видѣть всего, чтобы хорошо знать жизнь, къ концу собственной жизни. Это знаніе полезное, когда пора идти на покой.

По крайней мѣрѣ я видѣлъ ихъ часто и разсматривалъ внимательно. Увѣряю, что ноги у нихъ были не съ копытомъ, головы не походили на головы тигра, гіенны и волка, какъ увѣряли знаменитые писатели. Они причесывались, брились, одѣвались, завтракали. Даже, о нѣкоторыхъ говаривали женщины:

Digitized by Google

онъ милъ! Еще больше было такихъ, о которыхъ не говорили-бы ничего, если-бы они остались ничѣмъ. Право, теперь есть честные граммашисты и вѣжливые дипломаты, посшрашнѣе самаго безобразнаго изъ нихъ, да посшрашнѣе шакъ, чшо о нихъ говоряшъ: *умное безобразіе?* Идеи, пусшыя, вздорныя идеи! книжныя фразы всѣ эши живошныя сходсшва! Люди, всегда и вездѣ, просшыя, слабыя созданія, больше или меньше осмѣянныя и обезображенныя судьбою. Только самые сильные, лучшіе возсшаюшъ прошивъ нея и передѣлываюшъ обсшояшельсшва по своему, а не позволяюшъ прихошливой рукѣ ея дѣлашь изъ себя чшо ей угодно.

Террориспы допусшили себя глупо увлечься безумнымъ инспинкшомъ жесшокосши, и оппрашишельною необходимосшью положенія. Причиной эшого была, какъ я сказалъ вамъ, ихъ ничшожносшь.

Замѣшьше, чшо въ Исшоріи міра каждый, у кого была власшь, да не было личнаго величія, былъ принужденъ замѣнишь его какимъ нибудь палачемъ, коппорый спражемъ споялъ подлѣ него. Наши жалкіе Тріумвиры глубоко сознавались въ своей нравспвенной нищешѣ. Каждый изъ нихъ выскочилъ на чужую дорогу и каждый былъ чшо нибудь уродливое: или дурной и пошлый адвокашъ, или полу-

Digitized by Google

философъ, или разслабленный, завистникъ всякаго бодраго, настоящаго человѣка. Это умы темные, уродливости тѣла и души. Каждый изъ нихъ зналъ, какъ презираютъ его въ публикѣ; потому-то они стращились взглядовъ, и отъ стыда сверкали топоромъ, чтобы ослѣпить и заставить глядѣть въ землю.

Покуда не утвердилась ихъ триумвирская или децемвирская власть, они старались только критиковать, клеветать, лицемѣрно и звѣрски изображая власти и вліянія, бывшія прежде ихъ. Неутомимые доносчики, обвинители, истребители, они повалили Гору на Долину, Дантоновъ на Геберовъ, Демуленовъ на Вернье. Они всегда представляли властвующей толпѣ Медузу — чего? — заговоровъ, страшныхъ для всякой толпы, потому что она воображаетъ ихъ въ своихъ жилахъ и въ своемъ нѣдрѣ. По ихъ словамъ, они произвели въ общественномъ тѣлѣ обильный, кровавый потъ; но когда должно было поставить на ноги и двинуть это тѣло, они упали подъ тяжестью опыта. Создатели безсильные, изумленные, окаменѣлые внезапною одинокостью своею, они стали только продолжать драку въ своемъ маленькомъ стадѣ. Задыхаясь отъ битвы, они старались начертать клочекъ системы, а сами не вѣрили ея примѣненію, и опять начинали чудовищное крово-

Digitized by Google

пусканіе, потому что это легче. Три мѣсяца верховной власти были для нихъ болѣзненнымъ сномъ одной ночи. У нихъ не доставало силы даже одумашься. Да, сверхъ того, мысль, какъ ее разумѣю я, мысль спокойная, здоровая, сильная, проницательная, это такой даръ, котораго они уже не были достойны. Она не приходитъ къ человѣку, который стращится самого себя.

Что оставалось у нихъ изъ идей для разговоровъ, это вы услышите, такъ-же какъ слышалъ я. Впрочемъ, меня занимаетъ не жизнь ихъ, и не сужденія о ней, а все таки первая идея нашего разговора, то есть ихъ расположеніе къ современнымъ поэтамъ и художникамъ. Беру ихъ для послѣдняго примѣра. Къ тому-же эти люди были послѣднимъ выраженіемъ республиканской, демократической власти...

Твердо помню, что 5 Термидора, во II-й годъ Республики, или 1794 года — для меня это совершенно одно и тоже — я, одинъ одинехонекъ, сидѣлъ подлѣ окна, которое было на Площадь Революціи, и повертывалъ въ рукѣ вотъ эту самую табакерку, когда вдругъ колокольчикъ сильно зазвенѣлъ у двери моей. Это было около осьми часовъ.

Digitized by Google

У меня жилъ когда слуга, высокорослый просшакъ, самаго шихаго и смирнаго нрава. Десять лѣтъ былъ онъ громовержцемъ-канонеромъ, но получивши рану въ ногу, вышелъ въ отставку. Я слушалъ, но дверь не отворялась, и потому я рѣшился пойдти въ переднюю и посмотрѣть, что дѣлаетъ мой инвалидъ. Онъ спалъ, сложивши ноги на печку.

Необычайная длина его худыхъ ногъ никогда не поражала меня такъ, какъ въ эту минуту. Я зналъ, что когда онъ былъ на ногахъ, то ростъ его означалъ не меньше пяти футовъ и девяти дюймовъ; но я всегда думалъ, что это больше зависѣло отъ его сюртука, а не отъ страшныхъ ногъ, которыя были теперь протянуты во всю длину, отъ мрамора печки до соломеннаго стула, гдѣ остальная часть тѣла его и длинная голова нагибались, въ видѣ обруча, на сложенныя крестомъ руки. Я забылъ о звонкѣ, и только смотрѣлъ какъ это невинное, счастливое созданіе покоилось въ привычномъ положеніи; да, въ привычномъ, потому что съ тѣхъ поръ, какъ слуги храпятъ въ переднихъ, а это идетъ отъ сотворенія переднихъ и слугъ, никогда человѣкъ не засыпалъ съ такимъ совершеннымъ успокоеніемъ, не спалъ съ такою свободою отъ дурныхъ сновидѣній, и не пробуждался съ равною досадою. Я всег-

Digitized by Google

да дивился моему Блеро, и благородный характеръ его сна былъ для меня вѣчнымъ источникомъ любопытныхъ наблюденій. Этотъ добрый человѣкъ, въ продолженіе десяти лѣтъ, сыпалъ вездѣ, и никогда не находилъ, чтобы одна постель была лучше или хуже другой. Правда, иногда лѣтомъ становилось ему въ комнатѣ душно: онъ шелъ во дворъ, подкладывалъ подъ голову камень, и спалъ. Простуда была ему неизвѣстна; дождь не пробуждалъ его. Стоя, онъ казался тополемъ, который готовъ повалиться. Станъ его былъ похожъ на сводъ, и грудныя кости сходились съ спинными. Лицо его было желто и кожа блестѣла какъ пергаментъ. На этомъ лицѣ не льзя было замѣтить перемѣны ни въ какомъ случаѣ; развѣ являлась улыбка мужика, въ одно и тоже время глупаго, смѣшливаго и крошкаго. Въ десять лѣтъ, онъ много сжегъ пороху при всѣхъ Парижскихъ происшествіяхъ, но никогда не забошился, куда попало ядро. Какъ совершенный масперъ обходился онъ съ пушкою, и не смотря на всѣ перемѣны въ Правительствѣ, непоняшныя для него, помнилъ поговорку старыхъ солдатъ своего полка и безпрестанно повторялъ: «*Коли я хорошъ при пушкѣ, такъ что мнѣ Король!*» Онъ былъ превосходный прицѣльщикъ и сдѣлался съ нѣсколькихъ мѣсяцевъ

Digitized by Google

уже старшимъ, когда принужденъ былъ взять отставку, потому что у него явилась глубокая яма въ ногѣ, при взрывѣ зарядного ящика, отъ неосторожности зажженнаго на Марсовомъ полѣ. Ни что не могло опечалить его больше этой отставки. Товарищи любили его, часто имѣли нужду въ немъ, приглашали его пособлять, когда бывали въ Парижѣ, и совѣтовались съ нимъ въ случаяхъ важныхъ. Служба его въ артиллеріи довольно удобно мирилась со службой у меня, потому что я рѣдко бывалъ дома, рѣдко нуждался въ немъ, и часто, когда что было надобно исправить, исправлялъ это самъ, чтобы не разбудить его. Такъ гражданинъ Блеро, въ два года привыкъ уходить со двора, не спрашиваясь у меня; однакожъ ни разу не пропустилъ онъ того, что называлъ *вечерней перекличкой*, то есть времени, когда я возвращался домой, въ полночь, а иногда и въ два часа утра. Въ самомъ дѣлѣ, всегда находилъ я его спящаго подлѣ моего камина. Иногда онъ бывалъ и покровителемъ моимъ, при смотрахъ, во время бывъ и революцій въ Революцію. Въ качествѣ любопытнаго, я хаживалъ по улицамъ пѣшкомъ, въ черномъ кафтанѣ, точно какъ теперь, и такъ-же съ тростью въ рукѣ. Тогда я разглядывалъ, гдѣ канонеры (а они всегда нужны въ Революцію), и нашедши ихъ,

Digitized by Google

я былъ увѣренъ, что увижу надъ ихъ шапками и помпонами длинную голову моего смирнаго Блеро, который былъ уже въ мундирѣ и искалъ меня спящими глазами. Замѣтивши меня, онъ улыбался и объявлялъ всѣмъ, что надо пропустить гражданина друга его. Онъ бралъ меня подъ руку, показывалъ все, что должно было видѣть, называлъ всѣхъ, кто выигрывалъ, какъ говорили тогда, въ лошперею гильошины, и вечеромъ мы не говорили болѣе объ этомъ: шакъ установлено было безъ договора. При концѣ мѣсяца онъ получалъ жалованье изъ моихъ рукъ, и отказывался отъ жалованья Парижскаго канонера. Мнѣ служилъ онъ для своего покоя, а народу для чести. Онъ брался за оружіе какъ знатный господинъ; ему было это пріятно, мнѣ также.

Покуда я разсматривалъ своего слугу.... (здѣсь надобно сказать вамъ, что шакъ говорю я для того, чтобы вы поняли меня: во II-мъ году *слуга* назывался *товарищъ*); покуда я разсматривалъ какъ онъ спитъ, колокольчикъ продолжалъ звенѣть и бился о потолокъ съ необыкновенною силою. Блеро спалъ при этомъ еще крѣпче. Посмотримъ, кто шамъ. Я рѣшился отворить дверь.

— Можетъ быть, въ существѣ вы превосходный человѣкъ, сказалъ Сшелло.

Digitized by Google

—Всякій хозяинъ добръ, когда онъ не хозяинъ—ошвѣчалъ Черный Докторъ.—Я отворилъ дверь.

Я увидѣлъ передъ собою двухъ посланныхъ, совершенно различныхъ. Одинъ былъ старикъ, другой дитя. Старикъ, довольно опрятно напудренный, былъ въ ливреѣ, на которой еще виднѣлись мѣста галуновъ. Онъ почтительно снялъ свою шляпу, но въ тоже время недовѣрчиво оглядѣлся кругомъ, посмотрѣлъ не идетъ-ли кто за мною, и сталъ къ сторонѣ, не входя въ комнату, и какъ будто давая прежде себя пройдти мальчику, который прибѣжалъ въ одно время съ нимъ и еще дергалъ шнурокъ звонка своею ногою. Онъ звонилъ въ размѣръ Марсельской пѣсни, которую насвистывалъ, и, дерзко глядя на меня, продолжалъ свистать и звонить, покуда не кончилъ послѣдняго такта. Я дождался терпѣливо конца и далъ ему два су, говоря:

— Начни-ка опять этотъ припѣвъ, малютка!

Не смутившись ни мало, онъ началъ снова. Онъ очень понялъ, что я насмѣхался надъ нимъ своимъ подаркомъ; но ему надобно было показать, что онъ мало думаетъ обо мнѣ. Лицо его было прелестно; на ухо вздернутъ былъ новенькій красный калпакъ; платье, въ

Digitized by Google

лоскушьяхъ, могло навесши тошноту: голыя ноги, голыя руки!... точный санкюлошъ!

— Гражданинъ Робеспьеръ боленъ — сказалъ онъ мнѣ яснымъ, повелительнымъ голосомъ, нахмуривъ свои маленькія бѣлокурыя брови.— Придши къ нему въ два часа.

Тушъ онъ изо всей силы пустилъ мою монешку въ оконное стекло, разбилъ его въ дребезги и запрыгалъ по лѣстницѣ внизъ, на одной ногѣ, высвистывая: ça ira.

— Тебѣ что надобно? — сказалъ я старому слугѣ, и увидѣвши, что онъ боится, взялъ его подъ локоть и ввелъ въ переднюю.

Этотъ добрякъ заперъ, со всѣми предосторожностями, дверь на лѣстницу, оглядѣлся еще разъ, подошелъ ко мнѣ, лѣпясь около стѣны, и сказалъ тихо:

«Да, вотъ что, сударь.... Герцогиня очень больна сего дня...»

— Какая Герцогиня? — спросилъ я. — Говори скорѣй и громче. Я тебя не видывалъ.

Бѣднякъ, видно, испугался моего отрывистаго тона, и ежели смутило его присутствіе ребенка, то еще больше разстроилъ я. Старыя, блѣдныя щеки его покраснѣли; онъ принужденъ былъ сѣсть; колѣна его дрожали.

«Госпожа Сентъ-Эньянъ»—сказалъ онъ робко и какъ можно тише.

Digitized by Google

— Да!... Но будь смѣлѣе. Я пользовалъ ее. Приду сего дня ушромъ, въ домъ Лазаря. Не безпокойся, мой другъ. Лучше-ли обходишся съ нею.

«Все шакже! — сказалъ онъ вздыхая. — Тамъ кшо-шо подкрѣпляешъ ее, да я боюсь за эшого человѣка.... А если я боюсь не по пуспому, шо госпожа моя пропала. Да, я знаю ее: пропала да и шолько!

— Чшо шы, пріяшель! Кошорая женщина легко приходишъ въ сокрушенье, ша безъ шруда и бодросшь находишъ. Я знаю чѣмъ поддерживашь слабыхъ. Сего дня ушромъ поговорю съ ней.

Онъ, какъ видно, хошѣлъ разсказашь многое; но я взялъ его за руку и сказалъ: Разбуди, если можешь, моего слугу и скажи ему чшобы онъ далъ мнѣ шляпу.

Осшавивши его въ передней, я гошовъ былъ забышь о немъ; но ошворяя дверь своего кабинеша, я увидѣлъ, чшо онъ идешъ за мною и входишъ въ кабинешъ. Входя, онъ съ ужасомъ оглянулся на Блеро, кошорый и не думалъ просыпашься.

— Чшо эшо? не сумасшедшій-ли шы?—спросилъ я.

«О нѣшъ! Я въ *подозрительныхъ*,» ошвѣчалъ онъ.

Digitized by Google

— Это другое дѣло. Положеніе довольно печальное, однако почтенное — прибавилъ я.— И какъ я не угадалъ васъ, по этой общей страсти переодѣвашься въ слугъ. Это ваша мономанія. И шкъ, сударь, у меня есшь преогромный пусшой шкафъ: не угодно-ли вамъ спряшашься въ немъ?

Я расшворилъ обѣ половинки дверей шкафа и поклонился, какъ обыкновенно дѣлаюшъ вводя въ спальню.

— Боюсь шолько, что вамъ будешъ не ловко. Правда, у меня уже перебывало въ этомъ шкафѣ шесшеро.

Я говорилъ правду!

Оставшись наединѣ со мною, незнакомецъ совсѣмъ перемѣнилъ видъ. Онъ выпрямился, сшалъ развязенъ. Я увидѣлъ прекраснаго сшарика, меньше сгорбленнаго, больше почшеннаго, хошя все еще блѣднаго. Послѣ увѣреній моихъ, что онъ внѣ всякой опасносши и можешъ говоришь, онъ осмѣлился сѣсшь; онъ ошдыхалъ.

Пошупивъ глаза, какъ-бы для шого чшобы собрашься съ духомъ и приняшь досшойный своего званія видъ, онъ сказалъ: «Я называюсь Шенье. У меня двое сыновей, кошорые, по несчасшію, оба сдѣлали дурно: оба вдались въ Революцію. Одинъ, несчасшный, Предсшави-

Digitized by Google

шелемъ: я вѣчно буду страдать о томъ; старшій въ тюрьмѣ: это лучшій. Теперь онъ немного отрезвился, и я право не знаю, такъ-же какъ и онъ, для чего засадили его въ тюрьму, потому что онъ писалъ самые революціонные стихи, которые должны были понравиться всѣмъ этимъ кровопійцамъ.

— Позвольте напомнить вамъ — сказалъ я — что одинъ изъ этихъ кровопійцъ ждетъ меня къ завтраку.

«Знаю, знаю, но я думалъ, что вы идете какъ Докторъ, не больше. Я уважаю это званіе какъ только можно выше, потому что послѣ цѣлителей души, то есть священниковъ и вообще всѣхъ духовныхъ, не исключая ни одного монашескаго ордена, цѣлители тѣла, конечно....»

— Должны приходить во время, чтобы спасать тѣло — прервалъ я его снова, и потрясъ ему руку, чтобы освободить старика отъ болтовни, которая начинала усыплять его. — Я знаю вашихъ сыновей....

«Коротко сказать, меня утѣшаетъ только одно,» продолжалъ онъ, «что старшій, который въ тюрьмѣ, офицеръ, не такой поэтъ, какъ Авторъ Карла IX, и слѣдовательно, когда мнѣ удастся выхлопотать его, какъ я надѣюсь, при вашемъ пособіи, если только вы

Digitized by Google

позволите, онъ не обратитъ на себя вниманія авторскою извѣстностью.

— Умно! — сказалъ я, рѣшившись слушать.

«Не правда-ли?» воскликнулъ этотъ добрый человѣкъ. «Впрочемъ, Андрей уменъ: вѣдь онъ сочинилъ письмо Людовика XVI въ Конвентъ. Я переодѣлся для васъ: вы ходите ко всѣмъ этимъ разбойникамъ, и мнѣ не хотѣлось повредить вамъ.»

—Я безкорыстенъ, независимаго характера, слѣдовательно мнѣ повредить не льзя никогда — сказалъ я мимоходомъ.— Что далѣе?

«А, Боже мой!» продолжалъ онъ съ жаромъ старинной военной гордости. «Знаете-ли какъ это ужасно: повредить такому обязательному человѣку, какъ вы, тотъ котораго просятъ услуги?»

— Я уже имѣлъ честь предложить вамъ.... возразилъ я, вѣжливо указывая на свой шкафъ.

«Не то нужно мнѣ,» сказалъ онъ. «Я и не думаю скрываться. Хочу, напротивъ, выставить себя, и больше нежели когда нибудь. Мы живемъ въ такое время, когда надобно двигаться, во всякомъ возрастѣ двигаться. Я не страшусь за свою старую голову. Меня безпокоитъ бѣдный мой Андрей. Онъ въ этомъ ужасномъ домѣ Святаго Лазаря: вотъ чего не могу я переносить.»

Digitized by Google

— Ему и надобно оставаться въ тюрьмѣ — сказалъ я не ласково. — Лучшаго дѣлать нечего.

«Я пойду....

— Берегитесь идти...

«Скажу....

— Берегитесь говорить.

Несчастный вдругъ замолчалъ и сложилъ руки между колѣнами, съ такою грустью и преданностью, что это растрогало-бы самое жесткое сердце. Онъ глядѣлъ на меня, какъ преступникъ при допросѣ глядѣлъ на Судью, во время счастливой эпохи гражданскаго благоустройства. Старый лобъ его покрылся морщинами: такъ гладкое море покрываетъся волнами, и эти волны направились сначала къ верху, отъ удивленія, а потомъ пошли съ верху, отъ горести.

«Вижу,« сказалъ онъ, «что Г-жа Сентъ-Эньянъ ошиблась. Не жалуюсь на васъ, потому что въ наши худыя времена каждый идетъ своею дорогою. Прошу только сохранить тайну, а ужь я не побезпокою васъ больше, *гражданинъ*.«

Это послѣднее слово расшевелило меня сильнѣе всего другаго: съ такимъ усиліемъ выговорилъ его добрый старикъ! Онъ какъ будто произносилъ брань, и вѣрно съ самаго изобрѣтенія своего, слово *гражданинъ* не отзыва-

Digitized by Google

лось шакими звуками. Въ этомъ: *гражданинѣ*, было заключено все: и презрѣніе, и удушающая горесть, и отчаяніе, столь истинное, что вы запрепешали-бы, особенно видя какъ добрый старикъ сталъ подыматься, опираясь своими жилистыми руками на колѣна, чтобы легче стать на ноги. Я остановилъ его и снова посадилъ шихонько въ кресла.

— Госпожа Сенъ-Эньянъ не обманула васъ — сказалъ я. — Вы видите во мнѣ человѣка надежнаго. Никогда и ни чьихъ вздоховъ не предалъ я, а мнѣ было ввѣрено ихъ много, особенно послѣднихъ вздоховъ съ нѣкотораго времени....

Угрюмость моя заставила его содрогнуться.

— Я знаю лучше васъ положеніе заключенныхъ, и особенно того, которому дали вы жизнь и у котораго можете отнять ее, если станете *двигаться*, какъ вы говорите. Вспомните, сударь, что во время землетрясенія надобно оставаться на мѣстѣ неподвижно.

Онъ отвѣчалъ мнѣ только легкимъ наклоненіемъ головы, съ осторожною учтивостью и преданностью. Я увидѣлъ, что грубостью своею потерялъ его довѣренность. Глаза его были больше нежели потуплены, почти закрыты, когда я продолжалъ совѣтовать ему молчать и скрываться всевозможно. Я сказалъ ему (однакожь какъ можно учтивѣе), что во

Digitized by Google

всѣхъ возрастахъ бываетъ вѣтренность, во всѣхъ страстяхъ неблагоразуміе, и что отеческая любовь есть почти страсть.

Я прибавилъ, что не ожидая отъ меня бо́льшихъ подробностей, онъ долженъ полагать, что конечно я не говорилъ-бы этого, въ такомъ важномъ случаѣ, если-бы не былъ увѣренъ какъ опасенъ малѣйшій шагъ; что я не могу сказать почему, но что онъ можетъ мнѣ вѣрить; что я въ такой довѣренности у нынѣшнихъ повелителей, какой не имѣетъ никто; что я часто пользуюсь благопріятными минутами ихъ искренности и спасаю человѣческія головы отъ ихъ когтей; но что въ этомъ случаѣ, одномъ изъ самыхъ драгоцѣнныхъ, когда идетъ дѣло о сынѣ его, душевномъ другѣ женщины, которая при мнѣ родилась, которую почитаю дочерью своею, я говорю торжественно, что надобно молчать и все предоставить судьбѣ, подобно тому, какъ кормчій, безъ компаса и звѣздъ, иногда предается дуновенію вѣтра.... Но чтожь дѣлать! Есть и всегда будутъ характеры, столь выглаженные, вышершые, истощенные, разслабленные образованностью, что отъ одного слова они сжимаются какъ Не тронь меня. Мои пріемы иногда грубы. Послѣ этого, я могъ говорить что угодно, онъ соглашался со всѣми словами и совѣтами моими; но я

Digitized by Google

видѣлъ вѣжливость его какъ гладь на поверхности воды, въ глубинѣ которой скала. Это было упрямство всѣхъ стариковъ, несчастный инстинктъ угасшей воли: и тогда какъ всѣ умственныя способности поглощены временемъ, онъ все еще видѣнъ, подобно дурной мачтѣ корабля, погруженнаго въ море.

Я перехожу отъ одной идеи къ другой такъ-же быстро, какъ глазъ отъ свѣта къ тѣни. Я увидѣлъ, что рѣчь моя безполезна и тотчасъ замолчалъ. Г. Шенье всталъ, и я молча проводилъ его до дверей лѣстницы. Тамъ я уже не могъ удержать своего чувства: взялъ его руку и пожалъ искренно. Бѣдный старикъ: онъ встревожился отъ этого, и оборотившись ко мнѣ, сказалъ мягкимъ голосомъ (что можетъ быть упрямѣй этой мягкости!): Чрезвычайно жалѣю, что обезпокоилъ васъ своею просьбою.

— А я, что вы не хотите понять меня — былъ мой отвѣтъ — и что вы принимаете добрый совѣтъ за неудачу. Надѣюсь, что вы размыслите объ этомъ.

Онъ низко поклонился мнѣ и ушелъ. Пожимая плечами я пошелъ къ себѣ, готовишься идти со двора. Огромное шѣло заслоняло входъ въ кабинетъ: это былъ мой канонеръ, Блеро,

Digitized by Google

проснувшійся, сколько былъ онъ въ силахъ. Можетъ статься, вы думаете, что онъ пришелъ послужить мнѣ? Совсѣмъ нѣтъ. Отворить дверь? Ни мало. Извинится? Всего менѣе. Онъ спустилъ рукавъ своего канонерскаго кафтана и съ важностью забавлялся.... чѣмъ? выкалывалъ иглою, которую держалъ въ правой рукѣ, какой-то символическій шифръ на лѣвой рукѣ! Онъ прокалывалъ себя до крови, посыпалъ это порохомъ, зажигалъ его и дѣлалъ такимъ образомъ неизгладимые узоры на шѣлѣ. Вы знаете, лучше меня, этотъ старый обычай солдатъ. Еще минуты съ три глядѣлъ я на моего оригинала; наконецъ взялъ его за руку. Онъ очень мало встревожился и не отымалъ руки у меня, какъ-бы съ тайнымъ удовольствіемъ и снисходительностью. Умилительно и гордо смотрѣлъ онъ на свою руку.

—Что это, братъ! — сказалъ я. — У тебя и придворный альманахъ и республиканскій календарь на рукѣ.

Онъ потеръ себѣ подбородокъ съ лукавою улыбкою (это было его любимое движеніе), и плюнулъ далеко отъ себя, закрывши ладонью ротъ, изъ учтивости. Это замѣняло у него всѣ безполезные разговоры; это былъ знакъ согласія или замѣшательства, размышленія или горя; это казарменная привычка. Я на свободѣ разсматривалъ геройскую, санкюлотскую

Digitized by Google

руку. Послѣднее сдѣланное имъ начертаніе было: Фригійскій калпакъ, на сердцѣ, а вокругъ слова: *Нераздѣльность или смерть.*

— Вижу — сказалъ я — что ты не Федералистъ и не похожъ на Жирондистовъ.

Онъ почесалъ себѣ голову и потомъ произнесъ: Нѣтъ, нѣтъ, ни я, ни гражданка Роза.

Онъ указалъ мнѣ лукаво на небольшую розу, тщательно обрисованную, подлѣ сердца подъ калпакомъ.

— А, а! теперь знаю, отъ чего ты хромаешь такъ давно — сказалъ я. — Но я не сдѣлаю доноса Капитану.

«Да! Вѣдь канонеръ не изъ камня-же сдѣланъ. Роза дочь швеи, а отецъ ея штремщикомъ въ Лазарѣ. Важное мѣсто!» прибавилъ онъ гордо.

Я какъ будто не вслушался въ это извѣстіе, а воспользовался имъ; онъ также будто нечаянно высказалъ мнѣ его. Мы совершенно понимали одинъ другаго, безъ всякихъ объясненій.

Я разсматривалъ потомъ другіе, казарменные гіероглифы его, съ такимъ вниманіемъ, какъ миніатюрный живописецъ. Прямо надъ республиканскимъ, влюбленнымъ сердцемъ написана была голубая саблища, которую держалъ маленькій барсукъ, стоя на заднихъ ногахъ, или, какъ говорится геральдическимъ

Digitized by Google

языкомъ, поднявшійся на заднія ноги. Надъ нимъ, крупными буквами, было написано: *Честь Блеро, палачу для негодяевъ!*

Я быстро поднялъ голову, какъ-бы для того, чтобы сличить описаніе съ оригиналомъ.

— Ну, ужь это, вѣрно, ты самъ? а? Это ужь не политика, а слава?

Легкая усмѣшка сморщила длинное, желтое лицо моего канонера, и онъ сказалъ спокойно:

«Да, да, это мое. Шесть негодяевъ значитъ шесть фехтмейстеровъ, которые пошли гулять отъ меня.»

— То есть, ты убилъ шесть человѣкъ!

«Ну, да, мы говоримъ это по своему,» сказалъ онъ съ величайшею невинностью.

Въ самомъ дѣлѣ, этотъ первобытный человѣкъ, искусный безъ всякаго сознанія, какъ Ошаитянскіе герои, вырисовалъ на своей желтой рукѣ, подлѣ конца сабли, шесть опрокинутыхъ рапиръ, поклоняющихся ей.

Я хотѣлъ смотрѣть дальше и перейдти за локоть, но увидѣлъ что онъ неохотно готовъ спустить рукавъ.

«Да, это такъ! еще когда я былъ рекрутомъ: теперь ужь это не годится.»

Я понялъ стыдливость его, когда увидѣлъ пребольшую лилію, а надъ нею: *Да здравствуютъ Бурбоны и Святая Варвара; вѣчная любовь Магдалинѣ!*

Digitized by Google

— Носи, братъ, всегда длинные рукава — сказалъ я — чтобы сберечь голову. Совѣтую также прогягивать и къ гражданкѣ Розѣ всегда закрытыя руки.

«Э!» воскликнулъ онъ съ видомъ пришворной простоты: «только-бы отецъ ея отпирывалъ мнѣ затворы, такъ, иногда, въ позволенные часы; больше ничего не надобно....»

— Ну — сказалъ я, трепля его по рукѣ—ты малый умной, ты еще дурнаго не сдѣлалъ, съ тѣхъ поръ какъ я помѣстилъ тебя здѣсь; да и начинать не станешь. Сегодня утромъ ты пойдешь со мною; можетъ быть понадобишься мнѣ. Ступай издалека, сзади; если хочешь, пожалуй, не входи въ тѣ домы, гдѣ буду я. Но чтобы на улицѣ я всегда могъ найдти тебя.

Онъ одѣлся, еще зѣвнувши раза два или три, проперъ глаза, и далъ мнѣ идти впередъ. Онъ былъ готовъ идти за мной, съ треугольною шляпою на головѣ, и съ бѣлою, такою-же длинною какъ онъ самъ палкою въ рукахъ.

Святой Лазарь, старинный домъ, цвѣта грязи. Въ давнее время это было Пріорство. Кажется я не ошибусь, сказавши, что его окончили строеніемъ въ 1465 году, на мѣстѣ древняго монастыря Святаго Лавреншія. Пом-

Digitized by Google

ниже, Григорій Турскій говоритъ о немъ, въ шестой книгѣ своей Исторіи, въ главѣ девятой. Французскіе Короли останавливались тамъ два раза: въѣзжая въ Парижъ, для отдыха, и выѣзжая, когда ихъ останавливали тамъ, на проводинахъ въ Сенъ-Дени. Для этого, напротивъ Пріорства, былъ маленькій дворецъ, отъ котораго не осталось камня на камнѣ. Онъ назывался Королевскою квартирою. Пріорство дѣлалось казармами, государственною тюрьмой, домомъ исправленія, и для монаховъ, солдатъ, *заговорщиковъ*, дѣвокъ, каждый разъ увеличивали, распространяли, загораживали, закрѣпляли это запачканное зданіе, гдѣ все имѣло тогда видъ сѣрый, непріятный, болѣзненный. Довольно долго надобно было мнѣ идти отъ площади Революціи до улицы предмѣстія Сенъ-Дени, гдѣ находилась эта тюрьма. Я издалека узналъ ее, по лоскуту, красному съ голубымъ, измоченному дождемъ и привязанному къ длинной черной палкѣ, укрѣпленной надъ воротами. На черномъ мраморѣ, большими бѣлыми буквами, начертана была общая надпись всѣхъ тогдашнихъ памятниковъ, надпись, которая казалась мнѣ надгробіемъ цѣлаго народа:

Единство, Нераздѣльность Республики,
Равенство, Братство или Смерть.

Digitized by Google

Передъ дверьми нечистой кордегардіи сидѣли, на дубовыхъ лавкахъ, санкюлоты. Одни изъ нихъ точили свои пики, другіе играли въ какую-то игру; еще нѣкоторые пѣли Карманьолу и снимали фонарь со столба, чтобы повѣсить на мѣсто его человѣка, котораго съ торжествомъ вели пуассардки, крича во все горло: ça ira.

Меня знали, во мнѣ имѣли нужду; я вошелъ. Постучавшись у огромной двери, которая была на право, подъ сводомъ, я увидѣлъ, что она, какъ будто сама собою, отворилась до половины, и когда я ждалъ, чтобъ отворили ее совсѣмъ, голосъ шюремщика прокричалъ: «Ну да входите-же!» Вошедши во внутренность, я почувствовалъ скрежетъ двери за собою, я услышалъ съ какою силою захлопнулась она, будто навсегда, всею тяжестью своихъ толстыхъ досокъ, гвоздей, желѣзныхъ листовъ и запоровъ.

Тюремщикъ хохоталъ, выказывая три, остававшіеся у него зуба. Этотъ старый плутъ сидѣлъ въ большихъ креслахъ, обитыхъ черною кожей. То были, какъ называютъ ихъ, кресла съ поддержкою, то есть у нихъ по сторонамъ есть крючки, которые поддерживаютъ и уравниваютъ спинку, если изъ креселъ надобно сдѣлать кровать. Здѣсь-то спалъ и бодрствовалъ, и никогда не без-

Digitized by Google

покоился неподвижный привратникъ. Его морщиновашое, желтое, ироническое лицо торчало надъ его колѣнами, и опиралось на нихъ подбородкомъ. Ноги его были прошянушы на право и на лѣво, чрезъ ручки креселъ, чшобы ошдохнушь ошъ обыкновеннаго сидѣнья; въ правой рукѣ держалъ онъ ключи, а въ лѣвой замокъ ошъ огромной двери. Онъ ошпиралъ и запиралъ ее, какъ будшо пружиной, безъ всякаго шруда. Молодая дѣвушка сшояла за его креслами, спряшавъ руки въ маленькій передникъ свой. Она была дородна, кругла, свѣжа, съ вздернушымъ носикомъ, съ дѣшскими ѓубами; ея бѣлыя руки и опряшносшь казались необыкновенной рѣдкосшью въ эшомъ домѣ. Она была въ красномъ плашьѣ и въ бѣломъ чепчикѣ съ огромною шрехцвѣшною кокардою.

Я и прежде видалъ ее, но безъ замѣчанія. На эшошъ разъ, нѣсколько посвященный въ шайны моего Блеро, я узналъ его Розу, пошому чшо внушреннее чувсшво въ эшакихъ случаяхъ никогда не обманываешъ и заспавляешъ сказашь самому себѣ, при видѣ незнакомца, кошораго желали видѣшь: Эшо онъ.

Эша хорошенькая дѣвушка была шакъ добра и привлекашельна видомъ, чшо взглядъ на нее долженъ былъ увеличиваш шоску жилища, для кошораго, казалось, не была она рождена. Въ ней была какая-шо свѣжесшь, и все шакъ живо

Digitized by Google

напоминало, при видѣ ея, воздухъ полей, деревню, благоуханіе цвѣшовъ, чшо, я увѣренъ въ шомъ, она должна была извлекашь шяжкій вздохъ у каждаго заключеннаго, пошому чшо глядя на нее онъ думалъ о долинахъ и сельскихъ поляхъ.

Я осшановился и сказалъ: «Жесшоко, слишкомъ жесшоко показывашь заключеннымъ эшо дишя!»

Она поняла меня сшолько-же, сколько-бы поняла если-бъ я заговорилъ по-Гречески. Да я и не думалъ бышь поняшнымъ. Она посмошрѣла на меня съ удивленіемъ, показала прелесшный рядъ зубовъ, не улыбалась, а шакъ раскрыла губы, кошорыя расшворились какъ цвѣшокъ, раздвинушый пальцами.

Ошецъ ворчалъ. Но у него была подагра и я не услышалъ ошъ него ни слова. Вошедши въ корридоры, я шарилъ по каменному полу своею шросшью, впереди себя, пошому чшо широкіе, длинные, сырые переходы были шогда мрачны и худо освѣщены, среди бѣлаго дня, красными, вонючими фонарями.

Нынѣ все сшановишся чисшо и свѣшло. Подиште въ домъ Свяшаго Лазаря: вы увидише прекрасную больницу, комнашки новыя и хорошо расположенныя; сшѣны выбѣлены, окна вымышы, вездѣ свѣшъ, чисшый воздухъ, порядокъ. Тюремщики, придверники, ключники

Digitized by Google

шеперь называются директорами, смотрителями, исправителями, надзирателями, носятъ голубой мундиръ съ серебряными пуговицами, говорятъ тихимъ голосомъ и только по слуху знаютъ свои прежнія имена, которыя кажутся имъ *смѣшны*.

Но въ 1794 году, этотъ черный *Домъ Лазаря* походилъ на большую клѣтку съ дикими звѣрями. Тамъ было только одно, сѣрое зданіе, которое остается и теперь: огромная, четыреугольная груда кампей. Четыре этажа заключенниковъ стенали и вопили тамъ одинъ надъ другимъ. Снаружи въ окнахъ видны были рѣшетки, страшныя желѣзныя полосы, въ ширину кольцами, а въ вышину пиками, такъ тѣсно переплетенныя, что воздухъ едва проходилъ сквозь нихъ. Внутри каждый этажъ былъ раздѣленъ тремя широкими, худо освѣщенными корридорами; въ каждомъ корридорѣ было по сороку дверей, которыя вели въ каморки, пригодныя для волковъ, и часто благоухавшія воздухомъ берлоги. Въ концѣ каждаго корридора и у каждой двери каморокъ были толстыя, закоптѣлыя желѣзныя рѣшетки, да сверхъ того маленькія, четыреугольныя и тоже съ рѣшетками отверстія, которыя называются калитками: ихъ шюремщики по временамъ отпираютъ снаружи, чтобы присматривать и наблюдать за свои-

Digitized by Google

ми жершвами во всякое время. Я перешелъ черезъ большой, пустой дворъ, гдѣ обыкновенно сшановились ужасныя шѣлежки, на которыхъ вывозили обреченныхъ жершвъ. Я взобрался на каменное, полуразрушенное крыльцо, по которому сходили они къ послѣднему своему экипажу.

Я прошелъ черезъ ошвращишельное, сырое, сшрашное, вышопшанное ногами мѣсшо, гдѣ сшѣны были избишы, испяшнаны, какъ будшо каждый день происходила шушъ бишва. Родъ корыша, наполненнаго вонючею водою, сосшавлялъ всѣ его принадлежносши. Не знаю, чшо дѣлали въ эшомъ мѣсшѣ, шолько оно называлось и называешся шеперь Casse-Gueule.

Я вышелъ на площадку, на широкій и безобразный дворъ, окруженный высокими сшѣнами. Солнце иногда кидаешъ шуда печальный лучъ съ вышины. Огромный каменный фонтанъ по срединѣ; четыре ряда деревъ вокругъ. Въ глубинѣ, въ самой глубинѣ бѣлое изображеніе Спасишеля на красномъ кресшѣ, краснымъ цвѣша крови.

Двѣ женщины были у подножія эшого изображенія; одна очень молодая, другая очень сшарая; которая моложе, ша сшояла на колѣнахъ, сложивши руки, опусшивши голову, разливаясь въ слезахъ. Она шакъ походила на прелесшную Принцессу Ламбаль, чшо я ошво-

Digitized by Google

рошился. Воспоминаніе это было мнѣ прошивно.

Старшая поливала два виноградныя дерева, медленно выросшавшія подлѣ кресша. Онѣ еще шамъ. Сколько капель крови и слезъ оросило ихъ кисши, красныя и бѣлыя, какъ кровь и слезы!

Одинъ изъ придверниковъ мылъ свое бѣлье у фонтана и пѣлъ. Я вошелъ въ корридоры и осшановился у двѣнадцашой каморки нижняго эшажа. Явился человѣкъ съ ключами, вглядѣлся въ меня, узналъ, положилъ свою грубую лапу на больше его нѣжную ручку желѣзнаго засова, и ошперъ. Я былъ у Герцогини Сеншъ-Эньянъ.

(*Продолженіе въ слѣд. книжкѣ.*)

УКРАИНСКІЯ МЕЛОДІИ.

Соч. Ник. Маркевича.

М. 1831. Въ т. Авг. Семена. XXIX и 154 стр. in-8.

Я убѣжденъ, что для основательнаго изученія Стихотворства, необходимо должно заниматься и Музыкой. Иначе какъ постигнете вы глубокую, таинственную связь этихъ двухъ Искусствъ, на которой и въ наше время основана Просодія у всѣхъ народовъ?

Мѣра и риѳмъ равно необходимы и въ Музыкѣ и въ Стихотворствѣ. Они имѣютъ началомъ своимъ потребность организаціи нашей; эта потребность, *единство*, выражаемое постояннымъ повтореніемъ одной мѣры и одного риѳма.

Въ Просодіи есть три главные элемента: это число слоговъ или стопъ, количество, и ударенія, то есть три различныя средства производить сообразное дѣйствіе и черезъ это пробуждать пріятное чувство правильности и единства въ разнообразіи. Рифма также служитъ средствомъ сильно означать конецъ стиха и нравиться слуху повтореніемъ уже произведеннаго дѣйствія.

Digitized by Google

Не входя въ техническія подробности, легко доказать, что три элемента всякой Просодіи соотвѣтствуютъ элементамъ музыкальнаго ритма.

Постоянное употребленіе извѣстнаго числа стопъ, для образованія стиха, и опредѣленнаго числа стиховъ для образованія строфы, явно зависитъ отъ закона симметріи, управляющаго правильностью и соразмѣрностью ритмическихъ фразъ.

Количество, то есть послѣдовательность и попеременное употребленіе слоговъ долгихъ и коротшихъ, основано совершенно на законахъ Музыки. Даже понять его можемъ мы не иначе какъ въ отношеніи къ продолжительности нотъ, которыя всегда бываютъ двойными одна противъ другой. Количество законъ совершенно музыкальный. Не могу сказать утвердительно, однакожь сомнѣваюсь, можемъ-ли мы, новые народы, ввести его въ наши, такъ сказать разговорные стихи. Даже въ Поэзіи Древней мы понимаемъ его только предполагая, что Древніе пѣли свои стихотворенія.

У Нѣмцевъ, и у насъ Рускихъ, стихосложеніе метрическое; но мы составляемъ свой стихъ искусственно. Всего виднѣе это въ гексаметрѣ, гдѣ заимствованіе слоговъ отъ предшествующаго и послѣдующаго словъ необходимо, такъ-же какъ необходимо въ немъ произносить нѣкоторыя слова иначе, нежели мы произносимъ ихъ въ обыкновенномъ разговорѣ.

Digitized by Google

Въ послѣднее время особенно стараются ввести въ стихосложеніе наше всѣ возможные образцы и размѣры, стихъ Асклепіадовъ и октаву Тасса, гексаметръ Омира и даже нѣкоторые виды стиховъ Восточныхъ народовъ. Усилія тщетныя и безплодныя! Не въ нашихъ силахъ измѣнить природу. Не языкъ одинъ противится этому, но и все образованіе наше. Никогда не будемъ мы пѣть стиховъ своихъ, и потому не будетъ у насъ ни гексаметра древняго, ни октавы, ни размѣровъ пѣсенъ Русскихъ. Довольно странно утверждать это, когда пишутъ всѣми означенными размѣрами. Такъ! размѣры есть, но нѣтъ для нихъ мелопеи: она вложена въ наши стихи насильственно; она извлечена не изъ природы языка, не изъ образованія современнаго. Это подражаніе прошедшему, чужому, которое никогда не будетъ имѣть жизни. А что значитъ созданіе безъ жизни?

Между тѣмъ стихи суть необходимое выраженіе для приходящаго въ восторгъ лирическій. Самый грубый, самый холодный человѣкъ невольно бываетъ иногда пѣвцомъ. Сильное потрясеніе, произведенное могучею страстью, заставляетъ его выражаться пѣніемъ. Бывали примѣры, что человѣкъ, отъ внезапной горести приходилъ въ изступленіе и начиналъ пѣть. Впрочемъ, первенецъ созданія не имѣетъ нужды въ восторгѣ безумномъ: онъ начинаетъ пѣть, одушевленный каждою сильною страстью и сильными ощущеніями, какъ-то: радостью, гордымъ сознаніемъ своей силы, звѣри-

Digitized by Google

ною жаждою крови, и проч. Вотъ происхожденіе Орфеевъ, Оссіановъ, Баяновъ, этихъ олицетворенныхъ создателей пѣсни народной, которой истинный создатель есть самъ народъ.

Мы сказали, что въ стихахъ нашихъ нѣтъ мелопеи, то есть количественной декламаціи, пѣвкости, если можно такъ сказать, существовавшей въ Поэзіи Классической. Но совершенное отсутствіе ея невозможно. Она есть, и по законамъ организма человѣческаго должна существовать, болѣе или менѣе, во всѣхъ языкахъ. Чѣмъ, напримѣръ, выражаемъ ее мы?

Всѣ слоги раздѣляются на длинные и коротkіе, или, въ нѣкоторыхъ языкахъ, на слоги съ удареніями и слоги придыхаемые. Это замѣняетъ у новыхъ народовъ количество, и въ точности соотвѣтствуетъ музыкальнымъ темпамъ, различаемымъ на сильные и слабые, которые всегда и непремѣнно слѣдуютъ одинъ за другимъ. Этимъ темпамъ соотвѣтствуетъ также раздѣленіе рифмъ на мужескія и женскія, ибо разница ихъ выражается въ Музыкѣ не иначе какъ употребленіемъ одного изъ означенныхъ темповъ.

Слѣдственно, стихосложеніе есть не что-либо произвольное, изобрѣтенное, какъ говорили прежде, для пособія памяти, или, какъ говорили еще, для того чтобы нравиться побѣжденною трудностью. Нѣтъ, это необходимость природы нашей, неистребимое свойство нашей организаціи. Пѣніе сродно человѣку такъ-же какъ слово, а въ

Digitized by Google

пѣніи уже находятся всѣ законы стихосложенія. Множество причинъ измѣняютъ ихъ: самое устройство органовъ, различное у различныхъ народовъ, климатъ, Исторія, то есть прежняя жизнь, бытъ народный; но главное существуетъ вездѣ. Вспомнимъ объ общихъ переходахъ Поэзіи, и мы удостовѣримся въ этомъ еще болѣе.

Поэзія, вначалѣ своемъ, была не насильственное дѣйствіе и не Мнемоника: она была вдохновеніе, выражавшееся пѣснею, и потому языкъ ея подвергся риѳмическимъ законамъ пѣнія. Не соединеніемъ съ Музыкою началась она, а тѣмъ, что сама была Музыкой. Языкъ музыкальный есть необходимый языкъ первобытной Поэзіи; восторгъ, произведшій ее, произвелъ въ то же время и сей языкъ, такъ-же какъ она свободный, естественный, и вмѣстѣ идеальный, неопредѣленный и гармоническій.

Когда Поэзія потеряла свой первобытный характеръ свободы и вдохновенія чистаго, она потеряла и вдохновенный, свободный языкъ: она низошла къ выраженію словесному. Тогда начали сочинять стихи, и это было первымъ шагомъ къ прозѣ, которая послѣ сего усиливалась болѣе и болѣе. Но поэтическій языкъ сохранилъ нѣчто изъ своего музыкальнаго характера: это видимъ мы въ риѳмѣ, котораго законы существуютъ въ Просодіи всѣхъ народовъ. Мелодія, душа Музыки, подобно какъ риѳмъ тѣло ея, Мелодія оставила гораздо менѣе слѣдовъ. Однакожь потребность въ

Digitized by Google

пріятномъ послѣдованіи звуковъ, которую слухъ сохранилъ навсегда и перенесъ даже въ прозу, указываетъ издали на чувство Мелодіи, а декламація, столь близкая къ речитативу, есть отблескъ пѣнія.

Наконецъ обѣ сіи половины первобытнаго Искусства, Музыкальная и Словесная, не смотря на свое существенное сродство, раздѣлились совершенно. Впослѣдствіи, по тому темному чувству объ основныхъ истинахъ въ Искусствахъ, котораго человѣкъ не теряетъ никогда, начали соединять Стихотворство и Музыку, и такимъ образомъ составили новый родъ Лирики, и Мелодраму или Оперу. Но соединенныя такимъ образомъ два Искусства, бывшія вначалѣ единствомъ, подобны двумъ братьямъ, разлученнымъ съ дѣтства и развивавшимся отдѣльно; они уже не могутъ жить одною жизнію; первобытная гармонія разрушена; одинъ долженъ подчиняться другому. Это мы и видимъ на самомъ дѣлѣ: превосходнѣйшія лирическія стихотворенія, положенныя на Музыку, напримѣръ хоры въ Фингалѣ, въ Эсхири, Шиллеровы Баллады, производятъ самое слабое музыкальное дѣйствіе; напротивъ текстъ *Волшебной Флейты*, этого чуда Музыки, текстъ сей есть одна изъ величайшихъ глупостей въ мірѣ.

Но совсѣмъ инымъ законамъ повинуются стихотворенія, которыя сочиняетъ народъ. Какъ всѣ первобытныя изліянія лирическаго восторга, онѣ сочиняются вмѣстѣ съ пѣніемъ. Ихъ поютъ. На-

Digitized by Google

нѣвъ и слова родятся тамъ отъ единаго вдохновенія и дополняются взаимно. Размѣръ и движеніе музыкальное такъ сильно дѣйствуютъ въ нихъ на слова, что тутъ не можетъ быть раздѣла; даже не льзя понять сихъ стихотвореній вполнѣ, раздѣливъ въ нихъ то, что имѣетъ внутреннюю, необходимую связь. Сверхъ того, въ народныхъ напѣвахъ всегда бываетъ оригинальность, можетъ быть еще болѣе выразительная и сильная, нежели оригинальность самыхъ стихотвореній народныхъ. Не льзя не согласиться, что недостатокъ образованности часто бываетъ препятствіемъ для дарованія стихотворнаго, которое не можетъ быть столь независимо, столь природно, какъ дарованіе музыкальное. Надобно особенное стеченіе счастливыхъ обстоятельствъ, чтобы Поэзія какого-либо народа была не только простодушна, оригинальна, но и прекрасна. Никогда не бываетъ она дурна, но можетъ быть ничтожна. Совсѣмъ иной законъ въ Музыкѣ. Человѣкъ, ни сколько не образованный и отнюдь не отличный умомъ, но у котораго есть ухо и душа, можетъ найдши мотивъ счастливый. Предметъ горныхъ Швейцарскихъ пѣсенъ вообще тотъ, что пастухъ сзываетъ поименно своихъ коровъ. Кажется не очень занимательно! Но какіе разительные, *душевные* напѣвы на эти вздорныя слова! именно потому, что напѣвъ народный выражаетъ не всегда то или другое, преходящее расположеніе души: часто это главное чувство цѣлаго народа. Такъ Сѣверныя пѣсни, даже когда предметъ ихъ вовсе не мраченъ, запе-

Digitized by Google

чашлѣны глубокою грустію. Эта грусть не въ словахъ пѣсни, а въ самой природѣ Сѣвера и въ людяхъ, тамъ обитающихъ. Слѣдственно, въ этомъ отношеніи, пѣсня есть самое глубокое и самое общее выраженіе народа. Это отзывъ души его, въ которомъ соединены два поэтическіе элемента человѣческой природы, не погибающіе никогда.

Станутъ-ли спрашивать насъ послѣ этого, отъ чего, при возраждающейся самобытности, общее вниманіе обратилось на пѣсни народныя? Намъ надобно было только разсмотрѣть, что значитъ пѣсня, дабы видѣть всю важность ея при нынѣшнемъ взглядѣ на Искусство. Сверхъ того, пѣсня подтверждаетъ и общую мысль вѣка, что каждый народъ имѣетъ права на вниманіе философа и наблюдателя, какъ членъ одного огромнаго семейства, какъ выразитель какой-либо отдѣльной, оригинальной мысли. Все другое погибаетъ такъ скоро и быстро, но пѣсня народная, завѣтъ стараго времени новому, ничто не можетъ разрушить, истребить ея! »Пламя пожираетъ произведенія кисти, разбойники грабятъ сокровища, пѣсня ускользаетъ отъ нихъ и живетъ! Она ходитъ между людьми, и если испорченныя души не умѣютъ питать ея сожалѣніями и надеждами, она стремится въ горы, прилѣпляется къ развалинамъ и оттуда говоритъ о временахъ старыхъ! Такъ соловей вспархиваетъ съ горящаго дома, оставется одну минуту на кровлѣ, и когда падаетъ кровля,

Digitized by Google

онъ летитъ въ лѣса и звучнымъ голосомъ поетъ печальную пѣснь путешественникамъ, между развалинъ и гробовъ*.«

Если Г. Маркевичъ имѣлъ мыслію: показать намъ духъ своего народа въ мелодіяхъ, которыя сочиняетъ самъ народъ, и въ которыхъ не должны быть отдѣляемы стихи отъ напѣва, словомъ, если онъ хотѣлъ издать пѣсни вмѣстѣ съ музыкою ихъ, то мысль его была истинно прекрасная, достойная мыслящаго патріота, ибо, чтобы понять Поэзію народа, надобно быть роднымъ ей.

Но онъ удалился отъ сей мысли; онъ написалъ *свои* сочиненія, и только содержаніе оныхъ заимствовалъ изъ преданій народныхъ. Слѣдовательно въ сочиненіяхъ сихъ мы увидимъ Г-на Маркевича, а не тѣхъ людей, которые сочиняли музыку своихъ пѣсенъ вмѣстѣ съ словами. Это уже не Малороссійскія или не Украинскія Мелодіи: это Мелодіи Г-на Маркевича. Мы показали, что народныя пѣсни (зачѣмъ называть ихъ одностороннимъ словомъ: *Мелодіи?*) нераздѣлимы съ напѣвами, даже не понятны безъ нихъ, и на оборотъ, народные напѣвы непоняшны безъ словъ, съ которыми вмѣстѣ излились они изъ души поэтической. Какимъ-же образомъ будутъ гармонировать стихотворенія Г-на Маркевича съ музыкою, которую взялъ онъ для нихъ изъ народныхъ напѣвовъ? Онъ непремѣн-

* Нужно-ли сказывать, отнуда заимствованы сіи послѣднія слова?

Digitized by Google

но долженъ будешь передѣлать ее для своихъ сочиненій, ибо иначе въ соединеніи этихъ двухъ элементовъ будетъ замѣтный *диссонанцъ*. Но теперь еще не время судить объ этомъ. Подождемъ напѣвовъ, которые Г. Маркевичъ обѣщаетъ намъ издать, вмѣстѣ съ другою книгою своихъ народныхъ стихотвореній, и тогда постараемся разрѣшить сей вопросъ.

Совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ явятся намъ *Мелодіи* Г-на Маркевича, если мы станемъ глядѣть на нихъ просто какъ на поэтическія произведенія. Самъ Авторъ возложилъ на себя тяжелую отвѣтственность, назвавъ стихотворенія свои *Украинскими Мелодіями*, и обѣщаясь *поддѣлать* ихъ подъ музыку народныхъ пѣсенъ. Зачѣмъ это излишнее требованіе? Развѣ не довольно быть поэтомъ своего народа, и выражать собственную душу свою, напитанную и воспитанную народностью, выражать достойнымъ своего времени образомъ? Можемъ-ли мы сравняться съ народными поэтами временъ прошедшихъ? Можемъ-ли такъ думать, глядѣть, чувствовать какъ они? А безъ этого, что будетъ желаніе наше поддѣлаться подъ нихъ? Впрочемъ, еще скорѣе можно быть подражателемъ старинѣ въ *стихотвореніяхъ*, чѣмъ въ *мелодіяхъ*, принимая слово сіе въ настоящемъ смыслѣ его. И знатокъ ошибется иногда, читая такихъ подражателей, какъ Мериме; но еще ни гдѣ не отыскался Мериме для напѣвовъ народныхъ. Какъ-же возможно соединить въ себѣ то и другое: быть и пѣвцомъ и

Digitized by Google

гусляромъ въ неподражаемомъ родѣ стихотвореній, который называется пѣснею?

Дарованіе Г-на Маркевича извѣстно читателямъ нашимъ. Многія изъ *Мелодій* его, нынѣ изданныхъ особою книгою, были напечатаны въ Телеграфѣ. Это прекрасныя, поэтическія произведенія, которыя доказываютъ, что Авторъ достоинъ своего времени какъ версификаторъ, и въ то-же время достоинъ своего народа, которому онъ обязанъ лучшими вдохновеніями своими. Но, повторимъ, это вдохновеніе *его*, а не тѣхъ поэтовъ, у коихъ взялъ онъ музыку для своихъ стихотвореній. Скажемъ еще болѣе: и не льзя быть поэтомъ иначе. Неопровержимымъ доказательствомъ сего могутъ быть всѣ великіе поэты. Гдѣ лучше, живѣе, плѣнительнѣе отражается Италія, со всею красотою своею, со всею поэзіею, какъ не въ Итальянскихъ трагедіяхъ Шекспира? Но похожъ-ли Шекспиръ на Итальянскихъ поэтовъ, которыхъ пѣснопѣнія принадлежатъ народу? Нѣтъ, это Италія, отразившаяся въ душѣ инаго поэта, это его разсказъ о ней, его впечатлѣніе, гдѣ такъ все живо, такъ пламенно, такъ сильно, что вы невольно повторяете: это Италія!

Г. Маркевичъ обогатилъ свою книгу обширнымъ *Предисловіемъ*, гдѣ представляетъ намъ живописную картину Малороссіи, и говоритъ о ея преданіяхъ, повѣрьяхъ, обычаяхъ. *Примѣчанія*, которыми занята треть всей книги, дополняютъ сію картину множествомъ любопытныхъ подробностей.

Digitized by Google

Въ каждой изъ *Мелодій* повѣствуется какое нибудь преданіе, или обычай туземный, или историческое событіе, и проч. Въ *Примѣчаніяхъ*, Авторъ объясняетъ то, что могло-бы показаться читателю темнымъ или непонятнымъ. Такимъ образомъ, книга сія доставляетъ не одно удовольствіе любителю Поэзіи, но и запасъ любопытныхъ свѣдѣній о Малороссіи Географу и Бытописателю. Тѣмъ болѣе важны свѣдѣнія сіи, что ихъ писалъ образованный туземецъ, знающій свою родную страну.

К. П.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Русская литература.

— *Стихотворенія Дениса Давыдова.* М. 1832. Въ т. А. Семена. XXIII и III стр. in-12.

Имя Д. В. Давыдова знакомо всѣмъ любителямъ Поэзіи Русской. Но съ извѣстностью поэта, онъ умѣлъ сочетать и другую, не меньше лестную извѣстность образователя партизанской войны въ 1812 году. Оба сіи права, на поэтическую и военную славу, соединились въ умахъ соотечественниковъ, и сдѣлали его давнишнимъ любимцемъ публики. При имени Давыдова, каждый воображаетъ себѣ и картину битвы, и фантасмагорію бивака, и кружокъ гусаровъ, гдѣ между чоканьемъ стакановъ и веселыми восклицаніями слышны изрѣдка отзывы лиры. Поэзія есть краса воина. Самая противоположность боевой жизни, грознаго вида и страшнаго ремесла его съ нѣжными чувствованіями сердца, дѣлаетъ что-то необычайно поэтическое. Воинъ, поэтъ по ремеслу, долженъ быть сильнѣе другихъ поэтомъ и по сердцу. Такъ воображаетъ Давыдова каждый изъ насъ.

Стихотворенія его, разбросанныя въ Журналахъ, развѣянныя по цѣлой Россіи въ спискахъ, необхо-

Digitized by Google

димо искаженныхъ, давно просились въ книгу, и въ благопристойной одеждѣ ея на столики и диваны городскихъ жителей, подъ бурки и въ кивера залетныхъ гусаровъ и степенныхъ пѣхотинцевъ. Общее желаніе выполнено. Напечатанныя исправно, во всей самородной красѣ своей, Стихотворенія Давыдова передъ нами. Публика можетъ удовлетворить своему желанію, можетъ читать ихъ въ томъ видѣ, какъ вышли онѣ изъ-подъ пера Поэта-Партизана. Критика должна сказать о нихъ свое мнѣніе, которое могутъ полагать годовымъ съ давнихъ поръ, ибо оно, такъ сказать, росло вмѣстѣ съ стихами Давыдова, по большей части знакомыми всѣмъ.

Есть однакожъ разница между впечатлѣніями постепенными, и общимъ впечатлѣніемъ, при взглядѣ на все, что написалъ поэтъ. Прочитавъ Стихотворенія Давыдова, мы видимъ, что не вся поэзія его въ нихъ. Да, мы не вполнѣ знаемъ эту пламенную душу, этотъ оригинальный, простодушно-насмѣшливый умъ, если знаемъ только стихи Давыдова. Поэзія подвиговъ его заняла столько-же мѣста въ умахъ нашихъ, сколько писанная Поэзія его. Мало и этого: мы знаемъ совсѣмъ инаго Давыдова, если судимъ о немъ только по стихамъ его.

Таково впечатлѣніе, произведенное въ насъ собраніемъ его Стихотвореній. Какъ дадимъ мы отчетъ въ немъ?

Два свѣтлые ключа льются независимо одинъ отъ другаго: одинъ тихо катитъ воды свои; онъ

Digitized by Google

ясенъ и чистъ какъ глаза невинной дѣвы; другой спремится бурно, и рокотомъ, громомъ своимъ будитъ вниманіе странника; онъ блещетъ и сверкаетъ какъ сабля наѣздника. Такова стихотворная Поэзія Давыдова. Въ ней видите вы двухъ совершенно различныхъ пѣвцовъ. Одинъ весь любовь, со всѣми ея нѣжными, очаровательными оттѣнками. Другой, полное выраженіе вакхической радости, которая мелькаетъ въ станѣ воинскомъ, между бивакомъ и смертью. Вотъ пѣснь одного:

Нѣтъ, полно пробѣгать съ улыбкою любви,
Перстами легкими цѣвницу золотую;
Пускай другой поетъ и радости свои
И жизни счастливой подругу дорогую.
Я одинокъ, какъ цвѣтъ степей,
Когда колеблемый грозой освирѣпѣлой,
Онъ клонится къ землѣ главой осиротѣлой,
И блекнетъ средь цвѣтущихъ дней.

. . . . . .

. . . . . .

Кто понуждалъ меня, скажи,
Отъ жизни радостной на жадну смерть стремиться?
Одно, одно мечтаніе души,
Что славы лучъ моей на милой отразится,
Что можетъ быть вѣнокъ, пріобрѣтенный мной
Въ бояхъ мечемъ нещерпѣливымъ,
Покроетъ лавромъ горделивымъ,
Чело стыдливое подруги молодой! . . .

. . . . . .

. . . . . .

Digitized by Google

. . . Мой жребій пасть въ бояхъ,
Мечемъ побѣды пораженнымъ,
И, можетъ быть, врагомъ влеченный на поляхъ,
Чертишь кремнистый путь челомъ окровавленнымъ.
Такъ! я паду въ странѣ чужой,
Далеко родины изгнанникомъ невиннымъ;
Никто не окропитъ холодный прахъ слезой,
И разбросаетъ вѣтръ мой прахъ съ пескомъ пустыннымъ.

Таковы всѣ элегическія стихотворенія Давыдова. Не знаю съ кѣмъ изъ Французскихъ поэтовъ сравнишь его въ нихъ, ибо надобно признаться, что этотъ родъ стихотвореній заимствовали мы у Французовъ, если судить не по формѣ, которая принадлежитъ всѣмъ народамъ, а по тону, по характеру. Давыдовъ выше Милльвуа, и, можетъ быть, ближе всего къ Андрею Шенье, прославившему своимъ стихотвореніемъ юную плѣнницу, столь чистую въ стихахъ его, столь трогательную въ Исторіи, и столь очаровательную въ новомъ романѣ Альфреда де Виньи. Элегія требуетъ много чувства; а кто не видитъ его въ Давыдовѣ? Это не пустозвонная игра чужеземныхъ куранговъ, какою забавляютъ насъ многіе изъ нашихъ элегистовъ; нѣтъ! Чувство собственное, глубокое, говоритъ въ стихахъ Давыдова, часто неправильныхъ, но всегда идущихъ отъ сердца и къ сердцу. Кромѣ 5-ти Элегій, помѣщенныхъ вначалѣ книги къ элегіямъ можно причислить слѣдующія стихотворенія его: *Подражаніе Парни*, *Душенька*, *Бородинское поле*, *Зайцевскому*.

Digitized by Google

Послѣ этихъ произведеній, исполненныхъ чувства высокаго, и если можно сказать, важнаго, кто-бы могъ предполагать, что рука того-же Поэта написала *залетныя* Посланія и Пѣсни, гдѣ первенствуетъ богъ Веселія, и еще больше: Русскій богъ *Разгульности?* Трудно рѣшить, въ какомъ родѣ Давыдовъ превосходнѣе. Напримѣръ, что можетъ быть простодушно-искреннѣе *Гусарской Исповѣди*:

Я каюсь! я гусаръ давно, всегда гусаръ,
И съ просѣдью усовъ все рабъ младой привычки:
Люблю разгульный шумъ, умовъ, рѣчей пожаръ,
И громогласныя Шампанскаго опшычки.
Отъ юности моей врагъ упорныхъ ушѣхъ,
Мнѣ душно на пирахъ безъ воли и распашки.
Давай мнѣ хоръ Цыганъ! Давай мнѣ споръ и смѣхъ,
И дымъ столбомъ отъ трубочной *затяжки.*

Не смѣемъ выписывать далѣе, ибо не все то можно выставить на показъ въ Журналѣ, что хорошо въ гусарской бесѣдѣ, за *громогласными оттычками Шампанскаго.* Мы слышали отъ нѣкоторыхъ читателей осужденія за *недописанныя слова:* справедливо, если-бы въ мірѣ были однѣ дамы; но въ немъ есть еще и Бурцовы, и Давыдовы. Ихъ скромность была-бы жеманствомъ и въ бесѣдѣ, и въ стихахъ: они казались-бы не тѣмъ, что суть. Ради Бога! и такъ слишкомъ много поддѣльнаго, начиная отъ дамскихъ локоновъ, до Посланій Русскихъ Стихотворцевъ. Дайте хоть на

Digitized by Google

минуту видѣть человѣка не связаннымъ. У гусаровъ есть свой языкъ, который милъ урожденнымъ *Бурцамъ*. Дамамъ онъ не понятенъ, больше Китайскаго. Мы увѣрены въ томъ. И такъ съ чистою совѣстью можно упѣшаться Посланіями Давыдова къ Бурцову, гусарскими пѣснями его, *Исповѣдью*, и всѣмъ, писаннымъ въ этомъ родѣ.

Больше важная задача увлекаетъ насъ. Какъ объяснить эту необыкновенную противоположность: звуки пѣвца элегическаго, и буйные возгласы отчаяннаго гусара, въ одномъ и томъ-же человѣкѣ? Отъ чего два совершенно различные пѣвца соединены въ немъ?

Мы сказали, что Стихотворенія Давыдова не выражаютъ его вполнѣ. Кто не знаетъ жизни его, подвиговъ воинскихъ, и всѣхъ сочиненій, тотъ не пойметъ его, ибо знаетъ слишкомъ мало. Вся жизнь Давыдова есть поэзія, начиная отъ благословенія, даннаго ему Суворовымъ, и до послѣднихъ походовъ. Онъ черпалъ вдохновенія свои не на писанье, а на дѣйствія. Стихи его суть немногіе лучи того свѣта, коимъ озарена его жизнь. Минутная любовь не долго звучала въ струнахъ его лиры; а гусарскія потѣхи и не могли быть не минутными. Онѣ остались жить въ стихахъ его. Но поэтическая душа находитъ во всемъ поэзію; сильныя чувства вытѣсняютъ слабѣйшія; и потому-то Давыдовъ всего болѣе поэтъ въ Дневникѣ своемъ, гдѣ описываетъ онъ борьбу Партизана съ богатырями Исполина: тамъ ищите ключа къ его Стихотвореніямъ. Въ этомъ-же отношеніи

Digitized by Google

чрезвычайно любопытна статья, напечатанная передъ его Стихотвореніями: *Нѣкоторыя черты изъ жизни Дениса Васильевича Давыдова.* Не обращаю вниманія читателя на прелестное изложеніе сей статьи, но прошу его замѣтить, какъ всѣ случаи жизни отражались въ душѣ Поэта. Онъ во всемъ видѣлъ идеальное: въ *мыслетѣ* Бурцова нравилась ему самая поэзія пьянства, такъ-же какъ въ сожженіи Москвы поэзія подвига. Онъ выражалъ стихами то, что могъ выразить ими, но не переставалъ быть поэтомъ во всю жизнь. Новыя впечатлѣнія находили у него новое выраженіе.

Читатель не можетъ сказать, что мы снисходительно судили о Стихотвореніяхъ Партизана-Поэта. Напротивъ, мы нашли въ немъ недостатокъ чрезвычайно важный: онъ не выразилъ себя въ Стихотвореніяхъ своихъ, или, говоря иными словами: онъ писалъ слишкомъ мало. Какъ дополненія къ изданному уже, съ нетерпѣніемъ ждемъ *Дневника* его, печатаемаго, какъ мы слышали, вполнѣ, и другихъ сочиненій его, также поступившихъ въ печать.

Въ заключеніе, выпишемъ изъ означенной нами статьи: *Черты изъ жизни Д. В. Давыдова* нѣсколько строкъ, гдѣ въ немногихъ словахъ выражена мысль *обоюду острая,* вѣрная. Такихъ мыслей много въ этой статьѣ. Поздравляемъ читателя съ этимъ кладомъ нашего безмысленнаго времени, и на первый случай дѣлимся съ нимъ немногимъ. Это образчикъ.

Digitized by Google

»Давыдовъ не много писалъ, еще менѣе печаталъ; онъ, по обстоятельствамъ, изъ числа тѣхъ поэтовъ, которые довольствовались *рукописною* или *карманною* славою. Карманная слава, какъ карманные часы, можетъ пускаться въ обращеніе, миновавъ строгость дозорщиковъ. Запрещенный товаръ, такъ-же какъ запрещенный плодъ: цѣна его удвоиваетсяотъ запрещенія. Сколько столовыхъ часовъ подъ свинцомъ таможенныхъ Чиновниковъ стоятъ въ лавкѣ. На вопросъ: долго-ли имъ стоять? отвѣчаютъ они: *вѣчность!*«

—*Рѣчи*, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета, Іюля 8 дня 1832 года. Съ приложеніемъ краткой годичной Исторіи онаго. М. въ Унив. Т. 1832. 100 стр. in-4.

Въ сей книгѣ напечатаны слѣдующія отдѣльныя сочиненія: *Рѣчь, о началѣ и происхожденіи Россійскихъ законовъ, духѣ ихъ и постепенномъ усовершенствованіи*, Профессора Смирнова;—De studii historiae naturalis dignitate oratio, Профессора А. Фишера; — Отчетъ Университета за Академическій годъ (съ 1-го Іюля 1831, по 1-е Іюля 1832 г.); — Краткія Біографіи Профессоровъ: Лодера, Мудрова, Сандунова.

Выписываемъ любопытнѣйшія мѣста изъ Отчета.

Въ Университетѣ всѣхъ учащихся находилось 805 человѣкъ, въ числѣ коихъ: казеннокоштныхъ Студентовъ 30, воспитанниковъ Врачебнаго Ин-

Digitized by Google

стипуша 100, на содержаніи другихъ мѣстъ и благотворителей 27; Студентовъ своекошшныхъ 452, и Слушателей 158. Выбыло изъ Университета: Докторовъ Медицины 3, Лекарей 44, Кандидатовъ 19.

По производствѣ (какъ сказано въ отчетѣ) законныхъ испытаній, удостоены званій: Магистра 1, Доктора Медицины 2, Инспектора Врачебной Управы 5, Акушера 9, Лекаря Перваго Отдѣленія 19, Втораго Отдѣленія 14, Третьяго Отдѣленія 5, Ветеринарнаго Врача 3, Провизора 9, Гезеля 16, Повивальной Бабки 10, Кандидата, по Нравственно-Политическому Отдѣленію 17, по Физико-Математическому 4, по Словесному 12, Дѣйствительнаго Студента, по Нравственно-Политическому Отдѣленію 16, по Физико-Математическому 1, по Словесному 7.

Члены Университета *неослабно* старались о распространеніи наукъ посредствомъ своихъ сочиненій и переводовъ. Замѣтимъ нѣкоторые изъ сихъ трудовъ. Проф. Надеждинъ издаетъ Журналъ *современнаго просвѣщенія, Телескопъ;* Адъюнктъ Погодинъ издалъ *Повѣсти,* въ 3 частяхъ; Лекторъ Рубини *Итальянскую Хрестоматію;* Лекторъ Гёрингъ переводъ романа: *Рославлевъ* (на какомъ языкѣ, не упомянуто).

Въ Библіотеку Университета, кромѣ Журналовъ и Диссертацій, поступило 742 книги въ 1408 *волюмахъ* (?). Сверхъ того, Университетъ пріобрѣлъ покупкою, за 27 т. рублей, обширную, и по рѣд-

Digitized by Google

кости и важности многихъ книгъ драгоцѣнную Библіотеку, отъ Дѣйств. Сп. Совѣтника А. И. Тургенева, съ присовокупленнымъ къ оной превосходнымъ собраніемъ ландкартъ и медалей.

Операторъ А. С. Кустовскій, служившій въ городѣ Саратовѣ и умершій въ 1831 году, завѣщалъ Университету 16,000 рублей, съ тѣмъ, чтобы на проценты сего капитала обучаемы были Врачебнымъ Наукамъ сироты недостаточныхъ Медиковъ, совершенно Русскихъ, коихъ даже фамилія не была бы иностранная. Воля завѣщателя исполняется.

Касательно заведеній, подвѣдомыхъ Университету, можно замѣтить слѣдующее:

Въ Ярославскомъ Демидовскомъ высшихъ Наукъ Училищѣ находится Студентовъ, воспитывающихся на счетъ Училища 38, на счетъ Штабсъ-Капитана Горяинова 3, Студентовъ-Пансіонеровъ 6, своекошныхъ 14, Слушателей 7. — Въ Благородномъ Пансіонѣ, учрежденномъ при Училищѣ, находится Студентовъ-Пансіонеровъ 6, Пансіонеровъ 36, полу-пансіонеровъ 12.

Въ Губерніяхъ, составляющихъ Округъ Московскаго Университета, открыто: Уѣздныхъ Училищъ 3, Приходскихъ 2, частныхъ Пансіоновъ 8; закрыто: Приходское Училище 1, частныхъ Пансіоновъ 4. Нынѣ находится: Гимназій 12 (изъ коихъ двѣ Московскія преобразованы), Уѣздныхъ училищъ 90, Приходскихъ 171, частныхъ Пансіоновъ 40; въ нихъ учащихся 15,268 человѣкъ, въ томъ числѣ въ

Digitized by Google

Гимназіяхъ 1396; въ Уѣздныхъ Училищахъ 5690, въ Приходскихъ 7080; въ частныхъ Пансіонахъ: мужескаго пола 469, женскаго 633.

— *Обозрѣніе публичнаго преподаванія Наукъ въ* Императорскомъ *Московскомъ Университетѣ*, съ 17 Августа 1832-го, по 28 Іюня 1833 года. М. Въ Унив. т. 35 стр. in-4.

Преподаваніе наукъ въ Московскомъ Университетѣ раздѣлено на четыре Факультета, или Отдѣленія. Въ оныхъ преподаютъ слѣдующія лекціи:

Въ *Нравственно-Политическомъ Отдѣленіи:* 1, *Ученіе Христіанской Вѣры и Нравственности; Исторію Церкви*, Професс. Священникъ Терновскій; 2, *Право Политическое* и *Дипломатію*, Проф. Василевскій; 3, *Исторію Россійскаго Законодательства* и *Судопроизводство*, Проф. Смирновъ; 4, *Статистику Россійскаго Государства* и *Статистику Знатнѣйшихъ Государствъ*, Адъюнктъ Щедрицкій; 5, *Исторію Государства Россійскаго по Карамзину*, Ад. Погодинъ; 6, *Политическую Экономію, Исторію Римскаго Права, Римское Гражданское Право*, Ад. Васильевъ.

Въ *Физико-Математическомъ Отдѣленіи:* 1, *Ботанику*, Проф. Двигубскій; вспомоществуетъ ему Ад. Максимовичъ; 2, *Физику*, Проф. Павловъ; 3, *Высшую Алгебру, Дифференціальное* и *Интегральное Исчисленіе*, Проф. Щепкинъ; 4, *Астрономію*, Проф. Перевощиковъ; 5, *Сельское Хозяйство* и

Digitized by Google

Минералогію, Проф. Ловецкій; 6, *Исторію животныхъ позвоночныхъ и безпозвоночныхъ,* Проф. А. Фишеръ; 7, *Всеобщую и Аналитическую Химію,* Ад. Гейманъ; 8, *Аналитическую Геометрію,* Ад. Коцауровъ; 9, *Исчисленіе на счетахъ,* Магистръ Погорѣльскій.

Во *Врачебномъ Отдѣленіи:* 1, *Физіологію, Судебную Медицину и Медицинскую Полицію,* Проф. Мухинъ; 2, *Фармацію, Врачебное Веществословіе и Науку сочинять рецепты,* Проф. Кошельницкій; 3, *Ветеринарную Науку,* Проф. Бунге; 4, *Повивальное Искуство и Науку о дѣтскихъ болѣзняхъ,* Проф. Рихтеръ; 5, *Хирургію,* Проф. Альфонскій; 6, *Частную Терапію,* Проф. Дядьковскій; 7, *Науку о глазныхъ болѣзняхъ,* Проф. Эвеніусъ; 8, *Анатомію тѣла человѣческаго,* Проф. Эйнбродтъ; 9, *Сравнительную Анатомію и Физіологію домашнихъ животныхъ,* Ад. Спраховъ; 10, *Разсѣченіе труповъ,* Ад. Терновскій, при помощи Прозектора Гумбурга; 11, *Общую Химію,* Ад. Іовскій; 12, *Медицинскую Греческую Литтературу, Исторію Первородной и Возрожденной Медицины,* Ад. Н. Лебедевъ; 13, *Науку о женскихъ болѣзняхъ,* Ад. Рясовскій; 14, *Общую Патологію и Терапію,* Ад. К. Лебедевъ; 15, *Математику и Физику,* Ад. Топоровъ; 16, *Минералогію, Зоологію и Ботанику,* Лекторъ Щуровскій.

Въ *Словесномъ Отдѣленіи:* 1, *Исторію и Статистику Государства Россійскаго, Всеобщую Исторію Древнихъ Вѣковъ и Среднихъ, и Общую Статистику,* Проф. Каченовскій; 2, *Персидскій языкъ,* Проф. Болдыревъ; 3, *Теорію Краснорѣчія,* Проф.

Digitized by Google

Давыдовъ; 4, *Греческую Словесность*, Проф. Ивашковскій; 5, *Латинскую Словесность* и *Римскія Древности*, Проф. Снегиревъ; 6, *Теорію Изящныхъ Искуствъ*, Проф. Надеждинъ; 7, *Риторику* и *Слогъ Русскаго языка*, Проф. Побѣдоносцевъ; 8, *Риторику*, Ад. Гавриловъ; 9, *Нѣмецкій языкъ* и *Литтературу Нѣмецкую*, Лекторъ Кистеръ; 10, *Итальянскій языкъ* и *Литтературу Итальянскую*, Лекторъ Рубини; 11, *Англійскій языкъ* и *Литтературу Англійскую*, Лект. Гарве; 12, *Французскій языкъ* и *Литтературу Французскую*, Лект. Декампъ; 13, *Нѣмецкій языкъ*, Лект. Гёрингъ; 14, *Французскій языкъ*, Лект. Куршенеръ. Сверхъ того изъясняютъ: *Географію*, *Хронологію*, *Геральдику*, *Нумизматику* и *Генеалогію*, Магистръ Гастевъ; *Арабскій языкъ*, Кандидатъ Коноплевъ; *Греческій языкъ*, Магистръ Оболенскій; *Латинскій языкъ*, Магистръ Кубаревъ.

— *Начертаніе Курса Изящной Словесности*, для употребленія въ высшихъ классахъ Общества Благородныхъ дѣвицъ и Училища Ордена Св. Екатерины. Сочиненіе М. Тимаева. СПб. 1832. Въ т. А. Плюшара. 228 стр. in-12.

Сочинитель объясняетъ назначеніе своей книги слѣдующими словами: »Цѣль моя при изданіи сей книги была та, чтобы доставить своимъ слушательницамъ подробную *Программу* предметовъ, въ окончательномъ курсѣ Изящной Словесности

Digitized by Google

мною объясняемыхъ, и тѣмъ сберечь для нихъ время, употребляемое на переписываніе оной. До сихъ поръ они списывали Руководство, и сверхъ того составляли замѣчанія. Первая, механическая работа отнимала много времени у втораго, драгоцѣннаго умственнаго занятія, и также у практическихъ упражненій въ сочиненіяхъ.«

Думаемъ, что Сочинитель достигъ сей цѣли.

Digitized by Google

Историческій и Статистическій взглядъ на послѣднее десятилѣтіе Турціи.

Турція давно окончила историческій періодъ возрастанія. Послѣднее десятилѣтіе показываетъ намъ, что для нея начался періодъ новый. Отпаденіе частей отъ главнаго звѣна Государства, разстройство во многихъ отдѣлахъ управленія и безпрерывные мятежи не оканчиваются нынѣ для Турціи потрясеніемъ частнымъ: нѣтъ, отъ нихъ колеблется все тѣло сей огромной и нѣкогда блестящей Имперіи. Любопытно взглянуть на постепенное усиленіе сихъ гибельныхъ признаковъ, вникнуть въ причины необыкновенныхъ явленій, какія представляетъ нынѣ Турція, и по возможности опредѣлить настоящее положеніе сего страннаго Государства.

Въ 1812 году, когда грозная туча двадцати народовъ, подъ предводительствомъ перваго полководца въ мірѣ, готова была разразиться надъ Россіею, Турція въ послѣдній разъ имѣла случай воспользоваться своею политикой. Въ послѣдній разъ несогласія Европейскихъ Государей сохранили ее

Digitized by Google

отъ гибели, и Россія, готовясь къ грозной борьбѣ, заключила въ Бухарестѣ (16 Мая 1812 года), миръ, упрочивавшій существованіе Оттоманской Порты.

Паденіе Наполеона вело за собою новый порядокъ дѣлъ въ Европѣ. Исполинская сила, на которую въ послѣднее время опиралась Порта при несоблюденіи трактатовъ, не существовала, и условія, заключенныя въ Бухарестѣ, но еще не выполненныя со стороны Порты, надлежало наконецъ исполнить. Россійское Правительство справедливо требовало, чтобы войска Турецкія, занимавшія Молдавію и Валлахію, были выведены изъ сихъ областей, и чтобы Турецкое Правительство не препятствовало Черноморской торговлѣ нашей. Требованія сіи были основаны на точномъ разумѣ статей Бухарестскаго мира.

Въ то время, когда переговоры о сихъ важныхъ предметахъ становились болѣе и болѣе затруднительны, въ началѣ 1821 года вспыхнулъ пожаръ возстающей отъ вѣковаго сна Греціи. Не вдругъ и не общими силами взялись за мечъ потомки древнихъ Эллиновъ. Въ первый годъ борьбы съ ними, Турція еще не видѣла тѣхъ великихъ слѣдствій, какія долженъ былъ породить сей необычайный мятежъ. Въ 1822 году, она болѣе занималась странною войною съ Персіянами въ Малой Азіи, и смерть опаснаго врага, котораго видѣла она въ ужасномъ Али-Пашѣ Яннинскомъ, обрадовала ее болѣе нежели мѣлкія, не имѣвшія слѣдствій побѣды

Digitized by Google

надъ Греками. Съ перемѣннымъ успѣхомъ длилась борьба сія въ 1823-мъ и слѣдующихъ годахъ до 1826-го. Мы не будемъ заниматься ею. Еще не настало время излагать подробно сей достопамятный эпизодъ Новѣйшей Исторіи. Еще обстоятельства, наиболѣе дѣйствовавшія въ оном, не раскрыты для глазъ современниковъ. Противорѣчивыя, частныя и почти безъ исключенія пристрастныя извѣстія и сужденія о войнѣ Грековъ съ Турками не относятся къ нашему предмету. Гораздо важнѣе для насъ обозрѣть дальнѣйшія событія, когда начали развиваться и оказываться слѣдствія сего, вначалѣ ничтожнаго мятежа.

1826 годъ открылся для Турціи чрезвычайными затрудненіями. Война, продолжавшаяся въ Греціи, сдѣлалась источникомъ безпокойствъ, волненій и бѣдствій, отзывавшихся во всѣхъ концахъ Оттоманской Имперіи. Доходы, получавшіеся доколѣ съ земель, въ коихъ пламенѣлъ мятежъ, надлежало замѣнять насильственными поборами съ другихъ областей; но и сіи мѣры не обогащали казны Султана. Чрезвычайныя военныя издержки поглощали все. Между цѣмъ самыя отдаленныя области были отягощены налогами; всего болѣе страдали Валлахія, Молдавія и Сербія. Угнетающія требованія, пребываніе Турецкаго войска въ двухъ первыхъ изъ сихъ областей, и безпрерывное нарушеніе привиллегій, данныхъ онымъ послѣдними трактатами, должны были имѣть послѣдствія гибельныя. Вновь назначенные Господари, Стурдза и Гика, носили только названіе сіе и

Digitized by Google

были подъ мечемъ Турецкихъ начальниковъ. Чтобы удержаться на своихъ мѣстахъ, они безжалостно требовали налоговъ, втрое и вчетверо превосходившихъ прежніе. Они позволяли или допускали насилія. Ущесняемая Сербія тщетно осмѣливалась напоминать о своихъ привиллегіяхъ. Верховный повелитель ея, Князь Милошъ, наказывалъ смертію малѣйшій ропотъ. Депутаты Сербіи, отправленные въ Константинополь съ жалобами, были брошены въ тюрьму, какъ-бы для отъятія самой мысли о справедливости. Милошъ находился въ довѣренности у Порты и потому властвовалъ повелительно и безопчетно. Столь несчастное состояніе трехъ областей, пользовавшихся въ силу послѣднихъ трактатовъ покровительствомъ Россіи, было предметомъ безпрерывныхъ переговоровъ, напоминаній и обѣщаній безплодныхъ. Многократно повторенное обѣщаніе очистить Княжества отъ войскъ, не исполнялось. Турецкія войска были выводимы и замѣняемы другими. Диванъ отвѣтствовалъ на требованія по сему предмету, что онъ ждетъ возвращенія крѣпостей, находящихся по берегамъ Чернаго моря. Дѣйствительно, одною изъ статей Бухарестскаго трактата, Россія обѣщала возвратить сіи крѣпости, но съ условіемъ, что гарнизоны Турецкіе не будутъ поддерживать разбойниковъ Кавказа и покупать отъ нихъ плѣнниковъ, которые могли быть Русскими подданными. Ни то, ни другое не исполнялось. Вслѣдствіе сего, 24 Марта 1826 года, Россійскій Повѣренный въ дѣ-

Digitized by Google

лахъ, Г. Минчіаки, подалъ ноту, въ которой Именемъ своего Императора напоминалъ Порт'ѣ безплодныя обѣщанія ея, великодушныя намѣренія и снисходительность своего Государя, и требовалъ немедленнаго возстановленія правленій Молдавіи, Валлахіи, Сербіи, очищенія двухъ первыхъ отъ Турецкихъ войскъ, освобожденія Сербскихъ Депутатовъ, и полнаго удовлетворенія по всѣмъ другимъ статьямъ. Порта долженствовала назначить Уполномоченныхъ, которые съ Уполномоченными Его Императорскаго Величества, на границѣ Россіи могли бы дружелюбно разрѣшить всѣ затрудненія. На обдумываніе касательно всѣхъ сихъ предложеній, Порт'ѣ предоставлено было шесть недѣль. Россійскій Повѣренный въ дѣлахъ объявилъ при томъ, что по истеченіи сего срока, онъ не можетъ оставаться въ Константинополѣ.

Сколь благородный и рѣшительный языкъ былъ убѣдителенъ. Порта назначила Уполномоченныхъ, и, послѣ многихъ затрудненій и медленій, былъ заключенъ новый договоръ, въ Аккерманѣ, 25 Сентября. Порта торжественно обѣщала исполнить всѣ справедливыя требованія Россіи.

Около сего времени Султанъ Махмутъ рѣшился привести въ исполненіе планъ, давно зрѣвшій въ умѣ его: онъ рѣшился *истребить Янычаровъ*. Событіе сіе имѣло столь важное вліяніе на всѣ дѣла Оттоманской Порты, что при ономъ любопытно и необходимо войдти въ нѣкоторыя подробности, дабы представить его въ настоящемъ свѣтѣ.

Digitized by Google

Истребленіе Янычаровъ не было, какъ думали нѣкоторые современные публицисты, слѣдствіемъ минутной прихоти или чуждыхъ внушеній. Оно было развязкою огромной драмы, которую Махмутъ обдумывалъ пятнадцать лѣтъ.

Оджакъ, или корпусъ Янычаровъ, былъ основанъ Императоромъ Орканомъ. Вначалѣ Орканъ составилъ его изъ молодыхъ Христіанъ, попавшихъ подъ иго Османовъ. Для поступленія въ сей корпусъ требовалось крѣпкое здоровье и привычка къ трудамъ и лишеніямъ всякаго рода. Орканъ устроилъ сіе войско по системѣ Египетскихъ Судановъ, и число онаго не превышало шести тысячъ.

Амуратъ I-й, наслѣдовавшій Оркану, увидѣлъ всю пользу, какую можно извлечь изъ сего войска, и употребилъ въ дѣйствіе суевѣріе, сродное обитателямъ Востока. Бектаджъ, одинъ изъ Дервишей самаго уважаемаго класса, вдругъ пришелъ въ исступленіе, и явившись среди новыхъ воиновъ, сказалъ: »Да будетъ имя ихъ *Янычары!* Да будутъ они горды, смѣлы, побѣдоносны! Да будетъ остра ихъ сабля! Да истребляетъ она враговъ нашихъ и да будетъ единымъ отличіемъ сихъ воиновъ превосходное мужество!« Онъ оторвалъ рукавъ своей одежды, и надѣлъ его на голову одному изъ начальниковъ сего войска. Амуратъ, желая увеличить число Янычаровъ, повелѣлъ, чтобы пятый человѣкъ среди ихъ былъ изъ рабовъ Султана, воспитанный въ Мусульманствѣ и выдержавшій всѣ тѣ испытанія, какія требовались отъ другихъ его

Digitized by Google

моварищей. Впослѣдствіи, корпусъ ихъ увеличивался и наполнялся большею частію природными Мусульманами. Они раздѣлились на Янычаръ служившихъ съ жалованьемъ и безъ жалованья. Первые составляли родъ тѣлохранителей Султанскихъ и пользовались большими преимуществами; другіе назывались Янычарами, но служили только въ военное время. При слѣдовавшихъ за Амуратомъ Султанахъ, весь корпусъ ихъ состоялъ изъ Мусульманъ и отличался необычайнымъ фанатизмомъ, гордостью и буйствомъ. Множество странныхъ обрядовъ и обычаевъ принадлежало имъ собственно, и они поддерживали ихъ какъ святыню. Котелъ, который замѣнялъ у нихъ знамя; родъ рукава, которымъ оканчивалась ихъ шапка; главный поваръ, уважаемый наравнѣ съ первѣйшими чиновниками, все это имѣло основаніемъ преданія, которыхъ Янычары держались неизмѣнно.

Махмутъ II, бывши нѣкоторое время въ заточеніи съ Селимомъ III-мъ, убѣдился разсужденіями сего несчастнаго Государя, что войско, учрежденное Амуратомъ I-мъ по плану Гаджи-Бекташа, было хорошо для своего времени, и не соотвѣтствовало настоящему состоянію военнаго искусства и политическихъ отношеній. Оно сдѣлалось безсильно противъ войскъ Европейскихъ, обученныхъ и приспособленныхъ къ новѣйшей Тактикѣ: оно было страшно только для самихъ Султановъ. Въ немъ укоренился духъ сопротивленія, и кровавые мятежи ихъ двадцать разъ приводили Порту на край гибели. Съ сими разсужденіями были вно-

Digitized by Google

слѣдствіи согласны и всѣ совѣтники, окружавшіе Махмуша II-го. Но былъ и недавній, страшный примѣръ. Селимъ III-й хотѣлъ преобразовать военную систему Турціи; но чѣмъ кончились его попытки? Янычары воспротивились введенію Европейскаго образованія войскъ, низвергли Селима и посадили на мѣсто его Мустафу, который властвовалъ только четырнадцать мѣсяцевъ. Махмушъ, наслѣдникъ престола послѣ насильственной смерти дяди и брата, былъ принужденъ клясться въ соблюденіи неприкосновенности ужаснаго корпуса Янычаровъ, и самъ записался въ одну изъ *ортъ* онаго. Примѣръ предшественниковъ показывалъ ему, какъ опасно посягать на основныя установленія сего войска, съ коимъ соединены были самыя обольстительныя воспоминанія славы. Махмушъ рѣшился употребить иныя средства. Онъ показывалъ себя ревностнымъ приверженцемъ Янычаровъ; принималъ жалованье, слѣдовавшее ему за службу въ ихъ корпусѣ; но въ тоже время не оставлялъ своего намѣренія, если не истребить, то по крайней мѣрѣ унизить гордость этой буйной и опасной толпы.

Первыя дѣйствія его показывали человѣка, одареннаго необыкновеннымъ благоразуміемъ и силою характера. Въ нѣсколько лѣтъ онъ снова пріобрѣлъ надъ Янычарами власть, потерянную предшественниками его. Онъ умѣлъ привязать къ себѣ сословіе Улемовъ, вѣрныхъ поборниковъ Янычарской орды во всѣхъ переворотахъ Сераля. Онъ опять властвовалъ Виддиномъ и Сербіею, кото-

Digitized by Google

рые считали потерянными. Онъ усмирилъ или наказалъ смертію всѣхъ непокорныхъ Пашей и военачальниковъ; уничтожилъ наслѣдственность Пашалыковъ; всегда избиралъ Визиря и Министровъ изъ людей извѣстныхъ ему, и не довѣряясь имъ слѣпо, слѣдовалъ внимательно за малѣйшими ихъ дѣйствіями. Ревностный блюститель обрядовъ религіозныхъ, вѣрный своему слову, дѣятельный, трудолюбивый, трезвый, уважающій нравственность, Махмутъ былъ феноменомъ въ Турціи. Казалось, для государства его начиналась новая эпоха силы и безопасности... Но въ сіе время вспыхнуло возмущеніе Грековъ.

Много разъ удивлялись, читая описанія сей неравной борьбы, какъ могла горсть людей противиться войску цѣлаго Государства? Шесть кампаній показали, что не героическое мужество Грековъ, но военная система Турковъ была причиною сего удивительнаго явленія. Нѣтъ надобности напоминать страшные для Греціи годы съ 1821 по 1826-й: они были обильны подвигами храбрости, бѣдствіями, жестокостями, перемѣнными удачами и пораженіями; но главное, они доказали, что при военной системѣ Турціи, самыя побѣды ея оставались безъ всякихъ слѣдствій. Неповиновеніе ордъ, жадныхъ къ грабежу и крови, заставляло съ каждымъ годомъ начинать все вновь, ибо послѣ побѣды Турки разсыпались въ завоеванной области, оставляли своихъ военачальниковъ, и каждый изъ нихъ, кто могъ, уже не хотѣлъ доканчивать начатаго дѣла. Каждая зима была

Digitized by Google

временемъ совершеннаго разстройства Турецкой арміи и временемъ отдыха для Грековъ. Новая побѣда была знакомъ къ новому пролитію крови невинныхъ жителей, и къ новому разстройству арміи.

Благоразумный Махмутъ видѣлъ истинныя причины продолженія сей неравной борьбы, и зналъ какими средствами можно дать новый оборотъ дѣламъ. Одинъ изъ Пашей его, называемый въ Европѣ Вице-Королемъ Египетскимъ, уже довершалъ то въ Каирѣ, на что еще не осмѣливались въ Константинополѣ. Казалось, что Махмутъ съ безпокойствомъ видѣлъ образованіе Африканскихъ войскъ Европейскими офицерами; но покорность Паши и ревностное содѣйствіе его регулярныхъ войскъ въ Морећ, обезоруживали Султана и заставляли его не углубляться въ причины сего преобразованія, которое наконецъ и самъ онъ рѣшился привести въ исполненіе безъ отлагательства.

Успѣхи, пріобрѣтенные въ Морећ регулярными войсками Ибрагима, сына Али-Паши Египетскаго, возбуждали ревность и фанатизмъ Янычаровъ; но Султанъ, убѣжденный что спасеніе Государства требовало совершеннаго измѣненія военной системы, не могъ обращать вниманія на ихъ клики. Черезъ нѣсколько дней послѣ принятія условій, заключенныхъ въ Аккерманѣ, онъ рѣшился привести въ исполненіе свой давній планъ.

28 Мая собраны были въ Сералѣ всѣ первѣйшіе чины: Верховный Визирь, Муфти, Министры, Уле-

Digitized by Google

мы, многіе начальники Янычаровъ, Недшибъ-Эффенди, посланный въ лагерь Ибрагима, Гуссейнъ-Паша, начальствовавшій собранными около Босфора войсками, и многіе другіе. Было рѣшено, что Мусульмане, укрѣпясь ревностію къ Вѣрѣ, покорятся военной дисциплинѣ, изучатъ новый родъ воинской экзерциціи, необходимой въ настоящихъ обстоятельствахъ, и что Янычары, повинуясь общему желанію и необходимости, пришлютъ по сту пятидесяти человѣкъ изъ каждой *орты*, для размѣщенія ихъ въ войскахъ, вновь образуемыхъ и называющихся *регулярною пѣхотою*. Гатти-Шерифъ Султана, утвержденный фетвою Муфти, былъ написанъ въ самыхъ умѣренныхъ выраженіяхъ.

Не смотря на то, что сему преобразованію данъ былъ такимъ образомъ характеръ религіозный и народный, оно принято было жителями съ изумленіемъ, но не съ удовольствіемъ. Муфти, Улемы, многіе начальники Янычаровъ, были преданы Султану; Янычарамъ сохранялись всѣ прежнія преимущества и сверхъ того увеличивалось жалованье. Посему, избраніе по сту пятидесяти человѣкъ изъ каждой *орты* Янычаровъ совершилось тихо, по крайней мѣрѣ въ столицѣ. Но когда начались первые опыты воинской экзерциціи, маршированіе и дѣланіе ружьемъ, Янычары стали роптать, не повиновались офицерамъ, большею частію присланнымъ изъ Египетской арміи, и наконецъ явно возмутились. 14 Іюня замѣтны были необыкновенныя сборища въ казармахъ ихъ, и около полуночи, разъяренные Янычары бросились къ домамъ Аги

Digitized by Google

своего и Недшибъ-Эффендія, которыхъ почитали они виновниками преобразованія. Ага и Недшибъ-Эффенди успѣли скрыться, но ихъ семейства попались въ руки Янычарамъ и домы были разграблены. Тогда Янычары обратились къ жилищуВерховнаго Визиря. Но онъ уже былъ около Сераля, гдѣ сбирались всѣ приверженцы Правительства и вѣрныя войска. Главную силу составляли преданные Султану артиллеристы. Въ собранномъ наскоро Совѣтѣ рѣшено было вынести Священное знамя (Санджакъ-Шерифъ), какъ знакъ государственной опасности, и въ тоже время призвать всѣхъ правовѣрныхъ подъ защиту лоскутъ Магомедовой одежды. Дѣйствіе сего воззванія превосходитъ всякое выраженіе: съ улицъ исчезли всѣ гяуры, которые страшатся повстрѣчать знамя Пророка, но Мусульмане всѣхъ классовъ, съ ружьями, саблями и всякимъ оружіемъ, сбѣгались толпами въ назначенное мѣсто.

Съ тѣмъ-же воззваніемъ обратились и къ возмутившимся. Три раза было посылано къ нимъ увѣщаніе. Они отвѣчали, что покорятся Султану, если онъ уничтожитъ преобразованіе и отдастъ имъ головы Гуссейна-Паши, Недшиба-Эффенди и ихъ Аги. Тогда Султанъ приказалъ навѣки истребить мятежныхъ Янычаровъ; Муфти лишилъ ихъ покровительства Закона, и Гуссейнъ-Паша двинулся съ войсками на отважный, вѣковой подвигъ. Нападеніе было стремительно и ужасно. Янычары, уже потерявшіе духъ послѣ воззванія къ народу, бросились въ свои казармы. Ихъ преслѣдо-

Digitized by Google

вали картечнымъ огнемъ. Они готовы были покориться, но отвѣтомъ было истребленіе и смерть. Казармы ихъ были зажжены, убійственный огонь пушекъ не давалъ выхода, и черезъ нѣсколько часовъ участь Янычаровъ была рѣшена.

На другой день Султанъ ѣхалъ къ молитвѣ, уже сопровождаемый не Янычарами, по обычаю столѣтній, но вѣрными канонерами и бомбардирами, которые отличились при истребленіи Янычаровъ. Въ тотъ-же день Султанъ явился на ученье регулярныхъ войскъ въ Египетскомъ нарядѣ, принятомъ для новаго рода войскъ.

Не будемъ описывать дѣйствій учрежденной послѣ сего Коммисіи для искорененія Янычаровъ на всемъ пространствѣ Турецкой Имперіи. Два съ половиною мѣсяца лилась кровь ихъ, и только ничтожныя сопротивленія въ Адріанополѣ, Арзерумѣ, и немногихъ другихъ мѣстахъ, ознаменовали паденіе сего славнаго войска.

17 числа Санджакъ-Шерифъ былъ внесенъ обратно въ Сераль. Верховный Визирь, Министры и Улемы имѣли свои засѣданія въ первомъ дворѣ Сераля, подъ шатрами, окруженные войсками, которыя въ тоже время учились безпрерывно. Сераскиръ Гуссейнъ учредилъ свою главную квартиру въ Эски-Сараѣ (старомъ Сералѣ). Жены Султанскія, обитавшія въ оном, были переведены въ другую часть дворца. Одной этой черты, не имѣвшей примѣра въ лѣтописяхъ Серальскихъ, былобы достаточно для показанія характера и рѣшительности Махмуда.

Digitized by Google

Вмѣстѣ съ сими нововведеніями, Султанъ началъ преобразованіе и въ управленіи гражданскомъ. Различными фирманами онъ уничтожилъ конфискаціи имѣнія тѣхъ изъ своихъ подданныхъ, которые преданы смерти по велѣніямъ Порты; подтвердилъ Молламъ и Кадіямъ соблюдать строжайшее правосудіе, преслѣдовать ложныхъ доносчиковъ, и проч. Въ числѣ необычайныхъ мѣръ его Правительства, не льзя не замѣтить фирмана отъ 2 Сентября, коимъ позволялось открыть въ столицѣ двѣ тысячи кабаковъ (копиліонъ). Къ содержанію оныхъ допускались, безъ различія, Турки, Греки, Армяне и Жиды. Муфти, спрошенный по сему предмету, отвѣчалъ, что запрещеніе пить вино и спиртные напитки было не законъ или правило, а совѣтъ. Впрочемъ, содержатели кабаковъ облагались пошлиною, которая должна была доставить Правительству около 25 милліоновъ рублей.

Не смотря на всѣ сіи преобразованія, счастливо исполненныя, положеніе Турціи было чрезвычайно затруднительно. Образованіе войскъ не могло быть совершено скоро, а между тѣмъ неудовольствіе подданныхъ отъ сихъ нововведеній расло и оказывалось въ опасныхъ заговорахъ; борьба съ Греціею длилась; требованія Правительства Россійскаго были сильны и настоятельны. Султанъ видѣлъ, что единое средство изгладить всѣ непріятныя впечатлѣнія и показать свою силу, было война, которая ознаменовалась-бы побѣдами. Для сего онъ спѣшилъ образованіемъ войскъ, и надѣял-

Digitized by Google

ся рѣшительнымъ ударомъ смиритъ мятежную Грецію. Другія думы еще неясно блистали въ умѣ его; но онъ хранилъ ихъ съ твердымъ намѣреніемъ не исполнять Аккерманскаго договора и при первой возможности стать грудью противъ Сѣвернаго великана.

Такъ окончился достопамятный въ Исторіи Оттоманской Порты 1826 годъ. Онъ былъ эпохою новыхъ дѣйствій Турецкаго Правительства.

Соображая событія сего достопамятнаго года, не льзя не удивляться вѣрности, съ какою были разсчитаны всѣ дѣйствія Султана, увѣнчанныя успѣхомъ внутри Государства; но не льзя и не изумиться невниманію его къ обстоятельствамъ внѣшнимъ. Не время было думать о нововведеніяхъ, раздражавшихъ народъ, когда со всѣхъ сторонъ собирались громы, готовые разразиться надъ Портою. Бѣдствія Греціи уже возбудили участіе союзныхъ Государей, готовившихся положить конецъ пролитію невинной крови. Россія, съ которою Султанъ поступалъ неискренно, не прямодушно, могла потребовать возмездія грознаго. И въ такихъ-то затруднительныхъ обстоятельствахъ Махмутъ истребилъ одинъ изъ важнѣйшихъ оплотовъ своего могущества: Янычаровъ, и съ ними фанатизмъ, которому Турція обязана была всѣми своими побѣдами и завоеваніями. Такимъ образомъ дѣйствія, обдуманныя чрезвычайно вѣрно и выполненныя удачно, были несвоевременны. Мы увидимъ, много-ли пособія нашелъ повелитель Оттомановъ въ новыхъ войскахъ своихъ,

Digitized by Google

которымъ оставалось очень мало времени для образованія.

Первая половина 1827 года не представляла никакихъ важныхъ перемѣнъ въ дѣлахъ Турціи. Борьба съ Греціею продолжалась. Но вскорѣ новый и важный предметъ долженъ былъ встревожить Турецкое Правительство. 24 Іюня (ст. ст.), Уполномоченными Россіи, Франціи и Англіи заключенъ былъ въ Лондонѣ договоръ, коимъ сіи Высокія Державы соглашались предложить Оттоманской Портѣ посредничество свое по дѣламъ съ Греціею. 4 Августа 1827 года, въ Константинополѣ, Посланники упомянутыхъ союзныхъ Державъ доставили Верховному Визирю ноту, которая заключала въ себѣ три главныя статьи: 1-е предложеніе посредничества, 2-е, требованіе прекращенія всѣхъ непріятельскихъ дѣйствій противъ Грековъ, 3-е, назначеніе пятнадцатидневнаго срока для отвѣта. — По истеченіи сего срока, отвѣтъ, данный Рейсъ-Эффендіемъ, заключался существенно въ слѣдующихъ словахъ: »Султанъ не желаетъ, чтобы какая нибудь Держава вмѣшивалась въ его дѣла съ Греческими подданными.«

Сколь надменный отзывъ не предвѣщалъ мира. Но Посланники союзныхъ Державъ, и послѣ сего употребили всѣ средства къ убѣжденію Султана окончить дѣла Греціи мирнымъ соглашеніемъ. Труды ихъ были щедры.

Между тѣмъ въ Архипелагѣ собраны были флоты Россіи, Франціи и Англіи, дабы вслучаѣ несо-

Digitized by Google

гласія Турецкаго Правительства на предложенное посредничество, принудить его къ тому силою оружія. Къ Египетскому Пашѣ былъ отправленъ Англійскій Подполковникъ Краддокъ, предварить его о мирномъ расположеніи союзныхъ Державъ, и посовѣтовать ему не выступать съ флотомъ, который готовъ былъ отплыть изъ Александріи къ берегамъ Греціи. Паша отвѣтствовалъ, что онъ принимаетъ повелѣнія только отъ своего Падишаха, и вслѣдствіе оныхъ не можетъ не отправить въ Морею флота, и съ находящимся на оном войскомъ. Для воспрепятствованія сему были поставлены крейсеры; но Египетскій флотъ (въ числѣ 92-хъ вымпеловъ) избѣгнулъ оныхъ и 9 Сентября (н. ст.) вступилъ въ Наваринскую гавань. Тогда Адмиралы союзнаго флота обратились къ Ибрагиму, начальствовавшему войсками и флотомъ въ Наваринѣ, и предлагали прекратить военныя дѣйствія, присовокупивъ къ сему, что они не позволятъ флоту его выйдти изъ Наварина. Съ принужденіемъ согласился Ибрагимъ на двадцатидневное перемиріе, которое дано ему было для того, чтобы онъ могъ получить, относительно сего предмета, повелѣніе отъ Султана. Но Ибрагимъ нарушилъ перемиріе, и слѣдствіемъ сего было знаменитое Наваринское сраженіе, въ которомъ соединенный Турко-Египетскій флотъ истребленъ совершенно.

Невозможно изобразить впечатлѣнія, произведеннаго извѣстіемъ о сей единственной побѣдѣ. Имена Кодрингтона, Гейдена и Риньи сдѣлались

Digitized by Google

именами славы. Самое соединеніе флотовъ, прежде сходившихся чаще для кровавой битвы, нежели для защиты покровительствуемыхъ, казалось событіемъ необыкновеннымъ и залогомъ мира прочнаго.

Но вскорѣ надежды сіи были разрушены. 18 Декабря (н. ст.), черезъ недолгое время послѣ Наваринской битвы, Султанъ Махмутъ издалъ свой знаменитый Гатти-Шерифъ, въ которомъ, возбуждая Мусульманъ къ общему возстанію на *Невѣрныхъ*, объявлялъ Россію первымъ своимъ врагомъ. Сей документъ чрезвычайно любопытенъ, ибо онъ вполнѣ изображаетъ политику Турецкаго Правительства. Султанъ явно объявлялъ въ немъ, что онъ медлилъ исполненіемъ заключенныхъ съ Россіею договоровъ для того только, чтобы выиграть время, но собравъ силы, почитаетъ себя свободнымъ отъ исполненія всѣхъ требованій какъ Россіи, такъ и вообще союзныхъ Державъ.

Послѣ сего объявленія, Россійское Правительство не имѣло уже никакой надежды мирно согласить обоюдныя выгоды. Манифестомъ 14 Апрѣля 1828 года была объявлена Оттоманской Портѣ война, и побѣдоносныя войска Россійскія двинулись къ Турецкимъ границамъ.

(*До слѣд. книжки.*)

Digitized by Google

О ПРОДОЛЖЕНІИ

Древней Русской Виблюѳики, и изданіи Русскихъ пѣсенъ.

Никогда, кажется, не было замѣтно такого, какъ нынѣ, ревностнаго стремленія ко всему, что можетъ показать и объяснить намъ *народность* нашу. Такъ, напримѣръ, донынѣ почти чуждая отчизнѣ, кромѣ немногихъ исключеній, Поэзія и Изящная Словесность Русская, болѣе и болѣе устремляются къ отечественному. Опыты Русскихъ романовъ — положимъ несовершенные — тѣмъ неменѣе показываютъ наклонность литтераторовъ и публики къ одной цѣли. Въ то-же время, вниманіе, какое оказываетъ публика къ сочиненіямъ и переводамъ, касающимся Отечественной Исторіи, суть свидѣтельства неоспоримыя одного, общаго направленія.

Просвѣщенное Правительство, всѣми зависящими отъ него средствами, споспѣшествуетъ сему общему стремленію. Оно одушевляетъ своимъ участіемъ и покровительствомъ, даже самые недостаточные труды сподвижниковъ. Обширное предпріятіе — изданіе Россійскихъ Законовъ, со вре-

Digitized by Google

менъ Царя Алексія Михайловича, совершенное систематически, со всею тщательностію, приличною важности предмета, можно почесть однимъ изъ великихъ гражданскихъ подвиговъ, совершенныхъ въ царствованіе Николая. Сіе *Собраніе Законовъ*, не говоря уже о положительной пользѣ онаго для современной Юриспруденціи, представляетъ Историку богатый, неистощимый запасъ драгоцѣннѣйшихъ свѣдѣній.

Если занимающіеся Отечественною Исторіею чувствовали прискорбіе, лишась ревностнаго споспѣшествователя въ особѣ Графа Н. П. Румянцева, то они могутъ нынѣ утѣшиться, видя еще большую ревность достойнаго Президента Императорской С. Петербургской Академіи Наукъ, Товарища Министра Народнаго Просвѣщенія, Сергія Семеновича Уварова. Попеченію сего просвѣщеннаго, украшеннаго основательнымъ ученіемъ, государственнаго мужа, будетъ обязана многимъ Отечественная Исторія. Такъ, напримѣръ, вскорѣ публика увидитъ огромное изданіе актовъ и грамотъ, собранныхъ въ путешествіи по Россіи Г-мъ Строевымъ. Можемъ надѣяться, что и драгоцѣнные списки Лѣтописей, будутъ изданы Академіею Наукъ, со всею ученою тщательностію. Можетъ быть, подобные подвиги Академіи побудятъ и другія ученыя Общества приняться за труды, составляющіе ихъ прямое назначеніе.

Лестно въ семъ случаѣ частному человѣку соревновать по возможности тому, чего требуетъ

Digitized by Google

вниманіе соотечественниковъ, и что заслуживаетъ благосклонное попеченіе мудраго Правительства, просвѣщенныхъ государственныхъ людей, и высшаго ученаго Сословія.

Издатель Телеграфа имѣлъ счастіе дѣлать возможное по силамъ его въ семъ отношеніи. Уже съ нѣсколькихъ лѣтъ, памятники Отечественной Древности составляли постоянную статью въ Московскомъ Телеграфѣ. Онъ имѣлъ удовольствіе видѣть, что его усердное желаніе было увѣнчано въ семъ случаѣ возбужденіемъ вниманія многихъ почтенныхъ любителей Исторіи, Древностей, и народности Русской. Число статей по симъ предметамъ, присылаемыхъ въ Телеграфъ, ежегодно умножалось, и наконецъ дошло до того, что если-бы Издатель помѣщалъ въ Телеграфѣ все, что донынѣ къ нему доставлено, то сіе далеко превзошло-бы предѣлы, какіе можетъ онъ отдѣлить въ издаваемомъ имъ Журналѣ.

Надобно при томъ сознаться, что слишкомъ большое отдѣленіе книжки Журнала для памятниковъ Древности, или матеріяловъ для Русской Исторіи, Географіи и Статистики, уклонило-бы Журналъ отъ его настоящей цѣли. Не для всѣхъ равно занимательныя, подобныя статьи, какъ ни важны онѣ, препятствуютъ разнообразію—одному изъ главнѣйшихъ свойствъ Журнальной Литературы.

Соображая при томъ, что помѣщеніе въ журналѣ какого нибудь памятника не вполнѣ удовлетво-

Digitized by Google

ряетъ, ибо имѣющій въ семъ памятникѣ надобность долженъ искать его во множествѣ другихъ статей Журнальныхъ; имѣя въ виду и то, что обширный какой нибудь историческій актъ, или статистическое, географическое описаніе не могутъ имѣть мѣста въ Журналѣ, объемлющемъ современную Литтературу, Критику, Науки и Искусства, Издатель рѣшился наконецъ совершенно отдѣлить отъ Телеграфа все, что можно назвать *матеріялами для Исторіи, Географіи и Статистики отечественной.*

Не только не прекращаетъ Издатель такимъ отдѣленіемъ собранія сихъ матеріяловъ, но, напротивъ, усиливаетъ еще ревность свою по сему предмету. Онъ покорно проситъ всѣхъ споспѣшествователей и любителей Отечественной Исторіи, Географіи и Статистики продолжать къ нему свои присылки по прежнему. Каждая присылка будетъ принята имъ съ должною благодарностію, и съ слѣдующимъ назначеніемъ:

Все, что донынѣ доставлено къ Издателю Телеграфа, и все что получитъ онъ впредь, немедленно будетъ печатано въ особомъ собраніи.

Сіе собраніе должно заключать въ себѣ:

а) Лѣтописи, и Историческія древнія повѣствованія;

б) Древнія грамоты, записки, акты и письменные памятники всякаго рода;

в) Древнія путешествія Русскихъ;

г) Географическія извѣстія о нынѣшней Россіи;

Digitized by Google

д) Описанія древнихъ памятниковъ, развалинъ и зданій;

е) Этнографическія, статистическія, топографическія статьи о Россіи, и ея обитателяхъ;

ж) Древнія сказанія, сказки старинныя, литературныя древнія повѣствованія.

Словомъ: все, что произвела Исторія и *народность Русская*, все, что можно назвать *матеріялами для* Россійской Исторіи, Географіи и Статистики, не имѣющее цѣны *современной новости*, и потому не могущее войдти въ составъ Телеграфа, поступаетъ въ сіе собраніе.

Сіе отдѣльное собраніе будетъ названо, въ честь перваго изъ частныхъ людей, занявшагося подобнымъ изданіемъ *Николая Ивановича Новикова*—Русскою Вивліоѳикою, *или продолженіемъ Древней Россійской Вивліоѳики, изданной Н. И. Новиковымъ*. Памяти сего незабвеннаго мужа, оказавшаго Русской Литературѣ заслуги, донынѣ вполнѣ неоцѣненныя, посвящается новое собраніе, составляемое по плану изданнаго имъ нѣкогда.

Русская Вивліоѳика будетъ выходить томами, по мѣрѣ отпечатанія оныхъ. Въ каждомъ томѣ будетъ заключаться не менѣе 25-ти печатныхъ листовъ. Цѣна онымъ будетъ полагаема такая, которая *могла-бы только окупить печатаніе и бумагу*. Предварительной подписки никакой не предполагается, и каждый томъ будетъ продаваться отдѣльно.

Digitized by Google

Излишне было-бы упоминать, что изданіе будетъ хорошее, хотя и *не великолѣпное*, и что со стороны точности и вѣрности текстовъ будетъ прилагаемо возможное стараніе.

Къ печатанію *перваго* тома Издатель Телеграфа приступитъ немедленно, имѣя уже довольно собранныхъ матеріяловъ.

Принимая на себя сей безкорыстный трудъ, единственно изъ желанія принесть всю возможную по силамъ пользу Отечественной Исторіи, Географіи, Статистикѣ, и проявленію Русской народности, Издатель надѣется, что почтенныя особы, удостоившія его присылкою матеріяловъ по симъ предметамъ, продолжатъ къ нему свое вниманіе. Онъ обязывается:

1) О каждой присылкѣ немедленно извѣщать въ Телеграфѣ.

2) При помѣщеніи статьи въ *Русской Вивліовикѣ* будетъ сказано: *отъ кого* именно она доставлена.

3) Экземпляръ тома *Вивліовики*, въ которомъ статья помѣстится, будетъ доставленъ къ приславшей статью особѣ, немедленно по отпечатаніи онаго, безъ всякой платы.

4) Кромѣ того, каждой статьи Издатель обязывается отпечатывать *до* 300 *экземпляровъ*, въ пользу приславшаго. Но для сего должно быть предваритьльно изъявлено Издателю желаніе приславшаго статью.

Digitized by Google

5) Кому угодно будетъ не объявлять своего имени, Издатель соблюдетъ сіе условіе въ точности; ему должно быть однакожъ извѣстно имя прислaвшаго.

Издатель Телеграфа имѣетъ честь извѣстить еще о другомъ предпріятіи своемъ — *изданіи Русскихъ пѣсенъ.*

Многія почтенныя особы давно изъявляли желаніе видѣть, по возможности полное собраніе пѣсенъ Русскихъ — *Русскихъ* именно, *старинныхъ*, сохранившихся въ древнихъ памятникахъ, и *простонародныхъ*, сохраняющихся въ устахъ и памяти народа. Всѣ доселѣ напечатанные Пѣсенники не могли удовлетворить такому желанію. Это были, или грубые сборники, гдѣ пѣсни обезображивались, поправлялись, исправлялись, или собранія, безъ разбора, стараго и новаго, народнаго и перенесеннаго съ чужбины, или напѣтаго вновь, съ чужаго голоса. Никто не споритъ о томъ, что пѣсня Нелединскаго, Мерзлякова, Дельвига имѣетъ свое достоинство, но — мы хотимъ чисто Русскаго, *народнаго*, въ его природной грубости, и его неподдѣльной прелести.

Издавна занимался симъ предпріятіемъ Издатель Телеграфа, и успѣлъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, собрать болѣе 600 пѣсенъ. Теперь намѣревается онъ приступить къ печатанію сего довольно богатаго, и *перваго* въ своемъ родѣ собранія *Русскихъ пѣсенъ.*

Оно будетъ раздѣлено на *десять* отдѣленій:

Digitized by Google

I. Историческія думы,
II. Баллады,
III. Простонародныя пѣсни,
IV. Солдатскія,
V. Казацкія,
VI. Разбойническія,
VII. Хоровыя,
VIII. Свадебныя,
IX. Подблюдныя,
X. Сатирическія.

Печатаніе принимаетъ на себя С. Петербургскій книгопродавецъ А. Ф. Смирдинъ. На его вкусъ можно положиться, и напередъ завѣрить, что собраніе Русскихъ пѣсенъ будетъ издано прекрасно.

Тщательно стараясь сохранить текстъ отъ нелѣпыхъ прибавокъ, Издатель Телеграфа приложитъ много варіянтовъ, и разныя примѣчанія. Въ началѣ книги помѣщено будетъ историческое и критическое изслѣдованіе *о древней и простонародной Русской Поэзіи.*

Желая сдѣлать сіе первое собраніе пѣсенъ Русскихъ сколько можно болѣе полнымъ и исправнымъ, Издатель Телеграфа, не приступая еще къ печатанію, намѣренъ приложить при одной изъ книжекъ своего Журнала полный реэстръ всѣмъ пѣснямъ, въ собраніи его находящимся. Онъ будетъ послѣ сего усердно просить почтенныхъ особъ, которыя имѣютъ случай списать, или имѣютъ уже списки Русскихъ старинныхъ и простонародныхъ пѣсенъ, не оставить его присылкою ша-

Digitized by Google

кихъ списковъ. Дѣло это общее каждому изъ Русскихъ. Пора намъ разсмотрѣть духъ и характеръ Поэзіи *истинно народной. Пѣсни* и *Сказки* одно изъ важнѣйшихъ средствъ узнать этотъ близкій Русскому сердцу предметъ. Сперва примемся за *Пѣсни*, а тамъ и о *Сказкахъ* можно будетъ подумать.

Почтенныя особы, которымъ угодно будетъ доставлять *для Русской Вивліовики* статьи, входящія въ составъ оной, благоволятъ адресовать ихъ на имя *Издателя Телеграфа, Николая Алексѣев. Полеваго, въ Москвѣ, въ Конторѣ Московскаго Телеграфа.*

Digitized by Google

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Рославлевъ, *романтическое зрѣлище въ 5-ти сутках*ъ, съ пѣніемъ, хорами и военными эволюціями, взятое Княземъ А. А. Шаховскимъ изъ романа М. Н. Загоскина: *Рускіе въ 1812-мъ году*. — **Любовникъ на прокатъ**, опера-водевиль въ 1 дѣйствіи, соч. Скриба и Мелесвиля, пер. Ѳ. А. Кони (*бенефисъ Г-жи Над. Рѣпиной*).

Если не ошибаемся, вотъ первый *осенній* спектакль, то есть, начало бенефисовъ, многочисленныхъ сборищъ публики въ Театрѣ, новыхъ пьесъ, длинныхъ аффишъ. Давно не бывавши, и не имѣя ни малѣйшей охоты быть въ Театрѣ, по разсказамъ самовидцевъ, часто посѣщавшихъ его съ прошлогодней зимы, по слухамъ, по извѣстіямъ, которыя печатались и печатаются въ *Молвѣ* и *Сѣверной Пчелѣ*, мы рѣшились однакожъ ѣхать, и смотрѣть *Рославлева*.

Ничего новаго не ожидали мы отъ *Театра* - собственно, и ничего новаго не увидѣли: ни одно замѣчательное дарованіе не прибавилось къ спроше-

Digitized by Google

ющимъ дарованіямъ Мочалова и Щепкина; никакого улучшенія въ распредѣленіи ролей; никакого усовершенствованія въ общности игры, въ костюмахъ, въ декораціяхъ. Впрочемъ, повторяемъ: мы и *не ожидали* ничего новаго во всѣхъ этихъ отношёніяхъ, слѣдственно, и не могли обмануться ни въ какомъ ожиданіи. Съ одной стороны, это очень хорошо. Что за радость, скажите, хлопотать объ улучшеніяхъ, усовершенствованіяхъ, когда и безъ того дѣло идетъ своимъ порядкомъ? Счастливо семейство, котораго исторію читать скучно; счастливъ Театръ, который идетъ, какъ шелъ, немножко прихрамываетъ, но за то не забѣгаетъ впередъ, и не прыгаетъ сломя голову! Вѣдь зрители всегда сбираются? Вѣдь въ положенные дни всегда что нибудь играется? Вѣдь на аффишкахъ всегда что нибудь напечатано? Если не хлопаютъ въ креслахъ, за то хлопаетъ раекъ. Если кто нибудь изъ зрителей зѣваетъ, сердится — спрашиваемъ: кто проситъ этихъ взыскательныхъ людей ходить въ театръ? Какъ будто безъ нихъ дѣло не обойдется!

Словомъ: о *Театрѣ – собственно* сказать нечего, и говорить не для чего. Въ примѣръ безполезныхъ словъ, ссылаемся на статьи въ *Молвѣ* и *Сѣверной Пчелѣ*. Ладно-ли, не ладно-ли, умно или не умно только сочинители этихъ статей говорили о многомъ. О томъ, напримѣръ, что *Горе отъ ума* совсѣмъ не такъ играется; что Г-нъ Живокини слишкомъ кривляется; что водевили дурно переводятся; что въ театральныхъ костюмахъ нѣтъ

Digitized by Google

никакой сообразности, и проч. и проч.—И все это было говорено, и все идетъ, какъ шло прежде!

Желая посмотрѣть *Рославлева*, мы хотѣли разрѣшенія совсѣмъ другихъ задачъ. Намъ хотѣлось еще разъ убѣдиться въ томъ, что изъ романа, хотя-бы и самаго хорошаго, не льзя сдѣлать даже сколько нибудь сноснаго сценическаго зрѣлища; намъ хотѣлось посмотрѣть, послѣ громкаго шишула: *Русскіе 1812-го года*, какъ представятъ намъ это знаменитое время, эту борьбу великановъ — генія Наполеонова съ духомъ Руси. Хотѣлось увидѣть и то, какъ люди, столь сильно и громко вопіющіе о патріотизмѣ, о славѣ Русской, будутъ возбуждать сердца соотечественниковъ, какими воспоминаніями растрогаютъ они насъ, какія струны души Русской пошевелятъ? Мы бранимъ Французовъ, и — дѣльно: за многое стоитъ ихъ бранить; но при новомъ образованіи Французской Словесности, на которую скоро не достанетъ брани даже у Русскихъ Журналистовъ, Парижскій театръ, по словамъ самовидцевъ, сдѣлался теперь истинно національнымъ, народнымъ зрѣлищемъ. Зрители бываютъ въ восхищеніи, когда на театрѣ играютъ, скажемъ въ примѣръ, драму изъ жизни Наполеона. Такъ искусно выводятъ на сцену событія, близкія душѣ соотечественниковъ, такъ сильно умѣютъ растрогать сердца зрителей, что они невольно восклицаютъ отъ восторга, или плачутъ отъ горестной думы. Неужели нашъ великій *1812-й годъ*, какъ-бы онъ плохо ни былъ представленъ, не произведетъ чего нибудь подоб-

Digitized by Google

наго? Неужели Князь А. А. Шаховской — положимъ, писатель не геніяльный, но опытный, лѣтъ сорокъ знакомый со сценою — не будетъ умѣть хоть сколько нибудь растрогать насъ? Любопытно видѣть: какія новыя средства далъ ему романтизмъ, для изображенія на сценѣ современныхъ событій? Какіе *пять* знаменитыхъ дней, смѣлою рукою выхватилъ онъ изъ двухъ лѣтъ вѣковыхъ событій, и выставилъ на сцену, для пораженія величіемъ ихъ Русскихъ зрителей?

Признаемся искренно: весьма немногаго надѣялись мы, но *столь плохаго* не надѣялись однакожъ увидѣть. Съ такимъ неумѣньемъ, съ такимъ безвкусіемъ сдѣланной выборки изъ романа Г-на Загоскина, мы вовсе не ожидали! Говорить о самомъ романѣ Г-на Загоскина, мы почитаемъ за излишнее. Въ немъ есть нѣкоторыя достоинства, есть и большіе недостатки. Судъ публики давно подтвердилъ мнѣніе наше. Но не *льзя* не сказать, что М. Н. Загоскинъ, по крайней мѣрѣ, искренно желалъ написать что нибудь хорошее, патріотическое, горячее. Дарованія мы себѣ не можемъ дать, а усердіе отъ насъ зависитъ, и потому искреннее усердіе весьма часто награждается наравнѣ съ достоинствами и заслугами. Что-же сдѣлалъ съ *Рославлевымъ* Князь А. А. Шаховской? Повѣрятъ-ли небывшіе въ театрѣ 14-го Октября, что самыя высокія мѣста изъ событій 1812 года, какъ-то: первая вѣсть о войнѣ, ревность, изъявляемая Русскими, горячій духъ Русскихъ мужичковъ, битва Смоленская, заставляли смѣяться? До такой сте-

Digitized by Google

пени каррикатурно были они обставлены и представлены! Прибавьте къ тому все, что только самаго пошлаго и обыкновеннаго было говорено и дѣлано на театрѣ, въ теченіе 30, или 40 лѣтъ — все это было переговорено и передѣлано передъ глазами зрителей новаго *романтическаго зрѣлища*. Безъ доказательствъ не хотимъ говорить, и разскажемъ кратко содержаніе пьесы.

Первый день, дѣйствіе въ Завидовѣ. Рославлевъ ѣдетъ въ деревню жениться; Зарѣцкій скачетъ въ Петербургъ, опредѣляться въ службу, слыша о предполагаемомъ походѣ Наполеона въ Россію. Лошадей нѣтъ (хотя онѣ всегда есть по Петербургской дорогѣ), и вотъ, на досугѣ, отъ скуки, завязывается разговоръ безконечный. Пріятели говорятъ о любви, о женитьбѣ, о славѣ, о чести, браняТъ Наполеона и Французовъ, говорятъ патетическія вещи, которыя цѣликомъ годятся для школьныхъ риторическихъ уроковъ. Является франтикъ, Князь Блесткинъ; онъ начинаетъ защищать Французовъ и геній Наполеона. Разумѣется, его дурачатъ, раекъ хохочетъ съ высоты, актеры смѣются на сценѣ надъ этимъ Митрофаномъ. Этого мало. Ямщики думаютъ, что Блесткинъ шпіонъ, хотятъ взять его, но звенитъ колокольчикъ, и всѣ разъѣхались.

День второй. Лидина, будущая тещa Рославлева, тысяча первая дура женскаго рода, изъ выставленныхъ донынѣ на сценѣ барынь этого разбора, смѣшитъ раекъ. Она была въ Парижѣ, и глупо

Digitized by Google

хвалитъ Парижъ и Французовъ, перевирая Французскія слова. Одна дочь ея, невѣста Рославлева, влюбленная во Французскаго Графа, вздыхаетъ; другая, жаркая патріотка, споритъ съ матерью и съ сестрою. Кстати, подъ пару имъ, сумасшедшая крестьянка поетъ *Русскія* (?) пѣсни. Сурскій, родня Лидиной, приходитъ съ Рославлевымъ. Опять споръ о Наполеонѣ и Французахъ, опять патетическія выходки Рославлева, опять смѣхъ райку, когда Лидина повторяетъ разъ пять, что Рускіе варвары, потому, что вмѣсто: déjeûner, говорятъ — *фрыштыкъ!* Всѣ ѣдутъ къ Ижорскому, брату Лидиной.

День третій. Ижорскій, глупый богачъ, извѣстное, старое лицо, въ родѣ Тряпичкина и Богатонова; идутъ явленія, какія видали мы сто, тысячу разъ на сценѣ; Ижорскій ждетъ къ себѣ обѣдать Губернатора, и хочетъ угощать его съ Тряпичкинскимъ хвастовствомъ; Капитанъ-Исправникъ извѣщаетъ, что Губернаторъ не будетъ; Ижорскій ведетъ гостей смотрѣть свои деревенскія заведенія. Тутъ Рославлеву отдаютъ письмо отъ Зарѣцкаго, гдѣ этотъ пріятель извѣщаетъ его о началѣ войны, и о взятіи въ плѣнъ именно того Полковника, въ котораго влюблена дочь Лидиной. Впрочемъ, эта несообразность прямо изъ романа Г-на Загоскина, и перенесена цѣликомъ. Явленія испуга, ужаса, обморока. Рославлевъ хочетъ ѣхать въ армію. Приходятъ всѣ гости, является Ижорскій, пьютъ за здоровье Россіи, за красавицъ, любящихъ Русскій языкъ. Рославлевъ говоритъ

Digitized by Google

длинную рѣчь о любви къ отечеству. Повѣрятъ-ли, что ко всему этому не оказали никакого участія зрители? Повѣритъ тотъ, кто видѣлъ, какими каррикатурами: отчаяніемъ Ижорскаго, обмороками Лидиной, глупыми шутками откупщика Ильменева, и выходками наѣздника Буркина и блюдолиза Ладушкина все это обставлено, и кто слышалъ, какую холодную, надутую рѣчь говоритъ Рославлевъ! Выпивши, всѣ идутъ закусить.

День четвертый. Зарядный ящикъ и нѣсколько солдатъ на сценѣ. Митрофанъ Блесткинъ, Зарѣцкій, Сурскій, въ военныхъ мундирахъ, расхаживаютъ передъ глазами зрителей. Блесткинъ угощаетъ завтракомъ, ѣдятъ, и вмѣсто благодарности дурачатъ Блесткина, пугаютъ, заставляютъ раскуривать трубку подлѣ пороховаго ящика. Между тѣмъ сильно стучатъ въ кулисы: это пушечная пальба, это *битва подъ Смоленскомъ!* Всѣ идутъ сражаться. — Въ это время Рославлевъ успѣлъ уже быть раненъ, и уѣхать въ деревню къ Лидиной, а Полковникъ Французскій пріѣхать туда прежде его, возобновить любовь съ дочерью Лидиной, и уговорить мать обвѣнчать ихъ. Сцена перемѣнляется. Видно кладбище, гдѣ въ церкви должно быть свадьбѣ. Начинается Фіоною. Она опять поетъ, и падаетъ въ обморокъ на могилѣ, чтобы дать время пройдти свадебной церемоніи. Тутъ приходитъ Рославлевъ. Ночью сбился онъ съ дороги, и пришелъ отыскивать ее на кладбищѣ. Ловчій Ижорскаго и Фіона объясняютъ ему все дѣло. Онъ смотритъ въ окошко церкви, ви-

Digitized by Google

дитъ свадьбу, падаетъ въ обморокъ; изъ церкви выходятъ, кричатъ... Сцена, достойная самыхъ вздорныхъ мелодрамъ! Впрочемъ, вся эта несообразность взята изъ романа; но на театрѣ она удивительно нескладна.

Пятый день. Прошло болѣе года, но не прошли ни нескладица, ни несвязность пьесы. Мы въ Данцигѣ. Данцигъ осажденъ Рускими. Намъ сказываютъ, что идутъ переговоры о сдачѣ города. Но мы этого не видимъ, а напротивъ изъ больницы выходитъ мучитъ насъ дочь Лидиной, больная, худая, блѣдная. Она убѣжала съ своимъ мужемъ изъ Россіи, при остаткахъ Наполеоновой арміи; мужъ ея послѣ того убитъ, и вотъ она въ Данцигской больницѣ. Сидя по срединѣ сцены, больнымъ, жалкимъ голосомъ, разсказываетъ она Доктору свои похожденія, пожаръ Москвы, бѣгство Французовъ, и потомъ уходитъ куда-то со сцены. Вмѣсто нея являются Блесткинъ и Зарѣцкій. Они и Рославлевъ находились подъ Данцигомъ, и захвачены нечаянно въ плѣнъ, вопреки заключенному перемирію. Рославлевъ пошелъ объясняться объ этомъ съ Комендантомъ. Блесткинъ и Зарѣцкій уже большіе друзья, ибо Блесткинъ уже во всемъ покаялся, сдѣлался патріотомъ, и самъ говоритъ, что прибилъ-бы Аббата, своего гувернёра, если-бы этотъ Аббатъ ему попался. Пока Рославлевъ объясняется за кулисами съ Комендантомъ, что дѣлать друзьямъ? Отъ скуки, они начинаютъ—что-бы вы думали? Бьюсь объ закладъ, что не догадаетесь! — Начинаютъ пѣть строфы

Digitized by Google

изъ *Пѣвца въ станѣ Русскихъ воиновъ!* Воля ваша, Ваше Сіятельство, Князь А. А.! А это ни на что не похоже! И когда тутъ пѣть? Вамъ надобно спѣшить къ развязкѣ. Мы сидимъ уже четыре часа въ театрѣ, наслушались пустяковъ Ижорскаго, пѣсенъ сумасшедшей, вздоровъ Лидиной, аханья Полины, но гдѣ-же *Русскіе 1812 года?* Гдѣ-же *этотъ годъ?*—За развязкой дѣло не станетъ: она поскакала на почтовыхъ, какъ дѣйствующія лица въ первомъ днѣ. Приходитъ Рославлевъ, говоритъ съ товарищами, встрѣчаетъ прежнюю невѣсту, прощается съ нею, читаетъ письмо, печалится. Слава Богу, что въ это время Рускіе наскучили медленностью отвѣта о сдачѣ Данцига, и начинаютъ бомбардировать Данцигъ. Одна изъ бомбъ падаетъ въ больницу, и убиваетъ дочь Лидиной. Сбывши съ рукъ эту несносную плаксу, Авторъ кидаетъ бомбу въ развязку. И вотъ — пока Рославлевъ въ опчаяніи, слышанъ шумъ, гремитъ барабанный бой, идутъ Русскіе солдаты, крикъ: *ура!...* »И поэмѣ сей конецъ!«

Разбирать всю эту странную смѣсь, искать въ ней характеровъ, страстей, и вслѣдствіе сего говорить объ игрѣ актеровъ—не стоитъ труда. Актерамъ нечего было дѣлать. Положимъ, что Г-нъ Живокини могъ-бы кривляться менѣе, Г-нъ Щепинъ могъ пропѣть лучше, Фіонины пѣсни могли-бы болѣе походить на Русскія; но все это мѣлочи. Спрашиваемъ: не правы-ли были мы, говоря, что каррикатурнѣе представить 1812 годъ невозможно? Кто тутъ патріотъ? Кто тутъ ге-

Digitized by Google

рой? Гдѣ тутъ хоть слабая характеристика великаго 1812 года? Начиная съ *Урока дочкамъ*, *Модной лавки*, и еще прежде, все, что составляетъ сущность *Рославлева*, было сказано, пересказано, надоѣло, и теперь вовсе не кстати и не ко времени. Глупое всегда было и будетъ глупо. Вамъ смѣшна Лидина съ ея Французскимъ языкомъ, смѣшенъ полу-Французишка Блесткинъ? Но онъ и она смѣшны потому, что глупы. И чѣмъ-же лучше ихъ выставлены Ижорскій, Ладушкинъ, Ильменевъ, Буркинъ, которые Французскаго духа и слыхомъ не слыхивали? Неужели Сурскій и Зарядьевъ суть образцы героевъ 1812 года? Неужели Ижорскій и Буркинъ суть образцы патріотовъ-помѣщиковъ, а Олинька истинныхъ патріотокъ Россіянокъ? Вы хотѣли возбудить чувство любви къ отечеству, хотѣли указать на великіе наши подвиги, раскрыть намъ душу Русскую? Какимъ-же образомъ представили вы намъ все это? Интрига любви, вѣнчанье на кладбищѣ, вранье Лидиной, глупости Ижорскаго, сумасшествіе Фіоны, трусость Блесткина, развѣ изображаютъ намъ 1812 годъ? Гдѣ у васъ Рускіе, отбившіе грудью Наполеона, гдѣ наша Москва, гдѣ гибельныя битвы, возстаніе народа, паденіе Западнаго исполина? Неужели ямщики, съ своими поговорками, Сурскій, съ своимъ завтракомъ, Зарядьевъ, съ своимъ *правымъ плечомъ впередъ* выразили намъ сіи чудныя событія? Мм. Гг., вы браните Французовъ, а, право, надобно еще у нихъ поучиться вамъ—даже и тому, какъ изображать свою великую отчизну въ романахъ

Digitized by Google

и на сценѣ!—Да! кстати о романѣ! Въ самомъ дѣлѣ, намъ скажутъ: Князь А. А. не виноватъ; онъ взялъ, что нашелъ въ романѣ М. Н. Загоскина. Но зачѣмъ-же онъ брался за этотъ романъ, если въ немъ ничего лучшаго найдти было невозможно? Еще возраженіе: Князь А. А., скажутъ намъ, не думалъ составлять пьесы изъ событій 1812 года. Онъ просто изобразилъ сборъ всякой всячины. Но зачѣмъ-же послѣ сего душишь насъ порохомъ, оглушаешь выстрѣлами, поешь строфы Жуковскаго, бранишь Наполеона и Французовъ? Дѣйствіе точно спутано — возразятъ намъ еще — но вслушайтесь въ разговоры дѣйствующихъ: какая любовь къ отечеству, какія высокія выраженія, и картины! И по тому, что говорятъ вамъ на сценѣ, можете понять, что въ это время дѣлаютъ Рускіе за кулисами.—Въ 1812 году было иначе: Рускіе говорили мало, да дѣлали много. У Князя А. А. это является навыворотъ. Невольно вспомнишь слова В. Гюго: Il résulte de là que tout ce qui est trop caractéristique, trop intime, trop local, pour se passer dans l'antichambre ou dans le carrefour, c'est-à-dire tout le drame, se passe dans la coulisse. Nous ne voyons en quelque sorte sur le théâtre que les coudes de l'action; ses mains sont ailleurs. Au lieu des scènes, nous avons des récits; au lieu de tableaux, des description. De graves personnages viennent nous raconter ce qui se fait dans le temple, dans le palais, dans la place publique, de façon que souventesfois, nous sommes tentés de leur crier: »Vraiment! mais conduisez-nons donc là bas!« A quoi ils répondraient sans doute: Il serait possible que celà vous amusât ou vous intéressât, mais ce n'est point là la question. . . « Въ самомъ дѣлѣ, не такъ-ли?

Digitized by Google

Любопытно только, въ чемъ заключался *вопросъ*, когда Князь А. А. писалъ своего *Рославлева*, акте-ры разучивали его, а зрители собирались смотрѣть? Въ чемъ! Что за вопросы? Театръ былъ полонъ; бенефисъ былъ хорошъ; раекъ доволенъ; въ Журналѣ, въ газетѣ явится новая статья, а въ гостиныхъ поговорятъ на другой день о томъ, что твореніе Князя А. А. очень не изящно. Новостей у насъ такъ мало теперь: спасибо, что хоть о чемъ нибудь будетъ можно перемолвить, между разговорами о погодѣ и вистомъ. А послѣ того, всѣ опять поѣдутъ на новый бенефисъ съ длинною аффишкою. Можетъ быть все это хорошо, и такъ должно быть; но, Мм. Гг., но *драма*, но *вкусъ*, но *театръ*, какъ училище вкуса... Помилуйте! Кто-же васъ объ этомъ спрашиваетъ?

Въ самомъ дѣлѣ. И такъ, скажемъ въ заключеніе нѣчто похожее на то, что на сценѣ говорила Фіона: »*Вѣчная тебѣ память!* Прощай Рославлевъ! Мы не помянемъ тебя лихомъ. Плохъ ты былъ, но вѣдь и хуже тебя бывали и будутъ. Подождемъ — новыхъ бенефисовъ.«

Водевиль былъ довольно милъ, довольно двусмысленъ, довольно плохо переведенъ; украшенъ въ Русскомъ переводѣ куплетами на женъ, судей и Журналистовъ; Г-нъ Щепкинъ и Г-жа Рѣпина были въ немъ, какъ всегда, хороши, всѣ другія лица были несносны — это исторія почти всѣхъ, передѣланныхъ съ Французскаго, и представленныхъ на нашемъ Театрѣ водевилей. Такъ, не смотрѣвши *Дивертиссмана* въ заключеніе спектакля, можно было

Digitized by Google

напередъ сказать, что Г-нъ Ришардъ и Г-жа Гюллень сдѣлаютъ нѣсколько высокихъ прыжковъ, и, задыхаясь отъ усталости, обратятся къ зрителямъ съ веселою улыбкою. Муза танцевъ давно отказалась отъ всѣхъ *па*, какіе выпрыгиваютъ на нашей сценѣ, и вкусъ эстетическій смотритъ на нихъ зажмуря глаза. *Искусству* не льзя не удивляться; но — вотъ вопросъ: есть-ли и должно-ли быть различіе между балетнымъ, сценическимъ *танцованьемъ*, и *прыганьемъ* на веревкѣ и проволокѣ? Желаемъ знать: какой отвѣтъ могутъ намъ выплясать на этотъ вопросъ?

Digitized by Google

СМѢСЬ.

— *Объ изданіи Русскихъ Сказокъ на Нѣмецкомъ языкѣ.* — Въ одной изъ газетъ ученой Германіи нашли мы извѣстіе о переводѣ нѣкоторыхъ Русскихъ Сказокъ на Нѣмецкій языкъ, изданномъ подъ заглавіемъ: Russische Volksmährchen, in den Urschriften gesammelt und übersetzt von Anton Dietrich. Mit einem Vorworte von Jacob Grimm. Leipzig. Bey Weidemann. 1831. XXII и 268 S. 8. (*Русскія народныя Сказки*, въ подлинникѣ собранныя и переведенныя Антономъ Дитрихомъ. Съ Предисловіемъ Якоба Гримма). На Нѣмецкомъ языкѣ были уже переводы Русскихъ Сказокъ. Въ Russische Miscellen, которыя издавалъ Іоаннъ Рихтеръ въ 1803 и 1804 годахъ, находились: въ первой книжкѣ *Добрыня Никитичъ*, во второй *Чурило Пленковичъ* и *Василій Богуславичъ*, въ шестой *Умный Цыганъ* (Der kluge Zigeuner) и *Женская Хитрость*. Три первыя взяты были изъ изданнаго въ 1783 году, Новиковымъ, Собранія Русскихъ Сказокъ; послѣдняя, изъ издаваемыхъ для народа Сказокъ съ лубочными картинками; но *Умнаго Цыгана* мы вовсе не знаемъ. Впрочемъ, переводъ Рихтера не соотвѣтствовалъ нынѣшнему понятію о переводахъ оригинальныхъ произведеній. Самъ Рихтеръ говорилъ, что онъ сокращалъ,

Digitized by Google

перемѣнялъ, поновлялъ многое, что казалось ему страннымъ, дикимъ и несообразнымъ со вкусомъ Нѣмецкой публики. Можно судить, каковъ былъ послѣ этого переводъ его! Новый переводчикъ Русскихъ Сказокъ слѣдовалъ совсѣмъ иной методѣ. Онъ увѣряетъ въ Предисловіи своемъ, что старался сохранить всѣ формы, всѣ обороты и краски подлинника, сколько позволялъ Нѣмецкій языкъ. Онъ не боялся чуждыхъ и странныхъ выраженій. Къ изданію своему присовокупилъ онъ объясненія, и другое обширное Предисловіе, написанное извѣстнымъ Я. Гриммомъ, оказавшимъ незабвенныя услуги Древней Нѣмецкой Литтературѣ. Все это чрезвычайно любопытно для насъ, Рускихъ. Сужденія Нѣмецкаго Рецензента оригинальны, хотя и можно было-бы попротиворѣчить ему въ иныхъ мѣстахъ. Напримѣръ, отъ чего *Бова* напоминаетъ ему Гамлета (!), когда онъ знаетъ, что эта Сказка взята изъ круга сказаній о Карлѣ Великомъ, и что тамъ составляетъ она цѣлый романъ, подъ названіемъ Buovo d'Antona, романъ, переведенный на многіе языки и, какъ видимъ, передѣланный на Русскій? Всѣхъ Сказокъ переведено Г-мъ Дитрихомъ 17. Жаль, что Рецензентъ не означаетъ, какія именно это Сказки? Мимоходомъ говоритъ онъ о *Бовѣ*, *Гурѣ*, и *Емелюшкѣ-Дурачкѣ*. Далѣе выписываетъ онъ нѣкоторыя Русскія выраженія и образы, дивясь имъ довольно забавно. Судя по выпискамъ его, переводъ долженъ быть вѣренъ; только, trockene Pfeile едвали не ошибка. Это, вѣроятно, наши *каленыя*, а

Digitized by Google

не *сухія стрѣлы*. Рецензентъ справедливо замѣтилъ, что *сухія стрѣлы* безсмыслица. Замѣчательно также, что преданіе о *живой* и *мертвой водѣ* существуетъ и въ Нѣмецкихъ народныхъ сказкахъ. — Впрочемъ, не будемъ взыскательны къ трудолюбивымъ Нѣмцамъ. Мы сами виноваты, что имъ не откуда заимствовать нашихъ Сказокъ. Они принуждены брать ихъ изъ старинныхъ, невѣрныхъ собраній, изданныхъ безъ Критики, безъ примѣчаній и объясненій. Во всякомъ случаѣ, имъ принадлежитъ то преимущество передъ нами, что они дѣлаютъ возможное и занимаются какъ космополиты-Литтераторы тѣмъ, чѣмъ надлежалобы намъ заниматься какъ Литтераторамъ-патріотамъ.

— *Новыя Русскія Прописи.* — Въ Петербургѣ изданы Прописи, на которыя должно обратить вниманіе, какъ на мастерское произведеніе Каллиграфіи. Заглавіе ихъ: *Прописи Россійскія, писанныя М. Карачевскимъ-Волкомъ, гравированныя П. Михайловымъ. СПб. 1832.* На немногихъ листахъ, художникъ представилъ самые изящные образцы Чистописанія. Изъ нихъ особенно прелестны писанныя крупными буквами. Видно, что Г. Карачевскій-Волкъ *владѣетъ перомъ!* Тетрадь его Прописей можно получать изъ Книжнаго Магазина Г-на Смирдина, по 4 рубли за экземпляръ, съ пересылкою по 5 р.

— *Письмо къ Издателю Московскаго Телеграфа.* — М. Г. Николай Алексѣевичъ! Недавно, разсматри-

Digitized by Google

вая принесенный съ почты листикъ Литтературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду, увидѣлъ я, что А. А. Орловъ никакъ не унимается терзать публику своими сочиненіями, и вновь издалъ романъ: *Бѣгство П. И. Выжигина въ Варшаву.* —Потерявъ терпѣніе, рѣшился я принести вамъ жалобу на писателей, подобныхъ Г. Орлову*.

Не взирая на колкія насмѣшки Журналистовъ, на негодованіе публики, они не перестаютъ писать. Удивляюсь, какъ могутъ люди имѣть такъ мало самолюбія, чтобы послѣ всѣхъ испытанныхъ ими непріятностей, печатать подобные вздоры.

Почтенные Господа NN. SS. TT. etc! Я и самъ на свой вѣкъ довольно исписалъ бумаги, и смѣю васъ увѣрить, что писалъ гораздо лучше васъ; но, вмѣсто того что-бы печатать мои сочиненія, я жегъ ихъ, страшась видѣть мое имя сіяющимъ вмѣстѣ съ вашими; ибо, хотя, повторяю, я писалъ лучше васъ, но этого еще недостаточно, чтобы писать хорошо; а вы пишете дурно до nec plus ultra.— Послушайте-же моего совѣта: пишите, ежели у васъ страсть писать простирается такъ далеко; читайте даже свои сочиненія коротшимъ пріятелямъ; но не печатайте, а лучше, какъ я, жгите ихъ.

Николай Алексѣевичъ! Войдите въ положеніе бѣдныхъ провинціяловъ. Радуясь всякому вновь вышедшему оригинальному сочиненію, мы тотчасъ

---

* Издатель Телеграфа передаетъ сію жалобу, *по принадлежности*, Публикѣ. Телеграфъ въ семъ случаѣ есть только органъ почтеннаго Корреспондента.

Digitized by Google

хвашаемся за оное, и къ сожалѣнію всегда, или по крайней мѣрѣ большею частію, обманываемся, и кромѣ потери денегъ теряемъ и время. Вѣрить Журналамъ по же не льзя*. Въ прежнія времена Сѣверная Пчела была нашимъ оракуломъ; она давала намъ мнѣнія какъ о Литтературѣ, такъ и о Политикѣ. »Слышалъ-ли ты?« говаривали мнѣ. »Вышло новое сочиненіе? Надобно выписать.« — Богъ съ нимъ!—»Помилуй, братецъ! Сѣверная Пчела хвалитъ его«—Ну, дѣлать нечего, повѣришь по неволѣ, выпишешь и останешься въ накладѣ.—Это напоминаетъ мнѣ анекдотъ, какъ говорилъ П. П. Фризель. Въ сосѣдствѣ у насъ былъ богатый Помѣщикъ. Онъ, подобно Сѣверной Пчелѣ, руководилъ всѣми мнѣніями. Бывало, разсказываютъ анекдотъ, интригу или политическую новость, и кто нибудь изъ слушателей сомнѣвается; тотчасъ въ удостовѣреніе объявляютъ, что самъ Панпелей Панпелеичъ такъ разсказывалъ. Ну! шесть сотъ душъ говорятъ: сомнѣваться не льзя. Но я отбился отъ предмета письма моего.

Вы жалуетесь, что Русскіе не читаютъ Русскихъ книгъ, что мало выписываютъ Русскихъ Журналовъ. Но что-же прикажете выписывать? Укажите намъ сочиненія, достойныя занимать мѣсто въ хорошей библіотекѣ. Не спорю, есть, но много-ли ихъ? Я хотя человѣкъ не ученый, но все таки на Русскомъ, Польскомъ, Латинскомъ,

---

* Покорнѣйше благодаримъ! *Изд. Тел.*

Digitized by Google

Французскомъ и Итальянскомъ языкахъ читать и писать умѣю, Математику, да и еще нѣкоторыя науки знаю, какъ сіе значится и въ формулярномъ о службѣ и достоинствѣ моемъ спискѣ, и могу судить о Литтературѣ; но нѣтъ средствъ выписывать Русскія книги и Журналы. Выписалъ *Славянина,* да и самъ я не радъ былъ этому. Хамелеонистика наводила на меня такой сонъ и зѣвоту, что я принужденъ былъ отдать его другому за половинную цѣну. —

Недавно, у кочующаго торгаша разными мѣлочными товарами, купилъ я *Шемякинъ Судъ* (я люблю покупать у нихъ книги, иногда отъ нечего дѣлать, иногда для *добрыхъ людей,* ибо дать имъ хорошую книгу жаль: они ея не поймутъ, да сверхъ того изорвутъ, испачкаютъ), и чрезвычайно досадовалъ на себя, что далъ за него 10 рублей. Какое мнѣ дѣло знать, отъ чего происходитъ какое нибудь фамильное имя!... Кромѣ того, ужасно видѣть, до какой степени искаженъ слогъ почтеннаго нашего Исторіографа.

Сдѣлайте одолженіе, примите какія нибудь мѣры къ укрощенію подобнаго зла; даже не худо-бы подать прошеніе и испросить запрещеніе писать нѣкоторымъ господамъ. Честь имѣю быть, и проч.

П. Мартосъ.

1832 года, Октября 4 ч.
Новомирѣгородъ.

Digitized by Google

КАМЕРЪ-ОБСКУРА.

№ 13.

МѢЛКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, ШАРЛАТАНСТВО И ДИКОВИНКИ МОСКОВСКІЯ.

Масшерскою кистью обрисовалъ намъ остроумный Жаненъ *мѣлкую промышленность* Парижскую. Смѣешься, досадуешь, учишься изъ этой миніашюрной живописи, или, лучше сказашь, этой рисовки въ родѣ Жоганно. Какой міръ, новый, неизвѣстный, никѣмъ не замѣченный, ошкрываешся для насъ! Всѣ мы видѣли и видимъ его передъ собою, слышимъ его говоръ, смошримъ, какъ онъ движешся, шевелишся, волнуешся ежедневно, ежечасно, но никшо не замѣчаешъ его, шакъ, какъ всѣ живушъ, и не думаюшъ о шомъ чшо живушъ, шакъ, какъ Мѣщанинъ во дворянствѣ сорокъ лѣшъ говорилъ прозою, и не зналъ этого. Насмѣшливымъ перомъ поднялъ для насъ Жаненъ занавѣсъ, будшо Иванъ Русскій богашырь,

Digitized by Google

поднявшій каленою стрѣлою брови угрюмаго царя Высокоброва, и—какой урокъ! Можетъ-ли вылакированная картина нравовъ старика Жуи, или классическаго Же, сравниться съ подобнымъ очеркомъ нравовъ! Тушъ не для чего выискивать остроумныя противоположности, не для чего ставить людей на ходули сатиры, или въ жизни ихъ открывать причины противорѣчія тому, чѣмъ они *должны быть*, и что они *суть*. Отчетъ понятный и коротkій. Вы видите суетливость мѣлочнаго рынка съѣстныхъ припасовъ и толпу разнородныхъ торгашей; заглядываете въ каморку дворника; предъ вами царапаетъ улицъ, коммиссіонеръ, продавецъ контра-марокъ, подрядчикъ водевилей и стиховъ, семейство фигуранта, нашурщикъ, лоскушникъ; передъ вами ходячая кухня, обѣдъ провинціяла, омнибусъ, старое платье. Сравнивайте, судите, дѣлайте выводы, философствуйте сами объ этой *смѣси Бардуса съ Невтономъ*, называемой: *человѣкъ*...

Но картина Жанена была-бы неполна безъ прибавки Помье. Этотъ насмѣшникъ подобралъ еще много колосьевъ на полѣ, сжатомъ его предшественникомъ. Торгаши, пишатели, одѣвателя Парижа, лекаря, подрядчики, фокусники, шуты — необходимо должны войдти въ обзоръ наблюдателя, если онъ хочетъ

Digitized by Google

вполнѣ видѣшь міръ цепешильной общественной дѣяшельносши, нижнюю ступеньку общесшва.

Въ самомъ дѣлѣ: физическія пошребносши и заняшія человѣческой жизни, не сосшавляюшъ-ли шрехъ эшажей промышленносши каждаго общесшва? Ошшолкнемъ въ сшорону умсшвенное бышіе человѣка, и посмошрише: бельэшажъ, среднія, прекрасныя, просшорныя, богашо меблированныя комнашы общесшвенной жизни, не занимаюшъ-ли ихъ большіе шорговцы, фабриканшы, заводчики, посшавщики, ошкупщики, подрядчики, съ своими огромными капишалами, обширными заведеніями, превосходными издѣліями, конторами, магазинами? Сюда сваливаюшъ цѣлые грузы кораблей, годовые сборы обширныхъ полей, лѣсовъ, рѣкъ, морей. Но въ низу, въ нижнемъ эшажѣ, дѣяшельносшь мѣлкая, часшо одноручная, всегда песшрая, подсшрекаемая нуждою, голодомъ, холодомъ, жаждою: шушъ цеховой, ремесленникъ, кусшарникъ, разнощикъ, развозщикъ, перенощикъ, лоскушникъ; копѣйка вершишся, кашишся ребромъ, шѣлега замѣняешъ обозъ, коробъ служишъ магазиномъ. Все эшо будешъ неполно безъ верхняго эшажа, и эшошъ верхній эшажъ во всякомъ общесшвѣ заняшъ — прошу извиненія — шарлашансшвомъ всякаго рода, всѣмъ шѣмъ, чшо промышляешъ

Digitized by Google

безъ милльоновъ и безъ копѣекъ, безъ магазиновъ и шѣлегъ, безъ станка и шила. Тутъ фокусники шѣла и ума, аферисты, плясуны, прыгуны на карманѣ ближняго и на веревкѣ, прожекшеры на дѣлѣ и на бумагѣ. Въ этомъ этажѣ, смотря по обстоятельствамъ, комнаты бываютъ убраны хорошо и худо, люди пьютъ, то Шампанское, то воду, торгуютъ всѣмъ, даже смѣхомъ и слезами ближняго, веселятся въ печали, печалятся въ радости. Разумѣется, что жильцы часто перемѣняютъ кварширы: изъ перваго сходятъ въ третій этажъ, изъ третьяго въ первый, изъ обоихъ переходятъ во второй, и, весьма часто, изъ втораго переселяются въ третій и первый. Кромѣ того, они всѣ посѣщаютъ другъ друга взаимно, ссужаются другъ другомъ, и весьма нерѣдко милльонщика вострѣшите въ платьѣ шарлатана, мѣлочника въ одеждѣ богача, такъ, какъ въ передней знатнаго барина стоятъ просители и — кредиторы, слуги и чиновники, аферисты и подчиненные, дѣльные люди и — бездѣльники.

Такъ бываетъ вездѣ: въ Парижѣ, Калугѣ, Пекинѣ, Мадритѣ, Чухломѣ, Ардашовѣ на Алатырѣ, Испагани, Ялуторовскѣ — однимъ словомъ: повсюду. Но столицы можно почесть особенными представителями каждой земли. Хотите-ли узнать характеръ какого

Digitized by Google

нибудь народа? Разсмотрите прилежнѣе его столицу. Хотите-ли разгадать способы, средства, достатки и недостатки какой нибудь земли? Разглядите прилежнѣе столицу его, только разглядите ее съ толкомъ. Такъ Галль по черепу судилъ о цѣломъ человѣкѣ, и не ошибался. Гдѣ-же сыскать *черепъ столицы?* Три этажа общественной промышленности всего лучше покажутъ вамъ сущность каждой изъ столицъ. Въ этихъ трехъ этажахъ промышленности соединяется все: умъ, характеръ, средства, способы народа и земли. Тутъ вытягивается сущность изъ всего, тутъ сбирается все, и со всѣхъ сторонъ, со всѣхъ концовъ, налагается подать на всѣ умы, на всѣ способности, на всѣ глупости людскія.

Впрочемъ, бель-этажъ общественной промышленности сходенъ почти во всѣхъ земляхъ. Въ немъ много дѣла спасителю, но мало занятія наблюдателю человѣка; есть поверка географу, но почти нѣтъ работы психологу. *Мѣлкая промышленность* и *шарлатанство,* тѣ отдѣленія, гдѣ, большею частію, умъ замѣняетъ средства, ловкость деньги, смѣлость способы, удача разсчетъ—вотъ гдѣ любопытно прогуляться, и вотъ гдѣ забавно и поучительно подмѣтить человѣка, въ Мадритѣ, Лондонѣ, Парижѣ, Москвѣ, Пешер-

Digitized by Google

бургѣ, Берлинѣ. Въ этомъ отношеніи не льзя не сказать спасибо умному Жанену, за его мѣлкую картину Парижа.

Мнѣ вздумалось: его очерки примѣрить на Москву, соединивъ съ ними очерки Помье. Хочу пригласить моихъ читателей на Жаненовскую прогулку въ первый и третій этажъ Московской промышленности. Неугодно-ли, Мм. Гг. въ нынѣшнюю сухую, прекрасную осень, побродить по Московскимъ улицамъ и закоулкамъ, подслушать, подсмотрѣть Русскій народъ на рынкахъ и площадяхъ, заглянуть въ Московскіе чердаки и подвалы, уголки и балаганы? Не знаю: буду-ли я искуснымъ руководителемъ и наблюдателемъ; наперед увѣренъ, что не успѣю забавить васъ такъ остроумно и мило, какъ Жаненъ; еще болѣе увѣренъ, что не буду въ состояніи исчислить, описать всѣ подробности моего предмета.

Тотъ Эйлеръ-бы другой въ наукѣ числить былъ, кто не забылъ-бы упомянуть о чемъ нибудь такомъ, что обхватываютъ въ мірѣ, слѣдовательно, и въ Москвѣ, *мѣлкая промышленность* и *шарлатанство*. Боже мой! гдѣ они не встрѣчаются! Взгляните на кабинетъ ученаго, лавку купца, мастерскую художника, толкучій рынокъ, блестящій магазинъ, табачную лавочку, присутствіе суда, залу вель-

Digitized by Google

можи, каморку цеховаго — вездѣ люди промышляютъ и шарлатаняшъ; не всегда, но это *не всегда* кажется исключеніемъ изъ общаго правила. Такъ заведено и ведется между людьми. Спрашиваю еще: на чемъ не дѣлаютъ спекуляцій своихъ мѣлкая промышленность и шарлатанство? На всемъ, что только можете вы себѣ вообразить: на умѣ и глупости, красотѣ и безобразіи, дарованіи и уродствѣ, бѣдности и богатствѣ, болѣзни, здоровьѣ, прыжкахъ, ѣдѣ, пишьѣ, плашьѣ человѣческомъ. Вся природа: рыбы, пшицы, звѣри, жуки, раки, львы, вода, воздухъ — все въ мірѣ продается. Торговля опшомъ не можетъ существовашь безъ мѣлочной, а шакъ, какъ *люди всѣмъ торгуютъ*, шо и мѣлочная промышленность и шарлашанство необходимы вездѣ и всюду, какъ шѣнь при свѣшѣ и ржавчина при мешаллѣ. Да, они видны всюду, и управляютъ людьми, словно записными своими рабошниками.

Но оставимъ для другихъ общія опредѣленія, и начнемъ наше правоучишельно-забавное пушешествіе по Москвѣ, шарлашанской и мѣлко-промышленной.

Не будемъ вводишь въ наши очерки мѣлочныхъ *обязанностей* и *должностей*. Что дѣлается по необходимости, шо не есшь уже чистое произведеніе разсудишельной воли. Видѣшь характеръ мѣлкой промышленности и

Digitized by Google

шарлатанства надобно именно въ томъ, что дѣлается не по приказу, а по собственному желанію.

Читая Жанена, вѣроятно, многіе господы были воскликнуть: «Въ самомъ дѣлѣ, какой мѣлко-промышленный и шарлатанскій городъ этотъ Парижъ! Какая столица *бездѣльниковъ*, сбѣжавшихся съ цѣлаго свѣта!» Но, Мм. Гг.— воля ваша, а это не совсѣмъ справедливо! Повѣрьте мнѣ, что грибы растутъ вездѣ, и что гдѣ идетъ дождь, тамъ всегда бываетъ и грязь. Вся разница въ характерѣ дивертисмана.

Вообразите себѣ Москву, громаду, которая раздвинута на 64-хъ верстахъ, и гдѣ въ 10,000 домахъ живетъ и приживаетъ болѣе 300,000 человѣкъ народа. Изъ 20 тысячъ подьячихъ, 12 тысячъ цеховыхъ, 47 тысячъ мѣщанъ, 3-хъ тысячъ иностранцевъ, 50-ти тысячъ крестьянъ, и 70-ти тысячъ барскихъ людей, изъ всего этого собранія *двухъ сотъ тысячъ* человѣкъ, не говоря объ *остальныхъ ста тысячахъ*, сколько, думаете вы, надобно отнести къ *мѣлкой*, и сколько къ *крупной* промышленности? Вы задумаетесь, любезный мой читатель, а я еще спрошу у васъ: сколько изъ этихъ 300,000 живетъ въ Москвѣ, не имѣя, ни передъ собою, ни за собою, пріюта, никакого средства жить, кромѣ двухъ рукъ,

Digitized by Google

желудка, который надобно чѣмъ нибудь насытить, и головы, которую надобно приклонить куда нибудь? Вопросъ новый: сколько, по вашему мнѣнію, въ Москвѣ пробуждается каждое утро народа, который не знаетъ — будетъ-ли у него на этотъ день *хлѣбъ насущный?* Кто подумаетъ обо всемъ этомъ, тому горька иногда покажется чашка Ханскаго чаю, или Гаванскаго шоколата, которую проглатываетъ онъ, небрежно сидя на диванѣ своемъ, и вытягивая дымъ изъ янтарнаго мундштука!... Но, таковы всѣ столицы—собраніе противоположностей, крайностей всякаго рода...

Просимъ добродушнаго провинціяла, который никогда не бывалъ въ Москвѣ, не пугаться, не воображать ея сборищемъ голодающаго народа. Никто и никогда не умиралъ въ Москвѣ съ голода, и кто не знаетъ хорошо подробностей Москвы, тотъ увидитъ въ ней слезъ, и услышитъ горестныхъ вздоховъ гораздо менѣе, нежели въ какомъ нибудь уѣздномъ городѣ. Пріѣзжайте въ Москву, кайтесь по ней, пируйте у Московскихъ хлѣбосоловъ, ѣздите по богатымъ магазинамъ, любуйтесь ея работами, издѣліями, ея огромными домами, ея вѣчнымъ движеніемъ, роскошью, праздниками, и—вы уѣдете изъ Москвы съ увѣренностью, что въ ней *золотое дно.* Въ

Digitized by Google

самомъ дѣлѣ золотое дно, потому, что Провидѣніе, питающее птицъ небесныхъ, питаетъ всю Москву, и все живущее въ ней, отъ рода звѣринаго, и отъ рода человѣческаго, и отъ гада пресмыкающагося. Вы и не замѣтите даже, что ни одна крупинка не упадетъ изъ рукъ вашихъ такъ, чтобы не попала въ чей нибудь ротъ; что передъ вами, за вами, надъ вашею головою, подъ вашими ногами, вездѣ гнѣздится, живетъ, добываетъ себѣ хлѣбъ, и даже веселится своею жизнію народъ, православный и не православный. Если беззаботность Русскаго народа о будущемъ чувствуется гдѣ нибудь сильнѣе всего, то, конечно, въ Москвѣ. Не думайте, чтобы всегда столько нужды двигали эту толпу съ утра до вечера по площадямъ и улицамъ. Нѣтъ! сколько-же движется она и для веселья, отъ нечего дѣлать, для того, чтобы поротозѣять на что придется! Трактиры, рестораціи, гулянья, кабаки, травли, театры, выставки набиты народомъ, и Москва выпиваетъ ежедневно тысячи по двѣ, по три ведръ вина, съѣдаетъ говядины, считая поголовно, не менѣе Лондонскихъ обитателей, и въ двое противъ Парижскихъ. Но за все это — нѣтъ уже вершка земли, гдѣ не шерлась-бы мелкая промышленность, и не ступите вы шагу безъ того, чтобы не увидѣть объ руку съ нею

Digitized by Google

шарлатанства, и чтобы изъ каждаго шага вашего не выгадывалъ себѣ кто нибудь чего нибудь, если не въ карманъ, такъ прямо въ желудокъ. Люди ѣдятъ, пьютъ, родятся, умираютъ, женятся, гуляютъ, смѣются, плачутъ, и за все это платятъ подать, или мѣлкой промышленности, или шарлатанству. Мы увидимъ все это изъ подробностей.

Сказавъ, что несправедливо почитать Парижъ преимущественнымъ обиталищемъ мѣлкой промышленности и шарлатанства, мы дали разумѣть, что Москва едва-ли уступитъ во всемъ этомъ Парижу, и что все состоитъ въ *разнохарактерности* дивертисмана. Какая-же это разнохарактерность?

Не бывавши никогда въ Парижѣ, можемъ судить о Парижской характеристикѣ по словамъ Жанена. Что-то легкое, веселое, съ какими-то требованіями на удобство и роскошь, что-то происходящее изъ народнаго характера, ловкое, учтивое, общительное, общее, довольно безстыдное, блестящее — вотъ Парижъ!

Не такова Москва. Что-то тяжелое, грубое, буйное, довольное малымъ, готовое на всякія лишенія, что-то смѣшанное, старинное съ новымъ, Русское съ иностраннымъ, не общее, всегда раздѣльное, разграниченное, скупое, когда начнетъ богатѣть, неловкое въ

Digitized by Google

удачѣ, сносливое въ неудачѣ, и — вообще не блестящее и безхарактерное — вотъ Москва!

Развратъ Парижа веселый, шумливый, открытый; развратъ Москвы угрюмый, буйный, скрытный; *афера* и *шарлатанство* Парижское ходятъ во фракѣ; Московское *удальство* и *проидошничество* въ шубѣ; Парижъ хитритъ, Москва упрощаетъ; Парижскій шарлатанъ уклончивъ, учтивъ, Московскій грубъ и безстыденъ — одинъ предлагаетъ, другой навязываетъ; Парижъ говоритъ: *Monsieur,* Москва — *баринъ.*

Обглядимъ сперва нѣсколько *постоянныхъ* угловъ мѣлкой промышленности Московской. Знаете-ли вы, что такое называется въ Москвѣ: Городъ? Когда-то говорили мы объ этомъ; прибавимъ теперь еще нѣсколько словъ къ прежде сказанному. Такъ называется пространство нѣсколькихъ десятковъ десятинъ, обнесенныхъ старинною, каменною стѣною, подлѣ Кремля, по Неглинной, потомъ по берегу Москвы рѣки, и именовавшееся въ старину: *Китай городъ.* Русскіе, любя упрощать и сокращать имена, сдѣлали изъ Магаммеда *Махмета,* изъ Шварценберга *Шварцова,* отбросили: *Китай,* и зовутъ эту огородку просто — *городъ.* Городъ этотъ состоитъ, главное изъ большаго лабиринта торговыхъ *рядовъ,* разбитаго на три отдѣленія;

Digitized by Google

потомъ изъ огромныхъ лавокъ, извѣстныхъ подъ именемъ *Гостинаго двора;* еще изъ нѣсколькихъ торговыхъ мѣстъ, называемыхъ: *Мытный дворъ, Рыбный дворъ, Яблочный рядъ, Рыбный рядъ.* Тутъ-же высшросно было въ старину нѣсколько монастырей, нѣсколько церквей, два собора; находящся присутственныя мѣста, нѣсколько подворьевъ, нѣсколько трактировъ, и шѣснится множество домовъ. Все это поперегъ прорѣзываетъ улица съ Тверской на Москву рѣку, и еще вдоль три улицы: Никольская, Ильинка, Варварка. Здѣсь царство Московской торговли, промышленныхъ дѣлъ и занятій. Съ утра до ночи шумъ, ночью движеніе, до свѣта начинается ѣзда и ходьба. Туда всякій день ѣдетъ приказный, спѣшитъ купецъ, ѣдетъ извощикъ, торопится фабрикантъ, скачетъ барыня. Тутъ движется маклеръ, коммиссіонеръ, Сибирякъ, Жидъ, мужикъ, баринъ, хозяинъ, прикащикъ, работникъ. Все тутъ найдете вы, чего хотите, отъ Жидовскаго золота до Китайскаго чаю, отъ гнилой рыбы и снѣдковъ до Сибирскаго соболя и лакомаго ананаса, отъ кипы Англійской бумаги до куска кустарной выбойки. Тутъ ворочаютъ милліонами, тянутся безконечные обозы, и движется толпа людей безъ числа. *Городъ* носитъ на себѣ полный отпечатокъ Руси: на показъ

Digitized by Google

шутъ ничего не выставляютъ — все грязно, замарано, темно; огромные домы набиты мѣлкими жильцами; богачи толкутся на слякоши, и рѣшаютъ участь огромныхъ капиталовъ, одѣтые въ рабочее платье; тутъ горы товаровъ, но все лежитъ за замками. Тутъ люди въ одно время звонятъ къ обѣднѣ, пьютъ чай въ трактирѣ, обманываютъ въ лавкѣ, продаютъ, покупаютъ, мѣняютъ... Судите о томъ, что значитъ *Городъ*, по цѣнѣ зданій его составляющихъ: домы и лавки, выстроенные въ этой тѣснотѣ, и принадлежащіе частнымъ людямъ, цѣнятся въ *сорокъ милльоновъ*, и, конечно, стоятъ вдвое дороже. Тутъ главный притонъ большой, крупной, и — главное раздолье *мѣлкой промышленности*. Она облѣпила каждый уголокъ лавочками, шкафиками, столиками, балаганчиками, жмется въ погребахъ, живетъ подъ крышками, ходитъ и стоитъ съ ящиками, коробками, лотками. У Ильинскихъ воротъ отдѣлила она себѣ особенный *Толкучій рынокъ*, и, въ самомъ дѣлѣ, *толчется* на немъ и около него, въ полномъ смыслѣ этого слова. Тутъ міръ лоскутьевъ, тряпицъ, поношеннаго бѣлья, ломаныхъ вещей, старыхъ книгъ, сапоговъ безъ подошевъ, чашекъ безъ ручекъ, нищихъ, мошенниковъ, перекупщиковъ, бродягъ. Принесите туда стаканъ безъ дна, бу-

Digitized by Google

тылку безъ горла, шляпу безъ тульи—покупщикъ найдется; не держитесь рукою за платокъ вашъ въ карманѣ — его вытащатъ; купите что нибудь — васъ обманутъ. Тутъ готовы поклясться въ копѣйкѣ, выторговать у денежки, увѣрить, что продаютъ новое, хоть оно все въ дырахъ, и — кто не бывалъ на *Толкучемъ рынкѣ*, тотъ лишается разрѣшенія многихъ психологическихъ задачь Русскаго характера.

Повернемъ въ другую сторону. Видите-ли этотъ длинный, узкій, мрачный, запачканный проходъ, отъ Богоявленскаго монастыря, къ рядамъ, съ обѣихъ сторонъ обставленный каменными лачугами? Это *Пѣвчая*, то есть, строенія, принадлежащія духовному вѣдомству, и занимаемыя *пѣвчими*. Но здѣсь мѣлкая промышленность гнѣздится до такой степени, что смотря на туземцевъ Пѣвчей, не понимаете: гдѣ могутъ улечься на ночь всѣ жители этого грязнаго закоулка? Тутъ брѣютъ, стригутъ, шьютъ, кроятъ, стучатъ молотомъ, варятъ, пекутъ, красятъ, декатируютъ, торгуютъ винами и квасомъ. Тутъ цѣлый міръ страстей, отношеній, занятій.

Перейдемъ поперегъ Варварку, и взглянемъ подъ гору, на эту кучу неопрятныхъ, запачканныхъ домовъ, гдѣ ночью можете задохнуться отъ вони: это *Зарядье*. Мѣсто отъ

Digitized by Google

рядовъ къ Москвѣ рѣкѣ вышло подгорное, низменное; оно все застроено домами. Тутъ притомъ, гдѣ останавливается безчисленное множество пріѣзжающихъ въ Москву купцовъ и торгашей: шутъ подворье *Курское, Воронежское, Жидовское, Мурашевское, Тульское,* и проч. и проч.—Въ двухъ-аршинныхъ келльяхъ, раздѣленныхъ узкими проходами, живетъ, разсчитывается, угощаетъ, обѣдаетъ, спитъ толпа пріѣзжихъ торговцевъ, со всѣхъ концовъ Россіи; подлѣ нихъ находятся товарныя палатки и амбары, и — мѣлкая промышленность, какъ туча саранчи, облегаетъ тутъ каждый вершокъ мѣста. Тутъ она шьетъ обновки на добрыхъ гостей, которые потомъ, пріѣхавъ въ свой городъ, хвастаютъ, что платье ихъ *сшито въ Москвѣ;* тутъ она кормитъ и поитъ ихъ; продаетъ имъ помаду, духи, полу-шампанское, шапки, шляпы, перчатки, сапоги, чепчики, шляпки, бьется изъ копѣйки, обманываетъ, божится, клянется, печетъ блины и пироги. Здѣсь Русь все еще *Русская.* Дворники съ бородами, кухарки въ повойникахъ, масперовые въ Русскихъ кафтанахъ; съ ужасомъ глядятъ здѣсь, если пріѣзжій не соблюдаетъ поснаго дня, и угрюмо посматриваютъ, когда услышатъ не-Русскій языкъ. Тутъ, правда, живутъ и пріѣзжіе въ Москву Жиды; но бѣдные *изгнанники вселен-*

Digitized by Google

ной, похожіе въ этомъ на Наполеона, занимаютъ въ Зарядьѣ одинъ извѣстный домъ: онъ набитъ сынами Израиля, и шутъ у нихъ свой міръ, шабаши, музыка; но они чужды всѣмъ другимъ, постояннымъ и временнымъ обитателямъ Зарядья. Если на другихъ подворьяхъ останавливаются иногда Жиды, то *пейсики* ихъ служатъ знакомъ отверженія для всѣхъ другихъ обитателей того подворья.

Но довольно; оставимъ душное, вонючее *Зарядье*, и прогуляемся по *рядамъ*. Надобно пробѣжать ихъ поскорѣе: намъ остается еще немало погулять по Москвѣ, должно заглянуть на Кузнецкій мостъ, быть на рынкахъ Московскихъ, съѣздить въ Покровское, посмотрѣть на всѣ Московскіе углы. . . .

Вотъ мы снова перешли Варварку, и вошли въ *ряды*. Длинное протяженіе ихъ, до самой Никольской, пересѣкается Ильинкою. Вѣтеръ рѣзко гуляетъ по длиннымъ переходамъ; лѣтомъ дождь льетъ съ верху, зимою въ нихъ холоднѣе, нежели на улицѣ. Но будь хоть 30 градусовъ мороза, труженики промышленности сидятъ, стоятъ, ходятъ съ утра до вечера подлѣ лавокъ, расположенныхъ съ обѣихъ сторонъ каждаго ряда. Что вамъ угодно? Велите-ли пересчитать вамъ названія рядовъ, изъ которыхъ многія напоминаютъ старину:

Digitized by Google

(*Юхотный, Суровскій, Фряжскій, Москотильный, Бакалейный, Золотокружевный?*) Станемъ-ли замѣчать разницу физіогномій, манеровъ, обхожденій купцовъ, купчиковъ, прикащиковъ, хозяевъ, мальчиковъ, смѣсь одеждъ ихъ, образованій, даже извѣстныхъ обычаевъ каждаго ряда, что въ *Квасномъ*, напримѣръ, вамъ кланяются и учтиво приглашаютъ, въ *Кафтанномъ* почти хватаютъ за руки и тащатъ въ лавку, въ *Шляпномъ* оглушатъ васъ призывнымъ крикомъ; что есть ряды, гдѣ почти всѣ торговцы съ бородами, есть другіе, гдѣ почти всѣ безъ бородъ, есть, гдѣ торгуютъ женщины, въ Русской одеждѣ, есть, гдѣ почти никогда не обманываютъ? Не угодно-ли прислушаться къ вычету товаровъ, ловко подобранному и произносимому скороговоркою, какъ выученная пѣсня: «Ситцы лучшіе, коленкоры, кисеи, демикотоны, нанки, жилетныя матеріи — пожалуйте — что изволите спрашивать? — Чай, сахаръ, кофе — перчатки, подгалстучники, подшяжки лучшія — что изволите? что прикажете? что угодно?» Не зайдти-ли намъ для шутки въ какую нибудь лавку, спросить чего нибудь, притворишься, будто не понимаемъ что съ насъ просятъ вчетверо, полюбоваться, какъ ловко умѣютъ показать и *продать товаръ лицомъ*, отмѣрять его въ шеи, подмѣнить

Digitized by Google

другимъ, не разсердишься на прихоти покупателя, не разгнѣвашься, когда покупатель сердится, бранится, даетъ полцѣны, увѣряшь, что только *для васъ, съ почина* уступаютъ? Нѣтъ! не для этого мы рѣшились пройдши по рядамъ, терпѣливо слушать клики торговцевъ, и толкаться въ тѣснотѣ съ покупателями — мы ищемъ *мѣлочной промышленности* — гдѣ она? О, здѣсь она на каждомъ шагу! . . .

(*До слѣдующаго No.*)

Статья: *О критикѣ, написанной Г-мъ Погодинымъ на книгу Г-на Гастева,* означенная на обверткѣ сей книжки, исключена. *Изд.*

Digitized by Google

Digitized by Google

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*)

Le genre des chapeaux de cette saison est à peu près arrêté: ils seront encore simples et sans ornemens. Tout ce qu'on peut voir de fantaisie est de mauvais goût. Un simple nœud, des plumes, des fleurs peuvent être richement placées, sans que des rubans, tourmentés de mille manières, chargent sans baisser d'élégance et de légèreté.

Les passes ne peuvent plus se garnir à l'intérieur que d'une ruche de blonde figurant un bonnet; les rubans en traverses, en nœuds sont de gothiques modes de province.

Les passes sont petites et relèvent sans retrousser. Cette mode, que l'on a essayée il y a plusieurs mois, n'a pas réussi; et au moment de renouveler les formes d'hiver, il est essentiel de rappeler qu'elle n'est pas d'un bon choix.

Les chapeaux faits avec trois crêpes de même couleur sont d'un ravissant effet lorsque le crêpe est rose ou blanc; c'est véritablement une mode de saison, et qui est on ne peut plus comme il faut.

On continue à faire les passes de capotes sans bourrelet autour; c'est plus léger et plus délicat.

Les garnitures de bonnet, au lieu de relever en auréole, comme précédemment, retombent un peu comme une passe de capote. On y met fort peu de rubans.

Voici quelques détails sur une corbeille de mariage. Parmi les robes parées, nous avons remarqué, l'une de velours cerise, et l'autre de velours vert bourgeon. Élégante et noble parure d'hiver.

(*) Въ Парижѣ до 15 Октября (н. ст.).

Digitized by Google

Парижскія моды.

Une robe d'étoffe blanche de la Chine, peinte de couleurs vives et dorées.

Une autre de satin blanc à raies bleues; dans l'intervalle, une colonne de fleurs brochées très-légères, et aussi parfaitement dessinées et nuancées que si elles eussent été peintes à la main.

La robe de mariée était en mousseline blanche, tout unie, à corsage vierge, garnie d'une collerette de dentelle tombante, des manches longues.

Une robe de blonde était d'une nouveauté tout étrange. La jupe finissait aux genoux plate, là elle se terminait par un long volant qui descendait jusqu'aux pieds. Le corsage était drapé à la tyrolienne. Les manches étaient courtes et d'autres longues, pouvaient se changer à volonté.

Les étoffes de soie ou de cachemire uni, sont de mode pour cette saison.

Les chalys les plus de mode sont à fond de couleur noire ou foncée, et dessins de cachemires imitant les tapis turcs.

Un nouveau ruban qui faisait ceinture à la robe de blonde dont nous venons de parler, était en satin blanc broché; de chaque côté se trouvait un bord de gaze découpé imitant la blonde; il formait un nœud pendant.

Pour le matin, les cravates de gros de Naples, sont les mieux portées.

Почти навѣрное можно сказать, что шляпы нынѣшняго времени года, будутъ просты и безъ украшеній. Все изысканное показываетъ дурной вкусъ. Простой банть, перья, цвѣты, можно роскошно накалывать на шляпь, не обременяя ея лентами,

Digitized by Google

изогнутыми во всѣхъ возможныхъ видахъ и ни сколько не уменьшающими нарядности и легкости.

Поля шляпокъ внутри не украшаются ничѣмъ, кромѣ блондоваго рюша, замѣняющаго чепчикъ; ленты поперегъ, банты, все это старыя провинціяльныя моды.

Поля шляпъ маленькія и не загнутыя а только приподняты. Эту моду старались ввести нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, но неудачно; при возобновленіи формъ для зимнихъ шляпъ, необходимо напомнить, что загнутыя поля не въ нынѣшнемъ вкусѣ.

Шляпы, сдѣланныя изъ трехъ креповъ одинакаго цвѣта, чрезвычайно красивы, если крепъ розовый или бѣлый. Для настоящаго времени года, это мода самаго лучшаго тона.

Поля шляпокъ-капотовъ все еще дѣлаются безъ витушки кругомъ; это легче и милѣе.

Уборки чепчиковъ прежде были приподняты въ видѣ вѣнца; теперь напротивъ онѣ склоняются какъ у шляпокъ-капотовъ. Ленты накалываютъ чрезвычайно мало.

Вотъ нѣсколько подробностей объ одномъ приданомъ. Изъ нарядныхъ платьевъ мы замѣтили (говоритъ Издатель Дамскаго Парижскаго Журнала) бархатное платье вишневаго, а другое зеленаго цвѣта. Прелестный и благородный зимній нарядъ!

Платье изъ бѣлой Китайской матеріи, разрисованное яркими и съ золотомъ красками.

Другое изъ бѣлаго атласа съ голубыми полосами; между ними колонна цвѣтовъ, чрезвычайно нѣжно вышканныхъ. Цвѣты были такъ хорошо нарисованы отшѣнены, какъ живописные.

Digitized by Google

Вѣчальное платье изъ бѣлой кисеи, совершенно гладкое; лифъ à la vierge, убранный кружевной оборкой; длинные рукава.

Блондовое платье, которое ново и странно. Юпка гладкая до колѣнъ; отъ колѣнъ далѣе широкая оборка. Лифъ драпированъ à la Tyrolienne. Рукава коротkіе, и другіе длинные для перемѣны.

Ткани шелковыя и гладкія кашемировыя для настоящаго времени года въ большомъ употребленіи.

Особенно въ модѣ шкань шали темнаго или чернаго цвѣта, съ кашемировыми узорами, похожими на Турецкіе ковры.

При блондовомъ платьѣ, о которомъ мы говорили, былъ новый поясъ изъ бѣлой ашлѣсной ленты съ узоромъ (broché); края его изъ газа, похожаго на блонду; онъ завязывается баншомъ съ длинными концами.

Утромъ очень хороши галстучки изъ гроденапля.

На приложенныхъ картинкахъ:

Дама. Креповая шляпка. Платье изъ волнистой шкани; пелеринка изъ вышитой кисеи, обшитая блондами.

Мужчина. Сюртукъ съ бархатнымъ воротникомъ; жилетъ изъ шали. Панталоны казимировые. Фракъ съ узорчатыми пуговицами. Панталоны казимировые.

Digitized by Google

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

1832. № 14. ІЮЛЬ.

I. Изслѣдованія о климатахъ Азіи, сдѣланныя Гумбольдтомъ, во время путешествія его по Сибири въ 1829 году..... 137.

II. Андрей Шенье. Повѣсть, разсказанная Чернымъ Докторомъ (*продолженіе*)..... 168.

III. Путешествіе ко Святымъ мѣстамъ въ 1830 году. 2 части Спб. 1832 (*окончаніе*)..... 217.

IV. Новыя Русскія книги (*Семейство Холмскихъ*. 6 частей — *Андрей Безыменный*. Старинная повѣсть—*Краткая Грамматика Русскаго языка*, изданная И. Кулжинскимъ—*О кометахъ четвертаго десятилѣтія XIX вѣка*, Переводъ съ Нѣмецкаго—*О кометахъ вообще* и проч. Сочиненіе Араго—*О кометѣ 1832 года*)..... 236.

V. Новыя иностранныя книги (*Робертъ, Графъ Парижскій*. Соч. В. Скотта—*Сказки Альгамбрскія*. Соч. В. Ирвинга—*Сочиненія В. Гюго*—*Признаніе Сакунталы*. Переводъ Шези—*Исторія Итальянскихъ Республикъ*. Соч. Сисмонди—*Сказки Якова Библіофила*. 248.

Digitized by Google

Въ Конторѣ Московскаго Телеграфа, состоящей у Тверскихъ воротъ, напротивъ Спасскаго монастыря, въ домѣ Г-на Римскаго-Корсакова, подъ № 2-мъ продаются слѣдующія книги:

ЭРПЕЛИ И ЧИРЪ-ЮРТЪ. Двѣ Поэмы А. Полежаева. М. 1832 г.; въ бум. 5 рубл. асс.

СТИХОТВОРЕНІЯ А. ПОЛЕЖАЕВА. М. 1832 г.; въ буч. 10 рубл. асс.

НАЧЕРТАНІЕ ЖИТІЯ СВЯТАГО МИТРОФАНА, перваго Епископа Воронежскаго. С. А. Д. *Изданіе 2-е съ дополненіемъ*. М. 1832 г.; въ бум. 2 рубл.; съ пересылкою 2 рубл. 50 коп.

ТЕКСТЫ ИЗЪ БИБЛІИ, примѣненные къ отечественной войнѣ 1812 г. М. 1832 г.; въ бум. 1 рубль.

ТАБЛИЦА НЕПРАВИЛЬНЫХЪ И НЕДОСТАТОЧНЫХЪ ГЛАГОЛОВЪ, также уклоненій или различій, находящихся между правильными глаголами, касательно правописанія. Въ бум. 1 рубл.

ТЕАТРЪ НИКОЛАЯ ХМЕЛЬНИЦКАГО. 2 части. Съ портретомъ Автора и картинкою. СПб. 1830 г.; въ бум. 20 рубл. асс.

ТРИ НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЯ ПОВѢСТИ ДЛЯ ДѢТЕЙ. Соч. О. Сомова. Съ 12-ю раскрашенными картинками. СПб. 1830 г.; въ бум. 5 рубл. асс.; съ пересылкою 6 рубл. асс.

Digitized by Google

№ 14. Іюль.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

О КЛИМАТАХЪ АЗІИ,

сдѣланныя Гумбольдтомъ, во время путешествія его по Сибири, въ 1829 году.

(*Окончаніе*).

Означенныя нами противоположности между Европою и Азіею составляютъ собою общность причинъ, дѣйствующихъ совокупно на уклоненія линій равной годовой теплоты, и неравное распредѣленіе меньшей теплоты между различными временами года: это явленіе, становится особенно замѣтнымъ на востокъ отъ С. Петербургскаго меридіана, тамъ, гдѣ материкъ Европейскій соединяется съ сѣверною Азіею, на объемѣ двадцати градусовъ широты. Востокъ Европы и вся Азія (къ сѣверу отъ 35° широты) находятся въ климатѣ преимущественно *материковомъ*, принимая значеніе

Digitized by Google

сего слова, какъ противоположность климата *островнаго* и климата *западныхъ береговъ*. По своему образованію, положенію, отношенію къ вѣтрамъ западнымъ и юго-западнымъ, климатъ тамошній есть климатъ *не послѣдовательный* (un climat excessif), похожій на климатъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, т. е. гдѣ чрезвычайно жаркое лѣто слѣдуетъ за чрезвычайно суровою зимою. Нигдѣ въ мірѣ, даже въ Италіи и на Канарскихъ островахъ, не видалъ я винограда лучше Астраханскаго, растущаго на берегахъ Каспійскаго моря. И между тѣмъ въ Астрахани, и далѣе къ югу, въ Кизлярѣ, при устьѣ Терека (широтѣ Авиньона и Римини) 100-градусный термометръ часто упадаетъ зимою на 28 и 30° ниже нуля. Посему-то въ Астрахани, гдѣ лѣтомъ, жаркимъ болѣе Прованскаго и Ломбардскаго, сила произрастанія возбуждается искуственнымъ поливаніемъ почвы, напитанной солекислою содою (muriate de soude), принуждены зимою зарывать виноградныя лозы въ значительную глубину. Такое, неравное раздѣленіе годовой теплоты между разными временами года, дѣлало донынѣ обработываніе винограда, или, лучше сказать, выдѣлку хорошаго вина, столь трудными въ Сѣверной Америкѣ, къ сѣверу отъ 40° широты. Въ системѣ климатовъ Европейскихъ, для произведенія, въ большомъ количествѣ, хорошаго

Digitized by Google

вина, надобны не только средняя годовая температура, возвышающаяся до 8, 7, или 9°, но и зима не ниже + 1°, и лѣто, достигающее, по меньшей мѣрѣ, 18°, 5. Подобная постоянная пропорція въ раздѣленіи теплоты установляетъ кругъ произрастанія, равно въ растеніяхъ, впадающихъ, такъ сказать, въ зимній сонъ, жизнь коихъ сосредоточивается въ это время въ ихъ оси, и въ растеніяхъ (напримѣръ, маслинѣ) сохраняющихъ зимою свою придаточную систему — листья. Вотъ нѣсколько нумерическихъ выводовъ сравнительной Климатологіи, могущихъ пояснить противоположности, изъясненныя мною:

С.Петербургъ (59° 56′ ш., 27′ 58′ д. в.), средняя темпер. года + 3°, 8; зимы — 8°, 3; лѣта + 16°, 7 (100 градусн.).

Тобольскъ (58° 12′ ш. 65° 58′ д. в.), по вычету за 1816 годъ (метеорологическія наблюденія Г-на Альберта), сдѣланному Г-мъ Адольфомъ Эрманомъ, средн. темп. — 0°, 63. Но западнѣе, на восточномъ берегу Финляндіи, въ Улео (65° 3′ ш., 23° 6′ д.) средняя темпер. + 0°, 6, и въ С.Петербургской широтѣ, въ Христіаніи (59° 55′ ш., 8° 28′ д.) средн. темпер. + 6°, 0′, зимняя — 1°, 8, лѣтняя + 17°, 0.

Казань (55° 48′ ш., 46° 44′ д.). Я имѣю за 12 мѣсяцевъ 1828 года среднія 9-ти часовъ

Digitized by Google

утра и вечера, полудня и 3-хъ часовъ послѣ полудня, по наблюденіямъ, тщательно учиненнымъ Г-имъ Симоновымъ. Оказывается, для однихъ наблюденій 9-ти часовъ утра, и одинакихъ часовъ утра и вечера (употребляя двѣ методы, дающія приблизительно среднюю температуру года) + 1°, 3 и + 1°, 2 (*); для зимы — 18°, 4 и — 17°, 8; для лѣта + 17°, 4 и + 16°, 8. Жарчайшій мѣсяцъ года, Іюнь + 19°, 4 или + 18°, 5; холоднѣйшій (Январь) — 22°, 7 или — 21°, 8. Видимъ, что выводы двухъ методъ различаются между собою менѣе, нежели различались-бы среднія многихъ годовъ. Часть весны и лѣта столь-же теплы въ Казани, какъ и въ Парижѣ, хотя послѣдній на 7° южнѣе Казани, а средняя температура года въ Парижѣ на 9°, 4 возвышеннѣе. Мѣсячные выводы, съ Марта по Декабрь, являются слѣдующіе:

Казань (55° 48′ ш.) — 2°, 1 + 10°, 3 + 15°, 5 + 18°, 9 + 18°, 2 + 14°, 2 + 5°, 6 + 0°, 6 — 10°, 7.

(*) Недавно, среднюю годовую температуру Казани опредѣлили въ + 3°, и даже + 3°, 3 (см. *Поггендорфа*, Ann. 1829, St. 2, стр. 162). Безъ сомнѣнія остановились для сего на среднемъ четырехъ, ежедневныхъ наблюденій, изъ коихъ ни одно не давало *minimum*, а два — полудневное, и въ 3 часа послѣ полдня

Digitized by Google

Парижъ (48° 50′ ш.) + 6°, 5 + 9°, 8 + 14°, 5 + 16°, 9 + 18°, 6 + 18°, 4 + 15°, 7 + 11°, 3 + 6°, 7.

Таково, по вычисленіямъ достойнымъ довѣрія (которыя еще болѣе умножу я въ особенномъ, приготовляемомъ мною сочиненіи), періодическое движеніе теплоты въ двухъ, отдѣленныхъ одно отъ другаго, на востокъ и западъ, болѣе нежели семью стами миль, мѣстахъ, впрочемъ находящихся приблизительно на одной изотермической линіи; но среднія температуры ихъ зимъ различны на 21°, 5. Климатъ сѣверный (*материковый*, и, слѣдственно, *не послѣдовательный*) заставляетъ туземцевъ *a sofferir tormenti caldi e geli* (Данте, *Purgat.* п. III).

Въ широтѣ Парижа, два слѣдующіе одинъ за другимъ мѣсяца не представляютъ прибавленія температуры выше 4 и 5 градусовъ. Отъ широты Рима до Стокгольма, между изотермическими изгибами отъ 16° до 5°, различіе мѣся-

---

— слишкомъ приближены къ *maximum* теплоты. Я нахожу дѣйствительно, употребляя вдругъ четыре ежедневныя наблюденія 1828 года, среднюю температуру года + 3°, 2, зимы — 16°, 3, лѣта + 19°, 8. Но сіи температуры не суть истинныя среднія, по свойствамъ времени, на коихъ онѣ основаны.

Digitized by Google

цевъ Апрѣля и Мая повсюду отъ 5° до 7°, и изъ всѣхъ мѣсяцевъ послѣдующихъ непосредственно (въ системѣ климатовъ центральной Европы) они суть представляющіе высшее (maximum) приращеніе теплоты. Въ сѣв. востокѣ Европы и сѣв. западѣ Азіи, напротивъ, приращенія двухъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ мѣсяцевъ возвышаются до 12°, и предшествуютъ, какъ высшее теплоты, эпохѣ тѣхъ-же явленій приращенія въ Европѣ. Сія-то мгновенная быстрота нисходящаго движенія теплоты характеризуетъ пробужденіе природы, изъясняющее намъ прекрасное весеннее развитіе тюльпановидныхъ, касашковидныхъ и розовидныхъ растеній въ долинахъ Сибири. Большія и быстрыя измѣненія теплоты бываютъ въ мѣсяцѣ Мартѣ на Апрѣль, и Октябрѣ на Ноябрь. Надобно-бы изумляться лѣтнимъ жарамъ Тобольска, Тары, Каинска, Красноярска и Барнаула, видя ледъ, покрывающій столь долго болотистыя тундры между Обью и Енисеемъ, Березовымъ и Тураханскомъ, если-бы мы не знали вліянія горячихъ вѣтровъ, дующихъ отъ юга и юго-запада, съ знойныхъ степей центральной Азіи (*).

(*) Г-нъ Адольфъ Эрманъ находитъ среднее въ направленіи всѣхъ вѣтровъ, дующихъ въ теченіе года, въ Тобольскѣ S. 47° O. — Въ Казани S. 52° O. —

Digitized by Google

Пекинъ (39°, 54′ ш., 114° 7′ д.), средняя температура года 12°, 7; зимы — 3°, 2; лѣта + 28°, 1. Лѣто въ сей, самой восточной части Азіи соотвѣтствуетъ Неаполитанскому; но три мѣсяца зимы ниже нуля, какъ въ Копенгагенѣ, лежащемъ на 16° сѣвернѣе, и гдѣ средняя температура года на 5° меньше. Таково различіе системы климатовъ западной Европы, что на берегахъ Франціи, между Нантомъ и Сенъ-Мало, подъ 47° и 48½° широты, находимъ одинаковую съ Пекиномъ годовую теплоту; между тѣмъ сіи берега на 7 и 8° сѣвернѣе, а зимы на 8° умѣреннѣе Пекинской.

Во время путешествія моего по Сибири, оставилъ я тамъ, въ различныхъ мѣстахъ, тщательно свѣренные термометры, у людей, способныхъ сдѣлать изъ нихъ надлежащее употре-

---

Въ Москвѣ S. 35° O. — Въ С.Петербургѣ S. 41° O — Западные вѣтры также весьма часты, по его наблюденіямъ, во весь годъ, при устьѣ Оби и сѣверной конечности Урала. По испытанному самими нами въ южной и средней Сибири, также въ степи Калмыцкой, мы не можемъ согласиться, будто западные вѣтры становятся рѣже по мѣрѣ приближенія отъ Голландіи къ Алтаю, такъ, какъ замѣчается сіе отъ Амстердама къ С.Петербургу (Schouw, Beitr. zur vergleichenden Klimatologie, тетр. I, стр. 53).

Digitized by Google

бленіе, наблюденіями въ часы, могущіе показать среднее температуры дней, мѣсяцевъ и годовъ. Я получилъ уже множество любопытныхъ наблюденій изъ Богословска, на сѣверѣ Урала, гдѣ Горные офицеры, ревностные и усердные, любятъ заниматься такимъ родомъ изысканій. Поелику все, что извѣстно въ Азіи о степеняхъ холода выше замерзанія ртути, еще весьма недостовѣрно, то и вручилъ я Г-ну Альберту, привѣтливо обласкавшему насъ въ Тобольскѣ, и по должности посѣщающему полярныя страны Березова и Обдорска, термометръ съ виннымъ спиртомъ, коего дѣленіе, означенное стараніемъ Г-на Ге-Люссака на самомъ стеклѣ, восходитъ вѣрно до — 60° сотенныхъ. Но величайшіе успѣхи, коихъ Метеорологія, и особенно теорія изотермическихъ линій, могутъ надѣяться, будутъ произведены С. Петербургскою Академіею, если она настоитъ въ учрежденіи правильной системы наблюденій надъ ежедневными перемѣнами барометра, термометра и гидрометра, температурою земли, направленіемъ вѣтровъ, и количествомъ воды и снѣга, ниспадающихъ изъ атмосферы. Планъ сего, представленный ученымъ другомъ моимъ, Г-мъ Купферомъ, и мною, объемлетъ всю Россійскую Имперію, отъ Арменіи, Семипалатинска и Иркутска, до Колы, Камчатки и Кадьяка. Одновременность перемѣнъ въ давле-

Digitized by Google

ніи, температурѣ, влажности, направленіи и преимуществѣ вѣтровъ на материковомъ пространствѣ (съ $38\frac{1}{2}°$, широты Смирны, Ливадіи, Калабріи самой южной, Мурціи, Лиссабона, Вашингтона, сѣвера Японіи и юга Бухарій, до 75°), превосходящемъ обширностью видимую часть луны, покажетъ, вѣрнымъ сравненіемъ нумерическихъ основаній, законы, донынѣ оставшіеся для насъ неизвѣстными. Важныя, великія выгоды для жизни земледѣльца и промышленника многочисленныхъ обитателей Европейской, Азіятской и Американской Россіи, связаны въ семъ случаѣ съ выводами всеобщей Климатологіи. Учрежденіе въ С. Петербургѣ *Физической Обсерваторіи*, на которой должны заниматься повѣркою и сравненіемъ инструментовъ, выборомъ мѣстъ, астрономическое положеніе коихъ уже хорошо опредѣлено, направленіемъ магнетическихъ и метеорологическихъ наблюденій, вычетами и изданіями въ свѣтъ среднихъ выводовъ, это учрежденіе причислено будетъ отдаленнымъ потомствомъ къ числу великихъ заслугъ, оказанныхъ уже знаменитою С. Петербургскою Академіею, съ половины XVIII-го столѣтія, для физическаго познанія земнаго шара, Ботаники и Зоологіи описательной.

Находимъ, что въ Азіи, такъ какъ въ Новомъ Свѣтѣ, изотермическія линіи дѣлаются

Digitized by Google

мало по малу параллельны экватору, по мѣрѣ того, какъ мы вступаемъ въ жаркую зону. Сей выводъ подтвержденъ средними температурами мѣсяцевъ, извлеченными мною болѣе нежели изъ 1200 весьма точныхъ наблюденій, сообщеніемъ коихъ обязанъ я Аббату Ришенѣ, находившемуся при иностранныхъ Миссіяхъ Франціи. Любопытно сравнить климаты Гаванны, Макао и Ріо-Янеиро. Два первыя изъ сихъ мѣстъ находятся на краю жаркой *Сѣверной* зоны, и подлѣ восточныхъ береговъ, а послѣднее на краю жаркой *Южной* зоны. Въ другомъ мѣстѣ представилъ уже я (см. Relat. hist. т. III, 305 и 374) слѣдующую табличку; но здѣсь присовокуплены мною среднія температуры трехъ самыхъ жаркихъ, и трехъ самыхъ холодныхъ мѣсяцевъ года:

	Макао.	Гаванна.	Р. Янеиро.
Средн. темп. года . .	23°,3	25°,7	23°,5
отъ Дек. до Февр. . .	18°,2	28°,0	26°
отъ Іюня до Авг. . .	28°,0	28°,6	20°,3
мѣс. сам. холодный . .	16°,6	21°,1	19°,2
— — жаркій . . .	28°,4	28°,8	27°,3

Хладотворное вліяніе образованія и положенія Азіи дѣлается еще явнѣе въ Макао и Кантонѣ, когда вѣтры западные и сѣверо-западные пробѣгаютъ по обширному материку, покрытому льдами и снѣгами; но противоположности распредѣленія теплоты между различными временами года гораздо менѣе чувствительны въ

Digitized by Google

южныхъ портахъ Китая, нежели въ Пекинѣ. Въ теченіе девяти лѣтъ, съ 1806 по 1814 годъ, Аббатъ Ришене, употреблявшій превосходный термометръ *à taxima* и *minima* (de Six), рѣдко видалъ его въ Макао сходящимъ до 3°,3, но часто до 5° (100 град.). Въ Кантонѣ термометръ достигаетъ иногда почти до точки замерзанія, и при дѣйствіи лучезарности къ небу безоблачному, на террасахъ домовъ находятъ ледъ, въ мѣстахъ окруженныхъ пальмами и бананниками. Такъ и въ Бенаресѣ (шир. геогр. 25° 20′, шир. изотерм. 25°, 2 сто град.) теплота часто, достигнувъ лѣтомъ 44°, нисходитъ зимою до 7°, 2.

Далѣе на югъ, между тропикомъ и экваторомъ, особенно между 0° и 15° широты, средніе температуры материковой атмосферы чувствительно одинаковы въ обоихъ Свѣтахъ, Старомъ и Новомъ. Наблюденія въ Азіи, самыя точныя и новѣйшія, представляютъ слѣдующее: Бомбай 26°,7, Мадрасъ 26°,9, Пондишери 29°,6, Батавія 27°, 7, Манилла 25°, 6, островъ Цейланъ: Тринкономала 26°,9, Валлійскій мысъ 27°, 2, Коломбо 27°,0, Кандея 25°, 8.

Средняя температура собственно-экваторіальной зоны, отъ 0° до 10 и 15° широты, была чрезмѣрно преувеличена донынѣ. Она не переходитъ кажется 27°, 7. Климатъ Пондишери, какъ я уже замѣтилъ прежде, не можетъ быть

Digitized by Google

сравниваемъ съ экваторнымъ оазисомъ Мурзука, гдѣ несчастный Риччи, и Капитанъ Лейонъ, видѣли (можетъ быть, по причинѣ песку, разсѣяннаго въ воздухѣ) стоградусный термометръ между 47° и 53°, 7; онъ вовсе не характеризуетъ собою климата и сѣверной Африки (*). Огромная масса тропиковыхъ земель находится между 18° и 28° сѣв. широты, и о сей зонѣ, благодаря учрежденію на ней столькихъ богатыхъ и торговыхъ городовъ, мы имѣемъ наиболѣе метеорологическихъ свѣдѣній. Напротивъ, четыре ближайшіе къ экватору градуса, даже донынѣ, какъ было за семдесятъ лѣтъ, можно назвать terra incognita въ отношеніи положительной Климатологіи. Мы не знаемъ среднихъ температуръ года и мѣсяцевъ Великой Пары, Гваяквиля, и даже (почти стыдно признаться) Каэнны!

Если разсматривать только степень теплоты, какой достигаетъ извѣстное время года,

---

(*) Такъ Г-нъ Риппель, столь извѣстный тщательностію, прилагаемою имъ къ повѣркѣ астрономическихъ и физическихъ инструментовъ, замѣтилъ, 31-го Мая 1823 г., при совершенно покрытомъ небѣ, жестокомъ юго-западномъ вѣтрѣ, и сильномъ электрическомъ напряженіи воздуха (въ Амбуколѣ, что въ Донголѣ), стоградусный термометръ на 46°, 9, когда тотъ-же инструментъ Апрѣля 6-го упалъ до 20°.

Digitized by Google

но находимъ въ сѣверной гемисферѣ *климатъ самый жаркій* подъ тропикомъ Рака, и 4 или 5° сѣвернѣе сего тропика, въ самой южной части жаркой зоны. Въ Персіи, въ Абуширъ (Abusheer), напримѣръ, подъ $28\frac{1}{2}$° широты, средняя температура мѣсяца Іюля (*) достигаетъ 34°; между тѣмъ, какъ мѣсяцы самые знойные въ жаркой зонѣ достигаютъ въ Куманѣ 29°, 2, въ Вера-Круцѣ 28°, 8. На Чермномъ морѣ стоградусный термометръ замѣчали въ полдень на 44°, ночью на $34\frac{1}{2}$°. Чрезвычайный жаръ, чувствуемый въ южной части умѣренной зоны, между Египтомъ, Аравіею и Персидскимъ заливомъ, есть временное дѣйствіе непродолжительнаго періода, который простекаетъ въ сей широтѣ между двумя переходами солнца черезъ зенитъ, медленнаго теченія свѣтила, когда оно приближается къ тропикамъ, продолжительности дней, увеличивающейся съ широтою мѣстъ, формы окрестныхъ земель, состоянія ихъ поверхности, постоянной прозрачности (diaphanité) материковаго воздуха, почти совсѣмъ чуждаго водяныхъ испареній, направленія вѣтровъ, и количества пыли (землистыхъ пылинокъ, разгорячаемыхъ лучезарностію, и напирающихъ одна дру-

(*) Средняя температура цѣлаго лѣта въ Абуширъ 32°, 7, а зимы 17°, 8.

Digitized by Google

гую по своей поверхности), воздымаемой сими вѣтрами, и поддерживаемой на воздухѣ.

Характеръ *не послѣдовательнаго* климата (материковаго, преимущественно) ознаменовывается въ Азіи *предѣлами безпрерывныхъ снѣговъ*, то есть: высотою, на которой сіи предѣлы, удаленные отъ всякой движимости (oscillation), поддерживаются лѣтомъ. Въ запискѣ моей о безпрерывныхъ снѣгахъ Гиммалайскихъ горъ и экваторіальнаго предѣла (Ann. de chimie, т. XIV, стр. 22, 52), и въ первой запискѣ объ Индійскихъ горахъ (т. III, стр. 297), я уже пояснялъ причины, по коимъ въ умѣренной Азійской зонѣ, на Кавказѣ и на сѣверномъ склонѣ Гиммалаевъ, поясъ вѣчныхъ снѣговъ поддерживается на высотѣ гораздо отдаленнѣйшей отъ поверхности Океана, нежели высота подобныхъ снѣговъ, подъ тѣми-же широтами (и, прибавимъ, подъ тѣми-же изотермическими изгибами) въ Европѣ и Америкѣ. Любопытное путешествіе Г-дъ Купфера и Ленца на Эльбрузъ (Rapport fait à l'Acad. Imp. sur un voyage dans les environs du mont Elbrouz, стр. 125) подтвердило то, что заключилъ я изъ наблюденій Г-дъ Энгельгардта и Паррота, сдѣланныхъ на Казбекѣ. На первой изъ сихъ горъ Кавказскихъ (Малкскій мостъ, при Эльбрузѣ, находится подъ 43° 45′ шир.) снѣга лежатъ не ни-

Digitized by Google

же 1,727 туазовъ; на второй (вѣроятно, по нѣкоторымъ особеннымъ причинамъ лучезарности) 1647 туазовъ. Слѣдственно: предѣлъ снѣговъ на Кавказѣ 250-300 туазами выше предѣла ихъ на Пиренеяхъ, находящихся въ одинаковой широтѣ. Лѣтнее согрѣтіе почвы на Тибетской плоскости, превосходящей, можетъ быть, высотою своею плоскость озера Титикака, сухость воздуха во всей центральной и сѣверной Азіи, малое количество снѣга, падающаго зимою, когда температура нисходитъ до — 12° и — 15°, наконецъ, ясность и прозрачность воздуха (*), замѣтная на сѣверномъ склонѣ Гиммалаевъ, умножающая въ одно время лучеотраженіе плоскости и передачу лучистой теплоты, почвою производимой, казались мнѣ

(*) См. письмо Англійскаго путешественника, изъ Субатху, отъ 11 Дек. 1823 г. въ *Азіятск. Журналѣ*, 1825, Май, перев. въ Nouv. Annal. des Voyages, т. XXVIII, 19, 23. Ревностный и ученый Геогностъ Французскій, Г-нъ Жакемонъ, по слѣдамъ Муркрофта, Вебба и Капитана Жерара, путешествующій теперь по горамъ Гиммалайскимъ, приписываетъ также неравность возвышенія снѣговъ на сѣверной и южной покатости сихъ горъ ясности климата на Ладакской плоскости, и туманному климату, какой господствуетъ со стороны Индостана (письмо къ Г-ну Бомону, изъ Лари, 9 Сент. 1830 г.

Digitized by Google

главными причинами великой разности, представляемой возвышеніемъ снѣговъ на сѣверной и на южной сторонѣ центральнаго хребта Индійскихъ горъ. По барометрическимъ измѣреніямъ Г-дъ Ледебура и Бунге, Алтай не представляетъ собою подобнаго явленія. Снѣга кажется, сходятъ намъ, относительно широты мѣста, далѣе, нежели на Карпатѣ; но Карпаты, Альпы и Пиренеи не даютъ намъ вычетовъ рѣзкаго сравненія, и доказываютъ, что въ Европѣ даже, отъ 42½° до 49¼° широты, мѣста, далѣе на востокъ лежащія, уравниваютъ вліяніе разстоянія ихъ отъ полюса. На Алтаѣ, въ Риддерскихъ горахъ, снѣга сохраняются въ разсѣлинахъ, между тѣмъ, какъ на Коргонской плоскости они образуютъ слои разныхъ годовъ, лежащіе одинъ на другомъ. Вотъ сравнительный учетъ:

Карпаты (49½°) 1330 т.	*Алтай* (48½°-51°), Риддерскія горы 920 т. (?), Коргонъ 1,100 т.
Пиренеи (42⅝°-43°) 1400 т.	*Кавказъ* (42½°-43°), Эльбрузъ 1730 т., Казбекъ 1650 т.
Альпы (45¾°-46°) 1370 т.	
Анды, Квитскія (1°-1½°) 2460 т.	*Гиммалаи* (30¾°-31°) склонъ южн. 1950 т.
Нерадосъ, въ Мексикѣ (19°, 19½°) 2350 т.	—— сѣверн. 2600 т.

Digitized by Google

Сіе великое отдаленіе предѣла снѣговъ въ южной части Азіи, между цѣпью Гималаевъ и цѣпью Коенлуна, между 31° и 36° шир., а къ NE, можетъ быть, въ широтахъ еще высшихъ, есть благодѣяніе природы. Давай болѣе обширное поприще развитію органическихъ формъ, пастушеской жизни и земледѣлія (поля, засѣянныя ячменемъ и пшеницею, находятся на плоскости Даба и Доомпо, подъ 31° 15′ с. ш., на высотѣ 2334 т., а близъ Лассура 2170 т.). Подобное только возвышеніе зоны снѣговъ, и согрѣтіе Тибетскихъ высотъ, дѣлаютъ въ Азіи обитаемыми горныя зоны, заселенныя народомъ мрачной, мистической физіогноміи, и образованія промышленнаго и религіознаго, совсѣмъ особеннаго. Но въ равноденственнымъ странахъ Америки (подъ широтою болѣе южною, отъ 25 до 30°) сіи высоты были-бы завалены снѣгами, или подвержены холоду, разрушительному для всякой обрабошки и всякой жизни.

Подобнымъ, хотя еще несовершенно опредѣленнымъ причинамъ можно приписать существованіе земледѣльческаго народонаселенія верхняго Перу и Боливіи, находящагося на высотахъ, превосходящихъ пѣ, кои въ сѣверной гемисферѣ, въ равномъ съ южными разстояніи отъ экватора, не представляютъ намъ никакого слѣда земледѣльческой жизни. Г-нъ Пенпландъ (см.

Digitized by Google

Annuaire du bureau des long. pour 1830, стр. 331) измѣрилъ нижній предѣлъ снѣговъ, при переѣздѣ черезъ Анды, въ Толедскихъ Альпосахъ (16° 2′ ю. ш.), и нашелъ ихъ на 2660 т. высоты, то есть, почти на той-же высотѣ, какая открыта на сѣверномъ, или Тибетскомъ склонѣ Гималаевъ (30¾° и 31° с. ш.). Между тѣмъ, на Американскомъ-же материкѣ, по склонамъ волкановъ, или трахитическихъ вершинъ Мексики, воздымающихся съ плоскостей въ 1200 и 1400 т. высоты, подъ 19° ш. с, снѣга находятся, въ самое жаркое время года, не выше 2350 т. — Весьма замѣчательно (и за 20 лѣтъ прежде, физики не ожидали-бы подобнаго вывода), что два примѣра аномальной высоты, или, чтобы избѣжать всякихъ догматическихъ выраженій, примѣры крайней точки возвышенія предѣла снѣговъ, въ теченіе года, находятся (какъ слѣдствіе сухости воздуха, лѣтней теплоты и лучезарности плоскостей) въ Америкѣ южной подъ широтою отъ 16° до 18°, а въ Азіи, въ той части умѣренной зоны, которая приближается отъ 7° до 8° къ тропику Рака. Выше сего замѣтилъ уже я, говоря о жаркихъ климатахъ Чернаго моря и Персидскаго залива, что конечность умѣренной зоны, ближней къ тропикамъ, опредѣлительно представляетъ (по причинамъ, изъясняемымъ теоріею *солнечнаго климата*) въ одномъ изъ временъ года, т. е. пе-

Digitized by Google

ріодическаго годоваго движенія температуры, высшую степень теплоты, какую только можетъ производить сила и продолженіе нагрѣванія.

Я могъ-бы еще распространиться здѣсь, о преусиленіи нѣкоторыхъ воздушныхъ теченій, и порядкѣ, или направленіи, въ какомъ вѣтры оборачиваются (отъ в. и ю.), дѣлаясь западными; объ изысканіяхъ, какія учинены мною для узнанія постоянности подземныхъ льдовъ; наконецъ, о распредѣленіи теплоты въ почвѣ сѣверной Азіи, показуемомъ температурою источниковъ. Обо всѣхъ сихъ явленіяхъ, Г-нъ Розе собралъ, во время нашего путешествія, большое число точныхъ наблюденій. Всѣ они, весьма сложнымъ образомъ, измѣняются, смотря по широтѣ и долготѣ мѣста, глубинѣ, времени и состоянію сцѣпляемости слоевъ каменистыхъ, или земель наносныхъ. Но развитіе сихъ предметовъ, я предоставляю особенному сочиненію, и окончу нынѣшнее мое разсужденіе взглядомъ на сухость атмосферы Азійской, ибо предметомъ моимъ предположилъ я на сей разъ разные матеріялы, служащіе къ образованію всеобщей Климатологіи.

Величайшая простота и точность *психрометрическаго снаряда* Г-на Огюста (ибо шер-

Digitized by Google

мометры (*) сего снаряда дѣлятся десятыми градуса) заставляли меня употреблять сей снарядъ, но съ нимъ вмѣстѣ и извѣстный гигрометръ Делюка, въ путешествіи моемъ черезъ степи сѣверной Азіи, Алтай, вдоль линіи Иртышской, по Ишиму, Тоболу, и на берегахъ Каспійскаго моря. Психрометрическія наблюденія, съ начала Іюня до конца Октября 1829 г. (температура атмосферическая измѣнялась отъ 8°, 7 до 31°, 2) были всѣ дѣланы, другомъ моимъ и товарищемъ путешествія, Г-мъ Густавомъ Розе. Тридцать три изъ сихъ наблюденій,

(*) Между инструментами, способными къ величайшей точности, термометръ представляетъ наиболѣе разныхъ приложеній. Онъ служитъ для измѣренія теплоты, узнанія напряженности свѣта, и степени гигрометрическаго напряженія. Есть термометры барометры (приспособленные къ измѣренію высоты горъ), гигрометры и фотометры въ одно время. Путь, проложенный знаменитою Академіею *del Cimento* и физикомъ Леруа, былъ оставленъ Делюкомъ и Соссюромъ, проведшими много времени своей жизни надъ усовершенствованіемъ гигрометра изъ твердыхъ тѣлъ. Успѣшные труды Далтона даютъ теперь средство замѣнить волосяные и изъ китовыхъ усовъ гигрометры установленіемъ точки росы. На установленіи сей точки основываются гигрометры Леслія и Даніеля, а также и психрометръ Г-на Огюста.

Digitized by Google

публикованныя въ Гигромешрической запискѣ Г-на Огюста (*), показываютъ чрезвычайную сухость воздуха въ долинахъ Сибирскихъ, на западъ отъ Алтая, между Иртышемъ и Обью, когда S. O. вѣтръ долго дуетъ на сіи мѣста изъ центральной Азіи, соприкасаясь плоскостямъ, которыя не имѣютъ и 200 т. возвышенія надъ поверхностью Океана. Въ Платовской степи мы нашли *точку росы* (point de la rosée) 4°, 3 ниже точки замерзанія. Это было 5-го Августа, въ часъ по полудни; температура воздуха, въ тѣни, была 23°, 7. Различіе двухъ термометровъ, сухаго и влажнаго, простиралось до 11°, 7, когда въ обыкновенномъ состояніи атмосферы (гигрометръ Соссюра между 74° и 80°) сіе различіе термометровъ не переходитъ за 5° и 6°, 2 (точка росы 16° 2, или 17°, 5). Въ Платовской степи температура воздуха должна-бы охладишься до 28°, не показывая росы. Воздухъ между Барнауломъ и знаменитымъ Змѣиногорскимъ рудникомъ, въ зонѣ, заключенной между 51½° и 53° ш., содержалъ въ себѣ, слѣдственно, $\frac{16}{100}$ паровъ, что соотвѣтствуетъ 28° - 30° волосянаго гигрометра. Безъ

(*) *Объ успѣхахъ Гигрометріи въ новѣйшія времена*, записка, чит. 28-го Сентября 1828 года въ собраніи Германскихъ Естествоиспытателей.

Digitized by Google

сомнѣнія, это величайшая сухость, какая только была донынѣ наблюдена на низменныхъ долинахъ земли. Г-нъ Эрманъ (отецъ), много занимавшійся гигрометрическими изысканіями, и употреблявшій для сего одновременно психрометръ и гигрометры Даніеля и Соссюра, видѣлъ на семъ послѣднемъ однажды, и къ великому своему изумленію (въ Берлинѣ, 20 Мая 1827 г., въ 2 часа по полудни), 42°, въ такой же температурѣ, какая замѣчена была нами въ Плашовской степи, при переѣздѣ нашемъ черезъ оную.

Я видѣлъ (и это дѣйствіе высоты довольно замѣчательно) сухость въ 40° и 42°, по гигрометру Соссюра, слѣдственно, близкую къ наблюденной Г-мъ Эрманомъ, подъ тропиками (100 град. термометръ держался въ тѣни, также въ 22°, 5 и 23°, 7), на плоскости, возвышенной на 1200 т., въ долинѣ Мексико, заключающей въ себѣ озера довольнаго пространства, окруженныя знойными, солепроизводящими степями. На 2635 туазахъ высоты (175 т. выше вершины Монблана), Г-нъ Гe-Люссакъ, въ знаменитомъ своемъ аэростатическомъ путешествіи, замѣтилъ гигрометръ Соссюра, при температурѣ 4°, ниспавшимъ до 25°, 3, что даетъ только 2 ^{mm}, 79 напряженія паровъ, или (поелику высшая степень была 6 ^{mm}, 5) что

Digitized by Google

отношеніе къ напитанности, замѣченное въ аэростатическомъ восхожденіи при низкой температурѣ высшихъ слоевъ воздуха было $\frac{12}{100}$.

Если ископаемыя кости великихъ тропиковыхъ животныхъ, недавно найденныя въ золотопроизводящихъ земляхъ, на вершинѣ Урала (*), доказываютъ, что сія цѣпь горъ воздвиглась въ новѣйшую уже эпоху (**), то находка и сохраненіе подобныхъ ископаемыхъ, покрытыхъ мускульнымъ мѣломъ, и другими мягкими частями (въ долинахъ сѣверной Сибири, при устьѣ Лены, и на берегахъ Вилюя, подъ 72° и 64° ш.) суть также событія удивительныя. Открытія Адамса (въ 1803 г.) и Палласа (въ 1772 г.) получили новую важность, съ тѣхъ поръ, какъ тщательныя изысканія во время путешествія Капитана Бичея, въ заливѣ

(*) Ископаемыя кости пахидермовъ издавна извѣстны въ долинахъ на востокъ и западъ отъ Урала, по берегамъ Иртыша и Камы.

(**) Сія самая мысль о воздвиженіи горъ прилагается и къ Андамъ, гдѣ въ обѣихъ гемисферахъ, на плоскостяхъ Мексиканской, Кундинамаркской (подлѣ Боготы), Квитской и Хилійской, открываютъ ископаемыя кости мастодонтовъ, на 1200 и 1500 т. высоты (см. мое *Relat. hist.* т. I, стр. 386, 414, 429, т. III, стр. 579).

Digitized by Google

Коцебу (66° 13′ ш. 163° 25 д. в.), и важныя изслѣдованія геогностическихъ собраній въ заливѣ Эшшольца Г-мъ Буккландомъ (*), сдѣлали почти достовѣрнымъ, что въ сѣверѣ Азіи, также и въ с. з. конечности новаго материка, ископаемыя кости, безъ мускульнаго пѣла, и съ онымъ, находятся, не только въ ледяныхъ массахъ, но даже и въ наносныхъ земляхъ (diluvium), лежащихъ на третье-степенныхъ образованіяхъ многихъ пропиковыхъ, умѣренныхъ земель обоихъ Свѣтовъ. Только причина внезапнаго охлажденія, говоритъ знаменитый Естествоиспытатель (**), коему одолжены мы пре-

---

(*) Бичей, Voyage to the Pacific and Beerings Strait, 1831, ш. I, 257, 323, ш. II, 560, 593, 612.

(**) Кювье, Ossemens fossiles, 1821 г. т. I, стр. 203. «Все дѣлаетъ для насъ весьма вѣроятнымъ предположеніе, что слоны, отъ коихъ остались намъ ископаемыя кости, жили въ тѣхъ странахъ, гдѣ нынѣ находятъ ихъ остовы и части остововъ. Они могли исчезнуть только при такомъ переворотѣ, который погубилъ всѣхъ сего рода животныхъ въ одно время, или при такой перемѣнѣ климата, которая воспрепятствовала имъ вновь возраждаться. Какова-бы ни была сія причина, она должествовала быть быстрою, внезапною. Если-бы холодъ наступалъ постепенно и медленно, ископаемыя кости, а еще болѣе мягкія части, коими находятъ оныя иногда облеченными, имѣ-

Digitized by Google

восходными изысканіями о несуществующихъ уже родахъ животныхъ, могла сберечь мягкія части, и сохранить ихъ черезъ цысящелѣтія. Занимаясь, во время пушешествія моего по Сибири, изысканіями, касательно подземной теплоты слоевъ, мнѣ казалось, что въ холодѣ, замѣчаемомъ въ 5-ти и 6-ти футахъ глубины, при жарахъ Сибирскаго лѣта, я видѣлъ изъясненіе сего явленія.

Когда, въ Іюлѣ и Августѣ, температура воздуха, въ полдень, была отъ 5 до 30°, 7, мы нашли, между Абалацкимъ монастыремъ и Тарою (56½°, 58° ш.), близъ деревень Чистовской и Бакшевой, между Омскомъ и Петропавловскомъ, на линіи Ишимскихъ казаковъ (54° 52′-54° 59′), подлѣ Шанкина и Полуденной крѣпости, въ четырехъ неглубокихъ колодцахъ, безъ всякаго осшашка льдовъ на краяхъ оныхъ, + 2°, 6; 2°,

---

ля-бы время разрушиться, шакъ, какъ бываешъ это въ спранахъ жаркихъ и умѣренныхъ. Всего-же болѣе невозможно-бъ было цѣлому трупу, какой найденъ Г-мъ Адамсомъ, сохранишь свою кожу, и съ шерстью, безъ поврежденія, если-бы не обхвашилъ его внезапно ледъ, въ которомъ онъ пролежалъ до нашего времени. Такимъ образомъ, всѣ предположенія о постепенномъ охлажденіи земли, или перемѣнѣ въ наклоненіи земной оси, уничтожаются сами собою.

Digitized by Google

5; 1°, 5; 1°, 4, стоград. Сіи наблюденія сдѣланы были подъ широтою сѣверной Англіи и Шотландіи, и сія температура Сибирской почвы сохраняется и среди зимы. Г-нъ Адольфъ Эрманъ нашелъ между Томскомъ и Красноярскомъ, по дорогѣ изъ Тобольска въ Иркутскъ, подъ широтою 56° и $56\frac{1}{2}$°, источники съ температурою +0°, 7 и 3°, 8, когда атмосфера была охлаждена до 24°, 2 ниже нуля. Нѣсколько градусовъ далѣе къ сѣверу, на горахъ мало-возвышенныхъ (59° 44′ ш., гдѣ средняя температура года едва — 1°, 4), и на степяхъ за 62° широты, земля остается замерзшею на 12 и 15 футовой глубинѣ. Надѣюсь, что по изысканіямъ, какія обѣщали мнѣ сдѣлать, въ разные лѣтніе мѣсяца, въ Березовѣ и Обдорскѣ, близъ полярнаго круга, мы вскорѣ узнаемъ, какова въ сѣверѣ измѣняемая толща ледянаго слоя, или, лучше сказать, влажной, замерзшей земли, проникнутой ледяными жилками, и заключающей въ себѣ купы кристалловъ отвердѣлой воды, подобныя порфироидным кускамъ. Въ Богословскѣ, гдѣ ученый начальникъ горныхъ заводовъ, Г-нъ Бегеръ, по моей просьбѣ, приказалъ копать колодецъ въ турфяной почвѣ, мало осѣненной деревьями, мы нашли, среди лѣта, въ 6-ти футовой глубинѣ слой замерзшей земли, толщиною болѣе $9\frac{1}{2}$ футовъ. Въ Якутскѣ, еще на $4\frac{1}{2}$° южнѣе полярнаго круга, подземный ледъ есть

Digitized by Google

явленіе всеобщее и безпрерывное, не смотря на высокую температуру воздуха въ Іюлѣ и Августѣ. Можно понять, какимъ образомъ отъ 62° до 72° широты, отъ Якутска до устья Лены, толщина слоя замерзшей земли должна увеличиваться, и весьма быстро.

Тигры, совершенно похожіе на тигровъ великихъ Индій (*), показываются еще и нынѣ, отъ времени до времени, въ Сибири, подъ широтою Берлина и Гамбурга. Безъ сомнѣнія, они живутъ на сѣверъ отъ Небесныхъ горъ, и отсюда дѣлаютъ набѣги до западнаго уклона Алтайскаго, между Бухтарминскомъ, Барнауломъ, и знаменитымъ рудникомъ золотопроизводящаго серебра, Змѣиногорскимъ, гдѣ убивали ихъ многихъ, необыкновенной величины. Сіе явленіе, заслуживающее все вниманіе зоологовъ, соединяется съ другими, весьма важными для Геологіи. Животные, коихъ нынѣ почитаемъ мы обитателями жаркой зоны, и литофическіе кораллы, существовали прежде (геологическіе фак-

(*) Товарищъ моего путешествія, Г-нъ Эренбергъ, издалъ уже любопытныя изъясненія о сихъ тиграхъ сѣверной Азіи, и долговолосыхъ пардахъ, живущихъ отъ Кашгара до средины теченія Лены. См. Annales des sciences nat. т. XXI, стр. 387, 412.

Digitized by Google

шы подтверждаютъ это), такъ-же, какъ пальмы, папоротниковыя и бамбуковыя растенія, на сѣверѣ древняго материка. Сіе было, вѣроятно, подъ вліяніемъ внутренней теплоты земнаго шара, сообщавшейся, черезъ трещины окисленной корки его съ атмосферическимъ воздухомъ самыхъ сѣверныхъ странъ. Мнѣ всегда казалось (*), что изслѣдывая древнія перемѣны климатовъ, геологи не должны отдѣлять явленія односемѣнодольныхъ произрастѣній (monocotyledonées arborescentes), лишенныхъ коры и прибавочныхъ органовъ, которые зимній холодъ безъ опасности отрываетъ у нашихъ двуполовинчатыхъ растеній (arbres dicotyledons), отъ явленія огромныхъ ископаемыхъ пахидермовъ. Понятно, какъ, по мѣрѣ охлажденія атмосферы

(*) См. *Записки Берлинской Академіи*, на 1822 годъ, стр. 154, и мои Tableaux de la Nat. (2-е изд.), т. II, стр. 188. Съ особеннымъ удовольствіемъ замѣтилъ я, что Г-нъ Буккландъ, передавшій намъ столько любопытныхъ подробностей, касательно жизни и свойствъ допотопныхъ животныхъ, утверждаетъ также необходимую связь между существованіемъ, или, лучше сказать, отношеніями мѣстности, долженствующей быть между литофитическими кораллами, односемѣнодольными растеніями, морскими черепахами (Chelonia) и ископаемыми мастодонтами холодныхъ странъ (*Бигей*, II, 611).

Digitized by Google

(отъ уменьшавшагося дѣйствія внутренности земнаго шара на внѣшнюю корку его, ибо трещины наполнялись твердыми матеріями и каменными вставками, когда распредѣленіе климатовъ сдѣлалось зависящимъ единственно отъ неравности солнечной лучезарности), породы растеній и животныхъ, требовавшія по организаціи своей болѣе возвышенной равности температуръ, мало по малу истребились.

Изъ животныхъ нѣкоторыя, породъ сильнѣйшихъ, безъ сомнѣнія, удалились на югъ, и жили еще нѣсколько времени въ странахъ ближайшихъ къ тропику. Изъ видовъ, или различій (каковы: львы древней Греціи, Царскій тигръ Дзюнгаріи, красивый, долгошерстный пардъ Сибирскій, или ирбизъ), нѣкоторые ушли не столь далеко. По организаціи своей, и по дѣйствію привычки, они обжились въ срединѣ умѣренной зоны, и даже (мнѣніе Г-на Кювье, относительно грубоволосыхъ пахидермовъ) въ странахъ самыхъ сѣверныхъ. Такимъ образомъ, если во время послѣднихъ переворотовъ, испытанныхъ поверхностью нашей планеты (напримѣръ, при воздвиженіи новой цѣпи горъ) во время Сибирскаго лѣта, слоны, съ нижними, болѣе округлыми челюстями, съ коренными зубами, болѣе узкими и менѣе угловато-полосатыми, носороги двурогіе, ошличные отъ Сумашрскихъ и

Digitized by Google

Африканскихъ, убѣжали на берега Вилюя и къ устью Лены, ихъ труны могли найдши, во всякое время года, въ глубинѣ нѣсколькихъ футовъ, толстые слои замерзлой земли, способные предохранить ихъ отъ истлѣнія. Легкія потрясенія, распространившіе земли, перемѣны въ состояніи поверхности, менѣе важныя перемѣны въ наше время бывшихъ на Квитской плоскости, или въ Индійскомъ архипелагѣ, могли быть причиною сохраненія мускульныхъ, или волокнистыхъ частей у сихъ слоновъ и носороговъ. По всему этому, внезапное охлажденіе земнаго шара не кажется мнѣ выводомъ во всякомъ случаѣ необходимымъ. Не должно забывать, что Царскій тигръ, котораго привыкли мы называть животнымъ жаркой зоны, и нынѣ еще живетъ въ Азіи, отъ оконечностей Индостана до Тарбагатая, верхняго Иртыша и Киргизской степи, на пространствѣ 40° въ широту, и что, отъ времени до времени, лѣтомъ, онъ забѣгаетъ на сто миль ближе къ сѣверу (*). Звѣри, забѣжавшіе въ сѣверо-восточную Сибирь, до 62° и 65° ш., могли, вслѣдствіе осѣдовъ, или другихъ весьма обыкновенныхъ обстоятельствъ,

(*) Дабы доказать продолженіе обитаемости Царскаго тигра на полосѣ земли, простирающейся, къ сѣверу отъ юга, болѣе нежели на 1000 миль, я присо-

Digitized by Google

представить собою, при нынѣшнемъ положеніи Азійскихъ климатовъ, феноменъ уцѣлѣнія, какой представляютъ маммутъ Г-на Адамса и носорогъ Вилюйскій. Я почелъ долгомъ подвергнуть суду геологовъ и естествоиспытателей мои замѣчанія о температурѣ почвы въ сѣверѣ Азіи, и географическомъ распредѣленіи сильнаго плотоядnаго звѣря (Царскаго тигра) отъ экваторіальной зоны до широты сѣверной Германіи. Смѣю ласкать себя надеждою, что въ изложеніи мыслей моихъ не смѣшаютъ принадлежащаго къ вѣроятнымъ предположеніямъ, съ выводами, относящимися къ нумерическимъ основаніямъ Климатологіи, способнымъ быть возведенными до величайшей точности и высшей степени достовѣрности.

вокуплю еще къ странамъ между Алтаемъ и Небесными горами, означеннымъ въ Зоологической Запискѣ Г-на Эренберга, болота, покрытыя высокимъ тростникомъ въ окрестностяхъ города Шаяра (подъ широтою Константинополя и сѣвера Испаніи) въ Малой Бухаріи. Здѣсь живутъ тигры, весьма свирѣпые.

Digitized by Google

АНДРЕЙ ШЕНЬЕ.

Повѣсть, разсказанная Чернымъ Докторомъ.

(*Продолженіе*).

Дверь растворилась такъ неожиданно, что Госпожа Сентъ-Эньянъ вскрикнула отъ изумленія: мы застали ее врасплохъ, и она застыдилась... Меня удивило одно, къ чему я и никогда не могъ привыкнуть: это совершенная прелесть и благородство вида ея, тихая покорность, ангельская терпѣливость ея, и робость, которая заставляла быть почтительнымъ. Потупляя глаза, Герцогиня заставляла повиноваться, и только она умѣла дѣлать это. Нашъ приходъ смутилъ ее, но и тутъ она умѣла найдтиться превосходно, вотъ какъ.

Жилищемъ ея была маленькая, жаркая комнатка, на полдень; а я увѣряю васъ, что солнце Термидора пекло не хуже Іюля. Лучи его падали прямо въ бѣдную каморку Госпожи Сентъ-Эньянъ, которой нечѣмъ было и защищиться отъ нихъ: она развѣсила по окну большую шаль,

Digitized by Google

я думаю одну, какая оставалась у нея. На ней было платье самое простое, но грудь открыта, руки обнажены... для меня, право, немного; но слишкомъ много для нея. Она встала, выговорила: Ахъ, Боже мой! и сложила руки на груди крестомъ, какъ пристыженная Сусанна. Начиная отъ лба, до оконечностей пальцевъ, все вспыхнуло въ ней, а въ глазахъ ея навернулись слезы.

Это впечатлѣніе было мгновенное. Она тотчасъ оправилась, когда увидѣла, что я одинъ, накинула на себя что-то въ родѣ пудермантеля, сѣла на край своей постели и оставила мнѣ соломенный стулъ, единственную мебель въ ея нюрьмѣ. Тутъ я увидѣлъ, что одна нога ея была разута, и что она держала въ рукахъ небольшой чулокъ, шелковый черный, вышитый ажуръ.

— Боже мой! — воскликнулъ я. — Если-бы вы сказали мнѣ одно слово....

«Бѣдная Королева дѣлала тоже!» прервала она живо, и улыбнулась съ увѣренностью и достоинствомъ очаровательнымъ, подымая на меня свои большіе глаза; но тотчасъ выраженіе строгое явилось на устахъ ея, и въ благородномъ лицѣ ея была замѣтна, вмѣстѣ съ обычною меланхоліею, новая, глубокая перемѣна.

Digitized by Google

«Садишесь, садишесь!» произнесла она скоро, измѣнившимся, прерывающимся голосомъ. «Съ шѣхъ поръ какъ беременность моя стала извѣстна... Ахъ, я вамъ шакъ обязана....

— Конечно, конечно — прервалъ я въ свою очередь, потому что не терплю фразъ.

«Мнѣ сдѣлали отсрочку — продолжала она — однакожъ сегодня, сей часъ пріѣдутъ шѣлежки, и вѣрно не пустыя отправятся въ Революціонное Судилище.

Глаза ея вперились въ окно и казались помушившимися.

«Тѣлежки! эти ужасныя шѣлежки!» сказала она. «Всѣ стѣны Святаго Лазаря трясутся когда ѣдутъ онѣ. Звукъ ихъ колесъ приводитъ въ трепетъ всѣ нервы мои. Онѣ шакъ легки, шакъ шумятъ, когда катятся подъ сводомъ при въѣздѣ сюда, и шакъ медленны, шакъ тяжелы при выѣздѣ съ добычею! Я слышала, что сегодня пріѣдутъ онѣ за мужчинами, за женщинами, за дѣтьми. Это сказала Роза: она пѣла во дворѣ, подъ моимъ окномъ. Добрая Роза: у нея шакой голосъ, что отъ него становится легче заключеннымъ. Бѣдная малютка!

Она оправилась немного, помолчала съ минуту, провела рукою по своимъ глазамъ, которые умилялись, и, опять принявши величе-

ственный видъ, сказала, легонько опираясь концами своихъ пальцевъ на рукавъ моего чернаго кафтана:

«Я хотѣла васъ просить... нѣтъ-ли средства предохранить дитя, которое ношу я подъ сердцемъ, отъ вліянія моихъ горестей и страданій. Я страшусь за него....

Она покраснѣла, но продолжала, не смотря на свою стыдливость, и заставила ее выслушать то, что хотѣла сказать.

Продолжая говорить, она оживлялась.

«Вы, мужчины, да и сами вы, хотя и Докторъ, вы не знаете этой гордости, этого страха, которые чувствуетъ женщина въ моемъ положеніи. Правда, я никогда не видала, чтобы страшились до такой степени какъ я.

Она подняла глаза къ небу.

«Господи! Какой божественный страхъ! Какое удивленіе, безпрестанно новое! Чувствовать, какъ подъ моимъ сердцемъ бьется другое сердце, какъ ангельская душа движется въ моей смущенной душѣ, и живетъ въ ней таинственною жизнью, которая не будетъ считаться за жизнь ни отъ кого, кромѣ той, которая дѣлитъ ее! Думать, что всякое волненіе мое есть, можетъ быть, болѣзнь для этого живаго и невидимаго творенія; что мои страхи мо-

Digitized by Google

гутъ быть для него терзаніемъ, мои терзанія страданіемъ, мое страданіе смертью!... Когда я думаю объ этомъ, я не смѣю ни двигаться, ни дышать. Спрашусь мыслей своихъ, упрекаю себя за то, что люблю и ненавижу, потому что боюсь придти въ волненіе. Я покланяюсь себѣ, боюсь себя, точно какъ будто я святая. Вотъ мое состояніе.»

Она походила на ангела, когда говорила это и прижимала свои сложенныя руки къ поясу, который едва начиналъ увеличиваться въ два мѣсяца.

« Дайте мнѣ такую мысль — продолжала она, пристально глядя на меня—которая всегда оставалась-бы здѣсь, въ умѣ моемъ, и не позволялабы мнѣ вредить моему сыну.

Она, такъ-же какъ всѣ молодыя матери, которыхъ я зналъ, говорила напередъ: *мой сынъ*, по какому-то неизъяснимому желанію и непроизвольному предпочтенію. Я улыбнулся невольно.

«Вы жалѣете обо мнѣ?» сказала она. «Да, я вижу это. Хорошо! Вы знаете, что бѣднаго сердца нашего нельзя защитить ничѣмъ, такъ чтобы оно не прыгало, не потрясало всего существа нашего, и не отзывалось на дѣтяхъ нашихъ, отъ малѣйшаго желанія.

Digitized by Google

Она небрежно опустила на грудь прелестную свою голову и продолжала: «Между нѣмъ, мой долгъ хранить мое дитя до дня рожденія его, то есть до дня моей смерти. Только для этого и оставляютъ меня на землѣ, только для этого и надобна я... да, я ломкая раковина, которая бережетъ его, и которую разобьютъ, какъ скоро онъ увидитъ свѣтъ. Только, только, Докторъ! Думаете-ли вы... (она взяла меня за руку) думаете-ли вы, что мнѣ дадутъ прожить еще, хоть нѣсколько полныхъ часовъ, и наглядѣться на него? А ежели тотчасъ убьютъ меня? Это будетъ очень жестоко; не правда-ли? Что жь дѣлать! Но если я только услышу крикъ его, и буду одинъ день цѣловать его, право, я прощу ихъ... Такъ жду я этой минуты.

Я былъ въ силахъ только пожать ей руки, и поцѣловалъ ихъ съ благоговѣніемъ, не говоря ни слова, потому что боялся прервать ее.

Она начала улыбаться, со всею прелестью двадцати-четырехъ-лѣтней, прекрасной женщины. Одну минуту слезы ея казались радостными.

«Мнѣ кажется, что вы знаете все. Мнѣ кажется, стоитъ только спросить: для чего? и вы будете отвѣчать. Скажите-же мнѣ, для чего женщина бываетъ столько мать, что она

Digitized by Google

уже все другое меньше нежели мать? меньше другъ, меньше дочь, даже меньше супруга, и меньше сестна, меньше нѣжна, можетъ быть меньше мыслящее существо? Отъ чего душа, еще ничто, уже все? Кто живетъ, тѣ меньше его? Это несправедливо, а это есть. Для чего? Я упрекаю себя въ этомъ.

— Успокойтесь, сударыня — сказалъ я. — У васъ маленькая лихорадка, а вы говорите скоро и громко. Успокойтесь.

«О, Боже мой!» вскричала она. «Я не буду кормить его, не буду...»

Тутъ она вдругъ оборотилась ко мнѣ спиною и бросилась лицомъ на свою постель, чтобы поплакать не принуждая себя передо мной: сердце ея было слишкомъ полно.

Я со вниманіемъ глядѣлъ на ея горесть, откровенную, которая не старалась скрывать себя, и удивлялся, какъ прямодушно, совершенно забыла она потерю своего имѣнія, званія и всѣхъ изысканныхъ удобствъ жизни. Въ ней опять видѣлъ я то, что часто имѣлъ случай наблюдать тогда: что, кто теряетъ больше, тотъ обыкновенно меньше жалуется.

Привычка къ жизни свѣтской и ко всегдашнему довольству заставляетъ быть выше роскоши, которая передъ глазами каждый день, выше

Digitized by Google

такъ, что и не видѣть ея не значитъ почти ничего. Воспитаніе изящное внушаетъ презрѣніе къ физическимъ страданіямъ, и тихою улыбкою сожалѣнія облагораживаетъ пустыя и ничтожныя заботы жизни. Оно учитъ видѣть нѣчто лишь въ страданіяхъ души, смотрѣть безъ удивленія на гибель, уже измѣренную напередъ просвѣщеніемъ, религіозными размышленіями и даже всѣми разговорами въ семействѣ и въ гостиныхъ; но, всего болѣе, оно учитъ быть выше могущества событій сознаніемъ собственнаго достоинства.

Увѣряю васъ, что когда Госпожа Сентъ-Эньянъ прятала свою голову на шерстяномъ одѣялѣ своей грубой постели, видъ ея былъ такъ же благороденъ, какъ и въ прежнія времена, когда я видалъ, какъ склонялась она къ своимъ шелковымъ мебелямъ. Черезъ долгое время, благородство дѣлается такимъ качествомъ, которое переходитъ въ кровь и придаетъ достоинство каждому движенію. Никому не пришло-бы въ умъ находить смѣшнымъ то, что видѣлъ я въ эту минуту лучше, нежели когда нибудь: прелестную разутую ножку, положенную на другую, которая была въ черномъ шелковомъ чулкѣ. Даже теперь я вспоминаю объ этомъ потому только, что во всѣхъ картинахъ жизни моей есть характеристическія черты, которыя не

Digitized by Google

изглаживаются для меня никогда. Невольно вижу ее въ этомъ положеніи. Гошовъ нарисовать.

Но, не льзя-же цѣлый день плакать. Я посмотрѣлъ на двои часы свои: на одних было десять съ половиной, на другихъ ровно одиннадцать; я взялъ среднее число и предположилъ, что было одиннадцать безъ четверти. Оставалось время; я началъ разсматривать комнату и особенно соломенный стулъ, на которомъ сидѣлъ.

Я сидѣлъ на этомъ стулѣ съ боку, такъ что спинка находилась у меня подъ лѣвою рукою: не льзя было не посмотрѣть на нее. Она была широка и сдѣлалась черною, блестящею, совсѣмъ не отъ того, чтобы ее чернили и лощили, а отъ множества рукъ, которыя прикасались къ ней и сжимали ее въ судорогахъ отчаянія, и отъ множества слезъ, которыя смачивали дерево. Видно было даже, что заключенники грызли эту спинку, изрытую, сверхъ того, глубокими нарѣзками, легкими царапинами и мѣтками ногтей. Имена, кресты, черточки, знаки, вензели были начерчены на ней ножемъ, ножичкомъ, гвоздемъ, спекломъ, пружинкою изъ часовъ, иглою, булавкою.

Digitized by Google

Я началъ такъ внимательно разсматривать все это, что, право, почти забылъ милую, бѣдную заключенницу. Она все плакала; а я что могъ сказать ей, кромѣ: Да, вамъ не льзя не плакать! потому что доказывать какъ это пщетно, я не могъ, а сочувствовать ей значило плакать еще сильнѣе. Я не хотѣлъ!

Надобно было оставить ее продолжать, и самому продолжать свое: разсматривать стулъ.

Тутъ были имена, иногда прелестныя, иногда странныя, рѣдко пошлыя, всегда вмѣстѣ съ чувствомъ или мыслью. Изъ всѣхъ, кто писалъ тутъ, ни одинъ уже не носилъ головы на плечахъ. Какой страшный *альбомъ* была эта доска! Путешественники, которые вписали въ него имена, были всѣ въ единственной пристани, куда мы придемъ навѣрное, и всѣ говорили о своемъ путешествіи съ презрѣніемъ и безъ горькихъ сожалѣній, безъ надежды на лучшую жизнь, и даже просто на новую или другую жизнь, гдѣ можно чувствовать, что живешь. Они, кажется, мало заботились объ этомъ. Никакой вѣры не было въ ихъ надписяхъ; но не было и атеизма; были только нѣкоторые порывы страстей, скрытыхъ, тайныхъ, глубокихъ, темно высказанныхъ заключенникомъ бу-

Digitized by Google

лущему наслѣднику его, какъ послѣднее завѣщаніе мертваго умирающему.

Когда умерла вѣра въ сердцахъ одряхлѣвшаго народа, то его кладбища (а это было также одно изъ нихъ), сдѣлались похожи на языческую декорацію. Таково, напримѣръ, ваше кладбище *Отца Лашеза*. Приведите туда Индійца изъ Калькуттны и спросите у него: Что̀ это за народъ, у котораго надъ прахомъ мертвыхъ маленькіе сады съ маленькими урнами, колонны Дорическаго и Коринѳскаго орденовъ, маленькія фантастическія аркадки, годныя на каминъ, вмѣсто часовъ странной фигуры, и все это чинно обмазано желтой глиной, сдѣлано подъ мраморъ, вызолочено, разукрашено, отлакировано, окружено рѣшетками, будто клѣтка для чижика или попугая; а на камнѣ вырѣзаны полу-Французскія фразы, въ извѣстномъ родѣ чувствительной Мадамъ Риккобони, взятыя изъ романовъ, отъ которыхъ рыдаютъ служанки и падаютъ въ обморокъ швеи?

Индіецъ вашъ задумается... Онъ вообразитъ, что Христіанъ очень немного въ этомъ великомъ народѣ. Онъ почешетъ себѣ голову, покачаетъ ею, и завертитъ своими серьгами, какъ ловкій фокусникъ. Онъ

Digitized by Google

увидишъ, какъ мѣщанская свадьба шумитъ, хохочетъ, бѣгаетъ по дорожкамъ, усыпаннымъ пескомъ, и пляшетъ между цвѣтовъ и на цвѣтахъ могильныхъ; замѣтишъ урны почти на всѣхъ могилахъ; рѣдко увидишъ: *Молитесь за такого-то, молитесь за его душу*, и скажетъ вамъ: «Вѣрно этотъ народъ сожигаетъ своихъ мертвыхъ и хранитъ ихъ прахъ въ урнахъ. У этого народа въ обычаѣ радоваться смерти своихъ отцовъ и смѣяться надъ ихъ трупами, отъ того, что наконецъ получаютъ наслѣдство, или отъ того, что весело освободились отъ труда и терпѣнія.

«О Шива, золотоглавый и лазурношейный, обожаемый всѣми, кто читаетъ Веды! Не дай мнѣ жить посреди этого народа, который похожъ на цвѣтокъ *Ду-руи*, и также съ двумя обманчивыми личинами!»

Спинка стула занимала меня и занимаетъ еще теперь. Она была точно какъ наши кладбища. Одна религіозная идея на тысячу пустыхъ, одинъ крестъ на тысячу урнъ.

Тамъ прочиталъ я;

Умереть?

Ружо де Монкрифъ, Лейбгвардеецъ.

Digitized by Google

Онъ взялъ только половину Гамлетовой мысли — сказалъ я самъ себѣ. Но все таки онъ мыслилъ.

Frailty thy name is woman!

Ж. Ф. Готье.

О какой женщинѣ думалъ этотъ? спросилъ я самъ себя. Время было жаловаться на женскую слабость! А для чего-же и нѣтъ? — продолжалъ я самъ съ собою, прочитавши на спинѣ, между именами заключенныхъ: *Двадцати шести лѣтъ, бывшій Пажъ.* Бѣдный молодой Пажъ! Ревность была съ тобою и въ домѣ Святаго Лазаря! Можетъ быть, это былъ самый счастливый изъ заключенныхъ. Онъ и не думалъ о себѣ. Прелестный возрастъ, когда и подъ ножами убійцъ мечтаютъ о любви!

Пониже, среди фестоновъ и любовныхъ аттрибутовъ находилось имя сумасшедшаго.

Я оборотилъ было немножко голову, чтобы посмотрѣть, оправилась-ли отъ своего смущенія милая заключенница; но я еще слышалъ ея слезы, и не хотѣлъ видѣть ихъ, рѣшившись не начинать разговора, для того, чтобы еще больше не разстроить ея. Къ тому-же, мнѣ каза-

Digitized by Google

лось, что она позабыла обо мнѣ. Я продолжалъ.

Вотъ четкій и тоненькій почеркъ женщины.

«Богъ покровитель Короля Людовика XVII-го «и моихъ бѣдныхъ родителей.»

Марія де Сенъ-Шаманъ, пятнадцати лѣтъ.

Бѣдное дитя! Вчера я опять отыскалъ ея имя, и покажу вамъ его, на росписи, которая съ собственноручными отмѣтками Робеспьера. Противъ ея имени онъ написалъ:

«*Слишкомъ* вдалась въ фанатизмъ, хотя еще очень молода.»

Хотя очень молода! Какой милый человѣкъ: ему было совѣстно!

Погруженъ въ мысли я оборотился. Госпожа Сенпъ-Эньянъ все еще была въ томъ-же грустномъ положеніи, все еще плакала. Правда, что прехъ минутъ было довольно прочитать, и очень медленно прочитать все, что мнѣ надобно гораздо больше времени припомнить и разсказать вамъ.

Я увидѣлъ однакожъ, что такъ долго оставаться въ этомъ положеніи, значило или какое-

Digitized by Google

шо упрямство, или робость. Иногда мы не знаемъ, какъ возвратиться къ обыкновенному состоянію, послѣ взрыва горести, особенно вблизи характеровъ сильныхъ и твердыхъ, называемыхъ холодными потому, что они заключаютъ въ себѣ мысли и чувства необыкновенной мѣрки, которыя не годятся для вседневныхъ разговоровъ. Иногда и не хотятъ возвратиться, или ожидаютъ отъ васъ какого нибудь сантиментальнаго вопроса. Для меня, это сущая бѣда. Я опять отворотился, какъ-бы для того, чтобы продолжать исторію стула, и тѣхъ, которые сидѣли на немъ, плакали, клялись, мслились или спали.

Я еще успѣлъ прочитать вотъ что, отъ чего забьется сердце ваше:

Souffre, o cœur gros de haine, affamé de justice.
Toi, vertu, pleure, si je meurs.

Безъ подписи. А ниже:

J'ai vu sur d'autres yeux, qu'amour faisait sourire,
Ses doux regards s'attendrir et pleurer,
Et du miel le plus doux que sa bouche respire,
Un autre s'enivrer (*).

(*) Это стихи Шенье, непереводимые прозою. *Прим. Перев.*

Digitized by Google

Я тщательно разглядывалъ эти строки и поднесъ къ нимъ свою руку. Вдругъ почувствовалъ я на плечѣ своемъ что-то очень легкое. Оглядываюсь: это рука прелестной заключенницы, которой лицо было еще омочено, щеки влажны, губы хранили слѣды слезъ, но она уже не плакала. Она подошла ко мнѣ — я чувствовалъ это, а отъ чего, не знаю самъ — высказать что-то тяжелое для объясненія, чего не хотѣлъ я знать. Во взглядѣ ея и въ наклоненной головѣ было что-то умоляющее, которое говорило: Что-же вы не спрашиваете меня?

— Ну-съ? Что-же? — сказалъ я громко, и только поворотилъ голову.

« Не стирайте этого! » сказала она тихимъ, гармоническимъ голосомъ, и совсѣмъ приклонилась къ моему плечу. » Онъ былъ въ этой комнаткѣ; его перевели въ другую, на другой дворъ. Г. Шенье другъ намъ, и я рада сохранить воспоминаніе о немъ въ остальные дни моей жизни. »

Я обернулся и замѣтилъ какую-то улыбку на устахъ ея, которыя всегда были запечатлѣны важностію. « Что могли-бы значить эти послѣдніе стихи? » продолжала она. « Неизвѣстно, какую ревность выражаютъ они?

— Не были-ль они написаны тогда, какъ васъ еще не разлучали съ Герцогомъ Сенпъ-Эньяномъ?

Digitized by Google

— спросилъ я равнодушно. Въ самомъ дѣлѣ, съ мѣсяцъ передъ тѣмъ мужъ былъ переведенъ въ самое отдаленное отъ нея зданіе тюрьмы.

Она улыбнулась, но не покраснѣла.

Не замѣчая этого, я продолжалъ: — Или, можетъ быть, они написаны для дѣвицы Куаньи?

Въ этотъ разъ она не улыбнулась, но покраснѣла, и съ маленькою досадою сняла свою руку съ моего плеча. Она прошлась по комнатѣ.

«Кто могъ заставить васъ подумать это?» сказала она. «Правда, что эта дѣвочка большая кокетка, но она еще дитя. Да и можно-ли — прибавила Герцогиня съ гордымъ видомъ — чтобы такой умный человѣкъ, какъ Г-нъ Шенье, занимался ею до этой степени.

А, молодая женщина! подумалъ я; знаю, что хочешь ты услышать отъ меня; но я подожду; еще шагъ ближе.

Она увидѣла мою холодность. Съ надменнымъ видомъ, точно какъ Королева подошла она ко мнѣ, и сказала:

«Я уважаю васъ очень высоко и хочу доказать это. Вѣряю вамъ вотъ этотъ ящичекъ, гдѣ хранится драгоцѣнный медальонъ. Говорятъ, что будутъ въ другой разъ обыскивать тюрьмы. Обыскать васъ, значитъ обобрать. Покуда пройдетъ опасность, прошу васъ поберечь это. Я

Digitized by Google

опять попрошу его у васъ, когда буду почитать себя внѣ опасности, разумѣется говоря не о жизни.

— О, разумѣется — сказалъ я.

«По крайней мѣрѣ, вы откровенны!..» замѣтила она, и улыбнулась, не смотря на чувство свое. «Но вы не ошибаетесь: я благодарна, что вы знаете мою смѣлость и говорите мнѣ о смерти такъ весело.

Она взяла изъ подъ своего изголовья ящичекъ, оклеенный фіолетовымъ сафьяномъ. Пружинка его была не заперта, и я увидѣлъ что въ немъ есть какая-то живопись. Я взялъ ящичекъ, придавилъ крышку пальцемъ и закрылъ ее, нарочно. Я потупилъ глаза, нахмурился, и покачалъ головою съ самымъ судейскимъ видомъ. Наконецъ я принялъ важный и скромный видъ человѣка, который изъ вѣжливости не хочетъ даже знать, что̀ беретъ онъ хранить. Я ждалъ, что будетъ отъ нея.

«Боже мой!» сказала она. «Что-же вы не открываете ящичка. Я позволяю вамъ.

— Ахъ, Герцогиня! — отвѣчалъ я. — Повѣрьте, что мнѣ все равно, чтобы ни было тутъ: скромность и вѣрность моя будутъ неизмѣнны. Не хочу знать, что̀ хранится въ этомъ ящичкѣ.

Digitized by Google

Она перемѣнила тонъ и сказала мнѣ рѣзко и повелительно:

«А я не хочу, чтобы вы подумали, что это какая нибудь тайна. Дѣло самое простое. Вы знаете, что Г-ну Сенпъ-Эньянъ двадцать семь лѣтъ, то есть почти столько-же какъ и Г-ну Шенье. Вы могли замѣтить, какъ они привязаны другъ къ другу. Здѣсь портретъ Г-на Шенье, который взялъ съ насъ слово, сохранить этотъ памятникъ, если мы переживемъ его самого. Конечно это лотерея; однакожъ мы обѣщали ему, и я хотѣла сама хранить портретъ его, который почитался-бы портретомъ великаго человѣка, если-бы знали все то, что читалъ онъ мнѣ.

— Что-жъ это такое? — спросилъ я съ изумленнымъ видомъ.

Ей было страхъ какъ пріятно мое изумленіе. Она, въ свою очередь, приняла скромный видъ и отступила немного.

«Только мнѣ, одной мнѣ ввѣряетъ онъ идеи свои!» сказала она. «Я обѣщала не открывать ихъ никому, ни даже вамъ. О, какіе высокіе помыслы!... Ему пріятно говорить о нихъ со мною.

— И какая другая женщина достойна слушать его! — сказалъ я, какъ настоящій придворный.

Digitized by Google

Уже давно, одна дама и Г. де Панжъ показывали мнѣ отрывки его.

Она протянула ко мнѣ руку: только того и хотѣла она. Я поцѣловалъ кончики нѣжныхъ пальчиковъ ея, и не могъ удержаться, чтобы, скользя губами по рукѣ ея, не пробормотать: Ахъ, сударыня, не презирайте дѣвицы Куаньи, потому что женщина всегда дитя.

По обычаю, я былъ запертъ съ прелестною заключенницей. Еще я держалъ руку ея, когда заскрыпѣли заворы, и придверникъ закричалъ: Эй! Беранже, женщина Эньянъ! Въ столовую! Скорѣй!

— Вотъ — сказала она мнѣ тихимъ голосомъ и съ легкою улыбкою — люди мои докладываютъ, что кушанье подано.

Я подалъ ей руку и мы пошли въ огромную залу, въ нижнемъ этажѣ. Надобно было наклонять голову, чтобы не задѣть за низкія двери, черезъ которыя проходили мы.

Широкій, длинный столъ, безъ бѣлья, со множествомъ приборовъ, оловянныхъ стакановъ, глиняныхъ кружекъ, тарелокъ изъ синяго фаянса; старыя скамьи изъ почернѣлаго, суковатаго дуба, которыя лоснились и пахли смолою; кругъ-

Digitized by Google

лые хлѣбы, наваленные въ корзинахъ; столбы, грубо отесанные, которые упирались въ углубленія, сдѣланныя въ каменномъ полу, а вверху подпирали закопчѣлый потолокъ; кругомъ, стѣны цвѣта сажи, ушыканныя дрянными пиками и заржавѣлыми ружьями, и все это освѣщено четырьмя огромными фонарями, отъ которыхъ шелъ черный дымъ, все наполнено сырымъ воздухомъ погреба, такъ что вошедши не льзя было не закашлять: вотъ что увидѣлъ и почувствовалъ я.

На минуту я закрылъ глаза, чтобы послѣ видѣть лучше. Покорная заключенница моя сдѣлала тоже. Открывши глаза, мы увидѣли кружокъ изъ нѣсколькихъ человѣкъ, которые въ сторонѣ разговаривали. Ихъ тихій голосъ, ихъ вѣжливый, скромный тонъ показывали, что это люди хорошо воспитанные. Они сидя поклонились мнѣ и встали когда увидѣли Герцогиню Сенпъ-Эньянъ. Мы шли далѣе.

У другаго конца стола толпилась куча людей, гдѣ замѣтно было больше юности, живости, движенія, шуму и смѣху. Это было подобіе большой придворной кадрили, запросто, на другой день послѣ бала. Тутъ увидѣлъ я молодыхъ женщинъ, которыя сидѣли кругомъ своей бабушки, молодыхъ мужчинъ, которые шептались, говорили что-то другъ другу на ухо, и указывали паль-

Digitized by Google

цами, съ насмѣшкой или ревностью. Я слышалъ легкій смѣхъ, пѣсенки, напѣвы шанцевъ, глиссады, па, щелканье пальцами, которое замѣняло кастаньеты и треугольники. Всѣ столпились въ кружокъ и смотрѣли что-то. Это *что-то* заставляло минуту ждать молча; потомъ слышались шумный откликъ недовольства или восторга, рукоплесканія или неодобрительный ропотъ, точно какъ послѣ пріятнаго или плохаго явленія въ театральной пьесѣ. Одна голова вдругъ выставлялась выше другихъ, и потомъ вдругъ исчезала.

— Какая нибудь невинная игра — сказалъ я, тихо обходя вокругъ длиннаго четыреугольнаго стола.

Госпожа Сенпъ-Эньянъ остановилась, оперлась о столъ, отняла отъ меня руку и прижала ею свой поясъ: это было у нея обыкновенное движеніе.

— Боже мой! я не пойду къ нимъ: это опять ихъ ужасная игра — сказала она. — Сколько я просила ихъ не возобновлять ея! Это непонятно, это жестоко, очень жестоко! Подите вы туда; я останусь здѣсь.

Она сѣла на скамью. Я оставилъ ее и пошелъ смотрѣть.

Мнѣ совсѣмъ не такъ не понравилось это, какъ ей. Напротивъ, я дивился этой шюремной

Digitized by Google

игрѣ: точно гладіаторское упражненіе! Да-съ, Франція смотритъ на вещи не такъ глубоко, не такъ тяжело, какъ Древность, но право въ ней бываетъ не меньше философіи. Въ ребячествѣ мы Лапинисты, по наслѣдству отъ отца къ сыну, и всегда останавливаемся передъ одними и тѣми-же изображеніями, и всегда молимся имъ, какъ наши отцы. Всѣ мы, въ школѣ, кричали какъ надъ чудомъ, надъ этимъ изученіемъ рабовъ Римскаго народа: *умирать съ пріятностью.* Повѣрите-ли? Я видѣлъ, какъ тоже самое дѣлали рабы народа-повелителя, но дѣлали безпребовательно, безъ парада, смѣясь, шутя, говоря тысячу острыхъ словъ.

— Вамъ, госпожа Перигоръ — сказалъ молодой человѣкъ въ шелковомъ кафтанѣ, голубомъ съ бѣлыми полосами. — Посмотримъ, какъ вы взойдете.

— И какъ пойдете — прибавилъ другой.

— Штрафъ! штрафъ! — закричали со всѣхъ сторонъ. — Это слишкомъ вольно, это дурной тонъ.

— Пусть дурной тонъ — сказалъ обвиняемый. — Но игра изобрѣтена для того только, чтобы видѣть, которая изъ этихъ дамъ взойдетъ съ бо̀льшимъ приличіемъ.

— Какое ребячество! — сказала очень милая

Digitized by Google

женщина лѣтъ тридцати. — Я не буду всходить ежели стулъ не поставятъ лучше.

— О, какой стыдъ! — сказала другая женщина. — Знаете-ли, госпожа Перигоръ, что въ спискѣ вы названы Сабина Веривиль. Всходите-же какъ Сабинка.

— По счастью, не такъ одѣта я. Но куда-же поставить ногу? — сказала молодая женщина въ замѣшательствѣ.

Засмѣялись. Каждый подходилъ, наклонялся, дѣлалъ движенія, указывалъ, описывалъ:

— Вотъ доска. — Нѣтъ, вотъ! — Три фута вышины. — Только два. — Она не выше стула. — Ниже. — Совсѣмъ нѣтъ. — Поживемъ, такъ и увидимъ. — Нѣтъ, умремъ, такъ увидимъ.

Новый хохотъ.

— Вы портите всю игру — сказалъ человѣкъ важнаго вида, въ самомъ дѣлѣ разстроенный. Онъ поглядывалъ на ноги молодой женщины.

— Посмотримъ. Условія! — сказала госпожа Перигоръ въ кругу. — Надобно взойдти на машину.

— На театръ! — перебила ее одна женщина.

— Хоть на что вамъ угодно — продолжала та, очень немного приподнявъ свое платье. — Смотрите.

Digitized by Google

Въ самомъ дѣлѣ она вспорхнула на стулъ, и уже стояла на немъ.

Всѣ захлопали въ ладоши.

— Ну, что-же еще? — спрашивала она весело.

— Это уже не ваше дѣло — сказалъ кто-то.

— Еще надо поскакать на доскѣ! — сказалъ толстый придверникъ улыбаясь.

— Не говорите къ народу — сказала осьмидесятилѣтняя канонница. — Это ужь очень неприлично. — А еще больше того безполезно — сказалъ я.

Г. Луазеролль подалъ ей руку; Маркизъ Дюссонъ, Г. Мико, Совѣтникъ Дижонскаго Парламента, оба молодые Трюдена, добрый Г. Верженнь, которому было тогда семьдесятъ шесть лѣтъ, также подошли помочь ей сойдти со стула. Она не подала руки никому, и соскочила, какъ будто выходя изъ кареты: благородно, мило, просто.

— Ахъ! ахъ! теперь-то посмотримъ! — закричали со всѣхъ сторонъ.

Какъ Аѳинянка плѣнительна подходила къ толпѣ молодая, очень молодая дѣвушка. Будто дитя, она танцовала идя; но замѣтивши это, рѣшилась идти спокойнѣе, и пошла танцуя, приподнявшись на ногахъ, точно пташка, кото-

Digitized by Google

рая хочетъ вспорхнуть. Черные волосы ея были собраны въ одинъ длинный рядъ, и образовывали назади головы вѣнецъ, переплетенный золотою цѣпью. Это придавало ей видъ младшей Музы: тогда уже начала замѣнять пудру Греческая мода. Ея талія была такъ тонка, что вмѣсто пояса для нея годился-бы браслетъ многихъ женщинъ. Небольшая голова, наклоненная впередъ, какъ у газели или у лебедя, едва замѣтная грудь и немножко согнутыя плечи, какъ обыкновенно у молодыхъ дѣвушекъ, которыя еще растутъ, тонкія, длинныя руки, все придавало ей видъ милый и очень привлекательный. Въ ея правильномъ профилѣ, важной улыбкѣ, совершенно черныхъ глазахъ и бровяхъ, выразительныхъ, дугообразныхъ, какъ у Черкешенокъ, было что-то рѣшительное, оригинальное, что удивляло и плѣняло. Это была дѣвица Куаньи: ее-то видѣлъ я подлѣ Распятія, когда она молилась.

Казалось, она съ удовольствіемъ думала обо всемъ, что дѣлала сама, но не думала о тѣхъ, кто глядѣлъ на нее. Радость блистала въ глазахъ ея, когда она подошла. Я люблю это въ шестнадцати или семнадцатилѣтней дѣвушкѣ: какая милая невинность! Эта, можно сказать, врожденная радость, электрически перелетѣла на утомленныя лица заключенниковъ. Да, это была

Digitized by Google

молодая плѣнница, которая еще не хочетъ умирать. Видъ ея говорилъ:

Ma bienvenue au jour me rit dans tous les yeux...
L'illusion féconde habite dans mon sein.

Она была готова всходить.

— Ахъ! Не вы! не вы! — сказалъ молодой человѣкъ въ сѣромъ кафтанѣ. Я и не замѣтилъ его прежде; онъ вышелъ изъ толпы. — Не всходите, умоляю васъ!

Она остановилась, сдѣлала легкое движеніе плечами, какъ дитя, которое хочетъ капризничать, и съ замѣшательствомъ приложила пальцы ко рту. Ей было досадно; она глядѣла въ сторону.

Въ это время кто-то сказалъ: Г-жа Сенпъ-Эньянъ здѣсь.—Въ одинъ мигъ, съ удивительною находчивостью и самою тонкою вѣжливостью, стулъ былъ отнятъ, кругъ раздвинутъ, и вмѣсто его явился конпрашанецъ, чтобы скрыть странное повтореніе драмы, бывшей на Площади Революціи.

Женщины пошли съ учтивостями къ Герцогинѣ, и окружили ее такъ, чтобы она не замѣтила ненавистной для нея игры, которая могла опасно поразить ее. Вниманіе, вѣжливость были точно Версальскія. Свѣтскій языкъ никогда не позабывается. Закрывши глаза можно было

Digitized by Google

подумать, что все оставалось по прежнему; это была гостиная. Сквозь толпы людей я замѣтилъ блѣдное, нѣсколько увядшее, печальное, страстное лицо того молодаго человѣка: онъ молча бродилъ среди всѣхъ, наклонивши голову и сложивши руки. Онъ поминутно оставилъ дѣвицу Куаньи, и пошелъ большими шагами, толкаясь около столбовъ и взглядывая на стѣны и на желѣзныя рѣшетки, какъ запертой въ клѣтку левъ. По платью, по этому сѣрому кафтану, скроенному какъ мундиръ, по черному галстуху, даже по формѣ жилета онъ походилъ на офицера. Нарядъ и лицо, черные висячіе волосы, черные глаза, все было очень похоже. Да, это портретъ, который былъ у меня въ карманѣ; это Андрей Шенье. Я еще не видывалъ его.

Госпожа Сентъ-Эньянъ сблизила насъ. Она подозвала его; онъ сѣлъ подлѣ нея, схватилъ ея руку, поцѣловалъ не говоря ни слова, и сталъ превожно глядѣть во всѣ стороны. Послѣ этого она также перестала отвѣчать намъ; она съ безпокойствомъ слѣдила его взгляды.

Мы были въ тѣни, маленькою купою, посреди толпы, которая говорила, ходила и глухо жужжала. Мало по малу отъ насъ удалились, и я замѣтилъ, что дѣвица Куаньи бѣгаетъ отъ насъ. Мы сидѣли впроемъ, на дубовой скамьѣ, спиной къ столу, на который опирались. Го-

Digitized by Google

спожа Сенпъ-Эньянъ, сидя между нами, подвигалась назадъ, какъ будпо давая намъ свободу говорить, пошому что не хопѣла заговорить съ нимъ сама. Онъ шакже не хопѣлъ говорить съ нею о пустякахъ, и выдвигался впередъ, ко мнѣ. Я видѣлъ, что окажу ему услугу начавши разговоръ.

— Не правда-ли, что въ тюрьмѣ, это собраніе въ столовой можно почесть отдыхомъ?

«Вы видите какъ рады ему всѣ, кромѣ меня,» сказалъ онъ тоскливо. «Я не вѣрю здѣсь никому; чувствую какой-то ужасъ; это похоже на свободную шрапезу мучениковъ.

Я наклонилъ голову. Я былъ согласенъ съ нимъ и не хопѣлъ сказать этого.

— Пожалуйста не пугайте меня! — сказала ему Г-жа Сенпъ-Эньянъ. — У меня столько причинъ бояться и печалиться. Прошу не говорить при мнѣ шакъ безразсудно.

Наклонившись ко мнѣ, она прибавила въ полголоса:

— Здѣсь шпіоны вездѣ. Не давайте ему губить себя. Я не могу сладить съ нимъ: всякій день онъ заставляетъ меня препешать, когда на него находятъ черныя минуты.

Я невольно поднялъ глаза къ небу и не отвѣчалъ ни слова. Всѣ трое молчали мы съ мину-

Digitized by Google

шу. Бѣдная молодая женщина! думалъ я. Такъ-то прекрасны, радостны эти золотыя мечты, которыми огораживаетъ насъ юность! Ты видишь ихъ и въ этой печальной темницѣ, откуда каждый день, передъ твоими глазами, увлекаютъ цѣлыя толпы несчастныхъ!

Андрей Шенье (потому что такъ осталось имя его въ народѣ), Андрей Шенье посмотрѣлъ на меня и наклонилъ голову въ сторону, съ сожалѣніемъ и съ нѣжностью. Я понялъ это движеніе, а онъ увидѣлъ, что я понимаю его. Для людей, въ которыхъ есть чувство, слова совершенно излишни. Навѣрное, онъ подписался-бы, что я точно перевелъ для себя его движеніе:

— Бѣдное дитя, хотѣлъ онъ сказать: ты думаешь, что я могу погубить себя еще больше!

Я не хотѣлъ вдругъ перейдти отъ этого разговора къ другому: такая неловкость была-бы слишкомъ велика въ присутствіи умной госпожи Сентъ-Эньянъ, и потому рѣшился не оставлять прежнихъ идей, а только сдѣлать ихъ больше общими.

— Я всегда думалъ — сказалъ я Андрею Шенье — что поэты предвидятъ будущее.

Digitized by Google

Сначала глаза его заблистали; онъ сочувствовалъ мнѣ; только это было мгновеніе. Вдругъ онъ взглянулъ на меня недовѣрчиво.

— Въ самомъ-ли дѣлѣ такъ думаете вы? — сказалъ онъ. — Право я не могу понять: когда свѣтскіе люди говорятъ шутя, и когда нѣтъ. Вѣчный порокъ Французовъ: насмѣшка!

« Только я не свѣтскій человѣкъ и никогда не говорю шутя, » отвѣчалъ я.

— Знаете-ли? — возразилъ онъ. — Скажу простодушно: я вѣрю вамъ. Меня рѣдко обманываетъ мое первое впечатлѣніе, мой первый взглядъ, мое первое предчувствіе.

« И такъ, » прервала его госпожа Сентъ-Эньянъ, спараясь улыбнуться и круто повернуть разговоръ къ своему предмету, » и такъ вы предвидѣли, что дѣвица Куаньи ушибетъ себѣ ногу, ежели взойдетъ на стулъ.

Я самъ изумился этой бойкости женскаго взгляда, который пронзитъ стѣны, когда его оживляетъ немного ревности.

Гостиная, со своими соперничествами, сплетнями, чтеніями, ничтожностями, требованіями, прелестями и пороками, возвышенностью и мелкостью, предубѣжденіями и склонностями, го-

Digitized by Google

спиная образовалась въ этой тюрьмѣ, какъ на зеленой, стоячей водѣ болота образовываются по маленьку островокъ цвѣтовъ, которые можетъ потопить малѣйшее дыханіе вѣтра.

Мнѣ казалось, что одинъ Андрей Шенье понималъ это положеніе, которое не поражало другихъ заключенниковъ. Люди по большей части привыкаютъ забывать опасность, и прилаживаются къ ней, какъ обитатели Везувія въ своихъ хижинахъ изъ лавы. Эти заключенники вѣтрено глядѣли на жребій своихъ товарищей, исчезавшихъ постепенно, или думали, что можетъ быть они выпущены, можетъ быть оправданы Революціоннымъ Судилищемъ, можетъ быть имъ лучше въ другой тюрьмѣ; потомъ, они стали уже смѣяться надъ смертью, сначала для остраго словца, а тамъ по привычкѣ; наконецъ, перестали и думать о ней, начали думать о другомъ, и снова обратились къ прежней жизни, съ ея утонченностями, ея нарѣчіемъ, ея достоинствами и недостатками.

— Я надѣялся — сказалъ Андрей Шенье, съ важностью и взявши въ обѣ руки одну руку госпожи Сенпъ-Эньянъ — я надѣялся, что мы скроемъ отъ васъ эту ужасную игру. Меня тревожило только то, что она продолжится. А это прелестное дитя....

Digitized by Google

« Дитя, если вамъ угодно, » сказала Герцогиня, выхвативши отъ него свою руку, «однакожь она владѣетъ вашимъ умомъ, больше нежели вы думаете. Она, своимъ безразсудствомъ, заставляетъ васъ говорить множество неосторожнаго. Она такая кокетка, что мать ея ужаснулась-бы, если-бы увидѣла ее. Посмотрите, посмотрите, что дѣлаетъ она.

Въ самомъ дѣлѣ, дѣвица Куаньи проходила мимо насъ, очень необдуманно взявшись за руки съ двумя мужчинами, которые хохотали отъ ея рѣчей. Другіе шли за нею, или отступали передъ нею. Она скользила по полу, глядя на свои ноги, ступала въ кадансъ, будто приготовляясь танцовать, и поровнявшись съ нами произнесла къ Г-ну Трюдену, какъ-бы продолжая разговоръ:

« . . . . . И если однѣ женщины умѣютъ убивать передъ своею смертью, то, мнѣ кажется, это очень естественно, что мужчины умираютъ такъ покорно, какъ умрете вы скоро всѣ. . . . »

Андрей Шенье продолжалъ говорить; но онъ краснѣлъ и кусалъ губы: по этому я догадался, что онъ разслушалъ ее, и что молодая заключенница умѣла отмстить за разговоръ, который казался ей слишкомъ дружескимъ.

Digitized by Google

Однакожъ госпожа Сенпъ-Эньянъ, съ самою женскою догадливостію, говорила ему громко: она боялась, что онъ вслушается, возметъ упрекъ на свой счетъ, вздумаетъ оправдывать себя и сшанетъ въ запальчивости говорить неосторожно.

Я замѣтилъ, что къ намъ подходятъ люди подозрительной наружности; они пробирались около столбовъ. Я рѣшился вдругъ и начисто окончить эти вздоры, которые мнѣ были досадны, потому что я пришелъ со свѣжаго воздуха и лучше всѣхъ видѣлъ, каково положеніе заключенныхъ.

— Сегодня утромъ видѣлъ я вашего отца — сказалъ я вдругъ, обращаясь къ Шенье. Онъ двинулся назадъ отъ удивленія.

« Я также видѣлъ его, въ десять часовъ! » сказалъ онъ.

— Онъ пришелъ отъ меня! — вскричалъ я. — Что говорилъ онъ вамъ?

« Какъ! » сказалъ Андрей Шенье вставая. « Такъ этотъ-то господинъ.....»

Остальное сказалъ онъ на ухо своей прелестной сосѣдкѣ.

Digitized by Google

Я понялъ, какое предубѣжденіе противъ меня внушилъ несчастный старикъ своему сыну.

Вдругъ Андрей всталъ, прошелъ быстро впередъ и назадъ, остановился передъ Г-жею Сенпъ-Эньянъ и мной, сложилъ руки, и сказалъ громкимъ, ужаснымъ голосомъ:

— И такъ, гражданинъ, вы знакомы съ этими мерзавцами, которые истребляютъ насъ. Повторите-же имъ отъ меня, еще разъ, все, за что посадили меня сюда, все, что говорилъ я въ *Парижскомъ Журналѣ*, что кричалъ въ уши ихъ оборваннымъ сбирамъ, когда они пришли схватить моего друга въ его домѣ. Можете сказать имъ, что писалъ я здѣсь... здѣсь....

«Ради Бога! не говорите больше!» сказала Герцогиня, схвативши его за руку. Но онъ, не смотря на это, выхватилъ изъ кармана бумагу, и ударилъ по ней, указывая на нее.

— Да! они *палачи*, они *пачкуны законовъ*! Если *суждено, что никогда сабля не заблещетъ въ рукахъ моихъ*, то у меня еще остается перо, *мое милое сокровище*; если я еще буду жить, то для того только, чтобы *заплевать ихъ имена*, *воспѣть ихъ казнь*, которая настанетъ скоро, и *ускорить ударъ тройнаго бича*, уже взмахнутаго надъ этими тріумвирами. Ска-

Digitized by Google

жизнь имъ все это, и прибавьте, что такъ говорилъ я среди тысячи другихъ *овецъ, такихъ-же какъ я, которыя на окровавленныхъ крючьяхъ народной, общей могилы, послужатъ угощеніемъ властителю-народу!*

Звуки голоса его созвали заключенниковъ: они собрались вокругъ него, какъ овцы несчастнаго стада, съ которымъ онъ сравнивалъ ихъ. Въ немъ самомъ сдѣлалась невѣроятная перемѣна. Мнѣ показалось, что онъ вдругъ выросъ; негодованіе увеличило его глаза, усилило его взгляды: онъ былъ прекрасенъ.

Я оборотился къ Лагарду, офицеру Французской гвардіи. — Какая горячая кровь въ жилахъ этой фамиліи! — сказалъ я. — Мнѣ никакъ не удастся остановить ея.

Я всталъ, пожимая плечами, и отошелъ на нѣсколько шаговъ.

Вѣроятно, слово: *удастся*, поразило его, потому что онъ тотчасъ замолчалъ, и оперся на столбъ, кусая свои губы. Госпожа Сенпъ-Эньянъ безпрестанно глядѣла на него, какъ глядятъ на изверженіе Этны, не смѣя ни говорить, ни противиться.

Одинъ изъ друзей его, Рокелоръ, который былъ Полковникомъ въ одномъ полку, подошелъ и ударилъ его по плечу, говоря:

Digitized by Google

— И ты еще сердишься на эту дрянь? Лучше станемъ свистать имъ, дурнымъ акшерамъ, до тѣхъ поръ, покуда занавѣсъ не упадетъ, сначала передъ нами, а потомъ и передъ ними.

Тутъ онъ повернулся на одной ногѣ, и сѣлъ за столъ, напѣвая: *Жизнь странствіе.*

Между тѣмъ, трещотка призывала къ завтраку. Родъ пуассардки, женщина, по имени, кажется, Семе, сѣла около средины стола, хозяйничать: это была самка животнаго, которое называлось шюремщикомъ и сидѣло у воротъ.

Заключенные одной части зданія сѣли за столъ; ихъ было человѣкъ пятьдесятъ. А всего, въ домѣ Св. Лазаря, было ихъ семь сотъ. Когда они усѣлись, обхожденіе ихъ перемѣнилось. Они поглядѣли другъ на друга и стали печальны. Лица ихъ, освѣщенныя четырьмя большими фонарями, красными и закоптѣлыми, казались чѣмъ-то унылымъ, какъ лица подземельныхъ рудокоповъ, или осужденныхъ на вѣчную муку. Красота лицъ была темная, блѣдность опламененная, свѣжесть голубоватаго цвѣта; глаза блистали. Говорили другъ съ другомъ отдѣльно и въ полголоса.

Позади собесѣдниковъ стоялъ цѣлый рядъ придверныхъ стражей, ключниковъ, полицейскихъ

Digitized by Google

чиновниковъ и санкюлотовъ-любителей, которые пришли понаслаждиться зрѣлищемъ. Нѣсколько уличныхъ женщинъ, со своими ребятишками, воспользовались правомъ быть на этомъ праздникѣ совершенно демократическаго вкуса. Когда онѣ вошли, таща и влача дѣтокъ своихъ, я узналъ это по отвратительному запаху, которымъ нанесло такъ, что иныя дамы перестали ѣсть при этихъ грязныхъ и отвратительныхъ созданіяхъ.

Видъ прелестныхъ зрителей былъ и страшенъ и глупъ: они какъ будто ожидали совсѣмъ не такихъ мирныхъ разговоровъ, совсѣмъ не тѣхъ вѣжливыхъ обращеній другъ къ другу, какія бываютъ за столомъ благовоспитанныхъ людей вездѣ и во всякое время. Пришлецовъ не гнали вонъ, и они не знали что сказать. Они сохраняли дурацкое молчаніе, а нѣкоторые изъ нихъ спрятались, узнавши за столомъ тѣхъ, у кого они прежде служили и крали на кухнѣ.

Дѣвица Куаньи заслонила себя пятью или шестью молодыми людьми, которые стали въ кружокъ, чтобы защитить ее отъ дыханія этихъ рыбачекъ. Она ѣла бульонъ стоя, какъ будто на балѣ, и смѣялась надъ своими защитниками, съ безпечнымъ и гордымъ видомъ, обыкновеннымъ ей.

Digitized by Google

Госпожа Сентъ-Эньянъ не завтракала; она бранила Андрея Шенье, и, я замѣтилъ, нѣсколько разъ указывала на меня, какъ будто говоря ему, что онъ сдѣлалъ самую неумѣстную выходку противъ одного изъ ея друзей. Онъ нахмурилъ брови и наклонилъ голову съ мирнымъ, послушнымъ видомъ. Она сдѣлала мнѣ знакъ подойдши къ ней; я подошелъ.

— Господинъ Шенье утверждаетъ — сказала мнѣ она — что тихость и молчаніе всѣхъ этихъ Якобинцевъ предвѣщаютъ дурное. Послѣ этого, вамъ надобно сдѣлать такъ, чтобы онъ не поддавался гнѣву.

Умоляющій взглядъ ея показывалъ, что она хочетъ сблизить насъ. Андрей Шенье пособилъ ей въ этомъ очень мило, и первый сказалъ мнѣ довольно весело:

— Вы были въ Англіи; если вамъ опять случится быть тамъ, случится увидѣть Эдмонда Бурке, увѣрьте его, что я раскаяваюсь въ моихъ критикахъ, противъ него писанныхъ. Онъ былъ правъ, когда предсказывалъ намъ властвованіе поденьщиковъ. Надѣюсь, что это порученіе вамъ не такъ непріятно, какъ прежнее? Чтожь дѣлать! Тюрьма не смягчаетъ характера.

Digitized by Google

Онъ протянулъ ко мнѣ руку, и по моему пожатію могъ чувствовать, что я другъ ему.

Въ это самое мгновеніе раздался тяжелый, глухой, скрыпучій стукъ, отъ котораго задрожали блюда и стаканы, оконницы и женщины. Все умолкло. Это былъ поѣздъ тѣлежекъ. Звукъ ихъ былъ знакомъ, какъ звукъ грома, каждому, кто одинъ разъ въ жизни слыщалъ его. Этотъ звукъ былъ совсѣмъ не таковъ, какъ отъ обыкновенныхъ колесъ; въ немъ было что-то, похожее на визгъ заржавѣлой цѣпи, на стукъ земли, которая падаетъ на гробъ, опущенный въ могилу. Когда я услышалъ его, у меня задрожали подошвы ногъ.

— Ну, что-же вы не ѣдите, гражданки! — сказала Семе грубымъ голосомъ.

Ни движенія, ни отвѣта. Руки наши оставались въ томъ положеніи, какъ засталъ ихъ гибельный звукъ. Мы походили на эти задушенныя семейства, которыя найдены въ Помпеѣ и Геркуланѣ въ томъ положеніи, какъ застала ихъ смерть.

Напрасно Семе подавала тарелки, вилки, ножи: никто не двигался; такъ глубоко удивила всѣхъ эта жестокость!... Допустить собраться за столомъ, дозволить обнять другъ

Digitized by Google

друга и поговорить нѣсколько часовъ, дать забыть печаль, угнетенія одинокой тюрьмы, позволить насладиться откровенностью, дружбой, умомъ, даже немного любовью, и все это для того только, чтобы заставить всѣхъ увидѣть и услышать смерть каждаго! О, это ужъ было слишкомъ много! Это въ самомъ дѣлѣ была игра голодныхъ гіеннъ, или Якобинцевъ-гидрофобовъ.

Главныя двери столовой растворились и изрыгнули трехъ Коммисаровъ, которые были въ длинныхъ, запачканныхъ кафтанахъ, въ сапогахъ съ отворотами, въ красныхъ шарфахъ. За ними шли новые разбойники, въ красныхъ калпакахъ, вооруженные длинными пиками. Они ринулись впередъ съ крикомъ радости, и захлопали въ ладоши, какъ будто передъ открытіемъ какого нибудь великаго зрѣлища. Но, что увидѣли они, то вдругъ остановило ихъ, и обрѣченныя жертвы еще разъ смутили этихъ палачей своимъ видомъ... да, потому что изумленіе заключенниковъ продолжалось одну минуту: презрѣніе взяло верхъ и дало всѣмъ новую силу. Они почувствовали всю высоту свою надъ врагами, и почти обрадовались этому; взгляды ихъ съ твердостью и даже съ любопытствомъ обратились на того Коммисара, который вышелъ

Digitized by Google

впередъ. Онъ держалъ въ рукахъ бумагу: это была поимянная роспись. Какъ только одно имя было произнесено, два человѣка выступили и подхватили съ мѣста указанную жертву. Она была передана конным жандармамъ, которые стояли во дворѣ, и посажена въ тѣлежку. Обвиненіе заключалось въ томъ, что она въ тюрьмѣ сдѣлала заговоръ противъ народа и хотѣла убить Представителей и Членовъ Комитета Общественнаго Спасенія. Первая обвиненная была восьмидесятилѣтняя Аббатисса Монмартрская, госпожа Монморанси. Она поднялась съ трудомъ, и ставши на ноги поклонилась съ мирной улыбкой всѣмъ собесѣдникамъ. Кто былъ ближе къ ней, тѣ поцѣловали у нея руку. Никто не плакалъ, потому что всѣ приглядѣлись къ крови, и она уже не извлекала слезъ. Аббатисса вышла, говоря: «Господи! отпусти имъ: не вѣдаютъ, что творятъ.» Страшное молчаніе царствовало въ залѣ.

Бѣшеные крики послышались намъ: они показывали, что жертва явилась передъ толпой. Каменья, вѣроятно въ нее пущенные, засвучали въ окна и въ стѣны. Во время этой сумятохи, я услышалъ даже ружейный выстрѣлъ. Иногда жандармы бывали принуждены противиться народу, чтобы сохранить заключенникамъ двадцать четыре часа жизни.

Digitized by Google

Перекличка продолжалась. Вторымъ былъ молодой человѣкъ двадцати трехъ лѣтъ, Коапперель, сколько помню имя. Его обвинили за то, что сынъ его эмигрантъ и сражается противъ отечества. Обвиненный даже не былъ женатъ! Онъ расхохотался, когда прочли обвиненіе, пожалъ руки своимъ друзьямъ и пошелъ. Тѣ-же крики во дворѣ.

Тоже молчаніе за ужаснымъ столомъ, откуда выхватывали собесѣдниковъ одного по одному. Они ждали, стоя по своимъ мѣстамъ, какъ солдаты ждутъ роковаго ядра. Всякій разъ, когда заключенникъ выходилъ, приборъ его снимали, и остальные сближались съ новыми сосѣдами, горько улыбаясь.

Андрей Шенье во все время не отходилъ отъ госпожи Сенпъ-Эньянъ. Я стоялъ подлѣ нихъ. Какъ на кораблѣ, которому грозитъ крушеніе, невольно сбираются всѣ вокругъ человѣка, самаго сильнаго духомъ и мужествомъ, такъ заключенники, сами не зная почему, столпились около этого молодаго человѣка. Онъ стоялъ, сложивъ руки, поднявъ глаза, и будто спрашивалъ: Какъ терпитъ небо такія событія?

Каждый вызовъ отнималъ у дѣвицы Куаньи одного изъ ея защитниковъ, и мало по малу

Digitized by Google

она почти одна осталась на другомъ концѣ залы. Тогда, опираясь на край стола, который пустѣлъ безпрерывно, она стала подвигаться около него и постепенно дошла до насъ. Тутъ сѣла она, заслоненная нами, какъ бѣдное, оставленное дитя. Благородное лицо ея сохраняло прежнюю гордость, но природа брала свое: ея ноги, ея слабыя руки перепетали. Добрая госпожа Сенпъ-Эньянъ протянула къ ней руку. Она бросилась къ ней въ объятія и слезы брызнули изъ глазъ ея невольно.

Грубымъ, безжалостнымъ голосомъ, Коммисаръ продолжалъ перекличку. Этотъ человѣкъ длилъ мученіе своимъ стараньемъ произносить слова протяжно и долго останавливаться на именахъ, которыя читалъ онъ по-слогамъ; потомъ, онъ вдругъ выговаривалъ фамилію: это былъ ударъ топора надъ обрѣченцемъ.

Когда несчастный проходилъ мимо, Коммисаръ провожалъ его ругательствомъ, и это служило знакомъ продолжительныхъ криковъ. Лицо мучителя рдѣло отъ вина; мнѣ казалось, онъ худо держался на ногахъ.

Во время его чтенія замѣтилъ я, что съ правой стороны, изъ толпы, приблизилось къ нему женское лицо подъ самую руку его; гораздо

Digitized by Google

выше появилось длинное лицо мужчины, который могъ легко читать съ вышины. Это были: Роза, и мой канонеръ Блеро. Мнѣ казалось, что Роза глядитъ съ такимъ-же любопытствомъ и такою-же радостью, какъ и площадныя кумушки, которыя подавали ей руку. Я почувствовалъ къ ней глубокое презрѣніе. Блеро былъ въ обыкновенномъ своемъ полуспящемъ состояніи, и канонерское платье, по видимому, придавало ему большую важность въ глазахъ людей въ калпакахъ и съ пиками, окружавшихъ его. Роспись Коммисарова состояла изъ многихъ бумагъ, скверно исписанныхъ, и достойный исполнитель читалъ ихъ такъ-же дурно, какъ дурно были онѣ писаны. Блеро съ усердіемъ подвинулся къ нему, будто для того чтобы помочь, и изъ уваженія взялъ у него шляпу, которая мѣшала нашему чтецу. Мнѣ показалось, что въ это самое время Роза подхватила съ полу какую-то бумагу; но движеніе было такъ быстро, да и въ этомъ мѣстѣ было такъ темно, что я не былъ увѣренъ въ томъ, что видѣлъ.

Чтеніе продолжалось. Мужчины, женщины, даже дѣти вставали и проходили какъ тѣни; столъ почти опустѣлъ, и сдѣлался огроменъ и спрашенъ, когда всѣ вызванные собесѣдники

Digitized by Google

оставшими его. Тридцати пяти не стало. Оставалось еще пятнадцать, и тѣ были разсѣяны, по одному, по двое, и раздѣлены другъ отъ друга множествомъ пустыхъ мѣстъ. Они находили на деревья, забывшія при общемъ истребленіи... Но вдругъ Коммисаръ умолкъ. Онъ дочиталъ свою роспись. Всѣ перевели дыханіе. Я облегчилъ грудь свою долгимъ вздохомъ.

Андрей Шенье сказалъ: Продолжайте! Я тутъ-же.

Коммисаръ поглядѣлъ на него съ глупымъ изумленіемъ, и началъ искать у себя въ шляпѣ, въ карманахъ, за поясомъ. Не находя ничего, онъ сказалъ, чтобы призвали Экзекутора Революціоннаго Судилища. Мы оставались въ недоумѣніи. Явился Экзекуторъ, блѣдная, печальная фигура, точно кучеръ погребальнаго поѣзда. «Я сосчитаю *стадо*,» сказалъ онъ Коммисару. «Худо тебѣ, если не всѣ тутъ.»

— Ахъ! — вскричалъ Коммисаръ въ смущеніи. —Тамъ еще есть Бовилье Сентъ-Эньянъ, бывшій Герцогъ, двадцати семи лѣтъ.

Онъ былъ готовъ повторить всѣ примѣты, когда тотъ перебилъ его рѣчь и сказалъ ему что онъ ошибся въ жильѣ, что онъ слишкомъ

Digitized by Google

пьянъ. Въ самомъ дѣлѣ Комиссаръ, при этомъ *наборѣ тѣней*, смѣшалъ второе строеніе съ первымъ, гдѣ молодая жена Герцога была оставлена одна, мѣсяцъ тому. Они вышли; одинъ грозилъ, другой шатался. Гадкое сборище послѣдовало за ними. Радость его зазвучала во дворѣ и отозвалась ударами камней и палокъ.

Когда затворились двери, я оглядѣлся: зала была пуста; Г-жа Сентъ-Эльянъ оставалась въ томъ-же положеніи, въ какомъ была при чтеніи Коммисара, опершись руками на столъ и поддерживая ими свою голову. Дѣвица Куаньи поднялась и открыла свои орошенные слезами глаза, подобна прелестной Наядѣ, вышедшей изъ водъ. Андрей Шенье тихо сказалъ мнѣ, указывая на молодую Герцогиню.

— Я думаю, она не слыхала имени своего мужа. Не станемъ говорить съ ней: пусть плачетъ.

« Видите-ли, » сказалъ я, « что брата вашего напрасно упрекаютъ равнодушіемъ: онъ дѣлаетъ хорошо, оставаясь на мѣстѣ. Онъ знаетъ, что васъ посадили безъ всякаго приказанія, и молчитъ. Такъ и должно. Имени вашего нѣтъ ни въ какой росписи; произнести его, значитъ

Digitized by Google

вписать туда. Пусть пройдетъ время: вашъ братъ знаетъ это.

— Братъ мой?.. Да! — сказалъ онъ, и долго качалъ головою, грустно и недовѣрчиво склонивши ее. Я видѣлъ, одинъ разъ въ жизни, что слеза появилась между рѣсницами его и тутъ-же замерла.

Онъ вдругъ вышелъ изъ этого состоянія.

— Но отецъ мой не такъ благоразуменъ — сказалъ онъ иронически. — Онъ не жалѣетъ, онъ выставляетъ себя. Сегодня утромъ онъ идетъ къ Робеспьеру, просить о моей свободѣ.

«Боже мой!» вскричалъ я, всхлопнувъ руками. «Этого-то я и боялся!»

Я схватилъ свою шляпу. Онъ удержалъ меня за руку.

— Останьтесь — сказалъ Шенье: — она въ обморокѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, Г-жа Сенпъ-Эньянъ была безъ чувствъ.

Дѣвица Куаньи бросилась къ ней; двѣ женщины, которыя были еще въ залѣ, также подошли помогать. Даже шюремщица вмѣшалась

Digitized by Google

шутъ-же, когда я сунулъ ей луидоръ. Герцогиня приходила въ память. Время было дорого; я ушелъ не простившись ни съ кѣмъ, и не угодилъ никому, какъ эшо случаешся со мной всегда и вездѣ. Послѣднія слова услышалъ я ошъ дѣвицы Куаньи, которая съ принужденною жалостью и съ маленькою насмѣшкой сказала Баронессѣ Суакуръ:

— Бѣдный Г. Шенье! Какъ мнѣ жаль, что онъ такъ привязанъ къ женщинѣ замужней и совершенно преданной мужу своему и своимъ обязанностямъ!

(Продолженіе въ слѣд. книжкѣ).

Digitized by Google

Путешествіе ко Святымъ мѣстамъ, въ 1830 году. 2 части. СПб. 1832 года.

(Окончаніе.)

О *Царьградѣ*, гдѣ нашъ путешественникъ прожилъ около мѣсяца, и былъ потомъ нѣсколько дней на возвратномъ пути, онъ говоритъ мало новаго. «Святая Софія, съ позолоченнымъ своимъ куполомъ; «Царьградъ, сѣдящій на предѣлахъ двухъ міровъ; «мрачныя уединенія кипарисныхъ бесѣдокъ; и на «противоположныхъ берегахъ величественное чело «Олимпа, къ небесамъ подъятое; и двѣнадцать «острововъ, на волнахъ моря раскинувшіе свою «зелень — неподражаемое зрѣлище, восхитительная «картина!» Сіи слова Байрона обхватываютъ почти всѣ описанія Царяграда, сто разъ повторенныя путешественниками всѣхъ странъ. Должно быть въ самомъ дѣлѣ очаровательно зрѣлище Царяграда съ моря, потому, что никто безъ восторга не можетъ говорить о немъ. И нашъ путешественникъ говоритъ о немъ съ особеннымъ восторгомъ. Разительно описываетъ онъ послѣ сего разочарованіе, какое всюду преслѣдуетъ странника, когда ступилъ онъ въ самый Царьградъ, и остроумно называетъ нынѣшнюю, дряхлую, обгорѣлую, обва-

Digitized by Google

лившуюся столицу Султана «временными слѣдами «всемірной ярмарки, на которой стекавшіеся на- «роды воздвигали себѣ жилища по разсчету дней, «а не столѣтій.» Любопытны еще: описаніе маскарада, даннаго Французскимъ Посломъ въ Перѣ, и Греческой церковной службы; но всего замѣчательнѣе показалось намъ описаніе шествія Султана въ мечеть. «По пятницамъ всегда можно было видѣть прежде сего, нѣкогда грознаго Владыку» — говоритъ нашъ путешественникъ — «и любопытная толпа стекалась около полдня въ Рамисъ-Чифликъ, чтобы взглянуть на торжественное шествіе Махмуда, по внутренней галлереѣ казармъ, въ полковую мечеть. Но съ перемѣною нравовъ и одежды сіе шествіе утратило свое великолѣпіе. Двя ряда солдатъ гвардіи, едва вышедшихъ изъ малолѣтнаго возраста, на которыхъ лежала вся надежда Оттоманская, стояли по обѣимъ сторонамъ верхней галлереи, начиная отъ покоевъ Султанскихъ, кругомъ четверо-угольнаго зданія, до противолежащей имъ мечети; молодые Полковники и Адъютанты, большею частію изъ любимцевъ Султана, и не старше 20-ти лѣтъ, приводили въ порядокъ нестройную толпу сію. Махмутъ, не надѣясь преодолѣть упорства Мусульманъ, въ которыхъ предразсудки утверждены были годами, окружилъ себя, для большей безопасности, молодежью, въ уединенномъ Рамисъ-Чифликѣ, который предпочиталъ многолюдному Сералю, ибо тамъ былъ-бы онъ стѣсненъ обычаями Двора Оттоманскаго, искони установленными.

«При появленіи Султана, музыка заиграла маршъ: *Мальбругъ въ походъ поѣхалъ*, двѣнадцать придвор-

Digitized by Google

ныхъ чиновъ, попарно, открывали ходъ, съ поникшею головою, сложивъ крестообразно руки. Предъ ними шелъ Начальникъ черныхъ евнуховъ, съ мечемъ; позади-же еще двое, съ курящимся ѳиміамомъ, и наконецъ самъ Султанъ, въ сопровожденіи Рейсъ-Эфендія, Сераскира, и другихъ важныхъ лицъ. На немъ была Турецкая военная шинель, оливковаго цвѣта, съ капишономъ, шитая вся шелковою цифровкою и золотыми снурками; двѣ брильянтовыя звѣзды, съ полумѣсяцомъ, украшали широкую грудь, и сей военный знакъ отличалъ почти всѣхъ его приближенныхъ; высокая красная скуфья въ видѣ миtры, шитая золотомъ, съ богатѣйшимъ брильянтовымъ перомъ, дополняла странный нарядъ сего Государя, въ которомъ пышность Востока мѣшалась съ Европейскою простотою. Орлиный носъ, и большіе черные глаза, давали величественное выраженіе блѣдному лицу его; онъ медленно озиралъ толпу, слегка кивая головою, и въ чертахъ его была написана внутренняя тоска и убійственное сознаніе своего униженія. — Таково было сіе царственное шествіе, болѣе подобное торжеству погребальному. »

Впечатлѣніе, производимое взглядомъ на берега Египта, упавшая въ ничтожество Александрія, гдѣ « воображаете увидѣть развалины, и находите только прахъ, » плаваніе по каналу, очищаемому руками Египтянъ, созданный Исламизмомъ Каиръ — все это весьма любопытно въ описаніяхъ нашего странника. Если-бы не боялись мы длинной выписки, то пожелали-бы передать нашимъ читателямъ все, что говорится о Каирѣ, на стр. 114 — 120.

Digitized by Google

Еще издалека, во время плаванія по Нилу, два синіе холма зашуманились вдали: это были безсмертныя *пирамиды*, сдѣлавшіяся символомъ Египта! За два часа ѣзды до нихъ, онѣ казались уже въ нѣсколькихъ шагахъ, по оптическому обману. «Когда-же, доѣхавъ до рубежа степей, мы подпялись на высоты, нѣкогда каменистыя, на которыхъ онѣ стоятъ, занесенныя метелью песковъ — очарованіе на время исчезло, и пирамиды представились намъ совершенно обыкновенными зданіями въ неизмѣримости пустынной. Но сія самая безпредѣльность, посреди которой все кажется ничтожнымъ, и однообразный цвѣтъ пустыни и пирамидъ, и волны песковъ, изъ коихъ онѣ возсіяютъ, какъ-бы изъ бурнаго моря, заливающаго правильныя черты ихъ основанія — все сіе препятствуетъ имъ отдѣлиться рѣзко отъ поверхности степи. Даже самая ихъ обширность скрываетъ ихъ высоту, ибо множество тесанныхъ камней сей массы обманываетъ взоры стоящаго у ихъ подошвы, и все зданіе принимаетъ видъ неправильной груды кирпичей, удаляющаяся вершина которой теряется за наклономъ...» Въ основаніи каждая сторона главной пирамиды 109 саженъ; отвѣсная высота пирамиды до 70-ти саженъ — громада ужасающая! И внутри ея, долго скитавшись по длиннымъ, узкимъ переходамъ, странникъ приходитъ наконецъ въ маленькую компашку, и въ сей комнаткѣ находитъ — только пустой, гранитный саркофагъ! «Ничтожное ядро столь обширной оболочки, мрачными переходами завлекающее любопытное воображеніе къ сей горькой разгадкѣ всего жизнейскаго — ко *гробу*, столь хитро

Digitized by Google

поставленному въ сердцѣ одного изъ семи *чудесъ свѣта*, какъ-бы въ урокъ и ядовитую насмѣшку для очарованныхъ ими! . . . Не сей-ли гробъ тайна и мудрость пирамидъ? »—

Описаніе пустыни, по которой нашъ странникъ ѣхалъ отъ Бильбеиса до Газы, исполнено думъ поэтическихъ. « Не знаю отъ чего (слова путешественника) воспоминанія цѣлой моей жизни, все мое прошедшее, такъ горько тѣснились въ душѣ моей во дни моего странствованія по пустынѣ! Медленно качаясь на верблюдѣ, или тяжело ступая по песку, я переносился духомъ въ отдаленную родину, къ близкимъ и друзьямъ; въ сжатомъ сердцѣ не было мѣста для будущихъ надеждъ, и, мысленно, я вновь пережилъ всю мою молодость, вновь перечувствовалъ всѣ ея пылкія страсти, скитаясь одиноко по сей чуждой и безпріютной степи, гдѣ я самъ, пришлецъ другаго края и вѣка, и гдѣ все бытіе мое были совершеннымъ оазисомъ, въ отношеніи окружавшихъ меня людей и предметовъ.—По ночамъ разбивалъ я шатеръ свой близъ какого-нибудь песчанаго бугра; вокругъ складывали мои вьюки и ложились верблюды; а проводники сказками провождали ночь, въ опасеніи скитающихся Бедуиновъ, которыхъ десять колѣнъ кочуетъ по сей пустынѣ. Нѣкогда грозные своими разбоями, не только одинокимъ пушникамъ, но и цѣлымъ караванамъ, нынѣ трепещутъ они отъ имени Мугаммеда-Али, и если гдѣ должно благословлять его, то всего болѣе въ сихъ дикихъ мѣстахъ, доселѣ непроходимыхъ...» Близъ Эль-Ариша степная дорога идетъ

Digitized by Google

по морскому берегу. « Трудно выразить то грустное чувство, которое стѣсняетъ сердце при видѣ сей пустыни волнъ, соединяющейся съ двумя другими, воздуха и песковъ, какъ-бы для того, чтобы еще болѣе дать постигнуть путнику его одиночество, и поразить его мертвымъ величіемъ трехъ стихій, въ безпредѣльности коихъ — что человѣкъ!... Гулъ валовъ, набѣгающихъ на безжизненную степь, подъ безпріютнымъ небомъ, наводитъ мрачное уныніе на сердце, и борьба моря и земли, какъ-бы жизни и смерти, сихъ двухъ огромныхъ силъ вселенной, грозна своимъ исполинскимъ уединеніемъ бренному созданію! »

Въ Эль-Аришѣ явился къ странннику Шейхъ Салехъ, вождь скитающихся въ пустынѣ Бедуиновъ — глава пустынь, въ полномъ величіи своего сана, въ богатой одеждѣ, съ лицомъ дикимъ и звѣрскимъ, съ глазами огненными, черною, густою бородою, быстрый, развязный въ движеніяхъ, оставивъ внѣ крѣпости гнѣдаго, борзаго коня, который не слышитъ подъ собою песку. Онъ дивился, что видитъ передъ собою не *Инглиза*, не *Франка*, но *Москова*. На вопросъ: какъ могутъ Бедуины переносить зной пустыни въ душныхъ шатрахъ своихъ? гордо отвѣчалъ Шейхъ: « Тебѣ душны шатры наши, Векъ, а мнѣ эта крыша, и я не могу ночевать, какъ могутъ люди тѣснишься въ городахъ, когда есть привольная пустыня!» Хищный Арабъ — онъ корыстолюбиво требовалъ пошлинъ дани съ проѣзжавшаго, и только имя грознаго Мугаммеда-Али заставило его удалиться, съ притворнымъ смиреніемъ и дружелюбіемъ.

Digitized by Google

Въ Газѣ увидѣлъ нашъ странникъ Турецкаго Мусселима, или градоначальника, судящаго народъ предъ вратами крѣпости, среди толпы, на площади; Грекъ, переводчикъ, съ трепетомъ разговаривалъ съ этимъ маленькимъ деспотомъ, видя, что Бейзаде Московскій не цѣлуетъ руки его и края одежды, и удивлялся, какъ можно не исполнять такого священнаго долга! Христіане Арабы окружили потомъ нашего Бейзаде, спрашивали о мирѣ Россіи съ Турціею, и о томъ: освобожденъ-ли наконецъ Іерусалимъ и Гробъ Господень? «Единственная, «вѣчная цѣль желаній Христіанскаго Востока!» Игуменъ монастыря въ Рамѣ таинственно показывалъ страннику какое-то пророчество монаха Агаѳангелла, жившаго въ XII-мъ вѣкѣ, о судьбѣ Царяграда и взятіи его Руссами. Такъ въ Царьградѣ указывали ему на закладенныя ворота въ городской стѣнѣ, и скрытный тайникъ, по которому нѣкогда прошли Турки при взятіи Царяграда. Султаны заложили потомъ сіи ворота и тайникъ, ибо, какъ прежде у Грековъ было преданіе гибели о сихъ воротахъ, съ именемъ Турковъ, такъ у новыхъ властителей Царяграда пророчество это осталось при нихъ, соединенное съ именемъ Русскихъ. — Подъ тѣнью смоковницъ, близъ Іерусалима, увидѣлъ нашъ странникъ грознаго Шейха Абу-Гоша, покровителя Феллаховъ, или осѣдлыхъ Арабовъ, защитника ихъ отъ набѣга Бедуиновъ. Страшный силою многихъ подвластныхъ ему колѣнъ, сей вождь заставляетъ трепетать Іерусалимъ. Онъ шумно пировалъ со своими друзьями, и велѣлъ пропустить Русскаго странника безъ взноса дани.

Digitized by Google

Ярко видится вамъ во всемъ этомъ Востокъ, съ его таинственными символами, его дикими ордами, палящимъ зноемъ, и кровью, кипящею въ жилахъ обитателей!

Мы не будемъ слѣдовать за нашимъ странникомъ по Іерусалиму и окрестностямъ сего святаго града; не будемъ описывать по слѣдамъ его мѣстъ, освященныхъ благочестивыми воспоминаніями; не будемъ говорить о чувствахъ, какія душа странника испытывала при видѣ святыхъ предметовъ, знаменующихъ память Страстей Богочеловѣка, и великіе слѣды первобытнаго Христіанства.

Три эпохи, эпохи великія, хотя между ними нѣтъ никакой соразмѣрности, врѣзали неизгладимые слѣды свои въ Іерусалимѣ.

Эпоха первая — свершеніе Ветхаго Завѣта, явленіе великой, божественной Религіи, въ лицѣ *избраннаго народа*, таинственный Ковчегъ Завѣта, храмъ Іеговѣ, воздвигнутый премудрымъ Соломономъ.

Эпоха вторая, отъ вѣковъ предположенная, совершеніе дивныхъ пророчествъ: воплощеніе Богочеловѣка, примиреніе ветхаго Адама, смерть Непостижимаго; начало новаго періода человѣческаго бытія; жизнь духа.

Эпоха третья была политическимъ возрожденіемъ гражданскихъ обществъ, начавшимся борьбою Азіи и Европы, когда казалось, что «Европа, поколебавшись въ своемъ основаніи, падаетъ на Азію» — время Крестовыхъ походовъ, чудное стремленіе духа, объясняемое кликомъ Крестоносцевъ: «*Такъ хощетъ Богъ!*»

Digitized by Google

Слѣды всѣхъ сихъ періодовъ напечатлѣны на поляхъ, горахъ, водахъ Святой Земли. Здѣсь *Теревинѳъ* — говорятъ страннику — вотъ струится *Іорданъ* — тамъ видишь ты потокъ *Кедрона* — это *долина Іосафатова*. Преклони колѣна и главу: се онъ, сей дивный Гробъ, гдѣ Бого-человѣкъ почилъ плотскимъ, таинственнымъ сномъ смерти, и воскресъ во славѣ духа! А здѣсь, символъ спасенія, Крестъ, былъ окропленъ Его божественною кровію! —

Все это описываетъ намъ странникъ; ко многому присоединяетъ онъ историческія воспоминанія, многое излагаетъ съ большою подробностію. Вотъ порядокъ статей, заключающихъ въ себѣ пребываніе его въ Іерусалимѣ: «Прибытіе въ Іерусалимъ — Геѳсиманія — Крестный путь — Іорданъ — Пустынножители — Юдоль плача — Лавра Свящ. Саввы — Іосафатова долина — Храмъ Воскресенія — Часовня Св. Гроба — Соборъ — Голгоѳа — Лѣтопись Храма — Вѣроисповѣданія — Страстная недѣля, Великая Пятница, Великая Суббота и Пасха въ Іерусалимѣ — Обитель Св. Іакова — Сіонъ — Гора Элеонская — Геѳенна — Царскія пещеры — Монастыри Іерусалимскіе — Слѣды Рыцарства — Стѣны Іерусалимскія — Виѳлеемъ — Горняя — Виѳанія. —

Каждое мѣсто, освященное историческими, поэтическими, религіозными воспоминаніями, почти всегда, возбуждаетъ два чувства, сильно превозмогающія всѣ другія. Одно изъ нихъ: грусть о томъ, что время и невѣжество людское разрушаетъ, искажаетъ предметъ нашего благоговѣнія.

Digitized by Google

Обставленный ничтожными памятниками мелкаго бытія, обезображенный самыми украшеніями, которыя лепятъ на него грубое усердіе людей, предметъ удивленія нашего всего чаще внушаетъ намъ скорбную мысль о невѣжествѣ и безсмысліи человѣческомъ. Другое чувство, не менѣе прискорбное, ощущаемъ мы, видя, что почти всегда и вездѣ, самые священные предметы памяти и благоговѣнія дѣлаются источникомъ мелкихъ разсчетовъ корыстолюбія, нетерпимости, страстей человѣческихъ! Рѣдко, посѣтивъ какой нибудь великій, памятный предметъ, сохраняете вы въ душѣ своей безпримѣсное, чистое чувство восторга!

Гдѣ-же болѣе можетъ быть все это ощущаемо, если не въ Іерусалимѣ, надъ которымъ тяготѣлъ вѣка, сверкалъ мечъ Римлянъ, блистала сабля Мусульманъ, гремѣло копье Рыцаря, гдѣ и нынѣ иго рабства, унизительнаго возлегаетъ надъ святынею мѣстъ, и надъ обитателями ихъ, и гдѣ притомъ самое усердіе къ великой святынѣ порождаетъ ненависть и страсти между разновѣрными народами?

Все это сильно изображено нашимъ странникомъ. Съ горестію говоритъ онъ объ униженіи, какому иго Мусульманское подвергаетъ святыню мѣстъ и Христіанъ, жителей Іерусалима. Тяжкія дани обременяютъ ихъ; неоплатные долги превышаютъ всѣ средства и способы; духъ упадаетъ отъ вѣковой привычки къ рабству, и допускаетъ нарушеніе всякаго велѣнія и благоговѣнія, чтобы сохранить по крайней мѣрѣ жалкое бытіе свое и существова-

Digitized by Google

ніе святыни. Такъ на торжествованіи Пасхи, Храмъ Св. Гроба, въ виду нашего странника, былъ наполненъ дикими Арабами-Христіанами, позорившими святые обряды воплемъ и пляскою, безобразно спавшими по всему Храму, и превращавшими его въ буйное сонмище и торжище. Надъ самымъ алтаремъ находился гаремъ Турецкаго Мусселима: жены его, съ эвнухами, спояли тамъ, чтобы удобнѣе смотрѣть на нисшествіе Св. огня. Деньги, собираемыя Турками въ сей день, сбрасывали въ блюдо, поставленное на камнѣ, отвалепномъ Ангелами отъ Св. Гроба, и обращенномъ въ престолъ церкви! Руку и полуодежды Мусселима — мѣлкаго чиновника, опредѣляемаго Пашею Дамасскимъ — цѣлуютъ Митрополиты Христіанскіе, со страхомъ и благоговѣніемъ. Стражи гоняютъ и бьютъ палками Христіанъ въ самыхъ алтаряхъ, дерзко входя въ оные Царскими дверями, ... Въ то-же время, самые буйные споры между различными вѣроисповѣданіями Христіанъ нарушаютъ святыню мѣста. Извѣстно, что пять различныхъ вѣроисповѣданій раздѣлили и занимаютъ церковь Св. Гроба: Сиріяне и Копты (послѣдователи Несторія и Евтихія), Армяне, Католики и православные Греки. Всѣ они взаимно ненавидятъ другъ друга, и часто ничтожными, низкими происками своими усиливаютъ тягость общаго бѣдствія. Сильнѣе всѣхъ нынѣ Армяне, успѣвшіе богатыми дарами взять первенство надъ другими, со времени возстанія Грековъ. Они давно уже купили себѣ все, что принадлежало въ Св. Храмѣ Грузинамъ. Маронишы присоединились къ Католикамъ, которые усилились было во время

Digitized by Google

Наполеона. Греки нынѣ чрезвычайно унижены въ Іерусалимѣ. Бывъ прежде богаты, дарами, отвсюду вносимыми, и усердіемъ поклонниковъ, отвсюду стекавшихся, они имѣли возможность возобновить на свое иждивеніе Св. Храмъ, послѣ пожара, опустошившаго оный въ 1808 году. Горестно слышать, что въ это время употребили они силу свою на жестокое гоненіе другихъ исповѣданій. Такъ при возобновленіи Храма, послѣ пожара 1808 года, они выбросили изъ него останки Готтфрида и Балдуина (т. II, стр. 21), и разрушили гробницы сихъ героевъ, какъ Латинскихъ Государей, осквернившихъ собою храмъ Божій.... Гробъ Балдуина находился подлѣ Голгоѳы, и шесть вѣковъ протекало, а на могилѣ вождя, воспѣтаго Тассомъ, великаго Царя Іерусалимскаго, читали: Hic jacet inclytus dux Godefridus de Bulion, qui totam istam terram acquisivit cultui christiano, cujus anima regnet cum Christo. Amen. Теперь нѣтъ уже гробницы Готтфрида, и исчезъ древній трофей Христіанской побѣды и власти надъ Іерусалимомъ! Тщетно послѣ 1808 года Католики искали достопамятныхъ гробницъ. Греки отвѣчали имъ, что гробницы разрушились въ пожарѣ. Еще прискорбнѣе читать описаніе неистовства, учиненнаго въ Геѳсиманіи, гдѣ Священникъ Арабскій ужасно поругался Латинскому алтарю (см. т. I, стр. 233)... Удалимъ отъ себя всѣ сіи горестныя картины. Ихъ могутъ видѣть въ описаніяхъ нашего соотечественника. «Кто не былъ самъ поклонникомъ въ Іерусалимѣ, тотъ не въ силахъ ясно себѣ представить бѣдственнаго положенія его святыни!» — говоритъ онъ. «Кто былъ, и

Digitized by Google

молился надъ Гробомъ Спасителя, посреди позора и безчестія, которому онъ преданъ, кто оросилъ его слезами нищетной горести, тотъ — не можетъ постигнуть равнодушія Европы къ сему основному камню ея спасенія... (ч. II, стр. 130).

Мы уже упоминали, что нашъ соотечественникъ возвращался изъ Іерусалима черезъ Акру, Тиръ и Бейрутъ. «Нѣкоторые изъ монаховъ Греческихъ, и всѣ поклонники Русскіе, обоего пола, провожали меня за городскія ворота, гдѣ, со многими слезами и цѣлованіями, мы разстались... Я вспоминалъ, какая горькая участь ожидала сихъ поклонниковъ подъ игомъ Арабскимъ, посреди нищеты и гоненій, и дивился силѣ ихъ духа, и смиренію, съ какимъ обрекли себя они служенію святынѣ, заживо погребаясь въ чужбинѣ, хотя много близкаго ихъ сердцу оставалось на родинѣ, ибо каждый надѣлилъ меня письмами, просилъ сказать своимъ, что онъ еще живъ, и за нихъ молился... Глубоко тронутый, спѣшилъ я исторгнуться отъ ихъ прощаній...»

Появленіе чумы заставило странника отказаться отъ посѣщенія горъ Ливанскихъ и Дамаска. Изъ Кипра, онъ съ товарищами, плылъ на Греческомъ кораблѣ. Цвѣтущая, роскошная природа, ужасное состояніе Архипелажскихъ Грековъ во время борьбы Пелопоннеза, и бѣдствіе, отяготѣвшее нынѣ на тѣхъ мѣстахъ, которыя не защищены освобожденіемъ Греціи, живо изображены нашимъ соотечественникомъ. Богатый Киприъ, опустошенный мечемъ и казнями, гибнетъ, пустѣетъ. Самосъ,

Digitized by Google

грозно прошивившійся Туркамъ, ожидаетъ той-же участи. Корабль странниковъ плылъ мимо Самоса, и, Начальникъ судна съ торжествомъ указывалъ мнѣ поприще знаменитой битвы между всѣмъ флотомъ Турецкимъ и легкими судами Грековъ, когда, вскорѣ по разореніи Хіоса, Капитанъ Паша хотѣлъ сдѣлать высадку на Самосъ. Онъ описывалъ, какъ мужественно отстояли островъ его жители, и какъ вспыхнули корабли Оттоманскіе, принужденные удалиться послѣ многократныхъ, тщетнымъ усилій. — Радостно повторяли матрозы разсказъ своего начальника, ибо каждый изъ нихъ могъ гордиться какимъ-либо блестящимъ подвигомъ въ отечественной войнѣ, и многіе лично прицѣпили огненные челноки къ кораблямъ непріятельскимъ. Одинъ только изъ числа нихъ стоялъ въ глубокой задумчивости, устремивъ неподвижно взоры на приближавшійся къ намъ Самосъ. Я спросилъ у него о причинѣ грусти: «Бейзадей Московскій!» уныло отвѣчалъ онъ, «ты плывешь на свою родину, а вотъ *моя*! Посмотри: еще флаги Эллинскіе развѣваются въ той малой присшани, близъ пролива; но скоро ихъ не будетъ, и семилѣтняя независимость Самоса только отягчитъ для него прежнее иго. Мы бились на жизнь и смерть. Самосъ былъ страшенъ своими набѣгами Смирнѣ и поморью Анатоліи, и хотя ты сей часъ увидишь, какъ тѣсенъ проливъ, отдѣляющій насъ отъ берега Турецкаго, но вражья нога не ступала донынѣ на островъ! За что-же исключили насъ изъ границъ свободы, подобно Хіосу, позволившему разорить себя, подобно Родосу, Спанхіо и другимъ, которые остались равно-

Digitized by Google

душными въ общемъ подвигѣ? Онъ чего-же освободили соседнюю намъ Иисару? — И она внѣ предѣловъ Цикладскихъ. Намъ достались однѣ голыя скалы; всѣ плодоносные острова еще подъ игомъ; я не о нихъ жалѣю: они не заслужили освобожденія; но — Кандія, но Самосъ? Какъ помирятъ въ нихъ два племени, взаимно обагрившіяся самою драгоцѣнною кровью?..» Я старался успокоить пылкаго юношу, представляя ему, что первый шагъ сдѣланъ, ибо главный вопросъ состоялъ въ признаніи независимости Греціи, и она признана всею Европою. «Какъ видно,» возразилъ Грекъ, «что у тебя нѣтъ ничего близкаго въ Самосѣ! У меня-же тамъ жена, у другаго дѣти и дряхлые родители... Что намъ до признанія Европы, когда мы всѣ подвергнемся игу — быть можетъ, и плахѣ? Что скажешь?—Переселись съ семействомъ въ Элладу! — Но какъ, и съ чѣмъ? Дѣйствіе труднѣе слова, да и легко-ли покинуть родину!....»

Простившись въ Скала-Новѣ, сухимъ путемъ отправился странникъ нашъ въ Смирну. На восходѣ солнца подъѣхалъ онъ къ какой-то рѣкѣ, извивавшейся по живописной долинѣ; вдали видны были на горахъ останки какихъ-то башенъ. «Что тамъ мелькаетъ въ отдаленіи?» спросилъ онъ у своего проводника, сѣдаго Турка. «Безумныя зданія!» отвѣчалъ старикъ, качая головою — «безумныя: ихъ строили люди, которые думали вѣчно жить. Тамъ тысяча банъ, тысяча дворцовъ, тысяча мечетей, и ни одной живой души!» Рѣка, извивавшаяся передъ странникомъ, была — *Каистръ*; развалины, вдали мелькавшія — *Эфесъ*!...

Digitized by Google

Нѣкогда было свернуть въ сторону, и посѣтить славную отчизну Геростратову. Вдрочемъ, опустошенный вѣками, людьми, природою, мечами побѣдителей, и наконецъ, жадностью путешественниковъ, наполняющихъ обломками его музеи и кабинеты, Эфесъ представляетъ теперь однѣ безобразныя груды развалинъ, среди коихъ уцѣлѣло только немного колоннъ, еще твердыхъ и не упавшихъ, подземелья храма Діаны, и часть воротъ городскихъ. Знаменитый барельефъ снятъ уже съ нихъ, недавно, какимъ-то Англичаниномъ, и увезенъ въ Лондонъ. «Стада пасутся въ густой травѣ, покрывающей обломки Эфеса, легкія козы скачутъ по капителямъ его низвергнутыхъ столбовъ, и веселы ихъ дикія игры на высотѣ оставленныхъ поршиковъ; ночью загоняютъ ихъ въ какое нибудь изъ древнихъ капищъ, гдѣ убогіе пастыри смѣло замѣнили вытѣсненныхъ временемъ боговъ. Иногда звонкіе колокольчики оживляютъ уединеніе развалинъ; караванъ лошаковъ медленно тянется отъ сосѣдняго города Эддина, съ трудомъ прокладывая себѣ стезю промежъ разсѣянныхъ обломковъ; съ его удаленіемъ вновь водворяется безмолвіе. Безпечные рыбари, на длинныхъ челнокахъ, подымаются и спускаются по живописному Каистру; они привязываютъ ладьи свои къ ветхимъ столбамъ, еще стоящимъ на берегахъ рѣки, и равнодушно поютъ свои пѣсни тамъ, гдѣ гремѣли свободою ихъ предки. Восходящее солнце проникало густой туманъ, облекавшій синюю даль Эфеса, озаряя окрестныя вершины горъ. Стая шакаловъ выла промежъ развалинъ; ихъ дикій, но вмѣстѣ дѣтскій плачъ,

Digitized by Google

странно соотвѣтствовалъ пустынѣ развалинъ. Старецъ, удрученный годами, дѣлается младенцемъ, такъ и Эфесъ, достигшій до крайняго предѣла древности, по сходству судьбы царствъ съ судьбою человѣковъ, прилично былъ оглашаемъ воплемъ младенческимъ, ибо сердцу нашему всегда лестно уподоблять себя предметамъ бо́льшимъ, и видѣть въ лицѣ своемъ образецъ участи цѣлой державы. И кто-же это новое племя дѣтей, которому дикою колыбелью служатъ зданія совѣта, гробы мужей, капища боговъ? . . Шакалы. . . Эфесъ! вотъ наслѣдники твоей славы! »

Авторъ *Путешествія ко святымъ мѣстамъ* видитъ изъ всей статьи нашей, что не осужденіе (по мнѣнію многихъ, цѣль всякой рецензіи) было желаніемъ, руководившимъ насъ. Напротивъ, мы желали указать публикѣ на все то, почему книга юнаго Автора должна обратить на себя вниманіе соотечественниковъ. Жалѣемъ, что предѣлы статьи не позволили намъ войдти въ бо́льшія подробности. Мы указывали на весьма немногія мѣста, гдѣ отсвѣчивается поэтическая душа нашего странника. Таковы: изображеніе чувствъ его, при видѣ горы Иды, на поляхъ Трои; чувства, когда онъ приближался къ Патмосу, и встрѣченъ былъ « бурною ночью и бурнымъ моремъ, какъ-бы таинственными стражами Апокалипсиса. » Всѣ сіи, и множество другихъ, пропущенныхъ нами, поэтическихъ мѣстъ, замѣтятъ сами читатели.

Послѣ сего, мы почитаемъ себя въ правѣ, безъ упрека сдѣлать замѣчаніе, что *во многихъ мѣ-*

Digitized by Google

стахъ слогъ Автора, и многія отдѣльныя выраженія и слова, носятъ на себѣ отпечатокъ поспѣшности, или небреженія, слѣда которыхъ мы не желали-бы встрѣтить въ книгѣ, столь любопытной и замѣчательной. Приведемъ примѣръ: « Главнокомандующій подъѣхалъ къ обширнымъ казармамъ, устроеннымъ внѣ города, которыя по условіямъ должны были для насъ очистить полки Турецкіе, оставивъ свое оружіе и городъ. Еще онѣ были наполнены солдатами, но появленіе вождя навело на нихъ трепетъ — всѣ бросились, » и проч. (ш. I, стр. 4.). Слова здѣсь перемѣшаны, и по смыслу ихъ то, что хочетъ сказать Авторъ о *людяхъ*, говоритъ онъ о *казармахъ*. Вотъ еще примѣръ подобной, неправильной разстановки: (ш. I, стр. 58) « Патріархъ Агаѳангелъ. . . *исполненный страха Турокъ*, онъ не пользовался любовію и довѣренностію своего народа. . . » Вотъ странныя, или несвойственно употребленныя слова, останавливавшія насъ : (стр. 8) » онъ (сводъ) казался-бы *природнымъ* сводомъ голубаго неба — (стр. 26) четыре минарета опозорили нынѣ ея (Св. Софіи) *готическую* (?) громаду — (стр. 37) всѣхъ примѣчательнѣе, и по *останкамъ*, и по славѣ основателя, столбъ великаго Константина — (стр. 78) *легость* груза — (стр. 124) другимъ противникомъ *имѣлъ* онъ — (стр. 211) отечество *благаго* разбойника. » — Нѣсколько галлицизмовъ также пестрятъ слогъ въ иныхъ мѣстахъ, напримѣръ: (стр. 201) « *не доходя до него, встрѣчается* на высотѣ горъ малое озеро » — (стр. 175) « *я слишкомъ быстро обѣжалъ ихъ, чтобы* подробно описать — (стр. 149) на ру-

Digitized by Google

бежѣ пустыни Ливійской съ жадностію *внималъ л о Русскихъ снѣгахъ* — (стр. 112) « *проѣхавъ* раздѣленіе двухъ вѣшвей Нила, *открылась* мнѣ великолѣпная каршина — (стр. 63) « немногіе *искали вступить* въ сіе униженное званіе, » и т. п.

Почтенный Авторъ пишетъ: *Магомметъ, Баязидъ, Муратъ, Рихардъ, Велисарій, Мануилъ.* Мы слышали, что онъ руководствовался совѣтами опытнаго оріенталиста въ правописаніи Восточныхъ именъ, и потому не споримъ въ нихъ, хотя привыкли сами писать: *Баязетъ, Амуратъ, Магаммедъ* (послѣднее слѣдуя правописанію Г-на Френа). Но, другія изъ означенныхъ нами именъ, кажется должно писать: *Ричардъ, Велизарій, Эммануилъ.* Замѣтимъ еще: на чемъ основываясь пишутъ многіе, и Авторъ слѣдуетъ имъ: *угольный*, вмѣсто *угловой*, и *Турокъ*, въ *родительномъ множественнаго*, вмѣсто: *Турковъ*? Въ послѣднемъ случаѣ, какъ прикажете этотъ падежъ отличать отъ *именительнаго единственнаго*? Почему также Авторъ пишетъ: *цитадель*? Неужели нѣтъ на это Русскаго слова? —

Подобныя замѣчанія мѣлочны. Но въ хорошемъ можно требовать, чтобы и всѣ подробности были хороши. Въ иной книгѣ не только не станете искать подобныхъ мѣлочей, но и о цѣломъ говорите мимоходомъ — по обязанности Журналиста.

Н. П.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Русская литтература.

— *Семейство Холмскихъ.* Нѣкоторыя черты нравовъ и образа жизни, семейной и одинокой, Русскихъ дворянъ. Съ эпиграфомъ изъ Лафонтена: «Скучно сухое нравоученіе; но въ сказкѣ охотно его выслушаютъ.» *Шесть частей.* М. 1832 г. въ т. А. Семена и С. Селивановскаго, XXXIV, 258, 297, 311, 357, 349 и 369 стр. in-12.

— *Андрей Безыменный.* Старинная повѣсть. СПб. 1832 г. въ т. III-го Отд. собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, 215 стр. in-12.

«Вотъ два романа *не въ идеѣ вѣка*» — сказалъ намъ одинъ изъ непишущихъ судей Литтературы, прочитавъ *Семейство Холмскихъ* и *Андрея Безыменнаго.*

— Почему-же не въ идеѣ вѣка? — осмѣлились мы спросить.

«Какъ можно отставать отъ сильныхъ, бѣшеныхъ страстей, къ какимъ пріучили насъ новѣйшіе романисты, отъ вывороченныхъ на изнанку и раздавленныхъ сердецъ, отъ сценъ, при чтеніи которыхъ волосы становятся дыбомъ!»

Digitized by Google

— Всего этого вы не находите ни въ томъ, ни въ другомъ романѣ?

« Ни сколько! *Семейство Холмскихъ* Лафонтеновская картина семейной жизни; *Андрей Безыменный* сбивается на Историческій романъ, но — онъ *даже и не въ четырехъ частяхъ*! Уже и по этому онъ что-то не нынѣшнее, не современное. »

— Позвольте возразить, что ваши понятія о романахъ, и романической идеѣ нашего вѣка, кажутся намъ не совсѣмъ вѣрными.

Лафонтеновскіе романы не потому дурны, что описываютъ *семейную жизнь*, но потому, что всѣ они писаны на одинъ ладъ, и представляютъ странную смѣсь небылицъ, при однообразныхъ красотахъ, которыхъ не льзя впрочемъ отрицать у Лафонтена. Такъ и *Историческихъ* романовъ не въ томъ отличіе, что каждый изъ нихъ долженъ быть *въ четыре тома*. Позвольте еще узнать: почему изображеніе бѣшенства страстей кажется вамъ *идеею вѣка*? Правда, Гюго написалъ четыре романа, съ характерами и картинами — довольно горячими; правда, что за ними поплелся безконечный рядъ отчаянныхъ уродовъ, эшафодовъ, убійцъ, злодѣевъ; но зачѣмъ смотрѣть вамъ на эту подражающую сволочь? Романы Гюго хороши не тѣмъ, что въ нихъ рѣжутъ и бьютъ. Впрочемъ, развѣ Гюго есть полная идея нашего вѣка? Напротивъ— нашъ вѣкъ можно во всемъ назвать *эклектическимъ*. Онъ ничего не отвергаетъ, что хорошо. Посмотрите, какъ разнообразны любимцы его въ мірѣ

Digitized by Google

романовъ: Гофманъ и Бульверъ, де-Виньи и Гюго, Вашингтонъ Ирвингъ и Куперъ, Цшокке и В. Скоттъ, Жанъ-Поль и Жаненъ, Тикъ и Машюринъ. Не всѣ равно любимы, не всѣ равно славны; но, по крайней мѣрѣ, не одно только бѣшенство страстей, и не ужасы только даютъ нынѣ право на славу и извѣстность.

Если-бы мы сказали о *Семействѣ Холмскихъ*, что этотъ романъ изображаетъ семейную жизнь, и *мать дочери можетъ велѣть читать его*—не болѣе, то многіе читатели, вѣроятно, не взялись-бы за него. И очень справедливо. Знаемъ мы эти пошлыя, вялыя нравоученія, которыя разумѣютъ подъ именемъ *позволеннаго дочерямъ чтенія*. Нѣтъ! *Семейство Холмскихъ*, безъ сомнѣнія, можете дать своей дочери, даже велѣть ей прочитать, потому, что не воспаляя воображенія, оно преподастъ ей глубокіе уроки добродѣтели. Но этого мало. Романъ неизвѣстнаго Автора, или, какъ онъ самъ называетъ, *черты нравовъ и образа жизни Русскихъ Дворянъ*, отцы и матери прочитаютъ не съ меньшею пользою, и съ истиннымъ наслажденіемъ. Онъ проницетъ ихъ сердце, расшевелитъ ихъ душу, заставитъ во многихъ мѣстахъ невольно засмѣяться; во многихъ мѣстахъ невольно навернутся у нихъ при чтеніи слезы.

Согласимся, что планъ романа не новый: это планъ *Памелы* и *Клариссы*, изложеніе событій обыкновенныхъ, ежедневныхъ. Если романизмомъ почитать, какъ думаютъ многіе Русскіе романисты, сцѣпленіе случайностей, внезапностей, похищеній,

Digitized by Google

сумасшедшихъ, юродивыхъ, съ прибавкою пожаровъ, пошоповъ, и проч., что *Семейство Холмскихъ* совсѣмъ не романъ, а просто записки о жизни добраго, любезнаго семейства, объ его горѣ и радостяхъ, о томъ, что мы ежедневно видимъ, слышимъ, сами испытываемъ. У одной помѣщицы четыре дочери и сынъ. Одна дочь выходитъ за необразованнаго, провинціяльнаго Князя, богача; другая за небогатаго дворянина, вздыхателя и плохаго литтерашора; третья за старика Графа, знатнаго вельможу; четвертая, по выбору ума и сердца, за умнаго, добраго *человѣка*; сынъ женится на дочери богача откупщика. Слѣдуютъ похожденія всѣхъ ихъ (ибо, вопреки заведенному порядку, романъ начинается свадьбами), похожденія, въ коихъ нѣтъ ничего необыкновеннаго. Но тутъ является множество лицъ, характеровъ, семейныхъ и общественныхъ отношеній, случаевъ къ описанію современныхъ нравовъ. Петербургъ, Москва, города и деревни, помѣщики, отставные гусары, уѣздные щеголи, Московскіе франты, сельскіе блюдолизы, сутяги, агрономы, судьи, картежники — всѣ толпою являются передъ судъ читателей. Трогательныя сцены любви родительской и дѣтской, мрачныя картины гибели порока и слѣдствія слабостей, забавныя изображенія глупостей, проказъ человѣка и общества — все это такъ ярко, такъ просто, что кажется списано съ живыхъ подлинниковъ. Указываете на Фольгина, Удушьева, Сундукова, Фрипоненкова, Лукавину, и готовы сказать: «Это Б., это Т., это В., это С., это N. N., A. A., Z. Z., хотя Авторъ и не думалъ о личной

Digitized by Google

сатирѣ, что доказываетъ общность и подробности его сочиненія. Въ Телеграфѣ было три отрывка изъ *Семейства Холмскихъ*; но связь цѣлаго не позволяла взять отрывковъ болѣе разнообразныхъ. Кто читалъ помѣщенное въ Телеграфѣ, тотъ знаетъ только умѣнье Автора Холмскихъ описывать забавное но еще незнакомъ вполнѣ съ его разнообразнымъ дарованіемъ.

По нашему мнѣнію, въ родѣ романовъ, къ которому принадлежитъ *Семейство Холмскихъ*, родѣ смѣшанномъ изъ Лесажевскаго и Ричардсоновскаго — ничего не было на Русскомъ языкѣ столь оригинальнаго, столь умно написаннаго. Слогъ Автора сообразенъ роду и предмету: онъ походитъ на бесѣду образованнаго человѣка, простую, умную, тихую; онъ ясенъ, согласенъ, не волнуется порывомъ страстей. Колкость его, какъ будто случайная; въ самыхъ сильныхъ мѣстахъ онъ пересказываетъ, а не говоритъ отъ себя.

Мы соединили въ одну библіографическую статью извѣстіе о *Семействѣ Холмскихъ* и объ *Андреѣ Безыменномъ*, не потому, чтобы это были романы одного рода, или равнаго достоинства — нѣтъ: намъ хотѣлось поставить Андрея подлѣ Холмскихъ, чтобы попросить потомъ читателей: и эту небольшую книжечку отличить въ ряду другихъ романовъ, десятками являющихся теперь на Русскомъ языкѣ.

Объ *Андреѣ Безыменномъ* скажемъ мы, что въ немъ черезъ чуръ уже много того, что, какъ выше мы

Digitized by Google

сказали, нѣкоторые Русскіе романисты почитаютъ *романизмомъ*. По самому объему книги, Андрей собственно не романъ, но *повѣсть*. Представьте-же себѣ, что въ первой половинѣ его, на 112-ти страницахъ, вы найдете любовь, спасеніе изъ воды, злодѣя, покушеніе на жизнь, смерть благодѣтеля, сумасшедшую женщину, расторгнутую свадьбу. Этого уже слишкомъ много! Но здѣсь начинается другая половина, и сія другая половина превосходна. Надобно знать, что дѣйствіе романа происходитъ во время Петра Великаго. Андрей, гонимый управителемъ Князя Меншикова, лишенный невѣсты, имѣнія, даже имени, бѣжитъ въ Петербургъ, записывается въ солдаты, успѣваетъ довести до свѣдѣнія Государя свои несчастія, и ему возвращено все — имѣніе, имя и невѣста. Вторая половина Андрея писана, какъ будто не тѣмъ Авторомъ, который писалъ первую. Здѣсь все просто, естественно (кромѣ явленія Пелагеи, на стр. 176, вовсе ненужнаго). Видимъ Петра Божественнаго, видимъ юный Петербургъ, Дворъ Великаго Царя, перваго Императора, вѣрныхъ сотрудниковъ его, забавы, привычки, занятія ихъ. И все это такъ вѣрно, такъ ловко разсказано, что показываетъ необыкновенную начитанность Автора, и большое умѣнье его живописать подробности нравовъ. Намъ казалось, что мы читаемъ произведеніе Автора *Русской Старины*: ни у кого другаго не находили мы ничего подобнаго. Впрочемъ, и въ первой половинѣ, разговоръ въ главѣ II, и вообще описанія стариннаго Русскаго быта, чрезвычайно вѣрны и хороши.

Digitized by Google

И такъ, если вы будете читать *Андрея Безыменнаго*, какъ романъ, какъ разсказъ о событіяхъ человѣческаго сердца — онъ вовсе неудовлетворителенъ, худо связанъ, понапрасну запутанъ. Но читайте его, какъ живую картину жизни Русской при Петрѣ Великомъ — Андрей превосходная картина! Невольно переселяетесь въ тотъ вѣкъ, видите Петра, Долгорукаго, Меншикова въ частной ихъ жизни, и отдаете Автору полную справедливость. Есть много предметовъ, на которые надобно смотрѣть съ одной извѣстной точки зрѣнія, и тогда они имѣютъ большое достоинство. Много-ли предметовъ *всесторонних*ъ въ каждой Литтературѣ, и даже въ жизни человѣческой вообще! Будемъ-же снисходительны. Совершенство рѣдко, очень рѣдко достается въ удѣлъ человѣку....

Н. П.

— *Краткая Грамматика Русскаго языка*, для Благородныхъ воспитанницъ Харьковскаго Института изданная И. Кулжинскимъ. Харьковъ. Въ Универс. тип. 1832. 103 стр. in-8.

Давно извѣстно и многократно повторено въ разныхъ словоизвитіяхъ правило, что *всякій трудъ полезенъ;* но, при книгѣ Г-на Кулжинскаго мы готовы отступиться отъ этого правила, или сказать: Нѣтъ правила безъ исключенія. Да, трудъ Г-на Кулжинскаго больше нежели безполезенъ. Мы скажемъ объ

Digitized by Google

онымъ немного словъ, но читатели увидятъ справедливость нашего мнѣнія.

Г-нъ Кулжинскій имѣетъ ложное понятіе о своемъ предметѣ, ибо совершенною Грамматикою называетъ онъ ту, которая « схватила-бы духъ великаго Русскаго языка. » *Духъ языка* совсѣмъ не относится къ Грамматикѣ. Дѣло Грамматики : формы языка, извлеченныя изъ употребленія ; а формы и духъ такъ-же различны, какъ тѣло и душа. Вслѣдствіе своего понятія о Грамматикѣ, Авторъ допустилъ нѣкоторыя *раздѣленія*, *подраздѣленія* и другія *тонкости* » — какъ говоритъ онъ самъ, и сдѣлалъ шагъ назадъ, отъ настоящаго состоянія Грамматики, скажемъ мы въ свою очередь.

Что называетъ онъ *раздѣленіями*, *подраздѣленіями* и *тонкостями* ? Примѣры, исключенія, реэстры словъ, отступающихъ отъ правилъ общихъ : бездѣлица! Помышляя о *духѣ*, онъ забылъ, что назначеніе Грамматики: дать понятіе о вещественной части языка, гдѣ межи и раздѣленія необходимы. Если по его Грамматикѣ кто нибудь и узнаетъ какое нибудь правило, то онъ не будетъ умѣть употреблять его, или будетъ безпрестанно ошибаться, ибо не знаетъ ни примѣненій правила, ни исключеній изъ онаго. Авторъ говоритъ, что необходима *практика*; это извѣстно всякому; но Г-ну Кулжинскому неизвѣстно, что Грамматика вся извлекается изъ практики, а не *изъ умничанья*, какъ говоритъ онъ ; отрѣзать отъ нея необходимыя принадлежности, будетъ то-же, что отрѣзать у человѣка носъ или уши. Можно-ли урода назвать

Digitized by Google

человѣкомъ? Можно-ли твореніе Г-на Кулжинскаго назвать Грамматикой? Всего лучше то, что Авторъ не видитъ противорѣчія словъ своихъ: онъ ищетъ въ Грамматикѣ *духа*, а самъ все слагаетъ на *практику*! Онъ говоритъ: «Практическое преподаваніе предпочитаю всякому умничанью,» а самъ отрѣзываетъ практику и остается съ однимъ умничаньемъ!

Но говоритъ о духѣ, о неизмѣнныхъ, общихъ правилахъ, о *самыхъ лучшихъ путяхъ* къ познанію языка, было-бы можно какому нибудь Фашеру, Добровскому, Аделунгу. Что-жь напротивъ видимъ мы въ Грамматикѣ Г-на Кулжинскаго, при великолѣпной теоріи его? Сборъ устарѣлыхъ правилъ, опредѣленій ничего не опредѣляющихъ, и стукотню звуковъ, ничего не высказывающихъ! Напримѣръ, спряженіе глаголовъ принято у него Ломоносовское, оставленное лучшими Грамматистами нашими; склоненія раздѣлены на 4 разряда, тогда какъ сто разъ доказана была сбивчивость и недостаточность сего раздѣленія! Синтаксисъ его просмотрѣлъ всѣ усовершенствованія правилъ и языка; Орѳографія, превращенная въ *Ортографію*, годится для примѣра безотчетности и неполноты. Изложеніе Грамматики Г-на Кулжинскаго показываетъ, что онъ самъ не твердо знаетъ правила ея. Нѣсколько образчиковъ подтвердятъ все, сказанное нами.

«Мы всѣ отъ природы умѣемъ *говорить*, и на-
«учиться *писать* очень нетрудно; но этого не
«довольно: надобно *говорить и писать правильно*.
«Для этаго искусства есть наука, называемая *Грам-*

Digitized by Google

« *матикою* (стр. 7-я). » Есть-ли тутъ хоть малѣйшее понятіе о Грамматикѣ? Чему-же учитъ Грамматика? спрашиваемъ мы послѣ объясненія Автора?

« Всякой языкъ состоитъ слѣдующимъ обра-
« зомъ: сперва *являются одни* звуки голоса (стр.
« 8-я). » Что значитъ: *являются*? Я увѣренъ, что Авторъ не понимаетъ собственной своей загадки.

« Хотя въ каждомъ языкѣ очень много словъ, но
« большую часть ихъ легко можно замѣтить, ибо
« *они* (?) происходятъ отъ другихъ словъ, уже намъ
« знакомыхъ (стр. 10-я). » Въ этомъ періодѣ не достаетъ только смысла.

« Каждое лице или вещь имѣетъ такое *названіе*,
« вмѣсто котораго другимъ *именемъ названа* быть
« не можетъ, напр. Михаилъ, Иванъ, *кленъ*, *береза*
« Днѣпръ, Москва, и проч. Такія особенныя назва-
« нія вещей и лицъ называются *именами собствен-*
« *ными*... (стр. 17-я). » *Кленъ* и *береза* имена собственныя!!! Такихъ ошибокъ не льзя встрѣтить въ самой худой изъ Грамматикъ.

« Превосходная степень, сравнивая одинъ предметъ съ другими, даетъ оному *преимущество предъ всѣми*, или *предъ всѣми* оный *унижаетъ*. » Каково опредѣленіе? Но послушайте далѣе. « Оканчивает-
« ся превосходная степень большею частію на
« *ѣйшій*, или *айшій*; напр. *новѣйшій*, *кратчайшій*;
« или дѣлается изъ положительной, съ приложені-
« емъ въ началѣ предлога *пре*, *наи*, и нарѣчій: *очень*,

Digitized by Google

«*весьма*; напр. *препріятный, наилучшій, очень при-*«*лѣжный*, и проч. (стр. 31-я).» Вотъ *прекурьезное* правило! Оно показываетъ, что Г-нъ Кулжинскій не знаетъ какъ образуется превосходная степень Русскихъ прилагательныхъ. У него сравнительная степень идетъ за превосходную, а два различныя слова принимаются за одно. Славно!

Читатели видятъ, что Г-нъ Кулжинскій, въ Граммашикѣ своей, многаго не знаетъ, многаго не умѣетъ выразить, многое понимаетъ превратно. Сверхъ того онъ не умѣетъ располагать словъ правильно, плохо знаетъ Правописаніе — и между тѣмъ издаетъ Граммашику! Бѣдныя дѣти, которыя учатся по ней! Ни къ селу, ни къ городу выставилъ онъ, на всякой страницѣ, вопросы Грамматическіе, и отвѣчаетъ на нихъ такъ, что развѣ Максимъ Меркурьичъ можетъ сказать ему:

Прекрасно, и умнѣй не можно отвѣчать!

— *О кометахъ четвертаго десятилѣтія XIX-го вѣка*, 1830—1840; а въ особенности о тѣхъ, кои должны явиться въ 1832, 1833, 1835, 1836 и 1839 годахъ; съ присовокупленіемъ разсужденія о строеніи, видѣ, свойствѣ, числѣ кометъ и о положеніи ихъ путей. Сочиненіе, изданное въ Германіи къ успокоенію тѣхъ, которые опасаются разрушенія нашей земли отъ столкновенія оной съ кометою. Переводъ съ Нѣмецкаго. Съ двумя литографированными чертежами. СПб. 1832. Въ т. Экспедиціи заготовл. Государственныхъ бумагъ. VII и 113 стр. in-8.

Digitized by Google

— *О кометахъ вообще и въ особенности объ ожидаемой въ* 1832 *году и совершающей свой оборотъ въ* $6\frac{3}{4}$ *года.* Сочиненіе Французскаго Астронома Арago. Перевелъ съ Французскаго Гр. Яковлевъ. СПб. 1832. Въ ш. Акад. Наукъ. VII и 204 стр. in-12.

— *О кометѣ* 1832 *года.* М. 1832. Въ ш. Инстит. Лазаревыхъ. 36 стр. in-16.

Вотъ три сочиненія, которыя можно назвать *случайными*! Если-бы не распространился вздорный слухъ о столкновеніи земли съ кометою 1832 года, то не нужно было-бы изъяснять и доказывать неприкосновенности нашей планеты, и разгульнаго, но безвреднаго для насъ наѣздничества комет. Впрочемъ, теперь уже комета явилась и безпрепятственно удаляется отъ насъ. Счастливый путь! Спасибо ей, что она заставила ученыхъ людей заняться изъясненіемъ величественнаго небеснаго явленія, и тѣмъ истребить навсегда предразсудокъ, пугавшій людей несвѣдущихъ такъ-же, какъ пугали ихъ нѣкогда затмѣнія.

Изъ трехъ означенныхъ сочиненій, всѣхъ болѣе соотвѣтствуетъ назначенію своему первое, переведенное съ Нѣмецкаго. Это полный трактатъ не только о кометахъ, но и о многихъ другихъ соотвѣтственныхъ явленіяхъ. Онъ написанъ просто, ясно, и переведенъ хорошо. Сочиненіе Араго писано для людей, желающихъ болѣе познакомиться съ выводами астрономическихъ наблюденій; въ немъ болѣе свѣдѣній, но менѣе ясности для простолюдиновъ. — Книжонка, изданная въ Москвѣ, есть не иное что, какъ вздорная спекуляція.

Digitized by Google

ИНОСТРАННАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

— Robert comte de Paris (*Робертъ, Графъ Парижскій*, романъ изъ Исторіи Восточной Имперіи. Соч. Сира В. Скотта). Парижъ, 1832 г. 4 части in-12.

Послѣднее изъ большихъ сочиненій В. Скотта. Слухи, что онъ оставилъ въ рукописи еще два большіе романа: *Пизарро* и *Мальтійскій Рыцарь*, оказываются невѣрными. *Робертъ* заключилъ, въ 1832 году, длинный рядъ созданій, начатой *Веверлеемъ*, въ 1815 году. Какой блестящій, великолѣпный рядъ! *Веверлей*, *Астрологъ*, *Антикварій*, *Пуритане*, *Робъ-Рой*, *Эдимбургская темница*, *Ивангое*, *Кенильвортъ*, *Певериль*, *Кентень Дюрвардъ*, *Редгаунтлетъ*, *Ригардъ въ Палестинѣ*, *Вудстокъ*, *Перѳская Дѣва* — четырнадцать, такихъ созданій, въ теченіе 17-ти лѣтъ! — Кто послѣ сего не преклонится благоговѣйно предъ тѣнію великаго писателя, предъ его геніемъ, столь сильнымъ, столь обильнымъ!

Робертъ принадлежитъ къ твореніямъ В. Скотта второстепеннымъ. Искусство, умѣнье, дарованіе видны въ его *Ламмермурской невѣстѣ*, *Монтро-*

Digitized by Google

зѣ, Морскомъ Разбойникѣ, Ниджелѣ, Сентъ-Ронанскихъ водахъ, Коннетаблѣ Честерскомъ, Аннѣ Гейерштейнъ, но—это не Кенельворшъ, не Ивангое! Таковъ и *Робертъ Графъ Парижскій.*

Видно, что В. Скоттъ не глубоко проникъ въ сущность предмета, не крѣпко связалъ узлы событій. Онъ приготовилъ раму столь обширную, что на нее даже мало было одного романа. Первый походъ Крестоносцевъ, опасеніе, политика Византіи, рыцарство и энтузіазмъ Лапиновъ, исполинскіе лица: Готтфридъ, Валдуинъ, Танкредъ, противоположность Востока и Запада, смѣшки разнородныхъ идей.... Какіе матеріялы! Но В. Скоттъ взялъ изъ всего этого самые неопредѣленные очерки. Онъ разсказываетъ намъ сказку, спутываетъ множество событій—заговоръ противъ Алексія Комнина, любовь зятя Алексѣева къ женѣ Графа Роберта, странный поединокъ, и проч. и проч.—Множество лицъ—дочь Императора, мнимый Философъ, Патріархъ, трусливый военачальникъ, даже орангутангъ, вмѣшиваются въ романъ. Между тѣмъ, весь романъ держится на *одномъ* лицѣ: Варягѣ, Англо-Саксонцѣ, Геревардѣ. Все это идетъ весьма неловко, происшествія сбиваются, не дружатся, но разлаживаютъ безпрестанно. Всю первую книжку романа почти можете не читать: это отдѣльный, лишній эпизодъ.

Не смотря на это, повторимъ, что и здѣсь виденъ В. Скоттъ. *Робертъ* можетъ увлечь васъ при чтеніи, а мысль, что вы читаете *послѣдній* романъ великаго Шотландца, писанный уже въ то время, когда рука смерти тяготѣла надъ нимъ, прогонитъ

Digitized by Google

душу, и заставляетъ забыть о недостаткѣ сочиненія.

—Les contes de l'Alhambra (*Сказки Алгамбрскія*, предшествуемыя путешествіемъ въ Гренадскую область. Соч. Вашингтона Ирвинга). Парижъ, 1832 г. 2 тома, in 8.

Намъ кажется, что В. Ирвингу напрасно вздумалось дать неправильное, слишкомъ частное направленіе своему прекрасному дарованію. Онъ влюбился въ Испанію, и вздумалъ быть Историкомъ и сказочникомъ этой поэтической стороны. Нѣтъ! *Сѣверо-Американцу, республиканцу* и *протестанту* не сродниться съ землею Юга, землею Рыцарства и монаховъ, горящаго солнца и кипящей крови, любви и кинжала, серенадъ и Католическихъ процессій, Инквизиціи и бичеванья! В. Ирвингъ написалъ уже: *Исторію Коломба*, *Исторію завоеванія Гренады*. Теперь онъ описываетъ намъ свое путешествіе въ Гренаду, видитъ въ Алгамбрѣ символъ владычества и бытія Мавровъ въ Испаніи, и разсказываетъ суевѣрныя преданія, какія воображеніе Испанцевъ вывело изъ развалинъ Дворца Мавританскаго. Вы читаете сначала путешествіе В. Ирвинга по южной Испаніи; потомъ подробное описаніе Алгамбры. Авторъ поселяется на время въ Алгамбрѣ, и разные случаи, разныя встрѣчи, подаютъ поводъ къ разсказамъ старыхъ преданій, или, лучше сказать, сказокъ объ Алгамбрѣ. Всѣхъ сказокъ семь: *Арабскій звѣздочетъ*; *Исторія о трехъ прекрасныхъ Принцессахъ*; *Исторія о Принцѣ Ахмедѣ-алъ-Камелѣ*, или Пилигримѣ любви; *Наслѣдство Мавра*; *Алгамбрская роза*

Digitized by Google

или пажъ и соколъ; *Губернаторъ Манко и солдатъ*; *Двѣ статуи*. — Что сказать объ нихъ? Онѣ всѣ остроумны, и многія занимательны; но все равно, если-бы наши *Русскія* Сказки началъ разсказывать Французъ: такъ и В. Ирвингъ разсказываетъ сказки *Мавританскія*. Одна изъ нихъ была переведена въ Телескопѣ, но очень некрасиво, и притомъ это самая плохая. Лучшія, по нашему мнѣнію: *Арабскій звѣздочетъ*, *Пилигримъ любви*, *Двѣ статуи*, *Пажъ и соколъ*, и *Наслѣдство Мавра*. Постараемся перевести которую нибудь изъ нихъ для читателей Телеграфа, съ Англійскаго подлинника. Съ этими сказками никакъ не вяжется путешествіе В. Ирвинга. Отъ того видна натяжка, видно принужденіе, а это уже недостатокъ. Не таковъ былъ свободный, безъ-заботный Крейонъ, въ своихъ: *Книгѣ очерковъ*, *Разсказахъ путешественника*. Все, что мы станемъ дѣлать на зло Природѣ, не будетъ ознаменовано естественностью, простотою Природы, тѣмъ, что составляетъ верхъ Искусства.

— Œuvres de Victor Hugo (*Сочиненія Виктора Гюго*). Бриссель, 1830—1832 гг., 15 томовъ, in 18.

Упоминаемъ объ этомъ изданіи, чтобы упомянуть о дешевыхъ Бриссельскихъ *перепечаткахъ* всего, что выходитъ во Франціи. Въ самомъ дѣлѣ, все: ни одна брошюрка, и почти ни одна новая книга, хотя-бы во многихъ томахъ, если только онѣ заслуживаютъ или обращаютъ, на себя вниманіе публики, не обойдутся безъ того, чтобы ихъ не перепечатали въ Брисселѣ. И это дѣлается черезъ нѣсколько дней, послѣ выхода ихъ въ Парижѣ. Бриссельскія перепечатки стоятъ вдвое, втрое

Digitized by Google

дешевые Парижскихъ изданій, ибо печатаются въ небольшой форматъ, хотя притомъ весьма красиво, чешко, на лучшей бумагѣ. И Нѣмцы перепечатываютъ Французскія и Англійскія новыя книги, въ Лейпцигѣ, Дрезденѣ; но Нѣмецкія изданія весьма неопрятны, не чешки, и на сѣрой бумагѣ. Парижскіе книгопродавцы старались о прекращеніи Брюссельскихъ контрафакцій, но до сихъ поръ ни въ чемъ не успѣли. Не рѣшая вопроса: въ правѣ-ли дѣлать это Бельгійскіе книгопродавцы, и не нарушается-ли этимъ право собственности сочинителей, мы рекомендуемъ Брюссельскія изданія охотникамъ до Французскаго чтенія. Они именно заключаютъ въ себѣ два важныя преимущества: красивы и дешевы. Такъ, напримѣръ, сочиненія Гюго, все, что написалъ онъ донынѣ, 15 частей, можете купить въ Россіи рублей за 70. Вотъ содержаніе сихъ 15-ти частей: часть I, *Послѣдній день осужденнаго къ смерти* — ч. II, *Бугъ-Жаргалъ* — ч. III, IV, V, *Ганъ Исландскій*—ч. VI, VII, *Кромвель* (драма)—ч. VIII, IX, X, *Церковь Парижской Богоматери*—ч. XI, *Маріанна Делормъ* и *Гернани*—ч. XII, *Осенніе листы* (собраніе сорока стихотвореній, изданныхъ подъ симъ именемъ) ч. XIII, *Восточныя стихотворенія* (Les Orientales) *и баллады*—ч. XIV и XV, *Разныя стихотворенія*. — Все вновь выходящее будетъ примечатываться въ одинаковомъ форматѣ, и составлять продолженіе означенныхъ нами 15-ти томовъ.

— La reconnaissance de Sacountala. (*Признаніе Сакунталы*) Санскритская драма, сочиненіе Калидаза; пер. А. Л. Шези). Парижъ 1832 г. in-8°.

Digitized by Google

Вотъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій новѣйшей Французской Литтературы. Шези, знаменитый оріенталистъ (къ прискорбію всѣхъ просвѣщенныхъ людей недавно умершій въ Парижѣ), издалъ сначала подлинникъ Сакунталы, вмѣстѣ съ переводомъ, нѣсколько лѣтъ тому, по драгоцѣнной рукописи, хранящейся въ Парижской Королевской Библіотекѣ. Послѣ того тщательно занимался онъ своимъ переводомъ сего безсмертнаго памятника Индійской литтературы, и издалъ его особо, передъ самою кончиною своею.

Сакунтала уже давно извѣстна въ Европѣ. Всѣ знаютъ, что это эпизодъ изъ *Магабгараты*, и что Калидаза, поэтъ, жившій при дворѣ Викрамадитіа, сильнаго Индійскаго монарха, за 1,900 лѣтъ до нашего времени, создалъ изъ сего эпизода драму—перлъ литтературы Санскритской! Патріархъ Европейскихъ оріенталистовъ, Джонесъ перевелъ это чудное созданіе на Англійскій языкъ; съ его перевода Форстеръ сдѣлалъ переводъ Нѣмецкій, а Брюгіеръ переводъ Французскій, и въ концѣ XVIII-го вѣка, не смотря на ужасы Революціи, Сакунтала такъ-же привела всѣхъ въ восторгъ, какъ и пѣснопѣнія Оссіана. Карамзинъ, издававшій въ то время *Московскій Журналъ*, перевелъ въ него *Картона* Оссіанова и *отрывокъ изъ Сакунталы*. Гердеръ писалъ, что съ именемъ Сакунталы, имя Форстера всегда будетъ памятно сердцу Германца (wird in lieblichen Andenken leben). Помнятъ-ли читатели, что говорилъ о Сакунталѣ Гёте?

Digitized by Google

Willst du die Blüthe des frühen, die Früchte des späteren Jahres,
Willst du was reizt und entzückt, willst du was sättigt und nährt
Willst du den Himmel, die Erde, mit einem Namen begreifen:
Nenn'ich *Sacontala* Dich, und so ist alles gesagt.

Но Джонесовъ переводъ, слѣдственно, и всѣ переводы съ его перевода, не могли дать полнаго понятія о безсмертномъ твореніи Индійскомъ. Онъ былъ нечоченъ, невѣренъ. По сознанію оріенталистовъ, Шези, посвятившій много лѣтъ изученію Сакунталы, передалъ ее теперь въ совершенной точности.

Цѣна сего труда увеличивается еще множествомъ Историческихъ, Географическихъ и литтературныхъ замѣчаній (они занимаютъ 121 страницу), и переводомъ эпизода *Магабгараты*, послужившаго основаніемъ драмѣ Калидаза. Приглашаемъ литтератора, хорошо знающаго Французскій и Русскій языки — необходимое условіе — заняться переводомъ Сакунталы на Русскій языкъ, хотя и предупреждаемъ его, что это трудъ весьма нелегкій. До тѣхъ поръ, пусть Русскія читательницы прочтутъ Сакунталу по-Французски, пусть узнаютъ какъ любили, какъ говорили въ Индіи, за двѣ тысячи лѣтъ, о любви.... Очаровательная прелесть! Шези приводитъ Санкритскій подлинникъ стиховъ, которыми Сакунтала открываетъ любовь свою царю Душмантѣ. Угодно-ли прочитать ихъ? Вотъ они:

Digitized by Google

Toujja na âné hiaam mama ouna Maano divâa ratti-
mtcha
Nikkiba dâbai baliam touha hatthamanorahâim angâim.

Вотъ что значатъ сіи непонятные для насъ звуки: «Не знаю твоего сердца; можетъ быть, оно нечувствительно, между тѣмъ какъ жестокая любовь безжалостно сжигаетъ мое сердце день и ночь.... Чувствую, что ты все бытіе мое!»—Любовники Индійскіе тысячу разъ повторяли потомъ отвѣтъ Думманты Сакунталѣ: «Нѣтъ, нѣтъ, дѣва очаровательная! ты испытываешь только легкую любовь—но, это сердце—ахъ! противъ него устремилось все сопрѣкосновеніе огня любви! Такъ полная луна тонетъ въ палящихъ лучахъ солнца, между тѣмъ, какъ нѣжный цвѣтокъ лотуса едва обхватываетъ мимолетное ихъ прикосновеніе!...

—Histoire de la renaissance de la liberté en Italie, etc. (*Исторія возстановленія Итальянскихъ республикъ, ихъ успѣховъ, разрушенія и паденія.* Соч. Ж. К. Л. Симондъ-де-Сисмонди) Парижъ, 1832 г. 2 тома, in-8°.

Вѣроятно, книгопродавецъ уговорилъ Автора дать книгѣ названіе—заманчивое для многихъ. Но это названіе пустое хвастовство. Книга Сисмонди есть нечто иное, какъ сокращеніе его извѣстнаго сочиненія: Histoire des républiques Italiennes du moyen âge (*Исторія Итальянскихъ республикъ въ Средніе времена*), изданнаго въ 16-ти толстыхъ томахъ. Въ N° 3-мъ Телеграфа (стр. 283), мы говорили о *Циклопедіи* Ларднера, и что для сего новаго рода энциклопедій, Сисмонди написалъ сокращеніе своей Исторіи Итали

Digitized by Google

янскихъ республикъ. Теперь явилось это сокращеніе на Французскомъ языкѣ, и ему придано странное, вышеприведенное названіе. Мысль остроумная: издавать подобныя сокращенія, сдѣланныя умѣючи, рукою самого Автора. При нынѣшней дѣятельности умовъ и жизни, при безчисленномъ множествѣ вновь выходящихъ книгъ, шутка-ли посвятить время на прочтеніе шестнадцати огромныхъ томовъ, чтобы узнать изъ нихъ Исторію Венеціи, Генуи, Флоренціи, и другихъ республикъ Итальянскихъ! Говоримъ не о тѣхъ людяхъ, которые даже *должны* дѣлать это, но о читателяхъ обыкновенныхъ. Развѣ имъ нелюбопытно, не должно знать бѣшеныхъ Гельфовъ и Гибеллиновъ, эту великолѣпную Флоренцію, эту мрачную Венецію, эту смѣлую Геную — все, что представляетъ Исторія верхней Италіи отъ X-го до XVIII-го вѣка? Для такихъ-то читателей сокращенія драгоцѣнны, и Сисмонди оказалъ услугу полезную. На 600-хъ страницахъ, они могутъ видѣть всю сущность его обширнаго, прежняго сочиненія. Что сказать о Сисмонди, какъ объ Историкѣ? Онъ издалъ уже, кромѣ Исторіи Итальянскихъ республикъ, *Исторію литтературъ южной Европы* (Испаніи, Португаліи, Италіи, и проч.) и теперь напечаталъ 15-й томъ своей *Исторіи Французовъ* (все сочиненіе составитъ 24 тома). Намъ кажется, что Сисмонди человѣкъ трудолюбивый и умный, умѣющій добросовѣстно отыскать, и складно разсказать то, что отыскалъ. Можете читать его съ довѣрчивостью и пріятностью. Но, далѣе ничего не ищите. Новый взглядъ, высшее воззрѣніе на предметъ не его дѣло. Такъ можетъ всякій, для приготовительнаго чте-

Digitized by Google

нія, взявъ его сочиненіе о Политической Экономіи. Мы съ большею охотою порекомендуемъ Сисмонди, нежели софиста Сея, или односторонняго Мальтуса (разумѣется, что начинать должно, прежде всего, съ безсмертнаго творенія Адама Смита).

—Contes du Bibliophile Jacob (*Сказки Якова Библіофила маленькимъ его дѣтямъ*), Парижъ 1832 г. 2 тома, in-18°.

Подъ именемъ *Якова* (или Жакоба) *Библіофила* (т. е. *книголюбца*) скрывается одинъ изъ современныхъ Литтераторовъ Франціи Онъ издалъ уже нѣсколько романовъ и книгъ разнаго содержанія. О странномъ характерѣ сочиненій его надобно поговорить особо. Изданныя имъ нынѣ дѣтскія *сказки*—мысль прекрасная! Библіофилъ говоритъ, что ему случилось жить въ старинномъ замкѣ, гдѣ каждый вечеръ дѣти просили его разсказать что нибудь. Онъ рѣшился отучить ихъ отъ страшныхъ и волшебныхъ сказокъ, къ которымъ были они пріучены, и въ видѣ повѣстей началъ пересказывать имъ разныя Историческія событія; увидѣвъ пользу и занимательность своихъ разсказовъ для дѣтей, онъ рѣшился издать то, что говорилъ дѣтямъ. Теперь напечаталъ онъ, на первый разъ, *восемь разсказовъ* о событіяхъ XIV, XV, XVI и XVII-го столѣтія (одинъ изъ нихъ переведенъ на Русскій языкъ, въ *Сынѣ Отечества*, см. кн. 41-я). Хорошо перевести всю книгу Библіофила; но еще-бы лучше было составить такую книгу изъ Отечественной Исторіи. Намъ кажется, что подобная книга была-бы одною изъ полезнѣйшихъ для чтенія дѣтскаго и простонароднаго.

Digitized by Google

Пусть разсказы въ ней не будутъ ни *романы*, ни *повѣсти*. Еще болѣе: не представляйте въ видѣ такихъ разсказовъ выписокъ изъ Карамзина, или Историческихъ диссертацій. Нѣтъ! просто выбирайте отдѣльныя, живописныя событія. Прочитайте разсказы объ нихъ лѣтописцевъ, повѣрьте критически, соберите матеріялы, узнайте характеристику лицъ и мѣстъ, и потомъ *разсказывайте* намъ, какъ будто *сказку*. Вотъ, напримѣръ, какіе могутъ быть ваши разсказы:

I. *Святославъ*. Возьмите его войну на Дунаѣ. Характеръ и мѣстность Нордманновъ и Грековъ. Искусное введеніе повѣсти о поселеніи Нордманновъ въ Руси, Олегѣ, Игорѣ, Ольгѣ, Хазарахъ. Красокъ достанетъ.

II. *Владиміръ*. Принятіе Христіанской вѣры. Херсонъ, Кіевъ. Образованіе языческой Руси, богатыри; языческіе Скальды, христіанскіе гимны.

III. *Василько*. Съѣздъ Князей въ Любечѣ, и ослѣпленіе Василька. Богатая каршина Удѣловъ! Характеры Мономаха, Олега, Святополка. Половцы.

IV. *Андрей Боголюбскій*. Заговоръ Кучковичей; вводныя повѣсти о взятіи Кіева, о разбитіи Андреевыхъ дружинъ подъ Вышгородомъ и Новгородомъ.

V. *Мстиславъ Удалый*. Походъ его на Калку и разбитіе его Татарами. Характеръ, дѣла, смерть Мстислава.

VI. *Георгій Всеволодовичъ*. Умильная повѣсть о нашествіи Батыя и гибели Руси.

Digitized by Google

VII. *Куликовская битва.* Характеры Св. Сергія, Димитрія, Владимира. Литва, Ягайло, Олегъ Рязанскій.

VII. *Походъ подъ Казань.*

IX. *Андрей Курбскій.* Рыцари, Ливонія; характеръ Іоанна.

Двумя *первыми* разсказами обхватите вы начало Руси; тремя *слѣдующими* періодъ Удѣловъ; тремя *идущими потомъ* періодъ Татарскаго владычества; *девятый* раскроетъ характеръ Іоанна и бытъ Ливонскихъ Рыцарей. И изъ девяти такихъ разсказовъ вы можете составить книгу, которую и дѣти и народъ прочитаютъ не выпуская изъ рукъ, въ которой получатъ они живописное, увлекательное чтеніе, узнавая притомъ Исторію Отечества лучше, нежели узнали-бы ее изъ девяти томовъ самой прагматической Исторіи, которую читать имъ нѣкогда и скучно. Умѣйте только разсказать все это, и знайте, что не льзя хорошо исполнить этого при одномъ желаніи написать подобную, кажется, легкую книгу. Къ ней надобно приготовиться чтеніемъ систематическимъ, обширнымъ, познакомиться съ *духомъ* и *словомъ* Лѣтописей и памятниковъ, и, кромѣ всего этого, повторяемъ — умѣть разсказывать, и разсказывать *по Русски.*

Далѣе можно назначить еще слѣдующіе разсказы: *Святославъ Смоленскій — Дмитрій Шемяка — Елена Глинская — Князь Димитрій* (внукъ Іоанна III-го) — *Паденіе Новагорода.*

Эти пять разсказовъ дополнили-бы Исторію Руси до кончины Іоанна Грознаго. Притомъ можете раз-

Digitized by Google

сказать что нибудь объ удальствѣ Новгородскомъ, о пребываніи Генуэзцовъ въ Крыму, о Ташарахъ отдѣльно. Исторію до Михаила Романова могутъ представить намъ разсказы: *Вольдемаръ Датскій Принцъ* (начало царствованія Годунова) — *Димитрій Самозванецъ Тушинскій воръ — Мининъ и Пожарскій.* — Какія богатыя картины можно потомъ извлечь изъ Стрѣлецкаго бунта, Петра въ Заандзмѣ, Мазепы, Петра при рѣкѣ Прутѣ, Царевича Алексія, Меншикова, Натальи Долгорукой, Миниха! *Пожаръ Москвы* 1812-*года* могъ-бы заключить длинный рядъ всѣхъ разсказовъ, которые смѣло можно-бъ было назвать одною изъ драгоцѣннѣйшихъ книгъ, при настоящемъ состояніи нашей образованности.

Извиняемся передъ читателями, что начавши говорить о *Сказкахъ Якова Библіофила*, мы замечтались о томъ, что можно-бы сдѣлать подобнаго и у насъ на Руси. Виноваты! Позволимъ себѣ хотя помечтать о томъ, исполненія чего у насъ не отъ кого надѣяться! Русскихъ Литераторовъ мы знаемъ на перечетъ. Впрочемъ — будущее всегда обѣщаетъ болѣе настоящаго. И каменія могутъ возопіять!

Digitized by Google

ИСТОРИЧЕСКІЙ

и

Статистическій взглядъ на послѣднее десятилѣтіе Турціи.

(Продолженіе).

Кампанія 1828 года открылась вступленіемъ Россійскихъ войскъ (25 Апрѣля) въ Молдавію. Черезъ мѣсяцъ они были уже на берегахъ Дуная.

Порта обольщала себя тщетными надеждами приступая къ войнѣ съ Россіею. Она не измѣрила въ точности ни средствъ могущественнаго непріятеля, ни политики своихъ друзей, ни собственныхъ силъ своихъ. Султанъ-преобразователь дѣйствительно сдѣлалъ чудо, подвергнувъ Мусульманъ военной дисциплинѣ, и прямо, рѣшительно приступивъ къ преобразованію ихъ нравовъ и обычаевъ. У него были: 75 батальоновъ регулярной пѣхоты, военныя учрежденія на образецъ Европейскій, училище драгомановъ (переводчиковъ), различныя фабрики, типографіи, и начала гражданской администраціи, отдѣльно отъ властей воен-

Digitized by Google

ныхъ. Но все сіе было слѣдствіемъ единой его воли, которой противились вѣковые предразсудки, побѣждаемые также вѣками. Во время мира, онъ могъ-бы идти къ цѣли своей вѣрною стопою; но среди войны, которая долженствовала быть народною и религіозною, по смыслу самаго Гатти-Шерифа его, преобразованія лишь отнимали нравственную силу у народа, ни сколько не усиливая военныхъ средствъ. Истребленіе арміи, которою столько гордился Султанъ и которую Муфти прославлялъ въ особенной поэмѣ, могло имѣть слѣдствія самыя пагубныя, ибо, на кого, кромѣ ея, могъ надѣяться Султанъ, задушая фанатизмъ, истребляя суевѣрное одушевленіе и предразсудки, которые имѣли источникомъ своимъ Религію?

Немедленно по полученіи извѣстія о началѣ военныхъ дѣйствій, былъ собранъ Совѣтъ, гдѣ присутствовали Улемы и всѣ Министры. Они единодушно положили отражать силу силою и защищать до послѣдней крайности Имперію правовѣрныхъ и Исламизмъ. На другой день было объявлено о войнѣ, и въ тоже время издано къ народу воззваніе. Въ ономъ Султанъ увѣщавалъ всѣхъ истинныхъ Мусульманъ соединиться на защиту Религіи, великаго Падишаха, государства, и немедленно идти къ начальникамъ городскихъ отдѣленій для полученія оружія.

Извѣстіе сіе было принято народомъ довольно равнодушно, и, къ великому удивленію чужестранцевъ, общественное спокойствіе не нарушалось.

Digitized by Google

Между тѣмъ рѣшеніе Дивана стало извѣстно повсюду. Во всѣ концы Имперіи были разосланы повелѣнія о всеобщемъ возстаніи; сверхъ того было рѣшено заградить путь въ Черное море и вооружить всѣ военные корабли, находившіеся въ гаваняхъ. Одни изъ нихъ предназначались для защиты столицы, подъ начальствомъ Тагира-Паши, другіе для загражденія Босфора со стороны Буюкдере. Паши въ Европѣ и Азіи показали большую ревность. Старые Бен Малой Азіи посылали или приводили сами корабли, и войска, изъ коихъ особенно полезны казались Курды, какъ хорошіе защитники отъ внезапныхъ нападеній Русскихъ Казаковъ. Омеръ-Вріоне привелъ въ Шумлинскій лагерь значительный отрядъ Албанцевъ. Паша Виддинскій собралъ корпусъ, простиравшійся до 30 тысячь человѣкъ и назначенный для вторженія въ Валлахію.

Но не таково было одушевленіе общее. Партія, приверженная къ Янычарамъ, старалась разстроить усилія вѣрныхъ Пашей, и по многочисленности своей имѣла весьма сильное вліяніе. Нѣкоторыя области оказали явное неповиновеніе. Особенно замѣчательны были происшествія въ Сербіи и Босніи.

Сербія, пользовавшаяся особенными привиллегіями, казалась Турецкому Правительству опасною въ настоящихъ обстоятельствахъ, ибо въ жителяхъ ея не могло истребиться сочувствіе къ Рускимъ, близкимъ съ ними по происхожденію, по Религіи и даже по языку. Депутаты Сербскіе были удерживаемы въ Константинополѣ, какъ заложники вѣрности. Словомъ, не смотря на то, что Князь Ми-

Digitized by Google

лошъ поступалъ чрезвычайно осторожно и поддерживалъ довѣренность къ нему Турецкаго Правительства, оно не переставало подозрѣвать, что Сербы готовы при первомъ случаѣ предаться Русскимъ. Посему, еще до начатія войны, было приказано жителямъ выдать все оружіе Пашѣ Бѣлградскому, или поступить подъ его начальство. Князь Милошъ, почти безграничный повелитель всей страны, безпрерывно увѣрялъ въ своей покорности, однакожъ умѣлъ отклонить сіе приказаніе, не повиновался Пашѣ Бѣлградскому и удержалъ свою небольшую армію на военной ногѣ, отзываясь, что войска необходимы для защиты Сербскихъ подданныхъ.

Порта ожидала болѣе дѣйствительныхъ пособій отъ Босніи, гдѣ весьма многіе жители Мусульмане, и всѣ отличаются силою тѣлесною и духомъ воинственнымъ. Но партія Янычаровъ тамъ еще господствовала, и преобразованіе арміи почиталось вреднымъ посягательствомъ на Исламизмъ. Умы волновались, и даже во вновь образованномъ войскѣ замѣшаны были начала мятежа.

19 Іюня, Губернаторъ Абдураманъ-Паша получилъ изъ Константинополя фирманъ, коимъ повелѣвалось ему выступить, съ 40,000 человѣкъ вновь образованныхъ войскъ, къ Виддину, черезъ Сербію, и на Дрину, для наблюденія за Сербами. Онъ объявилъ, что фирманъ будетъ прочитанъ въ главной мечети, куда должны были явиться начальники войскъ, съ избранными изъ среды воиновъ депутатами; но корпусные начальники отвѣчали, что

Digitized by Google

фирманъ долженъ быть прочитанъ Моллою, въ лагерѣ, и что такимъ образомъ воля Султана будетъ извѣстна всѣмъ войскамъ. Въ тоже время они приглашали Губернатора присутствовать при сей церемоніи; онъ обѣщалъ; но справедливое подозрѣніе заставляло его оставаться въ Сараевѣ и послать вмѣсто себя одного Бимбаши (Полковника), который вмѣстѣ съ Моллою и прибылъ въ лагерь, находившійся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города.

Пушечные выстрѣлы извѣстили о появленіи сихъ сановниковъ, окруженныхъ стражами Губернатора. Надобно замѣтить, что Губернаторъ былъ мало извѣстенъ войску, и потому Бимбаши приняли вмѣсто его самого. Когда былъ прочтенъ фирманъ, войска изъявили ропотъ противъ Султана и противъ Губернатора, обвиняя сего послѣдняго въ измѣнѣ. Тотчасъ раздались ружейные выстрѣлы; несчастный Бимбаши и Молла были убиты, а новые мундиры, привезенные въ лагерь, разорваны и сожжены. Стражи Губернатора хотѣли усмирить мятежниковъ, но вскорѣ были принуждены уступить многочисленности. Весь лагерь пришелъ въ волненіе. Бросились къ дому Паши, котораго почитали убитымъ, но, извѣщенный во время, онъ удалился въ укрѣпленный замокъ Тузлагамъ, и съ вѣрными стражами защищался тамъ цѣлый день. Нѣсколько сотъ человѣкъ было убито съ обѣихъ сторонъ. Черезъ пять дней вступили въ переговоры, и вслѣдствіе оныхъ мятежники позволили Пашѣ выйдти со своими войсками, но взяли обѣщаніе, что мѣстопребываніемъ его будетъ по прежнему городъ

Digitized by Google

Травникъ, и что онъ будетъ управлять Босніею по старинным обычаямъ и привиллегіямъ. Вскорѣ требованія мятежниковъ увеличились: они заставили Пашу написать къ Султану, что самъ Губернаторъ Сараевскій нарушилъ привиллегіи народа, велѣлъ стрѣлять изъ пушекъ въ народъ, и требовалъ пятидесяти кошельковъ золота.... Могъ-ли не согласиться Паша? Онъ купилъ свободный выходъ клеветою на самого себя. Новыя попытки его привести Босняковъ въ повиновеніе кончились тѣмъ, что онъ былъ принужденъ, съ небольшимъ гарнизономъ и 12-ю пушками, запереться въ замкѣ Тузлѣ, ожидая рѣшенія Порты. Она прислала на его мѣсто прежняго Пашу Филиппопольскаго, который умѣлъ заставить признать свою власть; но *только* признать. Во всю кампанію 1828 года Порта не получила никакихъ пособій изъ Босніи, и съ трудомъ удерживала въ повиновеніи отряды Босняковъ, еще до войны находившіеся въ Дунайскихъ крѣпостяхъ.

Таково было первое значительное возстаніе противъ Султана, раздражившаго народъ своимъ *Европеизмомъ*. Здѣсь можно было видѣть признакъ будущихъ, гораздо важнѣйшихъ событій. Впрочемъ, всѣ великіе перевороты совершаются медленно. Въ 1828 году Судьба еще не отяготѣла надъ Османлисами, и даже дала имъ случай одушевиться нѣкоторымъ ложнымъ энтузіазмомъ.

По плану, принятому еще до открытія военныхъ дѣйствій, Молдавія и Валлахія были оставлены безъ войскъ, кромѣ значительныхъ гарнизоновъ въ

Digitized by Google

крѣпостяхъ, которыя были снабжены многочисленною артиллеріею, и множествомъ военныхъ и съѣстныхъ припасовъ. Крѣпости, находившіяся на правомъ берегу Дуная и по берегамъ Чернаго моря, были укрѣплены и снабжены еще болѣе. Сверхъ того, должны были собраться: при Шумлѣ армія въ 40,000 человѣкъ, при Адріанополѣ, для защиты Балкановъ 60,000 человѣкъ, и около Константинополя большая резервная армія. Войска, назначенныя къ Шумлѣ, дѣйствительно были собраны; но за то Адріанопольскій лагерь почти не существовалъ, а наличные резервы, находившіеся въ Константинополѣ, едва составляли 25,000 человѣкъ всякихъ войскъ. Правда, что изъ Азіи и ближайшихъ къ столицѣ областей, безпрерывно подходили новые отряды, и дѣятельность Султана въ обученіи и образованіи ихъ быстро пособляла недостающему числу войскъ; но за всѣмъ тѣмъ борьба не могла быть равною.

Успѣхи Россійскихъ войскъ оправдали сіи опасенія. Завоеванія ихъ были повсюдны и быстры. Всего болѣе замѣчательно то, что вновь образованные Султаномъ регулярные полки, такъ-же какъ и всѣ другія войска, ни въ одномъ сраженіи не могли выдержать столкновенія съ побѣдоноснымъ своимъ непріятелемъ. Они отступали на всѣхъ пунктахъ. Но гордость народная, и фанатизмъ, повелѣвающій ненавидѣть Христіанъ, были утѣшены и оживлены упорнымъ сопротивленіемъ гарнизоновъ, оставленныхъ въ Браиловѣ, Силистріи, и Варнѣ. Взятіе Русскими Браилова было представлено какъ побѣда, наблюденіе Силистріи, какъ от-

Digitized by Google

битый приступъ, и самое взятіе Варны какъ слабый поступокъ начальствовавшаго Юссуфа-Паши, а не войскъ, защищавшихъ оную. Въ самомъ дѣлѣ, во всѣхъ крѣпостяхъ своихъ, Турки защищались мужественно; довольно, казалось-бы, сей хвалы; но Правительство Турецкое имѣло другую цѣль, распространяя слухи о своихъ мнимыхъ побѣдахъ. Оно опять принуждено было искать своего спасенія не въ благородномъ мужествѣ патріотизма, но въ безумной ненависти къ Христіанамъ и въ упоеніи отъ ложныхъ извѣстій о побѣдахъ.

Паденіемъ Варны заключилась кампанія Рускихъ въ 1828 году, и къ зимѣ они возвратились для квартированія въ Валлахію и Молдавію.

Но Султанъ достигалъ своей цѣли. Толпы Мусульманъ являлись со всѣхъ сторонъ къ сборнымъ мѣстамъ. Болѣе шестидесяти тысячь человѣкъ записалось къ Хозреву-Пашѣ, и въ то время какъ изъ Румеліи шли тысячи, прибытіе новыхъ подкрѣпленій изъ Азіи не уменьшалось.

Султанъ твердо рѣшился употребить всѣ средства къ продолженію войны. Въ одномъ изъ совѣщаній съ Министрами, онъ изъявилъ свою волю въ слѣдующемъ Восточномъ изрѣченіи: «Снимемъ съ коня узду, и онъ самъ достигнетъ цѣли!» то есть: продолжимъ войну до послѣдней возможности. Слѣдствіемъ рѣшенія его былъ торжественный переѣздъ въ Рамисъ-Чифликъ, укрѣпленное мѣсто близъ Константинополя; туда-же былъ перенесенъ Санджакъ-Шерифъ. Тамъ готовилъ Султанъ средства къ вой-

Digitized by Google

нѣ, назначалъ военачальниковъ, училъ войска, и даже самъ хотѣлъ вести ихъ въ битву. При извѣстіи о взятіи Варны, гнѣвъ его выразился лишеніемъ Юссуфа-Паши всѣхъ достоинствъ и правъ. Сверхъ того, недавно сдѣланный Верховнымъ Визиремъ Мегмедъ-Селимъ, не оказавшій надлежащаго вспоможенія Омеру-Вріоне, былъ сосланъ въ Галлиполи, а шитло и власть его были отданы юному Кавудану-Пашѣ, отличившемуся столь превосходнымъ мужествомъ при защищеніи Варны, что Россійскій Императоръ, уважающій доблесть и въ непріятелѣ, повелѣлъ отпустить его изъ плѣна безъ всякихъ условій.

Между тѣмъ, хотя Посланники Франціи и Англіи, послѣ неуспѣшныхъ переговоровъ съ Портою о дѣлахъ Греціи, оставили Константинополь еще 8 Декабря 1827 года, сношенія продолжались черезъ посредство Нидерландскаго Посланника, Г-на Фанъ-Цинлена, и Австрійскаго Интернунція. По особенному соглашенію, заключенному Адмираломъ Кодрингтономъ съ Пашею Египетскимъ (6-го Августа 1828 года), войска Египетскія оставили Морею и были перевезены въ Египетъ. Почти въ тоже время высажена была на берегъ Морейскій дивизія Французскихъ войскъ. Раздраженный Султанъ, въ порывѣ гнѣва хотѣлъ прервать всѣ сношенія съ Союзными Державами, хотѣлъ объявить имъ войну, однакожъ вскорѣ успокоился и думалъ только о борьбѣ съ Россіею.

Въ началѣ 1829 года прибылъ въ Константинополь Г. А. Жоберъ, съ порученіями отъ Французскаго Правительства. Главнымъ предметомъ его

Digitized by Google

миссіи было, довести до свѣдѣнія Султана подписанный (16 Ноября 1828 года) Уполномоченными трехъ Союзныхъ Державъ протоколъ, коимъ онѣ объявляли, что принимаютъ подъ свое покровительство Морею и Цикладскіе острова, не назначая предварительно для сего новаго государства границъ, которыя должны быть опредѣлены съ согласія Оттоманской Порты. Вслѣдствіе сего предлагали Султану слѣдующія главныя условія: 1-е, признать существованіе Греческаго государства, 2-е, назначить перемиріе, въ продолженіе коего Посланники Союзныхъ Державъ могли-бы пріѣхать въ Константинополь, и, 3-е, вступить въ переговоры о независимости и границахъ Греціи. Рейсъ-Эффенди отвѣчалъ на сіи предложенія, что перемиріе существуетъ самымъ дѣломъ, ибо военныхъ дѣйствій нѣтъ, по крайней мѣрѣ на Цикладскихъ островахъ и въ Морећ; что Высокая Порта соглашается остановить дальнѣйшее отправленіе войскъ въ Грецію, и что ни мало не противится она возвращенію Посланниковъ. Отвѣтъ сей, гдѣ не было ни одного слова о независимости или существованіи Греціи, показывалъ, что Правительство Турецкое намѣрено вступить въ новые, безконечные и безплодные переговоры, которыми хочетъ оно выиграть время. Все должна была рѣшить война.

Съ большими надеждами приступилъ Махмутъ ко второй кампаніи. Неутомимый въ изысканіи пособій, онъ требовалъ отъ Паши Египетскаго 15-ти тысячъ регулярныхъ войскъ и нѣсколькихъ кораблей,

Digitized by Google

избѣгнувшихъ отъ истребленія Наваринскаго. Но искусный Паша умѣлъ замедлить отправленіе флота и войскъ до самаго окончанія кампаніи, отзываясь тѣмъ, что Россійскій Адмиралъ Гейденъ держитъ въ блокадѣ не только Александрію, но и Кандію, и берега Греціи, до самыхъ Дарданелль.

Надежды, которыя основывалъ Султанъ на искуствѣ и храбрости новаго Верховнаго Визиря, храбраго защитника Варны, были также не долговременны. По причинамъ, не вполнѣ извѣстнымъ, онъ былъ лишенъ своего достоинства и сосланъ въ Родосто. На мѣсто его назначилъ Султанъ знаменитаго Решидъ-Пашу, который былъ извѣщенъ низверженіемъ Али-Паши Янинскаго, взятіемъ Миссолонги, Акрополиса, и слѣдовательно испытанною храбростью, искуствомъ и отважностью. Въ это время онъ былъ занятъ усмиреніемъ Албаніи и наборомъ войскъ, для отсылки оныхъ въ западную Грецію и на Дунай. Благоразуміемъ и деньгами онъ снова привелъ въ покорность Албанцевъ, и, оставивъ управленіе Пашалыкомъ сыну своему, пріѣхалъ въ Константинополь. Принявъ личныя наставленія Султана, онъ прибылъ оттуда въ Шумлу, гдѣ присутствіе его было давно необходимо.

Извѣстны безсмертные подвиги Рускихъ въ кампанію 1829 года. Гдѣ ни являлись наши храбрыя войска, вездѣ падали передъ ними твердыни, считавшіяся неприступными. Всѣ приморскія крѣпости, до самой Инады, находящейся менѣе нежели во ста верстахъ отъ Константинополя, были взяты. Силистрія пала, и вскорѣ изумленный міръ увидѣлъ Русскаго орла за Балканами.

Digitized by Google

Но Султанъ оставался непреклоненъ, и не хотѣлъ принять ни мирныхъ предложеній Графа Дибича послѣ Кулевчинской битвы, ни посредничества по дѣламъ Греціи. 18 Іюня прибыли въ Константинополь Посланники Англіи и Франціи (Графъ Гильемино и Сиръ Р. Гордонъ), съ рѣшительнымъ объявленіемъ Лондонскаго протокола (отъ 22 Мая), коимъ опредѣлялись границы и политическія права Греціи. Въ это время Султанъ уже оставилъ Рамисъ-Чифликъ и находился въ Терапіи, куда было также перенесено и знамя Пророка. Въ ожиданіи принятія отъ Султана, Посланники вступили въ сношенія съ Рейсъ-Эффендіемъ, но переговоры опять кружились около извѣстныхъ пунктовъ, безъ всякаго успѣха. Черезъ нѣсколько дней были они приняты въ Буюкдере, въ лагерѣ Султана, съ большими почестями, особенно Англійскій Посланникъ, которому позволили идти въ сопровожденіи отряда Англійской пѣхоты, и оставаться, какъ самому, такъ и всей свитѣ его, при шпагахъ, даже въ присутствіи Падишаха. Всѣ сіи вѣжливости однакожъ не подвигали впередъ дѣлъ. Но когда было получено извѣстіе о взятіи Рускими Силистріи, о переходѣ черезъ Балканы, о занятіи всей Булгаріи, о паденіи Арзерума, о сраженіи подъ Сливно, послѣднемъ усиліи Турецкихъ войскъ, тогда языкъ Турецкихъ дипломатовъ перемѣнился. Прежде всего, Рейсъ-Эффенди оставилъ основаніе, которое до сихъ поръ защищалъ столь упорно. Онъ объявилъ, что Порта Оттоманская принимаетъ посредничество Союзныхъ Державъ, по силѣ договора, заключеннаго въ Лондонѣ 24 Іюня 1827 года, и что она

Digitized by Google

готова назначить Уполномоченныхъ, которые вмѣстѣ съ Уполномоченными Англіи и Франціи займутся соглашеніемъ по дѣламъ Греціи.

Этого было довольно для возстановленія мира съ одной стороны, но слишкомъ мало для отвращенія опасности, грозившей со стороны Россіи. Рейсъ-Эффенди, столь долго отвергавшій правило посредничества, теперь самъ приглашалъ Министровъ Англіи и Франціи вступить въ переговоры по дѣламъ съ Россіею, остановить побѣдоносное шествіе Русской арміи, исходатайствовать перемиріе, и наконецъ условія, не столь тяжелыя какъ тѣ, которыя уже предложены Графомъ Дибичемъ.

Между тѣмъ приготовленія къ защитѣ не прекращались; новый фирманъ повелѣвалъ всѣмъ жителямъ столицы взяться за оружіе. Султанъ снова перенесъ знамя Пророка изъ Терапіи въ Рамисъ-Чифликъ. Онъ приказывалъ Верховному Визирю спѣшить къ защитѣ Адріанополя... но печальныя извѣстія быстро слѣдовали одно за другимъ. Верховный Визирь былъ самъ осажденъ въ Шумлѣ; Албанцы и Босняки оставались на Верхнемъ Дунаѣ; Болгарскіе Христіане объявили себя прочивъ Оттоманскаго ига; войска Турецкія потеряли духъ; Адріанополь поднесъ ключи Россійскому Военачальнику и корабли Адмирала Грейга были уже въ виду Босфора. Едва осталось 15 или 18 тысячь воиновъ въ Султанскомъ лагерѣ, да столько-же для охраненія укрѣпленій Босферскихъ и столицы, гдѣ уже оказывались смуты и мятежность Янычаровъ. Пожары, обыкновенный признакъ народнаго неудо-

Digitized by Google

вольствія въ Константинополѣ, увеличивались, и жители, казалось, ждали Русскихъ, одни какъ мстителей, другіе какъ предѣла стѣсненному, жалкому положенію своему, которое хуже ига завоевателей.

Встревоженный вдругъ столькими бѣдствіями, опечаленный совѣтами вѣрнѣйшихъ наперсниковъ своихъ, побуждаемый представленіями чужеземныхъ Посланниковъ, послѣ многихъ совѣщаній Дивана, гдѣ, какъ говорятъ, мнѣнія были высказаны со всею свободой, упорный Султанъ рѣшился наконецъ послать своихъ Уполномоченныхъ въ Русскій лагерь.

Вскорѣ послѣ ихъ отъѣзда, Сераскиръ Хозревъ-Паша, Губернаторъ столицы, открылъ новый заговоръ Янычаровъ, имѣвшій цѣлію умертвить Султана, сына его, знатнѣйшихъ чиновниковъ, Членовъ Дивана, которыхъ почитали совѣтниками въ дѣлѣ мира, поборниками преобразованія, и всѣхъ Франковъ. Послѣ сего заговорщики хотѣли возбудить общую ревность и мужество правовѣрныхъ на защиту Исламизма. Этому заговору приписывали холодность, съ какою были принимаемы всѣ воззванія Султана, и раздраженный Повелитель рѣшился утопить гнѣвъ свой въ крови. Начальникъ Босфорскихъ укрѣпленій, Гассанъ-Ага, подозрѣваемый какъ главный виновникъ, многіе чиновники, начальники сословій, и отъ пяти до шести сотъ другихъ лицъ, были казнены. Тѣла ихъ были выставлены съ надписями; даже кофейни, гдѣ собирались заговорщики и распространяли неблагонріятные слухи, были срыты.

Digitized by Google

Между тѣмъ переговоры, начатые въ Главной Квартирѣ Русской арміи, продолжались. Турецкіе Уполномоченные долго медлили, особенно въ согласіи на денежное вознагражденіе; но, послѣ многихъ затрудненій, 2 Сентября былъ подписанъ славный для Россіи Адріанопольскій миръ.

Порта, въ силу сего трактата, не потеряла ни сколько земли въ Европѣ. Прутъ остался границею обоихъ Государствъ. Но участь Молдавіи, Валлахіи, Сербіи была обезпечена. Сверхъ того Россія предоставляла себѣ, вмѣстѣ съ Союзниками, договариваться о судьбѣ Греціи. Открытіе Дарданелль и Босфора для всѣхъ народовъ было важнымъ подвигомъ современной образованности. Пріобрѣтенія въ Азіи, незначительныя по пространству земли, доставляли Россіи двѣ чрезвычайно важныя крѣпости: Анапу и Поти. Но за всѣмъ тѣмъ, сіи выгоды, такъ-же какъ и денежныя вознагражденія, показывали всего болѣе великодушную умѣренность Россійскаго Монарха, Который среди побѣдъ и блеска помнитъ о благѣ всѣхъ народовъ.

Прискорбіе, съ коимъ Султанъ приступалъ къ заключенію сего мира, можно было видѣть въ его медленіи: онъ ратификовалъ Адріанопольскій трактатъ не прежде 12 Сентября. Однакожь немедленно велѣлъ онъ прекратить работы надъ укрѣпленіями, которыя были начаты вокругъ столицы по полученіи извѣстія о переходѣ Руских черезъ Балканы, и послалъ къ Верховному Визирю, находившемуся все еще въ Шумлѣ, и къ Мустафѣ Пашѣ, пришедшему съ 40 тысячами Албанцевъ въ Фи-

Digitized by Google

линополь, приказанія удержаться отъ всякихъ непріятельскихъ дѣйствій.

Касательно исполненія трактата, Султанъ сдѣлалъ все, чего можно было ожидать отъ его характера, его средствъ и положенія. Прежде всего онъ велѣлъ дать свободу Рускимъ, взятымъ въ плѣнъ какъ въ 1828-мъ такъ и въ 1829 годахъ. Они, въ числѣ не болѣе 2500, были частію въ заключеніи, частію на одномъ изъ Принцевыхъ острововъ; но съ ними обходились тамъ по обычаямъ образованныхъ народовъ. Передъ отъѣздомъ, ихъ снабдили всѣмъ необходимымъ, и они отправились на Австрійскихъ и Сардинскихъ корабляхъ въ Одессу. Турецкіе плѣнные, которыхъ было у Рускихъ около 50,000 человѣкъ, также вскорѣ возвратились къ Султану. Онъ велѣлъ выдать имъ денежныя награды и обѣщалъ увеличить жалованье, если они будутъ продолжать службу въ регулярныхъ полкахъ.

Борьба и вмѣстѣ съ нею грозная опасность миновались. Порта опять была въ мирѣ со всѣми Державами. Великодушный Николай и послѣ Своихъ побѣдъ поступилъ съ нею какъ благородный Союзникъ. Но Султанъ могъ видѣть въ самомъ спасеніи своемъ ненадежность тѣхъ средствъ, которыми льстился онъ укрѣпить дряхлѣющее тѣло Оттоманской Имперіи. Не всѣ побѣдители великодушны, не всѣ союзники основываютъ свои разсчеты на истинныхъ пользахъ народовъ. Безпокойна будущность повелителя, который не имѣетъ средствъ для собственной защиты, и только отъ умѣренности другихъ Государей долженъ ожидать своего спасенія!

Digitized by Google

Мы видѣли, какъ ничтожный мятежъ увлекъ Султана въ губительную междоусобную войну. Малый успѣхъ въ борьбѣ съ врагами безсильными, но твердыми въ своемъ намѣреніи свергнуть повелительство Порты, заставилъ его привести въ исполненіе давній планъ преобразованія войскъ. Но человѣчество вступилось за Грековъ, и сожженіе флота Турко-Египетскаго отняло у Султана одно изъ средствъ къ покоренію бывшихъ подданныхъ его. Онъ рѣшился испытать новыя силы свои въ борьбѣ съ Россіею. Послѣдствія доказали, что не образъ дѣйствія, а вѣковая образованность склоняетъ вѣсы побѣды. Испытывая свои новыя пособія, Султанъ въ тоже время хотѣлъ возбудить и фанатизмъ Мусульманъ; но уже было поздно. Мусульмане видѣли въ немъ своего притѣснителя, и на воззванія его отвѣчали неповиновеніемъ и мятежами. Видя разрушенными всѣ планы свои, онъ былъ принужденъ смириться передъ побѣдителями, и дать свободу Греціи, какъ дань образованности вѣка.

По заключеніи мира, Султанъ удалился въ свой Гаремъ, и нѣсколько времени былъ какъ-бы изумленъ, оглушенъ строгостью новыхъ условій и великостью бѣдствій, испытанныхъ имъ. Но онъ не переставалъ заниматься преобразованіемъ арміи, флота и даже управленія гражданскаго. Онъ призвалъ къ себѣ Верховнаго Визиря и Гуссейна-Пашу, которые занялись возстановленіемъ порядка, довѣренности и дисциплины. Онъ возвратилъ множество изгнанниковъ, и между прочимъ Армянъ Католиковъ, которымъ дозволилъ свободное отправленіе ихъ религіи. Онъ отослалъ назадъ Албанцевъ Мустафы

Digitized by Google

Паши, производившихъ насилія въ Румеліи, такъ-же какъ и всѣхъ Азіятцевъ. Онъ снова облекъ знатнѣйшія фамиліи Анатолійскія властью, которою пользовались онѣ прежде, и тѣмъ способствовалъ къ возстановленію спокойствія и усмиренію возмутившихся Сейбековъ, которые были во многихъ сшибкахъ разбиты соединенными силами Кара-Османа-Оглу, Элеза-Аги, и другихъ вассаловъ Порты.

Къ концу года, Султанъ опять жилъ по прежнему, показывался въ публикѣ и даже на балахъ Посланниковъ, къ великому соблазну старыхъ Мусульманъ; онъ надѣялся вскорѣ увеличить свою регулярную армію и возстановить флотъ, тѣмъ болѣе что наконецъ и Паша Египетскій прислалъ давно обѣщанные корабли. Они пришли въ Константинополь въ лучшемъ положеніи. Въ числѣ ихъ находились: 1 старый корабль о 80 пушкахъ, 6 фрегатовъ отъ 44 до 54 пушекъ, 7 корветтъ по 22 пушки, 2 брига по 20 пушекъ, и одна гоэлетта о 16 пушкахъ.

Казалось, гроза войны зашихла. Но уже приближалась иная туча, давно висѣвшая на другомъ краю горизонта Турецкой Имперіи. Паша Египетскій, доселѣ покорный вассалъ Султана, готовился сбросить лицемѣрную маску слуги и объявить себя истиннымъ защитникомъ Исламизма. Постепенное усиленіе сего опаснаго врага Порты и борьба его со своимъ повелителемъ, будутъ послѣдними очерками нашей картины.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

Digitized by Google

СМѢСЬ.

— *Отвѣтъ Г-ну Пельчинскому.* — Между шѣмъ какъ иностранные Журналы, издѣваясь надъ простяками, совѣтующими Россіи отказаться *изъ человѣколюбія* отъ торговой системы своей, доказываютъ что тарифъ нашъ, какъ финансовый законъ, служитъ косвеннымъ тѣмъ побудителемъ къ развитію мануфактурности нашей; между шѣмъ какъ большая часть потребителей (*) обширной Россіи и подвластныхъ ей провинцій пользуются успѣхами отечественнаго трудолюбія, избавляющаго ихъ отъ лишней дани иностранцамъ за такіе предметы, которые производятся нынѣ у насъ *добротою не хуже, а цѣною не дороже иностранныхъ*; между шѣмъ какъ произведенія Россійскихъ мануфактурныхъ издѣлій извѣстны, *не по запросамъ торговцевъ С.Петербургскаго Гостинаго двора или по покупкамъ въ магазинахъ Невскаго проспекта*, но по надлежащему ходу промышленности нашей.

(*) Я говорю о тѣхъ потребителяхъ, которымъ цѣны Россійскихъ мануфактурныхъ издѣлій извѣстны, *не по запросамъ торговцевъ С.Петербургскаго Гостинаго двора или по покупкамъ въ магазинахъ Невскаго проспекта*, но по надлежащему ходу промышленности нашей.

Digitized by Google

фактуръ состязаются, *относительно дешевизны*, въ нѣкоторыхъ предѣлахъ Азіи съ произведеніями Англійской и Французской промышленности — мы читаемъ, въ 77-мъ нумерѣ Коммерческой Газеты, статью вашу: *О понженіи цѣнъ на матеріялы и орудія фабричной производимости* съ 1825-го по 1832-й годъ, и о *долженствующемъ произойдти* отъ онаго вліяніи на цѣны мануфактурныхъ издѣлій.— Признаюсь, что я, при чтеніи сего заглавія статьи вашей, невольно припомнилъ себѣ одного Московскаго нувелиста, который разсказывалъ въ 1830 году обвѣшалую новость о Наваринскомъ сраженіи, и о *долженствующихъ произойдти* отъ сего выгодныхъ послѣдствіяхъ для Греціи; ибо и вы, М. Г., употребляете въ семъ заглавіи слова: *долженствующемъ произойдти*, вмѣсто: *происшедшемъ*. Но обратимся къ содержанію статьи вашей.

Основывая односторонніе сужденія свои на началахъ ошибочныхъ, вы сдѣлались, безъ всякой надобности, защитникомъ пользъ потребителей и доходовъ казны, и несправедливымъ обвинителемъ отечественныхъ фабрикантовъ, относительно несообразности будто-бы цѣнъ издѣлій съ цѣнами первыхъ и полуобработанныхъ матеріяловъ. Въ произвольныхъ выводахъ вашихъ мелькаетъ безусловная наклонность къ *Гускиссоновой системѣ*, которая, при нынѣшнемъ возникающемъ токмо процвѣтаніи промышленности нашей, была-бы столь-же пагубна для Россіи, сколько вредила-бы въ 1760-хъ годахъ самой Великобританіи, если-бъ тогдашнее Правп-

Digitized by Google

шельство сего Государства вздумало слѣдовать сей системѣ.

Не говоря уже о томъ, что сравнительное за 1825 и 1832 годы показаніе вами цѣнъ первыхъ матеріяловъ слишкомъ невѣрно, ибо за первый годъ отмѣчены цѣны самыя высокія, а за послѣдній самыя низкія (*); не говоря о томъ, что средняя и ординарная шерсть, питающая нашу суконную производимость, *вздорожала* въ послѣдніе два года до невѣроятности, именно по причинѣ усиленнаго вывоза оной и умноженія суконныхъ фабрикъ въ Россіи, вы сдѣлали еще большое упущеніе, умолчавъ о чрезвычайномъ съ 1825 года пониженіи цѣнъ на отечественныя и мануфактурныя издѣлія. Зная сіе, читатели Коммерческой Газеты удостовѣрились-бы что Русскіе фабриканты не суть *монополисты*, что они пользуются умѣреннымъ только процентомъ за капиталъ и труды свои, что главныя выгоды, происшекающія отъ охранительной торговой системы нашей, суть на сторонѣ потребителей, и что *внутреннее совмѣстничество*, усили-

---

(*) Напримѣръ: *шелкъ шамахинскій* отмѣченъ за 1832 годъ въ 270 рублей, тогда какъ оный съ трудомъ достается по 360 рублей монетою, или 330 ассигнаціями. *Органзинъ* отмѣченъ за 1825-й годъ въ 1500 рублей, между тѣмъ какъ цѣны сего матеріяла не превышали въ томъ году 1250 рублей, а шелкъ одинаковой денаріи продается и нынѣ не дешевле 1000 и 975 рублей за пудъ.

Digitized by Google

вающееся по мѣрѣ расширенія домашняго трудолюбія, предпочтительно *разрѣшенію привоза запрещенныхъ или сильными пошлинами обложенныхъ товаровъ*; каковая послѣдняя мѣра рекомендуется вами для соревнованія будто-бы нашихъ фабрикъ и удержанія отъ монополіи.

Аксіома ваша, что благоразумный фабрикантъ долженъ принять за правило, *что онъ производитъ для самаго опытнаго и просвѣщеннаго потребителя*, есть одна изъ тѣхъ теоретическихъ выходокъ, которыя, не взирая на благозвучіе свое, вездѣ признаны неудобоисполнимыми, и тѣмъ болѣе у насъ въ Россіи, гдѣ на каждую тысячу потребителей различныхъ націй, нравовъ и обычаевъ, едва-ли можно полагать *двухъ* одинакаго вкуса и одинаковой образованности. Фабриканты наши знаютъ по опыту, что тѣ издѣлія, которыя нравятся въ западныхъ губерніяхъ, отвергаются въ восточныхъ и сѣверныхъ. Жители дальней Сибири, Оренбургской линіи и многихъ другихъ провинцій обширнаго отечества нашего, хотя и могутъ различить хорошія издѣлія отъ посредственныхъ и низкихъ, но предпочитаютъ послѣднія по уваженію дешевизны, и смѣшно было-бы, если-бъ фабриканты наши, слѣдуя вашей аксіомѣ, хотѣли производить издѣлія *для однихъ токмо образованныхъ потребителей*. Вообще сожалѣть должно, что съ нѣкотораго времени люди, съ хорошимъ, можетъ быть, намѣреніемъ, берутъ на себя давать, *публично*, торговцамъ и промышленникамъ нашимъ наставленія и совѣты, не имѣя сами, какъ видно, ясныхъ понятій о предметахъ, о которыхъ разсуждаютъ.

Digitized by Google

Я согласаюсь съ вами, что распространеніе техническихъ познаній можетъ и должно имѣть благотворное вліяніе на успѣхи нашей мануфактурной промышленности, но не могу согласишься, чтобъ ткаціе машинами бумажныхъ и шелковыхъ издѣлій, то есть *самоткацкіе станы* (*), могли быть полезны для нашихъ фабрикантовъ. Капиталъ, потребный на устройство механическаго ткачества, слишкомъ значителенъ, и проценты, полагаемые, при тщательномъ разсчетѣ, на таковой капиталъ, едва-ли не превышаютъ тѣхъ расходовъ, которые падаютъ нынѣ на наши издѣлія при ручномъ ткачествѣ; ибо хотя вы и находите задѣльную плату нашу высокою, но фабриканты наши, зная дѣло сіе по опыту, а не по наслышкѣ, увѣрены въ противномъ. Доказательствомъ сего служитъ опытъ, сдѣланный иностранными самоткацкими станами на фабрикѣ Г-дъ братьевъ Рогожиныхъ. До сихъ поръ, ни сами Гг. Рогожины, ни другіе фабриканты, видѣвшіе у нихъ дѣйствіе сихъ становъ, не рѣшились завести оные, вѣроятно потому, что не находятъ выгоды въ механическомъ ткачествѣ. Сверхъ того, ручное ткачество имѣетъ у насъ еще то преимущество предъ механическимъ, что при первомъ застоѣ въ продажѣ издѣлій, фабрикантъ можетъ остановить производство безъ большаго для себя

(*) Я такъ понимаю мысль вашу, ибо Жакардовы снаряды хотя и суть машины, но производства на нихъ не льзя еще назвать механическимъ, ибо при каждомъ станѣ долженъ быть одинъ ткачъ.

Digitized by Google

убытка; между тѣмъ какъ остановка механическаго искусства сопряжена съ большею потерею, потому что капиталъ, употребленный на заведеніе такового искусства, долженъ всегда носить свои проценты. Обстоятельство сіе весьма важно, въ особенности если фабрикаты наши описаются Госкопсовой системы, которую мы превозносимъ.

Коммерціи Совѣтникъ Михайло Титовъ.

— *Изъясненіе картинки.* — Кто не пожалѣетъ, и вѣрно отъ чистаго сердца, объ этомъ бѣдномъ героѣ картины, съ которой читатель видитъ очеркъ? Путешественникъ проѣхалъ цѣлую ночь въ почтовой каретѣ, иззябъ, вѣроятно не ужиналъ вечеромъ, и такимъ образомъ полумертвый отъ голода и холода заказалъ себѣ въ гостинницѣ походный завтракъ. Только что началъ онъ обогрѣваться подлѣ трескучаго огонька и располагался хорошенько поѣсть, вспомнивъ слова Фальстафа: «Да для чего-же не поѣжиться мнѣ въ гостинницѣ?» только что успѣлъ онъ сдѣлать первое нападеніе на огромное блюдо, которое стоитъ передъ нимъ, какъ... вдругъ раздается призывный рожокъ проводника: знакъ, что лошади впряжены и карета готова ускакать и оставить нашего Эпикурейца. Съ другой стороны, хладнокровный слуга трактира подноситъ ему счетъ, гдѣ выставлено все, къ чему еще не успѣлъ онъ и притронуться, и за что однакожъ долженъ заплатить. Кусокъ остановился во рту несчастнаго путешественника, и лицо его

Digitized by Google

выразило всю досаду голоднаго, у котораго отымаютъ первое его блаженство — едва початой завтракъ. И еще надобно опять въ карету, на пряску, на голодъ и холодъ!

Читатели могутъ судить, каково художникъ изобразилъ этотъ комическій моментъ. Киддъ мастеръ своего дѣла — по крайней мѣрѣ такъ думаемъ мы. Съ его картины былъ снятъ эстампъ Босбеемъ.

— *Замѣчаніе.* — При измѣненіяхъ, какія потерпѣла во время печатанія статья: *О народныхъ мелодіяхъ* (въ 13 N° Московскаго Телеграфа), между прочимъ отъ нея *отпало* одно примѣчаніе, столь необходимое, что я почитаю долгомъ напечатать его здѣсь. Вотъ оно: «Основная мысль и многія подробности сей статьи взяты изъ сочиненія одного современнаго Французскаго Писателя.»

К. П.

Digitized by Google

Digitized by Google

КАМЕРЪ-ОБСКУРА.

№ 14.

МѢЛКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ,

ШАРЛАТАНСТВО И ДИКОВИНКИ МОСКОВСКІЯ.

(Продолженіе).

Крупное именно всегда скрыто, а *мѣлкое* всегда лѣзетъ въ глаза, и не даетъ вамъ прохода. Не такъ-ли вездѣ? Все великое надобно отыскивать: оно не любитъ навязываться на шею; оно движетъ массами, громадами изъ тишины уединенія; оно не терпитъ площаднаго шума, безсмысленнаго, щепетильнаго говора толпы; оно падаетъ на толпу, какъ снѣговая вершина Казбека, и заваливаетъ толпу въ своемъ паденіи. Такъ и въ *Городѣ*: надобно доискиваться той уединенной палатки, того мрачнаго анбара, изъ которыхъ грузъ цѣлаго корабля растягивается на станки полу-Россіи, въ видѣ нитокъ хлопчатой бумаги, или на сотняхъ лошадей заваливаетъ товаромъ рынки Малороссіи.

Digitized by Google

и Сибири. Но — не мѣсто размышленіямъ, когда мѣлкая промышленность бѣжитъ за нами, зоветъ насъ, тянетъ за полу. Вотъ: вся Ильинка, вся сторона рядовъ къ Лобному мѣсту, и Никольская, уставлены каретами, шѣлежками, дрожками — ихъ пригнала сюда мѣлкая промышленность. Посмотрите: стоитъ четверня лошадей, длиннобородый кучеръ торгуетъ пирожки, форрейторъ, въ кафтанѣ, обвязанномъ веревочками вокругъ ногъ, заѣдаетъ калачемъ скуку, дѣти глядятъ изъ кареты на обольстительную корзинку игрушекъ, а иногда и молоденькое личико дѣвушки, зѣвая, смотритъ сквозь окно кареты на лотокъ съ виноградомъ, пока лакей покупаетъ роговую гребенку своей женѣ у ходячаго торговца, а франтикъ, остановясь на тротуарѣ, выщерпливаетъ щолчки прохожихъ, и вертитъ палочкою, думая, что хорошенькое личико заглазѣлось на него. Что причиною всего этого зрѣлища? Мѣлочная промышленность! Потребность въ шесемкахъ, ленточкахъ, шпилькахъ, гаплькахъ, въ видѣ толстой барыни, пріѣхала въ ряды, вылѣзла изъ кареты, побранила лакея, заказала дѣпямъ оставаться въ каретѣ смирно, и сидитъ теперь въ лавкѣ, перебирая то, что показываетъ ей мѣлкая промышленность. Она предъявитъ ей потомъ игрушки для дѣтей, яблоки для дочки, табакерку для мужа, вязальныя иголки для служанокъ, кла-

Digitized by Google

няется ей, называетъ ее Превосходительною, завертываетъ покупку въ бумагу, проситъ пожаловать еще. — А эти зѣвающіе на Минина и Пожарскаго кучера, пока господа ихъ ходятъ по рядамъ? А эти хлѣбы, калачи, бублики, лепешки, сайки, подъ холстинными навѣсами, вокругъ Лобнаго мѣста? А эти лимоны, апельсины, яблоки, ягоды, куличи, крендели на головахъ разнощиковъ? Все это созвала, привела сюда, мѣлочная промышленность со всѣхъ концовъ Москвы. Она неистощима, изумительна! Видите-ли этого человѣка съ ящикомъ, и что вы думаете продаетъ онъ? Пробочные поплавки, для лампадокъ передъ образами! Онъ ходитъ цѣлый день и продаетъ, а между тѣмъ нѣсколько семействъ рѣжутъ для него пробки, гнутъ жесть, и готовятъ товаръ. Посмотрите еще на этого человѣка, въ вешхой фризовой шинели, подлѣ сапожной лавки. Онъ кличетъ, зоветъ, показываетъ сапоги, башмаки, калоши, распоряжается, продаетъ. Что онъ: хозяинъ, или прикащикъ? Нимало! Это *срывщикъ*. По утру, онъ приходитъ къ лавкѣ, молится Богу на Спасскія ворота, и начинаетъ дѣйствовать. Условіе такое: за все, что онъ продаетъ, цѣна извѣстная, и цѣну эту онъ отдаетъ хозяину лавки, а что онъ *приторгуетъ*, сверхъ цѣны — это его; лавка запирается вечеромъ; срывщикъ идетъ домой, сытый, иногда наве-

Digitized by Google

селѣ, и несешь въ карманѣ чѣмъ прокормишь завтра дѣтей и жену. А они что дѣлали? Можешь быть, они клеили картонныя коробки, въ которыхъ вы покупаете шляпы, чепчики, шляпки; или чесали хлопчатую бумагу, проклеивали ее, и дѣлали изъ нея *вату*; или промывали соръ, который позволяютъ имъ выметать съ фабрикъ, гдѣ дѣлаютъ шарфы, эполеты, гдѣ волочатъ золото, серебро. Перемывая, перечищая этотъ соръ, цѣлое семейство питается пылинками золота и серебра, въ немъ находимыми. Можетъ быть, они вертѣли чубуки, или красили сурикомъ, мѣдянкою и баканомъ картинки, которыя продаются пономъ тысячами дюжинъ по всей Россіи, и которыхъ мѣсто было прежде на Спасскомъ мосту, когда еще вокругъ Кремля тянулся глубокій ровъ, а Спасскій мостъ и Кремлевская стѣна были обставлены лавками.

Вѣдныя Русскія, простонародныя картинки! Вы, съ дѣтства знакомыя намъ, лубочныя *Райскія птицы*, изображенія *Похоронъ кота*, борьбы Савоськи съ Парамошкою, Страшнаго Суда, седьми грѣховъ смертныхъ, Масляницы, Семика — вы, исторіи *о женскихъ уловкахъ и непостоянныхъ документахъ, о носѣ и сильномъ морозѣ, о великомъ объѣдалѣ и славномъ подпивалѣ!* мнѣ жаль васъ! Вышесценныя съ Спасскаго моста, вы перешли было къ Казанскому Собору.

Digitized by Google

И отсюда васъ прогнали! Зайдемте въ Квасной рядъ — вотъ бѣдные ихъ остатки; но что это? Гдѣ-же мое *родное*, гдѣ Савоська, гдѣ кошъ, гдѣ Масляница? Я вижу какія-то каррикатуры на Французскіе эстампы; вотъ и надписи: Entellemens te saral, Rafell et Virhunie, Catles X, King of Enyland! Вотъ несносная Манильда, съ приторнымъ Малекъ-Аделемъ, похожіе на домовыхъ; вотъ вѣчная мучительница Кошшень съ своею Елисавепою L***, вотъ неизбѣжные Павелъ и Виргинія, которыхъ и по надписи не узнаете! Съ досадою спрашиваю *картинокъ лубочныхъ*, знакомыхъ мнѣ, какъ Русская пѣсня. «Вамъ вѣрно надобно *простовику*?» отвѣчаетъ мнѣ презрительно торгашъ.

Да, *простовику*, *простовику*, который замѣнилъ вы каррикатурою на Французское и Англійское гравированье, какъ вообще родное, грубое, но милое въ простотѣ, національное, мы замѣнили каррикатурою на Европейское! Торгашъ не понимаетъ меня. «Стыдно, сударь, мнѣ продавать здѣсь эту дрянь. Извольте спросить у Ильинскихъ воротъ.» Онъ разгнѣвался! Такъ разсердился на меня однажды сидѣлецъ табачнаго ряда, думая, что я насмѣхъ спрашиваю у него *Русской берестяной табакѣрки*, съ ремешкомъ въ крышкѣ. Онъ торгуетъ табакерками — лаковыми, съ безобразными, уродливыми пор-

Digitized by Google

шрешами, съ сценами изъ романовъ Сенъ-Пьера, Шашобріана, съ каррикашурами на Вернеша, съ баталіями, гдѣ всѣ Турки и Французы лежашъ побитые, и гдѣ подписано: *Знаминитая битъва при Бауцини — Взятіе крепости Варны.* Табакерки эши лаковыя, хошь спо́ишъ по 10 копѣекъ за шшуку, и въ мѣсяцъ вы не избавишесь ошъ вони эшого лака, и черезъ два мѣсяца шабакерка ваша развалишся! « Извольше спросишь гдѣ нибудь на рынкѣ, въ шабачной лавочкѣ; мы шакого шовара не держимъ; у насъ покупаюшъ господа! » Да, господа — и какъ-же имъ нюхашь что либо, кромѣ *букета любви, собранія любви, розе, віоле, парфетъ-амуръ*, шо есшь, шабаку, коширый воняешъ перечною мяшою и *ладикалономъ*, ошъ кошираго Фарина убѣжишъ зажавши носъ! Какъ держашь въ рукахъ шавлинку — надобно каррикашуру на Шошландскую, Французскую шабакерку!

Здѣсь опяшь можно-бы впасшь въ общія мѣсша о сходсшвѣ новаго нашего образованія, одинаковаго и въ лишшерашурѣ и въ шабакѣ, въ живоциси, архишекшурѣ, и въ презрѣніи къ *тавлинкѣ* и къ *простовику*... Но, не сшанемъ *дразнить гусей*... Слово: *простовикъ*, напомнило мнѣ другое. Міръ мѣлкой промышленносши имѣешъ свой особенный словарь, до сихъ поръ несобранный, свои манеры выражашься, до

Digitized by Google

сихъ поръ не записанные. У всякаго масшерства у всякаго ряда, у всякаго шовара есшь своя шехническая шерминологія. Подслушайше договоръ какого нибудь мучнаго шорговца, мясника, и вы узнаете ловко подобранное, шехническое описаніе ихъ шовара: «Солодъ свѣжій, чисшый рощеный, молошый, безъ примѣси; горохъ сухой, свѣжій, не гнилой, не червоядный, безъ запаха; крупа не запхлая, не солодѣлая; сухари доброшные, выпеченные, не подгорѣлые, безъ закала, хорошо выквашенные; мясо говяжье, свѣжее, бишое изъ живой, жирной скошины, безъ головъ, голяшекъ, зарѣзовъ и хвосшовъ, необрѣзное,» и проч. и проч.

Вошъ бѣжишъ дѣвочка въ лоскупьяхъ, въ оштцовскихъ сапогахъ, въ машериной шубѣ, купишь восьмушку сахару, на засыпку чаю. Отецъ и машь ея, шапочники въ Пѣвчей, выработали цѣлковый, разбогашѣли, чувствуюшъ необходимосшь роскоши; къ нимъ зашелъ кумъ, сшоляръ: онъ полдня сшоялъ подлѣ биржи, съ парою сшульевъ и сшоликомъ, кое-какъ сбишыми, на гвоздяхъ сдѣланными, и проданными на улицѣ, безъ лавки, безъ магазина, мимоходящему, можешъ бышь, сапожнику. Гдѣ досшашь чаю и сахару, на шу маленькую сумму, какая вручена дѣвочкѣ? А вошъ, по Ильинкѣ, между входами въ ряды и большими лавками, вездѣ вши-

Digitized by Google

снушы маленькія убѣжища мѣлкой промышленности: лавки, аршина въ два ширины, въ аршинъ длины, на самыхъ тычкахъ, и за ихъ прилавками разставлены чай, сахаръ, лаковые Китайскіе ящички, сдѣланные въ Москвѣ. Каждый проходящій носомъ ушкнется въ эти лавочки, и ловкій, оборотливый продавецъ не пропуститъ мимо себя мухи, не только человѣка. Вообразите, что въ такой лавкѣ всего товара на тысячу рублей, и что продавецъ самъ бываетъ сытъ, прокармливаетъ семью, держитъ мальчика — ловца проходящихъ, прекрасно одѣтъ, и купите у него что нибудь, онъ пошлетъ съ чайникомъ въ трактиръ за горячею водою, поподчиваетъ васъ чаемъ, и вы можете бесѣдовать съ нимъ о новостяхъ столицы, о политикѣ, смотрѣть на проходящихъ, и вкушать Китайскій нектаръ, какъ будто у богача. Прибавьте, что за паемъ такой лавки платятъ по 1000, по 2000 рублей въ годъ. Вотъ промышленность, возможная только въ Москвѣ! Она основана на лѣности человѣческой, потому, что покупатель всегда попадаетъ въ первое мѣсто, куда его приглашаютъ, и при безчисленномъ множествѣ маленькихъ продажъ, тысяча рублей вертится колесомъ, и въ годъ окупитъ двухъ-тысячную лавку, и всѣ расходы торговца. Не съ однимъ сахаромъ и чаемъ найдете въ городѣ такія лавочки, прилавки и

Digitized by Google

шкафики; ихъ множество съ галантереею, лентами, игрушками, стальными вещами, шелковыми, бумажными товарами. Ловкость, умѣнье торговцевъ — непостижимы! Тамбовская помѣщица, въ первый разъ съ роду, пріѣхала въ Москву, подходитъ къ лавочкѣ — ей кланяются, называютъ ее по имени, которое успѣли уже выспросить у Фалалея, слуги ея; она спрашиваетъ товару, котораго и не бывало въ лавочкѣ. Тотчасъ посылаютъ за нимъ въ запасную палатку, которая вовсе не существуетъ: товаръ возьмутъ у сосѣда, въ другомъ ряду, и продадутъ за свой, а съ сосѣдомъ послѣ сочтутся. Чутьемъ узнаютъ: любите-ли вы торговаться, умѣете-ли покупать, знаете-ли толкъ въ товарѣ; будутъ съ вами честны, тихи, болтливы, рѣшительны, медленны, смотря по вашей физіогноміи и характеру... И такъ существуетъ торгъ лавочекъ, прилавковъ, шкафиковъ, угловъ, корзинокъ, коробокъ, лотковъ, тысячами манеровъ, которые у человѣка съ бородкою одни, у человѣка во фракѣ другіе, у старика третьи, у молодаго четвертые.

Но, пора намъ изъ Города. Пойдемте къ Воскресенскимъ воротамъ. Видите-ли вы толпу народа у Присутственныхъ мѣстъ? Тутъ дѣятельное, разнообразное царство мѣлкой промышленности и торговли... Прошу не перетол-

Digitized by Google

ковывать словъ, не думаешь, что мы подразумѣваемъ здѣсь мѣлкій торжишко законами, кривизною и прямизною вѣсовъ правосудія—совсѣмъ нѣтъ! Мы совершенно увѣрены, что судьи у насъ вѣдаютъ, что подписываютъ, Секретари справедливо подбираютъ законы, а подьячіе хорошо знаютъ грамоту. Нѣтъ! мы говоримъ о промышленности-собственно. Вамъ надобны свидѣтели, разумѣется, по дѣлу правому? Вотъ стоитъ ихъ цѣлая дюжина, готовая подписать свои имена подъ чѣмъ угодно. Не смотрите, что они небриты, нестрижены, въ фризовыхъ шинеляхъ, въ изорванныхъ сапогахъ, не смотрите и на то, что они недорого продадутъ вамъ свои подписи. Все это правда; но, тѣмъ не менѣе, трое изъ нихъ Титулярные Совѣтники, два Коллежскихъ, два Губернскихъ Секретаря, и всѣ *благородные* люди, потому, что всѣ *съ оффиціею.* — Посмотрите, какъ жарко толкуетъ эта вытертая шинель, вотъ съ этимъ мѣщаниномъ: «Напишемъ — да, ужъ я тебѣ говорю, что ты правъ — вѣдь указъ 1772 года и 1801 года, ясно гласитъ...» вопіетъ хриплымъ голосомъ шинель, и говоря это, протягиваетъ руку, глядя на ближній трактиръ....

Мы пришли на перекрестокъ, гдѣ прежде бывали *Моисеевскія богадѣльни*, и гдѣ на лѣво, прямо, и сзади насъ, къ Александровскому са-

Digitized by Google

ду, и къ Университету, по обѣимъ сторонамъ, до Экзерциргауза, цѣлая куча рядовъ и лавокъ. Это *Неглинная*, на право знаменитый *Охотный рядъ*, извѣстный даже и въ Сибири, тѣмъ, что въ немъ все найдете и всегда, чего только душа и желудокъ пожелаетъ — артишоки и рѣпу, ананасы и пѣлушья гребешки, перепелокъ и рябчиковъ, салапъ и грибы, все — кромѣ птичьяго молока и свиныхъ рогъ. Но — тутъ дѣло самое обыкновенное. Любопытно походить по Охотному ряду въ Воскресенье: тогда со всей Москвы сводятъ и сносятъ сюда рѣдкихъ куницъ, голубей, кошекъ, мосекъ, пуделей, лягавыхъ, болонокъ, бѣлыхъ мышей; любопытно лѣтомъ взглянуть на свозъ грибовъ, и подивиться, кто съѣдаетъ ихъ; передъ Рождествомъ любопытенъ свозъ живности, которою заставлена бываетъ Дмитровка и Театральная площадь; любопытно и въ день Благовѣщенія зайдти тутъ въ птичьи лавки, гдѣ оглушатъ васъ тысячи клестовъ, синицъ, щегловъ, дроздовъ, канареекъ, и гдѣ въ этотъ день благочестивые люди приходятъ покупать и выпускать на волю птичекъ, по старому повѣрью, хотя они не знаютъ стиховъ Пушкина, и неумѣютъ сказать сами себѣ —

Блаженъ, коль одному творенью
Я могъ свободу даровать!

Digitized by Google

Любопытно всегда взглянуть тутъ на добрыхъ хозяекъ-Нѣмокъ, какъ онѣ, въ будничныхъ капотахъ, съ огромнымъ запасомъ кульковъ, идутъ, ѣдутъ, торгуютъ, покупаютъ. Любопытно еще на Масляницѣ зайдти къ *Воронѣ*, первому блинику въ Москвѣ, посмотрѣть на непроходимую толпу всѣхъ званій, посмотрѣть, какъ ловко вертятъ и звенятъ у него сковородками, и пекутъ тысячи блиновъ въ день... Но оборотимся на *Неглинную*.

Нигдѣ не найдете вы столь сильныхъ доказательствъ того, какъ Русскій умѣетъ дѣлать на скорую руку, на часъ да вскачь, съ девизомъ: *сойдетъ*, *живетъ*! Тутъ можете купить за 500 рублей рессорныя дрожки, прекрасныя, свѣтлыя, красивыя, и — истратить на нихъ 500 р. въ годъ на починку; тутъ купятъ у васъ старое, выгладятъ, и продадутъ за ново вамъ-же. Не угодно-ли вамъ зайдти въ кафтанныя и шубныя лавки, купить кафтанъ вашему кучеру? Въ первой покажутъ вамъ сперва самую дрянь, потомъ лучше, лучше; вы наконецъ выбрали, не спорговались, пошли въ другую. Прежняя исторія: дрянь, лучше, лучше, выбрали, просятъ дорого; идите въ третью. Здѣсь вы еще разъ выбрали, видите, что дешевле нигдѣ не берутъ, покупаете. Но знаете-ли, что вы купили тотъ самый кафтанъ, который смотрѣли въ

Digitized by Google

первой лавкѣ? Можно-ли! Какъ онъ сюда перелетѣлъ? Очень просто: въ верхнемъ этажѣ сдѣланъ сквозной ходъ, и кафтанъ переносили для васъ изъ первой во вторую, продали вамъ въ шрешьей, и перетащили-бы его въ десятую лавку; если-бы шли еще далѣе, безпрестанно показывая вамъ между шѣмъ подставную дрянь.

Не наскучили-ль вамъ блины и кафтаны, Вороны и Неглинныя, грязное, замаранное, царство мѣлкой промышленности? Пройдемъте на Кузнецкій мостъ — онъ недалеко. А! вотъ мы въ этой знаменитой области модъ!

Вотъ онъ, Кузнецкій мостъ, и вѣчные Французы!

Вотъ этотъ неистощимый источникъ насмѣшекъ, водевилей, куплетовъ, эпиграммъ, страшилище сценныхъ помѣщиковъ, предметъ мечтанія молодыхъ женъ и дѣвушекъ, причина вздоховъ мужей и опасенія отцовъ! Вотъ зеркальныя стекла, и въ нихъ блонды, чепчики, гродорьены, шемизетки, колерешки, плашочки, Французскіе романы, Парижскіе сюрпризы, Лондонскіе капризы! И все это унизано хрустальными стклянночками и зеркалами, уставлено коробочками, опшѣнено, раскрашено, вылакировано, вечеромъ освѣщено тысячью лампъ, блеститъ, играетъ

Digitized by Google

огнемъ на хрусталѣ, бронзѣ, мраморѣ, дрожитъ отъ стука каретъ и колясокъ... Русь исчезла —

Ни слова Русскаго, ни Русскаго лица!

Исчезли грязь, запачканная вешошь, бороды, поклоны рядовичей, блины. Здѣсь вы уже знакомитесь съ Европою; тутъ есть свои славы: видите-ли, какъ благородное потомство хранитъ память прежнихъ великихъ людей Кузнецкаго моста? Прочтите на вывѣскахъ: «Магазинъ, *бывшій* Гуа —Магазинъ, *бывшій* Мегронъ.» Вотъ и современныя славы: *Яръ*, гдѣ за завтракъ можете отдать цѣлый обозъ хлѣба, за обѣдомъ ѣсть черепаховый супъ и pâté de Périgord, и за пулярдку заплатить 25 рублей; вотъ геній салоповъ и манто — *Кашаевъ*; вотъ *О фидель берже*, съ ликерами, прямо изъ Парижа, и чудными конфектами, въ которыхъ сахаръ превращается въ виноградъ, персикъ, голову Хозревъ-Мирзы, вашъ собственный вензель, наполняется ликеромъ, и таетъ во рту, такъ, что вы не слышите его, и не завидуете амврозіи Омира...

Но, знаете-ли однакожъ, гдѣ вы? Только декорація перемѣнилась: вы по прежнему въ царствѣ мелкой промышленности! Да, она убрала для васъ всѣ эти лавки хрусталемъ и бронзою,

Digitized by Google

вылакировала двери, привезла вамъ Парижскихъ книгъ, сюрпризовъ, капризовъ, эстамповъ, духовъ, помадъ, цвѣтовъ, буръ-де-суа, гроденаплей, eau Romaine, miel d'Angleterre, порошковъ à la reine. Она бьется, мучится, тихонько перешаскиваетъ заморское, чтобы услужить вамъ чѣмъ нибудь не Русскимъ. Она задаетъ работу Русскому мужичку, запачканному цеховому, грязному мѣщанину, кладетъ потомъ на ихъ издѣлія печать вкуса, одобреніе моды, волшебныя прилагательныя: *Парижское*, *Лондонское*, *Итальянское*, чудное свойство изящества дороговизны, свойство калейдоскопа, въ которомъ кусочекъ крашенаго стекла троится, десятерится, и кажется яхонтомъ, изумрудомъ, рубиномъ...

Боюсь утомить васъ прогулкою по цѣлой Москвѣ. Пойдемте по бульварамъ, тихонько, весело. Теперь вы можете отъ Кузнецкаго моста до Екатерининскаго Института, отъ Пречистенки до Яузы, пройдти не замаравши ноги, по гладкой дорогѣ, между двумя рядами деревъ, хоть не *сѣнолиственныхъ*, но радующихъ зеленью.

Вотъ шутъ, на Трубѣ, прошивъ *изобрѣтателя бумажныхъ лампъ*, гдѣ народъ дивится крашеному Китайцу, зимой мѣлкая промышленность

Digitized by Google

сгоняетъ тысячи возовъ съ дровами; выше, онаже сводитъ въ кучу сотни возовъ съ сѣномъ. Бѣднякъ тащится десятки верстъ изъ окресностей Москвы, и везетъ вамъ крынку масла, возъ дровъ, мѣшокъ муки, крупы, дюжину шеляшъ, плетушку съ курицами, и потомъ стоитъ цѣлый день на дождѣ, на слякоти, на снѣгу, въ грязи, кланяется вамъ, проситъ купить, терпитъ вашу брань, ваши прихоти, и везетъ за вами свою продажу на край Москвы, хотя бѣдная кляча его едва тащится... Пожалуста, хоть не обочтите его въ сдачѣ, не заставьте его взять обрѣзнаго червонца....

Видно, что старики наши были меньше нашего заняты, или больше нашего прудолюбивы. Они хаживали за живностью въ *Курятный* рядъ, за тушами свинины на *Болото*. Люди спали щедушнѣе, лѣнивѣе, болѣе заняты, и — мелкая промышленность быстро разселилась на рынки, ближе къ каждому. Ихъ десятки въ Москвѣ, и на каждомъ почти *рынкѣ* найдете вы сокращеніе Охотнаго ряда, Города, Кузнецкаго моста, Болота и Трубы. На многихъ есть уже отдѣльныя лавки панскія, москопильныя, овощныя, рыбные, мясные, ряды, и проч. и проч. Но рынки имѣютъ свою физіогномію. Къ отличительнымъ чертамъ ихъ принадлежатъ лавки со всякою всячиною, и — *табачныя лавочки.*

Digitized by Google

Едва-ли найдете что нибудь столь разнообразное въ мірѣ, сколь разнообразна продажа табаку, этой проклятой травы, шертой и сушеной, для рота и для носа. Есть цѣлые ряды табачныхъ лавокъ въ *Городѣ*, гдѣ сыщете вы все, что только относится къ табаку, отъ янтарнаго мундштука и пѣнковой трубки, до кусочка пруту и продажи *амофорскаго* (т. е. Амерсфортскаго) табаку на 5 копѣекъ. Есть лавки табачныя Греческія, на вывѣскѣ которыхъ усатый Туркъ рѣжетъ табакъ, и гдѣ можете купить водяной кальянъ, черный Царяградскій табакъ и Турецкія туфли. Есть цѣлыя Депо фабрикъ Рижскихъ, Петербургскихъ, Гамбургскихъ вакштафовъ, канастеровъ. Есть Голландскія лавки, гдѣ продадутъ вамъ сигары, привезенныя прямо изъ Гаваны и Порто-о-Пренса; наконецъ на каждой почти улицѣ найдете вы по нѣскольку табачныхъ фабрикъ, гдѣ дѣлаютъ лучшій вакштафъ, Американскій Р. А., лучшій Турецкій, и — словомъ: какой прикажете, и по чемъ прикажете; найдете и табачныхъ мѣльниковъ, которые по цѣлымъ днямъ пруть въ горшкахъ простой табачекъ для простыхъ носовъ, не называя его ни Американскимъ, ни Голландскимъ. Примѣта такихъ мѣльниковъ запачканный *васистдасъ* въ окошкѣ, куда проходящій кидаетъ грошъ, и оттуда подаютъ ему маленькій бумажный свертючекъ, въ видѣ конуса — провизію для носа, на день, и на два. Улица не въ

Digitized by Google

улицу, если на ней нѣтъ *Продажи овощныхъ товаровъ*, а иногда съ прибавкою *рожу*, *виноградныхъ винъ и водокъ*, и руки съ карпами; *Ресторацiи*, съ самоваромъ, или рукою изъ облаковъ, держащею подносъ съ чашками; *Нѣмца хлѣбника*, съ золотымъ кренделемъ, иногда аршина въ два, на вывѣскѣ, и флегматическимъ лицомъ Нѣмки подлѣ расписдаса; продажи сбитня на углу, гдѣ въ пять ведеръ самоваръ кипитъ съ ранняго утра; цирюльни, съ изображенiемъ дамы, у которой кровь фонтаномъ бьетъ изъ руки, и гдѣ въ дверяхъ порчикъ завитая голова засаленнаго мальчишки-подмастерья; бочарни, гдѣ вѣчно гнутъ обручи и сколачиваютъ кадочки; *портерной лавочки* и *продажи пива и меду*, съ пивнымъ фонтаномъ изъ бутылки въ стаканъ на вывѣскѣ, бальзаминами на окошкахъ, шолспнымъ шоргашемъ у дверей; наконецъ нѣсколькихъ *табачныхъ лавочекъ*, то есть—какихъ нибудь шкафиковъ, уголковъ, окошекъ, гдѣ въ квадратномъ аршинѣ пространства помѣщается купецъ и товаръ его: нѣсколько чубуковъ, трубокъ, горшокъ съ перстнымъ табакомъ, нѣсколько картузовъ и картузиковъ съ лучшимъ Американскимъ, кнастеромъ, вакштафомъ (и каждый картузъ продадутъ вамъ за гривенникъ). Да, я люблю смотрѣть на эти лавочки, и всегда иду тише, когда иду мимо такой табачной лавочки...

(До слѣд. книжки).

Digitized by Google

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*)

Un coup-d'œil sur la nombreuse variété de manteaux qui se porteront cet hiver.

Les étoffes à carreaux imprimés noir sur vert ou noir sur violet, et qui datent des hivers passés. Ils sont simples, ordinaires même, sans être devenus par trop communs, et seront portés cette année encore, sans être déplacés.

Ceux de laine brochés, sont ordinaires, sans prétention. Les couleurs voyantes leur conviennent peu.

Les manteaux damasquinés, couleur sur couleur : nouveauté d'un goût simple et distingué.

Les cahemires fond noir, gros bleu, gros vert, ou marron, à dessins turcs. Des ramages en palmettes de couleurs vives ressortent brillantes sur ces fonds sombres. Le collet, tombant en pélerine, doit être doublé de soie cerise ou verte, ainsi que tout le corps du manteau ; le col rabattant, en velours de la couleur de la doublure.

Les étoffes damassées soie et laine, à dessins sans envers, peuvent être également simples ou très-parées, selon les nuances ; orange et marron, violet, écureuil ou dahlia, et vert-orange, sont les mieux choisis pour le matin ; les plus élégans sont, cerise et blanc, bleu et blan-gris et blanc, ou gris et vert.

Il faut désigner un satin broché qui est une vraie merveille de goût et de luxe élégant. A quelque pas, on est frappé d'un rose frais et doux : on découvre une légère guirlande de fleurs de mauve avec leurs tiges et leurs feuil-

(*) Въ Парижѣ до 20 Октября (н. ст.).

Digitized by Google

lages, brochées en soie blanche avec une délicatesse achevée : on croirait, à distance, que c'est une rose de blonde à dessous de couleur. Il est difficile d'en donner une idée par la description.

Aux premières représentations des Italiens, on remarquait beaucoup de robes de moire. Les plus habillées étaient *marguerite* ou *dahlia*. Quelques-unes, fond gris, étaient marbrées de plusieurs couleurs.

Les coiffures en cheveux ont un mélange de grecque et de Sévigné, les touffes se rapprochant des oreilles, et tombant à mi-joues. Pour les demi-toilettes, des nœuds de rubans placés de côté, contre la tête.

Avec une robe d'étoffe de couleurs pâles, montante, terminée par une ruche, on voyait beaucoup d'écharpes de gaze satinée blanche.

Les rubans de ceinture qui conviennent à toutes toilettes, à toutes les étoffes, sont moirés, à trois raies de satin, couleur sur couleur.

Nous rappelons, pour robes d'étoffe du matin, un petit revers de batiste fine, bordé d'un ourlet un peu large, et d'une petite Valencienne. Il se pose à l'intérieur et retourne sur le poignet en le couvrant.

Для плащей употребляютъ теперь слѣдующія шкани :

Съ выпечатанными квадратами, черными на зеленомъ, или черными на фіолетовомъ. Эти шкани просты, даже обыкновенны, однакожь зиму еще будутъ въ употребленіи.

Ткани шерстяныя, съ вышканными узорами; онѣ обыкновенны, просты ; яркіе цвѣта для нихъ не шакъ приличны.

Digitized by Google

Парижскія моды.

Плащи съ Дамасскимъ (золотистымъ) узоромъ, цвѣтъ на цвѣтъ; простая, но уважаемая новость.

Кашемировыя шкани, черная, темносиняя, темнозеленая или кашпановая съ Турецкими узорами. Пальмовыя вѣтви яркихъ красокъ блестяще выказываются на темныхъ грунтахъ. Висячій, пелериной воротникъ, долженъ быть, такъ-же какъ и весь плащъ, подбитъ шелковой матеріей цвѣта вишневаго или зеленаго. Откидной воротникъ бархатный, одного цвѣта съ подбоемъ.

Шелковыя и шерстяныя шкани, съ камчатными узорами безъ изнанки, равно могутъ быть просты и нарядны, смотря по цвѣту ихъ: оранжевый и кашпановый, фіолетовый, écureuil (бѣличій?), далія, и зелено-оранжевый всего лучше для утренняго наряда; самые модные цвѣта: вишневый и бѣлый, голубой и бѣлый, сѣрый и бѣлый, или сѣрый и зеленый.

Не льзя не замѣтить атласа съ шканьими узорами: это истинное чудо вкуса и модной роскоши. За нѣсколько шаговъ видите вы нѣжную, свѣжую розу, и разглядываете легкую гирланду цвѣтовъ проскурняка, съ ихъ вѣтками и листочками, вышканными бѣлымъ шелкомъ, съ удивительною нѣжностью. Въ нѣкоторомъ разстояніи, вы примете это за блондовую розу, наведенную красками снизу. Трудно дать объ этомъ понятіе словами.

На первыхъ представленіяхъ Итальянскаго Театра замѣтили много платьевъ изъ волнистой шкани. Самыя нарядныя были цвѣта *маргеритки* или *даліи*. Нѣкоторыя, на сѣромъ грунтѣ, были подъ мраморъ многихъ цвѣтовъ.

Digitized by Google

Прическа нынѣшняя — смѣсь Греческой и Севинье: локоны около ушей и упадаютъ до половины щеки. Для полунаряда употребляютъ банты изъ ленть.

На плашьяхъ съ высокимъ лифомъ, оканчивающихся рюшемъ, и сдѣланныхъ изъ шканей блѣдныхъ цвѣтовъ, замѣчены бѣлые шарфы изъ атласистаго газа.

Пояса, приличные для всякаго наряда и для всякой шкани, изъ волнистой ленты съ тремя атласными полосами, цвѣтъ на цвѣтъ.

Напоминаемъ, для утреннихъ платьевъ, о небольшихъ, изъ тонкаго батиста обшлагахъ, съ довольно широкимъ рубчикомъ и маленькимъ валансьеномъ. Они отгибаются на рукавъ, около кисти.

На приложенной картинкѣ:

Дама. Реденготъ изъ гро-де-шуръ, съ воротничкомъ. Шляпка изъ волнистой шкани.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный комитетъ *три* экземпляра. Москва, Октября 20 дня, 1832 года.

Цензоръ и Кавалеръ Н. Лазаревъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

Digitized by Google

ЦЫГАНЫ. Поэма А. Пушкина. М. 1827 г.; въ бум. 5 рубл. асс.

ЧЕРНЕЦЪ, Кіевская повѣсть. Соч. Ивана Козлова. СПб. 1827 г.; въ бум. 5 рубл. асс.

ШЕМЯКИНЪ СУДЪ, или послѣднее междоусобіе Удѣльныхъ Князей Русскихъ. Историческій романъ XV столѣтія. Соч. П. Свиньина. 4 части; съ четырьмя гравированными картинками. М. 1832 г.; въ бум. 15 рубл. асс., въ переплетѣ 18 р. асс.; за пересылку прилагается 2 рубл.

ЭДА, Финляндская повѣсть, и ПИРЫ, описательная Поэма, Евгенія Баратынскаго. СПб. 1826 г.; въ бум. 5 рубл. асс.

ЭЛЕГІИ И ДРУГІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ ДМИТРІЯ ГЛѢБОВА. М. 1827 г.; въ бум. 10 рубл. асс.

Digitized by Google

VI. Историческій и Статистическій взглядъ на послѣднее десятилѣтіе Турціи *(продолженіе)*..... 261.

VII. Смѣсь. *(Отвѣтъ Г-ну Пельтинскому—Изъясненіе картинки—Замѣчаніе)*..... 279.

Прибавленіе къ Московскому Телеграфу, № 14. *Камеръ-Обскура книгъ и людей.* Мѣлкая промышленность, шарлатанство и диковинки Московскія *(продолженіе)* — Парижскія моды.

При сей книжкѣ Телеграфа приложены: *Очеркъ съ картины Кидда* (Голодный путешественникъ), *изображеніе экрана-пюпитра* и *картинка Парижскихъ дамскихъ модъ.*

Московскій Телеграфъ будетъ продолжаемъ и въ 1833 году. Подробное объявленіе объ ономъ приложится къ одной изъ слѣдующихъ книжекъ.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

1832. № 15. АВГУСТЪ.

I. О системѣ наукъ, приличной дѣтскому возрасту (*новые отрывки*)..... 289.

II. Андрей Шенье. Повѣсть, разсказанная Чернымъ Докторомъ (*продолженіе*)..... 316.

III. Сочиненія Державина. 4 тома. СПб. 1831 года. Изданіе Смирдина. *Статья первая*.... 362.

IV. Новыя Русскія книги (*Замѣчанія на Некрологію Н. Н. Раевскаго, съ прибавленіемъ собственныхъ его Записокъ*. Сочиненіе Д. В. Давыдова — *Наполеонъ Бонапарте, или 30 лѣтъ изъ Исторіи Франціи*. Драма, соч. Александра Дюмаса. Переводъ А. Ш. — Die Tochter des Kaufmanns Scholobow. Переводъ съ Русскаго — *Опасности на морѣ, или приключенія несчастныхъ мореходцевъ*.)..... 399.

V. Новыя иностранныя книги (*Отрывки о Геологіи и Климатологіи Азійской*. Соч. А. Гумбольдта — *Записки и воспоминанія Графа Лавалетта* — *Воспоминанія о Мирабо и двухъ первыхъ Законодательныхъ Собраніяхъ*. Соч. Дюмона—*Нрав-*

Digitized by Google

Въ Конторѣ Московскаго Телеграфа, состоящей у Тверскихъ воротъ, напротивъ Страстнаго монастыря, въ домѣ Г-на Римскаго-Корсакова, подъ № 2-мъ, принимается подписка:

НА ПОВРЕМЕННЫЯ ИЗДАНІЯ:

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Полевымъ.

Сей Журналъ будетъ продолжаемъ и въ слѣдующемъ 1833-мъ году. Планъ его остается прежній, съ небольшими перемѣнами въ расположеніи статей. Статьи, касательно Теоріи, Практики и современнаго состоянія Наукъ, Искусствъ и Художествъ; Изящная Словесность: Стихотворенія, Повѣсти, отрывки изъ романовъ и Сказки, оригинальныя, и переводныя изъ новыхъ современныхъ писателей; Критика: разборы важнѣйшихъ отечественныхъ и иностранныхъ произведеній, особенно новѣйшихъ; Библіографія: *Русская*, извѣстія о вновь выходящихъ въ Россіи книгахъ, и *иностранная*, извѣстія о замѣчательнѣйшихъ новыхъ Французскихъ, Нѣмецкихъ, Англійскихъ книгахъ; Современная Исторія, Географія и Статистика; Московскій, Русскій и Французскій, Театръ; Сатирическія статьи о современныхъ нравахъ; Смѣсь: Анекдоты, Извѣстія, Замѣчанія, Переписка; Парижскія моды (съ картинками), и — *иногда* антикритическія и полемическія статьи, замѣчанія о Журналахъ, и проч. Таково будетъ содержаніе Телеграфа.

Digitized by Google

№ 15. Августъ.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

О СИСТЕМѢ НАУКЪ,

ПРИЛИЧНОЙ

ДѢТСКОМУ ВОЗРАСТУ.

(*Продолженіе*).

3). Наиполезнѣйшія науки *относительно человѣчества*. Ихъ опредѣлить не трудно, по аналогіи съ науками, нужными для отечества.

Человѣчество, развиваясь, измѣняется. Измѣненіе сіе обнаруживается *духомъ времени*. Духъ времени показываетъ силу, способности человѣчества; съ нимъ слѣдовательно и надобно соглашать выборъ наукъ.

И такъ въ систему ученія должны входить свѣдѣнія, *только согласныя съ духомъ времени*, а всѣ несогласныя съ нимъ должны быть исключены изъ нея.

Digitized by Google

4). Остается опредѣлишь наиполезнѣйшія науки *относительно ихъ самихъ*, или вспомогательныя. Но, въ семъ отношеніи нѣтъ наукъ наиполезнѣйшихъ; есть только, или необходимыя, или вовсе безполезныя. Онѣ необходимы, какъ скоро служатъ для пріобрѣтенія нужныхъ самостоятельныхъ свѣдѣній; онѣ вовсе безполезны, когда не служатъ для этого: потому что сами собою не составляютъ свѣдѣній самостоятельныхъ, которыя одни составляютъ *знаніе*.

Но какъ же согласишь это съ сказаннымъ прежде (на стр.), что и самыя самостоятельныя свѣдѣнія могутъ быть необходимою ступенью для другихъ, слѣдовательно могутъ быть вспомогательными? Очень просто: свѣдѣнія, въ этомъ случаѣ, не потому самостоятельны, что служатъ необходимою ступенью для другихъ, а по собственному существу ихъ; и сіи свѣдѣнія были бы совершенно безполезны, если бы вся польза ихъ заключалась только, и по понапрасну, въ свойствѣ быть вспомогательными. Геометрія напр. состоитъ изъ самостоятельныхъ свѣдѣній: но если бы кто нибудь захотѣлъ употребишь ее, какъ вспомогательную только науку для краснорѣчія; тотъ весьма бы ошибся въ своемъ разсчетѣ, и сдѣлалъ бы гораздо лучше, занявшись, вмѣсто гео-

Digitized by Google

ометріи, изученіемъ шѣхъ иностранныхъ языковъ, которые богаты образцами краснорѣчія. Другое дѣло, если бы онъ назначилъ геометрію вспомогательною наукою для физики; тогда она была бы ему полезна, не только сама по себѣ, но и какъ средство успѣть въ физикѣ.

Итакъ въ систему ученія должны входить свѣдѣнія, изъ числа *вспомогательныхъ, только необходимыя*, а всѣ безъ которыхъ можно обойдтись, должны быть исключены изъ нея.

Все ли сказано теперь о системѣ ученія вообще? Нѣтъ еще; мы не говорили еще о внѣшнихъ средствахъ учащагося. Не всѣ могутъ учиться всему, чему могли бы учиться. Не льзя сыну бѣднаго поселянина заниматься однѣми науками съ сыномъ богатаго вельможи, хотя бы внутреннія его средства, то есть способности, и позволяли это; не позволяютъ внѣшнія средства, то есть родъ жизни, богатство. Правда, съ увеличивающимся просвѣщеніемъ, внѣшнія средства образованія становятся, и будутъ становиться, доступнѣе для всякаго: однако всему есть предѣлъ; никогда рабочій классъ народа, уже и потому одному, что время его назначено для механической работы, не будетъ имѣть возможности научиться всему тому, что̀ открыто для высшихъ и среднихъ званій.

Digitized by Google

И такъ въ систему ученія должны входить свѣдѣнія, *только не превышающія наружныхъ средствъ учащагося*, а всѣ несообразныя съ сими средствами должны быть исключены изъ нея.

Теперь, кажется, мы разобрали всѣ стихіи, нужныя для составленія надлежащей системы ученія. Соберемъ всѣ сіи стихіи вмѣстѣ, и составимъ ихъ въ одно цѣлое.

Въ систему ученія должны входить свѣдѣнія:

Только совмѣстныя съ организаціею учащагося, —

Только совмѣстныя съ возможнымъ пожертвованіемъ времени учащагося, —

Только наиполезнѣйшія.
- Только отвѣчающія способностямъ учащагося, —
- Только соотвѣтственныя состоянію его отечества, —
- Только согласныя съ духомъ его времени, —
- Только необходимыя, изъ числа вспомогательныхъ, —

Только не превышающія наружныхъ средствъ учащагося.

Сократимъ всѣ сіи стихіи въ одну простѣйшую формулу.

Digitized by Google

Система ученія должна заключать въ себѣ всѣ тѣ, съ необходимыми вспомогательными, свѣдѣнія, которыя соотвѣтствуютъ внѣшнимъ, и внутреннимъ, средствамъ учащагося, состоянію его отечества, и духу времени.

Сія формула заключаетъ въ себѣ синѳетически все, что разобрано было аналитически въ предыдущихъ параграфахъ. Она, мы думаемъ, рѣшаетъ тотъ важный вопросъ о системѣ ученія, который требуетъ *полноты свѣдѣній безъ излишества.*

Теперь оставимъ область умозрѣнія, гдѣ пребываютъ истины общія, безусловныя, такъ сказать, неподвижныя; и перейдемъ къ приложеніямъ, гдѣ дѣйствуютъ истины частныя, условныя, подвижныя. Читатель, вѣрно, не ожидаетъ отъ насъ всѣхъ приложеній системы ученія: ибо приложенія могутъ быть безчисленны; всякій особенный человѣкъ требуетъ для себя особеннаго приложенія. Можно, и должно, слѣдовательно ограничиться только главными изъ нихъ, т. е. самыми общими.

Всѣ разницы ученія можно вывести изъ двухъ главныхъ родовъ обстоятельствъ: 1) изъ *внѣшнихъ* или, говоря языкомъ нѣмецкой философіи, *объективныхъ*, и 2) изъ *внутреннихъ*

Digitized by Google

или *субъективныхъ* средствъ учащагося. Изъ сказаннаго прежде уже видно, что ко внѣшнимъ или объективнымъ средствамъ принадлежатъ тѣ, которыя находятся внѣ человѣка, напр. его форшуна; а къ внутреннимъ или субъективнымъ — тѣ, которыя находятся въ немъ самомъ, т. е. тѣлесныя и душевныя его способности.

Очевидно, что, по различію внѣшнихъ средствъ учащагося, ученіе его можетъ быть различно; можетъ быть обширно при обширныхъ средствахъ, скудно при скудныхъ. Предположимъ самыя обширныя, такъ какъ это предполагается въ гимназіяхъ и пансіонахъ. Вообще всѣ учебныя заведенія, какъ публичныя, такъ и частныя, исключая спеціальныхъ, опредѣленныхъ въ пользу однихъ какихъ нибудь искусствъ или ремеслъ, имѣютъ цѣлью достигнуть до того maximum просвѣщенія, которое совмѣстно со всѣми возможными внѣшними средствами. Итакъ мы ограничимся здѣсь однимъ только изъ всѣхъ приложеній, основанныхъ на внѣшнихъ средствахъ учащагося, именно тѣмъ, которое предполагаетъ *всѣ* нужныя внѣшнія пособія.

Относительно внутреннихъ или субъективныхъ средствъ, могутъ быть только три глав-

Digitized by Google

ныя приложенія системы ученія, по трем возрастам человѣка, имѣющим наибольшее отношеніе къ умственному воспитанію. Мы разумѣем здѣсь приложеніе системы ученія къ дѣтскому (куда включаем и отроческій), юношескому и зрѣлому возрасту. Согласно съ сими трема періодами жизни человѣческой, ученіе можетъ раздѣлиться на *первоначальное, среднее* и *высшее*. Сіе раздѣленіе не произвольно; оно основано на великомъ различіи тѣлесныхъ и душевныхъ силъ, обнаруживающихся въ названные теперь три возраста. Не упоминаемъ о старческомъ возрастѣ, который есть продолженіе или, справедливѣе, постепенное исчезаніе зрѣлаго.

Изъ сихъ трехъ главныхъ приложеній ученія, основанныхъ на внутреннихъ средствахъ учащагося, мы ограничимся только первымъ, то есть соотвѣтственнымъ дѣтскому возрасту. Находимъ нужнымъ, однако, сказать нѣсколько словъ о среднемъ и высшемъ умственномъ воспитаніи: потому что первоначальное должно служить приготовленіемъ къ нимъ; и слѣдовательно надобно имѣть объ нихъ по крайней мѣрѣ общее понятіе.

Природа такъ устроила человѣка, что въ дѣтствѣ своемъ онъ имѣетъ необходимость въ

Digitized by Google

руководствѣ другихъ, въ юношествѣ дѣйствуетъ уже больше самъ собою, въ зрѣлости можетъ другихъ руководствовать; для того она одарила, какъ физіологія показываетъ, дѣтство преимущественно памятью, юношество — разумомъ и страстями, зрѣлость — разсудкомъ и характеромъ.

Основываясь на семъ, можно доказать, что среднее умственное воспитаніе, отвѣчающее юношескому возрасту, должно заключать въ себѣ наибольшую всеобщность, разнообразіе, энциклопедизмъ свѣдѣній; а высшее, отвѣчающее зрѣлому возрасту, — наибольшую частность, однообразіе, монопедизмъ ихъ. Въ среднемъ воспитаніи должно приготовиться ко всему; въ высшемъ — стремиться къ одной какой нибудь опредѣленной цѣли. Чтобы приготовиться ко всему, надобно обо всемъ получить понятіе; чтобъ стремиться къ одной какой нибудь опредѣленной цѣли, должно сосредоточить въ одинъ пунктъ все разнообразіе свѣдѣній.

Энциклопедія средняго воспитанія не есть энциклопедія глубокая: энциклопедіи глубокой и быть не можетъ; это противно ея свойству. Монопедія требуетъ глубины. Поэтому докторство (званіе, показывающее наибольшіе успѣхи въ какихъ нибудь наукахъ), болѣе или

Digitized by Google

менѣе энциклопедическое, такъ какъ оно теперь вездѣ существуетъ, не отвѣчаетъ своему назначенію; докторство, по существу своему, должно быть монопедическое. Въ каждой наукѣ можно успѣть до степени доктора, и быть напр. докторомъ физики, политической экономіи, ботаники, латинизма, и т. д. Требуя, для докторства, разнообразія наукъ, можно отказать въ этой степени какому нибудь *Линне*, или *Лапласу*, или *Ньютону* и дать ее какому нибудь А, Б, В, Г, и т. д.

Итакъ монопедизмъ для высшаго ученія, энциклопедизмъ — для средняго. Кончившій среднее ученіе избираетъ родъ жизни, поступая или въ гражданскую, или въ военную, или въ духовную, или въ ученую службу отечеству; будучи приготовленъ ко всему, онъ предается одному чему нибудь исключительно, устремляя всѣ свои свѣдѣнія на избранный имъ предметъ. Высшее ученіе собственно назначено только для тѣхъ, которые посвящаютъ себя ученой жизни. Въ Университетахъ нѣтъ высшаго ученія; оно только въ кабинетѣ, или въ Академіи. Не посвящающій себя ученой жизни, останавливается на среднемъ; и родъ службы отечеству составляетъ для него тотъ центръ, куда должна быть обращена вся сила его по-

Digitized by Google

знаній: служба государственная по этому, какого бы рода она ни была, становится также родомъ монопедизма или высшаго ученія; другими словами, высшее ученіе есть служба государству.

Но всякой монопедіи должна предшествовать, какъ необходимое приготовленіе, возможная энциклопедія, т. е. среднее умственное воспитаніе. Среднему умственному воспитанію должно предшествовать, какъ необходимое приготовленіе, первоначальное ученіе, главный предметъ непереписнаго нашего разысканія, къ которому и обращаемся.

Приведемъ на память ту формулу *системы ученія*, которой основательность выведена была нами a priori. Сія формула слѣдующая:

Система ученія должна заключать въ себѣ всѣ тѣ, съ необходимыми вспомогательными, свѣдѣнія, которыя соотвѣтствуютъ внѣшнимъ, и внутреннимъ, средствамъ учащагося, состоянію его отечества, и духу времени.

Исключимъ изъ сей формулы положеніе, относящееся до *внѣшнихъ* средствъ учащагося, (потому что мы не ограничиваемся здѣсь симъ условіемъ, предполагая для учащагося *всѣ* нужныя внѣшнія пособія), и превратимъ все

Digitized by Google

остальное въ рядъ условій; мы получимъ слѣдующее:

Система ученія, въ дѣтскомъ возрастѣ, требуетъ:

I. Что бы преподаваемыя дѣтямъ свѣдѣнія не переходили за границы ихъ понятія;

II. Что бы сіи свѣдѣнія можно было сообщать дѣтямъ съ наивозможно ранняго ихъ возраста;

III. Что бы они, развивая умственныя способности дѣтей, способствовали, сколько можно, къ развитію и тѣлесныхъ силъ ихъ.

IV. Что бы образовывали соотвѣтственно нынѣшнему духу времени.

V. Что бы служили, сколько можно болѣе, къ тому, чего требуетъ настоящее и предвидимое положеніе отечества.

VI. Чтобъ составляли необходимое приготовленіе къ дальнѣйшимъ свѣдѣніямъ.

Читатель видитъ, что всѣ сіи условія суть не что иное, какъ разложенная формула системы ученія, ни болѣе ни менѣе какъ сія формула, за исключеніемъ одного только положенія ея о *внѣшнихъ средствахъ* учащагося: первыя три

Digitized by Google

условія отвѣчаютъ *внутреннимъ средствамъ учащагося* (*); четвертое условіе отвѣчаетъ *духу времени*; пятое — *состоянію отечества*; шестое наконецъ — выбору *вспомогательныхъ* наукъ.

Посмотримъ, удовлетворяетъ ли принятая нынѣ система дѣтскаго ученія симъ условіямъ. Если она не удовлетворяетъ имъ: то мы въ правѣ заключить, что она не хороша, и требуетъ перемѣны; ибо сіи условія, какъ показано, думаемъ, основательно, необходимы для надлежащей системы ученія.

(*) Замѣтимъ, что въ выраженіи: *свѣдѣнія, соотвѣтствующія внутреннимъ средствамъ учащагося*, заключены три, выше сдѣланные нами, вывода:

Свѣдѣнія, только совмѣстныя съ организаціею учащагося, —

Только совмѣстныя съ возможнымъ пожертвованіемъ времени учащагося, —

Только отвѣчающія способностямъ учащагося.

Digitized by Google

Четвертый отрывокъ.

Не желая оскорбить родителей и родительницъ, признаёмся, что лепетаніе наизусть басенъ ихъ малютками казалось намъ всегда смѣшнымъ. Но мы не того мнѣнія, чтобъ басни не годились вовсе для дѣтей; напротивъ, полагаемъ, что онѣ весьма полезны имъ. Только полезны не для того, чтобъ учить ихъ наизусть, или учиться изъ нихъ нравственной философіи; а для того, что онѣ согласны съ состояніемъ, и требованіемъ, дѣтскаго воображенія. Чтобъ душа младенца скорѣе развивалась, природа побуждаетъ его упражнять свое воображеніе. Воображеніе, не повѣряемое еще строгимъ разсудкомъ, переступаетъ безпрестанно, въ своихъ представленіяхъ, за границы возможности. Отсюда младенецъ созидаетъ около себя совершенно фантастическій міръ, и любитъ жить въ такомъ мірѣ. Чего ни коснется рука его, все это теряетъ передъ нимъ настоящее свое значеніе, и превращается, силою его воображенія, во что нибудь недѣйствительное. Когда дитя занимается игрушками, тогда думаетъ вовсе о другомъ, нежели что такое въ самой вещи эти игрушки. Игрушки для дѣтскаго возраста важное зна-

Digitized by Google

шіе: ибо онѣ упражняютъ и развиваютъ умственныя способности ребенка; посредствомъ ихъ воспитывается его фантазія, и ростетъ умъ; такъ какъ посредствомъ прыганья, скаканья и другихъ, по видимому, безразсудныхъ движеній развиваются тѣлесныя его силы. Замѣчаемъ это здѣсь съ тѣмъ намѣреніемъ, что бы показать родителямъ и воспитателямъ, какъ неблагоразумно препятствовать дѣтской рѣзвости и забавамъ. Не дѣти дѣлаютъ глупость, когда рѣзвятся и забавляются, а тѣ, которые запрещаютъ имъ это дѣлать. Вообще, воспитателямъ дѣтей предлагаемъ правило: считать важнымъ все то, къ чему дѣти расположены отъ природы, какъ бы сіи расположенія ни казались незначительными или вздорными.

Итакъ игрушки суть средства просвѣщенія въ дѣтскомъ возрастѣ. Но чтобъ онѣ были въ полной мѣрѣ полезны, не должно давать ихъ готовыя дѣтямъ; надобно, чтобъ сами дѣти приготовляли ихъ себѣ: игрушки, сдѣланныя другими, теряютъ большую часть своей пользы; ибо лишаютъ младенца случаевъ, и побужденія, изощрять свою изобрѣтательность. Почему дѣти бѣдныхъ родителей вообще догадливѣе насчетъ удовлетворенія нуждъ и желаній своихъ, нежели дѣти богатыхъ родителей?

Digitized by Google

Потому наиболѣе, что богатыя дѣти обременены покупными игрушками, а бѣдныя дѣти сами достаютъ, или работаютъ ихъ. Отъ басенъ мы перешли къ игрушкамъ потому, что назначеніе шѣхъ и другихъ должно быть почти одинаково. Мысли голыя, не облеченныя чувственными образами, не имѣютъ долго доступа къ уму младенческому, такъ какъ и къ уму младенчествующихъ народовъ. Между шѣмъ дитя чувствуетъ надобность упражнять свой разумъ, въ которомъ память и воображеніе не сравненно сильнѣе разсудка. Вотъ отчего пріятны для него басни и сказочки. Итакъ читайте ему, или давайте читать, сіи басни и сказочки: но не заставляйте его учить ихъ наизусть; не требуйте особенно, что бы оно постигало нравоученіе басенъ. Басни могутъ развивать умъ, но такъ какъ химерическія созданія, а не логическія или нравственныя сочиненія. Если вы имѣете намѣреніе укрѣплять память дѣтей, то этого достигнете, еще съ большею пользою, другими предметами, о которыхъ будемъ говорить ниже.

Digitized by Google

Пятый отрывокъ.

Есть книга *О воспитаніи*, имѣвшая нѣкогда большую славу въ Англіи, сочиненная *Ноксомъ*, членомъ Кембридгскаго университета, въ которой все почти училищное воспитаніе ограничивается изученіемъ латинскаго и греческаго языковъ. Чтобы показать читателю духъ классическаго ученья, выпишемъ здѣсь, изъ сей книги, нѣсколько правилъ и наставленій Автора. Они такъ несогласны съ требованіями нынѣшняго времени, что могутъ показаться какъ бы сатирою на старинную систему умственнаго образованія; и однако Сочинитель конечно не думалъ писать на нее сатиры.

Сочинитель, охуждая слишкомъ продолжительное занятіе исключительно одними только правилами грамматическими, и совѣтуя приступать, какъ можно ранѣе, къ легкимъ переводамъ съ латинскаго, замѣчаетъ (*): « Одна-

(*) Мы пользуемся теперь французскимъ переводомъ: De l'éducation par *Knox*, membre de l'Université de Cambridge. Chef de l'école de Tumbridge; trad. de l'Anglais, sur la huitième édition. Paris, 1791. in-8.

Digitized by Google

« ко, грамматикою пренебрегать не должно, и « не надобно откладывать ея изученія. Если не « заложить заранѣе фундамента глубоко, то ни- « когда онъ не будетъ имѣть довольно твердо- « сти, чтобъ поддерживать великое зданіе. Вы- « ражаюсь яснѣе: пусть дѣти ежедневно учатся « граммашикѣ (*) [т. е. латинской] (pag. 30).» Надобно еще здѣсь замѣтить, что въ Англіи было обыкновеніе (не знаю, продолжается ли оно теперь) учить дѣтей по такимъ граммашикамъ, которыя по латыни же и написаны. Сочинитель нашъ очень одобряетъ эту методу. « Стародавнее употребленіе (оно у него вездѣ « изъ первыхъ аргументовъ), всеобщность, бла- « горазуміе и успѣшность методы, учиться « грамматическимъ правиламъ по латыни, вѣрно « сохранятся безъ измѣненія, не смотря на на- « паденія тѣхъ, у которыхъ понятія основаны « на пустой только теоріи (pag. 31).» . . . . . « Если грамматика [т. е. латинская] « не будетъ въ точности выучена, то молодой « человѣкъ окажется столько же не точнымъ во « всѣхъ другихъ своихъ наукахъ; и успѣхи его « останутся несовершенными, поверхностны-

(*) Вотъ какъ сказано во французскомъ переводѣ: Que tous les jours, à toute heure, les enfans étudient la grammaire.

Digitized by Google

« ми. » Надѣюсь, что ни снисхожденіе къ родителямъ (не очень одобряющимъ одни латинскограмматическія упражненія), « ни ослабленіе « дисциплины, не доведутъ до пренебреженія « ученія, хотя мало блистательнаго, но необ« ходимо нужнаго (pag. 33).

« Мое мнѣніе такое, чтобъ дѣти, съ 10 лѣтъ, « когда ихъ успѣхи соотвѣтственны съ ихъ « возрастомъ, начинали сочинять латинскіе сти« хи, не бывъ принуждаемы придавать сти« хамъ своимъ смысла. Посредствомъ это« го, заблаговременнаго, упражненія, дѣти « научаются нечувствительно, и скоро, коли« честву латинскихъ словъ; что необходимо « для правильнаго чтенія по латыни. Впрочемъ « не нужно всякой день занимаяться этимъ [по « крайней мѣрѣ это хорошо] (pag. 41 et 42).»

« Отъ 14 до 18 или 19 лѣтъ, прежде коно« раго времени ученикъ не долженъ, по моему « мнѣнію, оставлять училища, если онъ ищетъ « прочныхъ успѣховъ въ наукахъ, вотъ (при« мѣрно) въ какомъ порядкѣ должно заниматься « въ продолженіе недѣли: въ понедѣльникъ въ ве« черу, сочиненье по латыни; во вторникъ въ ве« черу, латинскіе стихи; въ середу въ вечеру « англійская или латинская словесность (сочи« нитель какъ будто ошибся, сказавши: *англій-*

Digitized by Google

ская словесность, и тотчасъ поправляется: « *или латинская*); въ четвергъ въ вечеру, англій-« скіе стихи; въ пятницу въ вечеру, латинскіе « стихи, или переводъ съ англійскаго на ла-« тинскій; отъ субботы до понедѣльника, со-« чиненье по латыни или по англійски.» (pag. 44). Какъ свободно дышатъ въ такой чистой латинской атмосферѣ! Если кто изъ Рускихъ хочетъ получить классическое воспитаніе, тому нужно только перемѣнить занятіе англійскими стихами на занятіе стихами русскими. По такой системѣ молодой человѣкъ 19-ти лѣтъ (эпоха, въ которую онъ можетъ, по *Локку*, выдти изъ школы) пріобрѣтетъ драгоцѣнный запасъ свѣдѣній. Но пріобрѣтетъ ли полно? « Какъ мало выходятъ « изъ училища хотя съ такимъ познаніемъ древ-« нихъ языковъ, которое было бы сколько ни-« будь полезно, которое можнобъ было по край-« ней мѣрѣ сохранить въ продолженіе жизни! « Почему это?» (и мы спрашиваемъ съ Сочини-« телемъ: почему это?) » Безъ сомнѣнія, по « нерадѣнію учениковъ, по ихъ лѣности, и по « излишеству снисхожденія со стороны учите-« лей ихъ или родителей, которые освобож-« дали ихъ отъ всякаго труднаго занятія» (pag. 45 et 46). [Нѣтъ, мы не думаемъ, чтобы по этому].

« Скажу, хотя можетъ быть и обидятся этимъ « начальники англійскихъ академій, что чело-

Digitized by Google

« вѣкъ не знающій по латыни, не можетъ пони-
« мать англійскаго языка. [Вотъ причина]; по-
« чти всѣ многосложныя англійскія слова проис-
« ходятъ изъ латинскаго или греческаго язы-
« ковъ. (pag. 63)

« Не понимаю я, какъ можетъ занимающійся
« физикою, внушить къ себѣ какую нибудь до-
« вѣренность, безъ знанія Грековъ; почти всѣ
« термины, имъ употребляемые, суть слова
« греческія, пишущіяся латинскими буквами (!!).
« Врачебное искуство сдѣлается для молодыхъ
« воспитанниковъ медицины гораздо легче, го-
« раздо пріятнѣе, и сами они будутъ почтен-
« нѣе въ глазахъ своихъ, если будутъ понимать
« смыслъ тѣхъ словъ, которыя употребляются
« ими ежедневно, и которыхъ не льзя разумѣть,
« не знавши языка, давшаго непосредственно
« имъ происхожденіе. (pag. 89).

«И однако нѣкоторые писатели, возставшіе
« недавно противъ установленныхъ плановъ вос-
« питанія, со всею докторскою спѣсью, съ самымъ
« рѣшительнымъ, съ самымъ педантскимъ тономъ,
« внушали, что греческій языкъ совершенно не ну-
« женъ.» [Противъ такихъ писателей *Ноксъ* упо-
требляетъ обыкновенно слѣдующее оружіе:] «Про-
« тивники греческаго языка и тѣ люди, которые
« ищутъ уничтоженія общепринятыхъ методъ,

Digitized by Google

« рѣдко бываютъ изъ числа учившихся основательно (pag. 89 et 90).» Безъ древнихъ языковъ нѣтъ, по *Локку*, спасенія; кто ихъ не знаетъ, или кто имѣетъ дерзость возставать противъ нихъ, тотъ почти всегда, по его мнѣнію, учился плохо. Но послушаемъ еще его.

« Если молодая дѣвица, рожденная отъ богатыхъ родителей, показываетъ дарованія и « расположеніе къ наукамъ; то надобно, я не « боюсь сказать этого, заранѣе научить ее первоначаліямъ латинскаго и греческаго языковъ, « какъ скоро позволяютъ это состояніе ея, и « обстоятельства. Планъ для ученія ея совершенно тотъ же, какъ и для мальчиковъ.» (pag. 184 et 185) Слѣдовательно: въ понедѣльникъ въ вечеру, сочиненье по латыни; во вторникъ въ вечеру, латинскіе стихи; и т. д. Такая дѣвица въ 19-ть лѣтъ будетъ вѣрно десятою музою.

Вѣроятно, и слѣдующее замѣчаніе можетъ относиться также къ дѣвицамъ, которыя хотятъ быть благовоспитанными: « Многія мѣста « изъ (древнихъ) сочинителей ученикъ долженъ « также твердо знать наизусть, какъ свою « азбуку. Они встрѣчаются сами собою въ разговорахъ съ товарищами; и полезны во многихъ случаяхъ; кромѣ того имѣютъ свое вну-

Digitized by Google

«преннее достоинство, и служитъ къ обога-
«щенію разума. Въ кругу, гдѣ царствуетъ без-
«вкусная, жеманная учтивость, разслабленная
«изнѣженность, которую пугаетъ всякое уси-
«ліе памяти или воображенія, неизвѣстно мо-
«жетъ быть обыкновеніе цитовать сочините-
«лей; но между литераторами, между людь-
«ми, получившими хорошее воспитаніе, это
«обыкновеніе весьма принятое и пріятное.»
(Pag. 73 et 74).

Если спросите: нужно ли учиться своему собственному языку? То *Локсъ* отвѣчаетъ вамъ почти положительно: «Англійскій языкъ [для «Рускихъ русской] долженъ конечно войдти «не мало въ часть воспитанія молодаго человѣ-«ка изъ хорошей фамиліи. *Но* я думаю также, «что кто основательно учился [т. е. по ла-«шыни и по гречески]; тотъ можетъ, если «захочетъ, поправить недостаткъ особенна-«го ученія по сему отношенію. Молодой чело-«вѣкъ, съ умомъ, въ избранномъ обществѣ, «при хорошихъ книгахъ, при знаніи граммати-«ки вообще, можетъ сдѣлаться собственнымъ «своимъ учителемъ языка своего (pag. 96 et «97).»

Сочинитель нашъ идетъ еще далѣе; онъ считаетъ нужнымъ учить въ школахъ французско-му языку; только сомнѣвается, чтобъ надобно

Digitized by Google

было учить дѣтей этому языку такъ рано, какъ это обыкновенно дѣлается: «Надобно начинать съ нужнѣйшаго; надобно заложить «прочное основаніе. Латинская грамматика, по «моему мнѣнію, есть главнѣйшій предметъ для «сего возраста (pag. 109).»

Нужны, хотя и не очень, по *Локку*, и еще нѣкоторыя науки. Упомянемъ объ нихъ, также собственными его словами:

«Темнота и запутанность тяжелы всегда «для разсудка: неудивительно, что дѣти, не «знающія географіи, мало получаютъ пользы «отъ исторій пріятныхъ, исполненныхъ зани- «мательными чертами; они идутъ въ потем- «кахъ. . . . Отшого я началъ бы весьма рано «преподавать ребенку понятія о географіи «(pag. 121). . . . . Лучшая, удобнѣйшая по «моему мнѣнію, метода состоитъ въ томъ, «чтобы показывать ученику мѣста на картѣ, «а не сбивать его съ толку сухими система- «тическими географіями. . . . Первое вниманіе «его было бы обращено на древнюю географію; «скоро потомъ можно бы употребить туже «методу для общаго понятія о новой геогра- «фіи. . . . . Когда ученикъ показалъ успѣхи въ «изученіи грамматики и древнихъ писателей, «то онъ можетъ начать *Цезарія*. Не нужно «впрочемъ ему въ точности слѣдовать за всѣ-

Digitized by Google

« ми частями этого сочиненія; довольно, ду-
« маю, того, чтобъ онъ изучилъ Грецію и Ита-
« лію (pag. 122).»

« Ученіе математической географіи, или той
« части сей науки, которая относится къ ас-
« трономіи, можетъ быть отложено до зрѣла-
« го возраста, развѣ только ужъ ученикъ пока-
« жетъ рано расположеніе и дарованія къ мате-
« матикѣ (pag. 124).»

« Не думаю, чтобъ математика и, зависящія
« отъ нея, свѣдѣнія могли быть изучаемы въ
« школѣ (не забудемъ, что въ школѣ должно
« оставаться до 18 или 19 лѣтъ), съ другими
« науками, нужнѣйшими непосредственно въ пер-
« вой молодости. Основанія *Эвклида* [непре-
« мѣнно *Эвклида*, а не новаго какого нибудь
« *Математиста*] должны составлять часть хо-
« рошаго воспитанія; но, можетъ быть, уни-
« верситетскаго уже, а не школьнаго (pag.
« 125).»

« Не надобно пропустить исторіи; но исто-
« рія есть поле великое и обширное.... Внима-
« ніе ученика должно ограничиться только сами-
« ми примѣчательными мѣстами древней и отече-
« ственной исторіи [для этого, *Локсъ* совѣтуетъ
давать ученику читать нѣкоторыя историческія

Digitized by Google

сочиненія: первый и второй томы *Роллена* въ переводѣ; нѣкоторыя избранныя книги *Плутарха*, и проч.]. «Но я хотѣлъ бы, гово-
«ритъ онъ, чтобы ученикъ читалъ большую
«часть ихъ въ свободное время, вмѣсто заба-
«вы. Трудно заниматься ими въ школѣ, безъ
«того чтобъ не замедлить чрезъ это весьма
«важныхъ упражненій, упражненій, которыя не
«могутъ, какъ исторія, быть отложены до
«зрѣлаго возраста. Совѣтую особенно обра-
«щать вниманіе на греческую и римскую исто-
«рію (pag. 129). . . . Не хорошо школьнику,
«занимающемуся по латыни и по гречески не
«знать лѣтописей своего отечества; потому
«что онъ можетъ показаться, обыкновенному
«наблюдателю, ниже многихъ дѣтей, кото-
«рыхъ воспитаніе, по другимъ отношеніямъ,
«было весьма ограниченно. Да и сами онѣ, по
«свойству своему, могутъ щедро вознагра-
«дить его за вниманіе къ нимъ. Конечно, уче-
«ніе ихъ не необходимо; оно очень можетъ
«быть отложено до другаго возраста, зрѣлѣй-
«шаго. Но предварительное знаніе ихъ весьма
«желательно въ училищѣ. Я не знаю лучшихъ
«книгъ для сего, какъ тѣ, которыя уже при-
«няты въ школахъ; онѣ состоятъ изъ вопро-
«совъ и отвѣтовъ, и украшены фигурами въ
«большомъ количествѣ.» [Ребенку въ 17 или

Digitized by Google

« 18 лѣтъ конечно очень весело заниматься та-
« кими книжками (pag. 130). »

« Познаніе баснословія или миѳологіи есшь не-
« обходимо нужная вещь въ курсѣ ученія (p. 131).»
[Знаемъ причину этой необходимости].

« Не много хронологіи шакже крайне полез-
« но (pag 131). »

Если къ симъ наукамъ, которыя нашъ Членъ Кембриджскаго университета какъ бы насильно допускаетъ въ систему первоначальнаго воспитанія, читашель прибавишъ поэзію или, лучше сказать, стихотворство; то получится полный курсъ наукъ, назначенный *Локсомъ* дѣтсшву и юношесшву до 18-ти или 19-ти лѣтняго возраста. Не похожъ ли этотъ планъ ученія на Стерновской, въ Тристрамѣ-шенди :

« Пять лѣтъ будетъ носишь воротничекъ подъ
« бородою;

« Четыре года учишь азбуку;

« Полтора года надписывашь свое имя;

« Больше семи лѣтъ склоняшь по гречески и
« по латыни;

« Четыре года на философическія безы.

« А все сшапуя будетъ скрыша внупри мра-
« мора. »

Digitized by Google

Справно подумать, что голосъ *Нокса* о первоначальномъ образованіи могъ быть выраженіемъ общественнаго мнѣнія; и однако онъ былъ симъ выраженіемъ, по крайней мѣрѣ имѣлъ большую силу. Это мы можемъ предполагать уже изъ великаго числа изданій *Ноксовой* книги. Сочиненіе *о воспитаніи*, имѣвшее восемь изданій, конечно нравилось публикѣ. Можетъ быть однако вниманіе публики къ сему сочиненію возбуждено было также нападеніями *Нокса* на состояніе нравственности, въ его время, въ англійскихъ университетахъ и коллегіумахъ.

«Нигдѣ, говоритъ онъ, молодые люди не вда-
«ются въ большія излишества; ни въ какомъ
«мѣстѣ они не преданы съ такою безумною
«страстью къ собакамъ и лошадямъ; ни въ ка-
«комъ — не теряютъ такъ вѣрно прекраснаго
«чувства стыдливости и воздержанія; ни въ
«какомъ — не научаются скорѣе пьянствовать,
«и искать славы въ распутствѣ; ни въ ка-
«комъ — не становятся такими невольниками
«моды; ни въ какомъ — не научаются такому
«мотовству; ни въ какомъ — такъ рано не пи-
«таютъ презрѣнія къ своимъ родителямъ; ни
«въ какомъ — такъ не ругаются надъ всѣмъ до-
«стойнымъ почтенія и священнымъ; ни въ ка-
«комъ — нѣтъ для нихъ такой опасности раз-
«врапить сердце, погубить имущество, нравы,

Digitized by Google

«и спокойствіе души ихъ; ни въ какомъ нако-
«нецъ — молодые люди не могутъ менѣе при-
«готовиться къ тому, чтобы вступить въ
«священное званіе, или во всякую другую по-
«лезную и почтенную службу.

«Если таково состоянie университетовъ,
«продолжаетъ сочинитель; если тысячи суще-
«ствующихъ доказательствъ подтверждаютъ эту
«истину: то могутъ ли быть сіи универси-
«теты мѣстомъ воспитанія служителей алтаря
«Господня? Я дѣйствительно думаю, что развра-
«щеніе нравовъ и безбожіе, столь распростра-
«ненныя въ народѣ, происходятъ наиболѣе отъ
«невѣжества, отъ нерадѣнія и пороковъ, ко-
«торыми заразились духовныя лица въ универ-
«ситетахъ. Нечистая вода разлилась по все-
«му государству изъ сего плешиваго ис-
«точника; народъ напился ея, и отравился
«(pag. 237 et 288).»

Вотъ слова Сочинителя о коллегіумахъ:
«Большое число домовъ сихъ, посвященныхъ
«благочестивыми и благотворительными осно-
«вателями ихъ религіи, добродѣтели, позна-
«ніямъ, всему полезному и пріятному, сдѣ-
«лались убѣжищемъ невѣжества, несовѣстно-
«сти, развратa и распутства. Дѣйствительно
«но ни въ какой части государства вы не

Digitized by Google

«найдете столь необузданнаго своевольства «нравовъ и чувствъ, и такъ мало познаній, «какъ въ нѣкоторыхъ коллегіумахъ. И при- «помните, что это мѣста семинарій, гдѣ «воспитывались, въ самую критическую эпоху «своей жизни, члены духовенства, назначен- «ные просвѣщать родъ человѣческій. Не жа- «луются ли въ свѣтѣ на то, что нынче, «между духовенствомъ, болѣе, нежели когда «нибудь, распутныхъ, обидчиковъ, предан- «ныхъ пьянству, прелюбодѣянію? Откуда они «вышли? Изъ Оксфорда и изъ Кембриджа «(pag. 309).»

(Будетъ продолженіе).

Digitized by Google

АНДРЕЙ ШЕНЬЕ.

Повѣсть, разсказанная Чернымъ Докторомъ.

(*Продолженіе*).

Я шелъ, я бѣжалъ по улицѣ Сенъ-Денискаго предмѣстія. И страхъ придти слишкомъ поздно, и самый скатъ улицы увлекали меня. Я представлялъ себѣ, я повторялъ въ умѣ видѣнныя мной картины. Я обращалъ ихъ къ душѣ своей, приводилъ къ единству, ставилъ между точкой зрѣнія и точкой разстоянія. Я началъ подводить ихъ подъ законы той философической оптики, которой подчиняю всю жизнь. Я шелъ скоро, выставляя впередъ свою голову и свою трость. Мои оптическія стекла были готовы. Моя главная идея обнимала со всѣхъ сторонъ предметы, которые видѣлъ я и привелъ по ней въ строгій порядокъ. Я состроилъ въ умѣ своемъ удивительную систему; я видѣлъ, какъ Провидѣніе сохранило этого поэта для временъ лучшихъ, и хотѣло, чтобы призваніе его на землѣ было окончено вполнѣ, чтобы сердце его

Digitized by Google

не было расперзано смертью одной изъ этихъ слабыхъ женщинъ, которыя обѣ упоены его поэзіею, освѣщены его свѣтомъ, оживлены его дыханіемъ, взволнованы его голосомъ, покорены взглядомъ, и изъ которыхъ одна была любима, другая можетъ быть была-бы любима когда нибудь. Я постигалъ, что прожить одинъ лишній день въ это время убійствъ, значило много; я разсчитывалъ, какъ можетъ рушиться Тріумвиратъ и Комитетъ Общественнаго Спасенія. По моему разсчету, ему оставалось жить немного дней, и я думалъ, что гораздо легче можно продлить жизнь трехъ дорогихъ мнѣ заключенныхъ, нежели жизнь этой шайки правителей. Что было надобно? Заставить забыть о жертвахъ. Тогда было 5-е Термидора. Я могу совсѣмъ другимъ, а не ими, занять моего втораго больнаго, Робеспьера, когда увѣрю его, что ему гораздо хуже, и тѣмъ заставлю его подумать о себѣ самомъ. Для всего этого надобно было придти во время.

Я искалъ глазами кареты... напрасно! Тогда по улицамъ встрѣчалось немного каретъ. Горе было тому, кто осмѣлился-бы прокатиться въ каретѣ по горячей мостовой II-го года Республики! Однакожь я услышалъ позади себя стукъ отъ двухъ лошадей и четырехъ колесъ, которыя слѣдовали за мной и остановились. Я обер-

Digitized by Google

нулся, и увидѣлъ надъ своею головой просподушное лицо Блеро. — Что надобно тебѣ, лицо сонное, длинное, просное, безпечное, беззаботное, желтое? — вскричалъ я.

« Не прогнѣвайтесь, коли я помѣшалъ вамъ— сказалъ онъ мнѣ оскаливъ зубы. — У меня есть къ вамъ бумажка. Гражданка Роза нашла ее, такъ сказать, подъ ногами.

Говоря мнѣ, онъ шаркалъ своимъ башмачищемъ по канавкѣ. Это забавляло его.

Я взялъ бумагу съ досадой, и читалъ ее съ радостью, съ трепетомъ отъ прошедшей опасности:

« Продолженіе:

« К. Л. С. Суакуръ, тридцати лѣтъ, урожденка Парижская, бывшая Баронесса, вдова, изъ улицы du Petit-Vaugirard.

« Ф. К. Л. Малье, семнадцати лѣтъ, сынъ бывшаго Виконта.

« Андрей Шенье, тридцати одного года, родился въ Константинополѣ, Лишшерапоръ; взятъ изъ улицы Клери.

« Креки де Монморанси, шестидесяти лѣтъ, родился въ Хицлембергѣ, въ Германіи, бывшій дворянинъ.

Digitized by Google

«М. Беранже, двадцати четырехъ лѣтъ, жена Бовилье-Сенпъ-Эньяна, изъ улицы de Grenelle-Saint-Germain.

«Л. Ж. Дервильи, сорока трехъ лѣтъ, торгующій пряными кореньями, изъ улицы Муффтаръ.

«Ф. Куаньи, шестнадцати лѣтъ и восьми мѣсяцевъ, дочь бывшаго дворянина того-же имени, изъ Университетской улицы.

«К. Ж. Дориваль, бывшій ошпельникъ.»

И двадцать другихъ именъ. Я не читалъ дальше: это была часть росписи; это была потерянная роспись, роспись, которую пьяный дуракъ Коммисаръ искалъ въ своей шляпѣ.

Я разорвалъ ее, исковеркалъ, разодралъ на тысячу частей, и части жевалъ зубами. Потомъ, глядя на моего огромнаго канонера, я пожалъ ему руку... да! почему-жь не сказать? скажу: пожалъ... съ нѣжностью.

— Право? — вскричалъ Сшелло, проширая себѣ глаза.

— Да, съ нѣжностью. А онъ, онъ почесалъ себѣ голову, какъ лѣнивая дурачина, и будто просыпаясь вымолвилъ:

«Право смѣшно.... Видно что Экзекуторъ, этотъ большой, блѣдный, осердился на Комми-

Digitized by Google

сара, на краснаго толстяка, да и усадилъ его въ шѣлежку, на мѣсто другихъ. Право смѣшно!

— Прибавочная казнь! Справедливо, справедливо! Куда ѣдешь ты?

«Да, вотъ, провожаю зарядный ящикъ на Марсово поле.

— Такъ ты подвезешь меня — сказалъ я — въ улицу Сентъ-Оноре?

«А какъ же? Садишесь. Да мнѣ до кого дѣло? Теперь вѣдь не....

Это была его поговорка, но онъ не докончилъ ея и закусилъ губы.

Другой канонеръ ждалъ своего товарища. Товарищъ Блеро, хромая, возвратился къ ящику, смеръ съ него пыль рукавомъ своего мундира, взлѣзъ и сѣлъ верхомъ на приготовленное мѣстечко; потомъ протянулъ ко мнѣ руку, усадилъ меня позади себя, такжe на ящикъ, и мы поскакали въ галопъ.

Черезъ десять минутъ я былъ уже въ улицѣ Сентъ-Оноре, у моего Робеспьера, и до сихъ поръ не понимаю, какъ я пріѣхалъ туда живъ и цѣлъ.

Digitized by Google

Темнаго цвѣта домъ, въ который я готовился войдти, домъ столяра, если не ошибаюсь Дюплея, очень простой наружностью, гдѣ бывшій Адвокатъ Парламента жилъ съ давняго времени, этотъ домъ, я думаю, цѣлъ еще и теперь. Ни по чему не льзя было догадаться, что въ немъ живетъ мгновенный повелитель Франціи... если не потому, что весь домъ казался покинутымъ, брошеннымъ. Всѣ ставни въ немъ были затворены; ворота заперты; споры во всѣхъ этажахъ опущены. Никакого звуку, ни голосу не выходило изъ него. Онъ казался слѣпымъ и нѣмымъ.

Женщины, собравшись по нѣскольку, разговаривали у воротъ, какъ обыкновенно въ Парижѣ во время смятеній, указывали издали на этотъ домъ и говорили другъ другу на ухо. По временамъ, ворота Робеспьерова дома растворялись, и изъ нихъ выходилъ жандармъ, санкюлотъ или шпіонъ (часто женскаго рода). Тогда сборища расходились и говоруньи скорѣе убирались домой. Кареты дѣлали полукругъ противъ воротъ и проѣзжали шагомъ. На мостовой была разбросана солома: будто язва гнѣздилась въ домѣ.

Только лишь положилъ я руку на молотокъ у воротъ, они тотчасъ растворились и привратникъ въ страхѣ бросился, чтобы не дать

Digitized by Google

молотку ударишься слишкомъ сильно. Онъ опять заперъ ворота, осторожно и тихо. Я тотчасъ спросилъ у него, не приходилъ-ли къ нимъ старикъ, такой-то видомъ. Я старался описать ему Г-на Шенье. Такъ-же скоро какъ актеръ, привратникъ сдѣлалъ неподвижное лицо. Онъ покачалъ головой отрицательно.

— Такого не видалъ. —

Я усиливалъ распросы. «Да помнишь-ли ты всѣхъ, кто приходилъ сегодня утромъ?» сказалъ я, и всячески приступалъ къ нему, старался распрашивать, узнавать.

— Такого не видалъ. —

Больше ничего не добился я. Оборванный мальчишка прятался за привратника и для забавы кидалъ камешки на шелковые чулки мои. По плутовскому виду, я узналъ того, который былъ посланъ за мной.

Лѣстница, довольно темная, вела къ *неподкупимому*. Во всѣхъ дверяхъ были ключи. Я шелъ по комнатамъ и не встрѣчалъ никого. Уже въ четвертой сидѣли два негра и два секретаря, которые всегда писали не подымая головы. Мимоходомъ взглянулъ я на ихъ столы: тамъ лежали страшныя росписи именъ. Отъ этого у меня стало горячо подъ ногами, какъ при видѣ крови, или при звукѣ тѣлежекъ.

Digitized by Google

Все молчало, когда ввели меня въ комнату, по ковру, который также не отдавалъ звука, хотя былъ порядочно истасканъ.

Блѣдный, печальный свѣтъ проходилъ въ комнату. Она была окнами во дворъ, и большіе, мрачнаго зеленаго цвѣта занавѣсы еще уменьшали свѣтъ, темнили воздухъ стѣны. Только отблескъ солнца, которое ударяло въ противоположную стѣну во дворѣ, только этотъ отблескъ освѣщалъ всю огромную комнату. Передъ большимъ бюро изъ краснаго дерева, въ креслахъ, обитыхъ зеленою кожей, сидѣлъ мой второй больной этого дни: онъ держалъ въ одной рукѣ Англійскую газету, а другою разводилъ сахаръ въ чашкѣ съ ромашкой, помѣшивая въ ней серебряною ложечкой.

Вы можете ясно представить себѣ Робеспьера. Многіе изъ работающихъ въ канцеляріяхъ походятъ на него. Ему было придцать пять лѣтъ. Лицо его было сдавлено между лбомъ и подбородкомъ, какъ будто кто нибудь насильно хотѣлъ сблизить надъ носомъ его обѣ эти оконечности. Это лицо было цвѣта бѣлой бумаги, тускло и тошно будто намазано бѣлилами. Оспа оставила на немъ глубокіе слѣды. Въ немъ не видно было ни крови, ни желчи. Его маленькіе глаза, мрачные, угасшіе, никогда не глядѣли въ лицо, вѣчно мигали самымъ непрі-

Digitized by Google

ятнымъ образомъ, и отъ того казались еще меньше, если не были совсѣмъ закрыты зелеными очками. Ротъ его казался въ судорогѣ, отъ какой-то принужденной улыбки, которая изображалась морщинами. За то Мирабо и сравнивалъ его съ *кошкой, которая хлебнула уксусу*. Робеспьеръ носилъ прическу щеголеватую, пышную, завѣйливую. Пальцы, плеча, шея невольно корчились у него, пряслись, сжимались, какъ скоро его схватывали маленькія нервическія судороги. Онъ бывалъ одѣтъ съ ранняго утра и я ни разу не заставалъ его въ безпорядкѣ. Въ этотъ день, шелковый кафтанъ, желтый съ бѣлыми полосами, камзолъ съ цвѣточками, высокій галстухъ, бѣлые шелковые чулки и башмаки съ пряжками придавали ему видъ щеголя.

Онъ всталъ съ обыкновенною своею учтивостью, и ступилъ два шага ко мнѣ, снявши прежде зеленыя очки, которыя съ важностью положилъ на столъ. Онъ встрѣтилъ меня какъ порядочный человѣкъ, сѣлъ снова и протянулъ ко мнѣ руку.

Я взялъ ее какъ руку больнаго, а не друга моего, и отворотивши манжеты пощупалъ у него пульсъ.

« Лихорадка » — сказалъ я.

Digitized by Google

— Очень можетъ быть— возразилъ онъ, сжалъ губы и вскочилъ съ креселъ. Съ живостью, швердымъ шагомъ прошелъ онъ два раза по комнатѣ, потирая себѣ руки, и наконецъ произнесъ: «Ба!» Онъ сѣлъ.

— Садитесь здѣсь, гражданинъ! — сказалъ онъ мнѣ — и послушайте. Не странно-ли?..

При всякомъ словѣ онъ взглядывалъ на меня черезъ свои зеленыя очки.

— Не удивительно-ли? Какъ вы думаете объ этомъ? Герцогъ Іоркскій оскорбляетъ меня въ своихъ бумагахъ!

Онъ ударилъ рукою по Англійской газетѣ съ длинными ея столбцами.

«Обманываешь, пріятель, своимъ гнѣвомъ,» подумалъ я. «Надобно остеречься.

— Тираны — продолжалъ онъ крикливымъ, рѣзкимъ голосомъ — тираны не могутъ понять, чтобы свобода существовала гдѣ нибудь. Это унизительно для человѣчества. Посмотрите: вотъ выраженіе, которое повторяютъ они безпрестанно. Какое приторство!

Онъ бросилъ передъ меня газету, и, указывая пальцемъ на означенное мѣсто, продолжалъ:

— Посмотрите: Robespierre's army, Robespierre's troopes! Какъ будто у меня есть арміи!

Digitized by Google

Будто я Король! Будто Франція Робеспьеръ! Будто все идетъ отъ меня и для меня! *Войска Робеспьера*! Какая несправедливость! Какая клевета! Не правда-ли?

Онъ взялъ свою чашку съ ромашкой и приподнялъ свои зеленыя очки, чтобы разглядывать меня изъ-подъ нихъ.

— Я надѣюсь, что здѣсь никогда не употребляютъ этихъ нелѣпыхъ выраженій? Вы никогда не слыхали ихъ? А? Говорятъ-ли это по улицамъ? Нѣтъ! Самъ Питтъ подсказалъ это обидное для меня мнѣніе. Кто во Франціи называетъ меня диктаторомъ? Противники революціи, прежніе Дантонисты и Гебертисты, которые еще есть въ Конвентѣ. Мошенники, такіе какъ Л'Эрмина — а его я обвиню на трибунѣ — слуги Георга Англійскаго, заговорщики, которые хотятъ, чтобы народъ возненавидѣлъ меня, потому что они знаютъ чистоту любви моей къ отечеству, потому что я всякій день оглашаю пороки ихъ; Верресы, Катилины, которые не переставали нападать на Республиканское Правительство, такіе какъ Демуленъ, Ронсенъ и Шометтъ. Жаль, что ложные республиканцы повинуются чужимъ внушеніямъ и ставятъ въ преступленіе мои добродѣтели. Вы знаете, что уже шесть недѣль какъ я боленъ и не являюсь въ Комитетъ Общественнаго Спа-

Digitized by Google

сенія. Гдѣ-же мое диктаторство? Все равно! Коалиція преслѣдуетъ меня и видитъ его вездѣ: я надзорщикъ слишкомъ безпокойный и правдивый. Эта коалиція началась съ той минуты, какъ установилось Правительство. Она сбираетъ всѣхъ мошенниковъ и злодѣевъ. Она осмѣлилась объявить въ улицахъ, что я подъ стражею! Убить: иное дѣло; но подъ стражей не буду никогда. Чего не говорила эта коалиція! что Сенъ-Жюстъ хотѣлъ сохранить аристократію, потому что самъ родился дворяниномъ. Да, что за надобность до его рожденія, если онъ живетъ и умираетъ съ хорошими правилами? Развѣ не онъ предложилъ въ Конвентѣ и заставилъ принять приказъ объ изгнаніи прежнихъ дворянъ, объявивши ихъ непримиримыми врагами Революціи? Коалиція хотѣла сдѣлать смѣшнымъ праздникъ Высшему Существу и похожденія Катерины Θеосъ; коалиція противъ одного меня, и меня обвиняетъ во всѣхъ казняхъ; она берется за всѣ хитрости Бриссотистовъ. Однакожъ, что я говорилъ въ день праздника, то гораздо лучше ученія Шометта и Фуше. Не правда-ли?

Я кивнулъ головою: онъ продолжалъ:

— Да, я хочу, чтобы съ гробницъ стерли ихъ нечестивое правило, будто смерть есть сонъ. Тамъ надобно вырѣзывать: *Смерть есть начало безсмертія.*

Digitized by Google

Въ этихъ фразахъ я видѣлъ прелюдію будущей рѣчи. Онъ пробовалъ аккорды ея въ разговорѣ со мной, такъ-же какъ дѣлаютъ это многіе изъ знакомыхъ мнѣ говоруновъ.

Онъ улыбнулся съ самодовольствомъ и отпилъ изъ своей чашки. Поставивши ее опять на бюро, онъ, съ видомъ оратора на трибунѣ ворошился къ тому-же другою дорогою, потому что я не отвѣчалъ на его мысль, а ему непремѣнно надобны были отвѣтъ и лесть.

— Я знаю, гражданинъ, что вы моего мнѣнія, хотя въ васъ еще много осталось старинки. Но вы чисты: а это не бездѣлица. По крайней мѣрѣ я твердо увѣренъ, что вы не больше моего любите военный деспотизмъ. А если не будутъ меня слушать, то онъ придетъ. Онъ схватитъ бразды Революціи, если я выпущу ихъ изъ рукъ, и низвергнетъ испорченное предсѣдательство.

«Мнѣ кажется, гражданинъ, что это совершенно справедливо,» отвѣчалъ я. Въ самомъ дѣлѣ это было не дурно сказано, да и пророчески.

Онъ опять улыбнулся по кошачьи.

— Ужь вы лучше терпѣли-бы мой деспотизмъ? А? неправда-ли?

Digitized by Google

Кривляясь сказалъ я:.. «Да!.. Но...» и старался какъ можно неопредѣленнѣе произнести эти летучія слова.

— Это былъ-бы — продолжалъ онъ — деспотизмъ гражданина, человѣка вамъ равнаго, который дошелъ до него путемъ добродѣтели, и боялся всегда только одного: чтобы его не осквернило нечистое сосѣдство тѣхъ дурныхъ людей, которые вцираются къ искреннимъ друзьямъ человѣчества.

Эту милую, длинноватую фразу ласкалъ онъ, языкомъ и губами, какъ медъ.

«Однакожь, теперь у васъ, кажется, гораздо меньше сосѣдей?» сказалъ я. «Васъ уже не толкаютъ локтями?»

Онъ сжалъ губы и сдвинулъ зеленыя очки на глаза, чтобы скрыть свой взглядъ.

— Потому что съ нѣкотораго времени я живу уединенно — сказалъ онъ. — Однако меня все шаки клевещутъ.

Говоря это, онъ взялъ карандашъ и чертилъ что-то на бумагѣ. Черезъ пять дней узналъ я, что эта бумага была роспись обреченныхъ на гильотину, а это что-то... мое имя.

Онъ усмѣхнулся и склонился назадъ.

— Охъ!.. да, клевещутъ — продолжалъ онъ — и все за то, что, шутки въ сторону, я лю-

Digitized by Google

блю одно равенство: это вамъ извѣстно. Всего лучше видите вы это по негодованію, съ какимъ гляжу я на эти бумаги, выпущенныя изъ арсенала ширанства.

Онъ смялъ и пхнулъ съ трагическимъ видомъ огромныя Англійскія газеты; но я замѣтилъ, какъ берегся онъ разодрать ихъ.

«О Максимиліанъ!» сказалъ я самъ себѣ. «Наединѣ ты перечитаешь ихъ много разъ, и съ жаромъ поцѣлуешь эти великолѣпныя, волшебныя для тебя слова: *Войска Робеспьера*!

Когда мы сыграли маленькую комедію нашу, онъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ: его пальцы, плеча и шея двигались какъ въ судорогахъ.

Я также всталъ и ходилъ съ нимъ.

— А я хотѣлъ, прежде нежели мы станемъ судить о моемъ здоровьѣ, дать вамъ прочесть вотъ это, и поговорить о содержаніи— сказалъ онъ. — Вы знаете мою дружбу къ Автору. Это проэктъ Сенъ-Жюста. Вы увидите. Я жду его сегодня утромъ, и мы потолкуемъ. Онъ вѣрно ужъ пріѣхалъ въ Парижъ — прибавилъ онъ вынимая часы. — Я сей часъ узнаю. Садитесь и читайте. На одну минуту!

Онъ подалъ мнѣ толстую тетрадь, исписанную смѣлымъ, быстрымъ почеркомъ, и вышелъ

Digitized by Google

поспѣшно: почти выбѣжалъ. Я держалъ шепрадь, но смотрѣлъ на дверь, въ которую онъ вышелъ, и думалъ о немъ. Я зналъ его съ давняго времени и теперь видѣлъ въ странномъ смущеніи. Онъ вѣрно предпринималъ что нибудь, или боялся какого нибудь предпріятія. Въ той комнатѣ, куда онъ ушелъ, я замѣтилъ мелькомъ тайныхъ агентовъ, которыхъ много разъ видалъ за собою; мнѣ слышался звукъ шаговъ, какъ будто послѣ моего прихода безпрестанно бѣгали вверхъ и внизъ. Говорили тихимъ голосомъ. Я старался разслушать, но не могъ, и пересталъ подслушивать. Признаюсь, во мнѣ было больше страха, нежели довѣрчивости. Я хотѣлъ уйдти, но, по ошибкѣ или изъ предосторожности, дверь, въ которую вошелъ я, была замкнута: я былъ запертъ.

Чего не льзя перемѣнить, о томъ и не думать: такова привычка моя. Я сѣлъ и пробѣжалъ рукопись, съ которою Робеспьеръ оставилъ меня одного.

Это были, милостивый государь, ни больше ни меньше какъ вѣчныя, неизмѣнимыя Постановленія, которыя хотѣли дать Франціи: ихъ-то приготовилъ для нея такъ проворно гражданинъ Сенъ-Жюстъ, которому было двадцать шесть лѣтъ.

Digitized by Google

Сперва я читалъ разсѣянно; потомъ идеи закружились передъ моими глазами, и я окаменѣлъ отъ того, что видѣлъ.

(О простодушный убійца! О невинный палачъ! вскричалъ я невольно. Какое ты милое дитя! Да откуда явился ты, прелестный пастушокъ? Не изъ Аркадіи-ли? Съ какихъ горъ сошли твои ягненки, о Алексисъ)!

Говоря такимъ образомъ, я читалъ:

«Дѣти остаются въ рукахъ Природы.

«Дѣти носятъ, во всѣ времена года, полотняную одежду.

«Ихъ кормятъ общимъ столомъ и не даютъ имъ ничего кромѣ кореньевъ, плодовъ, овощей и молочнаго.

«Люди, прожившіе безукоризненно шестьдесятъ лѣтъ, носятъ бѣлую перевязь.

«Мужчина и женщина, любящіе другъ друга, называются супругами.

«Если у нихъ нѣтъ дѣтей, то они могутъ сохранять связь свою втайнѣ.

«Каждый человѣкъ, двадцати одного года обязанъ объявить въ храмѣ, кто друзья его.

«Друзья носятъ одинъ по другомъ трауръ.

«Друзья роютъ могилу одинъ другому.

Digitized by Google

«Въ сраженіяхъ друзья становятся одинъ подлѣ другаго.

«Кто скажетъ, что онъ не вѣритъ дружбѣ, или у кого нѣтъ друзей, тотъ изгоняется.

«Человѣкъ, уличенный въ неблагодарности, изгоняется.

(Какая эмиграція! сказалъ я).

«Друзья сдѣлавшаго преступленіе изгоняются.

«Убійцы носятъ во всю жизнь свою черное платье, и наказываются смертью если скинутъ его.»

Кроткая, невинная душа! воскликнулъ я. А мы, неблагодарные, обвиняемъ тебя! Мысли твои чисты, подобно каплѣ росы на листочкѣ розы, а мы жалуемся, что ты каждый день, въ назначенный часъ, отправляешь по нѣскольку возовъ людей подъ ножъ! А ты даже не видишь ихъ, не дотрогиваешься до нихъ, добрый юноша! Только имена ихъ пишешь ты на бумагѣ!— Еще менѣе: видишь роспись и подписываешь ее! Да, то-ли еще: и не читаешь ея, а подписываешь.

Я долго и много смѣялся, знаете какимъ радостнымъ смѣхомъ, когда просматривалъ эти, такъ называемыя, Республиканскія Постановленія, которыя, если угодно, и вы мо-

Digitized by Google

жете прочитать. Жестокосердый ханжа думалъ насильно подклонить нашъ мѣдяный вѣкъ подъ эти законы золотаго вѣка. Онъ хотѣлъ нарядить великій и старый народъ въ дѣтское платье. Чтобы напялить это платье, онъ отрѣзывалъ народу голову и руки.

Прочитайте его проэктъ: вы сдѣлаете это свободнѣе, нежели могъ я, въ кабинетѣ Робеспьера. Если вы, съ обыкновенною своею жалостью, думаете, что этотъ молодой человѣкъ былъ достоинъ сожалѣнія, то я буду съ вами совершенно согласенъ. Да, глупость величайшее изъ несчастій.

Ахъ, есть глупости мрачныя и важныя: онѣ отнюдь не заставятъ человѣка говорить безумно, не выведутъ его изъ обыкновеннаго разговора; онѣ позволяютъ глядѣть ясно, свободно, точно, на все, кромѣ одной, мрачной и пагубной точки. Эти глупости бываютъ холодны, опредѣленны, обдуманны; онѣ передразниваютъ здравый смыслъ такъ хорошо, что можно ошибиться; онѣ ужасаютъ и велятъ уважать себя. Узнать ихъ не легко, потому что онѣ закрыты непроницаемою маской; но это глупости.

И знаете-ли, что̀ можетъ породить ихъ? Вздоръ, неожиданная, маленькая перемѣна въ положеніи ранняго мечтателя.

Digitized by Google

Возьмите, на удачу, изъ школы, какого нибудь высокорослаго юношу, лѣтъ осмнадцати или девятнадцати, у котораго голова набита Спартанцами и Римлянами, растворенными въ старыхъ фразахъ. Онъ окрѣпъ въ Правѣ Древнемъ и Новомъ; онъ знаетъ современный міръ и нравы его только по своимъ товарищамъ и по ихъ нравамъ, бѣсится, когда видитъ, что скачетъ карета, въ которой не сидитъ онъ, презираетъ женщинъ, потому что знаетъ только самыхъ негодницъ, и смѣшиваетъ слабости нѣжной, пристойной любви съ отвратительными неистовствами уличныхъ бродягъ; онъ судитъ обо всемъ цѣлѣ по одному члену, обо всѣхъ женщинахъ по одной; онъ старается образовать въ головѣ своей какой нибудь всеобщій синтезъ, съ которымъ остается глубокимъ мудрецомъ на всю жизнь... Возьмите такого молодчика, подарите ему, вмѣсто игрушки, гильошинку, и примолвите:

— Вотъ, мой дружокъ, машинка: отъ нея будетъ повиноваться тебѣ цѣлый народъ. Надобно только двигать это, и сжимать это. Страхъ какъ просто!

Онъ немного подумаетъ; возметъ въ одну руку свою школьническую тетрадь, а въ другую игрушку, и замѣтивши, что его точно боятся, станетъ двигать и сжимать до тѣхъ

Digitized by Google

поръ, пока не изломаютъ его самого и машинку.

И врядъ-ли будетъ это злой человѣкъ. Нѣтъ, въ строгомъ смыслѣ, онъ будетъ даже добродѣтеленъ. Дѣло въ томъ, что онъ въ мудрыхъ книгахъ начиталъ: *Правосудная строгость, благодѣтельное умерщвленіе*; да еще: *милѣйшихъ родственниковъ праводушный убійца*; да еще: *погибни вселенная, а не правило*! и особенно: *искупительная сила пролитія крови*... идея чудовищная, дочь страха! Но онъ вѣритъ собственной своей добродѣтели, вѣритъ идеѣ, и повторяя тихонько: Justum et tenacem propositi virum, становится безстрастенъ къ скорбямъ людей, почитаетъ это безстрастіе величіемъ, смѣлостью.... и казнитъ.

Все несчастіе въ томъ, что колесо фортуны вздернуло его на верхъ, и слишкомъ рано дало ему эту ужасную болѣе всего на свѣтѣ, *незаслуженную Власть*.

Наконецъ мнѣ стали забавны *Постановленія* Сенъ-Жюста, до того, что я совершенно забылъ гдѣ нахожусь. Я съ наслажденіемъ погрузился въ полное забвеніе, потому что давно уже недорожилъ ни сколько жизнью

Digitized by Google

своею, всегда печальною *въ это ужасное время*. Вдругъ дверь, въ которую вошелъ я, растворилась снова. Человѣкъ, лѣтъ придцати, прекрасной наружности, высокій ростомъ, съ военнымъ, гордымъ видомъ, вошелъ безъ дальнихъ церемоній. Его всадничьи сапоги со шпорами, его хлыстикъ, его огромный открытый камзолъ, его черный развязанный галстухъ, давали ему видъ молодаго генерала.

— А! такъ ты не знаешь, можно-ли съ нимъ говорить! — сказалъ онъ, продолжая рѣчь къ Негру, который отперъ дверь. — Скажи ему, что я сочинитель *Каія Гракха* и *Тимолеона*.

Негръ вышелъ не отвѣчая ни слова, и заперъ его со мною. Бывшій драгунскій офицеръ кончилъ этимъ свою выходку, и подошелъ къ камину, стуча каблуками.

— Давно-ли ждешь ты, гражданинъ? — сказалъ онъ мнѣ. — Надѣюсь, что меня, какъ Представителя, гражданинъ Робеспьеръ приметъ скорѣе и отпуститъ прежде другихъ. Мнѣ сказать ему одно слово.

Онъ оборотился къ зеркалу и поправилъ свои волосы. — Вѣдь я не проситель. Я громко говорю, что думаю, и какъ въ правленіе прежнее, такъ и теперь, не дѣлаю тайны изъ своихъ мнѣній.

Digitized by Google

Я положилъ на столъ свои бумаги и съ удивленіемъ поглядѣлъ на него. Это немного надоумило его.

Не перемѣняя положенія, я сказалъ ему: — Я никакъ не думалъ-бы, что вы пришли сюда для удовольствія.

Онъ тотчасъ оставилъ свой гордый видъ и сѣлъ подлѣ меня въ кресла.

— Ахъ, да! скажите откровенно — произнесъ онъ тихимъ голосомъ: — И васъ призвали такъ-же какъ меня, не знаю зачѣмъ?

Здѣсь я замѣтилъ то, что случалось тогда часто, а именно, что разговоръ съ словцомъ *ты*, былъ какой-то театральный языкъ: этимъ языкомъ говорили будто выученую ролю, и оставляли его, когда разговоръ становился поважнѣе.

— Да — сказалъ я — меня призвали; но съ медиками это случается часто. Я не безпокоюсь, по крайней мѣрѣ за себя — прибавилъ я съ выраженіемъ на послѣднихъ словахъ.

« Да! за себя, » сказалъ онъ, обивая хлыстикомъ пыль съ своихъ сапоговъ. Онъ всталъ и прошелся по комнатѣ, кашляя съ досадою.

Онъ ворошился ко мнѣ и спросилъ:

— Знаете-ли вы: занятъ онъ, что-ли?

Digitized by Google

« Я думаю, гражданинъ Шенье » — отвѣчалъ я.

Онъ схватилъ мою руку.

— Да, да! — сказалъ онъ. — Для меня, вы ни сколько не похожи на шпіона. Чего хотятъ отъ меня здѣсь? Скажите, если знаете что нибудь.

Я былъ на иголкахъ: я чувствовалъ, что сей часъ войдутъ, что можетъ быть видятъ, что вѣрно подслушиваютъ. Терроръ носился въ воздухѣ, вездѣ, и особенно въ этой комнатѣ. Я всталъ и началъ ходить, чтобы по крайней мѣрѣ слышали, что мы не безпрестанно говоримъ, что нѣтъ разговора постояннаго. Онъ понялъ меня и сталъ ходить по комнатѣ въ противоположномъ направленіи. Мы ступали мѣрнымъ шагомъ, какъ двое часовыхъ, которые встрѣчаются ходя. Каждый изъ насъ будто размышлялъ самъ по себѣ, и высказывалъ слово мимоходомъ, а другой отвѣчалъ ему идя назадъ.

Я теръ себѣ руки.

— Можетъ быть — сказалъ я довольно тихо, не показывая ничего своимъ видомъ и проходя отъ двери къ камину — можетъ быть насъ свели и нарочно. — Прекрасная комната! — выговорилъ я очень громко.

Digitized by Google

Онъ ворошился отъ камина къ двери, и, встрѣтившись меня по срединѣ, сказалъ: — Я думаю также. — И поднявши голову: Окна во дворъ.

Я прошелъ.

— Сегодня утромъ видѣлъ я вашего отца и вашего брата—сказалъ я, и потомъ вскрикнулъ: Какая прекрасная погода!

Онъ прошелъ.

— Я зналъ это. Съ отцомъ я не видаюсь. Андрей, кажется, не долго останется тамъ. — Прелестное небо!

Я прошелся еще.

— Тальенъ, Куртуа, Баррасъ, Клозель, добрые граждане — сказалъ я и воскликнулъ съ восторгомъ: — Превосходный предметъ этотъ Тимолеонъ!

Онъ повстрѣчалъ меня идя назадъ:

— А Колло д'Эрбуа, Лозо, Бурдонъ, Барреръ, Буасси д'Англа... — Я еще больше любилъ моего Фенелона.

Я ускорилъ шаги.

— Это можетъ продолжиться еще нѣсколько дней. — Говорятъ, стихи прекрасны.

Онъ подошелъ большими шагами и толкнулъ меня локтемъ.

Digitized by Google

— Тріумвиры не проживутъ четырехъ дней.— Я читалъ его у гражданки Вестрисъ.

Въ этотъ разъ, проходя я пожалъ ему руку.

— Берегитесь произнести имя вашего брата: о немъ не думаютъ. — Говорятъ, что и развязка очень хороша.

Проходя въ послѣдній разъ, онъ съ жаромъ взялъ меня за руку.

— Его нѣтъ ни въ какой росписи; а я не назову его. Надобно прикинуться мертвымъ. 9-го, я освобожу его собственными руками. Боюсь только, что прежде...

Это былъ послѣдній переходъ. Дверь растворилась: мы были въ разныхъ концахъ комнаты.

Робеспьеръ вошелъ держа за руку Сенъ-Жюста, который, въ запыленномъ сюртукѣ, блѣденъ и измученъ, только лишь возвратился въ Парижъ. Робеспьеръ быстро взглянулъ на обоихъ насъ, изъ-подъ своихъ очковъ, и кажется ему понравилось, что мы были такъ далеко другъ отъ друга. Онъ улыбнулся сжавъ губы.

— Граждане! Вотъ путешественникъ, знакомый вамъ — сказалъ онъ.

Digitized by Google

Мы всѣ трое поздоровались: Іосифъ Шенье хмуря брови, Сенъ-Жюстъ съ быстрой и надменной уклонкой головы, я съ важностью монаха.

Робеспьеръ сѣлъ въ свои кресла, обитыя кожей, передъ бюро; Сенъ-Жюстъ рядомъ съ нимъ; мы напротивъ ихъ. Долгое молчаніе. Я глядѣлъ поперемѣнно на всѣхъ трехъ. Шенье раскинулся на своемъ стулѣ и покачивался, съ гордымъ видомъ, но съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ, будто размышляя о тысячѣ посторонникъ вещей. Сенъ-Жюстъ, съ видомъ совершенно спокойнымъ, склонилъ на плечо свое прелестное, задумчивое лицо, правильное, нѣжное, оттѣненное каштановыми волосами, разбросанными въ кудряхъ. Его большіе глаза обращались къ небу; онъ вздыхалъ; онъ казался святымъ юношею. Гонители часто принимаютъ видъ жертвъ. Робеспьеръ глядѣлъ на насъ, какъ кошка глядитъ на трехъ пойманныхъ ею мышей.

— Вотъ — сказалъ Робеспьеръ съ праздничнымъ видомъ — другъ нашъ Сенъ-Жюстъ возвратился изъ арміи. Онъ подавилъ тамъ измѣну; сдѣлаетъ тоже и здѣсь. Совсѣмъ неожиданно! Не правда-ли, Шенье?

Онъ посмотрѣлъ скоса, будто хотѣлъ насладиться замѣшательствомъ его.

Digitized by Google

— Ты звалъ меня, гражданинъ — сказалъ Іосифъ Шенье съ досадой. — Если за дѣломъ, то кончимъ скорѣе; меня ждутъ въ Конвентѣ.

« Я хотѣлъ, » отвѣчалъ Робеспьеръ съ чопорнымъ видомъ, указывая на меня, « свести тебя съ этимъ почтеннѣйшимъ человѣкомъ: онъ такъ заботится о твоемъ семействѣ.

Я былъ пойманъ. Мы съ Іосифомъ взглянули другъ на друга и открыли этимъ взглядомъ другъ другу всѣ наши опасенія. Я хотѣлъ выпутаться какъ нибудь и сказалъ :

— Я такъ люблю Словесность, и *Фенелонъ*...

« Ксшаши, Шенье ! » прервалъ Робеспьеръ. « Поздравляю тебя съ успѣхомъ *Тимолеона*. Ты не знаешь этого сочиненія ? » насмѣшливо сказалъ онъ Сенъ-Жюсту.

Тотъ улыбнулся съ презрительнымъ видомъ, и началъ обмешать пыль съ сапоговъ своихъ полой длиннаго своего сюртука, не удостоивши отвѣчать на вопросъ.

— О, конечно ! — сказалъ Іосифъ глядя на меня. — Для него это слишкомъ мѣлко.

Онъ хотѣлъ сказать это съ равнодушіемъ; но авторская кровь бросилась у него въ щеки.

Сенъ-Жюстъ, не измѣняя своего совершеннаго спокойствія, поднялъ глаза на Шенье и разсматривалъ его какъ-бы съ удивленіемъ.

Digitized by Google

— Членъ Конвента, который забавляется этимъ во II-й годъ Республики, кажется мнѣ дивомъ — сказалъ онъ.

« Почему-же и не заниматься ему этимъ! » возразилъ Іосифъ Шенье. « Когда не льзя ворочать большими дѣлами, такъ это самое лучшее, что можно сдѣлать для народа.

Сенъ-Жюстъ пожалъ плечами.

Робеспьеръ вынулъ изъ кармана часы, какъ-бы въ ожиданіи чего-то, и съ педантскимъ видомъ сказалъ :

— Гражданинъ Шенье! ты знаешь мое мнѣніе о писателяхъ. Не говорю о тебѣ, потому что знаю твои республиканскія добродѣтели, но вообще я почитаю ихъ самыми опасными врагами отечества. Надобно, чтобы воля была одна. Мы дошли до этого. Надобно чтобы она была республиканская, и для этого-то необходимо, чтобы писали только въ республиканскомъ духѣ : иначе это порча народа. Должно соединить народъ, и уничтожить горожанъ, отъ которыхъ всѣ внутреннія опасности наши. Надобно, чтобы народъ присоединился къ Конвенту, а Конвентъ къ нему; надобно, чтобы санкюлотамъ платили, *бѣсили* ихъ и оставляли по городамъ. А кто противится моимъ видамъ? Писатели, стихотворцы, которые показываютъ

презрѣніе въ рифмахъ и кричатъ: *Душа моя! удалимся въ пустыни!* Эти люди отнимаютъ смѣлость. Конвентъ долженъ поступать со всѣми, кто безполезенъ Республикѣ, какъ съ пропивниками Революціи.

«Это слишкомъ строго!» сказалъ Іосифъ Шенье, порядочно испуганный, и еще больше тронутый за самолюбіе.

— Я говорю совсѣмъ не на твой счетъ — продолжалъ Робеспьеръ съ притворною нѣжностію. — Ты былъ военный, теперь законодатель, и, когда нечего дѣлать, поэтъ.

«Неправда, неправда!» вскричалъ Іосифъ въ странномъ смущеніи. «Я родился поэтомъ, и только терялъ время въ арміи и въ Народномъ Собраніи.

Признаюсь, какъ ни важно было положеніе наше, я не могъ не улыбнуться отъ его замѣшательства.

Такъ могъ-бы говорить братъ его; но Іосифъ, по мнѣнію моему, ошибался въ себѣ. Неподкупимый былъ въ душѣ своей моего мнѣнія, и потому продолжалъ мучить его.

— Полно, полно! — сказалъ онъ съ притворною и несносною учтивостію. — Ты слишкомъ скроменъ, ты отказываешься отъ двухъ

Digitized by Google

лавровыхъ вѣнковъ для одного изъ поддѣльныхъ розъ.

«Послушай, гражданинъ!» возразилъ Іосифъ Шенье. «Кажется, прежде ты самъ любилъ эти цвѣтки. Я читалъ премилые куплеты, которые сочинилъ ты къ чашѣ на праздникѣ. Тамъ было:

O Dieux, que vois-je mes amis?
Un crime trop notoire.
O malheur affreux!!
O scandale honteux!
J'ose le dire à peine;
Pour vous j'en rougis,
Pour moi j'en gémis,
Ma coupe n'est pas pleine (*).

А мадригальчикъ, гдѣ было сказано:

Garde toujours ta modestie;
Sur le pouvoir de tes appas
Demeure toujours alarmée:
Tu n'en sera que mieux aimée
Si tu crains de ne l'être pas (**).

(*) «Боги! Что я вижу, друзья! Какое преступленіе, несчастіе, стыдъ! Едва смѣю сказать; краснѣю за васъ, а за себя сокрушаюсь: моя чаша не полна.»

(**) «Будь всегда скромна; всегда страшись за силу своей прелести. Еще больше будутъ любить тебя, когда ты будешь бояться, что тебя не любятъ.»

Digitized by Google

Право, прелестно! Сверхъ того, ты еще написалъ два Разсужденія о смертной казни: одно *противъ*, другое *за*, да похвалу Грессету, гдѣ была превосходная фраза. Помню ее наизусть; вотъ она:

«Вы, которые хотите шутить и писать очаровательно: читайте Vert-vert; читайте его и вы, которые ищете одной забавы! Вы узнаете новые источники наслажденій. Да, покуда будетъ существовать Французскій языкъ, Vert-vert останется предметомъ удивленія. По волѣ генія, попугай будетъ своими приключеніями занимать нашихъ внуковъ. Толпа героевъ пала въ забвеніе вѣчное, потому что не нашлось пера, достойнаго прославить подвиги ихъ, а ты, счастливый Vert-vert, твоя слава перейдетъ къ позднѣйшему потомству. О Грессетъ! ты былъ величайшій изъ поэтовъ. Разсыплемъ цвѣты, и проч. и проч.»

«Это очень хорошо написано.»

У меня есть это и теперь, печатное, съ именемъ *Робеспьера*, *Адвоката въ Парламентѣ*.

Неловко было насмѣхаться надъ такимъ человѣкомъ. Изъ кошачьяго лица своего онъ сдѣлалъ лицо тигра и сжалъ когти.

Сенъ-Жюстъ соскучился, и чтобы перервать разговоръ, взялъ его за руку. — Въ которомъ часу будешь въ Якобинскомъ Клубѣ?

Digitized by Google

— Послѣ! — отвѣчалъ Робеспьеръ съ досадой. — Дай мнѣ позабавиться.

Онъ сказалъ эти слова со смѣхомъ, отъ котораго защелкали у него зубы.

— Я жду одного человѣка — прибавилъ онъ.— Сенъ-Жюстъ! Куда дѣнешь ты поэтовъ?

«Я читалъ тебѣ,» сказалъ Сенъ-Жюстъ. «О нихъ говорю я въ X-й главѣ моихъ Постановленій.

— Ну? Что-же тамъ дѣлаютъ они?

Сенъ-Жюстъ презрительно искривилъ лицо, и посмотрѣлъ на полъ, кругомъ своихъ ногъ, будто ища булавки, которая упала на коверъ.

«Какъ что̀...» сказалъ онъ... «Гимны, которые будутъ заказывать имъ въ первый день каждаго мѣсяца, во славу Превѣчнаго и добрыхъ гражданъ, какъ хотѣлъ это Платонъ. 1-го Жерминаля будутъ они прославлять Природу и народъ; 1-го Флореаля любовь и супруговъ; 1-го Преріаля побѣду; 1-го Мессидора усыновленіе; 1-го Термидора юность; 1-го Фрюктидора благополучіе; 1-го Вандеміера старость; 1-го Брюмера душу безсмертную; 1-го Фримера мудрость; 1-го Нивоза отечество; 1-го Плювіоза трудъ; 1-го Вантоза друзей.

Digitized by Google

Робеспьеръ захлопалъ въ ладоши. — Превосходно разсчитано! — сказалъ онъ.

«И такъ: вдохновеніе, или смерть?» спросилъ Іосифъ Шенье смѣясь.

Сенъ-Жюстъ всталъ съ важностью.

— А для чего-же и нѣтъ — сказалъ онъ — если ихъ не воспламеняютъ патріотическія добродѣтели? Правилъ только два: Добродѣтель и Терроръ.

Тутъ онъ склонилъ голову, и спокойно прислонился спиной къ камину, какъ человѣкъ, который сказалъ все, и которой убѣжденъ въ совѣсти своей, что онъ знаетъ все. Спокойствіе его было совершенно, голосъ неизмѣняемъ, физіогномія простодушная, восхищенная, правильная.

— Вотъ человѣкъ, котораго назвалъ-бы я поэтомъ — сказалъ Робеспьеръ — указывая на него. — Онъ видитъ все въ огромныхъ размѣрахъ, и не забавляется формами слога, больше или меньше искусными. Онъ бросаетъ слова, какъ молніи въ тму будущаго. Онъ знаетъ, что участь людей второстепенныхъ заниматься подробностями идей и приводить въ исполненіе наши идеи; что для свободы и равенства всего опаснѣй это племя умственныхъ аристокра-

Digitized by Google

шовъ: они, своими отдѣльными извѣстностями дѣйствуютъ частно, вредно и пропивно *единству*, которое должно управлять всѣмъ.

Сказавши это, онъ посмотрѣлъ на насъ; мы посмотрѣли другъ на друга. Мы были изумлены. Сенъ-Жюстъ одобрялъ знаками и ласкалъ его ревнивыя и повелительныя мнѣнія. И такова будутъ всегда мнѣнія людей, которые захватили власть...

Выскочки, любимцы Фортуны, будутъ вѣчно гнѣваться, какъ Аманъ, на тѣхъ строгихъ Мардохеевъ, которые посыпаютъ пепломъ главу, садятся на ступенахъ крыльца ихъ палатъ, и одни отказываются обожать Амана, а иногда и заставляютъ его сходить съ коня и держать подъ уздцы собственнаго ихъ коня.

Іосифъ Шенье не зналъ, какъ опомниться отъ удивленія: такъ странны были ему слова Робеспьера. Наконецъ, фамильный характеръ его побѣдилъ благоразуміе.

— Да — сказалъ онъ — я также зналъ поэтовъ, которымъ не доставало только одного: Поэзіи.

Робеспьеръ изломалъ пальцами перо и взялъ газету, будто не вслушавшись.

Digitized by Google

Сенъ-Жюстъ, который отъ природы былъ довольно простодушенъ, и неуклюжъ какъ неотесаный школьникъ, принялъ за чистыя деньги сказанное Робеспьеромъ, и началъ говорить о себѣ съ такимъ удовольствіемъ и невинностью, что мнѣ было жаль его:

— Гражданинъ Шенье правъ — сказалъ онъ, пристально глядя на стѣну, и не видя ничего, кромѣ своей мысли. — Я точно былъ поэтъ, когда говорилъ: *Великіе люди не умираютъ въ постелѣ — Обстоятельства бываютъ трудны только для тѣхъ, кто боится могилы — Презираю прахъ, который составляетъ меня и говоритъ вамъ....*

« Прекрасныя правила, и парадоксы, больше или меньше Спартанскіе, и больше или меньше извѣстные! Но это не поэзія,» сказалъ я.

Сенъ-Жюстъ оборотился ко мнѣ спиною, поспѣшно и съ досадой.

Мы всѣ четверо молчали.

Разговоръ дошелъ до той точки, когда всякое слово могло быть смертнымъ ударомъ, а ни Іосифъ Шенье, ни я, не слишкомъ любили убивать.

Digitized by Google

Замѣшательство наше было прервано совсѣмъ неожиданно, потому что Робеспьеръ вдругъ схватилъ со своего стола колокольчикъ и зазвонилъ. Явился негръ и ввелъ пожилаго человѣка, который лишь вошелъ, какъ и остановился отъ изумленія и ужаса.

— Вотъ еще вашъ знакомый — сказалъ Робеспьеръ. — Я приготовилъ всѣмъ маленькое свиданіе.

Это былъ старикъ Шенье. Я затрепеталъ всѣмъ тѣломъ. Отецъ отвернулся. Сынъ поникъ глазами и исподлобья взглянулъ на меня. Робеспьеръ усмѣхался. Сенъ-Жюстъ глядѣлъ на него, чтобы угадать его намѣреніе.

Старикъ прежде всѣхъ прервалъ молчаніе. Отъ него зависѣло все, и уже никто не могъ тутъ заставить его молчать или говорить. Мы ждали точно какъ удара топора.

Съ благороднымъ видомъ подошелъ онъ къ сыну.

— Давно не видалъ я васъ, милостивый государь! Для чести вашей думаю, что вы пришли за однимъ со мной дѣломъ.

Іосифъ Шенье, этотъ гордый, возвышенный, сильный, грозный Іосифъ Шенье падалъ подъ принужденіемъ и горестью.

Digitized by Google

— Батюшка! — сказалъ онъ медленно, дѣлая удареніе на каждомъ слогѣ. — Боже мой! Батюшка! Подумали-ли вы о томъ, что хотите дѣлать?

Отецъ открылъ ротъ, и сынъ поспѣшилъ громкимъ голосомъ заглушить его слова:

— Я знаю... догадываюсь.... почти.... почти знаю дѣло....

Оборотившись къ Робеспьеру съ усмѣшкой:

— Дѣло ничтожное, пустое, говори по правдѣ....

Къ своему отцу:

— О которомъ хотите вы говорить. Но, мнѣ кажется, вы могли-бы передать его мнѣ. Я Депутатъ.... я.... я знаю....

«И я знаю, что значите вы, милостивый государь!» возразилъ старикъ Шенье.

— Нѣтъ! — сказалъ Іосифъ Шенье подошедши къ нему. — Вы не знаете; ни сколько не знаете. Граждане! Бѣдный отецъ мой такъ долго не хотѣлъ видѣть меня. Онъ даже не знаетъ, что дѣлается въ Республикѣ. Я отвѣчаю, что онъ не увѣренъ и въ томъ, что хочетъ сказать вамъ.

Онъ хотѣлъ наступить ему на ногу. Но старикъ уклонился.

Digitized by Google

— Я хочу исполнить вашу обязанность, потому что вы не исполняете ея — сказалъ онъ.

«Боже праведный!» вскричалъ Іосифъ Шенье въ мученьи.

— Какъ любопытны оба! — замѣтилъ Робеспьеръ Сенъ-Жюсту, рѣзкимъ голосомъ и съ ужаснымъ наслажденіемъ. — О чемъ они такъ кричатъ?

— Я — воскликнулъ старый отецъ подходя къ Робеспьеру — я въ отчаяніи, потому что вижу...

Я всталъ, чтобы остановить его за руку.

— Гражданинъ! — сказалъ Іосифъ Шенье Робеспьеру. — Позволь мнѣ поговорить съ тобой наединѣ, или увести отсюда отца, на минуту. Я вижу, что онъ боленъ и смущенъ.

«Безбожный!» сказалъ отецъ. «Неужели ты хочешь быть такимъ-же дурнымъ сыномъ, какъ...

— Послушайте! — вскричалъ я перебивая его слова. — Не для чего было и совѣтоваться со мной сегодня утромъ.

«Нѣтъ!» сказалъ Робеспьеръ своимъ пронзительнымъ голосомъ и съ невѣроятнымъ своимъ хладнокровіемъ. «Нѣтъ, Шенье! право не хочу, чтобы отецъ твой оставилъ меня. Я назначилъ ему аудіэнцію; должно-же выслушать его.

Digitized by Google

Да и для чего хочешь ты чтобы онъ ушелъ? Чего боишься ты словъ его? Что можетъ сказать онъ мнѣ? Развѣ я не знаю почти всего, что дѣлается; даже упреннихъ рецептовъ твоихъ, Докторъ!

— Все кончено! — шепнулъ я, въ тоскѣ упадая на стулъ.

Іосифъ Шенье сдѣлалъ послѣднее усиліе. Онъ смѣло подошелъ и сталъ смѣло между своимъ отцомъ и Робеспьеромъ.

— Впрочемъ — сказалъ онъ сему послѣднему — мы равны, мы братья, не такъ-ли? Да! я могу сказать тебѣ, гражданинъ, много такого, чего не въ правѣ говорить никто другой, кромѣ Представителя въ Народномъ Конвентѣ. Не такъ-ли? Хорошо, и такъ я скажу тебѣ, что мой добрый отецъ, вотъ этотъ добрый, старый отецъ ненавидитъ меня теперь, потому что я Депутатъ, и разскажетъ тебѣ какое нибудь семейственное дѣло, которое гораздо ниже твоихъ важныхъ занятій. Вотъ что, гражданинъ Робеспьеръ!.. У тебя такія огромныя дѣла; ты-же одинокъ, дѣйствуешь одинъ, и всѣ домашніе пустяки, всѣ эти мѣлочныя ссоры тебѣ неизвѣстны: счастье твое! Ты не долженъ и заниматься ими.

Онъ взялъ его за обѣ руки.

Digitized by Google

— Нѣтъ, я никакъ не хочу, чтобы ты слушалъ его, не хочу, не хочу! — И какъ-бы смѣясь: — Да, потому что вздоры, сущіе вздоры спанешь онъ разсказывать тебѣ!

Тутъ началъ онъ болтать вполголоса:

— Какая нибудь жалоба на мое прежнее поведеніе: обыкновенныя его, старыя, дряхлыя понятія. Я не знаю что такое. Послушай, мой другъ, нашъ великій гражданинъ, повелитель нашъ... да, я думаю такъ, откроюсь... ступай, ступай къ своимъ дѣламъ, въ Собраніе, гдѣ слушаютъ тебя... или, постой! гораздо лучше: вышли насъ. Да, пожалуста, прямо, вышолкай насъ; мы надоѣли тебѣ. Господа! Мы недогадливы: пойдемъ-те.

Онъ взялъ свою шляпу; онъ задыхался; лицо его было блѣдно, покрыто потомъ. Онъ трепеталъ.

— Пойдемъ, Докторъ! пойдемъ-те, батюшка! Мнѣ надобно поговорить съ вами. Право мы недогадливы. Да и Сенъ-Жюстъ пріѣхалъ такъ издалека, повидаться съ нимъ! Изъ Сѣверной арміи! Не правда-ли, Сенъ-Жюстъ?

Онъ шелъ вонъ и возвращался; онъ не могъ удерживать слезъ; онъ бралъ Робеспьера за руки, отца за плеча; онъ былъ точно какъ безумный.

Digitized by Google

Робеспьеръ всталъ, и съ предательскимъ видомъ доброты протянулъ руку, мимо сына, къ старику. Отецъ вообразилъ что все спасено; мы увидѣли что все погибло. Старикъ Шенье распалялъ отъ одного этого движенія: такови всѣ слабые старики.

— О, какъ добры вы! — сказалъ онъ. — Это система; не правда-ли? Система причиной, что васъ почитаютъ дурнымъ человѣкомъ? Возвратите мнѣ старшаго сына моего, господинъ Робеспьеръ! Возвратите мнѣ его, заклинаю васъ! Онъ въ домѣ Святаго Лазаря. Онъ, право, лучшій изъ двухъ. Вы не знаете его. Онъ удивляется вамъ; онъ удивляется и всѣмъ сотрудникамъ вашимъ; онъ часто говоритъ мнѣ объ этомъ. Онъ совсѣмъ не изъ *некстовыхъ;* совсѣмъ нѣтъ, чтобы ни говорили вамъ о томъ. Этотъ боялся повредить себѣ, и не говорилъ вамъ, но я, я отецъ, милостивый государь! Я старъ и не страшусь ничего. Впрочемъ, вы человѣкъ хорошаго общества; стоитъ лишь увидѣть васъ и ваше обращеніе; съ такимъ человѣкомъ какъ вы, всегда можно понять другъ друга. Не правда-ли?

Оборотившись къ сыну:

— Не дѣлай мнѣ знаковъ! Не прерывай меня! Ты мѣшаешь мнѣ! Пусть господинъ Робеспьеръ поступитъ какъ внушитъ ему сердце.

Digitized by Google

Онъ, я думаю, немножко больше тебя свѣдущъ въ дѣлахъ правительства! Ты съ малолѣтства, всегда завистствовалъ Андрею. Оставь, не говори мнѣ.

Несчастный братъ! Онъ не могъ говорить; онъ, такъ-же какъ и я, былъ нѣмъ отъ горести.

— А! — сказалъ Робеспьеръ садясь и снимая свои очки, спокойно и какъ-бы облегчивши грудь. — Такъ вотъ въ чемъ ихъ важное дѣло! Скажи мнѣ, Сенъ-Жюстъ! Неужели они думали, что я не знаю о заключеніи его брата? Право, эти люди воображаютъ меня дуракомъ! Только я не занялся-бы имъ еще нѣсколько дней: это правда. Хорошо — прибавилъ онъ, взялъ перо, и написалъ что-то на бумагѣ. — Дѣло твоего сына будетъ перенесено.

«Вотъ что!» сказалъ я задыхаясь.

— Какъ перенесено? — спросилъ изумленный отецъ.

«Да, гражданинъ!» сказалъ Сенъ-Жюстъ, хладнокровно объясняя смыслъ этихъ словъ: «Перенесено въ Революціонное Судилище, гдѣ онъ можетъ защищаться.

— А мой Андрей?—спросилъ старикъ Шенье.

«Онъ? Его переведутъ въ Conciergerie — отвѣчалъ Сенъ Жюстъ.

Digitized by Google

— Да онъ заключенъ въ тюрьму безъ всякаго приговора — сказалъ отецъ.

« Ну, это онъ объявитъ въ Судилищѣ!» возразилъ Робеспьеръ. « Тѣмъ лучше для него.»

И говоря это онъ все продолжалъ записывать.

— Но для чего посылать его туда? — спросилъ бѣдный старикъ.

« Для того, чтобы онъ оправдался» — холодно отвѣчалъ Робеспьеръ, продолжая писать.

— А станутъ-ли слушать его? — сказалъ Іосифъ Шенье.

Робеспьеръ надѣлъ очки и пристально посмотрѣлъ на него. Изъ подъ зеленыхъ стеколъ глаза его блистали какъ глаза совы.

— Развѣ ты сомнѣваешься въ безпристрастіи Революціоннаго Судилища? — сказалъ онъ.

Іосифъ Шенье склонилъ голову, и молвилъ: Нѣтъ. Глубокій вздохъ вырвался изъ груди его.

Сенъ-Жюстъ съ важностію сказалъ:

— Судилище оправдываетъ иногда.

« Иногда!» воскликнулъ отецъ трепеща и оставаясь на мѣстѣ.

— Послушай, Сенъ-Жюстъ — сказалъ Робеспьеръ, начавши опять писать — знаешь-ли

Digitized by Google

ты, что вѣдь и тотъ поэтъ? Именно, мы говорили о нихъ, а они говорятъ объ насъ. Посмотри, какую милую штучку написалъ онъ. Это совсѣмъ новое; не правда-ли, Докторъ! Подумай, Сенъ-Жюстъ: онъ называетъ насъ *палачами и пачкунами законовъ!*

« Да, » сказалъ Сенъ-Жюстъ взявши бумагу, которую тотчасъ узналъ я, и которую украли дивные шпіоны Робеспьера.

Вдругъ Робеспьеръ вынулъ изъ кармана часы, всталъ поспѣшно и произнесъ: *Два часа!*

Онъ поклонился намъ и бросился къ двери той комнаты, изъ которой вышелъ съ Сенъ-Жюстомъ. Онъ отворилъ дверь, вошелъ первый, и былъ уже на половину въ другой комнатѣ, гдѣ увидѣлъ я людей. Тутъ, оставляя руку на ключѣ, какъ-бы со страхомъ, онъ былъ готовъ запереть дверь намъ подъ носъ, и сказалъ голосомъ рѣзкимъ, притворнымъ и твердымъ:

— Это для того только, чтобы показать вамъ, что я довольно скоро узнаю все, что дѣлается. — Обратившись къ Сенъ-Жюсту, который шелъ за нимъ спокойно, съ неизгладимою улыбкою кротости, онъ прибавилъ:

— Не правда-ли, Сенъ-Жюстъ, что я не хуже поэтовъ умѣю составлять семейственныя сцены?

Digitized by Google

« Подожди, Максимиліанъ! » вскричалъ Іосифъ Шенье, показывая кулакъ и выходя въ противоположную дверь, которая на этотъ разъ отворилась сама собою. « Я иду въ Конвентъ съ Тальеномъ! »

— А я въ Клубъ Якобинцевъ! — сказалъ Робеспьеръ сухо и гордо.

— Съ Сенъ-Жюстомъ! — прибавилъ Сенъ-Жюстъ страшнымъ голосомъ.

Я шелъ за Іосифомъ Шенье, чтобы выйдти изъ этой берлоги.

— Примите вашего втораго сына — сказалъ я отцу — потому что вы убили старшаго.

Мы вышли, не имѣя силъ оглянуться на старика.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

Digitized by Google

Сочиненія Державина. 4 тома. СПб. 1831 г. въ т. А. Смирдина, in 8, VIII, 342, 362, 230 и 308 стр. съ портретомъ и виньетами.

Начиная чтеніе свое объ Альфіери, Е. Легуве (одинъ изъ новыхъ литераторовъ Французскихъ, достойный другихъ юныхъ сподвижниковъ) такъ говорилъ слушателямъ курса его въ Парижскомъ Атенеѣ:

« Какое наслажденіе: взять человѣка, подобнаго Альфіери, Байрону, Дидеро; запереться съ этимъ человѣкомъ на нѣсколько времени; перечитать все, что осталось отъ него—записки, письма, сочиненія; сообразить одни съ другими всѣ сіи памятники его жизни, и возсоздать изъ нихъ для себя живое созданіе! Первые дни такого занятія тягостны, раздражаютъ васъ: ошибаетесь, возвращаетесь на прежнее, почитаете прихоть характеристическою чертою; но, мало по малу, великій человѣкъ, изучаемый вами, обозначается передъ вами въ совершенной точности; образъ его дополняется, очерки души останавливаются, и наконецъ нравственный исполинъ, угасшій навсегда геній, возсоздается, дѣлается современникомъ души вашей; у васъ стало однимъ другомъ болѣе. Такъ нѣсколько времени старался я себя *объальфіерить*, и мнѣ кажется, что я знаю теперь этого великаго человѣка, какъ будто-бы онъ самъ высказалъ мнѣ свою душу, свою мысль, свой геній. Страшусь только, что

Digitized by Google

образъ его, столь живо впечатлѣнный въ умѣ моемъ, я не буду умѣть передать вамъ. Слова измѣнятъ мнѣ, безъ сомнѣнія, въ усиліи моемъ: на нѣсколькихъ страницахъ сжать всѣ характеристическія черты генія, столь фантастическаго, столь прихотливаго, столь независимаго! Не критику его твореній, но образъ его самого, и въ разборѣ его созданій человѣка хотѣлось-бы мнѣ показать вамъ вполнѣ.»

Мы выписали слова Легуве, ибо они совершенно выражаютъ то, что мы сдѣлали съ Державинымъ, приготовляясь говорить о немъ читателямъ Телеграфа, по случаю новаго изданія его твореній.

Къ прискорбію нашему, мы не имѣли счастія видѣть въ живыхъ этого великаго человѣка... Безотчетно удивлялись мы созданіямъ его въ то время, когда, *шестнадцать лѣтъ* тому, угасъ великій! Можетъ быть, теперь, въ бесѣдѣ его, смотря на него, ища въ лицѣ его таинственныхъ слѣдовъ его генія, мы могли-бы дополнить нашъ очеркъ. Но, можетъ быть, это и особенная выгода наша для сужденія о Державинѣ. На дряхломъ челѣ старца, въ чертахъ проложенныхъ лѣтами и суетою міра среди божественныхъ чертъ, доставшихся ему отъ настоящей его родины — неба, потерялся-бы, можетъ быть, для насъ восторгъ, какой движетъ душу теперь, когда мы возсоздаемъ себѣ образъ поэта изъ его твореній, никогда не видавши его самого. Онъ успѣлъ совершить полный кругъ жизни; онъ весь высказался намъ.... Болѣе достойно сожалѣнія, что донынѣ извѣстны намъ не всѣ по-

Digitized by Google

дробности его жизни, политической и частной. При новомъ изданіи Сочиненій Державина нѣтъ ни Записокъ, которыя хранятся у его родныхъ (см. *Предисловіе*, стр. VII), ни примѣчаній, ни пояснеій. Нѣкоторыя сочиненія Державина — «*потому-ли, что писаны въ прозѣ, или по иным причинамъ*» (ibid. стр. VII), также и теперь остались намъ неизвѣстными. Не знаемъ этихъ *иныхъ причинъ*, но жалѣемъ, что съ Державинымъ поступаютъ столь небрежно, что объ немъ все еще думаютъ, какъ будто о чиновникѣ, о Превосходительномъ современникѣ... Какъ-бы то ни было, намъ остается довольствоваться тѣмъ, что есть, что издано, краткими жизнеописаніями, и особенно книжкою, за которую не льзя не поблагодарить Г-на Осиповa (*Ключъ къ Сочиненіямъ Державина*, СПб. 1822 г. (*).

Уже время говорить о Державинѣ. Мы не можемъ быть довольны безотчетною похвалою, которую передали намъ современники, похвалою косноязычною, которая славила въ немъ только *Пѣвца Фелицы*, любовалась догматизмомъ его *Оды Богъ*, величала Державина *Вашимъ Высокопревосходительствомъ*, и говорила съ удивленіемъ о томъ, какъ Екатерина жаловала Державина за его стихи. Не можемъ мы быть довольны и возгласами «тонкаго цѣнителя твореній Державина» (*Предисловіе*, стр.

(*) Это *собственныя* замѣчанія Державина; посему, выписывая ихъ въ статьѣ нашей, мы вездѣ ставили ихъ прямо отъ лица Державина.

Digitized by Google

VIII), который на одинъ ладъ говорилъ похвалы Державину, Озерову, Дмитріеву, какъ будто всѣ трое они были одинаковы. Съ другой стороны, мелкое самолюбіе нашего времени, дерзкое болѣе самаго невѣжества, уже осмѣливается равнодушно говорить о Державинѣ; краденый восторгъ (и не восторгъ, а какое-то ложное поэтическое упоеніе) современнаго стихотворства дерзаютъ иногда ставить на ряду съ могущимъ вдохновеніемъ потомка Багримова; не зная различія эпохъ, направленій, образованій духа человѣческаго, хотятъ судить Державина по уложенію Англійскаго, Греческаго, Нѣмецкаго суда. Не безпрестанно-ли также, въ печатныхъ курсахъ, лекціяхъ, книгахъ, видимъ мы имя Державина, какъ поэта, на ряду съ Ломоносовымъ, и въ Исторіи Литтературы едва отличенное, наравнѣ съ другими, послѣ кондуитнаго списка его службы, и библіографической росписи его сочиненій?

Не дерзаемъ сказать, что мы успѣемъ вполнѣ *оцѣнить* Державина; по крайней мѣрѣ, мы постараемся изобразить его, *какъ человѣка*, и *какъ поэта*, уединившись въ его творенія, стряхнемъ съ нихъ все тлѣнное, все вещественное, и преклонимъ колѣна только предъ тѣмъ таинственнымъ алтаремъ, гдѣ вѣчнымъ огнемъ горитъ безсмертный геній Державина, сквозь туманъ слабостей и страстей вѣка его, и—онъ былъ *человѣкъ*—сквозь мракъ его собственныхъ страстей и слабостей. Для сего надобно намъ предварительно изобразить жизнь Державина, разобрать характеръ его, какъ Русска-

Digitized by Google

го чиновника XVIII-го вѣка, и какъ гражданина всѣхъ вѣковъ, взглянуть на вѣкъ его, и, наконецъ, разсмотрѣть самыя его творенія.

Около *девяноста* лѣтъ тому назадъ, 1743 года Іюля 3 дня, въ Казани, у небогатаго офицера Романа *Державина* родился сынъ, и его назвали *Гавріиломъ*. Отецъ безпрестанно находился на службѣ. Семейство Державина постоянно оставалось въ Казани, гдѣ была у него небольшая деревня. Мальчикъ оказался весьма умный и острый. Лѣтъ пяти, онъ уже бойко читалъ и бѣгло писалъ. Вскорѣ повезли его въ Оренбургъ, и представили, какъ недоросля, на смотръ старику Неплюеву. Какъ дворянина, надобно было его послѣ сего воспитывать. Но чѣмъ, и гдѣ? Какой-то ссыльный Нѣмецъ, Осипъ Розе, завелъ въ Оренбургѣ школу, и дворяне тамошніе отдавали ему дѣтей. Отдали и Державина. Но Розе самъ ничего не зналъ, заставлялъ учениковъ только читать, писать, твердить вокабулы. Державинъ дѣлалъ все это, выучился кое-какъ по-Нѣмецки, по-Французски, а больше читалъ Русскія книги, и списывалъ Суздальскія картинки, страстно любя рисованье. Девять лѣтъ было Державину, когда отецъ его вышелъ въ отставку Полковникомъ, и рѣшился отвезти дѣтей (ихъ было двое у него: нашъ поэтъ, и еще другой сынъ, умершій въ 1770 году), въ Кадетскій Корпусъ. Ему хотѣлось сдѣлать ихъ артиллеристами, или инженерами. Но Елисавета и съ нею всѣ *милостивцы* его были тогда въ Москвѣ. Поѣздку отложили до новаго

Digitized by Google

года, а въ Ноябрѣ Полковникъ Державинъ умеръ. Бѣдную вдову сосѣди начали перзать, раззорять тяжбами. Для умилостивленія, возила она къ судьямъ и благодѣтелямъ дѣтей своихъ, плакала, просила. «Съ тѣхъ-то поръ,» говорилъ Державинъ въ старости, «врѣзалось въ сердце мое ужаснѣйшее отвращеніе отъ людей неправосудныхъ и притѣснителей сиротъ.» Между тѣмъ школьникъ Лебедевъ и отставной Прапорщикъ Полетаевъ, на мѣдныя деньги учили Державина Ариѳметикѣ и Геометріи. Мать удѣляла для сего послѣднія крохи. Державинъ чертилъ планы, слагалъ, вычиталъ, рисовалъ, игралъ на скрыпкѣ самоучкою, и съ жадностью читалъ Оды Ломоносова, Трагедіи Сумарокова, переводъ Телемака, Аргениду, Маркиза Глаголя, выпрашивая книги у кого могъ, былъ остеръ, ловокъ, уменъ, горячъ, и вскорѣ осмѣлился самъ *писать*. Любопытно послушать разсказъ Державина о началѣ его писанья; когда уже поступилъ онъ въ Гимназію, учрежденную, въ 1758 году, въ Казани. За годъ до того, мать его, съ помощію добрыхъ родственниковъ, съѣздила въ Петербургъ, записала дѣтей своихъ въ Герольдію, и взяла назадъ въ Казань *для окончанія наукъ*. «Но познанія въ Гимназіи пріобрѣтали мы малыя; я отличался остротою и воображеніемъ, и въ сіе время стала открываться во мнѣ способность къ стихотворству, отъ чтенія книгъ. Сколь ни тѣсенъ былъ путь, по которому склонность устремляла меня, молодаго стихотворца, безъ всякаго руководителя, однакожъ началъ я денно и нощно трудиться въ составленіи стиховъ, и въ сочиненіи романовъ и

Digitized by Google

сказокъ, въ подражаніе читанныхъ мною образцамъ. Но какъ все сіе писано было безъ наставника, безъ правилъ, то и было все то одно смѣшное маранье, котораго молодой сочинитель никому, даже товарищамъ своимъ не показывалъ, а все раздиралъ и предавалъ огню; нѣкоторые только маленькіе стишки были извѣстны друзьямъ моимъ, со мною воспитывавшимся.» Директоромъ Казанской Гимназіи былъ тогда весельчакъ и остякъ Веревкинъ, Риваролъ своего времени, неутомимый переводчикъ, и сочинитель комедіи: *Такъ и должно*. Онъ бранилъ Державина, называлъ *тупицею*, но думалъ, что изъ него выйдетъ *хорошій Математикъ*, повезъ его геометрическое черченье въ Петербургъ, показалъ тамъ Шувалову, и возвратясь въ Казань, поздравилъ Державина съ запискою кондукторомъ въ Инженерную службу. Державинъ обрадовался, надѣлъ мундиръ Инженернаго Корпуса, и вдругъ, совсѣмъ неожиданно, получилъ ордеръ и паспортъ изъ Лейбъ-Гвардейской Канцеляріи Преображенскаго полка: Шуваловъ сдѣлалъ ему *милость*, по рекомендаціи Веревкина, и, за хорошее черченье геометрическихъ фигуръ, опредѣлилъ его въ Гвардію. Въ Маршѣ 1762 г. Державинъ явился въ Петербургъ. Любопытно, что онъ стоялъ на часахъ во Дворцѣ въ самый день восшествія Екатерины II-й, Іюня 28 дня, 1762 года. Думалъ-ли кто изъ людей, тогда столь великихъ и знаменитыхъ, что 20-ти лѣтній солдатъ, отдающій имъ честь ружьемъ, будетъ Бардомъ вѣка Екатерины, и переживетъ ихъ въ вѣкахъ! Екатерина начала царствовать, а будущій Бардъ Ея смиренно возвратился

Digitized by Google

въ свои казармы; можетъ быть, написалъ Ей *Оду*, и спряталъ въ свой ящикъ, какъ негодное маранье. «Вступя въ дѣйствительную службу, жилъ я въ казармѣ, между многими женатыми и холостыми. По шѣнотѣ, неудобно было мнѣ заниматься ни рисованіемъ, ни музыкою. Оставивъ сіи искусства, занимался я безпрестанно, когда другіе спали, чтеніемъ книгъ, кои въ Петербургѣ удобнѣе было достать, также писаньемъ для разныхъ людей писемъ, а иногда стиховъ на разные случаи, единственно для себя. Правила Поэзіи почерпалъ я изъ сочиненій Тредьяковскаго, а въ выраженіяхъ и слогѣ старался подражать Ломоносову, но не имѣя подобнаго его таланта, въ томъ не успѣвалъ.» Во время коронаціи Екатерины (въ Сентябрѣ, 1762 г.), въ Москвѣ, Державинъ, пришедшій туда съ другими Гвардейцами, узналъ, что Шуваловъ ѣдетъ въ чужіе краи. Онъ явился къ Шувалову, и просилъ взять его съ собою. Шуваловъ распросилъ молодаго солдата, и согласился. Но родня Державина не хотѣла потакать шалостямъ. «Служишь, братъ, служишь надобно,» говорили ему, «а не шататься по чужимъ землямъ!» Державинъ съ горемъ согласился на благоразумный совѣтъ; Шуваловъ уѣхалъ безъ него, а Державинъ, какъ будто въ ушѣшеніе, пожалованъ капраломъ, и продолжалъ жить въ своей Петербургской казармѣ, читалъ, писалъ, накопилъ кучу писанныхъ бумагъ, и въ 1770 году сжегъ ее всю, безъ сожалѣнія. Онъ ѣхалъ тогда изъ Москвы; близъ Петербурга остановили его, и какъ въ Москвѣ была тогда чума, то надобно было окурить *превеликую кипу бумагъ*, которою набитъ

Digitized by Google

былъ сундукъ молодаго капрала (*другаго имѣнія со мною почти не было*). «По пылкости моего характера, соскучившись ждать окуренія и пересмотра, я сжегъ свои бумаги, и тотчасъ былъ пропущенъ.» Двадцати осьми лѣтъ, 1772 г., Января 1 д. получилъ Державинъ чинъ офицерскій.

Тутъ было ему уже болѣе свободы читать и писать. Онъ переводилъ съ Нѣмецкаго, подражалъ Гагедорну, Клейсту, Захаріи, Галлеру, рабошалъ неутомимо, прослылъ грамотнымъ человѣкомъ, взбѣсилъ Сумарокова безыменною эпиграммою, познакомился съ Херасковымъ, Президентомъ Берг-Коллегіи, Домашневымъ, Директоромъ Академіи Наукъ, Хемницеромъ, служившимъ при Горномъ Кадетскомъ Корпусѣ, и проч. Но современныя славы затмѣвали его. Новиковъ, издавая *Словарь Русскихъ писателей*, не зналъ даже имени Державина, внося въ списокъ свой *Жукова Петра*, Кабинетъ-Курьера, и прочую пишущую братью, превознося Сумарокова, критикуя Петрова, и проч. и проч. — «Будучи офицеромъ гвардіи, когда дозволяло время, не оставлялъ я упражняться въ любимомъ своемъ искусствѣ, руководствуясь правилами изъ книгъ Русскихъ и *иностранныхъ*; переводы свои, большею частію, предавалъ я огню, никому не открываясь въ своемъ упражненіи, и иногда только читалъ бездѣлки друзьямъ своимъ.» Отважно принялся Державинъ за Клопштока, и перевелъ двѣ пѣсни его Мессіады, «которыя читавшими оныя были одобрены.» Домашневъ взялъ ихъ къ себѣ, желая хорошенько прочитать, и потерялъ; Держа-

Digitized by Google

винъ не сталъ продолжать труда своего. Между тѣмъ друзья его отдали нѣкоторыя изъ его лишнерашурныхъ упражненій тогдашнимъ Журналистамъ. Державинъ изумился, но не обрадовался, увидя въ печати свой переводъ Овидіевой Героиды (въ 1772 г. *Посланіе Виѳлиды къ Кавну*), и нѣсколько Одъ.

Тридцать лѣтъ было Державину, когда новое поприще жизни вдругъ открылось ему. Бибиковъ отправился усмирять Пугачева, и взялъ съ собою Подпоручика Державина. Въ 1777 г. его произвели за службу въ бомбардирскіе Капитанъ-Поручики, и хотѣли выпустить въ армію Полковникомъ. Но недоброжелательство какой-то знатной особы остановило успѣхъ службы; Державинъ съ досадою увидѣлъ себя перемѣщеннымъ въ статскую службу, въ чинѣ Коллежскаго Совѣтника, и принужденнымъ служить у строгаго, суроваго Князя Вяземскаго, который не терпѣлъ ни Поэзіи, ни поэтовъ. До 1782 года, Державинъ, дѣловый человѣкъ, Экзекуторъ Сената, Совѣтникъ Экспедиціи государственныхъ доходовъ, пять лѣтъ находился въ одномъ чинѣ. Гдѣ-же его поэзія? Половина жизни его пролетѣла. . .

Но здѣсь, 1782-мъ *годомъ*, почти сороковымъ отъ рожденія Державина, можно окончить первый періодъ его жизни. Подражатель Сумарокова и Ломоносова, ученикъ Тредьяковскаго и Гошпеда, стыдящійся страсти своей къ Поэзіи, безжалостно предающій сожженію свои опыты, онъ пишетъ въ Гимназіи, въ казармѣ, робко является въ общество

Digitized by Google

свѣтское, за честь, за счастіе почитаетъ знакомство съ современными литераторами. Но душа его уже отзывается сама себѣ. Бывши въ походахъ съ Бибиковымъ, онъ писалъ стихи безпрестанно. Въ годъ перехода своего въ гвардію, рѣшился наконецъ Державинъ *печатать* свои стихи, и издалъ брошюрку, назвавъ ее: *Четалагайскія оды*; потомъ отдѣльно напечаталъ онъ эпистолу Екатеринѣ, и эпистолу Шувалову, на возвращеніе его изъ чужихъ краевъ (въ 1779 г.). Имя Автора не было объявлено, и его знали весьма немногіе.

Любопытно было-бы прочитать *Четалагайскія оды* (такъ названныя по горѣ *Четалагай*, при которой долго жилъ Державинъ, въ походѣ противъ Пугачева), и большую часть которыхъ составляли переводы стихотвореній Фридриха II-го. Все, что ни писалъ Державинъ, казалось ему ничтожно и нелѣпо. Въ 1778 году онъ женился. Любезная, милая подруга, страстно любившая Поэзію, сдѣлалась новымъ вдохновеніемъ нашего поэта. Дружба Н. А. Львова, умнаго, остраго человѣка, В. В. Капниста, напитаннаго ученіемъ Классиковъ, Хемницера, добродушнаго цѣнителя произведеній робкаго друга, уваженіе Е. Р. Дашковой, готовой ободрять всякое, даже маленькое дарованіе — все это побуждало Державина, между заботами службы, улетать въ міръ Фантазіи. «Всѣхъ прежнихъ своихъ произведеній я не одобрялъ, потому, что хотѣлъ въ нихъ подражать Ломоносову, но чувствовалъ, что талантъ мой не былъ внушаемъ одинаковымъ геніемъ. Я хотѣлъ парить, и не могъ постоянно выдерживать

Digitized by Google

красивымъ наборомъ словъ, свойственнаго единственно Россійскому Пиндару велелѣпія и пышности. Для того въ 1779 году, *избралъ я совершенно особый путь*, будучи предводимъ наставленіями Ваше, и совѣтами Львова, Капнѣста и Хемницера.»

Какой былъ этотъ *особый путь?* Мы узнаемъ его. Изъ стихотвореній Державина, писанныхъ до 1781 года, до насъ дошли: *Успокоенное невѣріе* (преложеніе Псалма, см. Сочиненія Державина, нов. изд. ш. I, 42), пис. въ 1771 году; *На побѣды Екатерины* (1772 г.); *Вельможа* (1773 г.); *На кончину Бибикова* (1774 г.); *Монументъ Петру Великому* и *Петру Великому* (1776 г.); *На освященіе Каменно-островскаго инвалиднаго дома* (1778 г.); *Ключъ* (Хераскову) и *На смерть Мещерскаго* (1779 г.); *Псаломъ* (Соч. Держ. ш. II, стр. 40); *На отсутствіе Екатерины въ Бѣлоруссію*; *Къ первому сосѣду* (1780 г.). *Вельможа* былъ помѣщенъ въ *Четьи-минейскихъ одахъ*. Но намъ извѣстенъ онъ уже передѣланный Державинымъ въ 1794 г., *въ другомъ видѣ, съ прибавленіемъ многихъ новыхъ мыслей*. Все, что ни писалъ Державинъ, казалось ему писано было *нечистымъ, не яснымъ слогомъ*. И подъ новыми пьесами не подписывалъ онъ имени; но тихонько отдавалъ однакожъ печатать ихъ Брайко, издававшему тогда *С. Петербургскій Вѣстникъ*. Брайко пересказывалъ ему потомъ мнѣнія и сужденія читателей. Державинъ самъ себѣ не вѣрилъ, слыша, что его *похваливаютъ*, писалъ, слѣдуя своему *особому пути*, ждалъ, что будетъ. Въ 1780 году, бывши у заутрени въ Дворцовой церкви, въ *Свѣтлое Воскресенье*, онъ создалъ

Digitized by Google

себѣ первую идею *Оды Богъ*, « но обдумывая, и принимаясь нѣсколько разъ писать, не могъ, по разсѣянности въ столицѣ, положить чувствованій своихъ на бумагу. » Въ 1784 г. онъ создалъ *Фелицу*. Довольный собою на сей разъ, Державинъ показалъ это сочиненіе Львову, Капнисту и Хемницеру. « Они были также весьма довольны, но не совѣтовали выдавать въ свѣтъ, опасаясь, чтобы нѣкоторые вельможи не приняли чего нибудь на свой счетъ, и не сдѣлались врагами сочинителя. » Державинъ спрятал свое твореніе; но показывалъ его иногда москому. Дашкова сдѣлалась въ это время Президентомъ вновь учрежденной Россійской Академіи, и достала себѣ списокъ Фелицы. Екатерина расположила съ нею планъ *Собесѣдника Любителей Русскаго слова*, и Дашкова, не спрося ни Екатерины, ни Державина, начала первый листъ Собесѣдника *Фелицею* (*).

(*) Вотъ какъ самъ Державинъ говоритъ о появленіи въ свѣтъ своей Фелицы (добродушіе разсказа прелестно; особливо при извѣстности лицъ, о которыхъ идетъ рѣчь, этотъ разсказъ дѣлается историческимъ фактомъ): « Въ 1782 году нанималъ я домъ на Литейной, у Петра Васильевича Неплюева, вмѣстѣ съ О. П. Козодавлевымъ; случилась мнѣ надобность пойдти въ свое бюро, для сысканія одной бумаги, въ присутствіи Козодавлева, который, увидя мое сочиненіе, прочелъ, и неотступною просьбою, подъ обѣщаніемъ никому постороннему не показывать, выпросилъ прочесть тетке своей Аннѣ Осиповнѣ Пушкиной, любившей Поэзію, а особливо мои сочиненія. По пріязни къ нему, не

Digitized by Google

По должности своей, Державинъ былъ у Вяземскаго, когда ему сказали, что пришелъ почтальонъ, и его спрашиваетъ. Онъ выходитъ; почтальонъ вручаетъ ему пакетъ, съ надписью: «*Изъ Оренбур-*

могъ я въ томъ опказать, и ввечеру того-же дня получилъ обратно. Но черезъ нѣсколько дней, пропивъ всякаго чаянія, услышалъ я, что ода моя опкрыто читана въ домѣ И. И. Шувалова, въ присутствіи обѣдавшаго у него всего Министерства. Шуваловъ, призвавъ меня къ себѣ, въ великомъ смятеніи сказалъ мнѣ:» Какъ намъ быть, и что дѣлать? Оду вашу требуетъ къ себѣ Князь Григорій Александровичъ (Потемкинъ): отсылать-ли ее къ нему такъ, какъ она есть, или выкинуть нѣкоторыя мѣста, которыя его образуютъ?» Я удивился, и спросилъ его, какъ онъ о ней знаетъ. Онъ отвѣчалъ: у меня она есть.—«Отъ кого?»—спросилъ я. Тогда признался онъ, что получилъ отъ Козодавлева, подъ великимъ секретомъ; но по случаю бывшаго за столомъ разговора о Поэзіи, и при замѣчаніи, что нѣтъ еще у насъ такой легкой, каковою славится Франція, любя Автора, не могъ вытерпѣть, чтобы къ чести его не прочесть предъ всѣми сіе первое такого рода на Русскомъ языкѣ твореніе. Онъ его чрезвычайно хвалилъ, но при всемъ томъ опасается, чтобы Князь Потемкинъ не разсердился. Я спросилъ: «Кто-же Потемкину сказывалъ?»—Андрей Петровичъ (Шуваловъ).—Я отвѣчалъ: «Ежели сочиненіе сіе уже извѣстно стало, то когда вы его не пошлете, или что нибудь изъ него выкинете, Князь въ самомъ дѣлѣ можетъ почесть, что оно на счетъ его написано; но какъ оное не что иное есть, какъ общее изображеніе страстей человѣческихъ, ни-

Digitized by Google

га, отъ Царевны Киргизъ-Кайсацкой, Державину. » Развернувъ, онъ увидѣлъ золотую табакерку, осыпанную брильянтами, и въ ней 500 червонцевъ. Въ изумленіи, въ смятеніи, возвратился Державинъ

санное безъ всякаго намѣренія, то я подписываю на немъ свое имя, и прошу отослать къ требователю. » Отозвавшись такимъ образомъ, хотя показалъ я видъ бодрости, однакожъ безпокоился, чтобъ сколь сильный человѣкъ, каковъ Потемкинъ, не принялъ нѣкоторыхъ стиховъ на свой счетъ, и не надѣлалъ мнѣ какихъ непріятностей. Я открылъ сіе происшествіе другу своему Н. А. Львову, который былъ вхожъ и коротокъ, бывшему тогда еще Графомъ, Алекс. Андреев. Безбородкѣ, и просилъ его развѣдать, какъ *онъ* думаетъ о моемъ сочиненіи, и, если можно, предварить о немъ съ лучшей сколько возможно стороны Государыню, дабы не понести ея гнѣва. Безбородко былъ въ вышеупомянутой компаніи. Львовъ, будто нечаянно, читая нѣкоторые стихи, вызывалъ тѣмъ Графа на объясненіе его мыслей; сей однакожъ, хотя отозвался съ похвалою, но говорилъ-ли что Государынѣ — неизвѣстно, а, кажется по обстоятельствамъ, что не вошелъ въ сіе дѣло. Вскорѣ послѣ того, когда открылась Россійская Академія, Княгиня Дашкова, будучи при Дворѣ тогда въ уваженіи, сдѣлана Директоромъ оной, а Козодавлевъ Совѣтникомъ Академіи. Онъ показалъ мою пьесу Княгинѣ; она ей понравилась. Предпріявъ издавать тогда періодическое изданіе, подъ названіемъ: *Собесѣдникъ*, приказала она, не сказавъ никому ни слова, напечатать оную на первомъ листѣ, и поднесла на апробацію Государынѣ (см. *Сынъ Отеч.* т. LXV, 242-245).

Digitized by Google

къ Вяземскому, показалъ неожиданный подарокъ и спрашивалъ: позволитъ-ли онъ принять? Вяземскій «сперва грозно взглянулъ на меня, но увидя табакерку послѣдней Французской работы,» догадался отъ кого подарокъ, посмотрѣлъ, улыбнулся, и сказалъ: «*Вижу, братецъ, вижу—хорошо! Для него такой подарокъ не принять. Да, за что-бы это?* «прибавилъ онъ, *съ видомъ нѣкотораго неудовольствія.*» Державинъ отвѣчалъ, что самъ не знаетъ, а развѣ за сочиненіе, которое Ея Сіятельство, Княгиня Екатерина Романовна, сама собою, напечатала въ Собесѣдникѣ. — Дашкова привела Державина въ совершенный восторгъ, разсказавъ ему, что въ день своего доклада, воскресенье, оставила она у Государыни первые листы *Собесѣдника*, и была призвана рано по утру въ понедѣльникъ. Со слезами спросила у нея Екатерина: «Кто Сочинитель, который написалъ Фелицу, и который такъ подробно меня знаетъ (*)?»

Здѣсь начался второй періодъ жизни и поэзіи Державина. Его немедленно представили ко Двору, благодарить за Высочайшую милость. «Во время представленія, Государыня остановилась противъ меня, и осмотрѣла меня съ особливымъ, проница-

(*) См. *Ключъ къ Соч. Державина*, стр. 26. Въ *Сынѣ Отеч.* сказано иначе: «который такъ меня тонко знаетъ» (см. С. О. т. LXX, стр. 245). О доставленіи подарка Императрицы, Державинъ замѣчаетъ, что онъ былъ ему врученъ весьма *деликатно*.

Digitized by Google

шельнымъ взоромъ, что было не столько мнѣ но и многимъ замѣтно. »

Шумно заговорили въ Петербургѣ и во всей Россіи о Фелицѣ и Державинѣ. Поэты писали ему стихи, посланія; подражателей явилась толпа. Державина искали въ свѣтскихъ, лучшихъ обществахъ; въ тотъ-же годъ дали ему чинъ Статскаго Совѣтника. Изъявивъ чувства свои въ *Благодарности Фелицѣ*, онъ написалъ въ 1783 г. *Видѣніе Мурзы*, и началъ *Безсмертіе души*, « но болѣе двухъ первыхъ строфъ написать не могъ. » Время летѣло, и Фелица сиротѣла одинокая; Поэтъ не присоединялъ новыхъ лавровыхъ вѣнковъ на свою голову. Дашкова уговаривала его въ это время написать *что нибудь въ похвалу Потемкина*. Державинъ зналъ необходимость поклониться сильному временщику. « Но какъ я былъ съ нимъ тогда незнакомъ, и не хотѣлъ показаться подлымъ ласкателемъ, то и написалъ стихи въ шутливомъ тонѣ. Въ нихъ видны были многія черты дѣлъ и характера Потемкина, а заключеніе сдѣлано на общее достоинство вельможъ, каковы они должны быть. » Стихи эти были: *Рѣшемыслъ* (Соч. Державина ш. II, 267) — холодная аллегорія, взятая изъ сказки: *Февей*, сочиненной Екатериною. Потемкину могли понравиться двѣ, три строфы, какъ-то:

Бывали прежде дни такіе,
Что люди самые честные
Страшилися близъ трона быть,
Любимцевъ Царскихъ убѣгали,

Digitized by Google

И не могли шѣхъ змѣй любить
Которыя ихъ кровь сосали;

Но що-ли значило: *хвалить*, когда другіе заставляли Аполлона сшоять на колѣняхъ передъ временщикомъ! Потемкинъ не сказалъ ни слова; довольно было и того, что онъ молчалъ. Между шѣмъ слава Фелицы возбудила злобу, зависть. Боялись народности, съ какою дерзнулъ *Коллежскій Совѣтникъ* подойдши къ трону, шутя; искали намековъ на знашнѣйшихъ вельможъ, перетолковывали; другіе, слыша, какъ эти намеки заставляли *говорить* о людяхъ, заклейменныхъ Державинымъ, досадовали, почему онъ не намекнулъ на нихъ; дѣльные люди дивились, какъ можно было за такой вздоръ давать чины и червонцы, какъ можно было препоручать дѣла стихотворцу (*); другіе боялись эпиграммъ и одъ Державина болѣе доносовъ. Сама Екатерина говорила, что Мурза слишкомъ хвалишъ ее. Напрасно Поэтъ увѣрялъ, что онъ поетъ только тогда,

Когда отъ бремя дѣлъ случится,
И мнѣ свободный часъ имѣть;

Напрасно писалъ онъ Екатеринѣ:

Возможно-ль, кротkая Царевна!
И ты къ Мурзѣ чтобъ своему

(*) «Нѣкоторыя въ то время извѣстныя особы почитали упражняющихся въ Поэзіи людьми лѣнивыми, и къ дѣламъ неспособными,» говоритъ Державинъ.

Digitized by Google

Была сурова столь и гнѣвна,
И стрѣлы къ сердцу моему
И ты, и ты чтобы бросала,
И пламени души моей
Къ себѣ и ты не довѣряла?
Довольно безъ тебя людей,
Довольно безъ тебя поэту,
За кажду мысль, за каждый стихъ
Ополчествовать лихому свѣту
И отъ сатиръ щититься злыхъ!
Довольно золотыхъ кумировъ,
Безъ чувствъ мои что пѣсни чли;
Довольно Кадіевъ, Факировъ,
Которы въ зависти сочли
Тебѣ ихъ неприличной лестью;
Довольно нажилъ я враговъ!
Иной отнесъ себѣ къ безчестью,
Что не дерутъ его усовъ;
Иному показалось больно,
Что онъ насѣдкой не сидитъ;
Иному — очень своевольно
Съ тобой Мурза что говоритъ;
Иной вмѣнялъ мнѣ въ преступленье,
Что я посланницей небесъ
Тебя быть мыслилъ въ восхищеньѣ,
И лилъ въ восторгѣ токи слезъ.
И словомъ: тотъ хотѣлъ арбуза,
А тотъ соленыхъ огурцовъ....

Ничто не помогло. Фонъ-Визинъ давно говорилъ: «Между людьми такъ ведется, что если на тебя не разсердятся, такъ тебя разсердятъ.» Поэтъ *разсердился*, и—подалъ просьбу объ отставкѣ. Какая дерзость! закричали дѣловые. Друзья боялись

Digitized by Google

за Державина, и онъ — холодно былъ уволенъ отъ службы. Но Екатерина понимала пѣвца своего, лучше, нежели онъ понималъ ее и самого себя, слушала пересказы объ немъ, но не сердилась, улыбалась, велѣла дать ему слѣдующій чинъ, и черезъ три мѣсяца послѣ отставки приказала опредѣлить его куда нибудь Губернаторомъ. Выбрали — *Олонецкую губернію.* И вотъ нашъ поэтъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, уѣхалъ въ глушь лѣсовъ сѣверныхъ, оставя ненависть за собою въ столицѣ, рѣшившись непремѣнно бросить стихотворство, приняться *за дѣла*, показать, что и онъ умѣетъ заниматься дѣломъ. «Я увидѣлъ тогда, что многіе знатные люди стихотворства моего не жалуютъ, а меня гоняютъ, и на нѣсколько лѣтъ совсѣмъ оставилъ Поэзію.» Въ Петрозаводскѣ ожидали его страшныя непріятности. Генералъ-Губернаторъ Тутолминъ, встрѣтилъ Поэта насмѣшкою, далъ ему разумѣть, что онъ изгнанный Мурза, послалъ его ошкрывать уѣздный городъ Кемь, и на Бѣломъ морѣ, въ жестокую бурю, Державинъ едва не погибъ. Поэтъ представилъ проэктъ свой о прокормленіи Лапландцевъ. Вздумалъ кормить Лапландцевъ! Не забавно-ли? Разсерженный Поэтъ засѣлъ за бюро свое, сочинилъ длинное опроверженіе системы Канцелярскаго порядка, составленной Тутолминымъ, и — получилъ повелѣніе ѣхать въ Тамбовъ, и губернаторствовать тамъ. Постановленіе о больницахъ Приказа Общественнаго Призрѣнія, проэктъ о судоходствѣ въ Тамбовской губерніи, топографическое описаніе сей губерніи — вотъ, что писалъ тамъ Державинъ. Не прошло и

Digitized by Google

двухъ лѣтъ отъ рѣшенія быть дѣловымъ человѣкомъ. Горячій нравъ, пылкость Поэта не сладили съ хитростью и ябедою. Напрасно писалъ онъ Дашковой, незабывавшей его и въ Тамбовѣ (см. стихи *На смерть Румянцовой*):

Меня ничто вредить не можетъ,
Я злобу твердостью сотру;
Враговъ моихъ червь кости сгложетъ,
А я *поэтъ — и не умру!*

«Можно быть поэтомъ и безпокойнымъ шалуномъ» — подумали наконецъ въ Петербургѣ, видя безпрестанныя ссоры Державина съ другими. Его смѣнили, и отдали подъ судъ. Онъ пріѣхалъ въ Москву, и почти три года жилъ въ Москвѣ и Петербургѣ *подъ отвѣтомъ*.

Сдержалъ-ли онъ свое слово, и точно-ли *оставилъ Поэзію на нѣсколько лѣтъ*? Да, въ нѣкоторомъ отношеніи. Онъ кончилъ свою *Оду Богъ* въ 1784 г., когда былъ въ отставкѣ; но поступивъ въ службу писалъ проэкты и бумаги. «Когда-же увидѣлъ я, что все это не помогло, и меня все гонятъ и бранятъ, то, по прибытіи изъ Тамбова, въ 1789 году, принялся паки за перо, съ большею ревностію.» Онъ и не оставлялъ его, своего золотаго пера, никогда — только не хотѣлъ писать *ничего важнаго*: переложилъ на Тушкомина Псаломъ (*Уповающему на силу свою*), составлялъ сценическіе прологи въ Тамбовѣ, и Псальмами отводилъ потомъ душу въ Москвѣ и Петербургѣ. Но тутъ явились его: *Ода на коварство, На счастье, Осень* (во вре-

Digitized by Google

мя осады Очакова), и въ 1789 году *Изображеніе Фелицы*. Въ началѣ 1791 года, Графъ Зубовъ привезъ извѣстіе о *взятіи Измаила*. Державинъ вдохновился, изобразилъ новое торжество Россіи въ стихахъ, и представилъ Екатеринѣ. «Сія ода принята была Императрицею весьма хорошо.» Къ нему прислали табакерку, осыпанную брильянтами. Люди, считавшіе Державина уже погибшимъ, изумились, зашевелились. Ѳедоръ Эминъ написалъ злую критику, и читалъ самому Державину. «Я полагалъ, что это было чье нибудь намѣреніе разсердить меня, и сдѣлать смѣшнымъ, т. е. такъ-же поступить, какъ прежде бывало съ старинными стихотворцами, которыхъ зазовутъ къ себѣ Бояра, и, напустя на нихъ кого нибудь, взбѣсятъ, а тѣ, для потѣхи, между собою браняться.» Вскорѣ пріѣхалъ въ Петербургъ *великолѣпный Князь Тавриды*, сказалъ Державину всемогущее свое: *спасибо*, за его стихи, и Державинъ воскресъ духомъ. Въ *Апрѣлѣ* 1791 года, Потемкинъ давалъ неслыханный балъ свой въ Таврическомъ дворцѣ, и велѣлъ описать это торжество Державину: въ *Декабрѣ* 1791 г. Державина оправдали. Впрочемъ, все дѣло его состояло въ пустыхъ сплетняхъ. Екатерина призвала Державина къ себѣ, опредѣлила Статсъ-Секретаремъ своимъ, и велѣла ему писать все, что угодно, только показывать напередъ все ей самой.

Здѣсь начался новый періодъ жизни Державина. Современники увидѣли въ немъ вельможу, литтераторы покровителя, явились льстецы, прислужники. Смерть Потемкина отгрянула на струнахъ лиры

Digitized by Google

его безсмертнымъ *Водопадомъ*, и — Державинъ умолкъ снова. Напрасно умный Храповицкій говорилъ ему, что *теперь-то и надобно писать*. Нельзя было сказать *еще яснѣе*. «Нѣтъ! я обязанъ трудиться, заниматься дѣлами» — отвѣчалъ новый *Статсъ-Секретарь*, указывая на кипу бумагъ, накопившуюся по дѣлу бывшаго Иркутскаго Генералъ-Губернатора Якобія, и другія кипы —

Ты умный мнѣ даешь совѣтъ,
Чтобы владычицѣ Киргизской

Я пѣсни пѣлъ,
И лирой ей хвалы гремѣлъ,

Такъ, такъ! За средственны стишки
Монисты, гривны, ожерелья,
Безцѣнны перстни, камешки
Я бралъ съ нея-бы за бездѣлья,

И былъ гудкомъ
Давно Мурза съ большимъ усомъ.

Но, ежели наложенъ долгъ
Мнѣ отъ судебъ и вышня трона,
Чтобъ не лучистый милый Богъ
Съ высотъ лазурна Геликона

Меня внушалъ,
Но я экстракты-бъ сочинялъ,

Былъ чтецъ и пономарь Ѳемиды,
И ей служилъ за алтаремъ —
Какъ омофоромъ отъ обиды
Однихъ покрывъ, другихъ мечемъ

Своимъ страшитъ,
И счастье всѣмъ она даритъ;

Digitized by Google

То какъ Якобія оставишь,
Котораго весь міръ пѣснитъ?
Какъ Лог. . . ва дашь оправить,
Который золотомъ гремитъ?
Боговъ пѣвецъ
Не будетъ никогда подлецъ!

Вся эта пьеса весьма замѣчательна, и превосходно выражаетъ Державина. Вотъ заключеніе оной:

Ты самъ со временемъ осудишь
Меня за мглистый оиміамъ:
За правду-жь чтишь меня ты будешь:
Она любезна всѣмъ вѣкамъ.

Послѣ *Водопада*, въ 1791 г. Державинъ написалъ стихи Н. В. Рѣпнину: *Памятникъ Герою*, и *На Шведскій миръ*; въ 1792 г. *На рожденіе Ольги Павловны*, *Калліопа*, *Умѣренность*, и началъ было стихи на Революцію *(Колесница)*, но бросилъ неконченные; въ 1793 году написаны имъ: *Горѣлки*, вышеприведенные стихи *Храповицкому*, *На паннихиду Людовика XVI-го*, *Львову*, *Ласточка*, *Преложеніе Псалма* (Пѣснь брачная Порфирородной четѣ), *Буря*. Въ 1793 году *уволили* его отъ Статсъ-Секретарства, и сдѣлали Сенаторомъ. Пьеса: *Горѣлки* стоитъ упоминанія. Придворные, замѣтивъ однажды, что Екатерина была грустна и задумчива, хотѣли развеселить ее: это было 15 Іюля 1793 г., въ Царскосельскомъ саду; начали играть въ горѣлки. Державинъ пришелъ съ бумагами. Но его уговорили бѣгать вмѣстѣ съ другими. Пятидесятилѣтній поэтъ побѣжалъ, упалъ, и вывихнулъ себѣ руку. «По причинѣ болѣзни, долго не могъ я показаться у Двора,

Digitized by Google

отъ котораго впослѣдствіи и еще болѣе отдалился, будучи сдѣланъ 8-го Сентября того-же года Сенаторомъ.» — «Хотя и видѣлъ я» — говоритъ Державинъ — «неожидаемый успѣхъ своихъ дарованій, но ихъ, такъ сказать, не обработывалъ, и Авторомъ никогда быть не готовился, а упражнялся въ Поэзіи только иногда, *между дѣлъ по службѣ*, и между разбирательства Третейскихъ Судовъ и управленія многихъ опекъ, въ коихъ, безъ всякой корысти, защищалъ бѣдныхъ и несвѣдущихъ въ законахъ отъ корыстолюбцевъ и ябедниковъ. По сей причинѣ небрегъ я и о сочиненныхъ мною пьесахъ, и никогда оныхъ не собиралъ. Но супруга моя, любя Поэзію, и имѣя къ ней отъ природы вкусъ, тихонько отъ меня переписывала ихъ въ одну тетрадь.»

При должности Сенатора Державину было довольно досуга. Онъ передѣлалъ тогда своего *Вельможу*, и кончилъ *Безсмертіе души*. Бюстъ его, сдѣланный Рашетомъ, внушилъ ему прелестное созданіе: *Мой истуканъ*. Вотъ, что написано было имъ до кончины Екатерины: *Меркурію* (при пожалованіи въ Президенты Коммерцъ-Коллегіи, въ 1794 году), *Провидѣніе*, *Красавцу*, *На взятіе Варшавы*, *На смерть Ольги Павловны*, *Флотъ*, *Приглашеніе къ обѣду*, *Къ Лирѣ*, *Соловей*, *Павлинъ*, *Богинѣ здравія*, *Кончина благотворителя* (Бецкаго), *На покореніе Дербента*, *Громиславъ*, *Авинейскому витязю*, *На кончину Орлова*. «Императрица неоднократно изъявляла мнѣ желаніе, чтобы я болѣе упражнялся въ стихотворствѣ, и какъ, *по нѣкоторымъ*

Digitized by Google

обстоятельствамъ, не могъ я ничего вновь произвести, то и принялся за собранныя супругою моею стихотворенія.» (Она скончалась 1794 г. 15 Іюля. Державинъ вступилъ во второй бракъ впослѣдствіи). *Приказавъ переписать оныя, какъ можно чище, и украсивъ виньетами*, онъ поднесъ рукопись Екатеринѣ. При ней приложено было безсмертное *посвященіе*, вновь написанное. Въ 1796 году Державинъ создалъ свой *Памятникъ*. Любопытно, что онъ хотѣлъ было вновь начать аллегорическія пѣсни Екатеринѣ, подъ именемъ *Гремиславы* (стихи къ Нарышкину), «отъ того, что имя Фелицы сдѣлалось уже слишкомъ обыкновеннымъ у всѣхъ стихотворцевъ, хотя выдумано было Авторомъ единственно для того, чтобы удобнѣе было писать свободно и шутливо. Начата сія Ода словами, часто произносимыми Императрицею: *Живи, и жить давай другимъ*; къ которымъ прибавилъ я и свое правило: *Но только не на счетъ другаго*.»

Положеніе Державина при Дворѣ казалось милостивою холодностью. Екатерина скончалась. Едва вступилъ на престолъ Императоръ Павелъ, Державинъ опредѣленъ былъ Правителемъ Канцеляріи Государственнаго Совѣта. Черезъ нѣсколько дней смѣнили его, и велѣли опять по прежнему быть Сенаторомъ. Смиренно и тихо занялся должностью своею Державинъ. Уже старость начинала тяготѣть надъ нимъ: ему было слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ. Въ 1798 году оплакалъ онъ кончину Шувалова, и на досугахъ переводилъ Оды Горація, перелагалъ Псальмы. Время было грозное: вся Европа

Digitized by Google

колебалась въ основаніи. Храповицкій, въ это время уже опытной вельможа вѣка Екатерины, совѣтовалъ ему даже выкинуть изъ своихъ сочиненій похвалы нѣкоторымъ вельможамъ. Отвѣтъ Державина былъ прелестенъ: тутъ мало поэзіи, но видна душа человѣка (*Соч. Держ. т. I.* стр. 246):

Храповицкій! Дружбы знаки
Вижу я къ себѣ твои:
Ты ошибки, лесть и враки
Кажешь праведно мои.
Но съ тобой не соглашуся
Я лишь въ томъ, что я орелъ.

А по твоему коль станешъ,
Ты мнѣ путы развяжи:
Гдѣ свободно громъ мой грянетъ,
Ты мнѣ небо покажи?
Гдѣ я въ поприще пущуся
И препонъ-бы не имѣлъ?

Гдѣ черпогъ найду я правды?
Гдѣ увижу солнце въ тмѣ?
Покажи мнѣ тѣ ограды,
Хоть близъ трона въ вышинѣ,
Чтобъ гдѣ правду допускали
И любили-бы ее?

Страха связаннымъ цѣпями
И рожденнымъ подъ жезломъ,
Можно-ль орлими крылами
Къ солнцу намъ парить умомъ!

Digitized by Google

А хотя-бъ и возлетали,
Чувствуемъ ярмо свое.

Должны мы всегда стараться,
Чтобы сильнымъ угождать,
Ихъ любимцамъ поклоняться,
Словомъ, взглядомъ ихъ ласкать.
Рабъ и похвалить не можетъ:
Рабъ лишь можетъ только льстить!

Извини-жь, мой другъ, коль лестно
Я кого гдѣ воспѣвалъ:
Днесь скрывать мнѣ тѣхъ безчестно,
Разъ кого я выхвалялъ.
За слова меня пусть гложетъ,
За дѣла сапирикъ чтитъ!

Но великія событія новаго царствованія воспламенили прежній духъ поэта. Рожденіе Великаго Князя Михаила Павловича, принятіе Императоромъ Гроссмейстерства Мальтійскаго ордена, были предметами его пѣснопѣній. Наконецъ сбылось и то, о чемъ предвѣщалъ Державинъ въ 1793 году — *заревѣли громы*,

На крыліяхъ орловъ несомы!

Суворовъ *пошелъ спасать Царей*. Пѣвецъ Измаила загремѣлъ пѣснію, когда

На Галла стопалъ ногой Суворовъ —
И горы треснули подъ нимъ!

Digitized by Google

Порывиста, бурна была сія пѣснь Державина. Павелъ благосклонно внялъ Пѣвцу Фелицы. Въ 1799-мъ году онъ послалъ его для разбора затруднительныхъ дѣлъ умершаго Зорича; потомъ опять въ Бѣлоруссію въ 1800 году, пожаловавъ ему тогда-же чинъ Дѣйствительн. Тайнаго Совѣтника, и большой крестъ Св. Іоанна Іерусалимскаго; въ Августѣ 1800 года Державина опредѣлили опять Президентомъ Коммерцъ-Коллегіи, а въ Ноябрѣ Государственнымъ Казначеемъ, и — онъ опять принялся *за дѣла*.

Восшелъ на престолъ Александръ, и съ новыми надеждами устремились къ нему сердца новаго поколѣнія. Державинъ былъ немедленно уволенъ отъ своихъ должностей, но радостно привѣтствовалъ юнаго Монарха звуками своей лиры. При учрежденіи Министерствъ, Державину дали Министерство Юстиціи. Онъ пробылъ въ семъ званіи *только годъ*, чувствовалъ, что его политическое поприще уже *кончилось*, и 1803 г. Октября 7-го, по прошенію, былъ вовсе уволенъ отъ службы, на шестьдесятъ первомъ году, посвятивъ ей болѣе сорока лѣтъ.

Здѣсь наступилъ послѣдній періодъ жизни и поэзіи Державина. Еще *тринадцать лѣтъ* существовалъ онъ, жилъ большею частію въ сельскомъ уединеніи своемъ, на берегахъ Волхова, иногда въ Петербургѣ, частнымъ человѣкомъ, посвящая все время Поэзіи и бесѣдѣ друзей. Всѣ уважали, чтили въ немъ великое дарованіе его; ласковость, радушіе его привлекали сердца; къ нему шли, какъ къ Мецена-

Digitized by Google

шу и покровителю. Старецъ радовался всякому новому успѣху, не старѣлъ сердцемъ и душею. Всѣ великія событія Александрова царствованія заставляли его браться дрожащею рукою за лиру: война 1806 и 1807 года, патріотическій порывъ Россіи въ 1807 году, сопровождались его пѣніемъ. Въ Одѣ Платову даже воскресъ его прежній геній. Въ 1804 году, онъ собралъ свои мнимо-*Анакреонтическія* Стихотворенія, и издалъ отдѣльно. Въ 1808 году онъ напечаталъ въ первый разъ полное собраніе своихъ сочиненій, оставивъ при первой части посвященіе Екатеринѣ, и посвятивъ вторую Александру.

Въ послѣднемъ періодѣ — уже грустно смотрѣть на Державина. Цѣлый вѣкъ ошибавшись въ своемъ геніи, онъ всего болѣе ошибался въ послѣдніе годы своей жизни. Цѣлый вѣкъ непонимаемый своими современниками, онъ вовсе былъ непонятъ въ послѣдніе годы. Никакого впечатлѣнія не произвели двѣ большія театральныя пьесы, помѣщенныя имъ въ 4-мъ томѣ сочиненій: *Добрыня* и *Пожарскій*. Старецъ думалъ, что можетъ принудить современниковъ къ сознанію его дарованій и въ семъ родѣ. Въ 1808 г. Академія Россійская предложила задачу: *написать трагедію*. Державинъ предсталъ къ состязанію, съ пьесою жалкою, дурно написанною, уродливо Классическою: *Иродъ и Маріамна*, гдѣ подражалъ онъ надутости плана и выраженію старыхъ трагедій. Академія отвергла трагедію Державина, и увѣнчала твореніе Хераскова: *Заренда и Ростиславъ* — созданіе ни чуть не лучше *Ирода и Маріамны*. Державинъ не выдержалъ, на-

Digitized by Google

печаталъ отвергнутую трагедію, и — объявилъ притомъ свое имя.

Новое поколѣніе отвсюду тѣснило уже старое, съ его идеями, мнѣніями и понятіями. Обольщаясь новомодною мишурою, оно не умѣло оцѣнять послѣднихъ искръ угасавшаго генія, безотчетно благоговѣло къ его прежней славѣ, и только изъ этого благоговѣнія не хотѣло разрушать ушѣшительныхъ мечтаній старца. Улыбаясь слушали все, что онъ писалъ вновь, и хвалили. Съ 1803-го года по самую кончину Державинъ испыталъ многіе роды стихотвореній: Драму, Оду, Элегію, преложеніе Псалтири, переводъ Гораціевыхъ Одъ, Идиллію, переводы изъ Шиллера, изъ Ж. Б. Руссо, бралъ предметы изъ Сѣверной Поэзіи, Русской старины. Наконецъ, когда въ 1811 году составилось литературное общество, подъ названіемъ: *Бесѣда любителей Русскаго слова*, Державинъ, давшій въ своемъ Петербургскомъ домѣ залу для собраній Бесѣды, пожертвовавшій значительную библіотеку, взялся писать Разсужденіе объ Одѣ. Когда сошлись наконецъ грудь съ грудью Наполеонъ и Россія, Державинъ пѣлъ начало войны, паренье орла надъ головою Кутузова, ужасы битвъ, гибель полчищъ Наполеона. Каждая новая вѣсть заставляла струны лиры его трепетать, и душу его искать въ нихъ прежняго голоса. Послѣ 1812 года и отъѣзда Государя изъ Санктпетербурга, битва при Люценѣ, побѣда при Лейпцигѣ, отъѣздъ Императрицы, отъѣздъ Великихъ Князей, смерть Кутузова, взятіе Парижа, срѣтеніе Государя, Государыни, Гвардіи, го-

Digitized by Google

дичное торжество взятія Парижа — все ознаменовывалось стихами Державина. Рукоплесканія загремѣли еще разъ дряхлому поэту, при звукахъ пѣсни его на возвращеніе Александра: *Ты возвратился, благодатный*! Она была народною, вмѣстѣ съ немногими другими: *Хвала, хвала тебѣ, герой — За горами за долами — Что такъ рано солнце встало*, и проч.

Намъ неизвѣстны послѣдніе дни поэта. Знаемъ только, что онъ удалился когда въ свою Званку. Тамъ издавна мечталъ онъ о прежней жизни въ тихіе лѣтніе вечера, на западѣ жизни, и говорилъ просвѣщенному Архипастырю и другу своему Евгенію, бывшему до 1808 года Викаріемъ Новогородскимъ и Епископомъ Старорусскимъ:

Чего въ мой дремлющій когда не входитъ умъ?
Мимолетящи суть всѣ времени мечтанья:
Преходятъ годы, дни, ревъ морь и бурей шумъ,
И всѣхъ зефировъ повѣванья!...
Такъ! самыхъ свѣтлыхъ звѣздъ блескъ меркнетъ опъ нощей.
Что жизнь ничтожная? Моя скудельна лира!
Увы! и даже прахъ спахнетъ моихъ костей
Сатурнъ крылами съ плѣнна міра!
Иль, нѣтъ, Евгеній! Ты, бывъ нѣкогда моихъ
Свидѣтель пѣсенъ здѣсь, взойдешь на холмъ тотъ спрашный,
Который, тощихъ нѣдръ и сводовъ внутрь своихъ,
Вождя, волхва гробъ кроетъ мрачный;

Digitized by Google

Отъ коего, какъ громъ катается надъ нимъ,
Съ булатныхъ, ржавыхъ врать, и сбруи мѣдной гулы
Такъ слышны подъ землей, какъ грохотомъ глухимъ
Въ лѣсахъ, прясясь, звучатъ стрѣлъ шулы.

Такъ! развѣ ты, отецъ, святымъ твоимъ жезломъ
Ударивъ о доски, заросшіи мхомъ, желѣзны,
И, свитыхъ вкругъ моей могилы змѣй гнѣздомъ,
Прогонишь блѣдну зависть въ бездны.

Не зря на колесо веселыхъ, мрачныхъ дней,
На возвышеніе, на пониженье счастья,
Единой правдою меня въ умахъ людей,
Чрезъ Кліи оживишь согласья....

Еще за нѣсколько дней до кончины, смотря на *Рѣку временъ*, извѣстную Историческую карту, Державинъ написалъ на аспидной доскѣ нѣсколько строкъ. Вотъ сіи, *послѣдніе* звуки лиры безсмертнаго пѣснопѣвца:

Рѣка временъ въ своемъ стремленьи
Уноситъ всѣ дѣла людей,
И топитъ въ пропасти забвенья
Народы, Царства и Царей.
А если что и остается
Чрезъ звуки лиры и трубы,
То — вѣчности жерломъ пожрется
И общей не уйдетъ судьбы....

Далѣе еще двѣ строки, но ихъ не льзя разо-

Digitized by Google

брать (*). Іюля 9-го дня, 1816 года, ровно 73-хъ лѣтъ и 5-ти дней, скончался Державинъ. Онъ завѣщалъ похоронить себя въ Варлаамскомъ Хутынскомъ монастырѣ, гдѣ неоднократно гостилъ прежде у друга своего Епископа Евгенія, пріѣзжая изъ Званки, и часто, любуясь величественнымъ видомъ на окрестности, говаривалъ ему: «Здѣсь такъ хорошо, что иногда приходитъ мнѣ желаніе навсегда здѣсь остаться.» Монастырь сей стоитъ на 10-й верстѣ отъ Новгорода. Прежде почти мимо его пролегала Московская дорога. Суетливая забота мчалась и мчится изъ столицы въ столицу, не внемля звону съ колоколенъ Хутыня, напоминающихъ древнюю славу Новгорода, чудо Святаго, отъ котораго ужаснулся и бѣжалъ Грозный Іоаннъ, бросивъ жезлъ свой, понынѣ хранимый въ ризницѣ, и — память Барда Русскаго, *Державина*! Огромный гранитный камень лежитъ на могилѣ его, съ черною, мраморною урною; позолоченная рѣшетка окружаетъ могилу. Въ надгробной надписи исчислены всѣ чины, всѣ ордена Державина. На что это? На что ему даже эпитафія? Напишите: *Державинъ*, и — вы все сказали.

Родъ Державина пресѣкся съ нимъ. Онъ не оставилъ послѣ себя дѣтей. Братъ его, младшій, какъ мы выше сказали, умеръ за 46 лѣтъ до его смерти.

(*) Дощечка съ этими стихами хранится теперь въ С. Петербургской Императорской Публичной Библіотекѣ.

Digitized by Google

При новомъ изданіи сочиненій, Державинъ изображенъ въ прическѣ, звѣздахъ, и шитомъ мундирѣ Сенаторскомъ. Хотите-ли видѣть его изображеннаго достойнымъ образомъ? Смотрите на портретъ Державина, написанный Тончи (онъ гравированъ при *Собраніи Русскихъ стихотвореній*, изданныхъ Жуковскимъ въ 1811 году). Потомокъ Багрима, среди снѣговъ родимой стороны, въ шапкѣ и Русской одеждѣ — мысль истинно-поэтическая!

Кромѣ *Четалагайскихъ одъ*, и множества отдѣльно изданныхъ сочиненій Державина, Анакреонтическихъ стихотвореній, изданныхъ въ 1804 году, и трагедіи, первое собраніе сочиненій его напечатано было въ 1798 г., по списку, отданному въ типографію отъ Шувалова, въ одномъ томѣ (*). Въ 1808 году, Державинъ издалъ ихъ въ 4-хъ томахъ. Первый томъ напечатанъ точно такъ, какъ былъ онъ представленъ Екатеринѣ въ 1795 году; во 2-мъ помѣщены стихотворенія его послѣ 1795

(*) «И. И. Шуваловъ, бывшій, по образованію Автора въ Казанской Гимназіи, его Куратором, желалъ, чтобы *плодъ его попеченій о распространеніи просвѣщенія въ Имперіи былъ и въ сочиненіяхъ Державина извѣстенъ свѣту.*» Эти слова, которыя можно-бы почесть насмѣшкою, повторяются многими съ удивительнымъ добродушіемъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ Шуваловъ думалъ, что Казанская Гимназія помогла генію Державина, и что геній Державина свидѣтельствовалъ за эту Гимназію?

Digitized by Google

года; въ 3-мъ Анакреонтическія сочиненія; въ 4-мъ драматическія сочиненія, и описаніе праздника Потемкина. Въ 1816 году Державинъ напечаталъ 5-й томъ — сочиненія свои послѣ 1808 года. Въ 1817 году изданы были избранныя его стихотворенія, подъ названіемъ: *Лира Державина*. Намъ не случалось видѣть сего выбора. Впрочемъ, изъ Державина не должно выбирать. Надобно читать все, что онъ писалъ, иначе никогда его не узнаете: онъ не изъ числа поэтовъ на выдержку. Новое изданіе сочиненій его великолѣпно; но порядокъ, въ какомъ они расположены, намъ не нравится. Что это за раздѣленіе на пьесы *духовныя*, *философическія*, *торжественныя*! Хронологическій порядокъ былъ-бы всего лучше, ибо сочиненій Державина не льзя дѣлить на роды. Жаль, что нѣтъ варіянтовъ; жаль, что и не все собрано.... Не говоримъ о примѣчаніяхъ, которыхъ, говорятъ, оставилъ Державинъ двѣ большія тетради, и только малую часть издалъ Г-нъ Остолоповъ. Проза его также остается неизвѣстною. Намъ мало нужды въ его *дѣловыхъ бумагахъ*: проэктахъ объ устройствѣ Евреевъ, о патріотическомъ банкѣ, о межеваньѣ, о продовольствіи столицъ, объ опекахъ, о Крымской соли, о третейскомъ судѣ. Но Державинъ описалъ, говорятъ, подробно бунтъ Пугачева — какъ это любопытно! И почему это не издашь?

Едва-ли кому нибудь при жизни писали стиховъ, посланій, и прочаго, болѣе Державина. Кончину его почтили современники признательными приношеніями въ прозѣ и стихахъ. Всѣ сіи стихи доказы-

Digitized by Google

ваютъ однакожъ только одно: доброе намѣреніе писавшихъ оные. — Злоба, въ свою очередь, оскорбляла Державина при жизни гнусными пасквилями, сатирами, пародіями. Но ни при жизни, ни по смерти его, никто не оцѣнялъ его твореній вполнѣ и критически. Неужели останавливало тоже чувство, по которому наслѣдникъ богача не считаетъ богатствъ, ему доставшихся, боясь оказаться менѣе богатымъ, нежели полагаетъ онъ? Не упоминаемъ о критикахъ Мерзлякова, и характеристикѣ, написанной Княземъ Вяземскимъ. Первый вымягивалъ творенія Державина на Классическую мѣрку; второй написалъ нѣсколько легкихъ страницъ, исполненныхъ ошибками и противорѣчіями....

(До слѣд. книжки).

Digitized by Google

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Русская литтература.

— *Замѣчанія на Некрологію Н. Н. Раевскаго, изданную при Инвалидѣ 1829 года*, съ прибавленіемъ *его собственныхъ Записокъ на нѣкоторыя событія войны 1812 года, въ коихъ онъ участвовалъ.* Сочиненіе Дениса Давыдова. М. 1832. Въ т. А. Семена. 89 стр. in-12.

Въ статьѣ нашей о *Стихотвореніяхъ* Д. В. Давыдова, мы старались показать характеръ сего Поэта-воина съ той лучезарной точки, которая представляетъ намъ его во всемъ блескѣ. Точка сія: поэзія, разливающая свой волшебный свѣтъ на жизнь, на сочиненія и даже на слова Д. В. Давыдова. Чтобы узнать вполнѣ какого либо замѣчательнаго человѣка, или творенія духа его, надобно отыскать главную силу всѣхъ его дѣйствій. Силу Давыдова нашли мы въ поэзіи, просвѣчивающей во всей жизни его, и теперь считаемъ дружескимъ одолженіемъ Судьбы скорое появленіе новой брошюрки, гдѣ можемъ подмѣтить еще нѣсколько чертъ Поэта-партизана.

Августъ 1832.

Digitized by Google

Въ Сентябрѣ 1829 года скончался знаменитый защитникъ Смоленска, Генералъ Раевскій. Вскорѣ послѣ кончины его была напечатана брошюрка, гдѣ неизвѣстный Сочинитель изобразилъ жизнь и подвиги Раевскаго, немногословно, однакожь прекрасно. Д. В. Давыдовъ тогда-же написалъ *Замѣчанія*, изданныя нынѣ. Разныя обстоятельства задержали появленіе этого любопытнаго сочиненія, гдѣ есть пища и уму и сердцу. Драгоцѣнныя замѣтки самого Раевскаго о тѣхъ сраженіяхъ, въ коихъ участвовалъ онъ въ 1812 году, довершаютъ занимательность сей книги, и дѣлаютъ ее принадлежностью Исторіи.

Нѣсколько различныхъ вопросовъ представляются читателю. Вѣрно-ли изобразилъ Раевскаго неизвѣстный Сочинитель Некрологіи? Справедливы-ли замѣчанія Д. В. Давыдова? Наконецъ, третій вопросъ есть необходимое слѣдствіе двухъ первыхъ: Какой силы человѣкъ былъ Раевскій? Не беремся рѣшить всего этого, и ограничимся немногими замѣчаніями.

Какъ писатель, желавшій немногими очерками изобразить столь-же храбраго Генерала, сколь достойнаго человѣка, Сочинитель Некрологіи исполнилъ свое дѣло весьма хорошо. Въ правѣ-ли мы требовать большаго и лучшаго? Нѣтъ, потому что мы не знаемъ ни причинъ, заставившихъ Сочинителя ограничиться легкимъ очеркомъ, ни препятствій, которыя могли остановить его въ предпріятіи благородномъ, но можетъ быть затруднительномъ.

Digitized by Google

«Не упрекаю въ томъ Сочинителя»— говоритъ и Д. В. Давыдовъ... «Конечно, вольному воля; но не «льзя однако довольно надивиться жалкому обыкно- «венію почти всѣхъ некрологовъ и біографовъ на- «шего времени, представляющихъ знаменитыхъ «вождей не иначе какъ, такъ сказать, въ мундирахъ «и застегнутыхъ на всѣ крючки и пуговицы. Не- «ужели военное званіе, впрочемъ столь почтенное «и благородное, до того превышаетъ званіе добро- «дѣтельнаго человѣка, что говоря о первомъ, мо- «жно пренебречь послѣднимъ? Если-бъ было такъ, «но мы невольно руководимы были-бы несправед- «ливостью: мы помѣщали-бы въ одинъ и тотъ-же «разрядъ и на ту-же черту и славныхъ воиновъ, «оправдающихъ воинскія достоинства свои на высо- «кой нравственности, и воиновъ, обладающихъ «подобною-же славою, но оклеймленныхъ въ общемъ «мнѣніи или ремесломъ, или пороками, ни воину, «ни гражданину непріличными.»

Далѣе излагаетъ онъ свое мнѣніе о Раевскомъ и находитъ въ немъ сочетаніе древнихъ, въ нашемъ вѣкѣ едва-ли сочетавающихся добродѣтелей; говоритъ словами Тацита; удивляется, какъ рука, побѣждавшая на полѣ чести враговъ, бралась послѣ за сельскій заступъ и пользовала сирадальцевъ; напоминаетъ о геройскомъ мужествѣ Раевскаго въ перенесеніи бѣдствій, и наконецъ дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній на ошибки въ Некрологіи, написанной неизвѣстнымъ Сочинителемъ.

Digitized by Google

Поэтическая душа внушила сіи жалобы и напоминанія! Такъ и долженъ былъ говорить Д. В. Давыдовъ, всегда вѣрный самому себѣ, ибо всегда дѣйствующій по внушенію своего чувства.

Мы не имѣли счастія знать покойнаго Раевскаго, но вполнѣ удостовѣрены, что онъ былъ таковъ, какимъ изображаютъ намъ его. Принимая сіе за неоспоримую истину, мы не можемъ однако согласиться съ Д. В. Давыдовымъ, когда онъ жалуется на непомѣщеніе въ біографіяхъ знаменитыхъ вождей тѣхъ добродѣтелей, коими отличались они какъ граждане. Скажемъ мимоходомъ, что упрекъ сей не относится къ Сочинителю Некрологіи. Онъ говорилъ о добродѣтеляхъ Раевскаго немного, но выразительно. Однихъ словъ его, что «Раевскій скон«чался не оставивъ на семъ свѣтѣ ни одного «человѣка, который-бы имѣлъ право возстать про«тивъ его памяти,» было-бы достаточно. Можно-ли прибавить что либо къ этой краснорѣчивой похвалѣ? Больше-ли сказалъ Д. В. Давыдовъ, сравнивая своего героя съ древними?

Впрочемъ, здѣсь еще не конецъ, а только начало несогласія нашего съ нимъ. Скажите: почему вожди имѣютъ особенное право на извѣстность ихъ добродѣтелей? Полководецъ, государственный человѣкъ, *должны* быть добродѣтельны, ибо предполагаю, что для достиженія сихъ высокихъ степеней необходима образованность, которая научаетъ различать добро отъ зла. Пороки бываютъ принадлежностью или невѣжества, или

Digitized by Google

душевной низости, которая близка къ безумію. Однимъ словомъ: добродѣтели, о которыхъ говоритъ Авторъ, становятся въ государственномъ человѣкѣ такою необходимостью, что онѣ должны называться просто его качествами. Но сойдите ниже, отыщите добродѣтели въ рядовомъ солдатѣ, въ поденьщикѣ, въ бѣдномъ ремесленникѣ, въ крестьянинѣ — вотъ предметъ, достойный прославленія. Диво-ли что человѣкъ, которому съ малолѣтства показываютъ различіе хорошаго отъ худаго, добродѣтеленъ? Но дѣйствительно чудо найдти высокія добродѣтели въ классахъ, такъ называемыхъ, низшихъ. Не могу безъ нѣкотораго благоговѣнія видѣть мужика, жертвующаго собою для блага своего семейства, или добраго усача, сражающагося за отечество и православную вѣру! Поступокъ человѣка высшихъ званій, по крайней мѣрѣ будетъ извѣстенъ, и за него можетъ онъ ждать хвалы или порицанія; но мужикъ, но солдатъ въ подвигахъ добра: вотъ мои герои. Да, едва-ли не въ милліонъ разъ больше надобно имъ имѣть душевной силы и чистоты, чтобы остаться добродѣтельными среди всѣхъ искушеній, которыя не существуютъ для многихъ, стоящихъ нѣсколькими ступеньками выше ихъ на лѣстницѣ гражданской іерархіи.

Добродѣтели мужей государственныхъ имѣютъ совсѣмъ другой полетъ и другое значеніе. Малого, если сіи мужи не будутъ брать взятокъ, унижаться въ стѣсненномъ положеніи, и клевать носомъ земли передъ высшими ихъ. Для чести че-

Digitized by Google

ловѣчества хочу вѣрить, что въ семъ отношеніи добродѣтельны всѣ сильные земли, и не обинуясь повторяю, что эти добродѣтели имѣютъ болѣе цѣны въ людяхъ, которыхъ привыкли столь неумѣстно почитать лишенными добродѣтелей. Князь Яковъ Долгорукій, раздирающій указъ раздраженнаго Самодержца; Святитель Филаретъ, смѣло порицающій Грознаго Іоанна; безкорыстный Мининъ, спаситель отечества, не помышляющій о честолюбіи; сотрудникъ его Пожарскій, вождь, покорный законамъ; знаменитый защитникъ Смоленска Шеинъ, и не менѣе знаменитый Раевскій, который могъ отступить отъ Смоленска, но заслонилъ его своею грудью — вотъ люди, отличившіеся добродѣтелями государственныхъ мужей! Такими подвигами богата Исторія наша, и такіе-то подвиги достойны Исторіи. Ихъ-то обязаны представлять намъ біографы, ихъ, а не земледѣльческія, не больничныя добрыя дѣла. Одинъ подвигъ Раевскаго, который не послѣдовалъ совѣту Бенингсена и не вышелъ изъ Смоленска (стр. 52-я), одинъ этотъ подвигъ характеризуетъ намъ его лучше, нежели могло-бы это сдѣлать описаніе тысячи другихъ, общихъ всѣмъ добрыхъ дѣлъ. Выгода и награда государственныхъ мужей въ томъ, что они могутъ совершать такія дѣла, которыя невозможны для насъ, мелкихъ частныхъ людей.

Д. В. Давыдовъ заслуживаетъ особенную благодарность за напечатаніе собственныхъ замѣчаній Раевскаго о войнѣ 1812 года. Замѣчанія сіи были писаны Раевскимъ на Французскомъ языкѣ, для Ге-

Digitized by Google

нерала Жомини, который намѣревался писать Исторію Кампаніи 1812 года и просилъ циркулярами всѣхъ Корпусныхъ Командировъ, и нѣкоторыхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей войскъ, сообщить ему вѣрнѣйшія извѣстія о дѣйствіяхъ войскъ, находившихся подъ ихъ командою. Раевскій говоритъ только о тѣхъ событіяхъ, въ которыхъ онъ самъ былъ дѣйствователемъ, какъ Командиръ 7-го Корпуса. Всѣ замѣчанія его имѣютъ слѣдующія заглавія, которыя могутъ показать и то, чего можно искать подъ ними: *Дѣло подъ Салтановкой или Дашковкой — Смоленская битва* (самая любопытная статья, какъ по важности своей, такъ и по участію въ битвѣ писавшаго о ней) — *Бородинское сраженіе — Военный совѣтъ близъ Москвы, въ деревнѣ Филяхъ — Фланговый маршъ на Калужскую дорогу — Лагерь при Тарутинѣ — Первая битва подъ Краснымъ — Вторая битва подъ Краснымъ — Четвертая битва подъ Краснымъ.*

Какъ образецъ описаній Раевскаго, благородныхъ и умныхъ, и какъ любопытный примѣръ странныхъ событій 1812 года, выписываемъ слѣдующій анекдотъ, напечатанный на 88-й страницѣ:

«По окончаніи вышесказанной битвы (*четвертой* подъ Краснымъ) я — говоритъ Раевскій — отправился въ мою квартиру отдохнуть. Чрезъ нѣсколько времени офицеръ, бывшій при мнѣ на ординарцахъ, разбудилъ меня и объявилъ, что пришли два Французскіе офицера отъ одной Французской колонны состоящей изъ 5,000 человѣкъ, которая никому

Digitized by Google

другому кромѣ меня не хочетъ сдаться. Я приказалъ имъ войдши. Одинъ изъ нихъ былъ лекарь, а другой, по имени Колò, родомъ Французъ, жившій долгое время въ Россіи и исправлявшій должность переводчика у соотчичей своихъ въ Смоленскѣ. Вотъ его исторія: Сей Колò служилъ нѣсколько лѣтъ камердинеромъ у брата моего, Полковника Александра Давыдова, и въ теченіе этого времени женился на одной Ливонской сиротѣ, жившей въ домѣ моей матери. Я видалъ его безъ замѣчанія; но онъ зналъ меня хорошо. Одна изъ колоннъ Маршала Нея, въ коей сей Колò находился, бывъ отрѣзана отъ корпуса своего, принуждена была ночевать на открытомъ полѣ и развела большіе огни. Въ это время, одинъ сбившійся съ дороги Лейбъ-гусаръ, принявъ ихъ за Рускихъ, подъѣхалъ къ нимъ и попалъ имъ въ руки. Такъ какъ въ колоннѣ не было ни одного высшаго званія офицера, то одни хотѣли его убить, другіе сохранить ему жизнь; но экъ-каммердинеръ Колò, допрашивая его и узнавъ, что я стою близко съ моимъ корпусомъ, уговорилъ несчастныхъ своихъ товарищей воспользоваться симъ случаемъ для общаго спасенія, объяснивъ имъ предварительно, сколь положеніе ихъ безнадежно. Тогда, взявъ означеннаго гусара въ проводники и въ сопровожденіи лекаря, Колò явился ко мнѣ уполномоченнымъ парламентеромъ и остался при мнѣ, обращась къ прежней своей должности, то есть къ должности каммердинера. Лекарь-же, въ сопровожденіи моего ординарца и двухъ казаковъ, съ разсвѣтомъ привелъ ко мнѣ всю сію колонну. — Такимъ образомъ я взялъ въ плѣнъ 5 тысячъ человѣкъ

Digitized by Google

не сходя съ постели, и теперь еще, воспоминая объ этомъ происшествіи, не могу воздержаться отъ смѣха, зная, какъ часто такъ называемые важные подвиги, имѣя основаніемъ подобные случаи, гремятъ въ реляціяхъ, будучи въ сущности своей ни важнѣе, ни отважнѣе того, для котораго мнѣ стоило только приподнять голову съ подушки и сказать два слова!»

Краткое извѣстіе наше о книгѣ, изданной Д. В. Давыдовымъ, можетъ показать, какъ она любопытна и важна, по множеству свѣдѣній, и не менѣе еще потому, что заставляетъ думать о многомъ.

— *Наполеонъ Бонапарте*, или 30 лѣтъ изъ Исторіи Франціи. Драма въ шести дѣйствіяхъ. Соч. Александра Дюма. Переводъ съ Французскаго. А. Ш. М. 1832. въ т. Степанова. 231 стр. in-8.

Новая драма Дюмаса не принадлежитъ къ числу тѣхъ мгновенныхъ явленій, которыя читатель, и слѣдовательно критикъ, можетъ не удостоивать вниманіемъ. Она также явленіе мгновенное; это неоспоримо; но родъ ея останется въ Исторіи Литературы. Дюмасъ написалъ уже нѣсколько драмъ въ этомъ родѣ: *Генрихъ III-й и Дворъ его*, *Стокгольмъ*, *Фонтенбло и Римъ*, *Наполеонъ Бонапарте*, *Тереза*: вотъ попытки Дюмаса. Въ новой литтературной школѣ, которая наконецъ господствуетъ во Франціи нашего времени, его мо-

Digitized by Google

жно назвать почетнымъ членомъ, только не потому что онъ ничего не дѣлаетъ, а на оборотъ, потому что дѣлаетъ, или, лучше сказать, пишетъ много.

И такъ не драма Дюмаса, а родъ ея долженъ занять насъ теперь, когда мы должны говорить о *Наполеонѣ Бонапарте*. Если читателю угодно знать содержаніе самой драмы сей, то мы скажемъ, что это вся историческая жизнь Наполеона, съ той минуты, когда онъ наводилъ пушку на Тулонъ, и до послѣднихъ словъ его на островѣ Св. Елены. Всѣ изображенныя въ этой драмѣ происшествія и почти всѣ слова взяты изъ Исторіи. Дюмасъ механически бралъ составныя части изъ Лас-Казаса, Бурьена, Антомарки, и проч., слѣдовательно имѣлъ право назвать свое сочиненіе *тридцатью годами Франціи*.

Но неужели нѣтъ никакой разницы между Исторіею и Поэзіею, между Истиннымъ и Прекраснымъ? Неужели пустыя слова эти различія? Погибни Искуство, если въ мірѣ все можетъ замѣнить его, все, представленное вѣрно! Не говорите, что вы будете представлять намъ только великое историческое, что вы сыщете много предметовъ, подобныхъ Наполеону. Не говорите и того, что вы будете *избирать* Истинное: это будетъ повтореніе опровергнутаго опытомъ и предоставленнаго уже любителямъ общихъ мѣстъ въ Пиитикѣ. Нѣтъ, Поэзія имѣетъ совершенно отличный характеръ

Digitized by Google

отъ Истины. Истина основана всегда на томъ, что есть или было, а поэтъ творитъ иногда и то, чего до его творенія не было въ существенности, чего не видѣлъ ни чей глазъ, не слышало ни чье ухо.

Да и можете-ли вы представить намъ истину въ поэтическомъ созданіи? Можете-ли вы перенести на картину или на тѣсный объемъ сцены переходъ Наполеона черезъ Альпы, пожаръ Москвы, умирающаго Петра Великаго? Не будетъ-ли смѣшною карикатурою все это, если мы станемъ на него глядѣть просто какъ на *видимое*, а не какъ на изображеніе, на *символъ* идей и чувствъ, таящихся въ душѣ нашей? На сіи вопросы отвѣтъ долженъ быть утвердительный. Да, поэзія находится не въ предметахъ, а въ насъ самихъ. Не мы подчинены предметамъ, а предметы намъ. Человѣкъ можетъ быть плѣненъ, восхищенъ, восторженъ только тѣмъ, что находитъ отзывъ въ душѣ его; а отзывъ этотъ производитъ одно то, что дѣйствуетъ на нравственную силу, что даетъ ей свободное развитіе, дѣятельность. Побѣда Наполеона надъ природою, геройская рѣшительность, испепелившая Москву, умиленіе при смертномъ одрѣ человѣка, которому были тѣсны цѣлая Россія и годы обыкновенной жизни — вотъ поэзія упомянутыхъ нами предметовъ. Вызвать сіи-то чувства долженъ поэтъ и въ картинѣ, и въ поэмѣ, и въ драмѣ. Я не знаю, какими средствами сдѣлаетъ онъ это, ибо смѣшно предписывать правила вдох-

Digitized by Google

новенію; но знаю, что представляя просто событія, онъ не произведетъ иного чувства, кромѣ досады на его каррикатуру, ибо повтореніе всякаго событія есть нѣчто смѣшное, каррикатурное. Отъ начала міра, до минуты, въ которую пишу сіи слова, еще ни одно событіе не являлось дважды, разумѣя здѣсь то, что имѣетъ исторію, и что одно доступно поэзіи. Какъ животное, человѣкъ всегда одинаковъ, и въ этомъ смыслѣ лишенъ исторіи, на ряду со всѣми другими животными; но какъ существо нравственное, онъ разнообразенъ такъ, что ни одно дѣйствіе его не было повтореніемъ прежняго. Какимъ-же образомъ хотите вы представить то, что уже было? Конечно это возможно, только не такъ, какъ думалъ Неронъ, который хотѣлъ представить сожженіе Трои. Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ-бы величайшій поэтъ, если-бы поэзія заключалась въ истинномъ. Онъ зажегъ цѣлый городъ, для того, чтобы видѣть, какъ горѣлъ другой, не менѣе славный сборникъ домовъ и храмовъ.

Но до подобныхъ, только совершенно невинныхъ нелѣпостей доводитъ ложный взглядъ на Искуство. Отъ того жгутъ и рубятъ у насъ на сценѣ, отъ того терзаютъ насъ мужицкими поговорками въ повѣстяхъ и романахъ, отъ того, однимъ словомъ, хотятъ представлять намъ *истинное*, вмѣсто *изящнаго* или *прекраснаго*. Не говоримъ о людяхъ ничтожныхъ, мелкихъ подражателяхъ всего, что поражаетъ толпу. Не говоримъ о тѣхъ людяхъ, которые пишутъ историческіе романы потому,

Digitized by Google

что большая часть Вальтеръ-Скоттовыхъ романовъ основана на Исторіи. Нѣтъ, Дюмасъ не принадлежитъ къ числу ихъ. Это человѣкъ съ дарованіемъ, умѣющій понимать поэтическія стороны предметовъ; но онъ увлеченъ своею школою слишкомъ далеко. Не будемъ брать доказательствъ сего изъ прежнихъ сочиненій его: довольно ихъ и въ новомъ, въ *Наполеонѣ*.

Авторъ хотѣлъ представить намъ Наполеона. Но измѣрилъ-ли онъ высоту этого необычайнаго явленія? Проникъ-ли невидимый духъ этого явленія въ общій планъ драмы, и во всѣ подробности, во всѣ слова дѣйствующихъ лицъ? Нѣтъ! Это неодушевленныя части какого-то исполина. Видимъ что-то необычайное, но не понимаемъ его, ибо видимъ однѣ частности, подробности. Напримѣръ, Наполеонъ подъ Тулономъ, совершенно лишній эпизодъ Дюмасовой Драмы. Наполеонъ замѣчателенъ и великъ тамъ, какъ будущій покоритель Египта, какъ непобѣдимый вождь полъ-Европы. Но взятый отдѣльно, этотъ эпизодъ его жизни представляетъ намъ искуснаго начальника артиллеріи, не болѣе. Наполеонъ любопытенъ и въ Бріенской школѣ, и въ обществѣ нынѣшней Герцогини Абраншесъ; но все это отдѣльныя части того цѣлаго, которое велико въ нераздѣльности своей. Подумалъ-ли Авторъ о томъ, что Наполеонъ при Тулонѣ, былъ не тотъ человѣкъ, который принималъ Императорскій шишуль, а этотъ совсѣмъ иной отъ плѣнника на островѣ Св. Елены? Мы хотимъ сказать этимъ,

Digitized by Google

что всякое явленіе понятно тогда, когда оно выразилось вполнѣ, и что поэтъ долженъ взять идею его, и оживить ее своимъ магическимъ прикосновеніемъ. Довольно было представить одно изъ тысячи тѣхъ рѣшительныхъ мгновеній, въ которыя являлся Наполеонъ со всею силою своего генія, но представить такъ, чтобы мы поняли и прошедшее и будущее его дивнаго полета, его странной судьбы. Это не Англійскіе Генрихи, которыхъ Шекспиръ принужденъ былъ облечь цѣлыми исторіями ихъ царствованій, чтобы показать намъ идею сихъ царствованій. Предметъ Дюмасовой драмы былъ совсѣмъ не таковъ. Но Авторъ былъ плѣненъ идеею Наполеона и хотѣлъ чтобы мы поняли ее изъ клочковъ, гдѣ больше мѣста занимаютъ пустые разговоры побочныхъ лицъ, а главная идея невидима. И можно-ли было заключить въ тѣсный объемъ драмы эти исполинскія тридцать лѣтъ, которыя равносильны многимъ сотнямъ столѣтій! Наполеонъ былъ выводъ долгой исторіи: въ немъ сосредоточились вѣка, а намъ хотятъ изобразить это въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ сценахъ изъ его жизни! Ударъ молніи думаютъ представить искрою изъ кремня! Но такова участь многихъ произведеній новой школы, которая поэзіею своею хочетъ передразнивать Исторію.

Digitized by Google

— Die Tochter des Kaufmanns Sholobow. Historischer Roman von J. Kalaschnikow. Aus dem Russischen übersetzt. (*Дочь купца Жолобова.* Историческій романъ. Сочиненіе И. Калашникова. Переведенный съ Русскаго). СПб. 1832. Въ т. III-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. X, 104, 109, 120 и 182 стр. in-8.

Вотъ и переводъ романа, извѣстнаго читателямъ нашимъ! Если переводъ книги на иностранный языкъ можетъ служить доказательствомъ успѣха, то мы поздравляемъ Автора съ успѣхомъ полнымъ, ибо его книга переведена литтераторомъ, какъ видно знающимъ Русскій языкъ и Русскіе обычаи въ совершенствѣ. Весьма трудно было побѣдить всѣ трудности, которыя представляло переводчику изложеніе сего романа, исполненное мѣстныхъ поговорокъ, выраженій и описаній народныхъ обычаевъ; но онъ преодолѣлъ всѣ сіи трудности. Зная Русь, это было уже очень возможно, ибо Сибирь настоящая Русская страна. Многіе воображаютъ ее какимъ-то особеннымъ царствомъ, гдѣ все подъ стать къ сосновымъ лѣсамъ и неласковымъ медвѣдямъ. Ошибка удивительная! Сибирь сходна съ Россіею коренною (то есть сѣверною, гдѣ сохранились обычаи праотцевъ нашихъ во всей чистотѣ), гораздо болѣе нежели южная Россія.

Теперь любопытно будетъ узнать, что заговорятъ Нѣмцы, прочитавъ на своемъ языкѣ нашъ Сибирскій романъ. Мы увѣрены, что въ Журналахъ

Digitized by Google

расхваляшъ его, ибо тамъ получающъ хвалы многія произведенія, которыя гораздо ниже романа Г-на Калашникова. Появленіе такого романа будешъ у нихъ праздникомъ.

Всѣ мы, Нѣмцы и Русскіе, читатели и наблюдатели, обязаны за сіе изданіе неутомимому въ дѣятельности своей Г-ну Брифу. Онъ издалъ уже нѣсколько хорошихъ книгъ, и теперь занимается новыми предпріятіями, которыя принесутъ пользу нашей Литературѣ.

— *Опасности на морѣ, или приключенія несчастныхъ мореходцевъ.* Пріятное и полезное чтеніе для юношества, изданное Г. Л. Іерреромъ. Съ шестью гравированными и раскрашенными картинками. Переводъ съ Нѣмецкаго. М. 1832. Въ т. Князя Львова. 319 стр. in-12 (*).

Постоянно извѣщая читателей нашихъ о всѣхъ книгахъ, издаваемыхъ для дѣтскаго чтенія, не можемъ не упомянуть о сей, которую почитаемъ пріятнѣйшимъ подаркомъ для дѣтей. Содержатель Нѣмецкой книжной лавки въ Москвѣ, Г. Эльцнеръ, издалъ ее со всѣмъ возможнымъ тщаніемъ. Избравъ книгу любопытную для юныхъ умовъ, онъ вручилъ ее для перевода опытному литерашору, напеча-

---

(*) Продается въ книжной лавкѣ Г-на Эльцнера, по 6 рублей за экземпляръ.

Digitized by Google

шалъ очень хорошо и украсилъ шестью прекрасными картинками, выгравированными и раскрашенными въ Германіи. Такимъ образомъ и содержаніе книги, и переводъ, и изданіе, все соотвѣтствуетъ хорошей цѣли Г-на Эльцнера. Не жалѣя издержекъ, онъ думалъ только о томъ, чтобы доставить юнымъ читателямъ пріятную и полезную книгу, и мы увѣрены, что просвѣщенная публика оцѣнитъ услугу его.

Въ книгѣ сей заключаются слѣдующія статьи: I, *Кораблекрушеніе*; II, *Путешествіе Губернатора Филиппа въ Новый Южный Валлисъ*; III, *Путешествіе Капитана Биллингса въ землю Чукчей*; IV, *Путешествіе Эдв. Сабина къ берегамъ Гренландскимъ*; V, *Приключенія Капитана Головнина въ плѣну у Японцевъ*; VI, *Приключенія Эрдмана на островѣ Санъ-Яго*; VIII, *Плѣнъ Жобера у Курдовъ*; VIII, *Приключенія Кап. Блейя на пути отъ острововъ Дружбы къ острову Тиморъ и въ Батавію*; IX, *Путешествіе 16-ти ссыльныхъ Французовъ въ Каіенну и ихъ почти чудесное спасеніе.*

Digitized by Google

ИНОСТРАННАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

— Fragmens de Géologie et de Climatologie Asiatiques (*Отрывки о Геологіи и Климатологіи Азійской*). Соч. А. Гумбольдта. Парижъ, 1831 г. 2 т. in-8.

Желательно обратить на важное это сочиненіе поболѣе вниманія нашихъ переводчиковъ. Если находятъ они досугъ переводить всякую новую мѣлочь — вотъ книга, переводъ которой составитъ драгоцѣнный подарокъ Русской публикѣ.

Нескоро, судя по всѣмъ вѣроятностямъ, дождемся мы полнаго описанія Гумбольдтова путешествія по Сибири. Заключая въ себѣ результаты наблюденій и практическихъ повѣрокъ сего знаменитаго ученаго, и сопутниковъ его, Г-дъ Розе и Эренберга, оно явится подъ заглавіемъ: *Путешествіе по Уралу, къ Колыванскимъ горамъ, границѣ Китайской Дзюнгаріи и къ Каспійскому морю, предпринятое по повелѣнію Императора Россійскаго въ 1829 году*. Три отдѣльныя части составятъ сію книгу:

I. Геогностическая и Физическая картина Сѣверо-Западной Азіи, наблюденія надъ земнымъ магне-

Digitized by Google

тизмомъ, и выводы Астрономической Географіи. Соч. Гумбольдта.

II. Часть Минералогическая и Геогностическая; выводы Химическихъ изслѣдованій, и путевыя записки. Соч. Густава Розе.

III. Часть Ботаническая и Зоологическая; наблюденія надъ распредѣленіемъ растеній и животныхъ въ Сѣверо-западѣ Азіи. Соч. К. Г. Эренберга.

Между тѣмъ, Гумбольдтъ, и его товарищи, издаютъ отдѣльно изложенія тѣхъ результатовъ, кои могутъ споспѣшествовать особенно успѣхамъ наукъ. Гумбольдтъ препроводилъ уже нѣсколько отдѣльныхъ записокъ въ Берлинскую и Парижскую Академіи. Въ книгѣ, о которой мы извѣщаемъ теперь, находятся: *Записка о горныхъ цѣпяхъ и волканахъ средней Азіи — Замѣчанія о температурѣ и гидрометрическомъ состояніи воздуха въ нѣкоторыхъ частяхъ Азіи*, и *Изысканія о причинахъ изгибовъ въ линіяхъ изотермическихъ*.

Вторая изъ сихъ статей переведена нами въ 13-й и 14-й книжкахъ Телеграфа. Къ сожалѣнію, по обширности двухъ другихъ статей, мы не могли ихъ представить читателямъ нашимъ, ни даже изложить въ подробной рецензіи. Состоя изъ множества фактовъ, онѣ должны быть читаны также вполнѣ. Важность предметовъ, обширность изслѣдованій, глубина выводовъ заставляютъ насъ желать, чтобы книга Гумбольдта явилась въ Русскомъ переводѣ. Къ означеннымъ нами, тремъ главнымъ

Digitized by Google

статьямъ, присовокуплено еще много мѣлкихъ, касательно Географіи, земнаго магнетизма, и проч.

Орографія и *Климатологія* Азіи такъ-же мало извѣстны въ нашихъ Русскихъ Географіяхъ, какъ и изслѣдованія о линіяхъ *изотермическихъ*, *изотерическихъ* и *изохименическихъ* (равныхъ годовыхъ, равныхъ лѣтнихъ, равныхъ зимнихъ теплотъ) на земномъ шарѣ. Пора ввести въ основанія науки то, что послѣ трудовъ Гумбольдта составляетъ важный, положительный фактъ ея. Изслѣдованія о изгибахъ линій теплоты извлечены Гумбольдтомъ изъ большаго сочиненія, которое онъ оканчиваетъ, и издастъ подъ названіемъ: Entwurf einer physischen Weltbeschreibung. Здѣсь Гумбольдтъ намѣренъ изложить главныя основанія Физической Астрономіи и Физической Географіи.

Изданіе Гумбольдтова путешествія въ Америку все еще не кончено. Недавно вышелъ 13-й томъ описанія самаго путешествія (Relation historique) и нѣсколько новыхъ тетрадей рисунковъ и замѣчаній ботаническихъ. Впрочемъ, только во Франціи и можно отваживаться на изданія столь великолѣпныя! Текстъ самаго путешествія стоитъ, за 13 томовъ, безъ атласа, 90 франковъ. Отдѣленіе, подъ названіемъ: Nova genera et species plantarum, in-4, до 1,300 фр. (форматъ въ листъ дороже 3,500 фр., а съ раскрашенными рисунками до 6,500 фр.). Тринадцать донынѣ изданныхъ тетрадей отдѣленія Зоологическаго продаются за 330 фр.

Digitized by Google

— Mémoires et souvenirs du Comte Lavallette (*Записки и воспоминанія Графа Лаваллетта*). Парижъ, 1831 г. *Новое изданіе*, 2 т., in-8.

Имя Лаваллетта всего болѣе извѣстно по событію, которымъ заключилось его политическое поприще, нежели по тому, чѣмъ былъ онъ въ свое счастливое время. Участвовавъ въ событіяхъ послѣ 1789 года, находиться офицеромъ при Бонапарте, сдѣлаться знатнымъ чиновникомъ при Наполеонѣ — это исторія многихъ. Перешедши снова къ Наполеону въ 1815 году, Лаваллеттъ былъ приговоренъ къ смерти, вмѣстѣ съ Неемъ и Лабедойеромъ. Любовь супруги, жертвовавшей для него жизнью, спасла Лаваллетта. Онъ скрылся изъ шюрьмы, переодѣтый, и потомъ, въ 1822 году, возвратился во Францію, получивъ прощеніе Короля. Записки, изданныя послѣ кончины Лаваллетта, вообще мало любопытны, и *неискренни*. Онъ занималъ мѣсто Генералъ-Директора почтъ при Наполеонѣ, и — почти ничего не говоритъ, что видѣлъ и зналъ на этомъ любопытномъ и важномъ мѣстѣ! Записки его содержатъ въ себѣ описаніе событій Революціи, похода въ Египетъ. Новаго найдемъ въ нихъ весьма немного. Но *десять* послѣднихъ главъ 2-го тома выкупаютъ все: Лаваллеттъ описываетъ арестованіе, осужденіе, и побѣгъ свой изъ шюрьмы въ 1815 году. Мало романовъ сыщете столь завлекательныхъ, столь прогательныхъ, какъ это описаніе истинныхъ событій! Самоотверженіе добродѣтельной супруги Лаваллетта, флегматическій энтузіазмъ Генерала Вильсона, этого искателя приключеній,

Digitized by Google

который, подвергая себя страшной опасности, спасалъ бѣглеца, и послѣ того хладнокровно спрашивалъ у него: Ah, ça! mon cher ami, expliquez-moi, pourquoi vous ne vouliez pas être guillotiné? — Множество другихъ подробностей и характеровъ — совершенно увлекаютъ вниманіе читателя.

— Souvenirs sur Mirabeau, etc. (*Воспоминанія о Мирабо и двухъ первыхъ Законодательныхъ Собраніяхъ*). Соч. Дюмона, изданное послѣ его смерти. Парижъ, 1832 г. 1 томъ, in-8.

Вотъ книга, которую разбранили Парижскіе Журналисты: имъ показалось, что Дюмонъ посягаетъ на славу Мирабо. Но, намъ кажется, это вовсе несправедливо.

Дюмонъ, умный, любезный, ученый человѣкъ, особенно посвятившій себя политическимъ знаніямъ, принужденъ былъ удалиться изъ отчизны своей, Женевы, въ 1783 году. Онъ прожилъ въ Петербургѣ до 1785 года, и по приглашенію Лорда Шелбурна переѣхалъ потомъ въ Англію, гдѣ занялся воспитаніемъ сына Лордона, извѣстнаго потомъ Маркиза Ландсдоуна. Лѣтъ тридцать жилъ онъ въ Англіи, гдѣ былъ любимъ и уважаемъ Шериданомъ, Фоксомъ, Голландомъ, Браумомъ, и многими другими знаменитыми особами. Но особенная дружба связывала его съ извѣстнымъ Ромильи и славнымъ Бентамомъ. Дюмону обязанъ былъ Бентамъ своею Европейскою извѣстностью. Только Дюмонъ могъ читать огромныя, измаранныя кипы его бумагъ, и изъ хаоса и плодовитости писанья Бента-

Digitized by Google

мова выводишь стройныя системы. Такъ выбраны и изданы были Дюмономъ: Traités de Législation civile et pénale, Théorie des peines et des récompenses, Traité des preuves judiciaires, De l'Organisation judiciaire et de la Codification, Tactique des assemblées législatives, и проч. — Въ 1814 году Дюмонъ возвратился въ Женеву, и въ 1829 г. скончался, уважаемый своими гражданами и просвѣщенною Европою. Въ бумагахъ его нашли тетрадь записокъ, или замѣтокъ, о двухъ поѣздкахъ его въ Парижъ, въ 1788-мъ и 1789-мъ годахъ. Ромильи, Дюмонъ и Дюровере (земляк его) принимали жаркое участіе въ тогдашнихъ политическихъ движеніяхъ. Они передавали Мирабо всѣ тайны Британскихъ государственныхъ постановленій, учили его тактикѣ законодательныхъ собраній, писали ему множество бумагъ.

И вотъ за это-то разсердились на Дюмона Парижскіе Журналисты, говоря, что Дюмонъ лжетъ, отнимаетъ славу Мирабо, и самохвально выставляетъ себя учителемъ его. Совсѣмъ нѣтъ: Дюмонъ былъ только работникомъ, доставлявшимъ Мирабо матеріялы, давалъ только средства этому обширному генію, этому великому человѣку, который въ нѣсколько часовъ понималъ годовой трудъ другаго, передѣлывалъ по своему, усвоивалъ себѣ, и казался самобытнымъ, когда пользовался совѣтомъ и умомъ другаго. Слова Дюмона подтверждаются снимками съ писемъ къ нему Мирабо, приложенными при книгѣ. Намъ кажется, что записки Дюмона, и романъ Жанена: *Барнавъ*, поясняютъ совершенно новыя стороны громаднаго, страннаго генія Мирабо.

Digitized by Google

Записки Дюмона чрезвычайно любопытны. Главное лицо въ нихъ *Мирабо*; но является множество и другихъ лицъ: *Грандиссонъ-Кромвель*, какъ называлъ Мирабо Лафайэта; *Криспинъ-Катилина*—Эспремениль, Неккеръ (une horloge qui retarde, по словамъ Мирабо), и проч. — Благородный характеръ Дюмона, и письменныя доказательства, заставляютъ насъ вѣрить правдѣ того, что разсказываетъ Дюмонъ. Вольно Парижскимъ Журналистамъ понимать превратно, и становить Мирабо на такія ходули, на которыхъ онъ никогда не ходилъ.

— Esquisse morale et politique des États Unis de l'Amérique du Nord (*Нравственный и политическій очеркъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ*). Сочиненіе Ахилла Мюрата, гражданина Соединенныхъ Штатовъ, Почетнаго Полковника Бельгійскихъ войскъ, бывшаго Наслѣднаго Принца Королевства обѣихъ Сицилій. Парижъ, 1832 г. 1 томъ in-18.

Ci-devant Prince royal des Deux-Siciles. — И такъ: это сынъ Мюрата.... *И вотъ судьба твоихъ сыновъ*!... невольно подумаешь, смотря на заглавіе сей книги, и вспомнишь Наполеона. Книга замѣчательна впрочемъ и безъ имени Автора, привлекающаго наше особенное любопытство. Предисловіе написано благородно и умно; все сочиненіе исполнено идей хорошо обдуманныхъ, и писано съ душею, съ сердечнымъ жаромъ. Оно поясняетъ многое, незамѣченное географами, путешественниками, Куперомъ и В. Ирвингомъ. Книгу составляютъ десять писемъ. *Первое*, общій взглядъ, и дѣленіе

Digitized by Google

Соед. Штатовъ; *второе*, начало и исторія политическихъ партій въ Соед. Штатахъ; *третье*, описаніе, какъ устроиваются новыя области Соед. Штатовъ; *четвертое*, извѣстія о рабствѣ Негровъ въ Соед. Штатахъ; *пятое*, о вѣроисповѣданіяхъ въ Соед. Штатахъ; *шестое*, объ юстицкомъ управленіи; *седьмое*, о законахъ; *восьмое*, о войскѣ и флотѣ; *девятое*, о финансахъ; *десятое*, о нравахъ, Изящныхъ Художествахъ и Литтературѣ.

— Daniel Le Lapidaire. (*Даніилъ гранильщикъ*, или сказки въ мастерской.) Соч. М. Реймона. Парижъ, 1832 г. 2 т. in-8.

— Les trois amis (*Трое друзей*. Исторія нынѣшняго времени). Соч. Рей-Дюссёйля. Парижъ, 1831 г. 1 т. in-8.

Псевдонимъ, издающій романы подъ именемъ М. Реймона, и Рей-Дюссёйль принадлежатъ къ второстепеннымъ романистамъ современнымъ. Въ прошломъ году, первый изъ нихъ издалъ однакожъ: *Les intimes*, романъ, показывающій дарованіе прекрасное. Мысль та, какъ опасно можетъ быть для молодой, пламенной женщины близкое сношеніе съ друзьями ея мужа, не смотря на добродѣтель ея, и на добродѣтель мужниныхъ друзей. Первый томъ романа такъ естественъ, такъ занимателенъ, что читатель трепещетъ за участь дѣйствующихъ лицъ его. Къ сожалѣнію, второй томъ, гдѣ слишкомъ яркими красками изображены слѣдствія несчастнаго заблужденія — отвращаетъ сердце! И это *можетъ быть*; но все-ли, что можетъ быть,

Digitized by Google

должно писать, если оно не открываетъ намъ новыхъ сторонъ человѣческаго сердца, а только оскорбляетъ насъ безплодными терзаніями добраго, несчастнаго, падшаго существа? На это есть Адъ. Изъ вновь изданныхъ Реймономъ *Сказокъ Данила гранильщика*, мы перевели въ Телеграфъ повѣсть: *Песчинка;* въ Сынѣ Отечества была напечатана другая: *Вывѣска.* Объ прелестны. Кромѣ сихъ двухъ, помѣщены въ подлинникѣ еще четыре: La femme du réfractaire; Une mère; La complainte; la maitrise. Всѣ онѣ равнаго достоинства, и писаны благородно и трогательно.

Рей-Дюссёйль перевелъ на Французскій языкъ романъ Манцони: *Обрученные.* Прежде и послѣ того издалъ онъ нѣсколько незамѣченныхъ публикою романовъ. Послѣ Іюльской революціи 1830 года, написаны были имъ двѣ брошюрки: La fin du monde и Le monde nouveau (*Конецъ міра* и *Новый міръ*). Немного найдете сатиръ, въ которыхъ-бы остроуміе Француза выражалось такъ ярко и живо. Это самая злая насмѣшка на современное состояніе Франціи, на Республиканцевъ, Доктринеровъ, Роялистовъ, Карлистовъ, Наполеонистовъ, Ультровъ, Сенъ Симонистовъ, и проч. и проч. Особливо *Новый міръ*, послѣ толчка кометы въ 1831 году, когда герой романа спасается съ Итальянскою Графинею, Нѣмецкою Баронессою, Французскою Маркизою и Англійскою Миссъ, разводитъ новое народонаселеніе, и узнаетъ, что всѣ его мечты блаженства разрушены спасеніемъ Доктринеровъ — превосходно! Засѣданія Палатъ, и рѣчи Перрье, Гизо,

Digitized by Google

Тьера, когда уже нѣтъ на земномъ шарѣ никого, кромѣ ихъ, и когда у нихъ уцѣлѣлъ одинъ только подданный, Кандидовъ Прокураторъ Пококуранте — невольно разсмѣшатъ всякаго. . . .

Но, издавъ эти двѣ остроумныя брошюрки, Авторъ опять принялся за романы. Онъ издалъ: *Andréa, Les trois amis* — и то и другое вяло и скучно. Мысль самая несчастная: взять шипы республиканца, неутральнаго, и роялиста, одѣть ихъ въ вымышленныя слова и романическія событія, и заставить двигаться, какъ маріонетокъ — все это слишкомъ старо и изношено. Зачѣмъ не сознавать своего дарованія, и слѣдовать тѣмъ путемъ, по которому мать-природа не даетъ намъ для проѣзда законной подорожной? Въ романѣ Рей-Дюссёйля мы не узнаемъ этого остроумнаго политическаго сатирика. Кстати о сатирѣ —

— Histoire de la vie et des ouvrages de M. de Chateaubriand. (*Исторія жизни и твореній Господина Шатобріана*, какъ поэта, путешественника и государственнаго человѣка, съ разборомъ его твореній). Соч. Сципіона Марепъ (Marin). Парижъ 1832 г. 2 т. in-8.

Вотъ еще забавная, остроумная сатира. Оригинальность ея составляетъ то, что не только добродушный какой нибудь читатель прочтетъ ее, какъ панегирикъ Шатобріану, но и опытный не тотчасъ догадается, что вся книга есть тонкая и самая коварная насмѣшка. Холодное безчеловѣчіе Автора, который въ двухъ, довольно большихъ то-

Digitized by Google

махъ, перебираетъ каждое слово, каждую строчку Шатобріана, и всѣ событія его жизни, заставляетъ смѣяться и досадовать. Не споримъ, что Шатобріанъ стоитъ всего этого; но въ то-же время онъ есть разительное доказательство, какъ обстоятельства могутъ быстро возвысить, и еще быстрѣе уронить современную славу, если нѣтъ крѣпкой сущности въ душѣ мгновеннаго временщика. Не льзя представить себѣ, до какой степени упали теперь во Франціи Лафайэтъ, Гизо, Кузенъ, Шатобріанъ, прежніе идолы народа!! Но Исторія будетъ безпристрастнѣе современниковъ, и укажетъ всѣмъ имъ мѣста, которыхъ не отобьютъ у нихъ ни насмѣшки, ни духъ партій.

— *Eugène Aram.* (*Евгеній Арамъ*). Соч. Булвера. Пер. съ Англійскаго. Парижъ, 1832 г. 2 тома, in-8.

Булверъ проложилъ новую дорогу Англійскимъ романистамъ. Года четыре тому, началъ онъ писать романы, коихъ предметы бралъ изъ жизни высшаго, аристократическаго общества Англіи. Онъ первый раскрылъ въ своемъ *Пелгамѣ* тайну безчувственной холодности, безжизненнаго блеска, какимъ окружаетъ себя для всѣхъ другихъ званій гордый *Almacks* Лондонскій, и модный (fashionable) свѣтъ Англіи. Булверъ, будучи самъ знатнымъ аристократомъ Британіи, зная всѣ тайны, всѣ тонкости языка моднаго свѣта — безжалостно подвергъ насмѣшкамъ самого себя, и всю свою собратію. *Пелгамъ* его оскорбилъ многихъ, возбудилъ къ нему всеобщее вниманіе, и повлекъ за нимъ толпу подражателей. Послѣ того, онъ издалъ еще два романа.

Digitized by Google

Евгеній Арамъ доказываетъ сильное, прекрасное дарованіе Булвера. Это разсказъ о жизни человѣка, увлеченнаго въ ужасное преступленіе. Совершивъ его, не могъ уже онъ выкупить счастія, ни прежнею, ни послѣдовавшею послѣ того добродѣтельною жизнью. Урокъ, заставляющій содрогаться!

Надобно прибавить, что Булверъ превосходенъ по мастерскому умѣнью связывать событія, и по изложенію, живому и оригинальному.

— Poëmes par M. le comte Alfred de-Vigny (*Стихотворенія Графа Альфреда де-Виньи.* Парижъ, 1829 г. *Третье изданіе,* 1 т. in 8.

Мы уже говорили объ Альфредѣ де-Виньи, какъ переводчикѣ *Отелло*, и сочинителѣ *Сенъ-Марса.* Дарованіе, столь блестящимъ образомъ показанное имъ въ томъ и другомъ, заставило вспомнить о стихотвореніяхъ, которыя, въ самыхъ юныхъ лѣтахъ, печаталъ онъ, среди заботъ и занятій военной службы. Хотѣли вновь видѣть, пересмотрѣть ихъ, и два изданія были расхвачены за одно имя Автора. Кажется, что ожиданіе публики неудовлетворилось собраніемъ поэтическихъ опытовъ юности Альфреда де-Виньи.

Вотъ, что говоритъ онъ самъ: «Единственное достоинство, котораго нельзя оспорить у сихъ произведеній, есть то, что во Франціи они предваряли всѣ другія произведенія сего рода Поэзіи, который, въ эпической, или драматической формѣ, всегда представляетъ намъ мысль философическую.»

Digitized by Google

Но это ошибка. Поэзія есть совершенно другая, тожественная Философіи сторона души человѣческой. Облекать идею чисто-философическую въ одежду Поэзіи, все равно, что въ форму силлогизма переносить идею чисто-поэтическую. Поэтъ долженъ быть Философъ безъ сознанія, какъ Философъ поэтъ безъ лиры. Перемѣняя роли насильно, они оба не достигнутъ цѣли, ибо поэтъ подаетъ въ семъ случаѣ просьбу въ трибуналъ ума, а философъ въ трибуналъ сердца, и имъ обоимъ возвращаетъ ихъ просьбы, съ надписью: *просить по принадлежности.*

Возьмемъ въ примѣръ пьесы Пушкина: *Демонъ*, *Ангелъ и демонъ* и *Моцартъ и Салiери.* Въ каждой изъ нихъ заключены идеи глубоко философическія; но въ то-же время видно, что ихъ родила фантазія поэта, а не философское самопознаніе. Возьмите напротивъ: *Моисея*, или *Элоа* А. де-Виньи—обѣ пьесы прекрасны, но холодно прекрасны: это умъ въ вѣнкѣ Поэзіи.

Самое раздѣленіе пьесъ, на *Библейскія*, *Омирическія*, *Мистическія* и *Новѣйшія*, показываетъ вамъ, что де-Виньи сперва располагалъ логически, что̀ ему писать, и потомъ замѣнялъ вдохновеніе умомъ. Хотите-ли знать какую мысль выражаетъ его *Моисей*? Прочтите два стиха:

O Seigneur! j'ai vécu puissant et solitaire,
Laissez-moi m'endormir du sommeil de la terre,

И вы уже знаете сущность и расположеніе цѣлой пьесы. Такъ *Элоа* можете выразить двумя стихами:

Digitized by Google

Je tremble devant toi, mais pourtant je t'adore,
Je suis moins criminel puisque je t'aime encore!

Для поэта-стихотворца должна быть въ душѣ человѣческой особая сторона, отличная отъ всѣхъ, недоступная для того, кто поэтъ, но *не стихотворецъ*. Какъ поэтъ, де-Виньи великъ въ Сенъ-Марсѣ, но какъ *поэтъ-стихотворецъ* — онъ чуждъ божественной гармоніи стиха, и на лирѣ его играетъ не поэзія, но восторгъ ума.

— Tableau de la littérature française au XVIII siècle. (*Картина Французской Литтературы XVIII вѣка.* Соч. Баранта, Пера Франціи, и проч. Парижъ, 1832 г. *Пятое изданіе*, 1 т. in-8.

Въ 1802 году, Наполеонъ велѣлъ Институту, предложить задачу: Tableau littéraire du XVIII siècle. Нѣсколько лѣтъ бились надъ этимъ; наконецъ, великій человѣкъ на малыя дѣла, *Же*, выигралъ задачу, написавъ преполезную, преразмѣренную, *чисто-литтературную* книгу. На другой годъ Шатобріанъ грустилъ, что эта книга слишкомъ высоко писана. «Другое время, другіе нравы,» говорилъ онъ. «Наслѣдники длиннаго ряда мирныхъ годовъ, наши счастливые предшественники могли предаваться чисто Академическимъ изслѣдованіямъ, доказывавшимъ, не столько ихъ дарованія, сколько благополучіе. Но мы, несчастливые остатки великаго кораблекрушенія, у насъ нѣтъ уже того, съ чѣмъ можно вкушать спокойствіе столь совершенное! Наши идеи приняли отличный оборотъ. Человѣкъ замѣнилъ въ насъ Академика» .... Подумаете, что все это писано

Digitized by Google

въ шутку; но Шатобріанъ и не думалъ шутить! Подлинно: Autre temps, autres mœurs; nos idées ont pris un cours différent, et l'homme a remplacé en nous l'académicien! . . .

Тогда и Баранть написалъ свою книгу. Не говоря ни о чемъ, спрашиваемъ только: можно-ли человѣку мыслящему, черезъ тридцать лѣтъ, перепечатывать подобную книгу безъ всякой перемѣны? И какихъ лѣтъ: *съ* 1802-*го по* 1832 *годъ*! Можно-ли теорію и сужденія, писанныя тогда, подъ мечемъ Наполеона, подъ дудочку Французской Академіи и гусли Классицизма, печатать безъ перемѣны *теперь*? Но, все это сдѣлалъ Баранть! Непонятно, досадно, грустно! Не узнаемъ человѣка, создавшаго *Исторію Герцоговъ Бургундскихъ*! Подобный поступокъ можетъ доказывать, или несносную самоувѣренность, или глупое упрямство. Но, вѣроятно, публика Французская сочувствуетъ запоздалому сочиненію Баранта? Иначе, для чего-же *вновь* печатать книгу! Здѣсь разрѣшеніе загадки. *Pair de France* — прилагательное къ имени Баранта, составляетъ всю цѣну его сочиненія въ глазахъ новыхъ Доктринеровъ, для смѣшнаго аристократства, въ какое стараются они себя одѣвать! Книгу Баранта велѣно ввести, *какъ классическую*, во всѣ учебныя заведенія Франціи. Повелѣніе это припечатано къ книгѣ на особенномъ листочкѣ, и скрѣплено громкою подписью: Pour le Pair de France Ministre de l'Instruction publique et des Cultes, *le Conseiller Vice-Président Villemain.* — Воображаемъ забавную гордость, съ какою *Совѣтникъ, Вице-Президентъ*

Digitized by Google

Вильмень, смотришь на этотъ листочекъ!—Послѣ сего не удивительно, если книги Баранта, какъ Грамматики Ломона, потребуется еще двадцать изданій. . . . .

ИСТОРИЧЕСКІЙ

и

Статистическій взглядъ на послѣднее десятилѣтіе Турціи.

(Окончаніе).

Подобно всѣмъ государствамъ, составившимся не постепеннымъ развитіемъ внутреннихъ силъ, а завоеваніями, Турція представляетъ соединеніе частей, совершенно разнородныхъ. Владѣнія Падишаха находятся въ Европѣ, Азіи и въ Африкѣ. Населенныя разнородными жителями, они не имѣютъ единства ни въ границахъ, ни въ нравахъ и умонаправленіи обитателей. Главную связь сихъ частей составляла религія властителей, основанная Магомедомъ, и приспособленная съ удивительнымъ искуствомъ къ нравамъ, климату и образу жизни полудикихъ жителей знойныхъ странъ. Событія вполнѣ показываютъ намъ справедливость сего мнѣнія. Но въ послѣднее время, когда Европейская образованность начала брать верхъ надъ дикимъ

Digitized by Google

одушевленіемъ Мугаммеданъ, разнородныя части Турціи оказали всю слабость связи, отжившей свое время. Неповиновеніе Пашей, долго оканчивавшееся ихъ смертію, и особливо несчастныя внѣшнія войны заставляли Султановъ думать о преобразованіи, и такъ сказать о поновленіи несообразнаго съ настоящимъ временемъ порядка дѣлъ. Наконецъ, возстаніе Грековъ побудило Махмута принять рѣшительныя мѣры преобразованія. Мы видѣли послѣдствія его усилій. Онъ ошибся.

Слабость нынѣшней Турецкой Имперіи не въ томъ, что войска Турецкія не могутъ выдерживать встрѣчи съ войсками другихъ Державъ, но въ томъ, что вся Турція образованностію своею ниже Европейскихъ ея сосѣдовъ. Глубокая причина сего— религія властителей Турецкаго государства, ибо вмѣстѣ съ нею, никакое преобразованіе не можетъ быть прочнымъ, согласнымъ съ умоначертаніемъ главной части жителей, и слѣдственно дѣйствительнымъ. Покуда Провидѣнію не будетъ угодно поставить благородныхъ и храбрыхъ Османлисовъ на истинный путь просвѣщенія, дотолѣ они всегда будутъ зависѣть отъ сильнѣйшихъ непріятелей. Убѣдительнѣйшимъ примѣромъ сего можетъ послужить возстаніе знаменитаго Паши Египетскаго. Разсмотримъ сей феноменъ въ постепенномъ его возрастаніи.

Послѣ экспедиціи Французовъ, Египетъ былъ раздираемъ междоусобіями. Мамелюки находились въ безпрерывной борьбѣ съ Пашами Султана и другъ

Digitized by Google

съ другомъ. Въ числѣ военачальниковъ Турецкихъ отличался тамъ одинъ Турокъ, урожденецъ Македоніи, Могаммедъ-Али (*). Еще во время войны съ Французами, онъ былъ отличёнъ за храбрость во многихъ сраженіяхъ, особенно-же въ битвѣ при Раманіегѣ. Послѣ сего, начальствуя Албанскими войсками, онъ пріобрѣлъ себѣ такую славу, что Султанскій Правитель Египта возымѣлъ ненависть къ нему и упросилъ Султана перемѣстить его въ Салоники. Но сила Могаммеда была уже велика. Жители Каира объявили себя за него, и отправили къ Дивану просьбу, чтобы онъ сдѣлалъ Могаммеда-Али Правителемъ Египта, ибо только одинъ этотъ человѣкъ можетъ усмирить непокорныхъ и упрочить благоденствіе Египта. Такъ оставался онъ властвуя Египтомъ до 1806 года, когда Порта утвердила его въ достоинствѣ Правителя и именовала трехъ-бунчужнымъ Пашею. Онъ удержался на семъ мѣстѣ и въ то время, когда Порта назначила Правителемъ Египта Мамелюка Элфи-Бея. Вѣрные Албанцы и Франція подкрѣпляли Могаммеда-Али. Вмѣстѣ съ воинскими дарованіями обладая необыкновеннымъ умомъ народоправителя, онъ успѣшно занялся устройствомъ подвластныхъ ему земель. Въ Мартѣ 1807 года, когда Англичане блокировали Александрію, онъ умѣлъ отразить ихъ, и обезпечилъ свою безопасность покореніемъ Ма-

(*) Могаммедъ-Али родился въ 1769 году, въ Кавалѣ.

Digitized by Google

мелюкскихъ Беевъ. Съ Азіятскимъ вѣроломствомъ умертвилъ онъ главнѣйшихъ изъ сихъ послѣднихъ (въ 1811 году) и обратился на сильныхъ и опасныхъ враговъ, Вехабитовъ или Ваггабисовъ.

Секта Вехабитовъ возникла около половины XVIII столѣтія. Различіе оной отъ общаго Мугаммеданства состоитъ въ томъ, что признавая единаго Бога, она почитаетъ Мугаммеда человѣкомъ, и потому стремится къ разрушенію всего, что отличаетъ его какъ Пророка. Само собой разумѣется, что также мало чтитъ она и другихъ мнимо-святыхъ мужей Мугаммеданскихъ. Около 1803 и 1804 года, могущество Вехабитовъ достигло высшей степени. Они обладали Меккою, Мединою, многими важными приморскими городами, и, главное, приверженностью столь большаго числа людей, что могли выводить арміи во сто и болѣе тысячъ человѣкъ.

Порта давно возбуждала Пашу Египетскаго къ истребленію секты сей, опасной для ея могущества и религіи. Но Могаммедъ-Али, еще не утвердившійся въ своихъ владѣніяхъ, боялся подвергнуть гибели судьбу свою въ предпріятіи смѣломъ и трудномъ; когда-же онъ довольно укрѣпилъ свои силы, тогда рѣшился присоединить къ своему владычеству враждебныхъ Вехабитовъ. Въ началѣ 1812, походъ сына его, Тузуна, окончился несчастливо. Но въ 1813 году, съ войскомъ многочисленнымъ и хорошо образованнымъ, Тузунъ завоевалъ Мекку и Мединy. Вехабиты не упали духомъ отъ сихъ пораженій. Они безпрестанно окружали отдѣльные

Digitized by Google

отряды Египетскихъ войскъ и наносили имъ вредъ. Паша увидѣлъ, что его армія можетъ утвердиться въ Аравіи не иначе, какъ новыми побѣдами. Онъ привлекъ къ себѣ золотомъ Бедуиновъ и рѣшился перенести войну въ самое сердце Вехабитовъ, въ Неджедъ, гдѣ находились главные вожди и наставники ихъ. Славный въ Исторіи Вехабитовъ Ибнъ-Саудъ, тогда уже не былъ въ живыхъ. Его сынъ Абдалла, предводительствуя 25-ю тысячами легкихъ войскъ, встрѣтилъ Египтянъ въ Бисселѣ. Это было въ Январѣ 1815-го. Армія Могаммеда-Али не могла выбить Абдаллы изъ крѣпкой позиціи, и здѣсь-то, употребивъ обыкновенный маневръ противу полудикихъ ордъ, ложное отступленіе, Паша вывелъ ихъ на открытое поле, вдругъ обратился назадъ и разсѣялъ всю армію Абдаллы. Но войска Могаммеда были такъ истощены и малочисленны, что онъ принужденъ былъ отступить, и заключилъ съ Вехабитами договоръ, по коему они возвратили себѣ почти все прежнее могущество. Это было лишь отсрочкою. Вскорѣ Ибрагимъ, другой сынъ Могаммеда-Али, впослѣдствіи столь извѣстный своею свирѣпостью и храбростью, выступилъ въ походъ противъ Вехабитовъ съ многочисленною арміею. Можно сказать, что симъ походомъ существованіе Вехабитовъ уничтожено. Ибрагимъ взялъ столицу ихъ, Неджедъ, разрушилъ, истребилъ все, что могъ, и возвратился съ кровавыми лаврами къ новымъ подвигамъ, не менѣе страшнымъ своимъ звѣрствомъ.

Уже пламенѣла борьба въ Греціи. Султанъ требовалъ отъ своего Египетскаго вассала флота и

Digitized by Google

войскъ. Европейскіе политики долго не могли объяснить себѣ: что̀ заставило могущественнаго властителя Египта покориться велѣнію Султана и пожертвовать не только многими тысячами своихъ образованныхъ войскъ, но и флотомъ? Не желаніе исполнить волю Падишаха побудило его къ сему: послѣдніе событія служатъ тому доказательствомъ. Чтобы понять политику Могаммеда-Али, надобно взглянуть на постепенное образованіе финансовой и военной силы его.

Многіе донынѣ прославляютъ мудрость и геній Паши Египетскаго, открывшаго новые источники богатства. Правда, что онъ завелъ обширныя плантаціи хлопчатой бумаги, учредилъ многія фабрики, усилилъ торговлю; но все сіе было слѣдствіемъ мысли самаго гнуснаго деспота. Всѣ источники богатства, всѣ новыя учрежденія его клонятся къ утвержденію собственной его власти. Цѣлыя области и милльоны народовъ трудятся для наполненія казны его. Во всѣхъ торговыхъ предпріятіяхъ Египта, главную роль играетъ самъ Паша, и дѣйствуя посредствомъ нѣсколькихъ Европейскихъ спекуляторовъ, онъ собираетъ сокровища для своихъ политическихъ предпріятій. Нѣсколько разъ обманутый торговыми и мануфактурными агентами своими, онъ успѣлъ однакожъ, кромѣ необыкновеннаго размноженія хлопчатой бумаги, распространить обработываніе индиго, сахара, шелку, оливковаго масла, винограда, шафрана, и проч. Но все сіе служитъ лишь къ собственной пользѣ его. Несчастные жители подвластныхъ ему областей находятся подъ игомъ притѣсненій и

Digitized by Google

шонутъ въ невѣжествѣ. Прославляемое введеніе машинъ на фабрикахъ его, есть слѣдствіе корыстолюбивыхъ, собственныхъ его видовъ, а учрежденіе типографіи, школы и газеты, не иное что, какъ прихоть или оскорбительная насмѣшка надъ просвѣщеніемъ.

Паша Египетскій давно понялъ то, къ чему нынѣ стремится Султанъ. Болѣе благопріятствуемый обстоятельствами, онъ успѣлъ сдѣлать преобразованіе не въ одной промышленности; онъ учредилъ даже нѣкоторый призракъ судопроизводства. Но главною цѣлью его было преобразовать войска свои. Къ сему-то стремились всѣ торговыя предпріятія его и завоеванія, ибо первыя давали ему средства финансовыя, а вторые обезпечивало въ исполненіи дальнѣйшихъ плановъ.

Паша мало довѣрялъ прихотливой приверженности своихъ Албанскихъ войскъ, ибо не одинъ разъ дѣйствовали они противъ воли его и заставляли исполнять свои желанія, несообразныя съ его видами. Онъ рѣшился освободиться отъ нихъ и замѣнить буйную толпу безсловными рабами. Не тщетная слава простерть свои завоеванія далѣе, нежели успѣли то сдѣлать Римляне и Птоломеи, побудила его послать армію, подъ предводительствомъ сына своего Измаила, въ Донголу и Сеннааръ: политическіе виды руководили предпріятіемъ его. Когда Клеберъ остался главнокомандующимъ Египетскою арміею, онъ увидѣлъ, что не пополняемая новыми солдатами, сія армія должна исчезнуть. Не задолго передъ смертью своею, онъ началъ образовы-

Digitized by Google

ваш батальоны, по всѣмъ правиламъ Европейской дисциплины, изъ Негровъ, которыхъ покупалъ отъ владѣльцевъ внутренней Африки. Сей-то планъ хотѣлъ привести въ исполненіе Могаммедъ-Али.

Въ самомъ дѣлѣ, когда Измаилъ перешелъ границы Нубіи, онъ собралъ отъ десяти до двѣнадцати тысячь Негровъ и отправилъ ихъ въ Ассуанъ, къ южной оконечности Египта. Въ тоже время Мегемедъ-Бей, зять Паши, еще далѣе углубился въ Африку. Предводительствуя корпусомъ войскъ, онъ проникнулъ въ Кордофанъ, также для набора черныхъ. Такимъ образомъ было собрано двадцать тысячь новыхъ рекрутъ. Но попытка сія оказалась неудачною. Несчастные Негры, вырванные изъ отечества, подвергнутые строгости военной дисциплины и новому роду жизни, умирали слишкомъ поспѣшно, такъ что черезъ два года осталось ихъ только три тысячи. Могаммедъ-Али рѣшился на предпріятіе совершенно небывалое, котораго дерзость устрашала всѣхъ приближенныхъ его. Не смотря на смертельную ненависть къ нему Арабовъ, покоренныхъ имъ, онъ отбросилъ старое правило Турецкой политики, заставлявшей держать ихъ безоружными, и велѣлъ сдѣлать новый наборъ рекрутъ изъ Арабовъ. Такимъ образомъ вскорѣ составилъ онъ (включая сюда пять сотъ старыхъ Мамелюкскихъ воиновъ, которые почти всѣ были произведены въ офицеры, и остатокъ Негровъ) армію въ сорокъ тысячь человѣкъ. Это войско дополняется ежегодно, по правиламъ Французской конскрипціи. Отъ чего не возмущаются

Digitized by Google

Арабы, прежде столь непокорные? Отъ того, что состояніе ихъ перемѣнилось къ лучшему, ибо, дома они живутъ вообще въ бѣдности, и нуждаются даже въ пропитаніи, не только въ одеждѣ. Напротивъ Паша одѣваетъ ихъ щегольски, даетъ имъ большое жалованье и поступаетъ правосудно. Сверхъ того, строгая военная дисциплина, единожды покоривъ волю человѣка, дѣлаетъ его усерднымъ исполнителемъ приказаній.

Повелѣвая столь могущественною арміею, которая вскорѣ возросла до ста тысячь человѣкъ разныхъ войскъ, Паша конечно не имѣлъ никакихъ побудительныхъ причинъ употреблять ее для защиты и укрѣпленія власти Падишаха, противъ котораго уже зрѣли въ умѣ его непріязненные планы. Но двѣ сильныя политическія причины объясняютъ отправленіе флота и войскъ его въ Морею.

Призывая на помощь къ себѣ предпріимчиваго вассала, Порта сдѣлала ему самыя обольстительныя предложенія. Кипръ, Родосъ, Кандія, Эпиръ и Пелопоннезъ долженствовали поступить подъ его управленіе, послѣ усмиренія Грековъ. *Управлять*, для Могаммеда-Али значитъ *властвовать*. Мыслъ, сдѣлаться въ Европѣ владѣтелемъ столь обширныхъ и прекрасныхъ областей, которыя, вмѣстѣ съ Африканскими владѣніями его, образовали-бы одно изъ могущественныхъ государствъ въ мірѣ: вотъ что обольстило Египетскаго деспота и заставило его на нѣкоторое время изъявить покорность Султану.

Digitized by Google

Другая, не менѣе важная причина заставляла его дѣйствовать такимъ образомъ. Отправляя войска въ Грецію, онъ имѣлъ случай удалить изъ Египта Албанскіе полки, столь часто превожившіе его своимъ непокорствомъ. Для успѣха его предпріятій, непремѣнно должно было избавиться отъ нихъ. Сначала они изъявили большое неудовольствіе, и не хотѣли удалиться изъ прелѣстной земли, гдѣ такъ хорошо было имъ жить. Въ самомъ дѣлѣ, могли-ли они промѣнять ее на бѣдную, опустошенную Грецію, гдѣ должно было завоевывать каждый шагъ земли? Но ихъ прельстили обѣщаніемъ добычи, то есть грабительства, и тайно сблизили въ Өиваидѣ новую армію. Когда вновь образованныя войска были достаточно укомплектованы и обучены, Паша велѣлъ имъ двинуться къ Нижнему Египту, и по мѣрѣ того, какъ приближались они, Албанцы были перевозимы на суда, собранныя въ Даміеттѣ и Александріи. Съ ними вмѣстѣ посадили Негровъ, которые также часто оказывали непокорность, и, для виду, придали къ нимъ нѣсколько Арабскихъ войскъ.

Несчастное окончаніе сей экспедиціи, заключившейся истребленіемъ Наваринскимъ, раздражило Могаммеда-Али. Глубоко сокрывъ гнѣвъ свой въ душѣ, онъ однакожь изъявлялъ приближеннымъ своимъ неудовольствіе противъ Султана, и легко согласился на предложеніе Адмирала Кодрингтона, удалить Египетскія войска изъ Греціи. Съ тѣхъ поръ готовилъ сей коварный вассалъ оружіе противъ своего Повелителя, и послѣднія событія —

Digitized by Google

завоеваніе Акры, Дамаска, Антіохіи — показываютъ, что онъ рѣшился иными средствами увеличить свое могущество. Онъ увидѣлъ невозможность пріобрѣсти новыя владѣнія въ Греціи, или на богатыхъ островахъ Архипелага, и, соразмѣривъ свою силу съ немощью Порты, вознамѣрился образовать на твердой землѣ, по Азіятскому прибрежію Средиземнаго моря, великую, могущественную Державу. Взглядъ на карту, при соображеніи новѣйшихъ извѣстій о побѣдахъ его, убѣдитъ всякаго, что Могаммедъ-Али не ошибался въ своихъ разсчетахъ.

Будущее сокрыто отъ насъ; но изъ настоящаго можно заключать о вѣроятныхъ событіяхъ въ грядущемъ. Дерзкое предпріятіе Паши Египетскаго должно нанести новый ударъ Портѣ. Надобно замѣтить, что не приступая еще къ войнѣ, онъ старался приготовить умы, и привязать къ себѣ жителей пограничной съ его владѣніями Азіи. Уже нѣсколько лѣтъ назадъ, одинъ путешественникъ писалъ слѣдующее: «Паша Египетскій безпрерывно «усиливаетъ своё вліяніе въ Азіи. Значительная «часть Сиріи, та, которой берега омываетъ Сре«диземное море, находится существенно подъ его «зависимостью, хотя сего и нѣтъ на бумагѣ. Дру«зы, почитавшіеся долго за свои рыцарскіе и во«енные нравы потомками Крестоносцевъ, и умѣв«шіе доселѣ защищать свою вѣру и независимость, «при помощи стремнинъ Ливана и неукротимой «своей храбрости, отказываются для сего Паши «отъ привычной недовѣрчивости къ Мусульманамъ, «и, кажется, готовы способствовать исполненію

Digitized by Google

«плановъ его. Говорятъ даже, что Эмиръ ихъ при-«ѣзжалъ въ Каиръ, увидѣть Могаммеда-Али, и со-«гласился чтобы онъ набиралъ войска изъ Дру-«зовъ, и что, сверхъ того, оба сіи владѣтели усло-«вились призвать въ Сирію Европейскихъ офице-«ровъ, дабы они образовали изъ Друзовъ легіоны.»

При такомъ расположеніи умовъ, при такомъ постоянномъ стремленіи къ одной цѣли, понятны и успѣхи и предметъ всѣхъ походовъ Могаммеда-Али. Думаемъ, что изъ нашего краткаго очерка можно понять сего страннаго деспота, который утопая въ крови беззащитныхъ, коварствуя противъ сильныхъ и сражаясь съ равными ему, поощряетъ промышленность, и даже издѣвается надъ просвѣщеніемъ, заводя училище и періодическіе листки. Для него все есть только средство къ удовлетворенію честолюбія, къ распространенію собственной воли и угнетенію воли другихъ.

Но какую картину представляетъ въ семъ случаѣ Турція? Мы видѣли неудачи ея въ послѣднихъ войнахъ: слѣдствіемъ первой изъ нихъ была гибель многихъ тысячъ войскъ, истребленіе флота и наконецъ отпаденіе Греціи; слѣдствіемъ второй разочарованіе Султана, который надѣялся на свои преобразованныя войска; третія война еще длится... По всѣмъ вѣроятностямъ не можетъ она окончиться счастливо для Порты. Настоящее положеніе дѣлъ оправдываетъ мнѣніе наше, что Мугаммедизмъ, составлявшій основу и крѣпость Турецкой Имперіи, не сообразенъ съ господствующими обстоятельствами: онъ долженъ уступить законное

Digitized by Google

мѣсто просвѣщенію. Съ другой стороны, преобразованія Султана не могутъ произвести улучшеній прочныхъ и скрѣпить распадающіяся части его могущества. Онъ принимаетъ одно изъ слѣдствій просвѣщенія, а не самое просвѣщеніе. Какъ-бы ни были образованы войска его, но нравственная сила, которою растутъ и возвышаются государства, не будетъ одушевлять Мугаммеданъ. Надобно принять просвѣщеніе вполнѣ, или ждать послѣдствій неизбѣжныхъ.

Послѣдніе годы (1830 — 1832-й) не представляли въ Турціи никакихъ событій важныхъ, кромѣ недавняго возстанія Паши Египетскаго. Это были годы старца, отжившаго свой вѣкъ, и видящаго, какъ съ каждымъ днемъ изнемогаетъ и разрушается дряхлый составъ его.

Почитаемъ любопытнымъ представить въ заключеніе нѣсколько статистическихъ выводовъ касательно Турецкой Имперіи. Не ручаемся за достовѣрность оныхъ, и думаемъ, что они вѣрны лишь приблизительно, ибо настоящихъ свѣдѣній о сей Имперіи никогда не было. Образъ правленія всегда мѣшалъ гласности государственныхъ свѣдѣній о сей странѣ; впрочемъ и само Правительство Турецкое мало заботилось о нихъ.

Прежде всего, изъ состава Турецкой Имперіи должно исключить всѣ Африканскія владѣнія, какъ давно потерянныя для нея, а нынѣ угрожающія самому ея существованію; далѣе надлежитъ исключить Сербію, Молдавію и Валлахію, почти неза-

Digitized by Google

висимыя отъ Порты; сверхъ того многія части, какъ-то Албанія, Боснія, остальная часть Греціи, составляютъ владѣнія весьма ненадежныя. Во всей Имперіи считалось настоящихъ Турковъ не болѣе 10,000,000. Въ Европейской Турціи составляютъ они только $\frac{1}{3}$ народонаселенія; главное мѣстопребываніе ихъ въ Малой Азіи. Число жителей въ Азіятской Турціи полагаютъ въ 15,000,000; всеже народонаселеніе Турціи, въ Европѣ и Азіи, болѣе 20,000,000 душъ. Доходовъ Турціи не можетъ опредѣлить никто, ибо въ нихъ нѣтъ порядка. Султанъ часто нарушаетъ свои законы, обирая имѣнія умерщвленныхъ, налагая чрезвычайныя подати, и проч. Слово: *доходы*, не существуетъ для казны Султана; его должно замѣнить словомъ: *поборы*.

Болѣе вѣрное понятіе можно составить себѣ о военныхъ силахъ Турецкой Имперіи. Армія раздѣляется на войска *регулярныя* и *нерегулярныя*. Первыя состоятъ изъ четырехъ различныхъ родовъ войскъ: 1-е Пѣхота, 2-е Кавалерія, 3-е Артиллерія, 4-е Бомбардиры или минёры. Нерегулярныя войска раздѣляются только на Пѣхоту и Кавалерію. Регулярную пѣхоту именуютъ Побѣдоноснымъ войскомъ Магомеда. Десять тысячь изъ числа ея называются Гвардіею Султана. Во всѣ пѣхотные полки люди набираются безъ разбора, всѣхъ званій. Во время послѣдней войны съ Россіею, записывались рядовыми даже сановитые Улемы. Войско сіе раздѣлено по образцу Французской арміи, на Корпусы, Дивизіи, Бригады и Полки. Корпусомъ командуетъ Сера-

Digitized by Google

скиръ, Дивизіею трехъ-бунчужный Паша, Бригадою двухъ-бунчужный, Полкомъ Мири-Алей, баталіономъ, состоящимъ изъ осьми ротъ, Бимбаши. Всѣ пѣхотинцы одѣты красиво и въ каждомъ полку есть музыка, наигрывающая Французскіе и Англійскіе марши и пѣсни. — Кавалерія Турецкая искони пользовалась славою. Но Махмутъ преобразовалъ и кавалерійскіе пріемы Турковъ. Впрочемъ преобразованія сіи неважны: ѣздить на долгихъ стременахъ, имѣть, вмѣсто прежней сабли новую саблю Французскихъ драгуновъ — вотъ чѣмъ ограничиваются перемѣны. Самъ Султанъ превосходный наѣздникъ. Артиллерія Турецкая весьма несовершенна. Со временъ Бонневала и Тотта, она конечно улучшилась во многомъ. Французскіе офицеры научили артиллеристовъ стрѣлять скоро; но самый корпусъ сей въ безпорядкѣ, ибо Султанъ, обязанный *Топиджамъ* такъ много при истребленіи Янычаровъ, не подвергаетъ ихъ всей строгости новыхъ преобразованій. Конная артиллерія состоитъ изъ двухъ полковъ, по 736 человѣкъ, при 800 лошадяхъ и 40 орудіяхъ въ каждомъ. Пѣшая Артиллерія составляетъ корпусъ изъ 6,500 человѣкъ. Корпусъ бомбардировъ и минёросъ не великъ (всего 2,000 человѣкъ); онъ въ величайшемъ неустройствѣ. Издержки на содержаніе регулярной арміи простираются ежегодно до 40,000,000 Турецкихъ піастровъ (13,000,000 рублей). Армія нерегулярная есть не иное что, какъ толпа вооруженныхъ людей, которые сбираются по мѣрѣ надобности и возможности. Константинополь сосредоточиваетъ въ себѣ все, что относится къ запасамъ арміи и флота.

Digitized by Google

Особливо касательно флота, Константинопольскіе арсеналы и верфи заключаютъ въ себѣ все. Турецкій флотъ находится нынѣ въ плохомъ состояніи. Въ 1830 году его составляли:

Линейные корабли	1 *Махмутъ* о 120 пушкахъ.
	1 *Селимъ* о 80 — — —
	6 другихъ кораблей по 74 пушки.
	10 фрегатовъ отъ 36 до 60 пушекъ.
	13 корветтъ отъ 18 до 30 — —
	1 бриггъ о 12.
	2 парохода.
	Всего 34.

Многіе изъ сихъ кораблей такъ ветхи, что не могутъ быть высланы въ море. Но *Махмутъ*, недавно окончанный, замѣчателенъ по своимъ исполинскимъ размѣрамъ и по превосходной отдѣлкѣ.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

— *Письмо къ Издателю изъ Костромской губерніи.* — Любя Исторію отечественную, давно уже занимаюсь я обзоромъ нашей Костромской губерніи, въ отношеніи; историческомъ но обстоятельства мѣшаютъ еще мнѣ привести къ концу посильный трудъ мой. Желая собрать и составить нѣчто цѣлое по сему предмету, употребляю я однакожь всѣ способы и средства, зависящія отъ меня, ознакомиться съ губерніею нашею, богатою историческими воспоминаніями, но скудною въ источникахъ. Видя изъ Телеграфа, что вы, М. Г., помѣщаете въ оном сшашьи, относящіяся къ древностямъ отечества нашего, рѣшился я сообщить вамъ разныя извѣстія, какъ любознательному собирателю и хранителю всего достойнаго. Въ будущее время, *Телеграфъ* и *Отечественныя Записки* доставятъ обильнѣйшую жатву желающему заняться Отечественною Исторіею и Археологіею. Не самолюбіе, но, истинно, одно желаніе быть полезнымъ рѣшаетъ меня....

Вотъ предметы, кои, на первый случай, желаю сдѣлать вамъ извѣстными:

1. Въ 7^ми^ верстахъ вверхъ отъ Г. Кинешмы, на лѣвомъ берегу рѣки Волги, находится слободка *Солдога*. Во время набѣговъ Лисовскаго, изъ стана

Digitized by Google

Лжедимитрія, на города: Шую, Лухъ и Кинешму, подъ сею Солдогою была довольно жаркая битва, и сосѣдніе дворяне, *Куломзинъ* и *Шушеринъ*, кровію запечатлѣли одержанную тутъ побѣду. Недалеко отъ сей слободки есть надгробный камень, довольно большой, обросшій мохомъ. Мнѣ не удалось самому видѣть его, но слышалъ я отъ видѣвшихъ оной, что на немъ довольно примѣтны нѣкоторыя слова; народное-же преданіе называетъ то мѣсто *могилою Бѣльскаго*.

2. Въ 7ми верстахъ ниже города Кинешмы впадаетъ въ Волгу, съ лѣвой стороны, рѣка *Мѣра*, или *Мѣря*, конечно получившая названіе сіе отъ того, что въ древности она составляла границу Мери, народа, обитавшаго въ Ростовской области съ Черемисами. Находящееся-же противу г. Кинешмы, село *Богоявленское* принадлежало къ вѣдѣнію Московской Митрополичьей церкви, и было сего вѣдѣнія послѣднимъ къ границѣ; а по другую сторону рѣки Мѣри есть село *Городище*, не принадлежавшее къ Московскому Начальству.

3. Верстахъ въ 25ти отъ Кинешмы есть село *Даниловское*; недалеко отъ онаго, въ лѣсу, находятся груды щебня, и остатки сводовъ, извѣстные въ народѣ тоже подъ названіемъ *остатковъ дома Кн. Бѣльскаго*.

4. Верстахъ въ 56ти отъ Кинешмы есть заштатный городъ *Лухъ*, нынѣ принадлежащій къ Юрьевецкой округѣ; тутъ находятся также развалины, носящія имя — отъ жительства тамъ Бѣльскаго. Въ Лухѣ есть еще старинный каменный домъ, принадлежащій одному Священнику; по молвѣ народной,

Digitized by Google

онъ тошъ самый, въ которомъ жилъ знаменитый, добродѣтельный изгнанникъ Машѣевъ; а въ одной изъ церквей находится нѣсколько могилъ роду Стрѣшневыхъ, и одного изъ фамиліи сей погребенъ пріѣзжалъ изъ Ростова Св. Митрополитъ Димитрій. Около-же Луха, нѣкоторыя деревни, соединяясь по нѣскольку, какъ прежде составлялись *волости*, имѣютъ названія, весьма любопытныя для Археолога, какъ то: *Курбатовщина*, *Скрябовщина*, *Лыковшина*. Сіи названія приводятъ намъ на память знаменитыхъ людей въ Исторіи нашей.

5. Недалеко отъ заштатнаго города Плёса, находится деревня *Коробово* — жилище Бѣлопашцевъ-потомковъ знаменитаго Ивана Сусанина.

6. Недалеко отъ города Чухломы, въ лѣсу, есть могила и надгробный камень какой-то *Великой Княгини*. Сколько мнѣ извѣстно, въ Чухломѣ была одна Великая Княгиня, мать Василія Темнаго. Бывшій тамошній (а нынѣ Галичскій) Городничій, Г. Левшинъ, обѣщалъ мнѣ подробно разыскать о семъ, но перемѣщеніе его воспрепятствовало исполненію сего.

Замѣчательно, что многія происшествія въ нашемъ краю молва народная относитъ къ *Князьямъ Бѣльскимъ*.

Если вы найдете все это сколько нибудь дѣльнымъ, то я почту себя счастливымъ, бывъ нѣкоторымъ образомъ причиною къ новымъ разысканіямъ, по моему мнѣнію весьма любопытнымъ. — Съ истиннымъ почтеніемъ, и проч.

Князь Александръ Козловскій.

Digitized by Google

— Nota bene. *Автору Первоначальной Географіи и Географамъ вообще.*

Географъ къ сѣверу, на югъ Астрономъ зритъ;
Священникъ на востокъ—а къ западу Піитъ!

Пытливое стремленіе нашего вѣка, все извѣдывать, подводишь подъ законы теорій, приводишь въ сисшемы, подвергать выкладкамъ математическимъ, все, начиная отъ мѣлочей быта человѣческаго до возвышеннѣйшихъ истинъ міровъ физическаго и моральнаго (*), не есть-ли свидѣтельство возмужалости человѣчества?... Прошелъ пылъ юности.... Въ наше время уже не одни *Исполины предъ Господомъ*, но все человѣчество стремится къ просвѣщенію, забошится о будущемъ, и давая себѣ отчетъ въ прошедшемъ, старается извлекать изъ него пользу для грядущаго!.. Таково направленіе духа, современнаго намъ!... Блаженъ, сто крашъ блаженъ, кто *можетъ* дѣйствовать и кто дѣйствуетъ въ духѣ семъ!.. ибо по истинѣ скорбно

(*) Извѣстно, *что исчисленіе вѣроятностей* — эта философія Математики, если начертательную Геометрію можно назвать поэзіею оной — это, еще совершенно новое проявленіе въ области Наукъ, величайшее созданіе Паскаля и послѣдователей его, Даламбера, Лапласа, Остроградскаго—подвергаетъ строжайшему анализу даже моральную сторону человѣка; напримѣръ: оно можетъ *доказать* вамъ, при какихъ условіяхъ должно назвать какое-бы то ни было Государство благоденствующимъ, въ полномъ смыслѣ сего слова!.. И это не есть еще nec plus ultra ума человѣческаго!...

Digitized by Google

помыслишь, сколько есть знаній и важныхъ открышій, кои не будучи обработываемы и приспособляемы къ понятіямъ и пользамъ человѣка, являются для него лишь пустою игрою ума и воображенія, первоначальныхъ создателей ихъ! . . . (*)

(*) Для подтвержденія сего, достаточно указать на состояніе, въ какомъ находится у насъ величайшая изъ наукъ — Астрономія! . . . Приспособлена-ли она хотя нѣсколько къ пользѣ общественной? . . . Кому изъ нашей братіи, не могущимъ и находящимся не въ состояніи исключительно заниматься симъ предметомъ, извѣстны великія усовершенствованія по сей части, дѣлаемыя въ наше время? . . Кто можетъ самъ собою извлечь пользу изъ теорій параллаксовъ, аберрацій, нутацій, перпурбацій, хотя-бы даже онъ и имѣлъ случай выслушать ихъ, коль скоро все это разбросано безъ всякой связи и задернуто занавѣсою *чтенаго* образа выраженія, и доказательствами безконечныхъ формулъ! . . . Не должно заключать изъ сего, чтобъ мы почитали, въ преподаваніи Астрономіи, формулы безполезными: отнюдь нѣтъ; сама Астрономія есть уже *формула вѣроятности*; но мы исчитаемъ рѣшительно безполезными *доказательства* или выводы формулъ тамъ, гдѣ вся цѣль должна состоять въ одномъ приложеніи оныхъ! . . Чтобъ не показаться неясными, объяснимся самымъ простымъ сравненіемъ. Всѣ мы употребляемъ разныя вещи, для разныхъ цѣлей; напримѣръ, возмемъ въ разсужденіе столъ, на которомъ пишетъ теперь вашъ покорнѣйшій слуга — столъ вещь необходимая; но слѣдуетъ-ли изъ этого, что прежде должно выучиться *сдѣлать*

Digitized by Google

Намъ кажется, съ этимъ не льзя не согласиться: ибо, напримѣръ, скажите, Мм. Гг., почему великія открытія, совершенныя въ X столѣтіи имѣли столь дивное вліяніе на судьбу царствъ и народовъ, какъ

столъ а потомъ уже приступить къ употребленію онаго?... Въ такомъ точно отношеніи находится доказательство формулъ къ сущности преподаванія Астрономіи, не только не поясняя учащемуся науки, но рѣшительно затмѣвая оную!... Но послѣ сего намъ могутъ сдѣлать вопросъ: И такъ учащійся Астрономіи долженъ *на слово* вѣровать въ прочность тѣхъ краеугольныхъ камней, на коихъ основывается все зданіе его Астрономическихъ познаній?.. А сего въ *точной* наукѣ ни коимъ образомъ допустить не льзя!.. И возраженіе сіе будетъ совершенно справедливо; но просимъ не терять изъ виду, что мы не отрицаемъ полезности знанія вывести формулу: пусть занимается симъ всякой, у кого есть время и охота; мы хотимъ только показать, что, въ преподаваніи Астрономіи, надо совершенно отдѣлить существенную часть оной отъ доказательствъ формулъ, въ какомъ случаѣ оное составитъ уже самобытную науку, которую, пожалуй, можно назвать *Анализомъ Астрономическимъ*. Доказательствомъ-же возможности сего можетъ служить, напримѣръ, то, что въ Динамикѣ независимо ни отъ чего, допустивъ законы Кеплера, выводится законъ всеобщаго тяготенія и обратно.

Однимъ словомъ скажемъ: вѣрно-ли, нѣтъ-ли наше умозаключеніе, только смѣшанное преподаваніе и Астрономіи, и Анализа Астрономическаго, необыкновенно затрудняетъ учащагося, и отбиваетъ охоту!...

Digitized by Google

не потому только, что они были удобоприложенны къ понятіямъ и пользамъ человѣка того времени?.. Съ этой точки, и только съ этой точки, *надлежитъ* смотрѣть на всѣ знанія, на всѣ науки, и въ особенности, вамъ — избранные—кому досталось въ удѣлъ образовывать юношество!..

Не для чего распространяться, имѣютъ-ли педагоги наши подобный взглядъ на предметы свои; но, что взглядъ сей придетъ со временемъ, за это можно ручаться, ибо заставляютъ думать такъ многія пріятныя явленія въ нашей Литтературѣ, какъ напримѣръ: *Изображеніе характера Исторіи* 3*хъ послѣднихъ вѣковъ*, И. П. Шульгина, *Краткій Курсъ Словесности*, В. Т. Плаксина, *Первоначальная Географія*. О сей-то послѣдней мы намѣрены сказать нѣсколько словъ, не для того, чтобъ уронить преполезный трудъ сей — нѣтъ, мы не почитаемъ себя столь сильными и столь мѣлочными; напротивъ, единственно изъ желанія способствовать успѣху онаго, тѣмъ болѣе, что наше замѣчаніе, будучи общимъ, равно касается до всѣхъ, занимающихся землепознаваніемъ.

Авторъ Перв. Географіи говоритъ, что хорошее знакомство съ картою, по его мнѣнію, есть единственное основаніе всѣхъ Географическихъ познаній: и по нашему такъ, полагая, что подъ хорошимъ знакомствомъ съ картою, онъ разумѣетъ въ учащемся навыкъ къ вѣрному умопредставленію оной, и твердое знаніе *правильнаго* (замѣтьте!) названія главнѣйшихъ отличительностей ея. Конечно такъ и мыслилъ Авторъ Перв. Геогр.; но совсѣмъ

Digitized by Google

шѣмъ, не смотря на его желаніе быть правильнымъ, онъ впалъ въ ошибку, общую всѣмъ нашимъ землеописателямъ, и, странное дѣло, до сихъ поръ ни кѣмъ не замѣченную!... Да позволено мнѣ будетъ, по праву моряка, простосердечно спросить васъ, Гг. Русскіе Географы: для чего, и какое вы имѣете право, называть иностранные города, рѣки, горы и проч., не такъ, какъ называются они шуземцами ихъ? Для чего, напримѣръ, Бёмервальдъ называть Богемскимъ лѣсомъ, Ризенгебирге — Исполинскими горами, Меришгебирге — Моравскими горами, Заливъ де-Ліонъ—Львинымъ Заливомъ, Марморное море (отъ острова Мармора)—Мраморнымъ, Шлезію — Силезіей, Портъ Консепшонъ—Портомъ Зачатія (!), и проч: и проч. и проч. И во всемъ этомъ (кромѣ послѣдняго) наровнѣ со всѣми погрѣшилъ Авторъ Перв. Геогр. Право смѣшно слышать, если учащійся будетъ говорить, напримѣръ, что въ Испаніи есть водопадъ *Волгій скачекъ* (Перв. Геогр. стр. 128), что въ Греціи есть *Кучка чертовыхъ острововъ* (Перв. Геогр. стр. 163). Ужь за одно-бы Автору Перв. Геогр. рѣку Vilaine назвать Гадкою рѣкою, городъ Pont-sur-Saon — городомъ-Мостомъ-на Саонѣ, проливъ la Manche проливомъ Рукавомъ, и проч. и проч.

Конечно не худо, даже должно, объяснять учащемуся переводъ тѣхъ собственныхъ именъ, съ коими онъ знакомится; но отнюдь не надо заставлять выучивать онаго, предпочтительно предъ названіями шуземными; даже въ ребенкѣ это можетъ иногда породить самыя сбивчивыя идеи. Такъ напримѣръ: честью увѣряю васъ, что я еще очень

Digitized by Google

помню, какъ, мой умишко недоумѣвалъ надъ тѣмъ, что какъ шакъ, *горы* называютъ *лѣсомъ*!...

Если-же находятся какія нибудь причины, намъ неизвѣстныя, относительно надобности преподавать иностранное географическое именословіе въ Русскомъ переводѣ, то, слѣдственно, та-же причина существуетъ и не для Рускихъ? И такъ Французы нашъ городъ Орелъ должны называть l'Aigle, Сапожокъ—Petite-botte, Звенигородъ — Sonnez-ville и такъ далѣе. Чудо, какъ хорошо!.. Ну, а которыхъ перевести не льзя?...

- У насъ на флотѣ былъ приказъ, чтобъ собственныя имена судовъ, во всякомъ случаѣ употреблять только въ именительномъ падежѣ; не худо ежели-бъ таковой-же можно было отдать и Гг. Географамъ, относительно названій иностранныхъ, и по истинѣ это причинило-бы важное усовершенствованіе въ въ нашемъ географическомъ именословіи! Само собою разумѣется, что нѣтъ правила безъ исключенія; такъ точно и въ этомъ случаѣ; по крайней мѣрѣ непремѣнно надо *стараться* иностранныя географическія имена употреблять преимущественно въ именительномъ падежѣ. Да не покажется это странностію!.. Напротивъ, по нашему мнѣнію это дѣло самое возможное; все зависитъ отъ того, какъ первоначально пріучаютъ насъ смотрѣть на вещи, ибо съ этимъ взглядомъ, мы сродняемся на всю жизнь нашу; слѣдственно, преподайте учащемуся географическое именословіе по нашей теоріи, и повѣрьте, что со временемъ, ему будетъ казаться страннымъ именословіе, употребляемое нынѣ!..

Digitized by Google

Также необходимо должно показывать въ *учебной книгѣ*, какъ пишутся, по крайней мѣрѣ, труднѣйшія названія на языкахъ туземныхъ имъ.

Наконецъ, въ заключеніе нашего набѣга на географическое именословіе, скажемъ нѣсколько словъ вообще объ островахъ, ибо можно предполагать, что намъ сдѣлаютъ вопросъ: Какъ-же, дескать, какъ не по своему называть тѣ изъ нихъ, которые носятъ по нѣскольку названій, привитыхъ отъ разныхъ народовъ?

Было, господа, время, что шла мода на обрѣтеніе острововъ! Всякой народъ старался себѣ присвоить эту честь: хлопотали, спорили, чуть не дрались на смерть, и кончалось тѣмъ, что всѣ претенденты на честь *перваго* открышеля новаго камешка, крестили его своими именами .... Но, уже это время давно прошло, вмѣстѣ съ разувѣреніемъ, что за моремъ нѣтъ ни золотыхъ горъ, ни бриліянтовыхъ озеръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ великія усовершенствованія въ мореходномъ искуствѣ сдѣлали, что плавать для открытія острововъ стало затруднительнымъ почти не болѣе того, какъ ходить въ лѣсъ за *бѣлыми* грибами, такъ что нынѣ уже совершенно охладѣли къ этимъ пустякамъ; слѣдственно, лишь одна давность удерживаетъ при нѣкоторыхъ островахъ по нѣскольку названій, и очевидно, стоило бы только *Европейскимъ* Географамъ обратить на это вниманіе, и основываясь или на правѣ, или на уваженіи, или на чемъ имъ угодно, названіе, данное тѣмъ или другимъ народомъ, принять всѣмъ за непремѣнное, а еще-бы

Digitized by Google

лучше замѣнить оное названіемъ туземнымъ.... Но, впрочемъ, не наше дѣло пускаться въ даль.... есть и поумнѣе и постарѣе насъ.... ибо мы, истинно съ добрымъ намѣреніемъ высказывавшіе наше мнѣніе Автору Первоначальной Географіи — есьмы не болѣе того, какъ Мичманъ офицерскаго класса Н. С.

Фрегатъ Помона.

1832.

— *Новая Нѣмецкая труппа въ Москвѣ.*—Мы видѣли уже многократные опыты устроить, для умноженія общественныхъ увеселеній въ здѣшней столицѣ, Нѣмецкій театръ. Но всѣ покушенія въ семъ родѣ были неудачны, ибо основаны были на мнимой разсчетливости. Согласимся, что Нѣмецкая труппа актеровъ у насъ должна болѣе отличаться пѣніемъ, нежели драматическою игрою; однако, въ Россійской образованной публикѣ есть много знатоковъ Нѣмецкаго языка; къ тому-же, въ Драматическомъ Искуствѣ не должно ограничиваться хорошимъ исполненіемъ одной какой нибудь части онаго, ибо истинные художники производятъ очаровательное дѣйствіе не на однихъ любителей Музыки; они, такъ сказать, *возвышаютъ до себя* всю публику, властвуя надъ самыми грубыми людьми: и въ семъ-то смыслѣ театръ есть училище вкуса и нравственности.

Многіе доброжелательные участники и споспѣшествователи напрасно старались достигнуть сей

Digitized by Google

благородной цѣли: они только тратили деньги и время. Но теперь мы снова ласкаемся надеждою видѣть Нѣмецкія драматическія представленія, которыя, какъ мы слышали съ особеннымъ удовольствіемъ, намѣрена дать пріѣхавшая сюда фамилія Гебгардъ. Нѣсколько лѣтъ уже извѣстно имя сіе каждому любителю Искуства: оно заслужило въ Петербургѣ любовь и уваженіе. Г. и Г-жа Гебгардъ, съ четырьмя исполненными дарованій дочерьми своими, провели послѣдніе два года въ путешествіи по важнѣйшимъ городамъ Германіи, и вездѣ, какъ-то въ Дрезденѣ, Лейпцигѣ, Брауншвейгѣ, Ганноверѣ и другихъ мѣстахъ, были приняты съ отличною похвалою. Сіе видно изъ Журналовъ разныхъ городовъ и разныхъ мнѣній, согласно отдающихъ справедливость дарованіямъ фамиліи Гебгардъ.

И такъ, если справедливъ слухъ о драматическихъ представленіяхъ Гг. Гебгардъ, то мы надѣемся провести пріятнымъ образомъ нѣсколько вечеровъ наступающей зимы. Можно пожалѣть только о томъ, что сіи художники не могутъ показать своихъ дарованій въ кругу обширнѣйшемъ; но будемъ довольны и тѣмъ, что возможно.

Мы слышали также, что просвѣщенный Директоръ Московскаго Театра, Г. Загоскинъ, споспѣшествующій всему доброму и прекрасному, съ особеннымъ доброжелательствомъ принялъ просьбу фамиліи Гебгардъ, желающей явиться на сценѣ, и для удовольствія Нѣмецкой публики обѣщалъ поддержать сіе предпріятіе.

Достопочтенный любитель Искуствъ и другъ людей, достойный своего почтеннаго родителя, Князь

Digitized by Google

Юсуповъ, также, какъ слышно, предоставилъ безъ всякой платы свой театръ для частныхъ представленій фамиліи Гебгардъ.

Не льзя сомнѣваться, что и здѣсь фамилія сія пріобрѣтетъ друзей, умѣющихъ цѣнить дарованія. Можетъ быть теперь, при благосклонномъ, ходатайствѣ со стороны начальства Московскаго Театра, удастся благомыслящему и опытному художнику, Г-ну Гебгарду, бывшему нѣсколько лѣтъ режиссёромъ Нѣмецкаго Театра въ Петербургѣ, устроить и здѣсь Нѣмецкій театръ, сообразно съ мѣстными обстоятельствами и требованіями Искуства. Не нужно излишества въ дѣйствующихъ лицахъ: довольно немногихъ опытныхъ художниковъ, для оперы и комедіи. Пусть не будетъ у нихъ блестящихъ, огромныхъ дарованій, но пусть будетъ старательность и любовь къ своему Искуству. Требованія, конечно скромныя; однако они были причиною появленія достойной любви фамиліи Гебгардъ въ общественномъ кругу нѣкоторыхъ истинныхъ любителей Драматическаго Искуства. Не всегда нужны большія издержки для удовольствій невинныхъ, нравственныхъ, и усладительныхъ для души и сердца. Жизнь строга, но Искуство сыплетъ на нее розы. *(Сообщено).*

— *О небесномъ явленіи въ Курскѣ.* — Въ письмѣ отъ извѣстнаго Астронома-любителя Ѳ. А. Семенова, жительствующаго въ Курскѣ, мы получили извѣстіе о необыкновенномъ небесномъ явленіи. Представляемъ читателямъ буквальную выписку

Digitized by Google

изъ сего письма замѣчательнаго современника нашего, который самъ принадлежитъ къ числу явленій необыкновенныхъ. Мы увѣрены, что читатели замѣтятъ умную простоту изложенія, и чувство, съ коимъ написаны послѣднія строки онаго.

« За нужное почелъ извѣстить васъ о чрезвычайномъ воздушномъ явленіи, которое случилось у насъ ночью съ 31го Октября подъ 1е Ноября. Сіе явленіе происходило такимъ образомъ: въ 11ть часовъ по полудни, при совершенно безоблачномъ небѣ и слабомъ сѣверномъ вѣтрѣ, термометръ Р. показывалъ 4°; баромеmръ Англійскій 23,75 дюймовъ; но воздухъ былъ наполненъ маленькими льдинками инея, которыя зыблелися и сверкали при лунномъ свѣтѣ; однако звѣзды сквозь льдинки видимы были совершенно. Начался натуральный фейерверкъ, который состоялъ въ слѣдующемъ: по небесному своду въ разныхъ мѣстахъ изрѣдка начали появляться блуждающіе огни (что простой народъ называетъ кашающимися и падающими звѣздами, а невѣжество нечистыми духами и змѣями, которые прогуливаются для любви); они безпрестанно умножались, и наконецъ къ полуночи весь небесный сводъ поперемѣнно покрывался павильономъ ракетъ, большаго и малаго калибровъ; сіи ракеты летали по всѣмъ возможнымъ направленіямъ, отъ чего сдѣлалось такъ свѣтло, какъ при сильной молніи; сіе продолжалось, съ малыми промежутками времени, отъ 11ти часовъ вечера до самаго разсвѣта; но, кажется мнѣ, оно и долѣе было, только не видимо стало отъ восходящаго солнца. При семъ

Digitized by Google

явленіи шуму и треску совершенно не было. Старики наши говорятъ, что этого явленія не видывали никогда, а нѣкоторые называютъ его сѣвернымъ сіяніемъ. Я никогда не видывалъ сѣвернаго сіянія, а знаю его только по одному описанію въ книгахъ, и руководствуяся онымъ, не думаю чтобъ это было сѣверное сіяніе. Я полагаю, не Біелова ли комета причиною сего явленія, ибо какъ извѣстно изъ вычисленій, что она будетъ проходить въ самомъ близкомъ разстояніи отъ земли около сего времени, то, можетъ быть, отъ противоположныхъ электричествъ земли и кометы, произошло сіе явленіе, по извѣстному физическому закону полярности.

«Желательно было-бы знать пространство, какое на земномъ шарѣ занимало сіе явленіе, и какъ далеко отъ поверхности земли являлись сіи ракеты, и каковую скорость онѣ имѣли въ извѣстное время? Я получилъ свѣдѣніе отъ вѣрныхъ людей, что это явленіе было одинаково и въ одно время на всемъ пространствѣ Курской губерніи.

«Но жалко мнѣ было того, что хотя и видѣлъ я самъ сіе явленіе, однако наблюдать основательно не могъ, ибо въ сіе самое время угодно было Провидѣнію положить предѣлъ жизни моей матери. Она скончалась, и потому я былъ слишкомъ разстроенъ сею невозвратимою для меня потерею. Фантазія заставила насъ всѣхъ, бывшихъ при кончинѣ моей матери, сказать, что это освѣщаетъ путь въ Царство Небесное для души моей матери.»

Digitized by Google

Digitized by Google

КАМЕРЪ-ОБСКУРА.

N 15.

МѢЛКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ,

ШАРЛАТАНСТВО И ДИКОВИННКИ МОСКОВСКІЯ.

(Продолженіе).

Многое нравится мнѣ въ этихъ шабачныхъ лавочкахъ: и эта изобрѣтательность мѣлкой промышленности, приютившаяся на уголку; и эта умѣренность человѣческихъ желаній, укромно заключенная въ пространствѣ, менѣе человѣческаго гроба. Но всего этого мало. Табачникъ обыкновенно бываетъ человѣкъ *бывалый*, иногда старый служивый, или барскій человѣкъ, на волю отпущенный. Обыкновенно, онъ не бритъ недѣлю, красенъ, отъ того, что всегда находится на воздухѣ, и всегда подлѣ его лавочки собираются, курятъ и нюхаютъ множество охотниковъ. У него продаются балалайки и гитары, сносятся сплетни, сходятся слухи, отдыхаютъ подьячіе, балагурятъ бу-

Digitized by Google

дочникъ съ ближней будки, и иногда, мимоходомъ, останавливается даже Коммисаръ квартала. О! шабачный лавочникъ важное лицо на каждомъ рынкѣ, на каждой улицѣ, гдѣ онъ торгуетъ и засѣдаетъ!

Но, довольно объ *осѣдлой* мѣлкой торговлѣ и промышленности. Не поведу васъ ни на *Конную*, гдѣ Цыганы истощаютъ весь умъ на борьбу съ Прйродою, возвращаютъ юность старости, силы безсилію, и слова не скажутъ не обманувши; ни къ *заставамъ*, гдѣ выѣзжающему насильно навязываютъ калачи и сайки; ни въ *гостинницы*, гдѣ всякаго пріѣзжаго окружитъ толпа народа: Итальянецъ съ ваксою, Жидъ съ галантереею, Тапаринъ съ шалями и халатами, Тиролецъ съ пряниками, цырюльникъ съ бритвою, извощикъ съ предложеніемъ каретъ дрожекъ, саней; не поведу въ *пряничные курени*, фабрики одеколона, харчевни, лавочки, гдѣ продаютъ печенку и языки говяжьи, шерстобитни, гдѣ цѣлый день гудетъ струна шерстобита, въ лавки, гдѣ собираетцся тряпье для бумажныхъ фабрикъ, гдѣ скопляются кули и обозы пуху и перьевъ. Поговоримъ о ходячей, бродящей, ручной, носильной мѣлкой промышленности.

Возмите какой угодно предметъ: вы найдете на одномъ концѣ его магазины и тысячи рублей,

Digitized by Google

на другомъ корзинки и коцёнки. Нётъ предмета, котораго не носили-бы по улицамъ. Сирота бездомная, торговля разнощиковъ скитается изъ дома въ домъ, изъ улицы въ улицу. Сидите подъ окномъ у себя дома, и вы можете что угодно продать, что угодно купить. Къ вамъ придутъ торговать старыя голенища вашихъ сапоговъ, золу изъ вашихъ печекъ, груду, лежащую подлѣ вашей конюшни, разрозненные томы Эккартсгаузена. Слухъ вашъ поражаетъ Тирольская пѣсня, горловые звуки ranz-des-vaches — это жилель Альповъ и Граубиндена продаетъ голички и деревянные часы. Вотъ ливрейный лакей показываетъ вамъ волосяные ридикюли, сдѣланные имъ на досугѣ, пока баринъ сидѣлъ въ Клубѣ, или за висгомъ; усатый служивый, съ медалью за 1812-й годъ, выпягивается передъ вами... Какъ, и ты торгуешь, мой славный солдатъ, мой Бородинскій герой? Да, бывши во Франціи, онъ выучился плести корзинки изъ соломы, плететъ ихъ, между ученьемъ и смотромъ, въ шумѣ казармъ, вычистивши свое ружье, и осмотрѣвши, можно-ли ему передъ каждою пуговицею поправить свой лихой усъ. Солдатское жалованье не велико. Поди сюда, мой добрый служивый! Продай мнѣ корзинку, выпей еще добрую рюмку водки, скажи мнѣ: *здравія желаю*, и поблагодари меня за ласковое слово.

Digitized by Google

Вамъ угодно сдѣлать обѣдъ? Но у васъ нѣтъ ничего, кромѣ пустой залы. Есть-ли у васъ деньги? Есть. Извольте-же назначить: сколько у васъ будетъ гостей, и дѣло кончено. Завтра-же каждый изъ нихъ получитъ печатный билетъ; огромные столы заломятся у васъ подъ тяжестью серебра, золота, фарфора; среди жаркаго лѣта, сахаръ съ Цейланскими пряностями замерзнетъ въ видѣ апельсиновъ, и ананасовъ; аршинныя стерляди изъ Шексны и Волги заставятъ гостей вашихъ забыть, что въ Москвѣ не только рыбы, но и рѣки порядочной нѣтъ; зимой горы ананасовъ напомнятъ вамъ Италію, и пусть идетъ хлопьями снѣгъ, розы, лавровыя, померанцевыя, лимонныя деревья зазеленѣютъ, заблагоухаютъ въ вашей залѣ; ароматы Востока упоятъ обоняніе вашихъ гостей, а изъ столѣтняго кремня Рейнскаго, съ благодатныхъ полей Шампани, изъ Лондонскихъ пивоваренъ Брадлея, съ тучныхъ холмовъ Токая, изъ кислыхъ источниковъ Зельцера, съ палящихъ плантацій Ямайки, польются рѣками вино, вода, пиво, водка, пока гости ваши объѣдаются устрицами, черепахами, лягушками, пирогами изъ Спразбурга, сыромъ изъ Лимбурга, перепелками изъ Курска, виноградомъ изъ Астрахани, пока богатыя канделабры Бахмешева, Орлова, и бронза Розенширауха, горятъ тысячью радужныхъ огней.

Digitized by Google

Не угодно-ли вамъ еще музыки, которая будетъ гремѣть за каждымъ глоткомъ? Не закажете-ли вы списковъ, особой капшаты? Вамъ ихъ напишутъ, положатъ на музыку, пропоютъ, проплящутъ. Требуйте, какъ Потемкинъ, кислой капусты; какъ Англичанинъ, ножку жаренаго соловья; какъ Нѣмецъ рюмку киршвассеру — все принесутъ вамъ, не заботьтесь: мелкая промышленность собьетъ съ ногъ кандишеровъ, поваровъ, извощиковъ, рыбаковъ, садовниковъ, драпировщиковъ, мясниковъ. Все дадутъ вамъ *на прокатъ*: покупать не нужно, кромѣ того, что съѣдятъ, выпьютъ и разобьютъ. Сегодня у васъ можно было угостить Персидскаго Шаха — завтра ваша зала опять пуста, и слѣды остались только въ книгѣ счетовъ передъ вами, и въ убыли вашего бумажника. Промышленность идетъ далѣе: угощеніе Персидскаго Шаха будетъ вамъ стоить только то, что надобно заплатить за листъ вексельной бумаги — если вы безспорный наслѣдникъ дядюшки, который еле дышитъ.

Но, можетъ быть, вы хотите угостить не обѣдомъ, а концертомъ? Давно-бы сказать: вотъ вамъ рояль, вотъ самъ Фильдъ, вотъ лучшіе артисты, вотъ и знатоки! Сегодня вы пріѣхали въ Москву: поклонитесь только бумажникомъ мелкой промышленности, и — зав-

Digitized by Google

тра полъ-Москвы будетъ у васъ на балѣ; къ двадцати звѣздамъ прижмутъ васъ дружески, и хотя вы красивы, какъ Эксимосъ, десять красавицъ станутъ умирать отъ любви къ вамъ, и какихъ вамъ угодно красавицъ: Нѣмокъ, Итальянокъ, Француженокъ, Англичанокъ, брюнетокъ, блондинокъ?.. Впрочемъ, не шалите слишкомъ: Москва городъ степенный, семейный, городъ женатыхъ — она сквозь пальцы смотритъ на шалости, но — не любитъ ихъ!.. Знаете-ли что? Вашъ балъ прекрасенъ: все освѣщено, все горитъ, все гремитъ, все пляшетъ; передъ окнами ярко блистаетъ брильянтовый щитъ, хлопаютъ бураки, летятъ ракеты; дикія чада Египта, дѣвы Цыганскія, гикаютъ, увеселяютъ гостей восторгомъ безумія, но — вы что-то задумались? О чемъ? Неужели Московское повѣтріе — *женитьба*, пахнула на васъ крылышкомъ среди Московскихъ красавицъ.... Чего-же долго думать? Женитесь поскорѣе! Завтра дайте нарочно маскарадъ — костюмы, маски, кадрили — все будетъ къ вамъ доставлено, и въ безконечномъ котильонѣ, въ сидячей мазуркѣ, вы разогрѣете сердце вашей побѣдительницы полнымъ признаніемъ въ любви. А маменька? О, Боже мой! не позволитъ пошептаться дочкѣ своей съ человѣкомъ, который даетъ такіе богатые балы и маскарады... И тутъ, вѣдь своя промышленность: дочери

Digitized by Google

товарѣ небойкій — смѣлѣе! Что? Васъ любятъ, васъ благословляютъ, вамъ надобно вѣнчаться, вамъ хочется облечь невѣсту вашу въ шали, брильянты, надобенъ экипажъ? Вотъ вамъ все на прокатъ, кромѣ невѣсты: шестерня лошадей, бородатый кучеръ, два великана лакея въ золотѣ, голосистый форрейторъ, брильянты на голову, на грудь, на шею, радость родныхъ, и — даже дружба гостей...

Впрочемъ, знаешь-ли что? Женишься-ли полно вамъ на этой хорошенькой дѣвушкѣ? Вамъ она нравится, хороша, добра? Прекрасно, но вѣдь у нея ничего нѣтъ! Помилуйте: нравится! Мало-ли что намъ нравится! Хороша! Посмотрите-ка вы на нее лѣтъ черезъ десять— она будетъ шочь въ шочь походить на свою некрасивую маменьку! У нея доброе сердце! Какъ это скоро вы узнали? Сердце женщины, М. Г., глубокій колодецъ, гдѣ на самомъ только днѣ сидитъ истина — трудно ее оттуда вытащить. Право, послушайте меня: бросьте романическія идеи! Вы согласны? Умный человѣкъ! И такъ примемся опять за мѣлкую промышленность! Къ намъ являются *свахи* и *сваты*, приносятъ полныя росписи приданаго, описываютъ невѣстъ. Посмотримъ: 50 тысячъ и брильянты, 100 и лавки, 70 и деревня, 25 и наслѣдство. Дайте поскорѣе магарычи свахѣ, и поѣдемъ смотрѣть, знакомиться...

Digitized by Google

Ну, мой милый Жоржъ Данденъ: и такъ ты теперь *Московскій житель и женатъ*? Поздравляю, поздравляю; но что-же ты морщишься? Vous l'avez voulu, vous l'avez voulu, George Dandin, vous l'avez voulu, cela vous sied fort bien, et vous voilà ajusté comme il faut, vous avez justement ce que vous méritez (ты хотѣлъ этого, ты хотѣлъ этого, Жоржъ Данденъ, ты этого хотѣлъ, и тебѣ это очень пристало: ты убранъ какъ должно, и получилъ именно то, чего стоишь). Какъ! Ты жалуешься на мои совѣты? Ты вспоминаешь о милой дѣвочкѣ твоей, о любви? Помилуй, Жоржъ Данденъ!

Я ждалъ-ли глупости такой,
Давая умные совѣты!
И какъ съ пустою красотой
Сравнишь существенность монеты?

У тебя есть теперь деньги, домы, лавки, деревни, и въ придачу *жена*! Дай Богъ всякому православному христіанину такъ жениться—

Я первый глупостью сочту
И самымъ дерзкимъ заблужденьемъ,
Кто движимую красоту
Сравнишь съ недвижимымъ имѣньемъ!

Впрочемъ, не ты первый, не ты послѣдній. Утѣшься, милый мой! Да, впрочемъ тебѣ не-

Digitized by Google

когда и думать, не только утѣшаться! Что это: дѣтки? Сынокъ, дочка. Бѣги-же къ мѣлкой промышленности, требуй у нея Русскую кормилицу, няньку Англичанку, Нѣмца дядьку, Француженку гувернантку, Француза гувернёра. — Но, что это? Ты настоящій *Москвичъ*: разъ, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь — Коко, Зизи, Мими, Катишь, Бабетъ Лоло, Фило, Дуду — это все твои дѣтки? Благословенное семейство! И то сказать:

Чтобы имѣть дѣтей,
Кому ума недоставало!

Такъ, или сякъ, а теперь, любезный Жоржъ Данденъ, ты уже крѣпостной слуга мѣлкой промышленности! Она вопьется въ тебя, какъ клещъ добрый. Вопъ дѣткамъ твоимъ надобны игрушки. Поѣзжай на Кузнецкій мостъ. Тамъ накупи оптическихъ, механическихъ, физическихъ игрушекъ, которыя можешь ты достать впрое дешевле у Русскаго мужичка. Но за то, какъ фигурно все убрано въ *магазинѣ* игрушекъ, подлѣ какого нибудь *Итальянскаго магазина*, поэтически обвѣшаннаго колбасами и сосисками, такъ, что, смотря на нихъ, невольно хочется тебѣ выпить рюмку водки и закусить. Можно-ли сравнить съ этимъ Русскую игрушечную, или колбасную *лавку*! Пожалуста, мой

Digitized by Google

милый, не думай легко объ игрушкахъ. Игрушки много значатъ въ мірѣ. Вотъ не успѣли твои дѣти отыграть въ куклы — имъ надобно играть въ образованіе и просвѣщеніе. Время невѣжества прошло; надобно *воспитывать* дѣтей. Они умѣютъ говорить по-Французски, танцуютъ, играютъ на фортопьяно. Но развѣ этимъ ограничишь ты благовоспитаніе ихъ? Ахъ, ты варваръ! Ты хочешь ихъ лишить высшаго достоинства человѣка, развитія умственныхъ способностей, хочешь, чтобы они стыдились своего вѣка, не понимали высокихъ идей... Ты уже и оробѣлъ, мой милый? Не бойся, не бойся: все это промышленность мѣлкая устроитъ тебѣ, какъ не льзя лучше! Есть особый родъ людей, называемый: *учители*. У нихъ есть маленькія, исписанныя тетрадки, въ которыхъ записано много любопытныхъ вещей. Обязанность этихъ людей ходить и ѣздить изъ дома въ домъ, въ каждомъ сидѣть опредѣленное время съ дѣтьми, читать дѣтямъ свои тетрадки, и заставлять ихъ выстверживать эти тетрадки наизусть. Когда дитя подростетъ, такъ, что въ воротничкѣ дѣтскомъ стыдно ему показаться въ люди, то ученіе кончено: все выученное изъ тетрадокъ забывается, и дѣвушку надобно тогда поскорѣе выдать за-мужъ, а мальчика записать въ службу. Пока ты будешь это дѣлать, для учителей подросли другіе

Digitized by Google

ученики: они раскланяются тебѣ, и пойдутъ съ тетрадками въ другіе домы. Это колесо, любезный, называемое *ученіемъ* и *воспитаніемъ*. Но гдѣ учители? Помилуй! На каждомъ шагу столкнешься съ ними, ѣздящими и ходящими, съ рубля за часъ до 15-ти и 25-ти рублей. Я совѣтую взять тебѣ самыхъ дорогихъ. Выгодъ тутъ множество. Во-первыхъ, вѣдь не для того ты учишь дѣтей, чтобы они знали что нибудь, а для того, чтобы другіе знали, что они учатся. Кому-же можешь *разсказать* это какой нибудь бѣднякъ, студентъ, котораго и не пустятъ въ порядочный домъ? Во-вторыхъ, изъ этихъ чудаковъ, бѣдныхъ учителей, есть пренесносные педанты, которые вздумаютъ мучить дѣтей твоихъ, и въ самомъ дѣлѣ *учить* ихъ. Имѣя два, три урока въ день, педантъ станетъ сидѣть съ дѣтьми твоими по два, по три часа... Прочь, прочь его! Скорѣе легкаго, милаго, моднаго учителя, который едва успѣваетъ объѣхать домы, гдѣ учитъ, и смотритъ, сидя съ дѣтьми, не въ книжку, а на свои золотые часы, чтобы скорѣе провести время, и скажетъ въ другой домъ... Прекрасно! Твои дѣти выросли съ тебя; теперь... Но, что это: ты боленъ, любезный Жоржъ Данденъ? Какъ: и искуственныя воды не помогаютъ? Скорѣе за мелкихъ промышленниковъ, называемыхъ лекарями: одинъ велитъ тебѣ пу-

Digitized by Google

спишь кровь, другой облѣпишь тебя шпанскими мухами, третій заставишь глотать пилюли, четвертый пить микстуры. Великъ-ли расходъ! Лучшему-то довольно десяти рублей, за то, что очъ пріѣдешь, поговоришь съ тобою, и пропишетъ тебѣ чего нибудь кислаго, или вонючаго! Ничто не помогаетъ? Ну, примись за послѣдователей Ганнемана, за лекарство Леруа — только плати — мѣлкая промышленность неистощима. Она тебя за воротъ будетъ держать, и не пуститъ въ могилу. Но, нѣтъ! все кончено — тебя не вылечили по мѣлочи; попробуй лечиться оптомъ — консиліумъ скорѣе! Ты умрешь не въ порядкѣ, если не созовешь консиліума.... А! какъ взволновалась теперь мѣлкая промышленность! Она считаетъ уже каждый вздохъ твой. Когда одинъ твой слуга поѣхалъ звать на консиліумъ, другой немедленно бѣжитъ въ Суровскій рядъ, третій къ гробовщику... Имъ давно обѣщано на водку, и они спѣшатъ извѣстить: *у барина консиліумъ*. Доктора ѣдутъ съ консиліума, ты спокойно умираешь, въ залѣ стоятъ уже купцы съ парчами, съ глазетомъ, въ передней ждутъ заказа хозяева лавокъ, гдѣ *гробы продаются, обиваются, на прокатъ отпускается трауръ*, въ ворота глядятъ мраморщикъ, пономарь, каменосѣчецъ... Счастливый путь! Умирай поскорѣе, полно ребячиться: большіе подсвѣчни-

Digitized by Google

ки, свѣчки, покровъ, балдахинъ, дюжина мужиковъ, четверня клячь, дроги съ мертвою головою, затасканныя шляпы и плащи для мужиковъ, и черныя попоны для лошадей, и елки, и песокъ, и поваръ, и кандитеръ, и золотая надпись на надгробный памятникъ, съ *добродѣтелью*, т. е. разсказомъ о твоихъ добродѣтеляхъ, и извощики везти твою процессію — все готово! Что тебѣ томить себя и другихъ — умирай! Надобно-же когда нибудь умереть? Вѣдь этому народу недосугъ ждать; не одинъ ты въ Москвѣ умираешь. . .

Такъ мѣлкая промышленность, какъ материнская любовь, провожаетъ жителя Москвы отъ колыбели до гроба. Но какая мать сравнится съ нею! Кто исчислитъ тонкія нити, какими все опутала она!

У васъ развелись мыши, клопы, тараканы. Вамъ сей часъ выведутъ все это; не бойтесь несчастной участи Попеля и Гаттона; мѣлкая промышленность, какъ стражъ, за вами, и проситъ — всего двугривенный! Вамъ надобно вычистить колодецъ — пятеро лѣзутъ въ него, трое задохнутся въ немъ за два рубля, но остальные вычистятъ вашъ колодецъ. Вотъ мѣлкая промышленность сидитъ на углу улицы, съ загаженнымъ лоточкомъ, и продаетъ вареныя яблоки,

Digitized by Google

надѣтыя на деревянныя спички, и въ кувшинчикѣ стоитъ подлѣ нея грушевый квасъ; вотъ она, какъ новый Парри, среди льдинъ Москвы рѣки, въ холодъ, морозъ, костенѣетъ, тонетъ, мерзнетъ, и набиваетъ льдомъ вашъ погребъ; вотъ она отворяетъ двери, и кланяется вамъ, когда вы идете въ Троицкій пракширъ и лѣнитесь протянуть руку; вотъ она печется на солнцѣ, спитъ на кучѣ песку, ѣстъ хлѣбъ съ водою, и — моститъ вамъ мостовую, садитъ рядкомъ деревцы, обкладываетъ бульвары дерномъ, чиститъ уличную канаву; вотъ она встрѣчаетъ васъ въ корридорѣ Театра, и съ поклономъ предлагаетъ аффишку; вотъ она, запачканная въ сажѣ, чиститъ вашу печку; дрожа отъ холода на чердакѣ, она пишетъ вамъ Латинскую диссертацію. Не хотите-ли купить посвященія книги? Не надобно-ли купить цѣлый романъ, заказать переводъ чего угодно? Нѣтъ-ли у васъ честолюбія выдать себя авторомъ вашей покупки? Мѣлкая промышленность на все согласна. Вотъ она, передъ вами, на каждомъ перекресткѣ, съ жестянками мороженаго, по пятаку рюмка, съ возомъ песку, гороху, бобовъ, рѣпы, крыжовнику. Это что такое? Ничего: вашъ портретъ, начерпанный ложками, перомъ — заплатите гривенникъ; вотъ и силуэтъ, вырѣзанный изъ черной бума-

Digitized by Google

ти — дайше пяти-алтынный: его вырѣзывалъ Немецъ.

Но я не кончилъ-бы, если-бы сталъ васъ водить по всѣмъ отдѣленіямъ мѣлкой промышленности Московской. По счету 1828 года, въ Москвѣ — 1905 человѣкъ шили сапоги, башмаки, калоши, 1085 человѣкъ ладили столы, столики, стулья, скамейки, и проч., 324 брили и стригли, 141 дѣлали и починивали часы, 256 приготовляли лошадиную сбрую, 959 ковали и лудили кѣдь, 916 ковали желѣзо, 727 работали дрожки и сани, 173 выдѣлывали мѣха, 178 рѣзали по дереву, 109 переплетали книги и шешради. Повѣрите-ли вы, что 13 человѣкъ было осудившихъ себя цѣлый вѣкъ дѣлать щетки, 19 вить струны, 51 дѣлать чубуки, 114 рѣзать гребни, 282 человѣка только и знали дѣлать мишуру, фольгу, блестки, штрунцалъ, канитель, 107 гошовить листовое золото и серебро, 105 шить перчатки, 20 дѣлать зонтики. Парикъ, сундукъ, рама, цвѣтокъ, картузъ, футляръ, фортепіано, обручъ, скребелка, лампа, дуга — тысячи предметовъ, отъ земли, воздуха, воды и огня, отъ всѣхъ царствъ животныхъ, все, начиная отъ огромнаго каменнаго дома до зубочистки, отъ локоновъ, украшающихъ милое личико, до лапти на ногѣ извощика, отъ кованой, позолоченной ризы до плошки, для улич-

Digitized by Google

ной иллюминаціи, отъ дамской шаліи, образованной мягкимъ корсетомъ, до мѣрки дегтя, которымъ смазано колесо тѣлеги, отъ оправы брильянтоваго фермуара до мѣднаго креста на груди кухарки — мѣлкая промышленность обхватила все! Поѣдите въ Преображенское и Черкизово — и въ каждомъ домѣ найдете станокъ тесемочный, ленточный, карась шелковый; въ каждомъ домѣ стучатъ бердомъ, или вертятъ веретено. Нѣсколько отдѣльныхъ міровъ мѣлкой промышленности можете найдти въ разныхъ частяхъ Москвы, и во всякомъ свои нравы, свой образъ мыслей, свои обычаи....

Бывали прежде роды мѣлкой промышленности, которые теперь исчезли совершенно. Такъ, напримѣръ, на Красной площади нѣтъ уже бродящихъ подьячихъ, которые въ старину писывали просьбы подъ открытымъ небомъ, среди шумной толпы; нѣтъ уже ходячихъ цирюльниковъ, которые стригли головы на улицахъ и площадяхъ, нося въ большой кожаной кисѣ весь снарядъ свой, и скамеечку подъ мышкою; нѣтъ уже *вѣтеокъ* на Каруниской площади, гдѣ торговали всякой всячиной; по рядамъ перестали уже носить вареную пашаку съ инбиремъ; нѣтъ открытыхъ карточныхъ банковъ, какіе бывали прежде...

Digitized by Google

Есть роды мѣлкой промышленности дневной; есть такіе, что выползаютъ на бѣлый свѣтъ только ночью. Наконецъ есть мѣлкая промышленность по временамъ года, по праздникамъ.

Начнемъ съ послѣдней недѣли Великаго Поста. Русская весна показываетъ приближеніе свое грязью по улицамъ, и глыбами снѣга, вырубленнаго изъ мостовыхъ, и складеннаго въ кучи. Въ Лазареву Субботу первое гулянье вокругъ Кремля, и тогда въ Кремлѣ и Городѣ прохода нѣтъ отъ продавцевъ *вербы*. Восковыя яблоки, персики, груши, херувимы на палочкахъ — утѣха и радость дѣтей — продаются сотнями тысячъ, и цѣлые лѣса вербы всякихъ цвѣтовъ, всякихъ цѣнъ видны повсюду. Нѣтъ бѣдняка, который-бы не купилъ себѣ тогда вербочки. Въ Вознесенскомъ монастырѣ, въ Кремлѣ, толпа людей: тамошнія монахини и послушницы цѣлый годъ заготовляютъ запасъ вербъ, и славятся искуствомъ въ дѣланіи оной. Но вотъ Страстная недѣля: вербы исчезли, и на всѣхъ углахъ рынковъ, въ Городѣ и за Городомъ, являются тысячи, сотни тысячъ яицъ, крашеныхъ, золоченыхъ, серебряныхъ, деревянныхъ, мраморныхъ, восковыхъ; на Кузнецкомъ мосту тысячи *сюрпризовъ*; самые конфекты принимаютъ видъ яицъ. Послѣдніе дни Страстной означаются *пасхами* и *куличами*:

Digitized by Google

сошни ихъ, всякой цѣны, всякаго вида, разставляются по рынкамъ и улицамъ, на длинныхъ столахъ, и исчезаютъ, какъ снѣгъ весною. Настала Пасха — все бѣжитъ подъ Новинское, и — заботамъ мѣлкой промышленности нѣтъ конца: за три недѣли, она спроитъ и краситъ балаганы, потомъ пляшетъ въ нихъ, играетъ, кричитъ, шумитъ, продаетъ орѣхи, пряники, кормитъ, поитъ, усыпаетъ дорожки пескомъ, качаетъ, удивляетъ народъ. Настало лѣто. Промышленность разсыпается по всѣмъ окрестностямъ Москвы: готовитъ домики въ Сокольникахъ, въ Останковѣ, въ Петровскомъ, на Трехъ горахъ, въ Кунцовѣ; несетъ конфекты, фрукты, орѣхи, ягоды, иногда версту за пять, за десять, въ палящій жаръ, на головѣ, пѣшкомъ; въ назначенные дни для гуляньевъ во Всесвятскомъ, на Нѣмецкихъ Станахъ, у Спаса на Новомъ, подъ Симоновымъ, на Дѣвичьемъ полѣ, она подаетъ вамъ сигарку, и подставляетъ фонарикъ со свѣчкою, на которой можете закурить сигарку, подчиваетъ васъ клюковнымъ квасомъ, мороженымъ, пряникомъ, конфектами, поетъ вамъ Русскую пѣсню, подыгрывая на берестяномъ рожкѣ, предлагаетъ хлыстикъ, палочку, чашку чаю, кофе, шоколату, стаканъ пуншу, и — если угодно, плошку сивухи, подъ трехъ-цвѣтнымъ флагомъ, прямо изъ бочки! Приходитъ осень, и мѣлкая промышленность

Digitized by Google

населяетъ балаганы подлѣ Ильинскихъ воротъ, и торгуетъ яблоками, виноградомъ, грушами, арбузами, дынями, бергамотами. Подите лѣтомъ въ отдаленные углы Москвы — вы найдете огромные пустыри, засаженные картофелемъ, капустою, рѣпою, морковью, свеклою. Среди сихъ пустынь кочуютъ, въ шалашикахъ и балагашикахъ, труженики, какъ Аравійскіе Бедуины, копаютъ, роютъ, поливаютъ, садятъ, вырываютъ, щиплютъ, полютъ. Въ Ѳоминъ Понедѣльникъ мѣлкая промышленность скликаетъ всю Москву въ ряды, покупать осташки, обрѣзки, заваль товаровъ. Въ Троицынъ день она везетъ въ Москву тысячи возовъ березокъ, убираетъ ими улицы и домы, и продаетъ букеты цвѣтовъ. Съ самой весны, она разстанавливаетъ въ загородкѣ противъ Большаго Театра, горшки цвѣтовъ, лимоны, померанцы, розы, превращаетъ площадь въ цвѣтущій садъ и кочуетъ тутъ подъ холстинными навѣсами; тогда-же, на цѣлое лѣто, выбѣгаетъ она на Троицкую дорогу, печетъ блины въ бивачной печкѣ, и угощаетъ богомольцевъ. Настала зима, и на льду Москвы рѣки, она разчищаетъ мѣсто для бѣга, съ другой стороны строитъ лубочные балаганы, и продаетъ деревянныя чашки, ложки, кадочки, прорубаетъ проруби для мытья бѣлья, и на Масляницѣ сзываетъ гулять на Москву рѣку, какъ лѣтомъ сзывала за

Digitized by Google

городъ. Ледъ взломало, мостъ снесло — мѣлкая промышленность строитъ временные переходы черезъ рѣку, садится въ лодку, и перевозитъ съ одного берега рѣки на другой. Надобно отправлять барки съ товарами въ Нижній — мѣлкая промышленность тащитъ ихъ лямками по мѣлководью Москвы рѣки, весело идетъ по поясъ въ водѣ, кричитъ и поетъ, вырабатывая скудный хлѣбъ свой, и въ тоже время гонитъ въ Москву цѣлыя горы дровъ, лѣсу....

(Окончаніе въ слѣдующемъ N°).

Digitized by Google

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*)

On remarque d'étranges capotes : en reps africain, avec des ornemens de velours. En satin lilas foncé, doublé de velours noir, une seule plume noire tournant en arrière.

On voit beaucoup de satin à raies claires, petites lignes comme un fil, et plus nouvelles, un peu plus larges. Il est très-probable que cette étoffe de fantaisie ne sera de bon goût que fort peu de temps.

La couleur vin de Bordeaux renait avec l'hiver. La moire satinée de cette nuance a un joli reflet.

Une seule plume noire sur un chapeau de velours est simple avec élégance.

Les foulards de Bruxelles sont une charmante étoffe pour des robes du matin ; fond chamois ou Nankin, à dessins vifs, rouges, violets ou verts.

Une rosace marbrée rouge et verte est un joli dessin de chalys.

Les manteaux à manches ne doivent pas avoir les manches justes aux poignets, afin de ne pas trop presser sur la robe. Les entournures sont très-larges, et le corps sans taille se serre par une ceinture qui boutonne.

(*) Въ Парижѣ до 5 Ноября (н. ст.)

Digitized by Google

Il se fait pour robes habillées des satins de fantaisie, à raies granitées grises; l'intervalle bleu à fleurs semées; ces satins imitent tout-à-fait les robes de nos grand'mères.

D'autres à colonnes torses, brochées, une raie unie; l'autre semée de fleurs; des tulipes ou des boutons de roses.

Les bonnets de blonde resteront cette année à garnitures peu hautes doubles; un noeud de ruban en rosette, placé sur le haut de la tête, un peu de côté près de la blonde; une guirlande de très petites roses, ou de petites fleurs très délicates, se pose encore sur le devant contre les cheveux.

Замѣчены странныя шляпки-капоты: изъ Африканскаго репса, съ разными бархатными украшеніями;

Изъ темно-лиловаго атласу, подбитыя чернымъ бархатомъ, съ однимъ чернымъ перомъ, наклоненнымъ назадъ.

Въ большомъ употребленіи атласъ, съ свѣтлыми ширино съ нитку полосками; а на самыхъ новыхъ немного шире. Вѣроятно, эта матерія не долго останется въ модѣ.

Цвѣтъ vin de Bordeaux, вмѣстѣ съ началомъ зимы сталъ опять входить въ употребленіе. Атласистая волнистая матерія этого цвѣта имѣетъ прелестный отливъ.

Одно черное перо на бархатной шляпѣ, просто и хорошо.

Digitized by Google

Брюссельскія фуляры прелестная матерія для утреннихъ платьевъ; цвѣта: серны или планшевый, съ яркими красными, фіолетовыми или зелеными узорами.

Лавровая роза мраморнаго красно-зеленаго цвѣта, хорошій узоръ для шалей.

Рукава у плащей не должны быть въ обшяжку, чтобъ не мять платья. Обшивки очень просторны. Плащъ дѣлается безъ лифа и застегивается поясомъ на пуговицахъ.

Для нарядныхъ платьевъ дѣлаютъ атласы съ гранитно-сѣрыми полосами; на синихъ промежуткахъ у нихъ изображены цвѣты. Эти атласы совершенно походятъ на старинные.

Другіе съ вышканными, вишыми колоннами, у коихъ одна полоса гладкая, другая усѣяна цвѣтами: тюльпанами или розовыми почками.

Блондовые чепчики останутся на этотъ годъ, съ двойною не широкой оборкой; банть изъ ленть, розеткой, приколотый въ верху немного на сторону, подлѣ блонды; гирлянда изъ маленькихъ розъ или изъ маленькихъ цвѣточковъ, очень нѣжныхъ, спавшися напереди, прошивъ волосовъ.

Digitized by Google

На приложенныхъ картинкахъ:

Дама.—Платье изъ органди, вышитое шерстью. Плащъ гроденаплевый.

Мужчина.—Шляпа лакированная. Бархатная куртка. Панталоны съ кожею. — Бархатный сюртукъ. Шляпа съ длиннымъ пухомъ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Ноября 19 дня, 1832 года.

Цензоръ и Кавалеръ Н. Лазаревъ.

Въ типографіи Августа Семена.

Digitized by Google

Каждый изъ Г-ъ Подписчиковъ получитъ сверхъ того, *безъ всякой особенной платы*, долженствующій выйдти въ 1833-мъ году томъ (или и болѣе) *Русской Вивліовики*, т. е. собранія древнихъ грамотъ, записокъ, путешествій Русскихъ, древнихъ памятниковъ, сказаній, старинныхъ Сказокъ, и проч., о чемъ было помѣщено подробное извѣстіе въ N° 13-мъ Телеграфа сего года.

Цѣна Московскому Телеграфу остается *прежняя*: за 24 книжки, каждая отъ 8 до 10 листовъ печатныхъ, съ 36-ю картинками Парижскихъ дамскихъ и мужскихъ модъ, 24-мя очерками съ картинъ знаменитѣйшихъ живописцевъ, 6-ю особенными картинками (какъ-то: портретами, картами, снимками), и съ приложеніемъ *Древней Русской Вивліовики*, здѣсь *въ Москвѣ 40 рублей асс.*, съ пересылкою во всѣ другія мѣста Россіи 45 рублей асс. —

СѢВЕРНАЯ ПЧЕЛА, ежедневная газета, издаваемая въ СПб. Н. И. Гречемъ и Ѳ. В. Булгаринымъ, на 1833 годъ. Цѣна въ Москвѣ и другихъ городахъ 50 р. асс.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА И СѢВЕРНЫЙ АРХИВЪ, издаваемый въ СПб. Н. И. Гречемъ и Ѳ. В. Булгаринымъ, на 1833 годъ, 52 книжки. Цѣна въ Москвѣ и другихъ городахъ 45 р. асс.

Сверхъ вышеозначенныхъ изданій, въ Конторѣ Телеграфа принимается подписка (*по цѣнамъ, объявленнымъ Издателями оныхъ*) на всѣ Журналы и Газеты, имѣющіе издаваться въ 1833 году въ СПб. и Москвѣ.

Digitized by Google

ственный и политическій очеркъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Соч. Ахилла Мюрата — *Даніилъ гранильщикъ.* Соч. М. Реймона — *Трое друзей.* Соч. Рей-Дюссёйля — *Исторія жизни и твореній Г-на Шатобріана.* Соч. Сципіона Марена — *Евгеній Арамъ.* Соч. Булвера — *Стихотворенія Графа Альфреда де-Виньи — Картина Французской Литтературы XVIII вѣка.* Соч. Баранта.) ..... 416.

VI. Историческій и Статистическій взглядъ на послѣднее десятилѣтіе Турціи *(окончаніе).* 431.

VII. Смѣсь. (*Письмо къ Издателю изъ Костромской Губерніи* — Nota bene. *Автору Первоначальной Географіи и Географамъ вообще* — *Новая Нѣмецкая труппа въ Москвѣ* — *О небесномъ явленіи въ Курскѣ*) .. 447.

Прибавленіе къ Московскому Телеграфу, № 15. *Камеръ-Обскура книгъ и людей.* Мѣлкая промышленность, шарлатанство и диковинки Московскія *(продолженіе)* — Парижскія моды.

При сей книжкѣ Телеграфа приложены *двѣ картинки Парижскихъ дамскихъ и мужскихъ модъ.*

Digitized by Google

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

1832. № 16. АВГУСТЪ.

I. Объ Арзерумѣ, въ торговомъ отношеніи.. 463.

II. Дополненіе къ статьѣ: О торговлѣ Россіи съ Персіею..... 485.

III. Андрей Шенье. Повѣсть, разсказанная Чернымъ Докторомъ (*окончаніе*)..... 490.

IV. Сочиненія Державина. 4 тома. СПб. 1831 года. Изданіе Смирдина. *Статья вторая*... 523.

V. Новыя Русскія книги (*Брошюрки*. Издаваемыя И. Кронебергомъ. № VII—*Плаваніе вокругъ Свѣта на шлюпѣ Ладогѣ, въ 1822, 1823 и 1824 годахъ*, Флота Капитана А. П. Лазарева—*Эрпели и Чирдъ-Юртъ*. Двѣ поэмы А. Полежаева — *Повѣсти и Сказки для дѣтей*, Анны Зонтагъ — *Нѣмецкая Грамматика*, изданная Ю. Ульрихсомъ... 399.

VI. Жизнь и подвиги Монтіона. Сочиненіе Андрьё. 572.

VII. Французскій Театръ въ Москвѣ. *Тереза*, драма Дюмаса, и *Сплетни*, водевиль Кармуша. Бенефисъ Г-на Карона..... 588.

VIII. Смѣсь. (*Изъясненіе картинки—Разныя извѣстія и заглавія—Опечатки*)..... 604.

Въ Конторѣ Московскаго Телеграфа, состоящей у Тверскихъ воротъ, напротивъ Спасскаго монастыря, въ домѣ Г-на Римскаго-Корсакова, подъ № 2-мъ, продаются слѣдующія книги:

СТИХОТВОРЕНІЯ ДЕНИСА ДАВЫДОВА. М. 1832 г.; въ бум. 6 рубл. 60 коп.

ЗАМѢЧАНІЯ НА НЕКРОЛОГІЮ Н. Н. Раевскаго, изданную при Инвалидѣ 1829 года, *съ прибавленіемъ* его собственныхъ Записокъ на нѣкоторыя событія войны 1812 года, въ коихъ онъ участвовалъ. Сочиненіе Дениса Давыдова. М. 1832 г.; въ бум. 4 рубли. 40 коп.

СТИХОТВОРЕНІЯ А. ПОДЕЖАЕВА. М. 1832 г.; въ бум. 10 рубл. асс.

ЭРПЕЛИ И ЧИРЪ-ЮРТЪ. Двѣ поэмы А. Подежаева. М. 1832 г.; въ бум. 5 рублей асс.

Digitized by Google

№ 16. Августъ.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ОБЪ АРЗЕРУМѢ,

въ торговомъ отношеніи (*).

Восточная часть Азіятской Турціи заключаетъ въ себѣ весьма высокіе горные хребты, между которыми находятся, какъ и вездѣ въ гористыхъ странахъ долины, болѣе или менѣе обширныя. Въ главныхъ долинахъ помѣщаются города, обыкновенно имѣющіе довольно удобное сообщеніе, посредствомъ арбъ и вьюковъ съ деревнями одной съ ними долины, и почти всегда весьма трудное, только посредствомъ вьюковъ, при переѣздѣ чрезъ хребты изъ одной долины въ другую.

Арзерумская долина простирается въ длину верстъ на 18, въ ширину верстъ на 10. Сверхъ

(*) Изъ свѣдѣній, собранныхъ Сапернаго Штаба Капитаномъ, Г-мъ Барщеневымъ.

Digitized by Google

того, волнистые склоны окружающихъ ее хребтовъ, и ущелія, сквозь сіи хребты, соединяющія ее съ прочими мѣстами, и сходныя съ нею по природѣ, должны быть къ ней-же причисляемы, въ отношеніи совокупности трудовъ и промышленныхъ средствъ Арзерума. Сія долина орошается сѣвернымъ рукавомъ начинающагося здѣсь Эвфрата. Возвышенное положеніе ея, будучи причиною умѣреннаго, здороваго климата, при необыкновенномъ изобиліи водъ, стекающихъ въ нее со всѣхъ окрестныхъ высотъ, и при довольно плодоносной почвѣ, естественно призвали жителей къ земледѣлію и скотоводству, и благопріятствуютъ великой населенности.

Въ Арзерумѣ коренные жители суть *Турки* и *Армяне*. Есть немного Евреевъ. По нѣскольку разнаго рода ремесленниковъ, изъ Европейцевъ, тамъ всегда бывало. Съ недавняго времени и Персіяне начали, по своимъ торговымъ дѣламъ, проживать въ Арзерумѣ.

Турковъ въ городѣ считается до 70 тысячъ мужескаго пола душъ, Армянъ до 30 тысячъ. Армяне всѣ вообще занимаются торговлею, или ремеслами; Турки гораздо менѣе; многіе изъ нихъ живутъ только доходами съ своихъ земель, или службою. Почти вся внѣшняя торговля, къ городскому потребленію служащая, на-

Digitized by Google

ходится въ рукахъ городскихъ Армянъ и Персіянъ; очень немногіе Турки занимаются оптовымъ торгомъ, но и то почти всегда при сотовариществѣ Армянъ.

Арзерумъ, будучи главнымъ городомъ восточной части Азіятской Турціи, есть также и средоточіе торговли въ сей части. Постоянное пребываніе Сераскира, наблюдающаго всю Русскую границу, многихъ лучшихъ Турецкихъ и Армянскихъ семействъ и знатнѣйшаго духовенства, свита Сераскира, чиновники ему подчиненные, и наличное охранное войско, получающіе здѣсь болѣе средствъ къ довольству и роскошной жизни; всегдашнее стеченіе въ городѣ народа, находящаго средства сбывать свои избытки и дешево покупать нужныя вещи, особенно съѣстные припасы — влекли сюда издавна свозъ товаровъ не только Турецкихъ, но и иностранныхъ, Персидскихъ, доставляемыхъ изъ Тавриза, и Европейскихъ изъ Константинополя. Сей свозъ товаровъ, самъ собою, подаетъ здѣсь иногда случаи къ выгодной мѣнѣ между городами отдаленными и различными по своимъ произведеніямъ. Такимъ образомъ Арзерумъ сдѣлался складочнымъ мѣстомъ нѣкоторой части произведеній и товаровъ лучшихъ городовъ Азіятской Турціи, сѣверной Персіи, отчасти восточной и южной Персіи, Константинополя, и

Digitized by Google

Европейскихъ, привозимыхъ изъ Константинополя собственно для Арзерума, и транзитно черезъ оный для Тавриза. Всего лучше объясняетъ это великое превосходство ввоза товаровъ надъ вывозомъ (оно будетъ представлено ниже).

Торговля между Арзерумомъ и Турецкими городами находится въ рукахъ Арзерумскихъ купцовъ, какъ сказано выше, наиболѣе Армянъ, и купцовъ пѣхъ городовъ; въ ней участвуютъ и Персіяне, пріѣзжающіе въ Арзерумъ изъ Тавриза. Торговля Персидскими товарами въ Арзерумѣ, какъ собственно для города, такъ и транзитная, и вывозъ Турецкихъ товаровъ въ Персію, почти исключительно въ рукахъ Тавризскихъ Персіянъ. Сбытъ Арзерумскихъ товаровъ въ Константинополь и снабженіе города Европейскими товарами, раздѣляется между городскими Армянами и Тавризскими Персіянами.

Надобно отдать справедливость симъ Тавризскимъ Персіянамъ (съ ними участвуютъ и природные Персіяне, а не Армяне Персидскіе, городовъ Хои, Маранды, и прочихъ Персидскихъ городовъ, ближнихъ къ Тавризу; но основа всѣхъ дѣйствій ихъ находится въ семъ городѣ): они умѣли давно оцѣнить великія выгоды Арзерума для торговли ихъ, и воспользоваться оными.

Digitized by Google

Они приняли, преимущественно чрезъ Арзерумъ, свой торговый караванный путь изъ Тавриза въ Константинополь и обратно, учредили въ немъ родъ постоянной торговой миссіи, и устроили караванъ-сараи съ лавками и складочными магазинами. При проходѣ своихъ каравановъ, они оставляютъ здѣсь часть товаровъ, какъ Персидскихъ, такъ Европейскихъ и Константинопольскихъ, вывозимыхъ ими изъ Стамбула (Константинополя) для продажи въ разницу и отчасти гуртовымъ промѣномъ на произведенія Турецкія, городскія и привозныя.

Пути изъ Арзерума, какъ изъ главнаго города, сколько нибудь лучше починиваются, нежели прочіе. Охранныя граматы Сераскира, какъ первостепеннаго сановника и покровительство его, снискиваемое черезъ Миссію, лучше могутъ обезопасить караваны отъ набѣговъ и таможенныхъ притѣсненій. Они находятъ здѣсь прекрасное мѣсто отдыха у своихъ однозем-цевъ, со всѣми удобствами помѣщенія, столь вожделеннаго послѣ долгаго бивачнаго пути. Дешевизна съѣстныхъ припасовъ и фуража даетъ имъ средство долго оставаться по дѣламъ, если-бы то было нужно. При множествѣ стекающихся сюда вьючныхъ извощиковъ, они всегда находятъ свѣжіе вьюки для перемѣны изнурившихся, или для увеличенія числа ихъ въ случаѣ прибавки товаровъ.

Digitized by Google

По слухамъ, собраннымъ въ Арзерумѣ, извѣстно, что путь изъ Тавриза въ Константинополь черезъ Багдатъ болѣе подверженъ нападеніямъ Курдовъ, нежели путь чрезъ Арзерумъ. Еще болѣе сдѣлалось извѣстнымъ, что вообще разбойничьи нападенія на главныхъ путяхъ гораздо рѣже, и менѣе значительны, нежели сколько распустили о томъ слуховъ путешественники, и не одно это преувеличивавшіе объ Азіи. Собственныя выгоды Пашей, собирающихъ съ каравановъ пошлины, кромѣ желанія соблюсти всевозможную безопасность въ своихъ Пашалыкахъ, заставляютъ ихъ покровительствовать транзитамъ. Караваны бываютъ всегда многочисленны, ходятъ шагомъ, и это представляетъ возможность приставать къ нимъ на пути новымъ торговцамъ и проѣзжимъ, ожидающимъ, если предстоитъ опасность, ихъ шествія. Погонщики бываютъ всегда хорошо вооружены; опасныя мѣста дороги, близъ коихъ кочуютъ склонныя къ разбою племена, заранѣе извѣстны, и если-бы караванъ считалъ себя малолюднымъ, то онъ можетъ на сіе разстояніе усилиться наймомъ сельскихъ жителей, всегда враждующихъ противъ своихъ зловредныхъ сосѣдей. Однимъ словомъ, въ Арзерумѣ давно уже не слышно было о разграбленіи какого нибудь Персидскаго каравана. Даже въ военное время, при большой всеобщей тревогѣ, мы видѣли мно-

Digitized by Google

гіе ихъ караваны свободно проходящими чрезъ Арзерумъ.

При такихъ выгодахъ Арзерумскаго пути, ходъ по оному Персидскихъ каравановъ сдѣлался довольно частымъ и правильнымъ; транзитъ, столь длинный, требовалъ большихъ заботъ и бдительнаго вниманія: они были-бы отягощительны для оптовыхъ Тавризскихъ купцовъ, коихъ дѣла часто требовали безъвыѣзднаго пребыванія ихъ въ своемъ городѣ. Арзерумъ, какъ средній пунктъ на дорогѣ, предоставлялъ удобность надзирать за караванами въ оба конца. Это послужило новымъ побужденіемъ для многихъ Персіянъ оставаться въ Арзерумѣ на долгое время; нѣкоторые обзавелись тамъ, и такимъ образомъ въ Арзерумѣ составился новый разрядъ Персидскихъ купцовъ, вспомогательный для Константинопольскихъ и Тавризскихъ въ успѣшной доставкѣ товаровъ. Многіе изъ сего разряда начали сами покупать товары и продавать оптовымъ купцамъ въ обоихъ сихъ городахъ, и такъ воспользовались всѣми выгодами транзита. Они-же собственно торгуютъ въ Персидскихъ караванахъ-сараяхъ, построенныхъ въ Арзерумѣ.

Арзерумскіе Армяне участвуютъ въ снабженіи Арзерума Европейскими товарами изъ Константинополя. Ихъ дѣятельность ограничи-

Digitized by Google

ваешся внутреннимъ городскимъ торгомъ и исполненіемъ коммисій, даваемыхъ богатыми людьми, кои желаютъ имѣть лучшія вещи. Армяне посылаютъ въ Константинополь болѣе денегъ, нежели товаровъ. Въ мирное время, они предпочитали выгодную доставку товаровъ моремъ отъ Константинополя до Трапезунта, а отсюда уже сухопутно, хотя впрочемъ по дорогѣ крайне гористой и затруднительной, до Арзерума. Персіяне, напротивъ, не любятъ ввѣряться непостоянной стихіи, и по привычкѣ предпочитаютъ сухопутье, для котораго у нихъ все приноровлено.

Европейцы нѣсколько разъ пытались привозить изъ Константинополя въ Арзерумъ, и прочіе внутренніе Азіятскіе города, свои товары, дабы продать ихъ сколь можно ближе къ рукамъ потребителей и собрать полнѣе барыши; но ихъ незнаніе тамошнихъ обычаевъ и недостатокъ связей были причинами всегдашнихъ неудачъ. Англичане, давно и прочно въ Азіи укоренившіеся, довольствуются доставкою своихъ товаровъ только въ Константинополь, къ берегамъ Чернаго моря и къ берегамъ Персидскаго залива, получаютъ тамъ-же въ обменъ Азіятскія произведенія, и такимъ образомъ даютъ во многомъ выгодное для нихъ направленіе торговлѣ Азійской. Кромѣ неувѣренности въ успѣхѣ,

Digitized by Google

они знали, что вмѣшавшись явно и непосредственно во внутренній торгъ, они-бы навлекли на себя недовѣрчивость Азіятцевъ, весьма склонныхъ къ подозрѣніямъ, и, можетъ быть, повредили-бы своему вліянію. Въ этомъ отношеніи, Россіи, имѣющей въ Закавказскихъ ея подданныхъ людей, совершенно знающихъ свои Азіятскіе обычаи, и могущихъ легче Европейцевъ заводить связи съ Персіянами и Турками, представляются въ будущемъ прекрасныя надежды. Они могли-бы быть лучшими посредниками и помощниками Русскихъ купцовъ въ Азійской торговлѣ, доколѣ сіи не ознакомились-бы сами. Только не должно здѣсь упускать изъ виду, что самые къ тому способные люди, Армяне, излишне своекорыстны и коварны, и что недовѣрчивость поручителей къ симъ коммисіонерамъ должна быть безпрестанная и дѣятельная.

И такъ Арзерумъ, въ отношеніи къ торговлѣ, вообще представляется намъ въ двухъ слѣдующихъ отношеніяхъ:

1-е) Какъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ городовъ Турецкихъ, въ который свозится для потребленія великое множество товаровъ. Единообразная жизнь Турковъ, неизмѣнныхъ въ своихъ обычаяхъ и навыкахъ, и сношенія Арзерума съ прочими Турецкими городами, подаютъ справедливую причину заключать, что потребленіе Ар-

Digitized by Google

зерума можетъ служить образчикомъ потребленія и другихъ Турецкихъ городовъ, по крайней мѣрѣ Азіятскихъ, устраненныхъ отъ близкихъ примѣровъ Европейской жизни;

2-е) Какъ пунктъ по транзитной дорогѣ Персіянъ въ Константинополь изъ Тавриза и обратно, сравнительно съ путемъ Лейпцигскихъ товаровъ, привозимыхъ въ Тавризъ Тифлисскими купцами.

Показаніе вывоза и ввоза товаровъ изъ Арзерума и въ Арзерумъ, послужитъ для представленія его въ первомъ отношеніи.

Сіе показаніе составлено съ изустныхъ словъ бывшаго при Турецкомъ Правленіи, въ теченіе 8-ми лѣтъ, начальникомъ Арзерумской таможни, и оставшагося въ таможенной службѣ и по вступленіи туда Россійскихъ войскъ. Первыя и главныя свѣдѣнія онъ передалъ еще до извѣстія о мирѣ, слѣдовательно нѣтъ причины подозрѣвать его въ умышленномъ обманѣ. Опытность его, а всего болѣе одинаковые и безъ промедленія данные отвѣты, на нѣкоторые повторенные черезъ нѣсколько дней, какъ будто по забывчивости, прежніе вопросы съ новой стороны, заставили убѣдиться въ справедливости и точности показаній столько, сколько можно ожидать сего отъ памяти одного чело-

Digitized by Google

вѣка. Цѣны товарамъ онъ сказывалъ такія, какими-бы можно было покупать ихъ тотчасъ по выпускѣ изъ таможни, изъ первыхъ рукъ, и на Турецкую монету курушъ. Разстоянія между городами онъ сказывалъ по Турецкому обычаю, часами. Цѣны за наемъ купцами вьюковъ показываемы были имъ самыя низкія и самыя высокія.

Курушъ есть одно наименованіе, заключающее въ себѣ три дѣйствительныя монеты, сдѣланныя изъ серебра низкой пробы и называемыя *багдатъ*, по мѣсту перваго ихъ выпуска. Въ Турціи весьма много поддѣлывателей монеты; само Правительство подавало къ тому поводъ, будучи вынуждаемо обстоятельствами къ пониженію достоинства монетнаго металла. Предъ входомъ Русскихъ въ Арзерумъ, Голландскій червонецъ мѣнялся на 32 куруша; наше Начальство утвердило промѣнъ его на 36 курушъ, ибо найдено было много весьма дурныхъ монетъ. Принимая среднее, 34 куруша въ червонцѣ, и червонецъ въ 3 рубля серебромъ, каждый курушъ будетъ стоить около 9 коп. серебромъ.

Часъ въ Турціи равняется 5-ти верстамъ. Въ день караваны могутъ проходить до 8-ми часовъ пути.—Вѣсъ купеческаго вьюка бываетъ въ 22, 24 и до 30-ти батмановъ, смотря потому, будетъ-ли это вьюкъ лошади, каиера или вер-

Digitized by Google

блюда; два баттмана и половина ока вѣсятъ нашъ пудъ; одно око вѣситъ три фунта. — Турецкая торговая мѣра длины близка къ Русскому аршину, а потому и называется здѣсь въ описаніи аршиномъ.

Краткость времени, употребленнаго на расспросы, не позволила сдѣлать дѣйствительныхъ повѣрокъ посредствомъ покупки или прицѣнки. Также точно не было средствъ опредѣлить средняго ежегоднаго вывоза и привоза, и тѣмъ болѣе, что въ Азіи торговля мало подчиняется какимъ либо правильнымъ формальнымъ постановленіямъ.

Товары, служащіе предметами вывоза изъ Арзерума, суть слѣдующіе:

Мѣдныя издѣлія, состоящія въ различной столовой посудѣ, фонаряхъ, подсвѣчникахъ, мангалахъ, чернильницахъ съ придѣланными футлярами для пера, и проч. Сими работами преимущественно занимаются городскіе Армяне. Въ большомъ количествѣ мѣдныя издѣлія идутъ въ Константинополь, въ Персію, Шамъ т. е. Дамаскъ, Багдатъ, Карсъ и отчасти въ Тифлисъ (разумѣя подъ нимъ и прочія Русскія Закавказскія владѣнія, какъ они были до Турецкой войны; такъ-же какъ подъ именемъ другихъ городовъ и провинцій ихъ).

Digitized by Google

Мѣдь дешево получается въ Арзерумѣ изъ богатыхъ заводовъ: 1-го, самаго большаго, называемаго Кабанъ-Маданъ, находящагося близъ Арзингена, влѣво за Байбуртомъ, въ 56-ти часахъ отъ Арзерума; 2-го, Аргинъ-Мадана или Аргана-Мадана, находящагося за Кабанъ-Маданомъ въ 12-ти часахъ; 3-го, Гюмишъ-Хане, по дорогѣ между Байбуртомъ и Трапезунтомъ, и 4-го, Гальва-Мадана, подъ Байбуртомъ. Послѣдній былъ занимаемъ Русскими войсками, и ему сдѣлано описаніе.

Мѣдь въ кускахъ провозилась также черезъ Арзерумъ въ Персію.

Арзерумъ снабжалъ Трапезунтъ пшеницею въ случаѣ неурожая. Дороговизна вьючной перевозки препятствуетъ вывозу отсюда хлѣба въ прочія мѣста; за то, вмѣстѣ съ дешевизною скота и овощей, способствуетъ къ весьма дешевой жизни въ городѣ, и привлекаетъ народъ.

Изъ Арзерума ежегодно отправляютъ въ Константинополь и Шамъ до 80-ти тысячъ барановъ. Въ Арзерумѣ каждому цѣна отъ 12, 16 до 22 курушъ; въ Константинополѣ продаютъ каждаго до 40-ка курушъ.

Въ Арзерумѣ много выдѣлываютъ кожъ овечьихъ и козьихъ, въ красный, и иногда въ жел-

Digitized by Google

шый цвѣтъ, и шьютъ много обуви для отсылки на продажу въ Мушъ, Баязетъ, Карсъ, Ахалцихъ, Тавризъ, и, были примѣры, въ Тифлисъ.

Красная кожа стоитъ въ Арзерумѣ отъ 4 до 5 курушъ.

Башмаки отъ $3\frac{1}{2}$ до 4-хъ курушъ.

Мешти (домашніе полусапожки, коихъ подошва не пришивная, толстая, и выкроена изъ той-же кожи) отъ 8 до 10 курушъ.

Сапоги отъ 12 до 16 курушъ.

Лучшія сѣдла считаются Арзерумскія; цѣна ихъ, съ обыкновеннымъ прочнымъ приборомъ, 50 курушъ.

Женщины дома прядутъ и ткутъ полотно изъ хлопчатой бумаги, привозимой изъ Анатоліи, Эривани и Персіи. Оно, кромѣ домашняго употребленія, отсылается въ Карсъ, Ахалцихъ, въ Тифлисъ и во всѣ Санджаки (уѣзды) Арзерумскаго Пашалыка.

Городскіе жители выдѣлываютъ много грубаго сукна изъ овечьей шерсти, и продаютъ его по Санджакамъ.

Курды, обыкновенно называемые по-Русски Куртинцами, кочевой народъ, обитающій частію и вблизи Арзерума, дѣлаютъ изъ овечьей

Digitized by Google

шерсти гладкіе ковры для подстилокъ, и привозятъ ихъ въ Арзерумъ на продажу. По дешевизнѣ и добротѣ много ихъ идетъ въ Персію и отчасти въ Тифлисъ.

Симъ ограничивается вывозъ произведеній изъ этого важнаго въ Азіи города. Въ умѣренномъ здѣшнемъ климатѣ не можетъ быть тѣхъ растеній, кои во многихъ другихъ Азіятскихъ мѣстахъ служатъ предметами богатаго внѣшняго торга.

Теперь слѣдуетъ представить ввозъ товаровъ въ Арзерумъ.

Главные города, изъ коихъ привозятся въ Арзерумъ товары, суть: Константинополь, Тавризъ, Алепъ, Шамъ, т. е. Дамаскъ, Багдатъ и Трапезунтъ. Почти всѣ города Азіятской Турціи находятся также въ торговыхъ сношеніяхъ съ Арзерумомъ и доставляютъ въ него свои товары.

Отъ Константинополя до Арзерума, черезъ города Тохато (Токато) и Карагисаръ (Карагишаръ) полагаютъ до 360 часовъ вьючной ѣзды. Цѣна за наемный вьюкъ на сіе разстояніе бываетъ лѣтомъ 150 курушъ, зимою 200 курушъ.

Товары, привозимые изъ Константинополя, бываютъ двухъ родовъ; одни почитаются собственно Константинопольской работы, другіе

Digitized by Google

сушь привозимые въ Конспаншинополь изъ Европы, обыкновенно вообще называемые здѣсь Англійскими.

Наименованія товаровъ Конспаншинопольской работы:

Бумажные плашки, отъ 5 до 30 курушъ за каждый.

Мыло, башманъ 40 курушъ. Нашъ пудъ будетъ стоишь около 83 курушъ.

Янтарныя вещи, обдѣлываемыя въ Конспаншинополѣ, преимущественно мундшшуки для чубуковъ, отъ 30 до 300 курушъ каждый. Есть нарочно заказываемые несравненно высшей цѣны.

Шелковая, съ прибавленіемъ болѣе или менѣе нитокъ хлопчатой бумаги, матерія аладжа, вообще весьма употребительная въ Азіи. Штучка длиною въ 10 аршинъ стоитъ 50 курушъ.

Гези, такая-же матерія, но съ нѣкоторымъ различіемъ въ работѣ, цѣною одинакая съ аладжею.

Чисто шелковая матерія хара, шириною въ 1 аршинъ. Каждый аршинъ ея стоитъ 20 курушъ.

Ашласъ сакиски. Каждый аршинъ его стоитъ 12 курушъ. По имени-ли какого мѣста Сакиски, или почему другому онъ такъ называется, не было извѣстно.

Digitized by Google

Суконныя фески, надѣваемыя Азіятцами на голову, которую они обыкновенно брѣютъ, простыя отъ 8 до 10 курушъ каждая, а лучшія отъ 25 до 50 курушъ.

Оконное стекло. Оно весьма дорого и рѣдко бываетъ чистой работы. Кусокъ, составляющій не много болѣе $\frac{1}{4}$ нашего обыкновеннаго листа, стоитъ 10 курушъ. Незначительная потребность только въ домахъ богатѣйшихъ жителей, и частая ломка при вьючной перевозкѣ, суть причины высокой цѣны.

Писчая бумага, лощеная и не лощеная. Обыкновенной величины листъ дурной сѣрой бумаги продается за 6 паръ. Большаго формата и лучшей отдѣлки одинъ листъ стоитъ 40 паръ. За рубль серебромъ давали 470 паръ.

Ситцы шириною въ 1 аршинъ. Одинъ аршинъ продается отъ 4 до 8 курушъ.

Много мѣлочныхъ вещей металлическихъ: ножички, ножницы, иглы и тому подобное; онѣ довольно дороги, но работы всегда самой посредственной.

Измирское (Измирь, кажется, есть не иное что, какъ Смирна) тонкое сукно, шириною въ 2 аршина, по 16, 24 и до 36 курушъ каждый аршинъ.

Кажется, что многіе изъ сихъ товаровъ суть

Digitized by Google

Европейскіе, или по крайней мѣрѣ дѣлаются въ Константинополѣ Европейцами, или Греками и Армянами, живущими въ Европейской Турціи.

Европейскіе товары, привозимые въ Арзерумъ изъ Константинополя подъ именемъ Англійскихъ, суть:

Англійское тонкое сукно. Любимые цвѣта суть: красный, голубой и пунцовый. Цѣна, ширина и доброта его одинаковы съ такъ называемымъ Измирскимъ. Это еще болѣе заставляетъ думать, что сіе послѣднее есть транзитное изъ Европы.

Пистолеты, отъ 100 до 1000 курушъ, смотря по украшенію, каждая пара. По добротѣ ствола, Турецкія ружья и пистолеты предпочитаются Англійскимъ.

Ружье отъ 100 до 500 курушъ.

Ситцы, шириною въ 1 аршинъ, каждый аршинъ по 4, 6 до 10 курушъ.

Кисея, наиболѣе бывающая штуками въ 28 аршинъ, шириною въ 1 аршинъ, каждый аршинъ продается по 2 куруша.

Небольшія бумажныя шали, по 2 куруша.

Часы съ Турецкими цифрами, отъ 200 до 400 курушъ каждыя.

Хрустальныя вещи: стаканы, карафины, сдѣланные на Турецкій фасонъ для шербета, чашки

Digitized by Google

для кофе, и прочее, отъ 25 до 150 курушъ штука.

Кальянъ (чубукъ, пропускающій дымъ чрезъ воду) со всею обдѣлкою 100 курушъ.

Оконное стекло по той-же цѣнѣ, какъ сказано выше.

Галантерейныя вещи посредственной доброты; цѣною онѣ также недороги.

Ситцы и кисея почти всегда бываютъ весьма посредственные. Они уважаются за пестрый рисунокъ, снятый съ Азіятскаго, и за прочность. Сіи качества весьма поддерживаютъ довѣренность народную ко всѣмъ этимъ товарамъ. Есть примѣры, что часы идутъ исправно по 20 лѣтъ; безъ этого, и при недостаткѣ хорошихъ часовыхъ мастеровъ, они-бы почитались лишнею вещію.

Отъ Тавриза до Арзерума, чрезъ Персидскій городъ Хою, и Турецкіе Баязетъ и Топрахъ-Кале, считается 120 часовъ. Цѣна за наемъ вьюка полагается отъ 100 до 150 курушъ, смотря по времени года.

Изъ Тавриза въ Арзерумъ идутъ слѣдующіе Персидскіе товары:

Шерстяныя шали, весьма различной цѣны, отъ 5 до 5,000 курушъ каждая.

Шелковая матерія канаузъ, находящаяся въ

Digitized by Google

большомъ употребленіи для рубашекъ и платьевъ, шириною въ $\frac{3}{4}$ аршина, каждый аршинъ стоитъ отъ 4 до 6 курушъ.

Аладжа продается подобная Константинопольской и въ такой-же цѣнѣ.

Шелковыя платки. Пара 25 курушъ.

Бумажная матерія для подушекъ, большею частію пунцоваго цвѣта. Штука длиною въ 8 аршинъ, шириною въ $\frac{3}{4}$ аршина, продается отъ 6 до 8 курушъ.

Бурмешъ. Штука въ 8 аршинъ длиною, шириною въ $\frac{3}{4}$ аршина, продается отъ 5 до 15 курушъ.

Шерстяные ковры, не высокой цѣны, отъ 1000 до 2000 курушъ каждый.

Парчи пунцовыя и красныя, простыя и съ золотомъ. Ее носятъ знатные люди на одеждахъ; частію и жены ихъ. Штука длиною въ $3\frac{1}{2}$ аршина, шириною въ 1 аршинъ, стоитъ отъ 15 до 100 курушъ.

Шерстяные войлоки, наиболѣе верблюжьи, за каждый 25, 50 и до 100 курушъ.

Сахаръ, обыкновенно бывающій нечисто-желтаго цвѣта, отъ дурнаго вывариванія, въ малыхъ головкахъ. Око его стоитъ отъ 16 до 18 курушъ. Лучшій сахаръ изъ Европы показался-бы Туркамъ дорогимъ. Они немного предпочитаютъ его своему меду, во множествѣ употребляемому въ шербетахъ и въ грубыхъ ва-

Digitized by Google

реньяхъ. Чаю они не употребляютъ. Кофе, всегда отмѣнно крѣпкій, пьютъ безъ сахару. Конфекты привозятся изъ Стамбула самые дурные.

Хлопчатой непряденой бумаги око стоитъ 5 курушъ, если она Эриванская, и 8 курушъ если Ширазская. Ширазъ есть плодородная провинція южной Персіи.

Ширазскія мерлужки. Пара продается отъ 50 до 100 курушъ. Онѣ употребляются всего болѣе богатыми Армянами на ихъ шапки.

Ширазскіе чубуки отъ 5 до 25 курушъ каждый.

Ширазскій камышъ для перьевъ, отъ 10 до 15 паръ палочка. Для Азіятскаго письма употребляются не перья, а камышъ. Только нижняя часть раскепа очинивается; верхней срѣзки не нужно, потому что часто приходится обмакивать въ губку, напитанную чернилами.

Ширазскій табакъ для кальяна. Око его продается за 6, до 8 курушъ. Сей табакъ уважается болѣе всѣхъ другихъ въ Азіи и отвозится даже, какъ говорятъ, въ Египетъ. Онъ чрезвычайно крѣпокъ и потому курится только чрезъ кальянъ, т. е. будучи ослабленъ переходомъ дыма черезъ воду.

Стеклянные кальяны съ цвѣточками желтыми, синими и красными, въ Азіятскомъ вкусѣ, каждый отъ 10 до 30 курушъ.

Digitized by Google

Стеклянная посуда съ таковыми-же цвѣточками, штука отъ 5 до 50 курушъ. Вѣроятно стекло это привозное Англійское.

Канцелярнаго сѣмени око 180 курушъ.

Сарачинскаго пшена башманъ 6 курушъ. Извѣстно, что сей родъ хлѣба требуетъ частыхъ наводненій нивы, на коей онъ произрастаетъ, и жаркаго климата. Въ сѣверо-восточной Азіятской Турціи климатъ умѣренный и нѣтъ надобности употреблять искуственныя наводненія. Въ Персіи сіе искуство, сдѣлавшееся почти всеобщимъ, удивительно.

Кишмишъ. Око 1 курушъ.

Финики. Око 3 куруша.

Миндаль. Око 3 куруша.

Зиршикъ, по 3 куруша за око. Сіи черныя ягодки, весьма кислаго, и отчасти прянаго вкуса, много употребляются въ подливкахъ и пловахъ.

(Окончаніе впредь).

Digitized by Google

ДОПОЛНЕНІЕ КЪ СТАТЬѢ:

О торговлѣ Россіи съ Персіею

(см. N° 11-й Телеграфа).

Роспись бумажнымъ и шелковымъ матеріямъ, и другимъ товарамъ, вырабатываемымъ въ разныхъ городахъ Персіи.

Цѣна товарамъ на мѣстѣ, серебромъ.

Кирманъ.

Шали. Каждая. . . . . 50 р. — —

Платки шерстяные (для женщинъ на голову) отъ . . . . . 3 до 5 р. — —

Пояса шерстяные отъ . . 3 до 8 р. — —

Эздъ.

Дарая, матерія изъ несученато шелку; продается штуками, каждая въ 4 Груз. аршина. . . . . 3 р. — —

Кассанъ, матерія гладкая, дѣлается изъ сученаго вдвое шелку и бываетъ двухъ родовъ, либо вся шелковая, либо съ бумажнымъ ушкомъ; употребляется на рубахи и шашны;

Digitized by Google

шпука мерноваго кассана въ 4 Груз. аршина . . . . . 7 р. — —

Аладжа полосатая, шелко-бумажная матерія для халатовъ, шпука. 1 р. — —

Тавсила, шпука . . . . . — — 50 к.

Испаганъ.

Термолама, кусокъ въ 5 аршинъ 16 р. — —

Бурметъ, крашеный бумажный холстъ, двѣ шпуки . . . . . 2 р. 20 к.

Тавсила шпука. . . . . — — 25 к.

Зарбафъ, парча съ золотыми полосками, шпука. . . . . 8 р. — —

Карапушт, плашки шелковые черпаго цвѣта, каждый. . . . . 6 р. — —

Кашанъ.

Плашки шелковые красные отъ 3 до 5 р. — —

— — — — черные отъ 2 до 4 р. — —

Зарбафъ, посредственнаго сорта, шпука. . . . . 2 р. 50 к.

Хатаи à la chinoise. Въ этой матеріи большею частію двѣ трети шелку и одна бумаги; иногда-же дѣлаютъ ее всю шелковую, съ золотыми правками; употребляется на женскія плашья; посредственной доброты шпука . . . . . 2 р. — —

Digitized by Google

Магмяръ, бархатная матерія съ цвѣтами, для подушекъ и тюфяковъ, шпука для тюфяка. . . . . 4 р. 50 к.
Пара для подушекъ. . . . . 2 р. 50 к.

Гашіе, шелковая тесьма съ золотомъ; она употребляется на обшивку женскихъ платьевъ изъ хапаи; шпука для одного платья. . . . — — 40 к.

Рештъ.

Шелкъ за пудъ. . . . . 100 р. — —
Сырецъ. . . . . 50 р. — —

Въ Рештѣ дѣлаютъ шелковыя одѣяла, ленты, снурки, платки и т. п.; но о цѣнѣ сихъ товаровъ я не могъ получить свѣдѣнія.

Тавризъ.

Канаузъ, матерія изъ одинакаго шелку; лучшій весь выходитъ въ Тавризѣ; посредственнаго сорта, Грузинскій аршинъ. . . . . — — 60 к.

Дарая, кусокъ въ $3\frac{1}{2}$ аршина. . 3 р. — —

Махаіяръ, для женскихъ рубахъ и платьевъ; отъ дараи отличается шѣмъ, что имѣетъ двойную основу и бываетъ иногда сошканъ изъ разноцвѣтнаго шелку; кусокъ. 2 р. — —

Digitized by Google

Тафта, кусокъ . . . . . — — 80 к.

Хорошая употребляется на мѣстѣ, а посредственная вывозится въ Грузію.

Кассанъ, лучше Эздинскаго; бываетъ двухъ цвѣтовъ: краснаго и синяго; кусокъ отъ. . . . . 8 до 10 р. — —

Бурметъ, хуже Испаганскаго, кусокъ въ 6 Грузинскихъ аршинъ. — — 60 к.

Красная и бѣлая бязь, бумажный холстъ, кусокъ въ 5 Груз. аршинъ. — — 50 к.

Ситецъ простой, такой-же кусокъ. — — 60 к.

Хоя.

Бурметъ (хуже Тавризскаго), кусокъ въ 7 Грузинск. аршинъ. . . — — 60 к.

Бязь (лучше Тавризской), кусокъ бѣлой въ 10 Грузинск. аршин. . . — — 70 к.

— — красной въ $5\frac{1}{2}$ . . . . — — 65 к.

Простой ситецъ, кусокъ въ $5\frac{1}{2}$. — — 60 к.

Урмія.

Бурметъ, самый лучшій плотный, кусокъ въ 7 Грузинск. аршинъ. . — — 80 к.

Бѣлая бязь, лучшая, кусокъ въ 11 Груз. арш. . . . . — — 80 к.

Digitized by Google

Марага.

Бурметъ, лучше Тавризскаго, но уступаетъ Урмійскому; кусокъ въ 7 Груз. аршин. . . . . — — 70 к.

Гератъ.

Платки кашкирскіе, каждый. . . 6 р. — —

Города Хоросана.

Ковры квадратные большаго размѣра. . . . . 200 р. — —

Михна.

Ковры, въ 3 Груз. арш. длины и одинъ ширины, отъ. . . . 8 до 12 р. — —

Посредственной доброты, отъ 6 до 10 р. — —

Они продаются въ Тавризѣ.

Digitized by Google

АНДРЕЙ ШЕНЬЕ.

Повѣсть, разсказанная Чернымъ Докторомъ.

(Окончаніе).

Прежде всего мнѣ было надобно спрятать Іосифа Шенье. Не смотря на Терроръ, тогда никто не отказывался принимать подъ свою кровлю угрожаемую голову. Я нашелъ двадцать домовъ, и выбралъ одинъ изъ нихъ для Іосифа. Онъ позволилъ весши себя туда, и плакалъ какъ дитя! Спрятанный днемъ, онъ выходилъ на ночь и обѣгалъ всѣхъ дружныхъ съ нимъ Представителей. Онъ ободрялъ ихъ; онъ былъ растерзанъ горестью; онъ говорилъ только о томъ, чтобы скорѣе низвергнуть Робеспьера, Сенъ-Жюста и Кутона. Одна эта идея была жизнью его. Я такъ-же какъ онъ питалъ ее, и такъ-же какъ онъ скрывался. Я былъ вездѣ, только не у себя дома. Когда Іосифъ являлся въ Конвентъ, онъ входилъ и выходилъ окруженный друзьями и Представителями, къ которымъ не смѣли прикоснуться. По выходѣ оттуда, онъ

Digitized by Google

бывалъ тотчасъ скрытъ, и даже толпа Робеспьеровыхъ шпіоновъ, самая вкрадчивая стая саранчи изъ всѣхъ, какія вились когда нибудь надъ Парижемъ подобно язвѣ, даже она не могла открыть слѣдовъ его. Голова Андрея Шенье зависѣла отъ современнаго вопроса. Надобно было рѣшить, что созрѣетъ скорѣе: гнѣвъ Робеспьера или гнѣвъ заговорщиковъ. Въ первую ночь послѣ несчастной сцены, съ 5-го на 6-е Термидора, мы перебывали у всѣхъ, названныхъ послѣ *Термидористами*, у всѣхъ, начиная съ Тальена до Барраса, съ Лекоэнтра до Вадье. Мы соединили ихъ въ намѣреніи, но не собрали. Каждый былъ готовъ; но не льзя было сказать, что готовы всѣ.

Я возвратился печаленъ. Вотъ что видѣлъ я.

Въ Республикѣ были подкопы съ обѣихъ сторонъ. Подкопъ Робеспьера шелъ отъ Городоваго Собранія (Hôtel-de-Ville); противоположный подкопъ Тальена отъ Тюльери. День, въ который вспрѣтятся минёры, долженствовалъ быть днемъ взрыва. Но со стороны Робеспьера было единство, а между Членами Конвента, которые ждали нападенія отъ него, несогласіе. Мы старались заставить ихъ начать скорѣе, но достигли въ эту ночь, и въ слѣдующую съ 6-го на 7-е, только того, что у нихъ происходили частныя, робкія совѣщанія. Якобинцы

Digitized by Google

были готовы давно. Конвентъ хотѣлъ дождаться первыхъ ударовъ. Въ такомъ положеніи были дѣла, когда насталъ 7-й день Термидора.

Земля трепетала подъ ногами Парижанъ. Будущее событіе было можно чувствовать въ воздухѣ перекрестковъ. Такъ всегда случается въ Парижѣ. Площади были набиты говорунами. Двери зѣвали. Окна спрашивали улицы.

Мы не могли узнать, что̀ дѣлается въ домѣ Святаго Лазаря. Я показался было тамъ, но передо мной съ бѣшенствомъ затворили ворота, и меня самого чуть не взяли подъ караулъ. Я потерялъ день въ безполезныхъ попыткахъ. Около десяти часовъ вечера, то̀лпы народа кипѣли на площадяхъ. Встревоженные люди бросали новость въ сборища и убѣгали. Тамъ говорили: — Отдѣленія принимаются за оружіе! — Въ Конвентѣ заговоръ! — У Якобинцевъ заговоръ! — Община не слушается Конвента! — Канонеры сей часъ прошли.

Былъ слышенъ крикъ:

— Общее прошеніе Якобинцевъ къ Конвенту, въ пользу народа!

Иногда цѣлая улица бѣжала и убѣгала не зная зачѣмъ и для чего: будто вѣтеръ взвивалъ ее. Тогда падали дѣти, кричали женщины; спавни лавокъ запирались, и опять молчаніе царство-

Digitized by Google

вало нѣсколько времени, до новой сумашохи, когда опять волновалось все.

Солнце было задернуто началомъ бури. Жаръ былъ удушающій. Я толкался вокругъ моего дома на Революціонной Площади, и вдругъ сообразилъ, что послѣ двухъ ночей, всего менѣе спанутъ искать меня тамъ. Я прошелъ аркаду; я былъ въ домѣ. Всѣ двери были растворены; привратники на улицахъ. Я всходилъ и вошелъ одинъ. Я увидѣлъ, что все было какъ оставилъ я: книги мои разбросаны и немного покрыты пылью, окна отворены. Я отдохнулъ подлѣ окна, которое было на площадь.

Разсуждая самъ съ собой глядѣлъ я съ вышины, и видѣлъ Тюльери, вѣчно властительный и печальный, съ его зеленѣющими каштановыми деревьями и длиннымъ домомъ на длинной террасѣ Клуба des Feuillans; деревья Полей Елисейскихъ, побѣлѣвшія отъ пыли; площадь, которая чернѣлась отъ головъ человѣческихъ, а посрединѣ, одна противъ другой, двѣ крашеныя загородки: тамъ спашуя, здѣсь гильотина.

Этотъ лѣтній вечеръ былъ тяжекъ. Чѣмъ больше солнце пряталось за деревья и за тяжелое, синее облако, при захожденій своемъ, тѣмъ больше лучи его падали косвенно и пересѣкались красными калпаками и черными шляпами. Отблески печальные! Отъ нихъ шумная тол-

Digitized by Google

на казалась мрачнымъ моремъ, запятнаннымъ брызгами крови! Смѣшанные голоса доходили до вышины моихъ оконъ, самыхъ близкихъ къ кровлѣ, но были похожи на завываніе Океана. Отдаленные перекаты грома придавали этому еще болѣе какого-то мрачнаго обаянія. Вдругъ ропотъ голосовъ усилился чрезвычайно, и я увидѣлъ, что руки и головы всѣхъ обратились къ бульварамъ, которые не были видны отъ меня. Что-то приближалось оттуда и возбуждало крики и вопли, движеніе и схватку. Напрасно высматривался я: ничего не было видно; а между тѣмъ крики не прерывались. Желаніе видѣть было такъ велико во мнѣ, что я забылъ свое положеніе и хотѣлъ выйдти, но услышалъ на лѣстницѣ споръ, который тотчасъ заставилъ меня замкнуть дверь. Какіе-то люди хотѣли взойдти, но дворникъ былъ убѣжденъ, что меня нѣтъ въ домѣ, и показывалъ имъ двойные ключи, какъ доказательство, что я не живу болѣе тутъ. Послышались два новые голоса и сказали, что это правда, что за часъ осматривали комнату. Въ пору пришелъ я!.. Съ сожалѣніемъ сходили съ лѣстницы. По ихъ ругательствамъ я узналъ, отъ кого приходили эти люди. Я былъ плѣнникъ въ своей комнатѣ и потому печально ворошился къ окну: дѣлать было нечего.

Страшный шумъ возрасталъ съ каждой минутой, и еще больше страшный шумъ прибли-

Digitized by Google

жался къ площади. Онъ былъ похожъ на громъ пушекъ среди ружейнаго бѣглаго огня. Необозримая волна народа, вооруженнаго пиками, раздвинула огромное море безоружнаго народа, который былъ на площади, и наконецъ я увидѣлъ причину ужасающаго смятенія.

Это была тѣлега, выкрашенная красною краскою и нагруженная болѣе нежели осмьюдесятью живыми тѣлами. Они всѣ стояли и были прижаты одинъ къ другому. Люди всякаго роста и всѣхъ возрастовъ были связаны вмѣстѣ, въ одну связку. Головы у всѣхъ были открыты, и вы увидѣли-бы тутъ сѣдые волосы, плѣшивыя головы, бѣлокурыя головки, которыя доставали только до пояса сосѣдямъ ихъ, бѣлыя плашья, крестьянскіе кафтаны, одежды офицерскія, священническія, гражданскія. Я замѣтилъ даже двухъ женщинъ, которыя держали у груди своихъ дѣтей и питали ихъ до конца, какъ-бы завѣщая сыновьямъ все свое молоко, всю кровь и всю жизнь свою, которую готовились отнять у нихъ. Я сказывалъ вамъ: это называлось: *стадо* (*).

(*) На революціонномъ языкѣ это называлось: une fournée, собственно: *печь хлѣбовъ*. Читатели могутъ судить о затѣйливости злобнаго языка мучителей и о возможности передать смыслъ сего названія на Русскомъ языкѣ! *Перев.*

Digitized by Google

Грузъ былъ такъ тяжелъ, что три добрыя лошади не могли тащить его. Впрочемъ, причиной шума и медленія было то, что народъ останавливалъ тѣлегу на всякомъ шагу и кричалъ неистово. Лошади упирались, пятились и поѣздъ былъ какъ въ осадѣ. Тогда, приговоренные къ смерти протягивали надъ головами своихъ стражей руки, къ друзьямъ и знакомымъ.

Казалось, что это была грузная ладья, готовая погибнуть въ волнахъ, и что съ береговъ хотятъ спасти ее. Лишь только жандармы и санкюлоты пытались зайдти впередъ, какъ раздавался ужасный крикъ народа, который грудью и плечами отодвигалъ ихъ, и своимъ страшнымъ, но позднимъ veto хотѣлъ остановить приговоръ Судилища. То былъ одинъ голосъ, продолжительный, дикій, усиливающійся: онъ вдругъ прилеталъ отъ Сейны, съ мостовъ, съ набережныхъ, изъ аллей, съ деревьевъ, со стѣнъ, съ мостовыхъ, повторяя: Нѣтъ! Нѣтъ! Нѣтъ!

Тѣлега, при каждомъ изъ этихъ огромныхъ приливовъ людей, качалась на своихъ колесахъ, какъ корабль на якоряхъ. Ее почти поднимали, со всѣмъ грузомъ, и я безпрестанно ожидалъ, что, вотъ опрокинутъ! Сердце мое сильно трепетало; я весь выставлялся въ окно, упоенный, обезумленный ужасомъ зрѣлища. Дыханіе мое прерывалось; вся душа моя, вся жизнь была въ глазахъ.

Digitized by Google

Я былъ въ какомъ-то восторгѣ: мнѣ казалось, что небо и земля вступаются за несчастныхъ. Отъ времени до времени, въ облакѣ змѣилась молнія, какъ условленный знакъ. Черный фасадъ Тюльери казался кровавымъ, краснымъ; два огромные квадрата деревъ склонялись какъ бы отъ ужаса; тогда народъ стенялъ своимъ страшнымъ голосомъ, и ему отзывался печальный, далекій перекатъ грома.

Мракъ начиналъ распространяться: то былъ мракъ бури, а еще не ночи. Мѣлкая пыль взвивалась въ вышину и часто скрывала отъ моихъ глазъ всю картину. Однакожь я не могъ оторваться отъ окна и глядѣлъ на остановленную шѣлегу. Я протягивалъ къ ней руки съ высоты, я вскрикивалъ неуслышимый, взывалъ къ народу: Смѣлѣй! и потомъ взглядывалъ, не дѣлаетъ-ли чего нибудь небо.

«Еще три дни! — вопилъ я. — Еще три дни! О Провидѣніе! О Судьба! Вы, Силы невѣдомыя! Боже! Ангелы небесные! Властители! Заступники! Услышьте мольбу! Остановите казнь еще на три дни!

Телега двигалась, шагомъ, тихо, съ перемежками, съ затрудненіями, но, увы! все впередъ! Толпы росли вокругъ нея. Между гильошиной и статуей сверкалъ строй

Digitized by Google

штыковъ. Тамъ, казалось, была гавань, въ которую ждали шлюпку. Народъ, утомленный зрѣлищами крови, народъ былъ разъяренъ и шумѣлъ больше, но дѣйствовалъ меньше нежели сначала. Я тренепалъ; зубы мои колотились.

Глазами видѣлъ я общность великой картины, но, чтобы увидѣть подробности, я взялъ зрительную трубку. Уже далеко впереди была пѣлега. Однакожъ я разглядѣлъ на ней человѣка въ сѣромъ кафтанѣ: у него руки назадъ; не знаю только, связаны-ли были онѣ. Я не могъ сомнѣваться: это былъ Андрей Шенье. Еще разъ остановилась пѣлега. Дрались. Я увидѣлъ, что человѣкъ въ красномъ колпакѣ взошелъ на помостъ гильотины и сталъ устанавливать корзину.

У меня помутилось въ глазахъ: я опустилъ зрительную трубку, чтобы отереть стекло и свои глаза.

Видъ площади перемѣнился вмѣстѣ съ тѣмъ какъ перемѣнялось мѣсто борьбы. Каждый шагъ, который успѣвали сдѣлать кони, казался народу пораженіемъ. Крики его становились не такъ яростны, но за то больше скорби опизывалось въ нихъ. Между тѣмъ толпа увеличивалась и мѣшала поѣзду больше нежели прежде, но только многочисленностью своею, а не сопротивленіемъ.

Digitized by Google

Я опять взялъ трубку и увидѣлъ несчастныхъ пассажировъ, которые всѣмъ туловищемъ были выше головъ толпы. Въ эту минуту я могъ-бы сосчитать ихъ. Женщины были неизвѣстны мнѣ. Я видѣлъ бѣдныхъ крестьянокъ, но не видалъ пѣхъ, которыхъ спрашился увидѣть. Мужчины были изъ дома Святаго Лазаря. Андрей разговаривалъ глядя на заходящее солнце. Душа моя слилась съ его душою, и между тѣмъ какъ глазъ издалека слѣдовалъ за движеніемъ его губъ, я громко читалъ послѣдніе стихи поэта:

Comme un dernier rayon, comme un dernier zéphire,
Anime la fin d'un beau jour,
Au pied de l'échafaud, j'essaie encore ma lyre.
Peut-être est-ce bientôt mon tour.

Вдругъ онъ сдѣлалъ сильное движеніе. Я невольно оставилъ зрительную трубку и началъ глядѣть на всю площадь, гдѣ уже не было слышно криковъ.

Движеніе толпы вдругъ превратилось въ разбродъ.

Набережныя, набитыя, загроможденныя народомъ, пустѣли. Толпы раздѣлялись на купы, купы на семейства, семейства на лица отдѣльныя. Съ площади спѣшили, улепетывали посреди ужасной пыли. Женщины закрывали свои го-

Digitized by Google

ловы и своихъ дѣтей юпками. Гнѣвъ зашихъ.... пошелъ дождь.

Кто знаетъ Парижъ, тотъ пойметъ меня. Я видѣлъ его. Послѣ я опять видѣлъ его во время событій важныхъ, великихъ.

Вмѣсто буйныхъ криковъ, ругательствъ, длинныхъ воплей, послышались жалобныя роптанія, похожія на страшное *прости*! Это были медленныя, рѣдкія возвышенія голоса, гдѣ низкія, долгія, нисходящія ноты выражали покинутое всѣми сопротивленіе и тяжкій вздохъ слабости. Униженный народъ склонялъ спину и стадами разбѣгался между обманчивою статуей Свободы, которая была только образъ образа, и существеннымъ эшафодомъ, обагреннымъ лучшею кровью Франціи.

Толпились уже для того, чтобы увидѣть или убѣжать. Никто и не думалъ попротивиться. Палачи воспользовались этою минутой. Море было спокойно и ужасная барка ихъ остановилась у пристани. Гильотина подымала свою сѣкиру.

Въ этотъ мигъ, никакого движенія, ни одного голоса на всемъ пространствѣ площади! Только былъ слышенъ ясный и однозвучный ропотъ крупнаго дождя, который падалъ какъ-бы изъ огромнаго поливальника. Широкіе лучи во-

Digitized by Google

ды увеличивались передъ моими глазами и вились по площади. Ноги мои дрожали: я былъ принужденъ стать на колѣни.

Бездыханенъ глядѣлъ и слушалъ я. Дождь былъ такъ рѣдокъ, что я могъ въ свою зрительную трубку разглядывать, какого цвѣта платье появлялось между столбами. Я видѣлъ также просвѣтъ между сѣкирой и плахой, и когда тѣнь наполняла это пространство, я зажималъ глаза. Крикъ зрителей показывалъ мнѣ, что можно раскрыть ихъ.

Такъ наклонялъ я голову тридцать два раза, громко произнося молитву отчаяннаго, молитву, которой не услышитъ никогда, никакое ухо человѣческое, и которую только я могъ постигать.

Послѣ тридцать третьяго крика увидѣлъ я сѣрое платье на возвышеніи. Тутъ я рѣшился почтить мужество генія мужествомъ видѣть всю его смерть. Я всталъ.

Голова покатилась, и что было въ ней, то выскочило вмѣстѣ съ кровью.

Digitized by Google

Здѣсь Черный Докторъ остановился: нѣсколько времени онъ не могъ продолжать. Вдругъ онъ всталъ, и, съ живостью ходя по комнатѣ Стелло, проговорилъ слѣдующее:

— Невѣроятное бѣшенство овладѣло мной. Я выбѣжалъ изъ комнаты на лѣстницу, и закричалъ: Разбойники! Палачи! Возьмите меня, если хотите! Вы ищете меня? Вотъ я! — И я протягивалъ свою голову, какъ-бы подставляя шею подъ ножъ. Я сумасшествовалъ.

— Ну-съ! Что-жъ дѣлалъ я?.. На лѣстницѣ я не встрѣтилъ никого, кромѣ двухъ маленькихъ дѣтей дворника. Ихъ невинный видъ остановилъ меня. Испуганные моимъ появленіемъ, они, держась другъ съ другомъ за руки, прижались къ сторонкѣ, чтобы дать пройдти мнѣ, сумасшедшему. Я остановился и спрашивалъ самъ себя, куда я иду, и какъ могла эта смерть привести меня въ такое состояніе, меня, который столько разъ видѣлъ смерть? Я опять взялъ власть надъ самимъ собой, и глубоко раскаиваясь, что былъ такъ безуменъ, и могъ одну четверть часа въ жизни своей надѣяться, опять сдѣлался такимъ-же безстрастнымъ зрителемъ мірскихъ дѣлъ, какимъ былъ всегда. Я спрашивалъ дѣтей о моемъ канонерѣ. Онъ съ 5-го Термидора, каждый день приходилъ по утру въ во-

Digitized by Google

семь часовъ, чистилъ мое платье и спалъ подлѣ печки; наконецъ, увидѣвши что я не возвращаюсь, онъ ушелъ не спросивши никого. — Гдѣ отецъ вашъ? — спросилъ я у дѣтей. Ушелъ на площадь, смотрѣть церемонію. Да, я видѣлъ его очень хорошо.

Тихими шагами сошелъ я съ лѣстницы. Мнѣ страшно хотѣлось удовольствовать одно, какое только оставалось у меня желаніе: я хотѣлъ знать, что̀ сдѣлаетъ Судьба?

Толпа на площади была еще такъ велика и такъ занята, что я не замѣченъ никѣмъ вышелъ въ главныя ворота, которыя были распахнуты и одиноки. Я удалился, потупивъ глаза и не чувствуя дождя. Не замедлила наступить ночь, а я все шелъ задумавшись. Въ ушахъ моихъ повсюду отзывались крики народа, отдаленный ропотъ грозы и правильное жужжаніе дождевыхъ капель. Мнѣ казалось, что я вездѣ вижу спящую напротивъ эшафода, которые печально глядятъ черезъ головы живыя и головы отрубленныя. Я былъ въ лихорадкѣ. По улицамъ безпрестанно задерживали меня войска, которыя проходили, и толпы, которыя бѣжали. Я останавливался, давалъ проходить, и мои потупленные глаза видѣли только мостовую, блестящую, сколь-

Digitized by Google

кую и вымытую дождемъ. Я видѣлъ, что ноги мои идутъ, а куда, не зналъ самъ. Я размышлялъ умно, разсуждалъ логически, видѣлъ ясно, и дѣйствовалъ какъ безумецъ. Воздухъ освѣжился, дождь высохъ на улицахъ и на мнѣ, а я не замѣчалъ этого. Я шелъ по набережнымъ, переходилъ черезъ мосты, возвращался опять черезъ нихъ, все для того, чтобы идти одному и уйдти отъ толчковъ; но это не удавалось мнѣ. Народъ былъ подлѣ меня, передо мной, за мною, въ головѣ моей, вездѣ: несносный! Онъ перебѣгалъ мнѣ дорогу, двигалъ меня впередъ, жалъ. Тогда я останавливался, садился на какую нибудь рѣшетку или огородку, и опять размышлялъ. Опять таже картина была у меня передъ глазами, въ новыхъ, больше яркихъ краскахъ; я опять видѣлъ красный Тюльери, черную, волнующуюся площадь, огромное облако, и большую Спасскую, напротивъ большой Гильотины. Снова отправлялся я, и снова народъ толкаетъ меня, движетъ, вертитъ. Я бѣжалъ отъ него такъ, *машинально*: онъ не мѣшалъ мнѣ; напротивъ, толпа убаюкиваетъ, усыпляетъ. Я желалъ, чтобы она занялась мной, и внѣшнимъ избавила-бы меня отъ внутренняго меня самого. Полъ-ночи прошло въ этомъ дурацкомъ бѣганьѣ. Наконецъ я сидѣлъ на парапетѣ какой-то набережной, и меня опять жали; я поднялъ глаза и оглядѣлся. Я былъ передъ домомъ Городоваго Собранія; я

Digitized by Google

узналъ его по этому прозрачному циферблату, который послѣ не освѣщали, а нынче опять освѣтили. Тогда онъ былъ красный и походилъ издалека на огромную кровавую луну, гдѣ начертаны волшебные часы. Циферблатъ сказывалъ полночь и двадцать минутъ. Я подумалъ что это во снѣ. Больше всего удивился я тому, что вокругъ меня, очень на-яву, было премножество народа. На Гревской площади, по набережнымъ, вездѣ шли, не зная куда. Передъ Городовымъ Собраніемъ особенно глазѣли на одно большое, освѣщенное окно. Тамъ засѣдалъ Совѣтъ Общины. Ступени старыхъ палатъ были заняты множествомъ людей, въ красныхъ калпакахъ и съ пиками. Они пѣли Марсельскую пѣсню. Весь остальной народъ былъ въ недоумѣніи; онъ говорилъ тихо.

Я рѣшился на страшное дѣло: идти къ Іосифу Шенье. Скоро я былъ въ тѣсной улицѣ, гдѣ онъ скрывался. Старая женщина, на которую мы оба полагались, трепеща отворила мнѣ дверь, напередъ заставивши долго подождать, и сказала, «что онъ спитъ, что онъ очень до-«воленъ прошедшимъ днемъ, что онъ не смѣлъ «выходить, но у него перебывало десять Пред-«ставителей, что завтра нападутъ на Робес-«пьера, а 9-го онъ пойдетъ со мной освобо-«дить Андрея; что онъ сбирается съ силами.»

Digitized by Google

Разбудить его, зашѣмъ чшобы сказашь: Твой брашъ мершвъ! Ты придешь слишкомъ поздно. Ты закричишь: Брашъ! и не будешъ ошвѣша; шы скажешь: Я хошѣлъ спасши его — и шебѣ не повѣрящъ, никогда, ни при жизни швоей, ни послѣ смерши! И всякій день будушъ кричашь шебѣ: Каинъ? Гдѣ брашъ швой.

Разбудить, чшобы сказашь эшо? О, нѣшъ!

— Пусшь сбираешся съ силами — сказалъ я.— Завшра онѣ будушъ нужны ему.

Я опашь началъ свою ночную прогулку по улицамъ; я рѣшился не возвращашься домой, пока не совершишся собышіе. Я провелъ ночь бродя ошъ Городоваго Собранія къ Народному Дворцу, ошъ Тюльери къ Городовому Собранію. Казалось, кочевалъ шакже и весь Парижъ.

Вскорѣ насшалъ 8-й день Термидора, день сіяющій. Какъ былъ дологъ онъ, эшошъ день! Я снаружи видѣлъ внушреннюю борьбу главнаго сонма Республики. Въ Народномъ Дворцѣ, прошивъ обыкновенія, молчаніе было на площади, шумъ былъ внушри. Народъ ждалъ своего приговора еще цѣлый день, и шщешно. Паршіи составлялись. Община завербовала цѣлыя Ошдѣленія Народной сшражи. Якобинцы пылко орашорсшвовали въ шолпахъ.

Видно было, какъ ходящъ съ оружіемъ; высшрѣлы показывали, какъ пробуюшъ его. Эшо

Digitized by Google

тревожило Наступила ночь, и узнали только то, что Робеспьеръ былъ могучѣе нежели когда нибудь, что онъ поразилъ сильною рѣчью своихъ враговъ въ Конвентѣ. Какъ? Онъ не падетъ? Онъ будетъ жить, убивать, властвовать?... Для кого-же въ слѣдующую ночь могла быть кровля, постель, сонъ? Никто вокругъ меня и не думалъ о нихъ. Я не оставлялъ площади; я жилъ тамъ, вросъ въ землю.

Наконецъ онъ насталъ, второй день, день перелома, и утомленные глаза мои задолго привѣтствовали его. Цѣлый день этотъ еще ревѣлъ молніеносный раздоръ во Дворцѣ, колебавшемся отъ него. Иногда какой нибудь крикъ, какое нибудь слово излетало наружу, и все въ Парижѣ перемѣнялось, принимало иной видъ. На зеленое сукно была брошена зернь, и съ нею головы. По временамъ, одинъ изъ блѣдныхъ игроковъ подходилъ къ окну подышать и отереть лобъ, и народъ съ тоскою спрашивалъ, кто выигралъ партію, которая шла на него самого.

Вдругъ, къ концу дня и засѣданія узнаютъ, что возвысился странный, неожиданный и непредвидѣнный крикъ: *Долой тирана!* и что Робеспьеръ уже въ тюрьмѣ. Тотчасъ начинается война. Каждый бѣжитъ къ своему мѣсту. Барабаны гремятъ, оружіе блеститъ, крики огла-

Digitized by Google

шаютъ воздухъ. Городовое Собраніе вздыхаетъ набатомъ и какъ-бы зоветъ своего властелина. Тюльери обростаетъ оружіемъ. Отбитый у враговъ Робеспьеръ властвуетъ въ своемъ дворцѣ, Собраніе въ своемъ. Во всю ночь Конвентъ и Община зовутъ къ себѣ на помощь народъ и отвергаютъ одинъ другую.

Въ нерѣшимости былъ народъ между этихъ двухъ властей. Граждане бродили по улицамъ, звали другъ друга, спрашивали, обманывали и боялись погубить и самихъ себя и Францію. Многіе оставались на площади, и, ударяя въ мостовую прикладомъ ружья, опирались подбородкомъ на дуло, въ ожиданіи дня и правды.

Въ полночь, я былъ на Карусельной площади, когда привезли туда десять пушекъ. При мерцаніи зажженныхъ фитилей и свѣтѣ нѣсколькихъ факеловъ, я увидѣлъ что офицеры разставляютъ пушки на площади небрежно, будто въ артиллерійскомъ паркѣ, и наводятъ нѣкоторыя на Лувръ, другія на рѣку. Въ ихъ приказаніяхъ не было никакого рѣшительнаго намѣренія. Они остановились, сошли съ лошадей, и не знали, кто будетъ распоряжать ими. Канонеры полегли на землѣ. Подходя къ нимъ, я замѣтилъ одного, который можетъ быть усталъ больше другихъ, но вѣрно больше всѣхъ былъ роспомъ: онъ преспокойно усѣлся на лафетъ своей

Digitized by Google

пушки и уже начиналъ храпѣть. Я потрясъ его за руку: это былъ мой смирный канонеръ, мой Блеро.

Съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ почесалъ онъ свою голову, всмотрѣлся въ меня, узналъ и поднялся во всю длину свою, довольно лѣниво. Товарищи, по привычкѣ уважать въ немъ главнаго около пушки, и тутъ подошли помочь ему сдѣлать что нибудь съ нею. Онъ потянулся руками и ногами, чтобы выправить ихъ, и сказалъ товарищамъ:

— Ступайте по своимъ мѣстамъ; это такъ, ничего; это гражданинъ, который пришелъ ко мнѣ.

Они опять легли или удалились.

— Ну, мой великанъ Блеро! — сказалъ я. — Что-жь это такое дѣлается сегодня?

Онъ взялъ фитиль отъ своей пушки и началъ раскуривать имъ трубку.

«Да такъ, пустяки!» сказалъ онъ.

— Однакожь! — примолвилъ я.

Онъ тянулъ изъ трубки своей, которая сопѣла, и, направивши ее, сказалъ:

О, нѣтъ! Ей Богу, ей Богу, нѣтъ! Не стоитъ и думать!

Онъ поворотилъ голову, и черезъ огромное плечо свое поглядѣлъ съ презрительнымъ ви-

Digitized by Google

домъ на Тюльери, шогда Народный Дворецъ, гдѣ былъ свѣтъ во всѣхъ окнахъ.

— Да, вонъ тамъ, ссоряшся бумажные люди — сказалъ онъ. — Только.

«Для тебя эшо развѣ шолько? А? — сказалъ я рыцарскимъ шономъ и хошѣлъ ударишь его по плечу, но не досшалъ.

— Больше ничего — ошвѣчалъ мнѣ Блеро, съ видомъ несомнѣннаго превосходсшва надо мной.

Я сѣлъ на его лафешъ и началъ размышлять. Мнѣ было сшыдно, чшо я шакъ мало философъ подлѣ него.

Трудно было однакожь не обращишь внимания на шо, чшо я видѣлъ передъ собою. Площадь наполнялась башальонами, которые шѣсною шолпою сшановились передъ Тюльери и обозначались одинъ съ другимъ осшорожно. Оподѣленіе Горы, Оподѣленіе Вильгельма Телля, Оподѣленія Французскихъ Сшражей и Гренельскаго Фонша-на, сшали вокругъ Конвенша. Для шого-ли чшобы обложишь, или чшобы защищашь его?

Въ шо время, когда я дѣлалъ себѣ эшошъ вопросъ, прискакало нѣсколько человѣкъ верхомъ. Мосшовая вспыхивала искрами подъ ногами ихъ коней. Они налешѣли прямо на канонеровъ.

Digitized by Google

Впереди всѣхъ другихъ всадниковъ былъ толстый человѣкъ; разглядѣть его было трудно при свѣтѣ факеловъ, но слышно было что онъ реветъ страннымъ голосомъ. Махая огромною кривою саблею закричалъ онъ издалека:

— Граждане канонеры, къ орудіямъ! Я Генералъ Ганріотъ! Ребята! Кричите: да здравствуетъ Робеспьеръ! Тамъ измѣнники. Ребята! Обожгите имъ усы! Посмотримъ, удастся-ли имъ нагнуть добрыхъ молодцовъ! Да, я здѣсь съ вами! Вы знаете меня, ребята! Не правда-ли?

Въ отвѣтъ ни слова. Онъ шатался на лошади, и, опрокидываясь назадъ, поддерживалъ свое толстое тѣло на удилахъ, такъ что бѣдное животное по неволѣ становилось на дыбы.

— Ну! Гдѣ-же здѣсь офицеры? — продолжалъ онъ. — Да здравствуетъ народъ! И Робеспьеръ! Друзья! Ну, скорѣе! Мы санкюлоты, мы славные ребята! Мы не ногой упираемъ носъ. А? Вы знаете меня? Правда? Вы знаете, что я не люблю мѣшкать. Канонеры! Наведите пушки на это гнѣздо, гдѣ собрались всѣ мошенники, всѣ нищіе, какіе только есть въ Конвентѣ.

Одинъ офицеръ подошелъ къ нему и сказалъ:— Здравія! Ступай домой. Я не хочу. Не зналъ и не видалъ тебя. Надоѣлъ ты мнѣ.

Другой офицеръ сказалъ первому:

Digitized by Google

— Послушай-ка! Вѣдь въ самомъ дѣлѣ можешь быть онъ Генералъ, эпошъ пьяница.

«А мнѣ что за дѣло! Вошъ еще!» отвѣчалъ первый. Онъ сѣлъ.

Ганріошъ бѣшенствовалъ. — Я тебѣ разрублю черенъ какъ дыню, ежели ты не будешь повиноваться, чоршъ возьми!

— Потише, потише! — сказалъ офицеръ, показывая ему конецъ банника. — Не льзя-ли потише, гражданинъ.

Родъ адъютантовъ, которые были съ Ганріошомъ, старались *увлечь* офицеровъ и заставишь дѣйствовать: напрасно. Ихъ слушали еще меньше, нежели толстаго пьяницу, ихъ Генерала.

Вино, кровь, бѣшенство задушали мерзкаго Ганріоша. Онъ кричалъ, вопилъ, клялся, проклиналъ, билъ себя въ грудь, сходилъ съ коня и кидался на землю, взлѣзалъ опять и ронялъ свою шляпу съ длинными перьями. Онъ скакалъ съ одной стороны на другую, и ноги его коня путались между лафетами. Канонеры глядѣли на него не нарушая порядка, и смѣялись. Вооруженные граждане подходили къ нему со свѣчами, съ факелами, глядѣли и смѣялись.

Ганріоша ругали, но онъ и самъ отругивался, какъ пьяный кабачникъ.

Digitized by Google

— Вишь, толстый кабанъ! Безногтый кабанъ! Да, да! Чего хочешъ онъ насъ эти сваный въ перьяхъ?

Онъ кричалъ: «Ко мнѣ, добрые санкюлоты! Ко мнѣ всѣ молодцы! Дайте мнѣ, измолочимъ всю Тальеновскую каналью! Разрубимъ глотку Буасси-д'Англа, распоремъ брюхо Коло-д Эрбуа, разрѣжемъ горло Мерлену-Тіонвилль, сдѣлаемъ крошево изъ всѣхъ Конвентныхъ на Бильо-Варенне!

— Поди-ка, сначала провѣпрись, старый дуракъ! — сказалъ адъютантъ артиллерійскій. — Довольно подурачился ты передъ нами. Здѣсь не проѣдешь.

Онъ далъ толчекъ маковкой ефеса въ морду Ганріотовой лошади. Бѣдное животное отскочило и пустилось по Карусельной площади, унащивши своего толстаго сѣдока. Сабля и шляпа Ганріота упали на землю, и на пути своемъ онъ опрокидывалъ солдатъ, которые стояли къ нему спиною, женщинъ, которыя пришли вмѣстѣ съ Отдѣленіями, и бѣдныхъ мальчишекъ, которые прибѣжали посмотрѣть, такъ-же какъ и всѣ другіе.

Пьяница воротился еще разъ, и немного поразсудительнѣе (потому что прохлада на голову и галопъ лошади поотрезвили его) сказалъ другому офицеру:

Digitized by Google

— Подумай, гражданинъ, что стрѣлять въ Конвентъ я приказываю тебѣ по волѣ Общины, именемъ Робеспьера, Сенъ-Жюста и Кутона. Я командую всѣмъ гарнизономъ. Слышишь-ли?

Топъ снялъ шляпу, но съ величайшимъ хладнокровіемъ отвѣтствовалъ:

— Гражданинъ! дай мнѣ приказаніе письменное. Неужели ты думаешь я такой дуракъ, что стану стрѣлять безъ свидѣтельства на этотъ приказъ? Да! какъ-бы не стану! Я въ службѣ не со вчерашняго дня, и завтра не хочу нести свою голову на гильотину. Дай мнѣ приказаніе съ подписью, и я спалю Народный Дворецъ и Конвентъ, какъ связку сѣрныхъ спичекъ.

Тутъ онъ закрутилъ свои усы и оборотился спиною.

— А не то — прибавилъ онъ — вели самъ артиллеристамъ стрѣлять: я не помѣшаю.

Анріотъ поймалъ его на этомъ словѣ и оборотился прямо къ Блеро.

— Канонеръ! Я знаю тебя — сказалъ онъ.

Блеро вытаращилъ глупые глаза свои и молвилъ:

— Смотри-ка! Онъ знаетъ меня.

— Приказываю тебѣ оборотить пушку на эту стѣну и выстрѣлить.

Digitized by Google

Блеро зѣвнулъ. Но онъ взялся за дѣло, и однимъ поворотомъ руки пушка была наведена. Согнувъ свои огромныя колѣна, какъ опытный прицѣльщикъ, направилъ онъ пушку прямо на большое освѣщенное окно Дворца.

Ганріотъ торжествовалъ.

Блеро выпрямился во всю свою вышину и сказалъ четыремъ товарищамъ, которые составляли прислугу у пушки и стояли двое на правой, двое на лѣвой сторонѣ:

— Не совсѣмъ-то ладно, пріятели! Еще крошечку повернуть колесо!

Я смотрѣлъ на это колесо подъ пушкою, видѣлъ какъ оно повертывалось впередъ, назадъ, и думалъ видѣть миѳологическое колесо Фортуны. Да, это было оно... оно само, въ дѣйствительности на яву.

Судьба Франціи вертѣлась на этомъ колесѣ. Если-бы оно двинулось впередъ и навело пушку, Робеспьеръ былъ-бы побѣдителемъ. Въ это самое время Члены Конвента узнали, что прискакалъ Ганріотъ: они сѣли на свои курульные стулья и рѣшились умереть. Народъ, который убѣжалъ съ галлерей, разсказывалъ объ этомъ вокругъ насъ. Если-бы пушка начала стрѣлять, Собраніе разошлось-бы и соединенныя Отдѣленія пали-бы подъ иго Общины. Терроръ укрѣпился-бы,

Digitized by Google

спалъ снисходительнѣе; послѣ него оспался-бы . . . Ричардъ Третій, Кромвель, или, можетъ быть, Октавій. . . Кто знаетъ?

Я не могъ дышать, я смотрѣлъ и не хотѣлъ говорить ничего.

Если-бы я сказалъ Блеро одно слово, если-бы я бросилъ одну песчинку, дыханіе одного движенія на колесо, я отодвинулъ-бы его назадъ. Но пѣшъ, я не смѣлъ сдѣлать этого: я хотѣлъ видѣть, что сдѣлаетъ сама Судьба.

Передъ пушкою былъ небольшой, избитый тротуаръ, и четыре человѣка прислуги не могли уставить ровно колесъ, которыя всякій разъ подвигались назадъ.

Блеро отступилъ, и какъ недовольный, опечаленный художникъ, сложилъ руки и нахмурился.

Оборотившись къ одному артиллерійскому офицеру, онъ сказалъ:

— Поручикъ! Эти всѣ еще молоды, слишкомъ молоды: не умѣютъ ладить съ пушкой. Коли вы будете давать мнѣ все такихъ, то съ ними ничего не сдѣлаешь! Что за радость!

Съ досадой отвѣчалъ Поручикъ:

— Вѣдь я и не приказываю тебѣ стрѣлять; я не говорю ничего.

Digitized by Google

— Ахъ, да! Ну, вотъ это иное дѣло — сказалъ Блеро зѣвая. — Вы не приказываете, такъ и я не хочу. Не мое дѣло. Желаю здравія.

Онъ толкнулъ ногою пушку, такъ что она повернулась на бокъ, и легъ на нее.

Ганріошъ обнажилъ саблю, которую уже подали ему.

— Будешь-ли стрѣлять? — сказалъ онъ.

Блеро курилъ, и, держа въ рукѣ угасшій фитиль, сказалъ:

— Свѣчка погасла! Ступай спать!

Задыхаясь отъ бѣшенства, Ганріошъ рубнулъ его такъ, что могъ-бы разсѣчь стѣну; но это былъ ударъ пьянаго, направленный слишкомъ худо: онъ только снесъ рукавъ кафтана и едва задѣлъ кожу, какъ мнѣ казалось.

Но Ганріошъ кончилъ этимъ дѣло не въ свою пользу. Раздраженные канонеры бросились и осыпали коня его ударами: кто кулакомъ, кто пинкомъ, кто банникомъ. Жалкій Генералъ, покрытый грязью, игрушка своего копя, точно какъ мѣшокъ съ овсомъ на ослѣ, былъ унесенъ къ Лувру и прискакалъ — это ужь вы знаете — въ Городовое Собраніе, гдѣ Якобинецъ Коффингалъ выбросилъ его изъ окошка, на кучу навоза, настоящее ложе его.

Digitized by Google

Въ это самое время явились Коммисары Конвента. Еще издалека они кричали, что Робеспьеръ, Сенъ-Жюстъ, Купонъ, Ганріотъ, *лишены покровительства закона.* Радостнымъ кликомъ отвѣчали Отдѣленія на эти волшебныя слова. Мгновенно освѣтилась Карусельная площадь. На каждомъ ружьѣ горѣлъ факелъ. *Да здравствуетъ Конвентъ! Долой тирановъ!* Таковы были крики вооруженной толпы. Послѣ этого, все спѣшитъ къ Городовому Собранію, и весь народъ покоряется или расходится, при волшебномъ крикѣ: *Лишены покровительства закона!*

Осажденный Конвентъ сдѣлалъ вылазку и пошелъ изъ Тюльери осаждать Общину въ Городовомъ Собраніи. Я не послѣдовалъ за нимъ; я не сомнѣвался въ побѣдѣ. Я не видалъ, какъ Робеспьеръ раздробилъ себѣ челюсть вмѣсто головы, и какъ принялъ онъ поруганіе, гордо и молчаливо, точно какъ принялъ-бы поклоны. Ожидая что Парижъ покорится, онъ не послалъ, не пошелъ завоевать эту покорность, какъ сдѣлалъ Конвентъ. Онъ былъ трусъ. Все кончилось для него. Я не видалъ, какъ братъ его кинулся на штыки съ балкона Городоваго Собранія, какъ Лебасъ размозжилъ себѣ голову, и какъ Сенъ-Жюстъ шелъ на гильотину, съ тѣмъ-же видомъ, какъ посылалъ онъ другихъ, сложивши руки,

Digitized by Google

устремивши глаза и мысли къ небесамъ, точно Великій Инквизиторъ Свободы.

Они были побѣждены; до остальнаго мнѣ не было дѣла.

Я стоялъ на прежнемъ мѣстѣ, и взявши длинныя, простыя руки моего добродушнаго канонера, обратился къ нему съ маленькимъ привѣтствіемъ:

— О Блеро! — сказалъ я. — Имя твое не займетъ ни малѣйшаго мѣстечка въ Исторіи, и ты не позаботишься объ этомъ, если только можно будетъ тебѣ спать день и ночь, да быть не далеко отъ Розы. Ты слишкомъ простъ и скроменъ, Блеро; да, клянусь, что изъ всѣхъ людей, которыхъ разскащики Исторіи называютъ *великими*, немногіе сдѣлали такія великія дѣла, какъ ты въ сію минуту. Ты отклонилъ отъ Франціи властвованіе и эру демократіи; ты отодвинулъ Революцію на цѣлый шагъ; ты нанесъ смертельную рану Республикѣ. Вотъ что сдѣлалъ ты, великій Блеро! Другіе станутъ управлять и примутъ поздравленіе за твой подвигъ, а твое одно дуновеніе могло-бы развѣять ихъ, какъ дымъ твоей торжественной трубки. Много, долго, можетъ быть всегда будутъ писать о 9-мъ Термидора, и ни-

Digitized by Google

когда не подумаютъ отдать тебѣ почесть поклоненія, которое принадлежитъ тебѣ такъ-же справедливо, какъ всѣмъ дѣйствователямъ, всегда мало думающимъ и мало знающимъ, какимъ образомъ сдѣлалось то, что они сдѣлали; только у этихъ людей нѣтъ твоей скромности и откровенности философической. Но пусть-же не говорятъ, что тебѣ не отдали благодарности: ты, Блеро, ты истинный человѣкъ Судьбы.

Сказавши это, я преклонился съ почтеніемъ истиннымъ и полнымъ униженія, потому что видѣлъ въ самомъ источникѣ одно изъ величайшихъ политическихъ событій Франціи.

Блеро, не знаю почему, вообразилъ, что я насмѣхаюсь надъ нимъ. Онъ освободилъ одну свою руку изъ моихъ, очень тихо, по уваженію ко мнѣ, и почесалъ свою голову.

— Не льзя-ли — сказалъ этотъ великій человѣкъ — по милости своей, немножко посмотрѣть мою лѣвую руку, такъ, чтобы только увидѣть.

— Точно! — сказалъ я.

Онъ спустилъ рукавъ. Я взялъ факелъ.

— Дитя мое! — сказалъ я — Благодари Ганріотта: онъ освободилъ тебя отъ самыхъ опасныхъ твоихъ гіероглифовъ. Лиліи и Магдалина отхвачены вмѣстѣ съ кожею. Послѣ

Digitized by Google

завтра будешь ты здоровъ, и женишъ, если захочешь.

Я перевязалъ ему руку своимъ платкомъ, и увелъ его къ себѣ. Что сказалъ я, то исполнилось.

Долго еще не могъ я спать; да! Змѣй былъ раздавленъ, но онъ пожралъ лебедя Франціи.

Вы хорошо знаете свѣтъ, и потому напрасно сталъ-бы я увѣрять васъ, что дѣвица Куаньи отравилась, а госпожа Сентъ-Эньянъ закололась. Если скорбь и была ядомъ для нихъ, но это былъ ядъ медленный. 9-е Термидора освободило ихъ изъ тюрьмы. Дѣвица Куаньи скрылась въ супружество, но многое, очень многое заставило меня думать, что ей было не слишкомъ хорошо въ этомъ убѣжищѣ. Что скажу о Герцогинѣ? Тихая, страстная, нѣсколько дикая меланхолія, и воспитаніе прелестнаго дитяти, были для нея всею жизнью во вдовствѣ и въ уединеніи замка Сентъ-Эньянъ. Прошло съ годъ послѣ тюрьмы, когда явилась ко мнѣ женщина отъ нея, просить *портрета*. Чтобы взять отъ меня это сокровище, Герцогиня дождалась окончанія траура по мужѣ. Она

Digitized by Google

не хотѣла видѣться со мной. Я отдалъ драгоцѣнный ящичекъ въ фіолетовомъ сафьянѣ, и не видалъ ея болѣе. Все это было очень хорошо, очень невинно, очень нѣжно. Я уважалъ волю ея, и буду всегда уважать милое воспоминаніе о ней: ея уже нѣтъ на свѣтѣ.

Говорятъ, что она возила съ собой этотъ портретъ вездѣ, и никому не позволила списать его. Можетъ быть, умирая она изломала его; можетъ быть онъ остался въ ящикѣ секретера, въ старомъ замкѣ, гдѣ внучата прелестной Герцогини будутъ почитать его портретомъ дѣдушки: такова участь портретовъ. Только *одно* сердце бьется отъ нихъ, и когда это сердце перестало биться — надобно ихъ уничтожить.

Digitized by Google

СОЧИНЕНІЯ ДЕРЖАВИНА,

4 ш. СПб. 1831 г.

(Продолженіе.)

Внимательно разсмотрѣвъ жизнь Державина, взглянувъ на его политическое поприще, постараемся теперь изъ этого двойственнаго бытія, вельможи и человѣка, чиновника и поэта, составить себѣ понятіе о *характерѣ* Державина.

Державинъ былъ поэтъ; характеръ его былъ поэтическій, въ самомъ обширномъ смыслѣ, *поэтическій-преимущественно.* Кромѣ Пушкина, не было у насъ другаго, столь *исключительно поэтическаго* характера, со времени преобразованія Россіи, ни прежде, ни послѣ Державина. Въ душахъ всѣхъ другихъ поэтовъ Русскихъ Поэзія только отсвѣчивалась, не свѣтила самобытно, не наполняла собою, не сжигала, такъ сказать, всего бытія ихъ. Отъ того направленія ихъ были, либо слишкомъ частны, односторонны, либо слишкомъ развлеченны и разнообразны. Сила души, устремленная на многое вдругъ, не соединенная въ одну точку, разливалась на все окружавшее ихъ, и черезъ то развлекала, разрушала *собственно-поэтическое* стремленіе. Такъ Ломоносовъ былъ поэтъ въ жизни, невѣроятн-

Digitized by Google

ной и романической, но собственно-Поэзія была только слабая стихія обширнаго міра души его. Онъ былъ столько-же *ученый человѣкъ*, сколько *Стихотворецъ*. У Крылова, Дмитріева, Фонъ-Визина, Поэзія была вдохновеніемъ ума, а не непобѣдимымъ стремленіемъ выразить себя въ поэтическихъ созданіяхъ. У Жуковскаго она навѣяна унынiемъ души, и удивительною пріемчивостью чужихъ впечатлѣній. Грусть души Жуковскаго, и происшедшее отъ того стремленіе за предѣлъ міра, къ чему-то неразгаданному, тайному, отзывается въ самыхъ торжественныхъ его пѣснопѣніяхъ. Батюшковъ вдохновлялся противоположностью своего бытія съ пламенными думами сердца и души: его сочиненія были, какъ будто желаніе забыть, на время, въ наслажденіяхъ Поэзіи неисполненныя мечты жизни. Негодованіе сдѣлалось Музою Грибоѣдова, иногда только вспыхивавшею божественнымъ огнемъ поэтическаго восторга. Кантемиръ и Хемницеръ, одинъ, какъ вельможа, смѣло шутя, другой робко и осторожно подсмѣиваясь надъ людьми, не были истинными поэтами. Такъ являются намъ всѣ другіе Русскіе стихотворцы, съ тѣхъ поръ, какъ Поэзія разродилась въ Россіи съ бытомъ общественнымъ, перестала быть необходимымъ народнымъ пѣніемъ, свободно, невольно выливавшимся изъ души, при звукахъ простой музыки. Не говоримъ о Сумароковыхъ, Херасковыхъ, Петровыхъ, Княжниныхъ, которые не писали-бы, если-бы не читали написаннаго прежде ихъ другими. Но разсмотрите всѣхъ остальныхъ, старыхъ и новыхъ поэтовъ нашихъ — Козлова, Барашынскаго, Языкова, Богдано-

Digitized by Google

вича, Озерова, Кн. Долгорукова, и вы убѣдитесь въ частномъ, односторонненъ, случайномъ, такъ сказать, ихъ стремленіи.

Не таковы *Державинъ* и *Пушкинъ*, у которыхъ Поэзія необходимость жизни, вся душа, все бытіе ихъ. Пушкинъ смѣло могъ сказать о Музѣ своей:

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила
И семиствольную цѣвницу мнѣ вручила.
Она внимала мнѣ съ улыбкой, и слегка,
По звонкимъ скважинамъ пустаго тростника,
Уже наигрывалъ я слабыми перстами,
И гимны важные, внушенные Богами,
И пѣсни мирныя Фригійскихъ пастуховъ.
Съ утра до вечера, въ нѣмой тѣни дубовъ,
Прилежно я внималъ урокамъ дѣвы тайной,
И радуя меня наградою случайной,
Откинувъ локоны отъ милаго чела,
Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала:
Тростникъ былъ оживленъ божественнымъ дыханьемъ
И сердце наполнялъ святымъ очарованьемъ!

Такъ и Державинъ говорилъ о самомъ себѣ, въ полномъ сочувствіи своего генія:

Кто велъ меня на Геликонъ,
И управлялъ мои шаги?
Не Музъ витійственныхъ содомъ —
Природа, нужда и враги.

«Поэзія требуетъ всего человѣка,» сказалъ (помнится) Батюшковъ; это голосъ души. Внѣ По-

Digitized by Google

эзіи Державинъ и Пушкинъ уничтожаются; съ нею они исполины нравственнаго и вещественнаго міра. Да, только тотъ истинный поэтъ, кто *весь поэтъ*. Существуя вполнѣ развитою жизнію въ душахъ только преимущественныхъ поэтовъ, Поэзія въ тоже время есть удѣлъ всѣхъ: въ душѣ каждаго изъ насъ хранится искра ея, и нѣтъ сердца, которое никогда не отзывалось-бы на божественные ея звуки. Отъ того простолюдинъ поетъ пѣсню, грамотный человѣкъ пишетъ стихи, и кто не поетъ, не пишетъ, тотъ чувствуетъ сильнѣе біеніе сердца при гармоніи поэтической. Проницая собою самыя высшія истины ума, самые великіе подвиги разума, Поэзія согрѣваетъ душу философа и украшаетъ подвиги законодателя и героя; но, собственно, она не есть *ни умъ*, *ни разумъ*. Потому ничѣмъ не могутъ выразить сущности Поэзіи, кромѣ названія оной *безотчетнымъ восторгомъ*, вдохновеніемъ. Читайте изъясненія самихъ поэтовъ, писавшихъ о теоріи своего Искусства: сказавъ намъ о вещественныхъ формахъ поэтическихъ созданій, они начинаютъ говорить темно, неопредѣленно о тайнѣ души, непонятной для нихъ самихъ. Въ это святилище воспрещенъ входъ холодному уму и испытующему разуму человѣческому. Сами поэты вступаютъ въ него въ рѣдкія минуты вдохновенія, и вышедъ оттуда ничего не помнятъ, ничего не знаютъ, что тамъ съ ними было. Видя передъ собою созданія сихъ таинственныхъ мгновеній, поэтъ спрашиваетъ у самого себя:

Мигъ вожделѣнный насталъ: оконченъ мой трудъ многолѣтній.

Digitized by Google

Что-жь непонятная грусть тайно тревожитъ меня?
Или, свой подвигъ свершивъ, я стою, какъ поденьщикъ ненужный,
Плату пріявшій свою, чуждый работѣ другой?

Поэтъ родится: сдѣлаться имъ, выучиться быть поэтомъ, не льзя. Отличенный небеснымъ знаменіемъ Поэзіи, онъ является въ міръ съ гармоническими звуками, съ поэтическимъ взглядомъ, съ особеннымъ устройствомъ души. Горе ему, если міръ обхватитъ его желѣзными своими когтями, и не дастъ ему разцвѣсти поэтическою жизнію; еще болѣе горе, если онъ не пойметъ самого себя! Среди людей, онъ будетъ странное, уродливое созданіе, жертва страстей своихъ и чужихъ; жизнь его будетъ борьба между небомъ и землею. Безсмертный миѳъ слѣпца, Омира, испрашивающаго милостыни, ведомаго отрокомъ — вотъ истое изображеніе поэта въ борьбѣ съ міромъ! Напрасно, подобно Данте и Мильтону, онъ вмѣшивается въ политическія событія; напрасно любовь, какъ Камоэнсу, улыбается ему на зарѣ жизни; напрасно, какъ Тассъ, онъ призванъ ко Двору властителей; какъ Шиллеръ, или Байронъ, хочетъ подчинить себя тихому счастію семейной жизни: тревожный, безпокойный, снѣдаемый внутреннимъ огнемъ, поэтъ никогда не уживется съ людьми, не помирится съ условіями жизни ихъ! Но если онъ покорился имъ, увлекся ими, тогда — Прометей, прикованный къ скалѣ Кавказа — зачѣмъ при рожденіи своемъ похищалъ онъ

Digitized by Google

небесный огнь, и оживилъ имъ бренное свое существо!

Въ такомъ-то, исключительно-поэтическомъ характерѣ разгадка дикой, чудной Поэзіи, и противоположной тому прозы жизни Державина.

Будемъ-ли мы правы, обвиняя людей за ихъ сочувствіе къ созданіямъ Поэзіи, и несогласіе съ самими поэтами въ то-же время? Какъ: они пламенно любятъ Поэзію, и не терпятъ поэтовъ? При разсмотрѣніи прилежномъ, мы — оправдаемъ людей. . .

Созданіе необыкновенное, выходецъ изъ идеальнаго міра, поэтъ бываетъ гордъ, самоувѣренъ, раздражителенъ; дитя передъ общимъ разумѣніемъ, онъ подавляется умомъ, который превосходитъ его, и удивляется разуму, который искусно занимается людскими дѣлами. Не почитайте его самого безумцемъ: и внѣ области Поэзіи у него есть минуты, идеи, мысли, которыя, какъ молнія, прорѣзываютъ мракъ, гдѣ недоумѣваютъ умъ и разумъ человѣческій. Но не ему быть постояннымъ, тихимъ свѣтильникомъ, при которомъ люди занимаются работою жизни. Поэтъ можетъ бросить великую идею, богатую послѣдствіями мысль, на всѣ предметы въ мірѣ; но не ему развивать свою идею, не ему приводить въ исполненіе свою мысль. — Люди тонутъ въ болотистой дорогѣ. Приходитъ Поэтъ, взглядываетъ, и говоритъ: «Долой вонъ эту гору, и дорога будетъ прямая, и вы перестанете тонуть въ болотѣ!» Люди изумляются; но изумленіе ихъ

Digitized by Google

скоро проходитъ; они лѣзутъ на гору, соображаютъ, думаютъ, начинаютъ копать, рыть, сто лѣтъ будутъ они срывать гору, и наконецъ сроютъ ее. Но дайте эту работу уму поэта: онъ подумаетъ, что можно подорвать гору вдругъ, забывши, что недостанетъ на это средствъ, и если-бы достало, то обломками можетъ завалить всѣ окрестности.

Для жизни общественной, для дольнаго міра, гдѣ духъ человѣка связывается предѣлами вещества, мало одного чистаго ума, мало однѣхъ только идей. Согласіе духа и вещества требуетъ *приложеній*, и сіи-то приложенія составляютъ законы и условія человѣческаго общества. Раздѣляясь на безчисленное множество отношеній и приличій, они связываютъ всякое частное своеволіе. Эгоизмъ употребляетъ ихъ во зло; но однакожь нѣтъ никакого условія, которое не шло-бы изъ источника добра и блага, и не вело-бы, положительно или отрицательно, ко благу. Человѣкъ, разрушающій ихъ, не долженъ жаловаться, что люди немирны съ нимъ, что они стоятъ за себя, и гонятъ отъ себя, и его, и всякаго не подходящаго къ ихъ уровню, кто-бы онъ нибылъ, изъ Ада, или изъ Эдема пришелецъ. Если онъ пересилитъ ихъ въ открытой борьбѣ, ему покорятся. Здѣсь тотъ-же отвѣтъ, какой Пиратъ сдѣлалъ Александру Македонскому. Усиліе генія, если у него недостаетъ силъ и средствъ, заставитъ его только сознаться въ своемъ безсиліи и безвременьи. И такое состояніе геніяльнаго человѣка совсѣмъ не клевета на Провидѣніе, которое

Digitized by Google

взираетъ свыше на зло и добро, и одною мгновенною бурею очищаетъ душную атмосферу вѣковъ, сжигая все испорченное, но не нарушая для частнаго явленія вѣчныхъ законовъ своихъ.

Ниспосылаемый имъ Ангелъ разрушенья,
Взрываетъ, какъ бразды, земныя племена,
Въ нихъ жизни свѣжія всѣваетъ сѣмена,
И обновленныя быстрѣе разцвѣтаютъ:
Какъ бури въ зной поля, бѣды ихъ возраждаютъ (*)...

Въ такомъ отношеніи находятся міръ и общество къ поэту. Блаженъ, если онъ умѣетъ сознать, что *царство его не отъ міра сего*, по слову Божественной Мудрости, если онъ оцѣнитъ блаженство своего душевнаго уединенія, къ которому придутъ преклониться, если не современники, то потомство; блаженъ, если судьба счастливо помиритъ для него вещественность съ духомъ, какъ помирила ихъ для Гёте, или, когда онъ будетъ умѣть ужиться съ міромъ, какъ В. Скоттъ, или умѣть удалиться отъ него, какъ Шекспиръ! Но подобное отношеніе поэта есть исключеніе, и исключеніе рѣдкое. Обыкновенная участь его — борьба, тяжкая, нескончаемая, непримиримая борьба, и всего болѣе самая пѣснь его бываетъ воплемъ отчаянія, вдохновеніемъ скорби, и міръ, привыкнувшій къ этому, слушаетъ такую пѣснь съ благосклонною улыбкою, какъ дикіе

(*) Жуковскій, *Посланіе къ Императору Александру.*

Digitized by Google

Американцы смертную пѣсню плѣнника, осужденнаго ими на смерть...

Смѣшонъ, участія кто требуетъ у свѣта!
Холодная толпа взираетъ на поэта,
Какъ на заѣзжаго фигляра: если онъ
Глубоко выразитъ сердечный, тяжкій стонъ,
И *выстраданный* стихъ, пронзительно-унылой,
Ударитъ по сердцамъ съ невѣдомою силой,
Она въ ладони бьетъ и хвалитъ, иль порой
Неблагосклонною киваетъ головой.
Постигнетъ-ли пѣвца внезапное волненье,
Утрата скорбная, изгнанье, заточенье —
«Тѣмъ лучше» — говорятъ любители искусствъ —
«Тѣмъ лучше! Наберетъ онъ новыхъ думъ и чувствъ
И намъ ихъ передастъ»..

Что-же слѣдуетъ? Вступая въ міръ, поэтъ не рѣдко начинаетъ терять, уступать, промѣнивать свое высокое назначеніе, покоряясь отношеніямъ общества, увлекаясь вещественными условіями. Нѣтъ такого яда, такого смрада, къ которому не льзя было-бы наконецъ пріучиться: они не перестаютъ разрушать наше бытіе, но не мертвятъ уже человѣка вдругъ. Если-же поэтъ — какъ почти всегда бываетъ — родомъ, званіемъ, состояніемъ ниже другихъ, самыхъ обыкновенныхъ людей, чувствуетъ свое превосходство надъ ними, и среди борьбы съ міромъ ему улыбнется случай, счастье начнетъ осыпать его своими дарами, приближать его къ сильнымъ міра? Блескъ, сила, мірская дѣятельность увлекательны, упоительны. Поэту легче бороться

Digitized by Google

съ несчастіемъ, нежели съ счастьемъ. Тогда Поэзія гаснетъ въ душѣ поэта, міръ увлекаетъ его, и — забавно, и горестно смотрѣть, какъ тогда поэтъ почитаетъ себя *свѣтскимъ*, или *дѣловымъ* человѣкомъ, думаетъ, что геній уравнялъ его во всѣхъ вещественныхъ отношеніяхъ съ другими! То, чѣмъ онъ долженъ-бы высишься, онъ прячетъ отъ людей, стыдится своего богатства, и добровольно мѣняетъ его на богатство тлѣнное, мірское. Не рѣдко гибнетъ поэтъ въ своемъ обольщеніи, гибнетъ совершенно, поддается ничтожнымъ приличіямъ и отношеніямъ, покоряется людямъ, которые забавляются, торгуютъ имъ, какъ заморскою диковинкою. . . . Иногда на цѣлыя эпохи налегаетъ подобное униженіе духа, и цѣлыя поколѣнія поэтовъ раболѣпствуютъ міру. Таковъ былъ періодъ Французской Поэзіи, отъ Людовика XIV-го до Людовика XVI-го. Поэты, во все это время, не стыдились передникъ, не гнушались послѣднимъ мѣстечкомъ за столами вельможъ, и горделиво хотѣли даже означить для потомства свое бѣдное бытіе, назвавъ вѣкъ свой по имени Людовика XIV-го, и воспѣвая побѣды Людовика въ его обозѣ. . .

Къ счастію, не всѣ вѣка таковы, и въ каждомъ вѣкѣ яркія исключенія освѣщаютъ мрачную картину забвенія высокаго достоинства самихъ себя. Этого мало: въ жизни каждаго поэта не всегда продолжается очарованіе: никакая сильная душа не выдерживаетъ постоянно тяжкихъ условій міра, и сквозь мракъ цѣлой жизни сверкаютъ поэтическія, святыя минуты вдохновенія, высокаго самопознанія поэтовъ!

Digitized by Google

Вотъ общія черты *жизни Державина*. Сообразимъ ея подробности.

Скажешь, что родясь позднѣе или раньше, Державинъ выигралъ-бы болѣе, не льзя. Мы не знаемъ таинственнаго закона Провидѣнія, по которому вдругъ является въ міръ великое созданіе, Богъ знаетъ гдѣ, Богъ знаетъ какъ. Скажите: почему Монбланъ сталъ именно близъ Женевы, а Дунай изогнулся не въ Сѣверное, но въ Черное море? Послѣ сего всегда неизъяснимо будетъ для насъ: почему, именно въ 1564 году, въ городишкѣ Стратфордѣ, у ничтожнаго торгаша шерстью, надобно было родиться сыну, *Вилліаму Шекспиру*, а на берегахъ Булака, въ 1743 году, у бѣднаго офицера, сыну, *Гавріилу Державину*?

Только *восемьдесятъ* лѣтъ прошло послѣ отъ смерти исполина, преобразовавшаго Россію. *Державинъ - поэтъ* родился готовый на исполненіе своего призванія. Но съ самаго дня рожденія началась борьба его съ міромъ: Купи свое величіе, геній: міръ не уступаетъ его даромъ! Неодолимый жаръ познанія палитъ душу отрока. Живопись, Музыка, Поэзія движутъ его воображеніе; онъ видитъ грубыя черты, слышитъ безобразные звуки, и ищетъ въ нихъ того, что еще неразгаданно является ему въ душѣ его. Онъ испытываетъ уже всѣ роды Словесности, прозу и стихи; онъ увлекается звуками лиры Ломоносова, и, преимущественно *лирическій поэтъ*, робко идетъ вслѣдъ за Холмогорскимъ рыбакомъ. Ода, лира, становятся его цѣлью. Но между тѣмъ міръ сжимаетъ его въ

Digitized by Google

тѣснотѣ жизни: бѣдный сирота, восмнадцати лѣтъ солдатъ, восемь лѣтъ проводишъ онъ въ казармѣ и на караулѣ, въ нуждѣ, въ трудѣ, изсушающихъ душу, алчетъ познаній, и не удовлетворяется тѣмъ, что находитъ, испытываетъ свою лиру, прислушивается къ звукамъ отечественныхъ и чужеземныхъ пѣвцовъ. Что встрѣтилъ онъ тогда въ Россіи? Что могли передать ему чужеземцы?

Никогда Поэзія не была чужда снѣгамъ и лѣсамъ Сѣвера. Въ Оссіановскихъ пѣсняхъ, въ созданіяхъ Скальдовъ, въ мрачныхъ миѳахъ Одина и Валгалы, въ кровавыхъ пѣсняхъ Регнера и бѣшеныхъ кликахъ Берсеркеровъ отзывался Сѣверъ на призывъ неба, выражаемый въ человѣкѣ поэтическимъ чувствомъ. Этотъ желѣзный звонъ души человѣческой слился въ Руси съ Восточнымъ, роскошнымъ голосомъ Славянъ, съ огромными ихъ изображеніями, и наконецъ съ религіозными легендами Греціи. Прекрасны, самобытны были во все это время пѣсни первоначальной Руси, повѣсти объ Олегахъ, Святославахъ, Владимірахъ, Рогнѣдахъ, Игоряхъ. Мрачная ночь Монгольскаго ига задушила сей поэтическій голосъ древней Руси. Только скорбь начала одушевлять пѣсни народа, отчаявшагося въ воскресеніи самобытности. Грубыя страсти, мѣлкія отношенія завладѣли пѣснопѣніемъ, простымъ, безыскуственнымъ, сопровождаемымъ звуками грубыхъ музыкальныхъ инструментовъ. Робко являлась народная пѣсня въ терема и чертоги Царей и людей знатныхъ; на нее смотрѣли, какъ на грубую забаву черни. Западная, схоластическая Поэзія, черезъ Кіевъ,

Digitized by Google

прокралась съ погремушкою рифмы, съ Аполлиномъ, Венусомъ, Эрміемъ, духовными мистеріями, ложнымъ риѳмомъ, риторическимъ восторгомъ. Эту Поэзію засталъ въ Россіи Петръ; она привѣтствовала Полтавскаго побѣдителя варварскими стихами:

Петръ, каменемъ вѣры Христовой названный,
Виватъ Царь, Государь, Богомъ увѣнчанный!

Преобразитель Россіи, Русскимъ штыкомъ очистившій для нея мѣсто въ Европѣ, бросилъ высшія сословія Рускихъ въ тогдашнюю Европейскую форму. Чувствуя, что не вѣки жить ему, а надобно совершить вѣковые подвиги, онъ спѣшилъ выхватить у Европы плоды просвѣщенія и образованности; польза вещественная, сила вещественная, были главнымъ предметомъ заботъ его. Поэтическую сторону человѣка онъ почиталъ только *средствомъ* для блага вещественнаго. Поэзія не дерзала явиться среди стука сѣкиръ, созидавшихъ флоты и города, среди грома оружія, утверждавшаго предѣлы и величіе Россіи. Такъ сильно, такъ велико было начало новой жизни, данное Петромъ Россіи, такъ далеко провелъ онъ Россію на поприщѣ Европейскомъ, что Россія долго послѣ него жила только его жизнію, шла только по направленію, имъ данному. Но Петра уже не было; не умѣли руководствоваться его геніемъ перенимая у Европы, и перенимали все, и хорошее и дурное. Подражаніе совершенно замѣнило самобытность. Слѣдовали безъ разбора тому, что видѣли въ Европѣ, и когда первыя потребности были удовлетворены, безусловно отразилось на Россіи и поэтическое стремленіе духа

Digitized by Google

Европейскаго: Литература новая начала создаваться по образцу не-Русскому, чуждому. Переводили, передѣлывали, подражали, а *не творили*. Классицизмъ вѣка Людовика XIV-го, со всѣми его привычками, правилами, съ его Эпопеею, Драмою, Лирикою, обладалъ тогда Европой, и перешелъ въ Россію, замѣнивъ Латинскую, Западную Схоластику. Пока проказничалъ Тредьяковскій и готовился Сумароковъ — явился необыкновенный человѣкъ: *Ломоносовъ*, Петръ въ своемъ родѣ. Говорятъ, что онъ перенялъ складъ поэзіи своей у Нѣмцевъ. Но, что̀ дѣлали тогда Нѣмцы? Подражали Классическимъ Французамъ, такъ, какъ и Англичане не смѣли тогда преклониться предъ великимъ своимъ Шекспиромъ, и ошвергали даже пріобрѣтенную ими, могущую самобытность литературную. Начало первой Оды Ломоносова взято было изъ Оды Буало. Но Ломоносовъ, соединивъ съ Классицизмомъ Схоластику, вставлялъ цѣликомъ въ Оды свои мѣста изъ Цицерона, какъ въ слова и рѣчи свои вкленвалъ мѣста изъ Плинія. Подражаніе и Классицизмъ были сущностью всей Русской Литературы: схоластически обрабошывалъ Ломоносовъ языкъ Русскій; Лафонтенъ внушилъ Богдановичу шутливую поэму; Расинъ, Корнель, Вольтеръ вдохновляли Сумарокова, Тассъ и Ганріада Хераскова; Княжнинъ и другіе пошли еще далѣе: они просто переставляли Русскія имена вмѣсто иностранныхъ, и выдавали переводы за оригиналы.

Въ такомъ-то мірѣ явился поэтъ Державинъ. Онъ увлекся въ началѣ другими, впалъ во всѣ то-

Digitized by Google

гдашнія ошибки и недостатки: переводилъ Горація и Овидія, не понимая духа Древнихъ; надувалъ торжественную трубу; искалъ правилъ у Тредьяковскаго и Баттё — такъ ошибался онъ въ поэзіи своей. Еще важнѣе была ошибка въ жизни. Едва успѣвши выйдти изъ предѣловъ тѣснаго, затруднительнаго своего существованія, состоя въ рангѣ Бригадирскомъ до сорока почти лѣтъ, Державинъ думалъ, что здѣсь было настоящее его назначеніе; думая такъ, онъ *служилъ*, и почиталъ Поэзію мимолетнымъ занятіемъ. Это было еще извинительно Державину въ тогдашнемъ его положеніи.

Да, онъ видѣнъ уже и въ это время — въ негодованіи, какое возбуждаютъ въ душѣ его пороки, несправедливость и гордость; видѣнъ въ томъ быстромъ рѣшеніи, съ какимъ, будучи 20-ти лѣтъ, хотѣлъ онъ все бросить, и осмѣлился явиться къ Шувалову, прося взять его въ чужіе край; видѣнъ въ пренебреженіи ко всему, что писалъ онъ тогда, въ робости, недовѣрчивости къ самому себѣ, въ хладнокровномъ презрѣніи, съ какимъ истреблялъ, жегъ онъ свои созданія; видѣнъ и въ смѣлости, съ какою брался онъ за переводъ Мессіады. Наконецъ, самобытный умъ его видѣнъ въ самомъ названіи снихотвореній своихъ *Четалагайскими*, и въ томъ, что *тогда* успѣлъ онъ создать. Къ этой первой эпохѣ жизни Державина относятся: *Вельможа*, *На смерть Князя Мещерскаго*, *Ключъ*, первая идея *Оды Богъ*, стихи *Къ первому сосѣду*. Вспомните, что все это было писано *за шестьдесятъ лѣтъ*, и не изумятъ-ли послѣ

Digitized by Google

сего васъ стихи Державина своею самобытностію, своею смѣлостію? Кто изъ современниковъ могъ внушить ему слѣдующіе звуки?

Гдѣ сполъ былъ ясенъ, тамъ гробъ спокоенъ;
Гдѣ пиршествъ раздавались клики,
Надгробные тамъ воютъ лики,
И — *блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ!*

Глядитъ на всѣхъ — и на Царей,
Кому въ державу тѣсны міры;
Глядитъ на пышныхъ богачей,
Что въ златѣ и сребрѣ кумиры;
Глядитъ на прелесть и красы,
Глядитъ на разумъ возвышенный,
Глядитъ на силы дерзновенны,
И — *точитъ лезвее косы!*

Стихи дурны, нѣтъ сомнѣнія — но *мысль*, *образы*.. Какъ бѣденъ противъ Державина Горацій, съ своею, также *блѣдною* смертію! Не Ломоносовъ, и не Баттё могли подсказать ему и стихи его: *Къ сосѣду* (въ 1780 году). Читая ихъ, не вѣрите, что они написаны *за* 50 *лѣтъ*:

Въ вертепѣ мраморномъ, прохладномъ,
Въ которомъ льется водоскатъ,
На ложѣ розъ благоуханномъ,
Средь лѣни, нѣги и отрадъ,
Любовью распаленный страстной,
Съ младой, веселою, прекрасной
И нѣжной Нимфой ты сидишь;
Она поетъ, ты страстью пышешь,
То съ ней въ весельи упоаешь,
То, упомленъ весельемъ, спишь.

Digitized by Google

Ты спишь, и сонъ тебѣ мечтаетъ,
Что въ вѣкъ благополученъ ты;
Что само небо разсыпаетъ
Блаженства вкругъ тебя цвѣты;
Что Парка дней твоихъ не коситъ;
Что откупъ вновь тебѣ приноситъ
Сибирски горы серебра (*),
И дождь златой къ тебѣ льется....
Блаженъ, кто по утру проснется
Такъ счастливымъ, какъ былъ вчера!

Блаженъ, кто можетъ веселиться
Безперерывно въ жизни сей!
Но рѣдкому пловцу случится
Безбѣдно плавать средь морей:
Тамъ бурны дышутъ непогоды,
Горамъ подобно гонятъ воды,
И съ пѣною песокъ мутятъ....

Непостоянство доля смертныхъ;
Въ премѣнахъ вкуса счастье ихъ;

(*) Стихи сіи были писаны Державинымъ къ знаменитому богачу и откупщику, М. С. Голикову. Роскошный, великодушный богачъ этотъ содержалъ на откупѣ Сибирь, Москву, Петербургъ, обладалъ милльонами, жилъ вельможески, изумлялъ своими пирами, весельемъ, и умеръ не оставивъ дѣтей. Послѣ него дѣла найдены въ разстройствѣ, но и остатками обогатились всѣ его родственники. Одинъ изъ нихъ И. Л. Голиковъ участвовалъ въ открытіи Америки съ Шелиховымъ. Державинъ предугадалъ участь богача-откупщика, говоря ему:

Digitized by Google

Среди ушѣхъ своихъ несмѣтныхъ,
Желаемъ мы ушѣхъ иныхъ;
Придутъ, придутъ часы шѣ скучны,
Когда твои ланиты тучны
Преспанутъ Граціи трепать....

Въ торжественныхъ тогдашнихъ стихахъ Державина видѣнъ еще надутый подражатель Ломоносову. Но любовь, дружба, геній обнимали съ Державинымъ, и онъ, недовольный ничѣмъ, мыслилъ уже о *совершенно особомъ пути*.

Слѣдствіемъ сей безпокойной мысли была — *Фелица*. Трудно сыскать другую поэтическую, столь самобытную, смѣлую идею, какова идея сего безсмертнаго творенія. Вотъ ея основаніе: Державинъ велъ родъ свой отъ какого-то Татарскаго Мурзы *Багрима*. Мурза этотъ выѣхалъ изъ Золотой Орды при Василіи Темномъ, крестился, сдѣлался подданнымъ Московскаго Князя, и отъ него произошли Нарбековы, Акинфіевы, а отъ одного изъ потомковъ его, называвшагося: *Державы, Державины*. Таково начало мысли поэта.

Уже двадцать почти лѣтъ Екатерина возсѣдала на тронѣ Россіи, начала и успѣла въ сіе время развить новый періодъ государственной жизни но-

---

Блаженство] то лишь непорочно,
Раскаянья за коимъ нѣтъ!

Послѣдніе годы *Сосѣда* были отравлены болѣзнями, горестями, неблагодарностью знатныхъ и измѣною близкихъ людей. . . .

Digitized by Google

слѣ Петра Великаго. Сей періодъ былъ отличенъ противъ періода, продолжавшагося отъ Петра до нея. Если царствованіе Петра можно назвать *великимъ*, царствованіе Екатерины безпрекословно назовемъ *славнымъ*. Сіи названія обозначаютъ для насъ дѣла Петра и дѣла Екатерины. *Слава* была символомъ Екатерины. Къ ней было устремлено все. Петръ поражаетъ насъ величіемъ подвиговъ, Екатерина славою предпріятій. Онъ строилъ флотъ — она послала флотъ Русскій въ Средиземное море; онъ самъ составлялъ въ уединеніи своемъ Законы — она призвала всю Россію писать ихъ, вмѣстѣ съ нею; онъ построилъ города — она воздвигла въ нихъ дворцы и чертоги. Гремя оружіемъ въ предѣлахъ Оттоманскихъ, отнимая цѣлыя царства у Стамбула, Екатерина не боясь слышала Шведскіе выстрѣлы подъ самымъ Петербургомъ, крѣпкою рукою задушила безумную ярость Пугачева, ослѣпила всю Европу блескомъ побѣдъ и великолѣпія, уничтожила Польшу, коснулась скипетромъ береговъ Америки, разсыпала милльоны между подданными. Окруженная роскошью, вкусомъ, великолѣпіемъ, умомъ Европы, людьми, каковы были: Таврическій, Задунайскій, Рымникскій, Безбородко, Вяземскій, Орловъ, Шуваловъ, Бецкій, Панинъ, Екатерина казалась полубогинею. Ея путешествіе въ Крымъ, когда Римскій Императоръ и Польскій Король встрѣтили ее среди избраннаго Европейскаго общества, среди толпившихся на срѣтеніе изумленныхъ ея подданныхъ, среди грома и пышности, и когда она, съ улыбкою говоря сопутникамъ о взятіи Царяграда, указывая

Digitized by Google

на безмѣрныя свои области, прибавляла: *мое маленькое хозяйство идетъ очень порядочно* — вотъ характеристика Двора и вѣка Екатерины. Державинъ видѣлъ въ ней Богиню Сѣвера, какъ видѣли всѣ другіе.

Могла-ли Екатерина не понять, чего лишится ея царствованіе, если Поэзія, Искуства, Науки не прибавятъ своего голоса, своей славы къ громамъ побѣдъ и блеску Дворскаго великолѣпія? Она понимала это очень хорошо. Немедленно по вступленіи на престолъ, учреждаетъ она Корпуса, Училища, Воспитательные Домы, даетъ Академіи Наукъ новыя права, преимущества; потомъ устроиваетъ Переводный Департаментъ, Экономическое Общество, новую Академію для Словесности, Коммиссію Училищъ; позволяетъ всѣмъ заводить типографіи, ѣздить свободно въ чужіе краи. Ученые странствуютъ по ея велѣнію въ Сибири, въ Крыму, на Кавказѣ; въ Европѣ покупаютъ для нея рѣдкости и художественныя произведенія; царь ума, Фернейскій старикъ, осыпанъ ея подарками; она переписывается, шутитъ съ нимъ; призываетъ ко Двору своему Дидеро; Фальконетъ воздвигаетъ по ея волѣ великолѣпный памятникъ Петру, и бросаетъ цѣлую гору подъ его подножіе. Этого мало: она сама посѣщаетъ Ломоносова въ его мастерской, и тотъ со слезами падаетъ къ ногамъ ея; она сама занимается Словесностью, въ избранномъ кругѣ своемъ: пишетъ Исторію, издаетъ Сказки, располагаетъ планы Журналовъ, сочиняетъ Комедіи, переводитъ книги.

Digitized by Google

Все это должно было имѣть сильное вліяніе на Словесность. Но что ни дѣлали въ Россіи, все было не самородное Русское, и должно было уступить вліяніе самыхъ формъ Классицизма Европейскаго. Вѣкъ Екатерины былъ для Россіи блестящимъ вѣкомъ Людовика XIV-го и Медичисовъ. По ихъ образцу устроилось и Русское Меценатство литературной іерархіи. Литераторы искали покровительства вельможъ, и не приближались къ трону. Имъ указанъ былъ предѣлъ, далѣе котораго не льзя было переступать въ отношеніи установленнаго порядка. Потемкинъ называлъ Фонъ-Визина *Денисомъ*, и возилъ Петрова въ обозѣ при себѣ. Уровень покровительства (*протекціи*) и Классицизма сглаживалъ все. Поэтъ, какъ за дѣло по должности, принимался за торжественную Оду, и ему давали опредѣленный подарокъ. Надобно-ли было написать Трагедію — передѣлывали что нибудь Французское, подносили милостивцу, и отдавали потомъ на Театръ, увѣренные въ успѣхѣ, если могли поправиться избранному обществу судей.

Благоговѣя предъ славою Екатерины, Державинъ первый захотѣлъ говорить съ нею, какъ съ человѣкомъ, а не съ Государынею, первый рѣшился подойдти прямо къ Ея трону, а не къ передней какого нибудь вельможи, и не съ Одою, но съ голосомъ души, выраженнымъ, не по правиламъ Риторики и Схоластики, но по чистому чувству блага и добра. Онъ хотѣлъ высказать при томъ все негодованіе противъ порока, облеченнаго пышностью и величіемъ. Вся душа его проснлась на ролю. Ека-

Digitized by Google

шерина написала иногда Сказку о Царевичѣ Хлорѣ. Сказка эта, назначенная для юнаго Великаго Князя, весьма проста. Царевичу Хлору, похищенному Киргизъ-Кайсацкимъ Ханомъ, велятъ отыскать *розу безъ шиповъ*. Дочь Хана, Царевна Фелица, руководствуетъ Хлора. Слѣдуютъ аллегоріи пороковъ и добродѣтелей. Сынъ Фелицы, Разсудокъ, ведетъ Хлора за руку. Хлоръ находитъ розу. Соединивъ мысль о Татарскомъ своемъ происхожденіи съ идеею Екатерины, Державинъ написалъ посланіе отъ Мурзы къ Фелицѣ, и назвалъ его: *Ода премудрой Киргизъ-Кайсацкой Царевнѣ Фелицѣ, писанная нѣкоторымъ Татарскимъ Мурзою, издавна въ Москвѣ поселившимся, а живущимъ по дѣламъ въ С. Петербургѣ; переводъ съ Арабскаго языка* (*).

Современники могли восхищаться въ Фелицѣ тонкою похвалою Екатеринѣ, умнымъ вымысломъ, и живыми портретами вельможъ и современниковъ; ихъ могли ослѣпить и успѣхъ Державина, и шумъ, какой произвело его созданіе. Но мы, для которыхъ все это исчезло, которые видѣли, читали и узнали послѣ сего такъ много, не можемъ однакожъ не изумляться Фелицѣ: благородная, гордая, шутливая, язвительная, богатая словомъ, Фелица Державина всегда останется въ числѣ вѣковѣчныхъ памятниковъ языка Русскаго, души поэтической, воз-

(*) Таково было первоначальное названіе *Фелицы*. Какъ можно было не возстановить его при новомъ изданіи Сочиненій Державина!

Digitized by Google

вышенной, сердца пламеннаго. Ничего подобнаго не можемъ мы сыскать ни въ нашей Словесности, ни въ Литературахъ иноземныхъ.

Не знаемъ, что̀ сдѣлалъ-бы съ Державинымъ Людовикъ XIV-й, но Екатерина поняла поэта, и поняла совершенно. Также поэтически изъявила она благодарность свою пѣвцу, какъ онъ поэтически явился передъ Ея Трономъ.

Что̀, если-бы Державинъ тогда угадалъ свое назначеніе? Чего еще недоставало ему? Онъ пробилъ совершенно новую дорогу, нашелъ свой *совершенно особый путь*; имя его гремѣло по Россіи; толпа влеклась за его созданіемъ; любовь, дружба, уединеніе, тихій бытъ семейства и Поэзія могли занять его душу.

Но здѣсь большой свѣтъ увлекъ его, принялъ его къ себѣ, ввелъ въ свою область. Неуравненный ничѣмъ другимъ, видя вокругъ себя, или *знатный*, или *дѣловой народъ*, чувствуя, что на него смотрятъ, какъ на рѣдкость — *поэта въ обществѣ* — гордый своимъ внутреннимъ достоинствомъ, и уничтожаемый другими, какъ человѣкъ, который *только стихи писать можетъ*, представленный ко Двору, но недопущенный въ очарованные Дворскіе чертоги — Державинъ стыдился самого себя, своей славы. Это умѣли растолковать и схватить злоба и зависть, успѣли растревожить его пламенную душу, употребили во зло его пылкій характеръ, и Державинъ, оскорбленный, подалъ въ отставку отъ дѣлъ. Ека-

Digitized by Google

черпа видѣла, и ошибку честолюбія чиновника, и ошибку самолюбія поэта, который пишетъ дѣловыя бумаги и забываетъ стихи, и что, какой блескъ можетъ придать Россіи геній Державина. Но ей не льзя было, безъ нарушенія заведеннаго ею чиноначалія, приблизить Державина прямо къ себѣ. Она велѣла дать ему губернаторство. Новая ошибка Державина: онъ думаетъ, что въ немъ *сознаютъ дѣловаго человѣка, дорожатъ имъ*, и онъ клянется бросить Поэзію, не довѣряетъ генію своему. Трехъ-лѣтнимъ опытомъ увѣряется онъ въ ошибкѣ, и видитъ себя изгнаннаго, униженнаго, забвеннаго Двором и Екатериною. Тогда голосъ души говоритъ ему снова, сильно, непобѣдимо. Свѣтъ оттолкнулъ Державина-чиновника къ Державину-поэту, и пѣвецъ Фелицы снова берется за лиру, и каждое новое его твореніе есть доказательство его генія, самобытнаго, неистощимаго, разнообразнаго. Оды: *На счастье*, *На коварство*, *На взятіе Измаила*, *Изображеніе Фелицы*, *Богъ*, *Осень* — какія созданія, какое воображеніе, богатое, великолѣпное, какъ Екатерина, суровое, какъ Русская зима! Потемкинъ, стоя выше всѣхъ, не могъ завидовать Державину; напротивъ, покровительство дѣлало славу Потемкина, и — одно слово временщика, возвратило Державину все. Екатерина захотѣла оградить пѣвца своего отъ всѣхъ отношеній; мелкія приличія уступили дарованію; она приблизила Державина къ себѣ, и дала ему знать, чего требуетъ отъ него, въ награду за все это.

Неужели геній Державина еще разъ ошибется?

Digitized by Google

Да, онъ снова холодѣетъ, пишетъ мертвую Оду побѣдителю при Мачинѣ, посвящаетъ памяти Потемкина одно изъ прекраснѣйшихъ созданій своихъ (*Водопадъ*), опять принимается *за дѣло*, не слушаетъ словъ Храповицкаго, не понимаетъ, что Храповицкій говоритъ ему отъ имени Екатерины, и видитъ снова удаленіе свое отъ Двора. Между тѣмъ, онъ уже знатный человѣкъ. Ему кажется, что теперь уже не доказательство дѣльности, но долгъ и совѣсть обязываютъ его заниматься не Поэзіею, но дѣлами. Удаленіе отъ Двора тотчасъ оживило геній Державина. Онъ воспѣваетъ *Безсмертіе души*, *Паденіе Варшавы*, и негодованіе его оживляется въ *Вельможѣ*. Но, съ горестію чувствуетъ Державинъ, что время свободнаго паренія его проходитъ, что онъ «не можетъ ничего вновь произвести,» и всю жизнь, всю поэзію свою думаетъ онъ сосредоточить въ прежнемъ, въ славѣ Екатерины; заботится о томъ, что произвелъ нѣкогда, чѣмъ небрегъ до того времени, чего никогда даже не собиралъ. Прошедшее замѣняетъ ему настоящее. Изображеніе жизни человѣческой: не такъ-ли мы вступаемъ, съ мечтами и надеждами, на путь жизни, пренебрегаемъ ея радостями, не заботимся о томъ, что сбывается, осуществляется для насъ? Впередъ, впередъ, къ далекой цѣли истиннаго счастія!.. И годы пролетаютъ, холодѣютъ мечты, воспоминанія смѣняютъ надежды, и мы начинаемъ ставить въ разсчетъ болѣе былаго, нежели будущаго, говоритъ сами себѣ: «И того было довольно! Развѣ не исполнемъ долгъ?» Послушайте разговоръ двухъ старыхъ друзей: всего болѣе сосчитъ онъ

Digitized by Google

изъ воспоминаній. Восторгъ, внушенный Державину славою Екатерины, кажется ему залогомъ его славы, потому, что ея безсмертіе не раздѣлится съ пѣснями Державина. «Изъ того, что сдѣлано, поймутъ, что могъ-бы я еще сдѣлать; изъ того, что сказано, угадаютъ, что могъ-бы я еще сказать» — «Такъ» — думаетъ онъ, чувствуя усталость своего генія, видя, что на плечахъ его лежатъ слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ — «меня незабудутъ и за то,

Что первый я дерзнулъ въ забавномъ Русскомъ слогѣ,
О добродѣтеляхъ Фелицы возвѣстить,
Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ,
И истину Царямъ съ улыбкой говорить!

Съ этою мыслью повергъ Державинъ передъ тронъ Екатерины свои творенія, и говорилъ ей: «*Монархиня!*

«Что смѣлая рука Поэзіи писала,
Какъ Бога, Истину, Фелицу во плоти,
И добродѣтели твои изображала —
Дерзаю къ твоему престолу принести.
Не по достоинству изящнѣйшаго слога,
Но по усердію къ Тебѣ души моей,
Какъ жертву чистую, возженную для Бога,
Ты пріими ее, и въ кротости твоей,
Пріими, и освяти твоимъ благоволеньемъ,
И Музѣ будь моей покровомъ и щитомъ,
Какъ мнѣ была и есть Ты отъ клевети спасеньемъ;
Да веселясь она, и съ бодрственнымъ челомъ,

Digitized by Google

Пройдетъ сквозь нему вѣковъ, и спанетъ средь
потомковъ,
Суда ихъ не страшась, хвалы Тебѣ вѣщать!
И алчный червь когда, средь гробовыхъ обломковъ,
Оставшій будетъ прахъ костей моихъ глодать,
Забудется во мнѣ послѣдній родъ Багрима,
Мой вросшій въ землю домъ никто не посѣтитъ,
Но—лира гдѣ моя, въ пыли, лишь будетъ зрима,
И древнихъ струнъ ея гдѣ голосъ прогремитъ —
Подъ именемъ Твоимъ громка она пребудетъ:
Ты славою—Твоимъ я эхомъ буду жить;
Героевъ и пѣвцовъ вселенна не забудетъ—
Въ могилѣ буду я, но—буду говорить!...

Но еще разъ суждено было Державину испытать приближеніе къ трону, и удаленіе отъ него еще разъ возбудило гремящіе, сильные звуки въ струнахъ его лиры, какъ будто генію его надобно было до конца жизни сознавать себя только тогда, когда неправильное его направленіе было ему показуемо жизнію. Событія царствованія Павла были ознаменованы послѣдними самобытными пѣснями Державина, и послѣдними дѣйствіями его на политическомъ поприщѣ. Министерство его при Александрѣ было только неудачнымъ опытомъ сблизить старый вѣкъ съ новымъ, и вся остальная поэзія Державина, всѣ многоразличные порывы его на разные роды стихотвореній, были такими-же опытами.

О *послѣднихъ* твореніяхъ Державина, и вообще о томъ, что писалъ онъ послѣ смерти Екатерины, судятъ слишкомъ строго. Намъ кажется, что не-

Digitized by Google

справедливо. Державинъ дорожилъ своими дѣловыми и государственными способностями, но онъ не былъ рожденъ государственнымъ человѣкомъ. Чувствуя самобытность своего генія, онъ созналъ его, и все, что произвелъ онъ вдохновенный симъ сознаніемъ, почиталъ онъ, почитали и другіе великими его твореніями. Въ тоже время Державинъ не хотѣлъ отстать отъ другихъ и въ поэзіи, какъ не хотѣлъ уступить другимъ на политическомъ поприщѣ. Преложенія Псальмовъ, Оды въ родѣ Ломоносова, подражанія Горацію, Анакреону — все, что дѣлали его современники, дѣлалъ и Державинъ. Величіе его самобытныхъ твореній уничтожало сіи подражанія, въ глазахъ его самого и другихъ. Излишекъ самобытности вредилъ ему въ этомъ случаѣ: самобытность эта, и сила генія, были причиною, что всякое *подражаніе* его ознаменовывалось печатью величія и изящества, коихъ тщетно будемъ искать у всѣхъ другихъ Русскихъ поэтовъ, кромѣ Пушкина. Гораціевская, Ломоносовская, Анакреоновская Ода, Псаломъ, Русская пѣсня, Драма дѣлались *созданіемъ Державина*, носили на себѣ слѣды его генія. Таковы и послѣднія его сочиненія, коими никакъ не должно пренебрегать: это горящіе уголья костра, на которомъ сгорѣлъ фениксъ. Всравненіи съ произведеніями зрѣлыхъ лѣтъ Державина, произведеніями, когда онъ, крѣпкій тѣлесными силами, еще не видѣлъ конца ни своимъ великимъ идеямъ, ни своему поприщу — они, конечно, недостаточны. Но за то сила слова, опытность, роскошь подробностей ихъ изумительны. Въ духовныхъ пьесахъ Державинъ говоритъ, какъ библейскій патріи-

Digitized by Google

архи; въ торжественныхъ — это бардъ сѣдовласый, играющій дрожащими, но опытными перстами; въ шуточныхъ, нѣжныхъ пьесахъ, это Русскій пѣвецъ, наслышавшійся о старинѣ, бывалый при Дворахъ Царей, плѣняющій родными звуками. Но мы будемъ еще говорить о твореніяхъ Державина; теперь докончимъ изображеніе его, какъ человѣка и поэта.

Державинъ явился *въ свое время*, ибо онъ, никѣмъ неруководимый, могъ понять самобытность свою за шестьдесятъ лѣтъ до нашего времени. Увлеченный условіями общества, и ошибочною идеею жизни, онъ *не истощилъ* всего своего генія; но потому, что *успѣлъ сдѣлать*, онъ является намъ геніемъ первостепеннымъ. Характеръ его, какъ его поэзія, былъ сильный, пламенный, пылкій, раздражительный, увлекающійся, дѣтски добродушный, благородный. Недовѣрчивый къ своему генію, когда увлекала его жизнь, недовѣрчивый къ жизни, и вѣрящій въ генія своего, когда жизнь обманывала, онъ оставилъ слѣды сей тревоги, сей борьбы генія съ жизнью, въ своихъ твореніяхъ. Все увлекало его; всегда онъ былъ восторженъ, принимаясь за свою лиру: вещественное, ничтожное исчезало тогда въ глазахъ его. Онъ жилъ въ идеяхъ, проображаемыхъ веществомъ; онъ вдохновлялся Екатериною, какъ изображеніемъ божества на землѣ. Послѣ такого чувства всегда слѣдуетъ уныніе, и это уныніе видно во всѣхъ твореніяхъ Державина. Паденіе величія, того, что восхищало Державина, производило въ душѣ его впечатлѣніе еще болѣе сильное. Этому обязаны мы *Водопадомъ*, и здѣсь видны благо-

Digitized by Google

родство, независимость его духа, какія выражены въ стихахъ его къ Храповицкому. Мы увѣрены, что его надоумили написать *Памятникъ герою*, и что это напоминаніе произвело *Водопадъ* — пьесу, посвященную умершему баловню счастія, котораго спѣшили всѣ забыть, устремляясь къ новымъ звѣздамъ силы и могущества. Еще примѣръ подобный: когда Рымникскій скончался, всѣми оставленный, Державинъ съ горестію шелъ за гробомъ его, не страшась толковъ, и возвратясь домой услышалъ своего ученаго снигиря, напѣвающаго маршъ. Это растерзало сердце его, и онъ написалъ прелестную пьесу свою:

Что ты заводишь пѣсню военну,
Флейтѣ подобно, милый снигирь!
Съ кѣмъ мы пойдемъ войной на геэнну,
Кто теперь вождъ нашъ? Кто богатырь?
Сильный гдѣ, храбрый, быстрый Суворовъ?
Сѣверны громы въ гробѣ лежатъ!

Кто передъ ратью будетъ, пылая,
Ѣздить на клячѣ, ѣсть сухари;
Въ стужѣ и въ зноѣ мечъ закаляя,
Спать на соломѣ, бдѣть до зари;
Тысячи воинствъ, стѣнъ и затворовъ,
Съ горстью Россіянъ все побѣждать?

Быть вездѣ первымъ въ мужествѣ строгомъ,
Шутками зависть, злобу шпыкомъ,
Рокъ низлагать молитвой и Богомъ,
Скипетры давая, зваться рабомъ,
Доблестей бывъ страдалецъ единыхъ,
Жить для Царей, себя изнурять?

Digitized by Google

Эти стихи не могли привлечь къ то время благосклонной улыбки; но что ему было за дѣло до того: онъ благоговѣлъ передъ памятью героя, имъ прославленнаго! Такъ память Шувалова всегда была священна нашему поэту. Но не одна благодарность — все великое и прекрасное увлекало Державина. Такъ, напримѣръ, онъ почтилъ стихами память Хвостова и Давыдова, юныхъ героевъ, погибшихъ несчастно (*), и, какъ юный пѣвецъ, оживлялся всякою славою Отечества, до самой своей кончины. Вѣрный дружбѣ, онъ не зналъ зависти, и радовался каждому успѣху. Прочтите стихи его къ

(*) Жаль, что забвенію преданы донынѣ имена сихъ отличныхъ морскихъ офицеровъ. Неужели не сыщется ни одинъ товарищъ, знавшій ихъ, и могущій разсказать намъ о Хвостовѣ и Давыдовѣ? Они въ молодыхъ лѣтахъ уѣхали въ Россійскую Америку; возвратясь, снова были туда отправлены, и отважно сдѣлали оттуда нападеніе на Японію. Не они были виноваты въ этомъ нападеніи. Но честь подвига ихъ погибла въ несправедливомъ обвиненіи—подвига славнаго, заставившаго Японію трепетать. Читайте для удостовѣренія въ этомъ Записки Головнина и Рикорда. Обвиненіе очищено было подвигами ихъ въ войнѣ Финляндской, гдѣ показали они изумительную храбрость. По возвращеніи въ Петербургъ, Хвостовъ и Давыдовъ утонули вмѣстѣ въ Невѣ, отважно думая перебѣжать по Исакіевскому мосту, когда ночью онъ былъ разведенъ, и проходилъ сквозь него корабль. Странная, замѣчательная судьба!

Digitized by Google

Карамзину и Озерову, дышащіе искреннимъ, радостнымъ участіемъ къ юнымъ тогда дарованіямъ сихъ литераторовъ.

Да, Державинъ можетъ служить новымъ свидѣтельствомъ, что душа истиннаго поэта, заимѣвшись иногда тучами страстей, всегда свѣтится лучами солнца, изъ за тучъ видимаго; что назначеніе поэта всегда проявится, какъ-бы ни стѣсняла его жизнь, какъ-бы ни ошибался онъ въ самомъ себѣ, проявится и въ маломъ, въ томъ, что онъ успѣетъ сдѣлать; что всегда жизнь поэта представляетъ намъ урокъ высокій, поучительный не менѣе его поэзіи, и что вполнѣ тогда только узнаемъ мы поэта, когда разсматриваемъ *какъ* и *когда* онъ жилъ. Передъ гробницею Державина, смѣло преклонись, пылкій юноша: ты не постыдишь себя, преклоняясь передъ нимъ, какъ предъ человѣкомъ и поэтомъ —

Боговъ пѣвецъ
Не будетъ никогда подлецъ (*)!

Скажи это смѣло, и внимай голосу Державина:

Необычайнымъ я пареньемъ
Отъ тлѣнна міра отдѣлюсь,
Съ душой безсмертною и пѣньемъ,
Какъ лебедь, въ воздухъ поднимусь!

(*) Соч. Державина, ч. I, стр. 231.

Digitized by Google

Въ двоякомъ образѣ неплѣнный,
Не задержусь въ врагахъ мышарскихъ;
Надъ завистью превознесенный,
Оставлю подъ собой блескъ царскихъ.

Да, такъ! Хотъ родомъ я неславенъ,
Но, будучи любимецъ Музъ,
Другимъ вельможамъ я не равенъ,
И самой смерти предпочтусь!

Не заключитъ меня гробница,
Средь звѣздъ не превращусь я въ прахъ,
Но, будто нѣкая цѣвница,
Съ небесъ раздамся въ голосахъ!...

(Окончаніе впредь.)

Digitized by Google

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Русская литтература.

— *Брошюрки.* Издаваемыя Иваномъ Кронебергомъ. N° VIII. Харьковъ. Въ Университетск. тип. 1832. 188 стр. in-8.

Всегда съ удовольствіемъ извѣщаемъ мы читателей нашихъ о появленіи новыхъ *Брошюрокъ* Г-на Кронеберга, ибо всегда сами съ удовольствіемъ прочитываемъ ихъ. Сочиненія, выписки и своды, изъ коихъ составляется содержаніе *Брошюрокъ*, имѣютъ рѣдкое въ Русскихъ книгахъ достоинство: пробуждать мысли. Мы не во всемъ согласны съ Г-мъ Кронебергомъ, часто споримъ съ нимъ, но всегда находимъ въ немъ писателя ученаго, мыслящаго. Новый N° *Брошюрокъ* послужитъ новымъ доказательствомъ сего.

Маргиналіи и Выписки: таково отдѣльное заглавіе VIII книжки *Брошюрокъ*. Это выписки, изъ разныхъ книгъ, а иногда и довольно подробные разборы твореній замѣчательныхъ. Почти всѣ они относятся къ тремъ предметамъ: Изученію Египта,

Digitized by Google

Археологіи и Философіи. Не говоря о двухъ первыхъ, гдѣ собрано множество свѣдѣній любопытныхъ и освѣщенныхъ взглядомъ знатока, мы обратимъ особенное вниманіе читателей на большую статью, касательно извѣстной книги Кузена: Introduction à l'histoire de la Philosophie. Хотя Г-нъ Кронебергъ оспориваетъ разбираемаго имъ Автора, можно сказать на всякомъ шагу, но статью его не льзя назвать критикой. Прежде всего скажемъ, что неприятное чувство производитъ тонъ, въ какомъ пишетъ Г-нъ Кронебергъ о Кузенѣ. Не должно терять уваженія ни къ какому разбираемому Автору; тѣмъ болѣе къ Автору каковъ Кузенъ, оказавшій незабвенную, прочную услугу своему отечеству, ознакомленіемъ онаго съ истинною Философіей.

Согласимся, что человѣкъ, окрѣпшій въ борьбѣ съ желѣзными рыцарями Нѣмецкой Философіи, можетъ быть, имѣетъ право усмѣхнуться читая плодовитыя фразы Кузена, облекающія такія положенія, которыя для Нѣмцевъ совершенно ясны въ двухъ словахъ. Согласимся и съ тѣмъ, что въ выводахъ его можно отыскать ошибки, и что начала Науки изложены имъ не въ строгомъ философическомъ порядкѣ. Но, скажите: развѣ ищете вы идеальнаго совершенства въ импровизаціяхъ Кузена? Развѣ забыли вы, *кому* читалъ Кузенъ свои лекціи? Французамъ, Парижанамъ, коихъ умственная организація и прежній умственный бытъ, то есть Исторія, столь живо отразились въ Философіи Кондильяка и въ Трагедіяхъ Расина. Могъ-ли Кузенъ

Digitized by Google

ввести их въ преддверіе храма Науки такъ-же, какъ вводили своихъ учениковъ Кантъ, Фихте, Шеллингъ, Гегель? Первая обязанность каждаго писателя, и, еще болѣе, Профессора, быть понятнымъ. Спрашиваю: если-бы Кузенъ сталъ читать лекціи свои на языкѣ Брамановъ, многіе-ли поняли-бы его? Но языкъ Нѣмецкихъ Философовъ конечно былъ-бы для Парижанъ непоняшнѣе Санскритскаго, Китайскаго и Еврейскаго. Справедливо-ли послѣ сего нападаетъ Г-нъ Кронебергъ на Кузена за восклицаніе: La charte contient tous les élémens de l'histoire, de la pensée et des choses? Кузенъ самъ Французъ и говорилъ Французамъ.

Условіе сообразности съ слушателями еще сильнѣе говоритъ за Кузена, если мы коснемся методы его. Онъ избралъ *Исторію* Философіи, и въ изложеніи оной хотѣлъ найдти самую *Философію*. Г-нъ Кронебергъ возражаетъ: «Исторія предмета «не есть самый предметъ; предметъ отражается «въ своей исторіи, какъ въ зеркалѣ; но зеркало, «отражающее предметъ, не есть отражаемый имъ «предметъ, и между ими нѣтъ тожества. Рефе«рентъ Философіи не есть философъ, а raisonner «не есть еще философствовать.» Кузенъ долженъ былъ познакомить своихъ слушателей съ предметомъ, совершенно новымъ для нихъ, и потому руководствовался тою-же мыслію, которую самъ Г-нъ Кронебергъ сказалъ приступая къ Исторіи Эстетики: «Познакомимся напередъ съ проис«хожденіемъ сей науки, съ разными понятіями, «которыя съ оною сопрягали, съ успѣхами ея «и нынѣшнимъ ея состояніемъ. Изъ сего явствo-

«вашъ будетъ, чего по сіе время искали, чего «искать не должно и въ чемъ собственно состоитъ задача Эстетики.» (*Брош.* N° 6-й, стр. 6-я). Какимъ-же образомъ хотѣлъ Г-нъ Кронебергъ показать: въ чемъ состоитъ задача Эстетики, если исторія предмета не есть самый предметъ, но есть если это лишь разсказы о томъ, какъ другіе глядѣли на сей предметъ? Мы думаемъ, что въ изложеніи наукъ философическихъ, исторія оныхъ есть лучшее средство къ введенію въ науку, ибо въ исторіи, предметъ и задача науки являются въ постепенномъ развитіи своемъ, и слѣдственно самый предметъ есть главное, а взгляды на него суть принадлежности постороннія, преходящія. Посему не только не должно осуждать Кузена за то, что въ Исторіи Философіи хотѣлъ онъ найдти самую Философію, но не льзя не удивляться проницательности, съ какою примѣнялся онъ къ своей аудиторіи.

Изложеніе, метода, конечно стороны важныя въ представленіи Науки; однакожь не они составляютъ главное. Вѣрны-ли основанія Кузена, то есть сообразны-ли они настоящему состоянію Науки? Можно быть неяснымъ, сбивчивымъ въ изложеніи, и въ тоже время оставаться вѣрнымъ основаніямъ Науки. Приведемъ въ примѣръ Русскаго Писателя, Г-на Галича: онъ не знаетъ читателей своихъ, не знаетъ и ясности въ изложеніи, но никто не откажетъ ему въ прочности и вѣрности его основаній. Г-нъ Кронебергъ не находитъ въ Кузенѣ и сего достоинства. Онъ даже не признаетъ его философомъ. «Кузенъ эклектикъ—

Digitized by Google

говоритъ онъ. — Эклектизмъ чуждъ всякой системы. Эклектика едва-ли можно назвать философомъ въ строгомъ смыслѣ слова.» Намъ кажется приговоръ сей излишне строгимъ. Кто-жъ не эклектикъ, въ строгомъ смыслѣ слова? — спросимъ мы въ свою очередь, и скажемъ словами Г-на Кронеберга: « Всякая философская система есть съ одной стороны послѣдствіе и дальнѣйшее развитіе предшествовавшей.» Кузенъ эклектикъ въ своей Исторіи Философіи, но въ тоже время онъ философъ, хотя и не самобытный. Его не льзя поставить на ряду съ исполинами Философіи Нѣмецкой, которую мы готовы вмѣстѣ съ Г-мъ Кронебергомъ назвать Философіею *Всеобщею*; но за то, безъ сомнѣнія, онъ первый Профессоръ истинной Философіи во Франціи. Въ семъ-то смыслѣ заслуживаетъ онъ уваженіе великое, потому что быть первымъ человѣкомъ въ своемъ отечествѣ, по какой-бы то ни было части, дѣло великое! Жалѣемъ, что обстоятельства не позволяютъ намъ войдти въ разсмотрѣніе сужденій, находящихся въ статьѣ Г-на Кронеберга. Мы принуждены ограничиться изложеніемъ мнѣнія нашего о Кузенѣ вообще, и сказать также вообще, что не можемъ согласиться почти ни съ однимъ опроверженіемъ Г-на Кронеберга.

Въ заключеніе, Г-нъ Кронебергъ упоминаетъ о статьѣ Лерминье, напечатанной въ Revue des deux mondes, и говоритъ, что она много поясняетъ философствованіе Кузена. Это ужь слишкомъ! Пристрастныя, желчныя сужденія Лерминье о многихъ отличныхъ людяхъ, называемыхъ во Франціи *Док-*

Digitized by Google

доктринерами, показываютъ лишь то, до какой степени можетъ ослѣплять духъ партій. Да, всѣ *Письма къ Берлинцу*, напечатанныя въ Revue des deux mondes, внушены духомъ партіи. Посмотрите, *тѣмъ* опровергаетъ Лерминье Философію Роайе-Колара, Гизо, Кузена, и другихъ: ихъ поведеніемъ, ихъ, такъ сказать, домашнею жизнью! Но какая мнѣ надобность знать, что Гизо былъ Секретаремъ Аббата Монтескіу, а Кузенъ сидѣлъ въ Берлинской тюрьмѣ и учился у Нѣмецкихъ Профессоровъ?.. Они измѣнчивы и въ поступкахъ и въ образѣ мыслей, говорятъ мнѣ. Тѣмъ хуже для нихъ, но тѣмъ не менѣе книги ихъ останутся памятниками ума и учености. Они сдѣлали много добра для Французовъ, распространили много истинъ, и еще болѣе навели на свѣтъ истины многихъ, ходившихъ во тмѣ, и въ томъ числѣ самого Лерминье, отступника отъ всѣхъ философовъ, впрочемъ лишь на словахъ. Лерминье былъ и *Доктринеромъ* и *Сенъ-Симонистомъ*, и теперь хочетъ показать себя философомъ самобытнымъ. Не въ укоръ ему говоримъ сіи истины, и не перестаемъ уважать въ немъ ученаго, умнаго Профессора Правъ, но просимъ позволить намъ послѣ этого не во всемъ довѣрять сужденіямъ его о Доктринерахъ. Политическія современныя страсти не имѣютъ ни малѣйшаго значенія въ глазахъ философа. Можетъ быть и Кузенъ, и Гизо, не годятся для политическаго поприща; можетъ быть они и во всѣхъ отношеніяхъ кончили поприще свое. Но заслуги ихъ останутся незабвенны. Современники сожгли Джіордано Бруно; наши современники Французы жгутъ на огнѣ политическихъ мнѣній

Digitized by Google

Кузена и Докприпперовъ. Но для насъ не существуютъ ихъ отношенія, и потому-что не смотря на критику Лерминье, которая такъ-же мало значитъ на вѣсахъ истины, какъ бумага, на которой она писана, Кузенъ останется въ Исторіи, ибо онъ былъ распространителемъ истинной Философіи среди великаго народа.

— *Плаваніе вокругъ Свѣта на шлюпѣ Ладогѣ, въ 1822, 1823 и 1824 годахъ.* Шлюпомъ начальствовалъ Капитанъ-Лейтенантъ Андрей Лазаревъ, нынѣ Капитанъ 1-го ранга, Его Императорскаго Величества Флигель-Адъютантъ. Издано по Высочайшему повелѣнію. СПб. 1832. Въ Морской т. 275 стр. in-8. Съ картою.

Путешествіе вокругъ свѣта! Какой испанскій, невообразимый подвигъ, и какъ равнодушны сдѣлались мы въ настоящее время къ сему подвигу! Такъ просвѣщеніе ведетъ ко всему великому, и сближаетъ людей съ предпріятіями, которыя казались предкамъ ихъ чудесами. Желаемъ, чтобы скорѣе познакомилось человѣчество со всѣми подвигами добра и славы, и чтобы наконецъ можно было назвать неправдою старую Испанскую пословицу: « Скорѣе найдешь человѣка, который съѣздитъ кругомъ свѣта, нежели встрѣтишь праведнаго судью и неразвратнаго гидалго. » Въ простотѣ сердца, мы надѣемся, что скоро у самихъ Испанцевъ правосудіе и благородство будутъ такъ-же передки, какъ у насъ плаванія кругомъ Свѣта.

Digitized by Google

Читателямъ нашимъ извѣстно, что съ 1804 года, когда Крузенштернъ и Лисянскій совершили первое *Русское* путешествіе кругомъ свѣта, почти каждый годъ отправляются Русскіе корабли въ сей далекій и многотрудный путь. Главнымъ предметомъ сихъ путешествій бываетъ снабженіе колоній Россійско-Американской Компаніи потребными вещами, и вывозъ оттуда пушныхъ товаровъ. Для сего обыкновенно отряжаются офицеры Россійскаго флота. Въ 1822 году назначенъ былъ А. П. Лазаревъ начальникомъ шлюпа *Ладога*, и вмѣстѣ съ фрегатомъ *Крейсеромъ* отправился 18 Августа изъ Кронштата. Путешественники наши плыли впередъ мимо Мыса Доброй Надежды, а обратно мимо Мыса Горна. Они были въ Ріо-Жанейро (два раза), у Вандименовой земли, на островѣ Отаити, въ Камчаткѣ, въ Американскихъ колоніяхъ нашихъ, въ Калифорніи, у Фалкландскихъ острововъ, и проч. Сколько странъ и предметовъ любопытныхъ для просвѣщеннаго Европейца! И сколько опасностей, трудовъ. Послѣ сего, самыя поверхностныя замѣтки путешественниковъ должны быть драгоцѣнны. Впрочемъ, описанія путешествія Г-на Лазарева не льзя назвать поверхностнымъ. Онъ описываетъ многіе предметы подробно, сообщаетъ о нихъ историческія свѣдѣнія, и умѣетъ занять читателя своимъ описаніемъ. Вообще пріятно бесѣдовать съ человѣкомъ, странствовавшимъ два года и пять мѣсяцевъ среди Океана и среди народовъ подъ всѣми градусами, посѣтившимъ *крайніе предѣлы міра*, какъ говаривали наши старики, и проѣхавшимъ два раза черезъ экваторъ. Но тѣмъ болѣе пріятенъ

Digitized by Google

разсказъ о такомъ путешествіи человѣка просвѣщеннаго. Въ книгѣ Г-на Лазарева, кромѣ любопытнаго разсказа о самомъ путешествіи, читатель найдетъ много свѣдѣній Географическихъ и Статистическихъ. Указываемъ на замѣчанія о Бразиліи, Вандименовой землѣ, Русско-Американскихъ колоніяхъ, Камчаткѣ, Отаити. Какъ весьма любопытное замѣчаніе, выписываемъ слѣдующія слова Г-на Лазарева:

«По кратковременному пребыванію моему во владѣніяхъ Американской Компаніи, я не могъ подробнѣе узнать состоянія здѣшней колоніи, и потому оканчиваю описаніе оной слѣдующими, въ нѣсколькихъ строкахъ изложенными замѣчаніями. Отличное усердіе, мудрыя распоряженія и неусыпное стараніе Главнаго Правителя къ пользѣ Компаніи, укрѣпляютъ владычество ея въ столь отдаленномъ мѣстѣ. По мнѣнію моему, надлежало-бы опредѣлить безбѣдное содержаніе жалкимъ Алеутамъ (*), по сіе время не получающимъ даже и хлѣба, увеличить силы и имѣть полное довѣріе къ Правителю; такимъ образомъ укротилось-бы звѣрство народа, окружающаго колоніи, а со временемъ и самая покорность его вознаградила-бы потребныя на сіе издержки; строгое правосудіе, дѣятельная и честная

(*) Нынѣ, при случаѣ открывающихся въ праздное отъ промысла время работъ, на кои и они употребляемы, платятъ имъ за каждый день по 1 рублю. *Замѣч. Г-на Л.*

Digitized by Google

торговля съ Колошами умножили-бы выгоды (чему доказательствомъ можетъ служить здѣшняя промышленность судовъ Соединенныхъ Штатовъ); утвержденное-же право распространило-бы славу Компаніи и доставило довѣріе отъ извѣстныхъ торговыхъ обществъ.

«Выгоды торговли удерживаютъ Россіянъ въ семъ отдаленномъ краѣ, но жизнь каждаго изъ нихъ ежеминутно подвергается опасности; Колоши никогда не упускаютъ случаевъ убивать Рускихъ, которыхъ они почитаютъ своими врагами и притѣснителями, пришедшими властвовать на ихъ землѣ и похищать ихъ достояніе. Хотя отъ всѣхъ сосѣдственныхъ Американцевъ взято по нѣскольку аманатовъ изъ дѣтей сильнѣйшихъ Тоіеновъ, и коихъ содержатъ на островѣ Кадьякѣ, совершенно безопасномъ отъ ихъ нападенія и набѣговъ, впрочемъ и сіе средство недостаточно къ удержанію кипящей ихъ злобы. Въ 1820 году они потребовали возвращенія своихъ аманатовъ, и Правитель колоніи, по причинѣ слабаго тогда состоянія крѣпости, принужденъ былъ удовлетворить ихъ требованію, чего конечно не сдѣлалъ-бы, если-бы Компанія содержала нужныя силы.

«По вышеупомянутой причинѣ, т. е. по кратковременному моему пребыванію, я не могъ пріобрѣсть достаточнаго свѣдѣнія о произведеніяхъ здѣшняго климата. Горы въ Ситхѣ покрыты столѣтними елями, лиственницею и душистымъ деревомъ, изъ рода кипарисовъ; на отлогихъ берегахъ

Digitized by Google

растутъ еще ольха и дикія яблони, между которыми въ ложбинахъ, по словамъ промышленниковъ, родится водяница, малина и проч. Въ лѣсахъ много дикихъ козъ (эмановъ), коихъ мясо, за недостаткомъ лучшаго, почитается вкуснымъ. Кромѣ рыбы, здѣсь въ большомъ употребленіи особый родъ черепокожныхъ, извѣстныхъ подъ названіемъ: мамай; изъ нихъ приготовляютъ питательный супъ. Птицъ вообще весьма много, и рѣдкихъ не мало, не говоря о сорокахъ съ синимъ хохолкомъ, черныхъ воронахъ, чайкахъ и бѣлоголовыхъ орлахъ; надобно сказать, что гуси и разныхъ родовъ утки находятся въ большомъ количествѣ, которое впрочемъ, во время нашего пребыванія, значительно уменьшилось, по причинѣ наступившаго холода. »

— *Эрпели и Чиръ-Юртъ*. Двѣ поэмы А. Полежаева. М. Въ т. Лазаревыхъ Института. 1832. 132 стр. in-12.

Недавно говорили мы о дарованіи Г-на Полежаева. Новыя поэмы его могутъ служить подтвержденіемъ сказаннаго нами, не смотря на то, что онѣ писаны слишкомъ небрежно. « Среди ежедневныхъ « стычекъ и сраженій, при разныхъ мѣстахъ въ Чеч« нѣ, въ шуму лагеря, подъ кровомъ одинокой па« латки, въ 12 и 15 градусовъ мороза, на снѣгу, « воспламенялъ я воображеніе свое подвигами про« шедшей битвы, достойной примѣчанія въ лѣто« писяхъ Кавказа, и въ 11 дней написалъ Чиръ« Юртъ » — говоритъ Сочинитель. Le temps ne fait

Digitized by Google

rien à la chose, можно было-бы повторить всякому другому; но въ отношеніи къ Г. Полежаеву, слова сіи были-бы неумѣстною несправедливостью. Досугъ, необходимый для отдѣлки изящнаго творенія, могъ-бы улучшить поэмы Г-на Полежаева; но что дѣлать, если вовсе нѣтъ досуга? Если и сегодня, и завтра, и черезъ мѣсяцъ, и черезъ годъ, все одна перспектива лагерной тревоги и казарменной суматохи, разнообразимыхъ лишь кровавыми стычками съ Горскими разбойниками? Между тѣмъ вдохновеніе не ждетъ: оно приходитъ къ поэту и среди снѣговъ и въ жару пылкой битвы. Въ такомъ случаѣ, поэтъ долженъ дѣлиться съ читателемъ своими произведеніями въ дикой корѣ ихъ, а читатель не быть взыскательнымъ.

Изъ вышеприведенныхъ словъ Сочинителя можно видѣть, въ чемъ заключается содержаніе *Чиръ-Юрта*: это, такъ-же какъ и *Эрпели*, поэтическое описаніе битвъ и подвиговъ Закавказскихъ, оживленное картинами военной жизни среди Кавказа, и чувствованіями поэта. Многія мѣста въ нихъ прекрасны, хотя мы не назвали-бы поэмами ни *Чиръ-Юрта*, ни *Эрпели*, ибо поэма должна составлять общность извѣстнаго рода, а въ яркихъ картинахъ Г-на Полежаева мы не видимъ этого. Но все сіе искупаетъ сила и красота многихъ стиховъ. Вотъ нѣчто для примѣра:

Походъ Маршъ, маршъ по отдѣленьямъ!
Развились лентой Казаки,
И съ непонятнымъ впечатлѣньемъ,
Безмолвно тронулись полки.

Digitized by Google

Зарядъ на полкѣ, все готово!
На сердцѣ дума: вѣрно въ бой!
Но вопросительнаго слова
Не знаетъ Русскій рядовой.
Онъ знаетъ: съ нами Вельяминовъ —
И вѣритъ счастливой звѣздѣ.
Отрядъ покорныхъ исполиновъ
Ему сопутствуетъ вездѣ.
Онъ зналъ его давно по слуху,
Давно въ лицо его узналъ! ..
Такъ передать отважность духу
Умѣетъ Русскій Аннибалъ!
Онъ нашъ, онъ сладостной надеждѣ
Своихъ друзей не измѣнилъ;
Его, въ грозу войны, какъ прежде,
Намъ добрый геній подарилъ! (Стран. 92).

Иногда Поэтъ нашъ, столь часто задумчивый и грустный, перемѣняетъ струны лиры и оживляется своею обычною веселостью:

Что-жь будетъ памятью Поэта?
Мундиръ? Не можетъ быть! Грѣхи?
Они оброкъ другаго свѣта...
Стихи, друзья мои, стихи!
Найдутъ въ углу моей палатки
Мои несчастныя тетрадки,
Клочки, четвертки и листы,
Души тоскующей плоды,
И первой юности проказы.
Сперва, какъ должно, отъ заразы
Ихъ осторожно окурятъ,
Прочтутъ строкъ десять въ тихомолку...
. . . . . .

Digitized by Google

А вы, надежды, упованья
Честолюбиваго мечтанья,
На зло холерѣ и судьбѣ,
Вы не погибнете съ страдальцемъ:
Увидитъ чтецъ иной подъ пальцемъ
Въ моихъ тетрадкахъ А. и П,
Попроситъ ласковыхъ хозяевъ
Значенье литеръ пояснить —
И мнѣ-ль забвеннымъ, мнѣ-ли быть?
Ему отвѣтятъ: Полежаевъ!
Прибавятъ, можетъ быть, что онъ
Былъ добрымъ сердцемъ одаренъ,
Умомъ довольно своенравнымъ,
Страстями, жребіемъ безславнымъ,
Укоръ и жалость заслужилъ,
Во цвѣтѣ лѣтъ безъ жизни жилъ,
Безъ смерти умеръ въ бѣломъ свѣтѣ. . . .
Вотъ память добрыхъ о Поэтѣ!

Не льзя не замѣтить, что Поэмы Г-на Полежаева изданы чрезвычайно неисправно. Отсутствующій Поэтъ не могъ смотрѣть за печатаніемъ, и за то Издатель наполнилъ книгу его такими ошибками, что смѣхъ и горе! Не говоримъ уже о словахъ, напечатанныхъ неисправно: *Понихида*, *Каза-Мулла*, *Коза-Мулла.*, *надѣжда* — это еще ничего! Но многіе стихи исковерканы и даже лишены смысла; напримѣръ:

Не *изпытая* вражьихъ пуль. (Стр. 70).
И по обычаю на полку
Къ другимъ *пищалъ* переселятъ. . . (Стр. 71).

Digitized by Google

Какое слово разумѣлъ Издатель печатная шесть буквъ : *пищамъ ?*

Достойный видъ въ нихъ привѣшъ,
Ничтожный — чести приговоры! (Стр. 93).

Тутъ нѣтъ ни стиховъ, ни смысла. Непріятно и читателю спотыкаться на такомъ безграмотствѣ корректора; каково-же Поэту увидѣть свои стихи столь обезображенными ?

— *Повѣсти и Сказки для дѣтей*, Анны Зонненгаъ, Издательницы *Повѣстей для дѣтей перваго и втораго возрастовъ*. СПб. Въ т. А. Смирдина, 1832. 233 стр. in-12.

Первоначальное воспитаніе дѣтей принадлежитъ преимущественно женщинамъ. Не одно врожденное имъ, тихое, неизмѣримое чувство любви, оказывающейся въ попеченіяхъ о дитяти, но и самыя способности умственныя налагаютъ на нихъ сію обязанность. Только женщина можетъ тонко и вѣрно постигнуть требованія дѣтскаго ума, и направить стремленіе онаго къ общей цѣли воспитанія — къ развитію способностей умственныхъ. Многія сочиненія, изданныя женщинами для дѣтей, подтверждаютъ сіе мнѣніе, и къ однимъ изъ лучшихъ доказательствъ онаго принадлежатъ *Повѣсти*, издаваемыя Г-жею Зонненгаъ. Мы говорили, въ свое время, объ изданныхъ ею, безъ означенія имени Автора, *Повѣстяхъ для дѣтей перваго и втораго возрастовъ*. Нынѣ напечатанныя *Повѣсти* усугубля-

Digitized by Google

ютъ наше уваженіе къ сей почтенной писательницѣ. Не льзя лучше понять требованій дѣтскаго ума! Изобрѣтеніе, разсказъ, слогъ, все соотвѣтствуетъ въ сей книгѣ назначенію оной. Съ особеннымъ удовольствіемъ рекомендуемъ новый трудъ Г-жи Зонтагъ. Читая *Повѣсти* ея, дитя будетъ учиться и нравственности, и жизни, и языку.

Изданіе сей книги исправно и опрятно. Ко многимъ разсказамъ приложены каршинки, хорошо выгравированныя. Это новое достоинство.

— *Нѣмецкая Грамматика*, изданная Ю. Ульрихсомъ. *Изданіе пятое*, съ исправленіемъ. Печатана съ изданія 1829 года. М. Въ Университетской т. 1832. IV и 132 стр. in-8.

Не считаемъ нужнымъ изъяснять достоинства сей прекрасной учебной книги. Четыре изданія оной, вѣроятно, дали средство многимъ узнать Нѣмецкій языкъ основательно. *Пятое изданіе* было необходимо, ибо *Нѣмецкая Грамматика* Г-на Ульрихса, конечно есть лучшая изъ всѣхъ, изданныхъ на Русскомъ языкѣ Нѣмецкихъ Граммашикъ, и въ книжныхъ лавкахъ не оставалось ея, съ нѣкотораго времени, почти ни одного экземпляра.

Digitized by Google

ЖИЗНЬ и ПОДВИГИ МОНТІОНА (*).

Анцуанъ-Жанъ-Батистъ-Роберъ Оже де Монтіонъ родился въ Парижѣ, 23 Декабря 1733 года; умеръ тамъ-же, 29 Декабря 1820 года.

О немъ-то можно сказать: онъ совершалъ земное поприще разсыпая благодѣянія на пути своемъ. Transivit benè faciendo.

Иногда цѣлые города, иногда цѣлыя области чувствовали силу его благотворительности, которою управляли необыкновенныя свѣдѣнія, ибо онъ былъ искусный и благоразумный правитель; иногда онъ разсыпалъ щедрые дары людямъ частнымъ, и почти всегда подъ покровомъ неизвѣстности, стараясь скрывать свои похвальныя дѣянія почти столько-же, сколько иные небрегутъ скрывать свои непохвальныя дѣйствія.

(*) Монтіонъ принадлежитъ къ числу тѣхъ друзей человѣчества, которыхъ имена должны быть извѣстны всякому. У насъ, въ газетахъ, часто встрѣчается имя Монтіона, который благотворитъ и по смерти своей, но совсѣмъ неизвѣстны его подвиги. Читатель увидитъ ихъ изъ сей статьи. *Изд.*

Digitized by Google

Въ 1768 году ему было поручено управленіе Оверньскою областью. Онъ заслужилъ тамъ признательность, почтеніе и любовь всѣхъ жителей, особенно бѣдныхъ; онъ спасъ всю область отъ бѣдствій ужаснаго неурожая; онъ доставилъ работу и средства существованія рабочимъ людямъ. Чтобы дать имъ занятіе, онъ заставилъ ихъ въ двухъ городахъ, Орильякѣ и Моріакѣ, устроить гульбища, которыя называются по его имени. Въ обоихъ сихъ городахъ, мѣстныя сословія воздвигли ему памятникъ. Онъ любилъ Оверньскую область, потому что дѣлалъ въ ней добро. Но одному Министру было угодно посадить на мѣсто Монтіона кого-то изъ своихъ тварей, и Монтіонъ былъ отозванъ, къ великому сожалѣнію всей области, и не смотря на просьбы жителей. Министръ показывалъ видъ, будто управленіе Оверньскою областью было ниже дарованій и способностей столь отличнаго правителя; будто приличнѣе было ему дѣйствовать на другомъ, обширнѣйшемъ поприщѣ. Монтіонъ отвѣчалъ, что онъ знаетъ свое управленіе, что онъ былъ тамъ полезенъ; что онъ страшится не имѣть сего преимущества въ какой нибудь другой области. Его не слушали, потому что хотѣли его мѣста; у него отняли это мѣсто, и начали переводить его изъ одного управленія въ другое, сначала въ Марсель, потомъ въ Ларошель. Утомленный столь дурными и несправедливыми поступками, онъ успѣлъ доставить, въ 1774 году, черезъ Мальзерба, записку къ Королю, гдѣ писалъ между прочимъ:

«Съ той поры какъ я имѣю честь быть обле-
«ченнымъ въ сіе званіе (Управляющаго областью),

Digitized by Google

«я три раза терялъ его. Жребій, неслыханный «до меня! Я долженъ быть или самый злой чело- «вѣкъ, или самый несчастливый. . .»

Онъ излагаетъ кратко свое поведеніе въ областяхъ, ввѣренныхъ его начальству, и оканчиваетъ слѣдующими словами:

«Не почитаю нужнымъ прибавлять къ сему изло- «женію никакихъ размышленій, *никакой просьбы*, «никакой жалобы. Впрочемъ, если въ трехъ Депар- «таментахъ, гдѣ служилъ я, найдется *одинъ чело- «вѣкъ*, который можетъ указать на малѣйшую не- «справедливость, сдѣланную мной; если въ сей за- «пискѣ есть *одно событіе*, противное истинѣ, то «я готовъ лишиться *жизни, имѣнія, чести.*»

А. де Монтіонъ.

Король былъ изумленъ. Онъ повелѣлъ написать къ Монтіону письмо, наполненное изъявленіями признательности его. Письмо было написано; только чиновникъ не получилъ прежняго управленія.

До Революціи 1789 года, онъ, не объявляя своего имени, основалъ награду за добродѣтель, и награду за трудъ, полезнѣйшій для нравовъ, предоставивъ Академіи Французской назначеніе и раздачу оныхъ.

Революція уничтожила и Академію и награды.

Монтіонъ оставилъ Францію, потому что огромное состояніе и мѣста, которыя занималъ онъ,

Digitized by Google

подверглн-бы его почти вѣрной смерти, въ несчастный 1795 годъ.

Онъ уѣхалъ сначала въ Женеву, потомъ въ Лондонъ. Въ столицѣ Великобританіи онъ не переставалъ дѣлишься своимъ достояніемъ съ соотечественниками, эмигрантами или плѣнными, потому что различіе мнѣній не препятствовало ему благотворишь.

Воротившись во Францію, онъ занялся возобновленіемъ своихъ прежнихъ наградъ, и прибавилъ къ нимъ новыя.

Мысли его всегда обращались къ бѣднымъ и несчастнымъ. Въ послѣдніе годы своей жизни, онъ употреблялъ ежегодно по пятнадцати тысячь франковъ на выкупъ изъ Mont-de-Piété залоговъ, подъ которые заемъ былъ менѣе пяти франковъ, ибо столь малоцѣнныя вещи могли бышь отданы въ залогъ людьми, доведенными до самой послѣдней крайности.

Онъ обратился къ одному изъ Парижскихъ Меровъ (никогда не называя себя и не дѣлая извѣстнымъ публикѣ), съ предложеніемъ пяти тысячь франковъ преміи, если составится Общество для ссуды денегъ, *безъ всякихъ процентовъ*, ремесленникамъ и земледѣльцамъ. Къ несчастію, на вызовъ Монтіона не отвѣчали и Общество не состоялось.

Все, что изложилъ я здѣсь, извлечено изъ *Жизни Монтіона*, изданной въ 1829 году; но ее должно прочесть всю, если хотимъ узнать этого почтен-

Digitized by Google

наго человѣка. Въ самомъ дѣлѣ нельзя не подумать, что если-бы всѣ богачи дѣлали изъ своего богатства столь хорошее употребленіе, то едва-ли оставались-бы люди бѣдные, или по крайней мѣрѣ не было-бы неутѣшенныхъ, необлегченныхъ.

Какою признательностью обязаны ему всѣ мы, богатые и бѣдные, за добро, имъ сдѣланное, или которое онъ хотѣлъ сдѣлать, или которое еще долго будетъ дѣлать!

Завѣщаніе его достойнымъ образомъ заключило этотъ непрерывный рядъ добрыхъ дѣлъ, продолжавшихся болѣе шестидесяти лѣтъ. Первыя слова сего торжественнаго изъявленія воли трогательны и достойны замѣчанія:

«Прошу Всемогущаго Бога простить меня, что «я не въ точности исполнялъ свои религіозныя «обязанности. *Прошу людей простить меня, что «я не сдѣлалъ имъ столько добра, сколько-бы могъ, «и слѣдовательно сколько долженъ былъ сдѣлать.*»

Въ чемъ обвиняетъ онъ себя? Въ чемъ проситъ прощенія? Не въ томъ, что сдѣлалъ зло: онъ не дѣлалъ его никогда и никому; но въ томъ, что сдѣлалъ недовольно много добра. Услышьте это, богатые и сильные, и помните, что вы виновны, если не дѣлаете людямъ столько добра, *сколько можете, и слѣдовательно сколько должны* дѣлать. Разсмотрите совѣсть вашу, обсудите ваши дѣла и ваши мысли по этому правилу. Довольно-ли часто занимаетесь вы исполненіемъ этого благороднаго и святаго долга? Ваши веселости, ваши тщеславныя, ро-

Digitized by Google

скошныя наслажденія, ваши честолюбивыя предпріятія, ваши замыслы о богатствѣ и удовольствіяхъ оставляютъ-ли вамъ минуту подумать о людяхъ, вамъ подобныхъ, которые страдаютъ, льютъ слезы и умираютъ отъ изнеможенія?

Монтіонъ думалъ о нихъ; онъ искалъ средствъ помогать имъ, улучшать этотъ бѣдный и трудящійся классъ людей, всегда угрожаемый совершенною нищетою. Онъ также думалъ о пособіи неимущимъ. Всѣ награды его суть доказательства постояннаго желанія дѣлать людямъ добро (*).

(*) Награда тому, кто откроетъ *средства сдѣлать какое-нибудь механическое искуство менѣе вреднымъ для здоровья.* Награда тому, кто найдетъ, въ теченіе года, *средство, служащее къ усовершенствованію Медицины или Хирургіи.* Онъ назначилъ особенный капиталъ для награды, ежегодно, *за Статистическій трудъ.* Объ этомъ не упомянуто въ его завѣщаніи, но награда существуетъ. Награда *неимущему Французу, который въ теченіе года совершитъ самый добродѣтельный подвигъ.* Награда *Французу, который сочинитъ и издастъ книгу, самую полезную для нравовъ.* Это награды ежегодныя. Три первыя, по волѣ основателя, назначаются Академіею Наукъ; двѣ послѣднія Академіею французскою. Сверхъ сего, онъ оставилъ каждому изъ Домовъ призрѣнія, въ двѣнадцати округахъ Парижа, ежегодный доходъ, для раздачи *въ награду или пособіе бѣднымъ, которые выйдутъ изъ сихъ домовъ и будутъ дѣйствительно нуждаться въ пособіи.*

Digitized by Google

Монтіонъ возложилъ на обѣ Академіи почетную обязанность.

Поощрять и вознаграждать труды, полезные человѣчеству; изыскивать и чтить добродѣтель въ самомъ смиренномъ, темномъ разрядѣ общества; способствовать чрезъ сіе къ тому, чтобы люди становились лучше и получали услуги. Что можетъ быть пріятнѣе для сердецъ чистыхъ, для душъ возвышенныхъ?

Но Монтіонъ завѣщалъ Академіямъ не одну почесть, но также и обязанности, часто затруднительныя и тяжелыя. Французская Академія не упускаетъ изъ виду ничего, для достойнаго соотвѣтствія волѣ, и для исполненія благихъ намѣреній добродѣтельнаго завѣщателя.

Каждый годъ получаетъ она со всѣхъ концовъ Франціи извѣстія о различныхъ добродѣтельныхъ подвигахъ, представляемыхъ достойными получить установленныя отличія и награды. Къ нимъ прилагаются завѣренія мѣстныхъ Начальствъ и достойнѣйшихъ гражданъ, бывшихъ при томъ свидѣтелями. Какъ ни велика щедрость Монтіона, однакожъ она имѣетъ границы; надобно сдѣлать выборъ изъ сонми состязающихся; надобно тщательно взвѣсить и поступки и побужденія; надобно, такъ сказать, заглянуть въ совѣсть. Какая обязанность! Одинъ Богъ есть непреложный, истинный Судія добродѣтели, ибо онъ одинъ читаетъ въ сердцахъ, и также онъ одинъ даетъ лучшую награду добродѣтели.

Digitized by Google

Въ годовомъ, торжественномъ засѣданіи Академіи, Директоръ провозглашаетъ имена людей, заслужившихъ награды денежныя или медали. Онъ славитъ въ своей рѣчи добродѣтельные подвиги, поставленные въ первый разрядъ, и каждый годъ Академія издаетъ книжку, содержащую въ себѣ извѣстіе обо всѣхъ чертахъ добродѣтели, которыя отличены и награждены. Книжка сія разсылается ко всѣмъ Префектамъ, съ просьбою распространять ее въ Департаментахъ. Добрые примѣры въ свою очередь должны произвести добродѣтельные подвиги.

Чтобы ни говорили, чтобы ни думали нѣкоторыя особы, но есть много добродѣтели въ этомъ классѣ, который глупцы и горделивцы презираютъ по невѣдѣнію своему. Бѣдные, можетъ быть еще больше богатыхъ готовы на добрыя дѣла. Для облегченія людей, бѣдствующихъ подобно имъ, они охотно удѣляютъ изъ самаго необходимаго, тогда какъ богачи не захотятъ лишить себя малѣйшей части излишняго.

Въ послѣднія двѣнадцать лѣтъ, награды Монтіона раздавались постоянно. Можно думать, что онѣ произвели сколько нибудь добра, и способствовали нравственному усовершенствованію общества.

Кто, въ самомъ дѣлѣ, не будетъ тронутъ тѣми поступками, о коихъ я хочу напомнить!

Вотъ извѣстіе, присланное въ Академію въ 1823 году, Аббатомъ Шарпантье, священникомъ прихода de Saint-Jean-Saint-François.

Digitized by Google

Я лишь перепишу его.

Жена водовоза Жакемена, отца трехъ дѣтей (изъ коихъ одинъ нѣмой и колѣка), вырабатывающаго въ день отъ тридцати пяти до сорока су (*), пришла, нѣсколько дней тому, просить о пособіи одной женщинѣ, бѣдной, немощной, лишенной двухъ пальцевъ и не имѣющей силъ доставать себѣ пропитаніе.

— Гдѣ живетъ эта женщина? — спросилъ я.

«У насъ.

— Давно-ли?

«Ужь десять мѣсяцевъ; идетъ одиннадцатый.

— Сколько платитъ она вамъ въ мѣсяцъ или въ день?

«Ничего.

— Какъ ничего?

«Да, такъ, ничего.

— Записана-ли она въ Комитетъ (**)?

«Какъ-же; и я записана, и у дѣтей моихъ есть хлѣбъ. Съ тѣхъ поры какъ она съ нами, я прибавляю побольше супу и мы ѣдимъ вмѣстѣ.

(*) Су, пять копѣекъ Русскихъ. *Прим. Пер.*

(**) Во Франціи учреждены въ каждомъ округѣ Комитеты или Конторы Благотворенія, гдѣ записываютъ бѣдныхъ и раздаютъ имъ каждый мѣсяцъ пособія, очень малыя.

Digitized by Google

— Да, тебѣ не на что дѣлать этого. По крайней мѣрѣ, она обѣщала когда нибудь заплатить тебѣ?

« Не обѣщала, а обѣщаетъ только молиться за насъ.

— Не бранится-ли мужъ твой?

« Мой мужъ говоритъ мало; не говоритъ ничего. Онъ такой добрый!

— Не ходитъ-ли онъ въ кабакъ?

« Никогда. Онъ работаетъ и убиваетъ себя для дѣтей.

— Что, онъ возитъ воду бочкой?

« Нѣтъ, сударь, носитъ ведрами, на коромыслѣ.

— Десять мѣсяцевъ! Это очень долго.

« Она была на улицѣ; попросилась ко мнѣ дни на два или на три; и Жакеменъ и я не можемъ теперь бросить ея. Онъ говоритъ, что другимъ надо дѣлать тоже что себѣ.

— А велико-ли у васъ все помѣщеніе?

« Двѣ комнатки.

— Сколько платите вы за нихъ?

« Я платила сто двадцать франковъ; теперь набавили еще двадцать; это выходитъ по восьми су на день.

— Мнѣ кажется, ты должна-бы просить пособія самой себѣ?

« Я ужь вамъ сказала, что у дѣтей моихъ хлѣбъ ѣсть. Для себя, слава Богу, не прошу ничего. По-

Digitized by Google

куда мужъ и я въ силахъ работать, я поспышусь надоѣдать кому нибудь о себѣ.

— Хорошо, добрая женщина! вотъ тебѣ десять франковъ, для. . .

« О, какъ будетъ счастлива бѣдная госпожа Петрель!

Слезы радости текли изъ глазъ этой благотворительной женщины. Ей хотѣлъ я дать эти десять франковъ, и оставилъ ее въ заблужденіи, что она беретъ не для себя. Это заблужденіе такъ почтенно! . . . .

Аншуанъ Рошъ Маршенъ, въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ пошелъ въ замѣну одного конскрипта. По окончаніи службы, въ 1815 году онъ женился. Семейство жены его было въ крайней бѣдности. Одно несчастіе было тому причиной, ибо семейство сіе состояло изъ немощной матери и трехъ слѣпыхъ дѣтей.

Когда молодой солдатъ сдѣлался сыномъ одной и братомъ другихъ, онъ почелъ себя обязаннымъ, впредь навсегда удовлетворять всѣмъ ихъ потребностямъ. Онъ былъ богатъ и почиталъ за счастіе, что можетъ употребить для нихъ шесть тысячъ франковъ, полученныхъ имъ съ того конскрипта, котораго онъ замѣнилъ. Часть этихъ небольшихъ денегъ употреблена была на покупку хижины, а рожденіе трехъ дѣтей и особенно неурожайные го-

Digitized by Google

ды, 1817 и 1818-й, вскорѣ заставили [illegible] все остальное. Немощная мать, трое маленькихъ дѣтей и трое слѣпыхъ братьевъ требовали попеченій, такъ что жена Маршена не имѣла времени заниматься выработываніемъ денегъ, и работа мужа ея сдѣлалась единственнымъ средствомъ существованія для девяти человѣкъ.

Онъ добывалъ только двадцать су въ день, и, по нѣжному-ли чувству, по благородству души, или можетъ быть по гордости, сродной военному, никогда не хотѣлъ дозволить, чтобы слѣпые братья жены его пошли просить общественной помощи. При ужасномъ недостаткѣ своемъ, онъ почелъ-бы себя достойнымъ порицанія, если-бы семейство его получало пособіе отъ чужихъ. Ему было пріятнѣе отдавать имъ весь хлѣбъ, который доставалъ онъ съ такимъ трудомъ, и подвергаться изнеможенію отъ недостатка въ пищѣ, что и случалось съ нимъ много разъ, во время работы.

Никто не слыхалъ, чтобы онъ жаловался или хвалилъ себя при этомъ. Послѣ столь сильной рѣшительности, преданность его, можетъ быть, осталась-бы неизвѣстною въ иномъ кругѣ кромѣ его деревни, если-бы человѣколюбіе не привело въ хижину Маршена одного достойнаго Хирурга, который хотѣлъ возвратить зрѣніе тремъ слѣпымъ. Къ несчастію, старанія Хирурга не были вознаграждены успѣхомъ; но онъ видѣлъ все, что въ продолженіе десяти лѣтъ дѣлалъ неутомимый отецъ этого многочисленнаго семейства, онъ объяснилъ его нужды, несчастіе, благородные долги, и счи-

Digitized by Google

сливая нескромность сія доставила Академіи свѣдѣніе не объ одной чертѣ добродѣтели, но о цѣлой жизни, которую вознаградить и обнародовать почла она за особенное наслажденіе.

Академія назначила Рошъ-Маршену награду въ десять тысячъ франковъ.

Катерина-Фелисите Гюржи, въ молодости своей призирала одну маленькую сироту, которая была ей очень признательна, была честная дѣвушка, но послѣ имѣла несчастіе встрѣтить человѣка безъ правилъ, эгоиста, не пощадившаго слабаго существа, и, для удовлетворенія своей прихоти, предавшаго ее стыду, раскаянію, бѣдности.

Несчастная жертва, съ нѣкотораго времени пропала изъ виду своей покровительницы, которая вышла за мужъ за Лавердена, и, можетъ быть, спасла-бы ее своими совѣтами. Она узнала отъ посторонняхъ о бѣдствіи молодой Луизы Рейнонъ, отыскала ее и предложила ей пособія и утѣшенія дружбы.

Было уже поздно. Она увидѣла ее страждущую, больную, убитую горестью. Обольститель Луизы былъ человѣкъ женатый, о чемъ онъ ей никакъ не сказывалъ, и она узнала объ этомъ уже послѣ разрѣшенія своего отъ бремени, когда была покинута имъ, вмѣстѣ съ дитятемъ своимъ. Она не могла пережить этого бѣдствія, и послѣ двухъ или трехъ мѣсяцевъ томленія скончалась отъ горести, въ объ-

Digitized by Google

шіяхъ Лаверденъ, препоручивъ дружбѣ ея невинное твореніе, которое оставляла безъ покровителя и защитника.

Лаверденъ дала слово умирающей быть матерью сына ея; сей часъ увидимъ, какъ сдержала она свое обѣщаніе.

Сначала она явилась въ Конторy кормилицъ, внесши деньги за три мѣсяца прошедшіе, и притомъ объявила, что будетъ платить и впередъ.

Когда исполнилось двинати одиннадцать мѣсяцевъ, она выписала его, и съ кормилицею, въ Парижъ; когда ему было семнадцать мѣсяцевъ, она отпустила кормилицу и взяла его къ себѣ.

Мужъ ея охотно согласился быть участникомъ въ добромъ дѣлѣ, не смотря на то, что оно должно было обременить ихъ издержками. Они были простые ремесленники. Лаверденъ занимался портнымъ мастерствомъ; жена его вышивала. Они жили порядочно, скромно, и всѣ хозяева домовъ, у которыхъ нанимали они квартиру, засвидѣтельствовали о ихъ отличномъ поведеніи и честности.

Они воспитали сироту какъ своего сына, и въ дѣтствѣ онъ почиталъ себя ихъ сыномъ. На свой счетъ посылали они его въ школу, заставляли учиться, словомъ, хотѣли дать ему такое воспитаніе, которое доставило-бы ему средства обходиться безъ нихъ и сдѣлать свой жребій независимымъ.

Онъ былъ достоинъ ихъ попеченій. Вступивъ сначала въ *Консерваторію Музыки*, онъ выучился играть на скрыпкѣ и флейтѣ; но учители не находи-

Digitized by Google

ли въ немъ рѣшительной склонности къ этому роду Искуства, и совѣтовали женѣ Лавердена отдать его въ какое нибудь другое ученіе. Тогда отецъ и мать его сдѣлали великое пожертвованіе: они заплатили пять сотъ франковъ одному гравёру, который за эту сумму и за четыре года работы въ его мастерской, взялся выучить мальчика своему искуству; что и было имъ выполнено.

Вышедши изъ ученья, онъ опредѣлился къ другому гравёру; онъ могъ уже добывать себѣ пропитаніе и не былъ болѣе въ тягость Лаверденамъ, но не переставалъ любить ихъ и уважать.

Въ жизни этого молодаго человѣка было время, чрезвычайно прискорбное. Когда онъ достигъ двѣнадцати лѣтъ, и въ первый разъ удостоился Святаго Причастія, Лавердены почли обязанностью сказать ему наконецъ, что онъ не сынъ ихъ, а пріемышъ. Это неожиданное открытіе произвело на молодаго человѣка впечатлѣніе столь глубокое, что онъ сдѣлался боленъ и долго не могъ оправиться.

Къ несчастію, Лаверденъ, будучи шестидесяти двухъ лѣтъ, получилъ припадокъ, чрезвычайно ослабившій его здоровье. Впослѣдствіи болѣзнь усилилась, такъ что онъ уже не могъ занимаиться работою. Жена была должна замѣнить его и еще заботиться о немъ; она уже не могла получать отъ своей работы столько, сколько получала прежде, и въ то-же время мужъ не могъ добывать ничего.

Настала для Реймона очередь быть полезнымъ своимъ благодѣтелямъ, которые въ теченіе двадцати пяти лѣтъ лишали себя всего, для того только, чтобы доставить ему порядочное званіе.

Digitized by Google

Чтобы имѣть болѣе права изъявлять имъ свою признательность, онъ, слѣдуя нѣжному чувству, пожелалъ быть для этого усыновленъ ими. Онъ заклиналъ Лаверденовъ позволить ему принять и носить ихъ имя; онъ хотѣлъ принадлежать имъ законнымъ образомъ и сдѣлаться сыномъ ихъ вполнѣ. Сначала они отрицались; доказывали ему, что это ни мало не увеличитъ взаимной ихъ нѣжности, что формы усыновленія могутъ стоить много денегъ, и что эта издержка будетъ для него безполезна, потому что имѣнія у нихъ нѣтъ и наслѣдства никакого быть не можетъ. Онъ упорствовалъ, и усыновленіе столь рѣдкое (то есть совершенно безкорыстное), было утверждено Королевскимъ Парижскимъ Судомъ, 24 Іюля 1827 года.

Увѣряютъ, что судебныя издержки стоили Реймону по малой мѣрѣ пять сотъ франковъ. Съ трудомъ могъ онъ выполнить такую сумму, потому что онъ не богатъ, и заработки его еще весьма умѣренны. Спрашивается: для чего актъ, который дозволенъ закономъ и можетъ быть внушенъ, какъ въ настоящемъ случаѣ, самыми чистыми, достойными хвалы побужденіями, для чего онъ вовлекаетъ въ столь большія издержки? Неужели хотѣли устранить отъ него бѣдныхъ? Но для нихъ-то и надлежало-бы сдѣлать его легкимъ, потому что у нихъ онъ не бываетъ, какъ у богатыхъ, дѣломъ разсчета и корыстолюбія, безъ всякаго участія сердца.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

Digitized by Google

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ.

Teresa, drame romantique, en 5 actes, d'Alexandre Dumas. Les cancans, vaudeville-folie de Carmouche (Тереза, романтическая драма, въ 5 дѣйствіяхъ, соч. А. Дюмаса. — Сплетни, водевильная шалость, соч. Кармуша). Бенефисъ Г-на Карона, 7 Ноября.

Этотъ спектакль можно было почесть изображеніемъ нынѣшняго состоянія Французской Драмы: большая романтическая трагедія, и маленькій, шаловливый водевиль. — Такъ и въ Парижѣ, съ нѣкоторыми прибавленіями и измѣненіями, недошедшими въ Русь.

Вопросъ, кажется, рѣшенный: *Классическая Трагедія, Классическая Комедія кончились.* Тираны, наперсники, герои, героини, злодѣи, добрые резонёры, благородные отцы, любовники по заказу, хитрые слуги и служанки, Валеры, Клеанты, Кресфонты, Оросманы, Криспины—все прошло! Тщетно ищете въ объявленіяхъ Парижскихъ Театровъ старыхъ знакомыхъ — нѣтъ ихъ! Никакія усилія не возвратятъ *прошедшаго*.

Что-же въ *настоящемъ*? Еще ничего прочнаго, ничего положительнаго. Идетъ еще разгульный пиръ послѣ битвы, на самомъ полѣ сраженія, усѣянномъ трупами Классическихъ твореній и обломками ихъ

Digitized by Google

обиталища. Собралось множество народа: и бойцы, и тѣ, кто прятался въ обозѣ, и тѣ, кто не являлся на битву, и тѣ, кто передался изъ непріятельскаго войска — всѣ тушъ. Обыкновенно, при такихъ пирахъ всего бываетъ вдоволь, все дешево пріобрѣтается, и за ничто продается. Далеко несется шумъ подобнаго пира, и въ смѣшеніи голосовъ не разбереше хорошенько кто поетъ правильно, кто фальшитъ. Иные изъ собесѣдниковъ завладѣли Классическими остатками; другіе городятъ себѣ кое-какъ новыя подставки, и на нихъ располагаются говорить народу; трезвыя начали и говорятъ уже. Народъ плачетъ, смѣется, судитъ, свиститъ, шумитъ.

Въ самомъ дѣлѣ, такова теперь состояніе Французскаго Театра, и — *изліяніе во всемъ*, обыкновенное слѣдствіе всякаго сильнаго переворота, есть отличительная черта его. На сцену пустились со всѣхъ сторонъ, кто съ чѣмъ попало, и всякій ищетъ новаго. Мало того, чтобы разрушить единство мѣста и времени — хотятъ совершенно изуродовать это правило, вывести его изъ всѣхъ предѣловъ; отвергаютъ даже и самое единство дѣйствія — правило всегда необходимое. Мало того, что съ страстей человѣческихъ сняли оковы Классицизма — хотятъ, чтобы страсти сіи походили на бѣшеное страданіе души человѣческой. Мало, что разрушили ложныя сценическія приличія — хотятъ смѣшать всѣ роды Драматической сцены, разрушить даже приличія здраваго смысла, пугать, оглушать зрителей, а не забавлять и не ужасать

Digitized by Google

ихъ только. Не сострадание, но сердечную лихорадку и судороги душевныя почитаютъ цѣлью Трагедіи, не смѣхъ, но хохотъ цѣлью Комедіи, не остроумную шутку, но шалость ума цѣлью Водевиля.

Обо всемъ этомъ вздыхать и горевать не должно—дадимъ свободу; пусть пошалятъ: сами опомнятся. И пожалуй горюйте: развѣ пособите этимъ? — Нимало!—Прошедшаго, повторяемъ, воротить не можетъ никакая сила человѣческая! Размышляющій человѣкъ очень хорошо пойметъ, что своевольство переворота Драматическаго во Франціи продолжится недолго. Нелѣпость осядетъ на дно, или поднимется пѣною на верхъ; истинно-изящное отстоится чистымъ нектаромъ Поэзіи.

Огромность и сила литературнаго переворота такъ были велики, и такъ еще онѣ свѣжи, что изъ всего теперь видимаго во Французской Драмѣ, едвали внесетъ что нибудь Исторія въ вѣковыя страницы своихъ лѣтописей. Это можетъ показаться странно и непонятно. Осуждая такимъ образомъ современную Французскую Драму, надобно вспомнить, что отличные современные писатели занимаются ею. Отъ чего-же происходитъ ихъ неуспѣхъ? Вопросъ, достойный разсмотрѣнія.

Причины неуспѣха есть общія, есть и частныя. Общія мы объяснили, и ихъ можно выразить слѣдующими словами: время борьбы и разрушенія не бываетъ временемъ созданія. — Поговоримъ о частныхъ причинахъ. Не будемъ упоминать объ опы-

Digitized by Google

тахъ Дюпюитрена и Каве, Мериме, и другихъ, названныхъ ими: *Историческія сцены, Современныя сцены.* Подобно Леклерковымъ *Пословицамъ*—это драматизированныя явленія, но не Драма. Все это принадлежитъ еще къ періоду жаркой борьбы противъ Классицизма, начатому Дидеро, Мерсье, Бомарше, подкрѣпленному Шлегелемъ, Г-жею Сталь, *Глобусомъ*, Экштейномъ, *Французскимъ Обозрѣніемъ*, ободренному примѣрами Мелодрамы и Водевиля, Англійскимъ Театромъ въ Парижѣ, и ознакомленіемъ Французовъ съ твореніями Шекспира, Гёте, Шиллера, Кальдерона.

Но теперь—положимъ, что переворотъ былъ великъ, что онъ слишкомъ еще близокъ—теперь однакожъ, когда теорія новой Драмы уже извѣстна, когда новой Драмѣ открыто свободное поприще на сценѣ, когда уже Французы превосходно разсуждаютъ о сущности Драматическихъ твореній—почему эта сущность новой Драмы не можетъ быть ими осуществлена въ образцовыхъ созданіяхъ? Французы и думаютъ и стараются объ этомъ; прошедшій и нынѣшній годъ были даже опыты замѣчательные: въ Іюнѣ 1831 г. была представлена *Маршальша д'Анкръ* (La Maréchale d'Ancre), А. де Виньи; въ Августѣ *Маріона де-Лормъ*, В. Гюго; въ Февралѣ сего года *Людовикъ XI*, К. Делавиня. Всѣ сіи пьесы не удались; всѣ имѣли цѣну только смѣлыхъ попытокъ, хотя всѣ онѣ выходятъ изъ ряду обыкновенныхъ созданій.

Начнемъ, по старшинству литтературному, съ К. Делавиня. *Послѣдній* Классикъ, онъ, какъ человѣкъ съ

Digitized by Google

дарованіями, поддерживалъ Классицизмъ своими пьесами: *Сицилійская вечерня*, *Школа стариковъ*, *Парія*, *Марино Фаліеро*, и *Принцесса Авреліи*. Какъ умный, смѣтливый человѣкъ отрекся онъ отъ Классицизма, и въ *Людовикѣ XI-мъ* хотѣлъ воспользоваться свободою Романтическою. Но, можемъ-ли мы пересоздать себя? Никакъ—и *романтикъ* Делавинь остался тѣмъ-же *классикомъ*, чѣмъ былъ. Все вертится въ новой его пьесѣ на театральной ошпагѣ любовника, на избитыхъ интригахъ Двора, на любви, перемѣшанной съ явленіями Мелодрамы. Людовикъ его что-то въ родѣ тирана Трагедіи и опекуна Комедіи.

Переводчикъ Отелло, А. де-Виньи грѣшитъ въ своей пьесѣ отъ излишества системы. Онъ выдумываетъ, а не создаетъ свою Драму. «Если Искусство есть басня»—говоритъ онъ—«она должна быть философическою баснею.» — Вотъ, какъ отдаетъ онъ отчетъ о своемъ новомъ сочиненіи: «Въ центрѣ круга, какой описываетъ оно, вѣрный взоръ можетъ увидѣть Судьбу, противъ которой мы всегда боремся, которая одолѣваетъ насъ, когда характеръ нашъ измѣняется или ослабѣваетъ, и которая, вѣрнымъ шагомъ, ведетъ насъ къ таинственному концу, и часто къ очищенію, путями, коихъ не льзя предвидѣть. Окрестъ сей главной мысли: власть въ рукахъ женщины, неспособность Двора управлять государственными дѣлами, вылощенная жестокость любимцевъ, нужды и скорбь народа подъ ихъ правленіемъ. Наконецъ, мученія политической совѣсти; обольщеніе, пораженное среди его наслажденій; пѣ-

Digitized by Google

же скорби ему, какихъ оно не жалѣло для другихъ, и послѣ всего слѣдуетъ состраданіе, коего стоятъ всѣ дѣйствующія лица.»

И чтобы все это выразить, логически склеиваетъ Де-Виньи двѣ любовныя интриги, выставляетъ толпу посторонникъ лицъ, вводитъ цѣлыя явленія для нѣсколькихъ эпиграфическихъ словъ. Тутъ Жидъ-богачъ, шалуны придворные, судъ, поединокъ, процессія, идущая къ эшафоду—все есть, кромѣ Драмы, кромѣ того, что хотѣлъ показать Авторъ, и что потерялось у него въ подробностяхъ.

Болѣе всѣхъ приблизился къ Драмѣ В. Гюго. *Кромвель* его и *Гернани* были перчатки, брошенныя имъ передъ противниками. «Посмотримъ: что выдержатъ въ чтеніи и на сценѣ зрители» — говорилъ Гюго, и напечаталъ Кромвеля, а Гернани отдалъ на Театръ. Въ Маріонѣ Де-Лормъ, онъ думалъ уже о Драмѣ, какъ о созданіи правильномъ, имѣющемъ свою цѣль, долженствующемъ представлять нѣчто цѣлое, самобытное, органическое: и въ его Драмѣ есть цѣлость и единство; но эти цѣлость и единство не драматическія. Молодой человѣкъ выходитъ на поединокъ, не смотря на запрещеніе Министра Ришельё. Его берутъ и судятъ — это *Дѣйствіе II*. Противникъ его былъ вѣтреный шалунъ, и по вѣтренности открываетъ себя — это *Дѣйствіе III*. Обоимъ изрѣчена казнь. Маріона выпрашиваетъ имъ помилованіе у слабоумнаго Короля — *Дѣйствіе IV*. Ришельё уничтожаетъ прощеніе. Маріона тщетно уговариваетъ любовника своего бѣжать. Обоихъ по-

Digitized by Google

сдницковъ казнятъ — *Дѣйствіе V.*—Мы не говорили о 1-мъ дѣйствіи: оно приставлено для счета, и заключаетъ въ себѣ свиданіе Маріоны съ любовникомъ, и, мимоходомъ, нападеніе убійцъ, ни къ чему, и ни для чего вставленное.

Маріона—знаменитая Фрина своего времени—лицо отвратительное. Тщетно В. Гюго облекаетъ его въ поэтическую одежду. Здѣсь еще останокъ вражды къ Классицизму, и желаніе дѣлать на зло ему прекраснымъ то, что онъ почиталъ безобразнымъ. Далѣе — на случайности, поединкѣ, на стараніи Маріоны умилостивлять судей и Короля въ пользу любовника, на странной противоположности характера лицъ и дѣйствіи ихъ—не льзя основать творенія великаго. Но Гюго хотѣлъ этого, и—ему не удалось.—Такъ и слѣдовало. Предположимъ, что человѣкъ укушенъ бѣшеною собакою. Разумѣется, что это основаніе можно обставить Драматическими, поразительными подробностями. Но будетъ-ли это *Драма*, созданіе равное по величію Эпопеѣ, такое созданіе, гдѣ въ жизни человѣка раскрываются тайны души человѣческой; гдѣ онъ является въ борьбѣ съ судьбою, и подавляется неравенствомъ борьбы, запутывается въ таинственныхъ узлахъ страстей?—Береше-ли вы для сего историческое событіе? Умѣйте его выбрать, умѣйте разгадать тайну судьбы въ этомъ событіи, и возсоздайте его. Береше-ли вы для сего событіе, совершившееся въ мірѣ фантазіи вашей (такъ можно назвать идею поэта, ибо мысль есть событіе въ душѣ его)? Опять умѣйте выбрать, образовать его, и возсоздать

Digitized by Google

въ вашей Драмѣ. Но ничего этого не сдѣлаете вы, заставивъ человѣка подраться на поединкѣ за пощечину, или заставивъ бѣшеную собаку укусить его. Это не будетъ Драма. И здѣсь ошибка Гюго. Делавинь дѣйствуетъ, какъ Классикъ, Де-Виньи, какъ Философъ, Гюго, какъ Лирикъ, и всѣ ихъ созданія невѣрны и неудовлетворительны. Они только доказываютъ подробностями изложенія, *что* можно сдѣлать съ новыми пособіями Драматическаго искуства. Подробности прекрасны у всѣхъ трехъ, и—если не всѣ, то весьма многія.

Намъ остается ждать, когда явится теперь истинный *Драматическій поэтъ*, который не былъ-бы увлеченъ ни порывомъ лиризма и современности—пороками Гюго; ни памятью стараго—порокомъ Делавиня; ни излишествомъ теоріи—порокомъ Де-Виньи. Можетъ быть, этотъ счастливецъ уже существуетъ; но голосъ его не слышенъ еще, и можно полагать, что въ нашемъ поколѣніи даже трудно явиться такому человѣку. Мы слишкомъ еще близки къ эпохѣ драматической реформы, слишкомъ отчетливо держимся за теоріи, когда начинаемъ создавать, и слишкомъ безотчетны душѣ своей, увлекаемые толпою преданій и повѣрій. Поэту Драматическому надобно надолго уединиться въ самого себя; восторга ему недостаточно—надобно ему глубоко изучать міръ и Природу, а не теорію; надобна Шекспировская отвага думъ, и познаніе всего, что мы узнали послѣ Шекспира. Досугъ-ли намъ, и возможно-ли нашею мѣлкою монетою современности и нашихъ отношеній, купить величіе Драмы . . . .

Но, если мы не удовлетворяемся опытами самыхъ главныхъ драматиковъ новой Франціи, то, повторимъ, что вопросъ о Классической Драмѣ, и о судьбѣ новой Драмы мы почитаемъ однакожъ рѣшеннымъ. «La tragédie est morte la semaine dernière après une longue et pénible agonie—писалъ Планшъ, послѣ представленія *Людовика XI-го*—la tragédie est morte, et l'avénement de la poésie nouvelle avait besoin pour se constater des funérailles de M. Delavigne. Будущая судьба Драмы также видима и понятна. Ея жизнь, ея дѣйствія, ея сила, ея краски, раскрываются изъ всего, что теперь является во Франціи: изъ трагедій, комедій, драмъ, мелодрамъ, историческихъ представленій, водевилей, и даже драматическихъ сценъ, не назначаемыхъ для представленія на Театрѣ.

И всѣмъ этимъ пользуются теперь, и зрители, и драматическіе писатели во Франціи. Для зрителей любопытна самая новизна Драмы, а за сильныя средства новой Драмы, они прощаютъ ея слабую сущность, говоря: будетъ и лучше—пусть пишутъ и придумываютъ.—Писатели довольствуются такимъ одобреніемъ, и пишутъ въ надеждѣ будущаго; они выучились уже пользоваться средствами новой Драмы, и не щадятъ ни себя, ни зрителей. Это стрѣлки, посланные очистить дорогу сильному генію новой Драмы. Оцѣнятъ подвигъ этихъ безстрашныхъ людей, имена которыхъ забудутъ современники, и потомство, хотя они, съ мѣткими своими ружьями, падаютъ на полѣ битвы и умираютъ, какъ умираетъ вождь-побѣдитель, двигавшій громадами воиновъ. Слѣдствія смерти его и мелкихъ бойцовъ не-

Digitized by Google

равны, но для него и для нихъ—смерть равно велика, страшна, поучительна.

Къ числу такихъ, самыхъ отважныхъ, мѣлкихъ бойцовъ новой Драмы принадлежитъ А. Дюмасъ. Онъ не Гюго: не Виньи: не будемъ судить его такъ строго, и требовать отъ него, чего требуемъ мы отъ сихъ людей. Но Дюмасъ человѣкъ съ дарованіями, и въ каждой пьесѣ его найдутся мѣста, положенія, отклики, на которые, хотъ слабо, но всегда отзывается ваша душа. Впрочемъ, онъ и безжалостно пользуется удобствами новой Драмы. Для него нѣтъ ничего невозможнаго и недоступнаго.

До сихъ поръ издалъ Дюмасъ нѣсколько *Историческихъ Драмъ* (*Генрихъ III-й и его Дворъ*; *Стокгольмъ и Фонтенбло*; *Карлъ VII-й*), сочинилъ большое представленіе изъ жизни Наполеона (*Наполеонъ*, или тридцать лѣтъ изъ Французской Исторіи) и двѣ драмы: *Антоній* и *Тереза*.

О первой изъ сихъ пьесъ мы говорили подробно въ Телеграфѣ, и помѣстили сужденія отличныхъ Французскихъ критиковъ о второй пьесѣ. Вообще объ Историческихъ Драмахъ Дюмаса можно сказать, что это недостаточныя усилія смѣльчака овладѣть Историческою Драмою.—Пьесы, въ которыхъ является на сцену Наполеонъ, можно уподобить эстампамъ, изображающимъ Наполеона въ разныхъ дѣйствіяхъ его жизни. Драма тутъ дѣло совсѣмъ постороннее: зрители хотятъ видѣть *Наполеона*, тѣнь его, слышать имя его, и имъ нѣтъ

Digitized by Google

надобности, что говорятъ и дѣлаютъ на сценѣ—имъ надобенъ только сѣрый сюртукъ, низенькая шляпа Наполеона—и довольно! Такъ эстампъ, изображающій Наполеона, вѣсятъ въ рамкѣ на стѣнѣ, и нужды нѣтъ, что этотъ эстампъ не даетъ понятія о Ваграмской битвѣ. Довольно надписи: *Наполеонъ подъ Ваграмомъ* довольно фигуры его, въ толпѣ маленькихъ фигуръ, которыя скачутъ, бѣгутъ, стрѣляютъ. Восторгъ Французовъ при видѣ Наполеона на сценѣ—очень понятенъ. Остается разсмотрѣть Дюмаса въ созданіяхъ его фантазіи, дабы рѣшить вопросъ о мѣстѣ его между Драматиками. *Тереза* можетъ показать всю мѣру дарованій, характеръ этого писателя, и съ тѣмъ вмѣстѣ выгоды романтическихъ нововведеній. Стремленіе, похожее на пылкость дарованія огромнаго, безразсудная отвага въ завязкѣ, развязкѣ, ходѣ пьесы, намекъ характеровъ истинной Драмы, и тѣнь таинственной судьбы, управляющей жребіемъ человѣческимъ—но все это въ мелкихъ отношеніяхъ, набросанное безъ разбора, безъ окончательности, очеркнутое карандашемъ рисовальщика, не кистью живописца. Вотъ Дюмасъ, вотъ его *Тереза*.

Артуръ, молодой человѣкъ, былъ любимъ въ Неаполѣ Терезою, пламенною Итальянкою. Воля отца Терезы разлучила ихъ. Пріѣхавъ въ Францію, онъ хочетъ жениться на дочери Барона Делоне, только что вышедшей изъ пансіона. Дѣвушка эта, прелестное, милое созданіе, обольщаетъ Артура своею кротостью, невинностью, дѣтскою красотою Ихъ

Digitized by Google

обручили. Делоне возвращается изъ путешествія въ Италію. Тамъ женился онъ, и скрывалъ женитьбу отъ дочери и будущаго зятя. Онъ вдругъ представляетъ имъ свою жену, избѣгая тягостныхъ объясненій. Эта мачиха дочери его—*Тереза*.

Артуръ видитъ ее, и чувствуетъ, что любовь его совсѣмъ не погасла. Онъ хочетъ бѣжать, разорвать всѣ связи съ Делоне. Тереза думаетъ, что для побѣды надъ несчастною страстью надобно положить двойное препятствіе, истребить всю надежду. Что за исцѣленіе въ бѣгствѣ, съ адомъ въ душѣ! Почтеніе сына, обязанность къ женѣ, любовь дочери Делоне должны заставить Артура забыть страсть къ Терезѣ. Она сама принуждаетъ Артура жениться на ея падчерицѣ. Увлеченный, растерзанный, Артуръ повинуется.

Слѣдствія понятны. Страсть Артура выходитъ изъ всѣхъ предѣловъ. Ревность Терезы, когда она видитъ любовь падчерицы къ мужу, и разлука, грозившая имъ, заставляютъ ее открыть Артуру, что и онъ любимъ, любимъ ею, по прежнему, пламенно, бѣшено, что она тщетно преборала до нынѣ страсть свою.—Делоне видитъ Терезу грустною, полагаетъ, что грусть ея происходитъ отъ разлуки съ родиною, хочетъ переселиться съ нею въ Неаполь. Оставить соперницу подлѣ Артура... оставить Артура!... Отъѣздъ отложенъ—Артуръ и Тереза преступники....

Делоне возвратился изъ недальней поѣздки, и находитъ дочь свою чрезвычайно разстроенною. Она

Digitized by Google

ошкрываетъ ему подозрѣніе, что Артуръ не любитъ ея, и даже отдаетъ письма, тихонько взятыя ею у мужа. Делоне почитаетъ все это ребячествомъ, хочетъ увѣриться, заглянуть для этого въ таинственныя письма — это переписка жены его съ Артуромъ!—Между тѣмъ собираются гости на балъ. Артуръ является съ ними, веселый, ласковый, и Делоне, въ бѣшенствѣ, узнавъ, что Артуръ осыпанъ почестьми, назначенъ Посланникомъ въ Стокгольмъ, выходитъ изъ себя, оскорбляетъ его при всѣхъ—страшась однакожь произнесть имя Терезы, и открыть настоящую причину своей ярости. — Назначаютъ дуэль. Балъ продолжается. Мученія Делоне ужасны.

Узнавъ въ это время, что дочь его готовится быть матерью, обдумавъ, сообразивъ всю тяжесть своего бѣдствія, Делоне заставляетъ Артура—только уѣхать немедленно изъ Парижа, вмѣстѣ съ женою: онъ жертвуетъ своимъ мщеніемъ и честью, оставляетъ въ живыхъ отца своего внука, мужа своей дочери, онъ извиняется даже передъ нимъ, онъ хочетъ одинъ перенесть всю горесть, весь стыдъ, все сжать на своемъ сердцѣ, разстаться съ Терезою, не говоря и ей ни слова. Но Тереза Итальянка: Артуръ и жена его уѣзжаютъ, Тереза отравляетъ себя ядомъ.

Таково содержаніе *Терезы*. Мы не говорили о множествѣ вводныхъ частей, на примѣръ: о *Паоло*, Итальянцѣ, страстно влюбленномъ въ Терезу, видѣвшемъ въ ней какое-то небесное созданіе, не

Digitized by Google

смѣвшемъ думать о соотвѣтствіи своей страсти. Паоло идетъ въ слуги къ Терезѣ, и не переживаетъ ея. Онъ дѣлится съ нею ядомъ, и закалается кинжаломъ, который оставилъ для себя при раздѣлѣ.

Краткое изложеніе наше показываетъ основную идею драмы Дюмаса, и, кажется, можетъ подтвердить мнѣніе наше о Дюмасѣ и драмѣ его.

Именно: Тереза есть доказательство, какъ, при новыхъ средствахъ Драмы, и небольшое дарованіе можетъ произвесть сильное впечатлѣніе на зрителей. Пьеса Дюмаса только очеркнута, только обозначена слегка, и это совсѣмъ не геніяльный очеркъ; все въ ней безъ порядка, многое излишне, многое недостаточно; но и по этому вы понимаете, какъ превосходенъ инструментъ, на которомъ играетъ Дюмасъ, дерзкій, смѣлый, но не великій артистъ. *Тереза* его похожа на драшу денегъ, сдѣланную наслѣдникомъ богача: расходъ безпутенъ и безразсуденъ; но цѣнность его, и количество истраченныхъ суммъ, показываютъ богатство безразсуднаго мота.

Мы до сихъ поръ ничего еще не говорили въ Телеграфѣ *о Французскомъ Московскомъ Театрѣ*. Не отличаясь большими дарованіями, Французскіе акгёры Московскаго Театра достойны совершенной похвалы за тщательность, съ какою входятъ въ свои роли, изучаютъ ихъ и разыгрываютъ, и за выборъ пьесъ, благоразумно приспособленный къ средствамъ, какими они обладаютъ. Вы не увидите на аффишкѣ ихъ *Гамлета*, *Отелло*—за то вы не будете и проклинать ихъ, видя, какъ уродуютъ эти великія созданія. У Русскихъ артистовъ часто

Digitized by Google

идетъ это на оборотъ. Французская Московская труппа имѣетъ неоспоримое преимущество передъ Русскою въ *общности*, какую составляетъ она. Мы желали-бы также, чтобы Русскіе наши артисты поучились превосходной общности и въ самой игрѣ Французовъ. Смотря на нихъ, вы видите, что это не отдѣльные старатели, изъ которыхъ каждый думаетъ только о себѣ, говоритъ, когда дойдетъ до него очередь, а прежде и послѣ рѣчи своей забываетъ, что онъ на сценѣ, и что надобно играть, а не говорить только свою роль передъ зрителями, и то еще прислушиваясь къ суфлёру. Всѣ почти актеры и актрисы Русскіе играютъ на удачу. Этимъ недостаткомъ можемъ мы упрекнуть даже лучшихъ нашихъ артистовъ, дарованія коихъ неподвержены никакому сомнѣнію.

Отдадимъ полную справедливость, что Тереза была поставлена и сыграна превосходно. Замѣчательно, что и публика умѣла оцѣнить всѣ малѣйшія достоинства игры актеровъ, и самой пьесы. Это и не диво: шумнаго хлопателя, Русскаго райка не было, и не откуда было вырываться нелѣпому смѣху и нелѣпымъ одобреніямъ. Роль Барона Делоне выполнена была Г-мъ Вальнеромъ отлично. Онъ совершенно вошелъ въ положеніе этого несчастнаго отца, обманутаго мужа, оскорбленнаго во глубинѣ души человѣка, и, не смотря на трудность странной своей роли, въ которой всего легче ему было впасть въ смѣшное, онъ поддержалъ благородство ея съ начала до конца, не былъ забавнымъ старикомъ въ нѣжныхъ объясненіяхъ съ Терезою, и разсерженнымъ ротоносцемъ въ сценахъ ревности и

Digitized by Google

бѣшенства. Напрошивъ, четвертый и пятый актъ, ссора его съ Аршуромъ, и чувства стараго Наполеоновскаго служиваго, были всего лучше поняты и выражены. Слова: peu d'hommes arrivaient au but de la route sanglante que nous tracions à travers l'Europe: c'était de longues et meurtrières batailles que celles de Napoléon!.. Il tomba, и проч.; также слова его въ упрекъ Аршуру, отецъ котораго погибъ въ Вандейскомъ междоусобіи: Son père se battait pour un homme, moi pour la France—Г-нъ Вальтеръ произносилъ отъ души.—Г-жа Дюпаркъ, въ роли дочери Делоне, играла мило и просто. Можно-бы требовать гораздо болѣе отъ Г-жи Констансъ (*Тереза*), но мы извиняемъ ее за трудность роли. Роль Альфреда, впрочемъ довольно пустая и жалкая, кажется, требовала болѣе рѣшительности и огня, нежели мы видѣли у Г-на Беркура.

О водевилѣ говорить много нечего: это была карикатура, шалость, забавная шутка. Довольно съ насъ. Г-нъ Герве, въ роли табачника, стараго сплетчика и болтуна, невольно заставлялъ насъ смѣяться. Впрочемъ, водевильная шутка стихія Француза, какъ буффонада стихія Итальянца, и неужели судить строго бездѣлку, которая является на минуту, смѣшитъ васъ, не требуя за это даже и двухъ-часоваго безсмертія. Такъ пишутъ, такъ и играютъ водевили во Франціи. Только на Русской сценѣ водевиль дѣло нешуточное, и продолжается цѣлыми годами, или, какъ говоритъ Репетиловъ,

Водевиль есть вещь, а прочее все гиль!

Digitized by Google

СМѢСЬ.

— *Изъясненіе картинки.* — Францъ Снидерсъ, или Снейдерсъ, а по мнѣнію нѣкоторыхъ Сніерсъ, одинъ изъ славнѣйшихъ живописцевъ для изображенія животныхъ, родился въ Аншверпенѣ, въ 1579 году; умеръ въ 1657-мъ. Сначала онъ писалъ плоды, былъ ученикомъ Генр. Фанъ-Балена, и долго работалъ вмѣстѣ съ Рубенсомъ, который умѣлъ цѣнить его. Есть многія картины его, съ фигурами Рубенса и другихъ живописцевъ, и въ нихъ трудно отличить разныя кисти. Филиппъ III-й, Испанскій, увидѣвъ оленью травлю, картину Снейдерса, заказалъ ему разныя картины въ этомъ родѣ; Эрцъ-Герцогъ Альбертъ, бывшій Штатгалтеромъ Нидерландовъ, сдѣлалъ его своимъ первымъ живописцемъ. Такъ обыкновенны были случаи жизни этого необыкновеннаго человѣка!

Снейдерсъ отличается удивительною силою и вѣрностью въ живописи звѣрей. Онъ умѣлъ давать имъ характеры и рѣзко изображать ихъ въ различныхъ случаяхъ. Иной сказалъ-бы, что Снейдерсъ вывелъ цѣлый міръ животныхъ и подмѣтилъ въ нихъ страсти, порывы и слабости. Разнообразіе и многочисленность его произведеній сего рода изумительны. У насъ въ Россіи много встрѣтите вы картинъ Снейдерса въ Эрмитажѣ и въ частныхъ собраніяхъ. Есть одна или двѣ

Digitized by Google

картины его въ подмосковномъ селѣ Графа Шереметева, Останковѣ. Очеркъ, представляемый нами при сей книжкѣ, взятъ съ одной изъ лучшихъ картинъ его; онъ изображаетъ *медвѣжью травлю*. Это сама природа! Такъ истинны и вѣрны фигуры звѣрей. Картина сія была сначала въ Венеціи, и черезъ нѣсколько рукъ дошла за великую сумму къ Лорду Гросвенору, у котораго находится и нынѣ. Ширина ея 10 футовъ 3 дюйма; вышина 6 ф. 3 д. — Не ищите тутъ поэзіи: это непринадлежность животнаго міра; но подивитесь искуству живописца, перваго въ своемъ родѣ.

— *Разныя извѣстія и замѣчанія.* — Цицеронъ называетъ память сокровищницей наукъ, Монтань шкатулкой ума. Вотъ нѣкоторые примѣры рѣдкой памяти: *Сципіонъ* могъ назвать каждаго Римскаго гражданина по имени; *Цинеасъ* помнилъ имена всѣхъ Римскихъ Сенаторовъ и множества воиновъ; *Митридатъ* выучился языкамъ двадцати двухъ народовъ, и хвалился, что никогда не имѣетъ надобности въ переводчикѣ; *Клеопатра*, по свидѣтельству Плутарха, знала всѣ нарѣчія ближняго Востока; *Сенека* безъ ошибки повторялъ двѣ тысячи сказанныхъ ему именъ, въ томъ порядкѣ, въ какомъ произносили ихъ передъ нимъ, и прочитывалъ двѣсти стиховъ, услышанныхъ имъ одинъ разъ; *Скалигеръ* выучилъ, въ три недѣли, наизусть *Иліаду* и *Одиссею*. Впрочемъ, всѣ сіи примѣры мы знаемъ по преданіямъ, и въ нихъ можно было-бы усомниться, если-бы и въ наше вре-

Digitized by Google

мя не было феноменовъ памяти, еще болѣе изумительныхъ: *Меццофанти* знаетъ около семидесяти языковъ и нарѣчій, такъ что говоритъ на оныхъ; *Бертье*, извѣстный Начальникъ Штаба Наполеонова, помнилъ расположеніе и состояніе всѣхъ полковъ и частей войскъ Французскихъ, помнилъ число солдатъ въ каждомъ полку, состояніе магазиновъ и арсеналовъ, и за одно это Наполеонъ, во многомъ недовольный своимъ Начальникомъ Штаба, держалъ его при себѣ и называлъ *ходячею Статистикою*. Самъ Наполеонъ имѣлъ память изумительную: на островѣ Св. Елены повторялъ онъ наизусть цѣлыя страницы изъ книгъ, читанныхъ имъ въ молодости, писалъ свои *Записки* съ памяти, не оставляя много работы крохоборамъ, а во время своего могущества рѣдко забывалъ видѣнное имъ одинъ разъ лицо или мѣстоположеніе. « Много памяти, мало разсудка, » говоритъ старинная пословица. Справедливо-ли — можно судить по приведеннымъ нами примѣрамъ.

Вотъ странный патріотизмъ: одинъ богатый Сѣверо-Американецъ, Эрикъ-Вернеръ, объявилъ въ Журналѣ The North-American Advertiser, что онъ отдастъ свою руку и пятьдесятъ тысячь фунтовъ стерлинговъ дохода... автору (разумѣется женскаго рода)... автору лучшей поэмы на независимость Америки. Поэма должна быть въ двадцати четырехъ пѣсняхъ, въ стихахъ. Награда будетъ присуждена черезъ десять лѣтъ, обществомъ литтераторовъ, въ Нью-Іоркѣ, въ Конторѣ означеннаго Журнала, въ улицѣ Norfolk-Street, подъ N° 12.

Digitized by Google

Іеремія Бентамъ, знаменитый политическій писатель, скончавшійся въ нынѣшнемъ году, въ Лондонѣ, осьмидесяти пяти лѣтъ отъ роду, желалъ, чтобы по смерти его, для пользы Анатоміи, трупъ его былъ непремѣнно подвергнутъ разъятію. Даже въ завѣщаніи своемъ, онъ предписалъ такія условія своимъ наслѣдникамъ, что они не могли оставить желанія его безъ исполненія. И дѣйствительно, трупъ Бентама былъ принесенъ въ аудиторію Доктора Соутвудъ-Смита, который, не вонзая еще въ него своего скалпеля, произнесъ краснорѣчивое слово о знаменитомъ писателѣ. Всѣ присутствовавшіе сняли шляпы и оставались такъ во все время разсѣченія трупа. Никогда лекція Профессора не была слушана съ такимъ вниманіемъ, и съ такимъ чувствомъ. — Бентамъ завѣщалъ кромѣ сего, чтобы разные персти съ его волосами, были разосланы къ нѣкоторымъ извѣстнымъ людямъ въ Англіи и въ другихъ государствахъ. Между прочимъ назначилъ онъ персти: Генералу Лафайету, Ж. Б. Сею, и Феликсу Бодену.

Антверпенъ, на который обращены теперь взоры всей Европы, находится при рѣкѣ Шельдѣ, и заключаетъ въ себѣ около 65 тысячъ жителей. Онъ богатъ воспоминаніями, столько-же какъ сокровищами Искусствъ и торговлею своею. Полагаютъ, что онъ былъ городомъ *Амбивритовъ*, о коихъ говоритъ Цезарь. Пережилъ опустошенія Нордманновъ, онъ не переставалъ процвѣтать до XVI столѣтія, и былъ въ сіе время однимъ изъ первѣйшихъ городовъ въ

Digitized by Google

Европѣ. Тогда Шельда бывала покрыта судами всѣхъ народовъ. Часто скоплялось ихъ около Антверпена до 2,500, и нѣкоторыя дожидались по недѣлѣ выхода въ море. Жителей въ городѣ было до 200,000. Ганза имѣла тамъ большіе склады товаровъ. Столь цвѣтущему городу былъ нанесенъ первый ударъ во время знаменитой осады онаго, въ 1585 году, подъ начальствомъ Принца Пармскаго. Вестфальскій миръ довершилъ упадокъ Антверпена. Старанія Іосифа II-го были безуспѣшны, и только по завоеваніи Нидерландовъ Французами началъ опять процвѣтать сей славный городъ. Въ 1814-мъ году осаждали его Англичане и Саксонцы, а защищалъ Карно, который и сдалъ городъ Французскому Принцу, а не войскамъ непріятельскимъ. Наполеонъ сдѣлалъ много для Антверпена: улучшилъ гавань, устроилъ новые каналы, воздвигъ великолѣпныя зданія. Впрочемъ Антверпенъ гордится и зданіями старинными; таковы: биржа, старѣйшая въ Европѣ, Ратгаузъ, и Соборная церковь, одно изъ прекраснѣйшихъ Готическихъ зданій, имѣющее 500 футовъ въ длину, 230 въ ширину и 466 въ вышину; сводъ онаго поддерживается 125 столбами, образующими 230 арокъ. Множество учебныхъ и ученыхъ заведеній, фабрикъ, мануфактуръ и проч., дѣлаютъ Антверпенъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ городовъ въ Европѣ. По крайней мѣрѣ таковъ былъ онъ въ началѣ 1830 года. Теперь, вѣроятно, перемѣнилось многое. Крѣпость Антверпенская почитается одною изъ самыхъ неприступныхъ.

Digitized by Google

КАМЕРЪ-ОБСКУРА.

№ 16.

МѢЛКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ,

ШАРЛАТАНСТВО И ДИКОВИНКИ МОСКОВСКІЯ.

(Окончаніе).

Таковъ обширный, всеобъемлющій міръ мѣлкой промышленности, подставка крупной, оптовой, составляющій собою огромную, шумную дѣятельность Москвы!

Но, скажутъ читатели, вы показали намъ многое, но все это *промышленность*, все это *работаетъ*, трудится, брѣетъ, точитъ, шьетъ, женитъ, хоронитъ, поитъ, кормитъ. Покажите намъ *шарлатанство* и *диковинки*.

Да, не ужели во всемъ томъ, что мы успѣли обглядѣть, все *трудится*, и *добываетъ хлѣбъ въ потѣ лица*? ММ. ГГ., извольте оглянуться назадъ и подумать: въ мірѣ мѣлкой промышленности и торговли, нами описанномъ, многіе надобно отнести къ *промышленности и тор-*

Digitized by Google

говлѣ-собственно, и сколько къ *шарлатанству?* Но, вы требуете чистаго, безпримѣснаго шарлатанства — надобно условиться въ словахъ, ММ. ГГ., и потóмъ будетъ легче отвѣчать.

Все то, что разыгрываетъ свою спекуляцію болѣе на прихоти, на шалости человѣка, на удовлетвореніи его страстей, слабостей, нежели на пользѣ, какъ вы назовете все это? Промышленностью, или шарлатанствомъ? Сваха, которая, не думая о будущемъ счастьѣ жениха и невѣсты, таскаетъ по домамъ длинные реэстры приданаго, и служитъ поводомъ къ заключенію супружествъ, похожихъ на житье кошки съ собакою; женихъ, никогда не видавшій своей суженой, не спрашивающій, есть-ли у нея голова и сердце, а только есть-ли у нея придача къ ея пѣлу; машушка почтенная, не заботившаяся о душѣ христіанской, заключенной въ пѣло ея дочки, и думавшая только о томъ, какъ набить ея сундуки, и составить блестящую роспись приданаго; лекарь, увѣренный въ томъ, что его наука состоитъ изъ невѣрныхъ опытовъ и замѣтокъ, не смотря на то съ важностью пріѣзжающій къ больному, задумчиво щупающій ему пульсъ, ругающій своихъ товарищей, прописывающій гранами и долями всякую гадость, и размѣряющій часами пріемовъ время, которое надобно ему промаячить до блаженной кончины больнаго; учитель, который ничего самъ не

Digitized by Google

знаетъ, а что зналъ прежде, то забылъ, который учитъ не для того чтобы знали, а чтобы просидѣть ему положенный часъ съ дитятемъ, и взять за это билетъ; папенька, который видитъ пустоту всего этого, и по пальцамъ можетъ разчесть, что учителю сына его, при 10-ти урокахъ въ день, поѣсть нѣкогда, а не только учить, или приготовиться къ ученью; Авторъ, кропающій водевиль, или перзающій милое произведеніе Скриба, вставляющій въ него множество плоскихъ двусмысленностей для райка, на колѣняхъ вымаливающій принятія на сцену этого вздорнаго рукодѣлья, подкупающій хлопателей, и безстыдно вызываемый и выходящій предъ публику, и — все это ради нѣсколькихъ рублей, ради обѣда или ужина; другой, открывшій торговлю изъ своего жалкаго пачканья, и презрѣннымъ торгомъ унижающій великое званіе писателя до поклоновъ безграмотному книгопродавцу, до цѣны, которой едва достаетъ у него на переписку его измаранныхъ тетрадей — какъ вы все это, и пысячу подобнаго назовете, ММ. ГГ.? *Шарлатанствомъ*? По моему, все это просто *промышленность*. Разница невелика между всѣми этими людьми, и поваромъ, который не кормитъ васъ на здоровье, а окармливаетъ, производителемъ дорогой бронзы, драгоцѣннаго фарфора, зефирной кисеи, погребщикомъ, ювелиромъ, выманивающи-

Digitized by Google

ми у васъ деньги хитрыми выдумками, сладкими лакомствами и блестящими бездѣлками. Вы заспорите, что эти люди трудятся, и берутъ не даромъ, но за трудъ, съ лица. Очень хорошо; но развѣ лекарь, сваха, учитель, пачкунъ бумаги, не трудятся? Развѣ они даромъ и насильно берутъ? Да, знаете-ли вы, ММ. ГГ., что легче иному мужичку вспахать двѣ добрыя десятины, нежели иной матушкѣ выдать дочку свою за мужъ; легче иному мяснику убить быка, нежели иному лекарю спровадить упрямаго больнаго на тотъ свѣтъ? Все зависитъ отъ разности формъ. Что можетъ быть очаровательнѣе Музыки? Но, спросите у бѣднаго Музыкальнаго учителя: чего стоило ему пріобрѣсти искуство производить эти плѣняющіе васъ звуки, и каково ему давать уроки безтолковымъ ученикамъ! Фильдъ просто бѣсился и бивалъ учениковъ своихъ по пальцамъ: такова легко ему бывало гармонировать души и пальцы учениковъ своихъ! То-же скажетъ вамъ учитель Рисованья, зѣвающій по цѣлымъ часамъ, пока ученики его уродуютъ прекрасныя формы Рафаэля и Корреджіо. А легкая работа учить танцовать? Да, это настоящая пытка, и рѣдкій танцмейстеръ не сходитъ въ могилу ранѣе срока, положеннаго ему судьбою. — И между тѣмъ, какой дровосѣкъ, мостовщикъ, дрягиль, кряхтя за работою, не скажетъ вамъ, что му-

Digitized by Google

зыкантъ, живописецъ, танцовщикъ добываютъ деньги легкимъ трудомъ? Давно сказано, что перо тяжеле обуха. Портной сидитъ цѣлый день на мѣстѣ, и только шевелитъ иголкою, а разнощикъ цѣлый день ходитъ, и таскаетъ два пуда тяжести; золотыхъ дѣлъ мастеръ спокойно раздуваетъ свою лампадку, и паяетъ серебро и золото, а извощикъ цѣлый день въ движеніи, какъ быкъ добрый, ворочаетъ коробья и сундуки. Но—кому легче? Видите-ли, ММ. ГГ., какъ нелегко различить тяжесть и мѣру труда! Обратимся къ другому. Въ старые годы—теперь уже этого нѣтъ, и потому, прошу не прилагать словъ моихъ къ настоящему — въ старые годы, а не теперь — повторяю—бывали въ Москвѣ слѣдующіе примѣры:

1. Человѣкъ живетъ пышно, великолѣпно, нанимаетъ прекрасный домъ, богатый экипажъ, ѣздитъ въ гости, у него всегда гости: это карточный игрокъ *на вѣрную*; другой также всегда даетъ пиры, балы, обѣды, завтраки: къ нему собираются играть въ карты, и онъ живетъ долею, какую даютъ ему игроки, чтобы въ домѣ его имѣть мѣсто собранія и обирать несчастныхъ жертвъ.

2. Купецъ имѣетъ прекрасный погребъ, торгуетъ на огромный капиталъ. И что-же? Онъ мастеръ подваривать малагу изъ Лиссабонскаго

Digitized by Google

вина, дѣлаетъ мадеру изъ виннаго спирта съ вейндегравомъ, творитъ Ямайскій ромъ изъ Кизлярской водки; другой просто варитъ грушевку и яблоновку, и создаетъ полу-Шампанское; третій раздѣлываетъ ящики съ Китайскимъ чаемъ, мастерски засушиваетъ березовые листья, вѣниками разбавляетъ Китайское произведеніе, и продаетъ потомъ, искусно спаявши свинецъ, и сколотивши Китайскій ящикъ.

3. Изучивъ всѣ закоулки и кривизны Юстиціи, человѣкъ дѣлаетъ себѣ изъ этого ремесло, ходитъ по дѣламъ, иногда за двухъ тяжущихся въ одно время, участвуетъ въ двадцати конкурсахъ, обираетъ, и должниковъ, и кредиторовъ, умѣетъ успокоить совѣсть судьи, побѣдитъ скромность повытчика, обстричь золотыми ножницами когти секретаря, кстати напоитъ и накормитъ алчущіе желудки приказныхъ.

4. Съ утра до вечера занятъ дѣлами человѣкъ — это лекарь, хирургъ: онъ обпачиваетъ ногти боярамъ, спиливаетъ имъ мозоли, вставляетъ фальшивые зубы, возвращаетъ румянецъ блѣднымъ щекамъ, волосы плѣшивымъ головамъ.

5. Чудны дѣла этого человѣка: онъ всемірный услужникъ. Одному сыскиваетъ денегъ на

Digitized by Google

промотанное имѣніе; другому нанимаетъ мошенника управителя, и идетъ въ дѣлежъ съ нимъ; третьему скупаетъ векселя его по 25 коп. за рубль; четвертаго рекомендуетъ судьѣ, зная неправоту дѣла; пятому сбываетъ за безцѣнокъ его каршины; шестому продаетъ ихъ ошъ себя въ при-дорога.

Какъ назвали-бы вы, ММ. ГГ., занятія всѣхъ этихъ людей? *Мошенничествомъ*? Но, если всѣ эти люди въ почетѣ и уваженіи между честными людьми; если имъ вездѣ рады, вездѣ ихъ принимаютъ, угощаютъ; если они успѣваютъ скоплять деньги, строить и покупать домы, женятся потомъ, и за нихъ отдаютъ изъ лучшаго семейства, красавицу, и съ большою придачею, если эти люди гоцовы стрѣляться съ вами за малѣйшее грубое слово, и всегда перебѣгутъ у васъ дорогу, и въ залѣ вельможи, и за столомъ богача, и даже въ будуарѣ красавицы — какое имѣете вы право назвать ихъ мошенниками? Мошенникъ тотъ, ММ. ГГ., кто крадетъ коцѣйку, обыгрываетъ въ шракширѣ на сотню рублей, обманываетъ на двѣсти рублей, вытаскиваетъ платокъ изъ кармана, или крадетъ у васъ бездѣлку. — Но кто крадетъ мильонъ, обыгрываетъ на поль-мильона, подкупаетъ совѣсть судьи 25-ю тысячами, обманываетъ на сто тысячъ, вытаскиваетъ родовую

Digitized by Google

деревню, и съ лица крадетъ у васъ, шакъ или сякъ, на сотню тысячъ — тотъ не только *не мошенникъ*, но и *не шарлатанъ*.

Читатели удивятся, почему, обѣщавши сначала показать имъ *третій этажъ промышленности* — шарлатанство, я начинаю отстаивать шарлатановъ, и причисляю ихъ къ народу промышленному, трудящемуся? Отъ того, ММ. ГГ., что по зрѣломъ размышленіи мнѣ шакъ начинаетъ казаться, и я вовсе не могу обозначить предѣла между шарлатанствомъ и промышленностью. При томъ — опытъ, этотъ великій учитель, страшитъ меня, и я трепещу за людей, если дерзкою рукою осмѣлюсь сорвать съ нихъ маску... ММ. ГГ., какъ вы думаете: *не разсердить-бы гусей?*..

Ну! великіе шарлатаны всѣхъ родовъ, вы огромные спекулянты на честь, совѣсть и карманъ ближняго, вы ловкіе аферисты, разъѣзжающіе въ каретахъ и коляскахъ, живущіе въ чертогахъ, и.... будьте спокойны: я не трону васъ, когда васъ не трогаютъ другіе люди, и ваша собственная совѣсть только муслитъ васъ, а не кусаетъ!

Послѣ этого, совѣстно мнѣ трогать васъ, дрожжи Человѣчества, пыль и прахъ общественнаго устройства, и безъ того попираемая ногами

ми знати и богачей, мелкіе шарлатаны, спекулянты и аферисты на рубли и копейки! Если надобно вызывать порокъ на дуэль, то надобно вызывать порокъ гордый, знаменитый; если хочется вамъ дать щелчокъ, то дайте его, не бѣдняку, и безъ того избитому судьбою и людьми, но пустите его на гладкую щеку того, кто не боится грома небеснаго и вопля человѣческаго.....

Поговоримъ лучше о *диковинкахъ* Московскихъ. И на это не достанетъ бумаги, которую въ годъ выдѣлаетъ фабрика Усачева.

Въ Москвѣ найдете тысячи людей, которые никакого художества за плечами не имѣютъ, ничего не дѣлаютъ, ни перомъ, ни пилою, ни заступомъ, ни удою. Одинъ изъ такихъ людей встаетъ по утру, надѣваетъ лоскутья и рубища, идетъ къ окну перваго дома, употребляетъ во зло милосердіе и вѣру ближняго, выпрашиваетъ у него именемъ Христа грошъ, идетъ къ другому окну, собираетъ гривны двѣ, три, обѣдаетъ на улицѣ шухлою печенкою, напивается потомъ въ кабакѣ, и идетъ вечеромъ въ убѣжище, гдѣ сотни подобныхъ ему бродягъ собираются ночевать, плата ежедневно за ночлегъ съ головы, и — день прошелъ, а завтра будетъ тоже! Цѣлое семейство ходитъ иногда такимъ образомъ, и чѣмъ отвратительнѣе ихъ

Digitized by Google

рубища, чѣмъ уродливѣе они сами — тѣмъ прибыльнѣе для нихъ. Иной встаетъ по утру, надѣваетъ изношенный фракъ, беретъ извощика, и ѣздитъ изъ дома въ домъ; въ каждомъ подаетъ онъ письмо на имя хозяина, гдѣ восхваляетъ его добродѣтель и милосердіе. Неопытный даетъ онъ этому бродягѣ рубль серебра, пятирублевую ассигнацію, но онъ не откажется и отъ гривны. Къ вечеру возвращается онъ въ уголъ свой, гдѣ нибудь на чердакѣ, или въ подвалѣ, жилище нищеты, отгороженное ветхими ширмами, сытый и пьяный, заготовляетъ снова письма, и на завтра отправляется вновь ѣздить по Москвѣ. Женщины такого рода называются *салопницами*, потому, что обыкновенно таскаются въ изношенныхъ салопахъ, и нерѣдко безъ рубашки. — Есть многіе бродяги, выучившіе разныя поговорки, прибаушки, стихи, проповѣди: они обыкновенно ходятъ по рядамъ и забавляютъ купцовъ. Другіе притворяются, что не терпятъ какого нибудь слова, какого нибудь движенія, свиста, названія. Только что является такая каналья, со всѣхъ сторонъ раздается крикъ, шумъ, свистъ, слово, котораго онъ не терпитъ: *мокрая курица*, *рѣпу съѣлъ*, *икры объѣлся*, *волчьи ноги*, *куриній носъ!* И плутъ притворяется разсерженнымъ, бѣгаетъ, гонится, кричитъ, бранится, падаетъ; какъ не дашь ему гроша послѣ этого? А для привлеченія

Digitized by Google

другихъ такой человѣкъ золото. Цѣловальникъ, шракширщикъ, всегда даромъ напоятъ и накормятъ его. Противоположность этимъ весельчакамъ составляютъ плуты съ постною рожею, порядочно одѣтые, благопристойные: они вѣчно плачутъ, и собираютъ на похороны, на погребеніе небывалыхъ дѣтей, женъ, матерей своихъ. — Все это называется *нищими*; но тутъ тысячи подраздѣленій: есть нищіе, живущіе по барски, въ большихъ домахъ, есть живущіе въ подвалахъ и подклѣтахъ, ходящіе во фракахъ и въ лохмотьяхъ, и тщетно желаніе истребить ихъ! Говорите послѣ того, что люди жестокосерды, немилосерды, желѣзносерды; на чемъ основывается эта Московская диковинка, *нищіе*, если не на желаніи пособить ближнему чѣмъ можно?

До сихъ поръ въ Москвѣ не вывелись люди, на которыхъ не поскупился красками своей фантазіи Шекспиръ, которые прежде составляли при Дворахъ особенное званіе, а нынѣ не имѣютъ тамъ никакого гласнаго званія, отправляя должность свою мимоходомъ. Мы говоримъ о *шутахъ*, *записныхъ дуракахъ* и *дурахъ*. Въ Москвѣ есть они во всѣхъ званіяхъ, всякаго манера. Есть шуты бѣдные купцы, горькіе аристисши, пьяницы ученые, безъ которыхъ не совершается веселая купеческая пирушка; есть

Digitized by Google

шуты боярскіе, которымъ позволяется говорить всякому правду, и ругать всякаго. Многіе шуты осталисъ донынѣ въ памяти народной: всѣ помнятъ шута, ходившаго по улицѣ, въ красномъ мундирѣ, съ большимъ пучкомъ, въ прическѣ. Злой шутъ и дуракъ, желавшій зла цѣлому міру, и забавлявшій всѣхъ своими проказніями, также памятенъ. Дама, въ чепчикѣ съ цвѣтами, не терпѣвшая голубаго цвѣта, составляла забаву многихъ. Наконецъ и теперь найдете шутовъ поющихъ пѣтухомъ, ходящихъ зимою босыми ногами, бывавшихъ въ Іерусалимѣ, юродивыхъ, причудниковъ, ворожей, колдуновъ, обморочивателей. За тайну, тихонько, иному, что откръто не смѣютъ они дурачить православныхъ, вамъ откроютъ убѣжище гадальщицы каршами, ворожеи на бобахъ, на кофе, колдуна, заговаривающаго зубную боль, и проч. и проч.

Кулачные бойцы совершенно перевелись. Изрѣдка, гдѣ нибудь въ Рогожской, Русаки вспоминаютъ старину, но это жалкіе остатки знаменитыхъ боевъ. Гусиный бой также совсѣмъ вывелся. Но каждое Воскресенье, за Тверскою и Рогожскою заставами можете еще насладиться грызеньемъ собакъ и травлею звѣрей. Объ этихъ бояхъ объявляется, съ приложеніемъ лубочной каршинки, и надписью: *важатый черно-*

морской дикой быкъ и свирѣпѣйшій медвѣдь Стеѓало. Громко описываютъ послѣ того, что «быкъ, нарочно приведенный изъ степей, и оппробованный уже здѣсь напускомъ на большаго и злобнаго медвѣдя, люпостію своею равняющійся разъяренному льву, будетъ сражаться съ ужаснымъ медвѣдемъ Стеѓалою и лихою Макридою, нарочно приготовленными и оголодалыми, кои будутъ вмѣстѣ пущены на полной свободѣ. А прежде правли быка, собаки извѣстнаго охотника Шелканова пустятся на медвѣдя Великана, и будетъ держано пари 200 рублей»... Въ заключеніе увѣряютъ, что надѣются посѣщенія и удовольствія почтеннѣйшей публики!...

Особые домы въ Москвѣ занимаетъ колонія Цыганскихъ пѣвуновъ и плясуновъ. Гумбольдтъ дивился этимъ бѣшенымъ Эѳіопамъ, ихъ дикому воплю радости, ихъ восторгу пляски.

Каждую осень начинаются, и продолжаются всю зиму, привозы въ Москву рѣдкостей со всего свѣта. Стѣны многихъ домовъ на Тверской закрываются въ это время огромными олспинами, съ изображеніями диковинокъ. Здѣсь показываютъ вамъ общипанныя восковыя статуи; тамъ тощихъ, полуиздохшихъ змѣй, рѣдкихъ птицъ, альбиноса, дикую Королеву, Космораму, Панораму, Діораму, Изидинъ

Digitized by Google

храмъ, Китайскія тѣни, Фантасмагорію, чревовѣщателя, ѣдуна огня, нестараемаго человѣка, глотателя ядовъ, ученика Пинетти; въ другомъ мѣстѣ скачутъ на лошадяхъ, проскакиваютъ сквозь бочки, перекидываютъ шары, кинжалы, топоры, ходятъ вверхъ ногами, подымаютъ зубомъ лѣстницу, обѣдаютъ на проволокѣ, пальцомъ ставятъ на спину сороковую бочку. Каждая диковинка возвѣщается громкимъ объявленіемъ, и цѣна назначается по пяти рублей съ человѣка.

Но, какъ такого дива нѣтъ,
Къ которому не приглядѣлся-бъ свѣтъ,

то и каждое диво привозное дешевѣетъ постепенно, и наконецъ пяти-рублевое можете видѣть за гривенникъ, въ балаганѣ подъ Новинскимъ.

Пора кончить: не спану описывать вамъ Новинскаго — этого раздолья диковинокъ, рѣдкостей, чудесъ. Кто не знаетъ, что иногда цѣлую Свѣтлую недѣлю, вся Москва сходится тамъ, гуляетъ, ѣздитъ вокругъ фигурныхъ балагановъ, съ цвѣтными значками, пестрыми стѣнами. Тамъ увидите вы восковаго Наполеона, и барабанщика его, который бьетъ вдругъ въ 40 барабановъ, звѣринцы и арлекина, ѣдуна огня и полишинеля, Цыганскихъ плясуновъ и Русскихъ пѣсельниковъ, качели и палатку съ верблюдомъ, кабакъ подъ

Digitized by Google

елкою и ресторацію Яра, съ фарфоромъ и бронзою, волшебный фонарь и живую картину модныхъ каррикатуръ. Это волшебный городокъ, выросшій изъ земли по манію волшебницы — мелкой промышленности!

Пройдетъ Свѣтлая, и — волшебный городокъ исчезаетъ. Диковинки развозятъ по городамъ и ярмаркамъ. Изрѣдка остается, или вновь появляется въ Москвѣ, какая нибудь общипанная косморама, или солнечный микроскопъ, или бѣдный прыгунъ на всревкѣ. И тотъ переходитъ за городъ, въ Марьину рощу, въ Петровское, въ Нѣмецкій клубъ, гдѣ можете увидѣть морскія сраженія на прудѣ, и цѣлые маскарады Бахуса, съ Силенами, Фавнами, Сатирами, и воздушный шаръ, къ которому до сихъ поръ не можетъ приглядѣться простонародье Русское, и фейерверки, съ бураками и ракетами.

Мѣстахъ въ десяти сходится лѣтомъ простой народъ, гулять въ назначенные дни. Тутъ приготовленій бываетъ немного: ставятъ кабакъ, качели, балаганъ безъ крыши. Простонародье собирается грызть орѣхи, ѣсть пряники, смотрѣть въ волшебный фонарь, хохотать на паяца, глазѣть на несчастнаго какого нибудь прыгуна, напиваться до пьяна зеленымъ виномъ, и орать во все горло пѣсни. Лѣтнія гуляныя совсѣмъ упали, съ тѣхъ поръ, какъ Москвичи начали выѣзжать на

Digitized by Google

лѣшнее житье за городъ. Еще и нынѣ щеголяютъ экипажами о Свѣтлой подъ Новинскимъ, перваго Мая въ Сокольникахъ; но подъ Дѣвичьимъ, у Воздвиженскаго, Андроньевскаго, Новоспасскаго, Симоновскаго монастырей, является только купечество и черные гуляки. Большой свѣтъ отказывается и отъ гуляньевъ въ Кремлевскомъ и Дворцовомъ саду. Шереметевыхъ, Орловыхъ нѣтъ уже въ Москвѣ, и только старики помнятъ, какъ вся Москва собиралась прежде, знатный и мужикъ, старый и малый, на даровое угощеніе Шереметева, на карусели, лошадиныя скачки и кулачные бои Орлова. На мѣстѣ Орловскаго манежа теперь строится больница; Останьково и Кусково разрушаются, и поросшіе тиною пруды ихъ сиротѣютъ при однообразномъ хорѣ лягушекъ. Маленькіе домики построены при загородныхъ домахъ бывалыхъ вельможъ; тамъ живутъ Москвичи лѣтомъ, и смиренно ходятъ гулять по тѣмъ дорожкамъ, гдѣ нѣкогда великолѣпные хозяева шли торжественно, угощая Царей, Царицъ, Королей и Принцевъ. Изрѣдка, какой нибудь случайный праздникъ оживляетъ однообразную тишину.

Кончимъ. Я показалъ вамъ, читатели, не всю картину, осмотрѣлъ съ вами не всѣ углы. Согласишесь-ли вы, что Москва только отлична характеристикою, но любопытна не менѣе Па-

Digitized by Google

рижа въ мѣлкой живописи нравовъ? Можете дополнить сами, чего не успѣлъ, не могъ, не хотѣлъ я вамъ сказывать. Иного сказать вамъ было и не льзя; другое высказать было-бы грустно. Таковъ человѣкъ, странное, *двуногое животное, безъ перьевъ*, какъ говаривалъ покойникъ Діогенъ. Соединеніе неба и земли, онъ можетъ порадовать насъ высокимъ наслажденіемъ, можетъ навести тоску и грусть, если взглянемъ на него съ противной стороны. Вступая въ міръ мѣлкой промышленности, шарлатанства и диковинокъ Московскихъ, мы скинули философскую епанчу, спрятали ее тщательно, и заняли платье у шутки и насмѣшки. Надѣнемъ теперь опять ветхій плащъ Философіи, и посмотримъ на то, что мы переглядѣли. Посмотримъ: велико-ли участіе нравственнаго бытія въ мірѣ мѣлкой промышленности; велико-ли участіе безсмертной души человѣческой въ этомъ пестромъ мірѣ вещественныхъ потребностей и нуждъ; глубоко-ли освѣщенъ онъ лучами образованности и просвѣщенія; досягаетъ-ли до него мысль о великомъ назначеніи человѣка? . . .

Какъ вы думаете обо всемъ этомъ, ММ. ГГ.?— Мнѣ кажется — лучше не думать объ этомъ. И безъ того, у всякаго изъ насъ столько заботъ, хлопотъ, попеченій: иной женится, другой разженивается, тотъ продаетъ, этотъ

Digitized by Google

покупаетъ, пятому просто недосугъ, потому, что онъ самъ не знаетъ за что взяться; иному нѣкогда, потому, что онъ за многое взялся.

Комедія кончилась, и занавѣсъ опускается. Добраго здоровья Московскому міру мѣлкой промышленности.

Digitized by Google

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ. (*)

Ayant l'intention de faire jeter un coup-d'œil sur une élégante réunion du matin, nous l'avons observée pour la décrire scrupuleusement.

La maîtresse de la maison avait une redingote de moire satinée dahlia ; le corsage, croisé à plis, était plat des épaules derrière. Elle portait un magnifique bonnet en point d'Angleterre, ayant sur le côté un nœud de gaze blanche ; au cou, une ruche de dentelle à six rangs montans.

On remarquait une redingote de satin noir ayant trois pélerines étagées, bordées d'un large ourlet ; la troisième ouvrant sur la poitrine. Un chapeau de moire bleue, doublé de velours noir. Une petite chaîne d'émail et or, formée de petites plaques oblongues, courtes, et larges seulement de deux lignes.

Une redingote de gros-de-Naples blanc, attachée devant par des pattes et des agrafes d'or faites comme des boucles de ceinture ; deux pélerines pareilles, ourlées ; un petit col double en blonde ; un chapeau en satin rose doublé de velours violet, ayant un bouquet de plumes roses posées tout-à-fait de côté; une très-petite chaîne d'or ; des gants blancs, des souliers de satin noir.

Une robe de gros de Tours gris foncé, à draperies croisées, demi-montante ; une guimpe de mousseline, bro-

(*) Въ Парижѣ до 25 Ноября (н. ст.)

Digitized by Google

dée, terminée par une ruche de dentelle; une capote de satin vert émeraude doublée de velours blanc; une écharpe de cachemire vert à bordure de palmettes.

Une robe de satin bois à double pélerine, dont l'une à pans, l'autre ronde, entr'ouverte sur la poitrine; une collerette en ruche de tulle de blonde; une capote de satin jaune soufre, couverte en crêpe pareil; une rose mousseuse était placée à côté du nœud.

Trois pélerines sont ce qu'il y a de meilleur gout pour une redingote de satin.

Желая подробно описать пышное утреннее собраніе (говоритъ Издатель Парижскаго Журнала Модъ), мы внимательно наблюдали его.

Хозяйка дома была въ реденготѣ изъ атласистой волнистой матеріи, цвѣта далія; у него лифъ спереди въ складкахъ на крестъ, спинка гладкая. На хозяйкѣ также былъ богатый чепчикъ изъ Англійскихъ кружевъ, съ банпомъ изъ бѣлаго газа; на шеѣ рюшъ изъ кружевъ въ шесть рядовъ, одинъ выше другаго.

Были замѣчательны наряды:

Черный атласный реденготъ, съ тремя, одна выше другой, пелеринками, украшенными широкимъ рубцомъ; третья пелеринка откроша на груди. Шляпа изъ голубой волнистой матеріи, подбитая чернымъ бархатомъ. Небольшая, изъ эмали и золота цѣпочка, составленная изъ маленькихъ, ко-

Digitized by Google

роткихъ и продолговатыхъ дощечекъ, не шире двухъ линій.

Реденготъ изъ бѣлаго гроденапля, застегнутый спереди лапками и пряжками золотыми, сдѣланными на подобіе пряжекъ для поясовъ; двѣ, изъ той-же матеріи, обрубленныя пелеринки; маленькій двойной блондовый ворошничекъ; розовая атласная шляпка, подбитая фіолетовымъ бархатомъ, и украшенная букетомъ розовыхъ перьевъ, приколотыхъ совсѣмъ на бокъ; очень маленькая золотая цѣпочка; бѣлыя перчатки; черные атласные башмаки.

Платье изъ гродетура темно-сѣраго цвѣта, съ драпировкой на крестъ; *гемпъ* (родъ манишки) кисейный, вышитый и оканчивающійся кружевнымъ рюшемъ; капотъ-шляпка атласная, зелено-изумруднаго цвѣта, подбитая бѣлымъ бархатомъ; шарфъ изъ зеленаго кашемира; узоръ каймы шарфа пальмовые листья.

Атласное платье древеснаго цвѣта, съ двумя пелеринами; одна изъ нихъ съ концами, другая круглая, открытая спереди; ворошничекъ изъ блондоваго шюля въ видѣ рюша; капотъ-шляпка атласная, цвѣта желто-сѣрнаго, покрытая такимъ-же крепомъ; мшистая роза приколота подлѣ банта.

Для атласнаго реденгота, три пелеринки лучшее и самое модное украшеніе.

Digitized by Google

На приложенной картинкѣ:

Дама. Капотъ-шляпка изъ полосатаго атласа. Гроденаплевый реденготъ; на немъ лапы и пелеринка вырѣзная.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

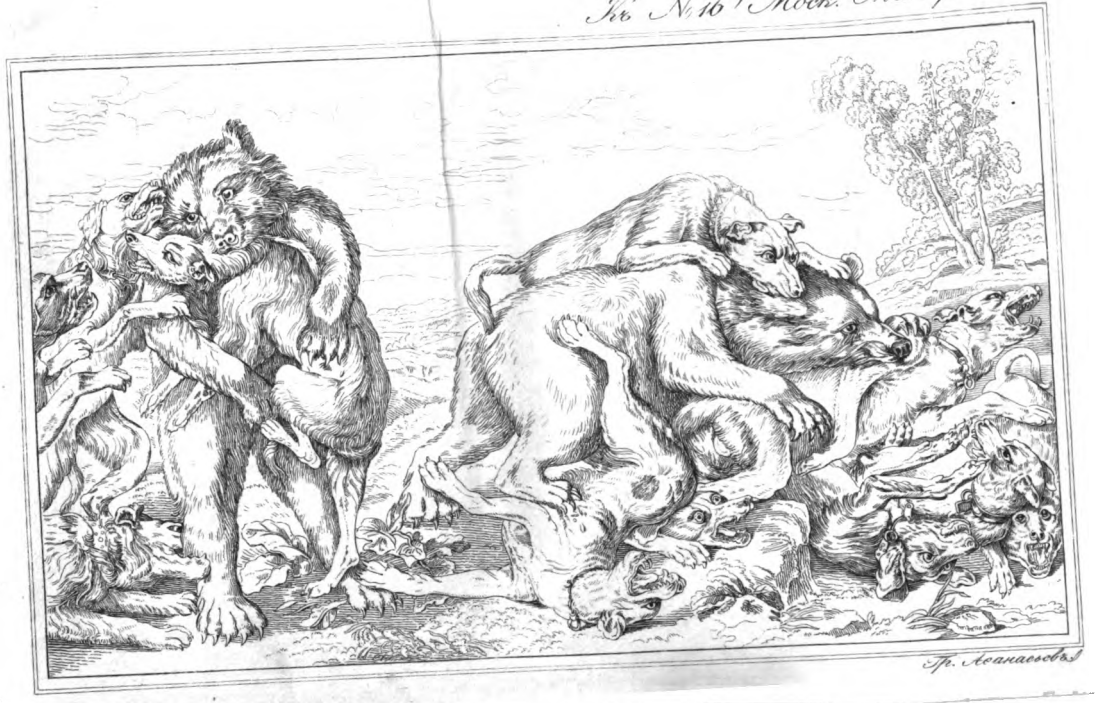
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Ноября 19 дня, 1832 года.

Цензоръ и Кавалеръ Н. Лазаревъ.

Въ типографіи Августа Семена.

Digitized by Google

Къ № 16 Моск. Телегр. 1832 г.



Гр. Аѳанасьевъ

Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ

XLVI-й Части.

Изслѣдованія о климатахъ Азіи, сдѣланныя Гумбольдтомъ, во время путешествія его по Сибири въ 1829 году.....3,137.
О системѣ наукъ, приличной дѣтскому возрасту (*новые отрывки*)..... 289
Объ Арзерумѣ, въ торговомъ отношеніи..... 463
Дополненіе къ статьѣ: О торговлѣ Россіи съ Персіею..... 485
Историческій и Статистическій взглядъ на послѣднее десятилѣтіе Турціи.....91,261,431
О продолженіи *Древней Русской Виваліотики*, и изданіи Русскихъ пѣсенъ..... 109
Жизнь и подвиги Монтіона. Сочиненіе Андрьё.....572

Андрей Шенье. Повѣсть, разсказанная Чернымъ Докторомъ. Изъ новаго романа Альфреда де Виньи: Стелло.....27,168,316,490

Украинскія Мелодіи. Соч. Ник. Маркевича..... 65
Путешествіе ко Святымъ мѣстамъ въ 1830 году. 2 части (*окончаніе*)..... 217
Сочиненія Державина. 4 тома. Изданіе Смирдина.....362,523

Современная Русская Библіографія.....77,236,399,556
Иностранная Литтература.....248,416
Русскій Театръ..... 116
Французскій Театръ въ Москвѣ..... 588
Смѣсь.....131,279,445,604

Digitized by Google

КАМЕРЪ-ОБСКУРА КНИГЪ И ЛЮДЕЙ No 13 ,14 ,15, 16
Мѣлкая промышленность, шарлатанство и диковинки Московскія.....263,293,311,331
Парижскія моды.

При сей Части Телеграфа находятся: два очерка съ картинъ Кидда и Снейдерса; два изображенія мебелей: экранъ-пюпитръ, и столикъ; шесть картинокъ Парижскихъ дамскихъ и мужскихъ модъ.

Digitized by Google

ОПЕЧАТКИ.

Просимъ читателей поправить слѣдующія, довольно важныя опечатки:

Въ N° 10 Моск. Телеграфа:

На стр. 219-й, вмѣсто: «при накаливаніи его *въ платиновомъ окислѣ*,» должно читать: «въ платиновомъ *тиглѣ*.»

Тамъ-же, немного ниже, вмѣсто: *елагены*, должно читать: *еланы*.

Въ N° 15-мъ:

На стр. 404-й, строка 7-я, вмѣсто: «Священникъ *Филаретъ*,» должно читать: «Священникъ *Филиппъ*.»

Digitized by Google

Digitized by Google

Къ № 16 Камеръ-Обскур. 1832.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Прибавленіе къ Московскому Телеграфу, № 16. *Камеръ-Обскура книгъ и людей.* Мѣлкая промышленность, шарлатанство и диковинки Московскія (*окончаніе*) — Парижскія моды.

При сей книжкѣ Телеграфа приложены: *Очеркъ съ картины Снейдерса* (Медвѣжья травля), *изображеніе столика, и картинка Парижскихъ дамскихъ модъ.*

Подписка на Московскій Телеграфъ 1833 года принимается *въ Москвѣ, въ Конторѣ Московскаго Телеграфа,* состоящей *у Тверскихъ воротъ, напротивъ Страстнаго монастыря, въ домѣ Г-на Римскаго-Корсакова.* Входъ въ Контору съ улицы. Цѣна: въ Москвѣ 40 рублей ассигнаціями, съ пересылкою во всѣ другіе города Россійской Имперіи 45 рублей ассигнаціями. Гг иногородные благоволятъ относиться въ Контору Телеграфа, или въ Газетную Экспедицію Императорскаго Московскаго Почтамта.

Digitized by Google